

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

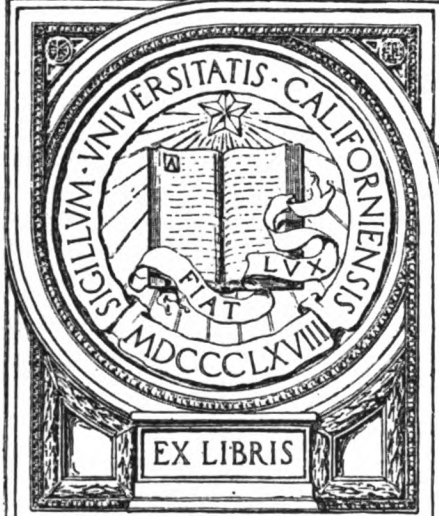
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

· FROM · THE · LIBRARY · OF ·
· PAUL · N · MILIUKOV ·

EX LIBRIS

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVII.

1894 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

70 1000
1000000000

DAI
K5
v.47

MILIUKOV LIBRARY

Дозволено цензурою. Київъ, 3 Октября 1894 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLVII, 1894 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

	СТР.
I. ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО. (<i>Продолженіе</i>) 1—19, 190—206	333—348
II. ЛЕГЕНДА О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЖИВОПИСЦѢ. Н. Ѳ. Сумцова.	20—24
III. БОГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ. (По школьнымъ воспоминаніямъ). П. Клебановскаго. (<i>Окончаніе</i>). 25—37, ...	271—278
IV. БАТУРИНЪ. (Изъ путевыхъ впечатлѣній). Н. Ш—ва.	38—47
V. ДѢТСКІЙ ЭДЕМЪ ДО ВКУШЕНІЯ ПЛОДА ОТЪ ДРЕВА ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА. (Изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика). М. Щ. (<i>Продолженіе</i>) 48—61, 279—295, ...	388—401
VI. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ. По I. Роле. А. Ефименко. (<i>Продолженіе</i>) 62—89	167—189
VII. ЧЕРНИГОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ НАЧАЛА 40-хъ ГОДОВЪ. Л. Рудановскаго.	90—110
VIII. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕТКИ.	111—135
IX. КУДОЯРОВА ПЕЩЕРА. (Разсказъ-преданіе). Сергѣя Брагилловскаго	207—241
X. КЪ ИСТОРИИ МАЛУРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ И МАЛУРУССКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ. Николая Василенка. 242—270	402—424
XI. ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛУРУССКОЙ СТАРИНЫ. Ал. Лазаревскаго.	348—387
XII. КЪ ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКИХЪ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ	425—444

- XIII. ПОСОЛЬСТВО ЯКОВА СМЯРОВСКАГО КЪ БОГДАНУ ХМЕЛЬНИЦКОМУ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ЗАМОСТЬЯ ВЪ 1648 ГОДУ. (По рукописнымъ источникамъ). . . . . 445—460
- XIV. ЮБИЛЕЙНОЕ ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ ГРИГОРІЯ САВВИЧА СКОВОРОДЫ ВЪ ХАРЬКОВѢ. . . . . 461—474
- XV. ОМЕЛЬЯНЪ ОГОНОВСКІЙ. (Некрологъ). . . . . 475—479
- XVI. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Посылка Малороссіянъ въ ледяной домъ. Е. К. б) Нѣсколько данныхъ о Боровиковскомъ. В. Горленна. в) Изъ литературной полемики В. И. Аскоченскаго. Сообщ. А. Лотоцнй. г) Іеремія Вишневецкій и козацкое землевладѣніе. Сообщилъ В. Щербина. д) Грамота Богдана Хмельницкаго относительно частнаго землевладѣнія. В. Щербины. е) Къ вопросу объ источникѣ водевила Котляревскаго: «Москаль-Чаривныкъ». Сообщ. Вл. Боцяновскій. ж) Изъ прошлой жизни Печерской Лавры. А. Л. з) Къ поминкамъ о Сковородѣ. А. Л. и) Опущенная въ печати страница изъ лѣтописи Грабянки. А. Л. і) Дневникъ гетманича Апостола А. Л. к) Первые шаги администраціи по открытіи намѣстничествъ. Сообщилъ А. Ковалевскій. л) Историко-статистическіе матеріалы, своевременно переданные въ Кіевскій Центральный Архивъ. О. Л. м) Къ біографіи гетмана Павла Тетери. О. Л. н) Полтавскій земскій музей. З. о) Фабрика фарфора Миклашевскаго. З. п) В. Я. Ломиковскій. р) Риторика двадцатыхъ годовъ въ Волинской семинаріи. Ѳ. Кудринскаго. с) Деревенская оргія. В. М. т) Къ воспоминаніямъ Іосифа Самчевскаго. Θεодора Уманца. у) Какъ баба замирала. В. Ястребова. ф) Нѣсколько заговоровъ. Сообщ. Сав. Линденбергъ. х) Разсказъ о вовкулакахъ. Сообщилъ Ив. Бѣньковскій. 136—155 296—311. . . . . 481—497
- XVII. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Одесскія юбилейныя изданія. В. Я. б) Д. И. Эварницкій. Иванъ Дмитріевичъ Сирко, славный кошевой атаманъ войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ А. С—а. в) Отчетъ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1893 г. В. Я. г) О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ. Н. П. Лихачова. В. Б. д) Учебный атласъ русской исторіи. Составилъ баронъ Н. Н. Торнау. W. е) Тридцатилѣтіе Керченской Александровской гимназіи. Краткая историческая записка, составленная преподавателемъ исторіи Хр. Хр. Зенкевичемъ. А. С. ж) Журнальное Обо-

зрѣніе за 1-ую половину 1894 года. з) Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. I (1802—1815 г.). Д. И. Багалъя. С. Р. и) Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Спѣлы. Томъ второй. Дневники раскопокъ 1887—1889 г.г. гр. Алексѣя Бобринскаго и о курганахъ звенигородскаго и роменскаго уѣздовъ. и) Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества. Томъ 93-й. В. Ястребова. к) Ab. Novelacque et. G. Hervé. Recherches ethno logiques sur le Morvan. (Extrait des Memoires de la Société d'Anthropologie de Paris). О. В. л) Алексѣй Веселовскій, Этюды и Характеристики А. Степовича. м) Отчетъ о состояніи Коллегіи Павла Галагана съ 1 октября 1890 г. по 1 октября 1894 г. В. Щербини. н) Обзорѣніе журналовъ за 1-ую половину 1894 г. о) Разборъ этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова, составленный проф. Харьковскаго университета Н. О. Сумцовымъ. В. Я. п) Извѣстія Импер. Общ. Любит. естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Томъ LXXXIII. Труды Географическаго Отдѣленія. Выпускъ I. А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. В. Я. р) Baron de Bay. Rapport sur le Congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893. 2. Souvenir du congrès international d'Anthropologie de Mascou. P. 1893 3. La bijouterie des goths en Russie. P. 1892. 4. Rapport sur les découvertes faites par M. Savenkov dans la Sibirie orientale. P. 1894. О. В. с) Paul Sébillot. Les travaux publiés et les mines dans les traditions et les superstitions de tous les pays. Paris, 1894. О. В. т) Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ Черниговской губерніи. Составлена Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства А. М. Марковичемъ въ 1838 г. Издана Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства Графомъ Гр. А. Милорадовичемъ. А. Л. у) Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи. Ислѣдованіе И. А. Зарѣцкаго. Изданіе Полтавскаго Губернскаго Земства. ф) Село Зуевцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Историко-этнографическій очеркъ Т. М. Устиенка. (приложеніе къ отчету Миргородской Уѣздной Земской Управы за 1893 г.) х) Новый отечественный курортъ. (По р. Днѣстру.—Историческое «По-

бережье» Подоліи.—Мѣстечко Камснко). п) Родословная Князей Святополкъ на Четвертвѣ Четвертинскихъ. ч) Старинные документы на владѣніе землями г. Кіева, доставленные кіевскимъ городскимъ землебрѣмъ И. Д. Таировымъ и напечатанные по резолюціи, положенной 20 іюля 1894 г. кіевскимъ городскимъ головою д. с. с. С. М. Сольскимъ. В. Щербины.	498—515
ш) Обзорніе журналовъ за 1894 г. 156—166, 312—332	498—515
XVI. ПРИЛОЖЕНІЯ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича Часть третья. (337—342) (1—16)	17—32
ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1—4 1—16	1—42

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVII.

1894 г.

ОКТАВРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1894.

СО Д Е Р Ж А Н І Е .

	СТР.
I. ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО. (<i>Продолженіе</i>) . . .	1—19
II. ЛЕГЕНДА О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЖИВОПИСЦѢ Н. Ѳ. Сумцова.	20—24
III. БОГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ. (По школьнымъ воспоминаніямъ). П. Клебановскаго. (<i>Продолженіе</i>) . .	25—37
IV. БАТУРИНЪ. (Изъ путевыхъ впечатлѣній). Н. Ш—ва. . .	38—47
V. ДѢТСКІЙ ЭДЕМЪ ДО ВКУШЕНІЯ ПЛОДА ОГЪ ДРЕВА ЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА. (Изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика). М. Щ.	48—61
VI. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ. По I. Ролле. А. Ефименко. (<i>Продолженіе</i>)	62—89
VII. ЧЕРНИГОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ НАЧАЛА 40-тѢ ГОДОВЪ. Л. Рудановскаго.	90—110
VIII. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕТКИ.	111—135
IX. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Посылка Малороссіянъ въ ледяной домъ. Е. К. б) Нѣсколько данныхъ о Боровиновскомъ. В. Горлема. в) Изъ литературной полемики В. И. Аскоченскаго. Сообщ. А. Лотоцкій. г) Іеремія Вишневецкій и козацкое землевладѣніе. Сообщилъ В. Щербина. д) Грамота Богдана Хмельницкаго относительно частнаго землевладѣнія. В. Щербины. е) Къ вопросу объ источникѣ водевиля Котляревскаго: «Москаль-Чаривныйкъ». Сообщ. Вл. Боцяновскій. ж) Изъ прошлой жизни Печерской Лавры. А. Л.	136—155
X. БИБЛИОГРАФІЯ. а) Одесскія юбилейныя изданія. В. Я. б) Д. И. Эварницкій. Иванъ Дмитріевичъ Сирко, славный кошевой атаманъ войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ А. С—а. в) Отчетъ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1893 г. В. Я. г) О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ. Н. П. Ляхачова. В. Б. д) Учебный атласъ русской исторіи. Составилъ баронъ Н. Н. Торнау. W. е) Тридцатилѣтіе Керченской Александровской гимназій. Краткая историческая записка, составленная преподавателемъ исторіи Хр. Хр. Зенкевичемъ. А. С. ж) Журнальное Обзорѣніе за 1-ую половину 1894 года.	156—166
XI. ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (337—342).	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1—4

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО¹⁾.

Новыя лица—новыя событія.

Прошли каникулы. Холера въ мѣстечкѣ и его окрестностяхъ совершенно прекратилась. Распуганное стадо наше стало помаленьку собираться „до кошары“. Нѣкоторые и вовсе не вернулись, успокоившись на родномъ кладбищѣ на вѣки. Нашъ директоръ тоже не избѣжалъ холеры; значить, она и его не боялась. Самъ Е. Я—чь рассказывалъ очень эффектно о томъ, какую силу воли высказалъ онъ, заболѣвши „поносной болѣзною“.

— Я призвалъ врача и говорю: что дѣлать, докторъ? Кровь, говоритъ, нужно бросить. Я въ ту-жъ минуту протягиваю руку (при этомъ онъ обнажалъ руку до локтя) и говорю: дѣлайте свое дѣло! Крови, совершенно черной, вышла цѣлая тарелка. „Да, говорю, кровь дѣйствительно слѣдовало пустить“.

На мѣсто Я. О. Беккаревича, искренно оплаканнаго учениками, назначенъ, совершенно противъ желанія директора, мой старый наставникъ Іосифъ Акимовичъ Самчевскій. И захотѣлось же почтенному классику на старости лѣтъ добровольно обречь себя на ваторгу, промѣнявъ сравнительно независимую должность учителя на инспекторство, да еще у такого директора, которому инспекторъ служить вмѣсто помела.

Появилось еще нѣсколько новыхъ личностей—люди молодые и, кажется, порядочные. И слава Богу! Авось мы сообщаемъ сколько-нибудь обуздаемъ произволь и самодурство нашего

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № .

премьера. Новые преподаватели своимъ болѣе гуманнымъ обхожденіемъ съ воспитанниками познакомятъ ихъ съ болѣе чело-вѣчными отношеніями между старшими и низшими, чѣмъ въ какихъ находились они до сихъ поръ подъ фѣрулой З—го и компаніи.

Не стало Барилка и Юрка, географъ уѣхалъ въ Крымъ, Чунихинъ заѣлъ пенсию, умре и сквернословъ Чарнецкій. При новыхъ преподавателяхъ ученики время отъ времени замѣтно стали обнаруживать духъ критики къ нелѣпнымъ требованіямъ начальства, какъ въюны, увертывались они отъ іудинныхъ лобзаній директора; его любимцы-наушники стали отказываться отъ директорскаго чаю и конфетъ, за которыя ихъ больно поколачивали товарищи; шпіоны-надзиратели казнились всеобщимъ презрѣніемъ. Система З—каго пошатнулась въ своемъ основаніи, машина стала портиться....

На мѣсто директорской креатуры Барилки, выжимавшаго изъ учениковъ, за одно съ Юркомъ, рубли своей математикой и пожалованнаго за то въ инспекторы сперва Винницкой гимназіи, а потомъ лица и гимназіи въ Нѣжинѣ,—на мѣсто его къ намъ поступилъ человекъ, не знавшій счету своимъ деньгамъ, счастливый игрокъ и *bon vivant*—Михайло Ивановичъ Мерцаловъ. Благодаря неумѣнью гр. Потоцкаго играть въ преферансъ, онъ жилъ открыто и даже роскошно: почти ежедневно онъ бралъ за науку отъ графа отъ 50 до 75 рублей. Этотъ замѣчательно способный, упрямый и чертовски хладнокровный математикъ умышленно бѣсилъ З—го, стараясь все дѣлать ему наперекоръ. Выговоры, получаемые имъ отъ директора, какъ строгіе, такъ и строжайшіе, не только не огорчали его, но доставляли нѣкоторое удовольствіе; онъ ими гордился, такъ какъ каждый изъ нихъ, по его словамъ, портилъ директору 5 фунтовъ крови.

На мѣсто Юрка поступилъ Чугаевичъ, а на мѣсто Юценка—Теодоровичъ. Чунихина замѣнилъ весельчакъ Щитинскій, а Шастова—А. И. Стронинъ. Большая часть изъ нихъ были люди самостоятельные и честные, хорошіе товарищи и способные преподаватели. Какъ исключеніе между ними, былъ учитель

нѣмецкаго языка и надзиратель общей квартиры прусака Камбли. Этотъ проходимецъ-авантюристъ, какъ большая часть таковыхъ изъ нѣмцевъ, для которыхъ *ubi bene, ibi patria*, вѣрою и правдою служилъ турецкому султану, отъ котораго за усмиреніе Майнотовъ получилъ два ордена и, выйдя въ отставку, явился въ Немировъ къ нашему падишаху искать службы по министерству народнаго просвѣщенія. Обладая практическимъ знаніемъ языковъ нѣмецкаго, французскаго, турецкаго и ново-греческаго, а главное способный къ предательству и шпионству, Камбли не могъ не приглануться Е. Я—чу, который охотно принялъ его на службу въ свою гимназію, рассчитавъ заранѣе, какую пользу извлечетъ онъ изъ способностей этого *пройдисвита*. Прусака въполнѣ оправдалъ возлагаемыя на него надежды. Будучи отъ природы права веселаго и общительнаго, при склонности къ шутовству и буффонству, онъ сразу поставилъ себя на дружескую ногу съ новыми сослуживцами и все, что слышалъ отъ нихъ въ веселой компаніи, передавалъ своему патрону, чего сначала никто не подозрѣвалъ. Втершись въ семью гр. Потоцкаго, онъ-то и доносилъ З—му обо всемъ, что говорилось въ интимныхъ бесѣдахъ между гостями графа. Его же предательству Мерцаловъ обязанъ ежедневными выговорами директора за неисправности по надзирательской должности въ общей квартирѣ, а Чугаевичъ ссылкой въ Кобеляки приходскимъ учителемъ...

Но времена перемѣнились. Обаяніе директорской власти исчезло. Видя, что авторитетъ его утраченъ, что макиавеллевское правило „*divide et impera*“, практиковавшееся прежде съ такимъ успѣхомъ, при новомъ составѣ преподавателей, совершенно стало непримѣнимымъ, З—вой всею силой своей жестокости обрушился на инспектора Самчевскаго, который, по свойству своихъ обязанностей и по своимъ личнымъ качествамъ, не могъ дать ему должнаго отпора и дѣйствовать самостоятельно.

Къ сожалѣнію, почтенный наставникъ мой Іосифъ Авимовичъ, извѣстный уже намъ изъ прежнихъ очерковъ, какъ отличный преподаватель латинскаго языка, оказался плохимъ инспекторомъ.

Прослуживъ 25 лѣтъ въ должности учителя, частію въ Черниговской семинаріи, частію въ Новгородъ-сѣверской гимназіи, вовсе незнакомый съ характеромъ западныхъ гимназій и находившихся при нихъ общихъ квартиръ, съ ихъ казарменными порядками, да встрѣтивъ, въ добавокъ ко всему этому, въ начальникѣ не руководителя, не совѣтника, а лютаго гонителя и обидчика,—бѣдняга Осипъ Акимовичъ оказался совершенно несостоятельнымъ. Чѣмъ больше онъ суетился и хлопоталъ, тѣмъ больше дѣлалъ промаховъ. Неровность его обращенія съ учениками, то крикливаго и сердитаго, то не въ мѣру ласковаго и заискивающаго, лишила дѣтей уваженія къ нему и должной субординаціи. Угнетеніе, претерпѣваемое имъ отъ директора, и происходившая оттого запуганность и суетливость, при его маленькомъ ростѣ, возбуждали въ ученикахъ смѣхъ и злорадство: сей возрастъ жалости не знаетъ! Уже по одной кличкѣ, придуманной ими новому инспектору, можно судить о томъ, какъ недоброжелательно и зло они къ нему относились: на стѣнахъ коридора и въ отхожихъ мѣстахъ, рядомъ съ „директоромъ Югуртой“, красовалась надпись: „инспекторъ Тиверій Горобецъ“! (намекъ на его маленький ростъ и напускную жестокость при расправѣ съ шалунами и лѣнтями).

При такихъ условіяхъ своей немировской службы, Осипъ Акимовичъ сдѣлался настоящимъ мученикомъ. То удовольствіе, какимъ онъ могъ бы отчасти усладить свое горе и забыться на досугѣ отъ огорченій,—любимое имъ до страсти церковное пѣніе—въ Немировѣ для него не существовало. Желая хоть сколько-нибудь удовлетворить этой страсти, онъ по вечерамъ приглашалъ къ себѣ приходскаго дьячка и распѣвалъ съ нимъ Бортнянскаго до полуночи. Идешь бывало мимо его квартиры, возвращаясь домой отъ Грузинскаго, и невольно остановишься послушать, какъ заливается дьячокъ своимъ раздирательнымъ фальцетомъ подъ дребезжащую октаву инспектора: „тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внигда помянути намъ Сіона“. Магистръ петербургской духовной академіи, товарищъ протопресвитера Бажанова и покойнаго митрополита Арсенія, глубокой знатокъ духовнаго пѣнія долженъ былъ довольствоваться обществомъ

дьячка и его козинымъ голосомъ. А то бывало сидитъ одинъ-одишошенокъ въ своей квартирѣ, думаетъ-думаетъ, и страшно станетъ ему одиночество; навидываетъ наскоро на халатъ шивель, да такъ и придетъ ко мнѣ подъ двери. Я уже лежу въ постели, читаю на сонъ грядущій какой-нибудь журналъ. Слышится робкій стукъ.

„Кто тамъ?—„Это я! впусните, землякъ“, умоляющимъ голосомъ отвѣчаетъ инспекторъ. Отворяю дверь... „Извините, землякъ, что я такъ поздно безпокою васъ. Ложитесь, пожалуйста, въ постель, а я тутъ посижу подлѣ васъ и хоть немного отведу душу отъ смертной тоски“.

Затѣмъ садеть въ кресло и начнетъ выливать свои жалобы на лютаго обидчика З—кого.

— Что онъ со мной дѣлаетъ, негодный,—уму не постижимо! За малѣйшую неисправность надзирателя или эконома, онъ заставляетъ меня дежурить по цѣлымъ днямъ въ общей квартирѣ, сидѣть въ кухнѣ съ прислугой, стирать надписи въ отхожихъ мѣстахъ—и чего-чего не выдумываетъ этотъ дьяволъ, чтобы досадить мнѣ! Просто, землякъ, мнѣ житья нѣтъ отъ этого бездѣльника!

— Вольно же вамъ, дорогой Іосифъ Акимовичъ, подчиняться всѣмъ его нелѣпымъ требованіямъ. Онъ потому и ѣздитъ на васъ, что вы не даете ему отпора. Вы бы когда-нибудь огрызнулись.

— А въ самомъ дѣлѣ, что онъ позволяетъ себѣ глумиться надо мною?—начинаетъ храбриться мой наставникъ, выпивъ стаканчикъ сливянки: я не помело какое-нибудь—я инспекторъ! Что ты надо мной смѣешься?... окончательно входитъ въ азартъ инспекторъ, глядя въ пустое пространство и воображая передъ собою своего заклятаго врага: смѣется, бездѣльникъ, что я не умѣю дѣлать того, что онъ приказываетъ? все это ниже моихъ понятій, да! А ну, какъ я тебѣ задамъ вопросъ: знаешь ли ты по-гречески?

— Конечно, не знаетъ ни бельмеса ни по-гречески, ни полатыни!—подзадываю я гостя: вы его, Осипъ Акимовичъ, хорошенько проберите, а то онъ слишкомъ ужъ зазнался.

— Да, я ему скажу: какъ ты смѣешь? Я—инспекторъ, а не помело. Со мной нельзя такъ обращаться—я не позволю!

Просидѣвъ такимъ образомъ у моей кровати часа два и выругавшись до-сыта, наставникъ мой уходитъ домой ободренный и успокоенный.

— Спасибо, землякъ, вы мнѣ душу отвели, говорилъ онъ на прощанье.

Разъ утромъ, идучи на службу, зашелъ ко мнѣ инспекторъ и объявилъ, что онъ, наконецъ, рѣшился дать отпоръ З—ому при первомъ же его нападеніи. Заинтересованный этой любопытной стычкой и придумавъ благовидный предлогъ, я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ директору. Наставникъ мой, вижу, держитъ себя съ достоинствомъ, на лицѣ видна рѣшимость.

— Е. Я-чѣ!—обратился онъ довольно развязно къ директору—нѣкоторые родители учениковъ желаютъ взять съ собой въ театръ дѣтей: можно ли ученику дозволить быть въ театрѣ съ отцомъ?

— И съ дѣдомъ нельзя! отвѣчаетъ благодушно директоръ.

— Слышите, слышите, землякъ! говоритъ: съ дѣдомъ—обратился онъ ко мнѣ по выходѣ директора въ другую комнату, какъ бы ища во мнѣ поддержки. Но я только руками развелъ и удалился, не дождавшись на сей разъ никакой стычки. За мной вышелъ и инспекторъ.

— Осипъ Акимовичъ! обликнулъ его въ догонку директоръ, когда мы были уже въ сѣняхъ: а табакерку не забыли? Вы опять уйдете изъ гимназіи за табакеркой.

Наставникъ мой нюхалъ табакъ и, потерявши голову отъ вѣчной суеты, часто терялъ табакерку. Директоръ постоянно трунилъ надъ нимъ за это.

Между тѣмъ терроръ директорскаго режима достигъ своего апогея и неминуемо долженъ былъ привести къ катастрофѣ.

Дерзкая выходка ¹⁾ противъ директора со стороны одного изъ учениковъ послужила поводомъ къ тому, что ученики не хотѣли признавать больше никакихъ властей. Инспекторъ же расте-

¹⁾ Подробности см. „Кіев. Стар.“ Іюнь стр. 425—431.

рялся окончательно. Преподаватели, не допускаемые до сихъ поръ ко вмѣшательству въ распоряженія администраціи относительно дисциплины, ограничивая свою дѣятельность отбываніемъ однихъ уроковъ,—не могли, конечно, измѣнить вдругъ свой обычный образъ дѣйствія, чтобы возстановить въ заведеніи порядокъ и спасти дѣтей отъ деморализаціи. Время было тревожное, все перевернулось вверхъ дномъ...

Вотъ къ чему привела нелѣпая система единоличнаго управленія гимназіей, вотъ послѣдствія примѣненія къ педагогіи государственнаго принципа Людовика XIV: *l'état c'est moi!*

Спустя часъ послѣ своего пораженія и постыднаго бѣгства изъ общей квартиры, Е. Я-чъ посылаетъ за инспекторомъ:

— Подайте, говорить, мнѣ рапортъ о случившемся.

Іосифъ Акимовичъ вытаращилъ глаза. Онъ никакъ не ожидалъ услышать о такомъ щекотливомъ порученіи. Прямо отъ директора онъ прибѣжалъ ко мнѣ за совѣтомъ, какъ ему писать рапортъ?

— Пишите, говорю, такъ; и я началъ ему диктовать проектъ рапорта, не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

— Да неужели же я долженъ въ такомъ родѣ подать рапортъ?

— А то какъ же? Вы, какъ очевидецъ, обязаны, по совѣсти, написать то, что было, коли отъ Васъ того требуютъ. Впрочемъ, мое дѣло сторона, дѣлайте, какъ знаете.

Смягчивъ, по возможности, нѣкоторыя жесткія выраженія въ рапортѣ моей редакціи, наставникъ мой понесъ свое курьезное донесеніе г. директору, который, передѣлавъ его опять по своему, заставилъ инспектора подписать. Документъ сей въ подлинникѣ отправленъ того же числа въ округъ.

Назначено было слѣдствіе. Приѣхалъ въ Немировъ депутатъ отъ учебнаго вѣдомства, директоръ 1-й гимназіи Любимовъ, а изъ министерства командированъ Балабинъ. Виновнаго, въ присутствіи учениковъ и весьма немногихъ учителей, наказали розгами и отдали въ барабанщики въ оренбургскій баталіонъ. Директоръ же Зимовскій, вопреки ожиданіямъ и надеждамъ многихъ, оставленъ былъ на своемъ посту.

Въ концѣ года Е. Я—чу „за отличіе“ пожалованъ орденъ Анны 2-й степени: *fiat justitia—pereat mundus*.

Испытавъ въ чужомъ пиру похмелье, не будучи никогда пьянъ, Іосифъ Акимовичъ дождался, наконецъ, исполненія своихъ пламенныхъ желаній: въ іюнѣ 1849 года получена бумага о его перемѣщеніи на родину—въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію. Получивъ на прощаніе нѣсколько замѣчаній и выговоровъ, при сдачѣ должности А. Н. Дельсалу, онъ быстро собрался въ дорогу и, какъ школьникъ, радовался своему освобожденію отъ работы вражіей. Восторгу его не было предѣловъ.

Въ часъ, назначенный для отъѣзда, въ квартиру его пришелъ и Е. Я—чъ и, когда счастливецъ сѣлъ уже въ почтовую телегу и, ухарски подбоченясь, крикнулъ ямщику: „пошелъ!“,—директоръ и тутъ не утерпѣлъ, чтобы не отравить отъѣзжающему это счастливое мгновеніе.

— А табакерку, Осипъ Акимовичъ, не позабыли?—крикнулъ онъ ему въ слѣдъ. Какое пожеланіе послалъ ему въ отвѣтъ уѣзжающій, нельзя было слышать за почтовымъ колокольчикомъ.

Послѣдніе два года моей немировской службы.

Покойный митрополитъ Арсеній, будучи архіепископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ, очень благоволилъ къ нашему законоучителю А. В. Любомудрову, котораго онъ зналъ еще въ Орлѣ въ бытность свою ректоромъ семинаріи. При объѣздѣ епархіи онъ два раза останавливался въ его квартирѣ, гдѣ я имѣлъ случай познакомиться съ Владыкой. Но съ перемѣщеніемъ этого святителя въ Варшаву для нашего о. Александра все измѣнилось. На мѣсто епископа Арсенія назначень Ельпидефоръ, человекъ до крайней степени вспыльчивый... Сказанное у Добрынина (см. Русс. Старина) о сѣвскомъ епископѣ Кириллѣ Флоринскомъ, жившемъ въ половинѣ XVIII столѣтія, отчасти можно примѣнить къ преосвященному Ельпидефору, жившему въ половинѣ XIX в.

Этотъ-то архипастырь въ 1849 году былъ приглашенъ графомъ Потоцкимъ для освященія домашней церкви при дѣтскомъ приютѣ въ с. Ковалевкѣ, въ трехъ верстахъ отъ мѣстечка. При первой же встрѣчѣ съ новымъ епископомъ, Любомудровъ почувствовалъ, что на него подулъ противный вѣтеръ. Во время освященія Ковалевской церкви нашъ законоучитель, какъ протоіерей и магистръ академіи, долженъ былъ первенствовать между сослужащими священниками. Хотя по требнику онъ и изучилъ „чинъ освященія храма“, но на практикѣ ему ни разу не случилось участвовать въ этомъ обрядѣ, а потому, какъ пришлось ему совершать его, онъ совершенно растерялся, причемъ прочіе священники, хотя и опытные въ семъ дѣлѣ, не захотѣли выручить его. Нашъ протоіерей окончательно сконфузился. Отъ сильнаго волненія, при страшной іюльской жарѣ, съ нимъ случился ударъ, послѣ котораго онъ не прожилъ и года. На мою долю выпала печальная обязанность почтить память усопшаго надгробнымъ словомъ, а почтенный классикъ Артемій Аванасьевичъ оставилъ за собой неотъемлемое право составить эпитафію:

Почившій пастырь здѣсь средѣ дней преполовенья,
Стремился „всѣмъ вся бытъ“ для вѣчнаго спасенья.

На мѣсто покойнаго назначенъ преподаватель Каменецъ-Подольской семинаріи И. А. Зефиловъ, весьма достойный человекъ.

Въ слѣдующій 1850 годъ неоскудѣвающими щедротами гр. Потоцкаго была окончена гимназическая домашняя церковь. За отсутствіемъ его сіятельства, директоръ самъ пригласилъ преосвященнаго на освященіе. Парадный обрядъ закончился назидательнымъ словомъ Владыки. Прослушавъ проповѣдь и поцѣловавъ святой крестъ, мы разбрелись по домамъ. Директоръ тоже куда-то юркнулъ, такъ что преосвященный остался въ церкви одинъ съ духовенствомъ. Вышедъ на крыльцо и не видя никого изъ ученой братіи, онъ обратился къ протоіерею Зефилову съ вопросомъ:

— Куда же мы теперь?

— Въ наладъ, в. пр—во, отвѣтствовалъ тотъ.

— Да что-жь все въ палаць да въ палаць! Ну, нечего дѣлать, поѣдемъ въ палаць.

Лишь только карета отъѣхала отъ крыльца, Е. Я—чь быстро собралъ всѣхъ чиновниковъ въ гимназію и повелъ ихъ въ палаць, благодарить Владыку за подъятыя имъ труды.

— Мы, господа, люди тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ духовные, а потому и благодарность наша должна быть чисто духовная, — обратился онъ къ намъ съ ироніей.

Оно-то, пожалуй, и такъ, а все-таки начальнику заведенія не мѣшало бы напоить преосвященнаго хотя чаемъ.

Владыка былъ очень огорченъ оказаннымъ ему невѣжествомъ: принявъ отъ насъ „духовную благодарность“, онъ отнесся къ намъ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма сухо, не удостоивъ своего архипастырскаго благословенія.

Хотя по образованію нашъ Е. Я—чь не имѣлъ ничего общаго съ богословскими науками, но онъ, не обинуясь, принималъ на себя роль миссіонера, дѣлая постоянно покушенія „уловлять вселенную“ въ лицѣ жидковъ-гимназистовъ. Онъ зывалъ ихъ къ себѣ на квартиру, ласкалъ ихъ, давалъ для чтенія душеспасительныя книги, но не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха въ своемъ миссіонерствѣ, такъ какъ хасиды-отцы учениковъ постоянно стояли на стражѣ.

Наконецъ, нашему рыбарю удалось изловить жидка-подростка, занимавшагося въ общей квартирѣ починкой ученическихъ штановъ и куртокъ. Приготовивъ его, какъ должно, къ принятію св. таинства крещенія, директоръ устроилъ въ гимназической церкви торжественную церемонію и самъ воспринялъ его отъ святой купели. Крестный отецъ поселилъ юнаго неопита въ казенной квартирѣ, одѣлъ его на казенный счетъ и т. п. По временамъ это духовное чадо исполняло обязанности лакея; шустрый крестникъ вездѣ поспѣвалъ: чистилъ сапоги, ставилъ самоваръ и за отсутствіемъ Кума вытиралъ губкою тѣло своего „папуныи“. Такъ прошло около трехъ мѣсяцевъ.

Разъ 3—й велѣлъ ему перечистить свой гардеробъ. Крестникъ, сложивъ на плечо всю одежду изъ шкафа, унесъ ее въ свою конуру. Директоръ въ то-же время отправился на про-

гулку. Вернувшись домой, посылаетъ за крестникомъ, но его и слѣдъ простылъ: все увезъ съ собой на память о своемъ благодѣтелѣ, даже новехонькій мундиръ, съ дорогимъ петербургскимъ шитьемъ. Нашелся таки молодецъ, надувшій самого З—го; нашла коса на камень.

Der Jude war ein grösserer Schelm, als er.

На мѣсто І. А. Самчевскаго въ намѣ назначенъ инспекторомъ знакомый мнѣ по Винницкой гимназіи весельчакъ и хлѣбосоля А. Н. Дельсаль, натура широкая. Проживъ въ нѣсколько лѣтъ состояніе жены, онъ запутался въ долгахъ и, надѣясь поправить свои обстоятельства, задумалъ искать мѣсто исправника. Черезъ агентовъ жидковъ онъ узналъ, что правителемъ генераль-губернаторской канцеляріи назначена извѣстная такса за мѣста: исправническое мѣсто стоило 600 р. Знакомые жены Дельсали паны ссудили его деньгами, и онъ внесъ требуемую сумму; но черезъ мѣсяць узнаетъ, что обѣщанное ему мѣсто отдано другому лицу, заплотившему 1000 р. Обманутый Дельсаль отправляется въ Кіевъ и получаетъ свои деньги обратно, а вмѣсто должности исправника, съ 20 тысячнымъ годовымъ доходомъ, съ трудомъ получаетъ мѣсто субъ-инспектора студентовъ; но едва вступилъ онъ въ должность, какъ получаетъ извѣстіе, что Самчевскаго изъ Немирова перевели въ Новгородсѣверскую гимназію, ѣдетъ къ Зимовскому и занимаетъ вакантное мѣсто инспектора.

Перемѣщеннаго за продерзости въ Бѣлоцерковскую гимназію Мерцалова замѣнилъ кандидатъ Петербургскаго университета Клейненбергъ, человекъ благовоспитанный, безукоризненный джентльменъ, личность прямая и благородная. На мѣсто сосланнаго Зимовскимъ въ Кобеляки приходскимъ учителемъ Чугаевича постуилъ И. П. Дорошенко, а вмѣсто Шастова, перешедшаго на законовѣдѣніе, назначенъ А. И. Стронинъ. Графъ Потоцкій, озабоченный въ это время воспитаніемъ своей единственной дочери (впослѣдствіи графини Строгановой), пригласилъ Клейненберга и Стронина давать ей уроки математики и русскаго языка. Получаемые ими отъ графа подарки, помимо солидной поурочной платы, имѣли свой *raison d'être*, не оскор-

бля ничьего самолюбія. Въ палацѣ они скоро стали людьми домашними и держали себя съ тактомъ и достоинствомъ, не то что поповичъ Барилко и пошлякъ Юрко, награждаемые за лесть и низкопоклонство жилетами.

Вообще говоря, въ это время большинство преподавателей были люди молодые, свѣжіе, иного пошиба. Шпіоны поджали хвосты, между преподавателями же не осталось ни одного предателя, за исключеніемъ прусака Камбли. Всѣ сплотились въ дружную корпорацію и, какъ люди холостые, устроили общій столъ и общую квартиру, получившую названіе „учительской колоніи“. Главнымъ распорядителемъ по найму и устройству помѣщенія былъ избранъ учитель исторіи А. Г. Теодоровичъ. Кормилецъ нашъ знаменитый Макаръ, женатый на очень искусной кухаркѣ, получалъ отъ каждаго изъ насъ по 8 руб. въ мѣсяцъ и задавалъ великолѣпные обѣды съ пирожнымъ и десертами. Отсутствіе при обѣдѣ вина замѣнялось шутками и остроумными каламбурами, ни для кого необходимыми, никого не оскорблявшими. Стронинъ завелъ даже особую „книгу для записыванія удачно сказанныхъ остротъ“ и въ качествѣ секретаря колоніи вносилъ туда, съ общаго одобренія, все достойное вниманія потомства.

По случаю совершившагося XXV-лѣтія труженнической жизни Артемія Аванасьевича Шведова, колонія затѣяла отпраздновать у себя юбилей уважаемаго товарища. Вечеръ удался на славу. Начальство приглашено не было. Во время тоста за здоровье юбиляра, ему поднесенъ былъ серебряный кубокъ съ подобающею надписью. Неизбалованный фортуной классикъ растроганъ былъ до слезъ. Затѣмъ, по обычаю нѣмецкихъ студентовъ, устроили торжественный Fakelzug, проводивъ виновника торжества до самой его квартиры, пройдя съ пѣснями мимо директорскаго помѣщенія. Такое небывалое въ Немировѣ событіе, имѣвшее видъ демонстраціи, раздражило Зимовского до бѣшенства, но онъ не осмѣлился не только намылить кому-либо голову, но даже и не вспомнилъ ни разу объ этомъ „дурачествѣ“. Значить, „громада—великій человекъ“, съ ней ничего не подѣлаешь.

Воспитаникъ мой Ясъ Лещинскій, съ грѣхомъ пополамъ, окончилъ гимназію и поступилъ въ Ришельевскій лицей; но изъ него не вышло ничего путнаго: онъ былъ слишкомъ вѣтренъ и взбалмошенъ и, вырвавшись на волю, окончательно свихнулся. Но какъ бы тамъ ни было, а у меня, благодаря его папашѣ, въ банкѣ скопились небольшія сбереженія, съ помощію которыхъ я мечталъ предпринять путешествіе въ Питеръ, какъ только окончится шестилѣтній срокъ моей обязательной учительской службы. Авось мнѣ удастся вырваться изъ когтей коршуна, терзающаго мои внутренности.

Даровая квартира на кондиціи такъ мнѣ пришлась по вкусу, что я, разставшись съ Лещинскими, готовъ былъ снова пойти въ репетиторы. Случай къ тому скоро представился. Мнѣ предложено жить съ тремя учениками на всемъ готовомъ и 300 рублей гонорару. Я отправился къ директору за разрѣшеніемъ занять кондицію, такъ какъ ни одинъ учитель не смѣлъ безъ дозволенія начальства ни имѣть пансіонеровъ, ни жить у когонибудь въ качествѣ гувѣрнера, на что имѣлъ право каждый порядочный гимназистъ въ другихъ гимназіяхъ. На мой вопросъ, могу ли я занять кондицію у Гуляницкихъ, Е. Я—чѣ отвѣтилъ лаконически: „нельзя“:

— Почему же, позвольте узнать, нельзя?

— Потому что я такъ хочу, отрѣзалъ самодуръ.

— Ну, если, по вашему мнѣнію, это совершенно достаточная причина лишать подчиненнаго заработка честнымъ трудомъ, то очень жаль!

Сказавши это, я взялся за фуражку.

— Погодите! остановилъ меня директоръ: я считаю нужнымъ поговорить съ вами серьезно.

При этомъ онъ толкнулъ ногою дверь кабинета, и она со стукомъ затворилась.

— Видите ли въ чемъ дѣло, началъ онъ, ходя по комнатѣ: вы постоянно идете противъ меня, питая ко мнѣ самыя враждебныя чувства. Мало того, вы вооружаете противъ меня общественное мнѣніе своими близорукими сужденіями о моихъ дѣйствіяхъ,—мнѣ все извѣстно.

— Если вы, Е. Я—чь, довѣряете низкимъ людямъ, которые, пользуясь вашей довѣренностью, безсовѣстно лгутъ вамъ и чернятъ всякаго честнаго человѣка разными клеветами, то въ этомъ виноваты вы сами; вольно же вамъ вѣрить всякому проходимцу.

Немного помолчавъ, онъ опять началъ.

— Скажите, ради Бога, за что вы меня ненавидите? Вы постоянно отзываетесь обо мнѣ, какъ о человѣкѣ безсердечномъ, несправедливомъ и жестокомъ. Вы сильно заблуждаетесь. Вамъ, какъ неисправимому идеалисту, все представляется въ черномъ цвѣтѣ. Поймите меня—и у меня есть сердце!.. закончилъ онъ свою рѣчь дрожащимъ голосомъ.

— Извините меня, Е. Я—чь, за откровенность: я не въ состояніи принудить себя (а тѣмъ болѣе притворяться) полюбить человѣка, къ которому не лежитъ у меня сердце, такъ же, какъ говорить и поступать противъ своихъ убѣжденій. Въ симпатіяхъ и антипатіяхъ никто не воленъ.

Директоръ ходилъ по комнатѣ молча и потомъ со злостью проговорилъ.

— Ну, такъ и оставайтесь при вашихъ убѣжденіяхъ, но не позволяйте себѣ открыто порицать мои дѣйствія, чтобы другіе, слушая васъ, не заражались вашими близорукими сужденіями.

— А, если вы только этого отъ меня требуете, то даю вамъ честное слово, что пока я буду жить у Гуляницкихъ, я не позволю себѣ связать ни одного слова о васъ.

— Прощайте, можете занять предлагаемую вамъ кондицію.

Такимъ образомъ заключена была между нами конвенція: за 300 рублей директоръ купилъ мое молчаніе на одинъ годъ.

Изъ троицхъ учениковъ, съ которыми судьба и Зимовской опредѣлила мнѣ жить, два были отличные, благовоспитанные малые, но между ними затесался третій—отпѣтый негодяй. Объ исправленіи его нечего было и думать, нужно было, по крайней мѣрѣ, уберечь отъ его вліянія двухъ неиспорченныхъ. Квартиру намъ пріискали у родственниковъ. Жилось мнѣ тамъ не такъ удобно, какъ у Лещинскихъ, но что дѣлать? нужно было терпѣть.

Занимая кондицію, я втеченіе цѣлаго года ни разу не позволилъ себѣ нарушить заключенную съ директоромъ конвенцію.

Какихъ сѣтей ни разставлялъ онъ, чтобы уличить меня въ недержаніи даннаго слова, подсылая своихъ наушниковъ, я не поддался искушенію и выдержалъ характеръ до конца. Изъ этого мои товарищи заключили, что Зимовской, наконецъ, и меня, степного коня, объѣздилъ и перевоспиталъ на свой образецъ,— я молчалъ и ухмылялся въ бороду.

Къ концу учебнаго года совѣтъ избралъ меня секретаремъ; начались экзамены. Питомцы мои въ теченіе мая прошли благополучно самыя трудныя для нихъ предметы, такъ что переводъ ихъ въ высшіе классы можно было считать обеспеченнымъ, и директоръ никоимъ образомъ не могъ повредить имъ. Срокъ нашей конвенціи близился къ окончанію. 1 іюня состоялось засѣданіе педагогическаго совѣта. Приступили къ повѣркѣ кассовыхъ книгъ. По должности секретаря я сидѣлъ по правую руку предсѣдателя. Передавая мнѣ одну изъ кассовыхъ книгъ о приходѣ и расходѣ суммъ общей ученической квартиры, Е. Я—чь сказалъ: „ищите здѣсь прихода за май“.

Я перелисталъ всю книгу отъ доски до доски и, не найдя прихода, началъ въ другой разъ дѣлать тоже самое. Въ это время директоръ, подмигнувъ членамъ, лукаво подсмѣивался на мой счетъ. Мнѣ стало досадно на себя, что не нахожу прихода, и Е. Я—чь, ядовито ухмыляясь, замѣтилъ мнѣ.

— Эхъ вы, секретарь! чего вы ищите? вѣдь прихода въ маѣ не бываетъ вовсе.

— Чтожъ вы меня дурачите, заставляя искать то, чего вовсе нѣтъ? почти крикнулъ я, бросая на столъ кассовую книгу: меня не для того избрали секретаремъ, чтобы сдѣлать мишенью для вашихъ насмѣшекъ.

— Вотъ вы уже и рассердились: я пошутилъ, сказалъ благодушно директоръ, видимо подавляя свою злость.

По этой вспышкѣ моей онъ заключилъ, что конвенція моя кончилась, и я безъ вреда для своихъ воспитанниковъ могу оставить кондицію.

Въ концѣ 1851 года обязательный для казеннопоштныхъ студентовъ шестилѣтній срокъ моей учительской службы, по назначенію отъ правительства, кончился. Я получилъ возможность распорядиться своей особой по собственному усмотрѣнію. Скопивши посредствомъ кондицій немножко деньжатъ, я возымѣлъ намѣреніе оставить педагогическую карьеру и отправиться въ Питеръ искать иной дѣятельности. Рѣшимости моей сдѣлать такой важный шагъ въ жизни помогъ случай: одинъ панъ отправлялъ своего сына въ артиллерійское училище и предложилъ мнѣ довести его до Петербурга на его счетъ. Когда я пришелъ за билетомъ къ Е. Я--чу, то онъ далъ мнѣ порученіе купить для него сотню гаванскихъ сигаръ и какую-то машинку, обратясь за содѣйствіемъ къ полковнику Англаресу, который, разорившись во время холеры на тыgodнюкахъ, переселился въ столицу и получилъ мѣсто управляющаго домомъ Энгельгарда, на Невскомъ проспектѣ. Собравшись въ дорогу и не получивъ отъ директора на покупку денегъ, я просилъ инспектора Дельсала напомнить ему объ этомъ, но Е. Я—чъ велѣлъ передать мнѣ, что деньги на покупку для него сигаръ и машинки я могу взять въ банкѣ изъ тѣхъ 250 рублей, которые, по его милости, получены мною въ награду. Такъ безъ денегъ я и уѣхалъ; а вѣдь 35 рублей, издержанные мною на эти покупки, куда какъ не были бы лишними въ столицѣ.

Не стану описывать впечатлѣній своего путешествія въ Питеръ черезъ Москву и обратно черезъ Могилевъ; за давностію лѣтъ они не могли бы имѣть той свѣжести, какая необходима для подобнаго рода описаній. Скажу только, что рекомендательныя письма къ столичнымъ тузамъ, за исключеніемъ одного, доставка котораго по адресу стоила мнѣ болѣе трехъ рублей, истраченныхъ мною на поѣздки на дачу, гдѣ жилъ сановникъ, брошены въ огонь. На пріѣзжаго провинціала, а тѣмъ паче на учителя, столичные бюрократы въ оное время смотрѣли съ презрѣніемъ: имъ нужны были не образованные чиновники, а пройдохи-дѣльцы, которыхъ вся наука заключалась въ знаніи канцелярскихъ порядковъ. Побесѣдовавъ съ обер-секретаремъ Сената, землякомъ своимъ Нагулой, бывшимъ учи-

телемъ 1 кіевской гимназіи, я навсегда выбросилъ изъ головы мысль оставить педагогическую профессію и около мѣсяца употребилъ на ознакомленіе съ столичными достопримѣчательностями и въ концѣ августа вернулся во-свояси.

Въ слѣдующемъ 1832 году во время каникулъ мы съ Сошеникомъ предприняли путешествіе по Кіевской губерніи, подробно описанное въ другомъ мѣстѣ (Иванъ Макс. Сошенко, біографическій очеркъ 1877 г.). Здѣсь же я ограничусь однимъ лишь финаломъ этого путешествія.

Разставшись съ пріятелемъ въ Матусовѣ, я поѣхалъ кратчайшимъ путемъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Немирова со мной случилось довольно оригинальное приключеніе, къ счастью, не имѣвшее для меня печальнаго исхода. Жидовъ мой Эль, желая сберечь лишній грошъ изъ своего заработка за трехнедѣльное странствованіе со мной по градамъ и весямъ Украины, не подмазалъ своей буды. Скрипитъ да скрипитъ колесо, а мнѣ и байдуже—еще лучше спится подъ эту музыку въ дорогѣ. Сплю себѣ, зарывшись въ сѣно (дѣло было ночью), какъ вдругъ, сквозь сладкую дремоту слышу крикъ какъ будто знакомаго человѣка: „стой, стой! колесо горитъ!“

Проснувшись, я дѣйствительно увидѣлъ горящее колесо. Стучилось это противъ почтовой станціи. Но не столько меня озадачилъ пожаръ буды, сколько внезапное появленіе директора, который, какъ *deus ex machina*, стоялъ тутъ же подлѣ буды, рядомъ съ ямщиками. Ему-то главнымъ образомъ я обязанъ тѣмъ, что не взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ будой и своимъ возницей Элемъ, который тоже заснулъ во время пути. Дѣло въ томъ, что подо мной въ сѣнѣ спрятано было 3 фунта пороху, купленнаго у солдатика въ Умани: этого количества было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы отъ меня и жида и слѣда не осталось.

Да и допекалъ-же меня Е. Я—чь, по прибытіи въ Немировъ:

— Я, говорить, вамъ жизнь спасъ, а вы, неблагодарный, этого не чувствуете.

Въ августѣ 1852 года, совершенно для меня неожиданно, состоялось и мое перемѣщеніе въ Кіевъ. Послѣ неоднократнаго

покушенія вырваться изъ цѣпкихъ щупальцевъ восьминого, я уже пересталъ и думать о переводѣ въ другую гимназію. Такъ, въ 1849 году я ѣздилъ въ Одессу съ цѣлю проситься о перемѣщеніи, но прежде чѣмъ я успѣлъ туда пріѣхать, мой пріятель Е. Я. уже успѣлъ отрекомендовать меня директору Петрову, который принялъ меня сухо и отказалъ въ моей просьбѣ.

Какая-же, спроситъ читатель, была у Зимовского цѣль удерживать въ гимназіи человѣка, подрывающаго авторитетъ его власти и не сочувствующаго его распоряженіямъ? А цѣль была та, чтобы я, перейдя на службу въ другую гимназію, не вынесъ изъ избы сору. Держа меня въ зависимости, онъ все-таки рассчитывалъ на то, что мои протесты противъ его дѣйствій, какъ бы я ни кричалъ во весь народъ, пока я остаюсь подъ его начальствомъ, дальше Немирова не пойдутъ; вырвавшись же на волю, я могъ оставить ему незавидную репутацію и за предѣлами Кіевского учебнаго округа.

Въ другой разъ, въ 1851 году, узнавъ, что во 2-й Кіевской гимназіи за смертію учителя русской словесности Унтилова, открылась вакансія, я отправился къ помощнику попечителя проситься о переводѣ. Хотя, впредь до присканія преподавателя, туда приглашенъ былъ проф. Селинъ, но я все-таки рѣшился попытать счастья, но попытка моя и на сей разъ также не удалась.

Спустя годъ, пр. Селинъ защищалъ диссертацию на степень доктора. Димитрій Гавриловичъ, какъ попечитель, пригласилъ на диспутъ директрису института съ цѣлой плеядой пепиньерокъ. Во время ученыхъ преній докторантъ, по своему обыкновенію, зарпортовался, сказавъ что-то не совсѣмъ пріятное для слуха дамъ. Когда послѣ диспута Бибииковъ подошелъ къ директрисѣ и спросилъ, довольна-ли она диспутомъ, она отвѣчала, что еслибы она предвидѣла, что здѣсь будутъ говорить о такихъ неприличныхъ вещахъ, то она ни за что не взяла бы съ собой дѣвицъ. Димитрій Гавриловичъ это замѣчаніе замоталъ себѣ на усъ и, спустя недѣлю, когда Лазовъ поднесъ ему къ подписи бумагу, спросилъ: это что?

— Представленіе г. Министру объ утвержденіи въ докторской степени пр. Селина.

— А, кстати? Что, онъ преподаетъ еще гдѣ-нибудь кромѣ университета?

— Во 2-й Кіевской гимназіи читаетъ русскую словесность.

— Долой его оттуда—онъ мнѣ тамъ дѣтей попортитъ.

— Кого прикажете на его мѣсто назначить?

— Найдите сами, отвѣчалъ генераль.

Идучи послѣ доклада домой, Лазовъ встрѣтился на Кре-щатиѣ съ инспекторомъ 2-й гимназіи Гренковымъ.

— Что новаго? спрашиваетъ его инспекторъ.

— Есть и для вашей гимназіи новость; велѣлъ найти учителя словесности. Не знаете ли вы кого-нибудь изъ желающихъ?

Такъ какъ Гренкову было извѣстно о моемъ желаніи, то онъ и указалъ на меня, и я получилъ переводъ въ Кіевъ.

Божественный Александръ Ив. не могъ мнѣ простить своего увольнения. Узнавъ отъ Лазова, что Бибиковъ, якобы самъ меня назначилъ на его мѣсто, ученый мужъ былъ увѣренъ, что я какими-то путями пролѣзъ къ генераль-губернатору и добился перемѣщенія. „Пролазъ“—прошипѣлъ профессоръ.

Да, государи мои, тяжелыя времена переживали мы!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЕГЕНДА О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЖИВОПИСЦѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современныя и старыныя малорусскія версіи легенды о малярѣ.—Нѣмецкія и французскія фэблы.—Отраженіе легенды въ памятникахъ искусства.—Предположеніе о происхожденіи легенды.

Въ Малороссіи большой популярностью пользуется легенда о благочестивомъ малярѣ. Въ печати она также извѣстна. Сравнительно болѣе подробный и лучше развитый варіантъ въ сборникѣ легендъ изъ купянскаго уѣзда харьков. губ. г. *Иванова* въ „Этногр. Обзор.“ 1892 кн. 2—3, стр. 73—75.

— Жывъ колысь соби одынь благочестивый маляръ. Винъ рысувавъ иконы ловко и дома, и въ церквѣ; молився усердно Богу и дуже не любывъ лукавыхъ. Отъ разъ нарысувавъ винъ выдъ нечыстого и поставывъ въ тимъ мисти, куды ходывъ про себе. Каждый разъ, якъ пиде туды, яку-небудь и зробе ему пакость; и высквернивъ ёго такъ, що то бувъ страшный, а то ще страшнійше ставъ. Розсердывся на его лукавый, лыввся ему во снѣ и каже: „посміявся ты зъ мене, а я якъ зъ тебе посміюсь, то зъ тебе и людей не буде!“ Маляръ не злякався ёго, ще пуще знущается надъ нымъ. Огъ одынь разъ зазвонили до утрени, собралысь люды, дывляця, а на иконостасѣ нема ни капли золота и кой-яки иконы тожъ обобрани, що булы зъ золотомъ. Тоди люды собралысь и пишли кой-кого изъ примитивныхъ грусыты (обыскивать). И отъ ходылы скрызъ по слободи, всю слободу пройшли и ни въ кого не нашлы. Якъ идуть мимо маляра, одынь чоловѣкъ и каже: „давайте до ёго зайдемъ!“ а други кажуть: „хиба можно, щобъ цей чоловѣкъ се зробиць?“

Той опять: „та ни таки, зайдемъ!“ Ти опять: „хиба такы можно на ёго це думаты: винъ николы ничего чужого не трогавъ, а то, бачъ, полIZE у церкву... та зайты, такъ и зайдимъ“. Отъ зайшлы и началы скрызъ шукаты. Шукалы, шукалы—нема ниде; потимъ якось заглянули пидъ трубу, а тамъ стоить тръ мишка золота. Ну, золото забралы, а маляра повелы на судъ и осудылы его на суди повисыты за его кражу. Якъ является до его лукавый и каже: „согласысь поставыты мене къ ликамъ Божимъ и класты мени що дня пять поклонъ, то я тебе выручу“. Маляръ согласывся, пишовъ додому, взявъ выдъ лукавого, обмывъ гарненьво и поставывъ къ ликамъ Божимъ. А лукавый принявъ выдъ маляра, его и повелы вишаты заместо маляра. Повисылы и пишлы люды въ церкву. Дывляця, а на иконахъ все золото цило и на иконостасы. Воны и кажутъ: „защожь це мы его загубылы!“—и пожалилы за нымъ. Потимъ идуть зъ церкви, глядъ, а наместо маляра на висылыци высыты вязанка соломы, люды удывылысь и пишлы до маляра, а винъ живой. Глядъ на стину, а у него высыты тамъ мижъ богами лукавый. Воны и спрашуютъ маляра: „на що ты цю пакость повисывъ межъ иконы святи“? Винъ и розказавъ имъ все порядку, якъ и що було; тоди воны устрашылысь и пишлы выдъ его геть. Но не довго маляръ ему молився: напала на него скорбъ и мучыла его такъ, що винъ скоро и пропавъ безъ всякой висти, такъ що ныхто и незнавъ, де винъ и дився“.

Въ вар. г. *Драгоманова* въ „Малорус. преданiяхъ и разсказахъ“ стр. 51 подъ заглавiемъ „Местъ чорта богомольному чловѣу“ не сказано, что этотъ чловѣкъ маляръ. Чортъ разсердился на благочестиваго чловѣка за то, что онъ „въ церкви Богу молытвся, а чортови дули пхае“. Великорусскiй вариантъ у *Аванасьева* („Сказки“ IV, 542).

Легенда о малярѣ была хорошо извѣстна въ южно-русской схоластической литературѣ XVII вѣка. Въ „Небѣ Новомъ“ *Галаятовскаю*, вышедшемъ впервые въ 1665 г. во Львовѣ на польскомъ и малорусскомъ языкахъ, затѣмъ въ Черниговѣ въ 1677 г. и въ Могилевѣ въ 1699 г., въ XXI главѣ говорится, что одинъ живописецъ очень хорошо нарисовалъ пресв. Дѣву

Марію и помѣстилъ подъ ея ногами чорта въ отвратительномъ видѣ. Обиженный чортъ вихремъ налетѣлъ на него и опрокинулъ лѣстницу, на которой онъ стоялъ.

Въ 24 главѣ „Неба“ находится разсказъ о томъ, что въ одномъ монастырѣ монахъ живописецъ очень хорошо изображалъ пр. Дѣву Марію и очень безобразнымъ рисовалъ чорта. Чортъ сталъ его мучить и соблазнилъ обокрасть церковь. Монаха хотѣли казнить и уже привязали его къ столбу для казни; но пресв. Богородица освободила его, привязала къ столбу чорта, и монахи сильно избили его. Послѣднее сказаніе, очевидно, стоитъ въ родствѣ съ современными народными легендами о малярѣ и, можетъ быть, было непосредственнымъ для нихъ источникомъ. Галатовскій хорошо былъ знакомъ со средневѣковой схоластической литературой, и, вѣроятно, отсюда онъ взялъ легенду о малярѣ.

Легенда о благочестивомъ живописцѣ въ Германіи и во Франціи въ XII—XIV ст. входила въ *fabliaux*, новеллы, проповѣди, памятники искусства. Въ древнемъ нѣмецкомъ стихотвореніи „*Maria und der malaere*“ говорится, что одинъ талантливый живописецъ однажды нарисовалъ на наружныхъ стѣнахъ храма картину, въ которой пресв. Богородицу изобразилъ, какъ можно лучше, а демона, какъ могъ хуже. Демонъ разсердился и сдѣлалъ строгій выговоръ живописцу, но послѣдній нарисовалъ его еще болѣе безобразнымъ. Тогда демонъ бросился на него во время работы и хотѣлъ его сбросить съ приставныхъ лѣсовъ; но живописецъ обратился съ молитвой къ пресв. Богородицѣ, и Она протянула съ иконы правую руку и поддержала его. Демонъ улетѣлъ и болѣе не беспокоилъ художника. (*Hagen, Gesamtabenteuer, III, 474—476*).

Насколько разсказъ о благочестивомъ художникѣ былъ популяренъ въ старинное время въ европейскихъ литературахъ, видно изъ того, что онъ вошелъ въ фривольную сферу фэблы. Въ сборникѣ Барбозана и Меона приведена, между прочими, слѣдующая новелла (передаю въ сокращеніи г. *Шепелевича* въ „Очеркахъ изъ ист. средневѣк. литер.“ 24—25). На стѣнахъ церкви монахъ художникъ изобразилъ сцены изъ рая и ада.

Ему удалось нарисовать такого дьявола, что никто не могъ смотрѣть на него безъ отвращенія. Мало того, монахъ взялся за рѣзецъ, и результаты оказались блестящими: дьяволъ оказался столь ужаснымъ и безобразнымъ, что всѣ, кто его только видѣлъ, серьезно увѣряли, что ни въ живописи, ни въ скульптурѣ не видѣли никогда такого безобразія. Дьяволъ обидѣлся, явился къ художнику и осыпалъ его упреками за изображеніе его безобразія, увѣждая вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить ненавистное ему изображеніе. Но монахъ отказался повиноваться. Тогда дьяволъ рѣшилъ ему отмстить. Онъ склонилъ монаха влюбиться въ монахиню сосѣдней обители, добиться ея взаимности и не только увѣжать вмѣстѣ съ нею, но еще унести монастырскія сокровища. Виновный былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму; его ожидала смертная казнь. Въ тюрьмѣ его посѣтилъ дьяволъ и обѣщавъ выпутать изъ бѣды, если отвратительное изображеніе будетъ уничтожено. Монахъ съ радостью согласился. Дьяволъ освободилъ его, остался въ тюрьмѣ, а монахъ отправился въ келію. Утромъ монахи приплыли за осужденнымъ на казнь; но каково было ихъ изумленіе, когда они увидѣли прикованнаго къ столбу чорта. Онъ сорвался съ цѣпи и съ шумомъ улетѣлъ. Монахи пришли къ заключенію, что во всемъ этомъ дѣлѣ братъ былъ ни причемъ и что все натворилъ лукавый бѣсъ. Художникъ сдѣлалъ другое, болѣе благообразное изображеніе чорта. Въ другой версіи заключеніе иное. Послѣ троекратныхъ просьбъ и угрозъ чорта, художникъ не только не сдѣлалъ уступки, но изобразилъ чорта поправленнымъ ногами Богородицы и низвергаемымъ въ адъ. Чортъ толкнулъ лѣстницу, на которой стоялъ живописецъ, когда оканчивалъ свой назидательный трудъ; но пресв. Дѣва съ образа схватила за руку художника и спасла его отъ гибели. Послѣдняя версія, очевидно, тождественна съ древнимъ нѣмецкимъ фабльо.

Въ одномъ латинскомъ сборникѣ XV вѣка въ библіотекѣ св. Марка г. Шепелевичъ нашелъ латинскій пересказъ, очень короткій. Вотъ его начало: „О живописцѣ и дьяволѣ. Живописецъ нарисовалъ дьявола въ безобразномъ видѣ и очень низко, а пресв. Дѣву въ славѣ и высоко; тогда явился діаволъ“. Да-

лѣе передаются упреки дьявола и отказъ живописца уничтожить изображеніе. Чортъ толкаетъ лѣстницу; но икона протянула руку живописцу и удержала отъ паденія“ (ib. 26).

Этотъ рассказъ отразился въ искусствѣ. Г. Шепелевичъ указываетъ на миниатюры въ рукописи, извѣстной подъ названіемъ Псалтири королевы Маріи (ib. 25).

Рассказъ возникъ въ монастырской средѣ въ глухіе средніе вѣка; въ основаніи его, по всей вѣроятности, лежитъ дѣйствительный случай: монахъ живописецъ обворовалъ церковь и сбѣжалъ, можетъ быть, даже съ сосѣдней монахиней, какъ передаетъ французская версія; но его преступленіе было истолковано въ его пользу вмѣшательствомъ чорта—довольно обычное явленіе средневѣковой жизни, когда чортъ являлся къ услугамъ тѣхъ, кто желалъ воспользоваться имъ, оправдать близкаго человѣка, насолить врагу, прикрыть и оправдать нарушеніе божескихъ и человѣческихъ законовъ. Разъ попалъ этотъ рассказъ въ письменность, онъ пришелся по плечу тогдашней читающей публики, вошелъ въ разрядъ многочисленныхъ демонологическихъ легендъ, связанъ былъ съ обширнымъ цикломъ сказаній о Мадоннѣ и въ разныхъ формахъ циркулировалъ въ Европѣ, начиная съ сухихъ монастырскихъ хроникъ до фривольныхъ фабль. Въ Малороссію его внесла, вѣроятно, схоластическая литература, мѣстные ея представители, изъ воспитанниковъ кіевского коллегіума; съ ихъ легкой руки легенда о благочестивомъ живописцѣ привилась къ малорусской народной словесности, что могло произойти безъ прямого непосредственнаго воздѣйствія западныхъ фабль.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

БОГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ¹⁾.

(ПО ШКОЛЬНЫМЪ ВОСПОМИНАНИЯМЪ).

Проживъ годъ въ монастырскихъ квартирахъ, я былъ переведенъ на квартиру къ учителю Ивану Августиновичу Буйницкому, который былъ для учениковъ-квартирантовъ настоящимъ отцомъ. Правда, въ монастырскихъ квартирахъ жилось свободнѣе: ученикамъ можно было въ карты играть (особенно ученикамъ высшихъ отдѣленій), курить; на квартирахъ же учителей надзоръ былъ серьезнѣе, и предаваться развлеченіямъ, недозволеннымъ начальствомъ, положительно нельзя было. Кражи книгъ и вещей на квартирахъ учителей были немислимы; если же и случались, то всегда украденное находили, а виновнаго могли выгнать изъ училища. При мнѣ лучшіе ученики высшаго отдѣленія назначались старшими, и ученикъ въ этой должности считался уже „начальствомъ“. Старшій держалъ высоко свое знамя: онъ во всякое время ученика низшаго и средняго отдѣленія могъ бить, даже сѣчь, а жаловаться на него опасно было, потому что при жалобѣ старшій наговоритъ инспектору, или помощнику его столько разныхъ проступковъ на ученика, что инспекторъ непременно высѣчетъ, да еще и поручитъ сѣченіе самому старшему. Обязанность старшаго была наблюдать за поведеніемъ учениковъ ввѣренной ему квартиры, о замѣченныхъ проступкахъ доносить каждую недѣлю инспектору, а о болѣе важныхъ смотрителю. По очереди назначался „дежур-

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1894 г., № 9.

ный старшій“, который могъ до прихода учителя входить въ классы низшаго и средняго отдѣленія и замѣченный крикъ и шумъ прекращать собственною властью. Часто старшій самъ расправлялся съ учениками, производившими шумъ. Каждый день онъ являлся къ инспектору, доносилъ о безпорядкахъ и выслушивалъ приказанія, а по субботамъ передъ вечернею всѣ старшіе являлись къ смотрителю, выслушивали отъ него наставленія и указанія, какъ смотрѣть за учениками и особенно наблюдать за тѣмъ, чтобы ученики не курили табаку и не пьянствовали.

Назначеніе старшихъ послѣдовало въ іюнѣ 1828 г., по распоряженію правленія семинаріи, и разсматривалось, какъ одинъ изъ лучшихъ способовъ надзора за учениками; но практика въ должности старшихъ нашла много нехорошихъ чертъ, и, кажется въ концѣ 60 годовъ, этотъ способъ надзора за учениками уничтоженъ безвозвратно. Старшіе въ квартирахъ и даже рядовые ученики высшаго отдѣленія были прямо деспоты по отношенію къ ученикамъ средняго и низшаго отдѣленій: лежитъ, напримѣръ, ученикъ высшаго отдѣленія на кровати и приказываетъ ученику средняго отдѣленія искать ему изъ латинскаго словаря слова къ переводу изъ *Корнелія Непота* и др.; ученикъ не смѣетъ отказать, иначе тотъ его побьетъ и все равно заставитъ исполнить. Послѣ полученія билета на праздникъ, ученикъ мечталъ, что онъ теперь не знаетъ начальства, что онъ вольная птица—поэтому очень часто ученики въ то время расправлялись со старшими; но, по возвращеніи изъ праздниковъ или каникулъ, погибала прежняя заносчивость, и приходилось преклонять голову предъ всякимъ ученикомъ старшаго класса. Однажды одинъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія, насолившій меньшей братіи своими приказаніями, при окончаніи курса училища напился до безсознанія и въ пьяномъ видѣ пошелъ спать въ сарай; ученики, замѣтивши это, такъ его сильно избили, что онъ нѣсколько недѣль былъ нездоровъ и поѣхалъ на каникулы со знаками побоевъ, такъ и не зная, кто его побилъ. Въ сѣняхъ училища могли, только до прихода учителей, прохаживаться одни ученики выс-

шаго отдѣленія; ученики же низшихъ классовъ имѣли право пройти по сѣнямъ въ свои классы, оставаться же въ сѣняхъ, для наблюденія положительно было невозможно: ученикъ высшаго отдѣленія непременно дастъ въ шею и за уши отведетъ въ классъ.— Учитель И. А. Буйницкій, у котораго я квартировалъ, преподавалъ русскую грамматику по *Гречу*, церковный уставъ и нотное пѣніе, и нужно сказать, преподаваніе его, по тому времени, было превосходное: онъ не по одному руководству разъяснялъ правила грамматики, но велъ особыя записки и по нимъ разъяснялъ всѣ правила, а главное онъ заставилъ учениковъ средняго отдѣленія писать сочиненія. Такое честное и основательное преподаваніе русскаго языка, въ связи съ составленіемъ сочиненій, приносило громадную пользу ученикамъ по поступленіи въ семинарію: сразу ученики могли излагать на бумагѣ свои мысли на заданныя темы. Церковный уставъ при мнѣ преподавался по маленькому руководству, въ которомъ только и памяты были слова „аще, полиелей“; по такому руководству нельзя было ничего понять и знать. Учитель Буйницкій приносилъ въ классъ церковную книгу—„уставъ“, и разъяснялъ, какіе каноны и тропари когда читать, и затѣмъ заставлялъ учениковъ розыскивать эти каноны. Вообще учитель Буйницкій преподавалъ свои предметы съ усердіемъ; его считали малоспособнымъ благодаря его заиканію; однако трудолюбіемъ онъ достигалъ большаго, чѣмъ способные, но нежелающіе ничего дѣлать. Православный катихизисъ и латинскій языкъ преподавали сначала Георгій Рождественскій, а по переводѣ его въ Рыльское училище былъ назначенъ инспекторъ Екатеринославскаго духовнаго училища іеромонахъ Виссаріонъ. Это тоже была очень свѣтлая личность; онъ преподавалъ свой предметъ съ особымъ усердіемъ; говорилъ цвѣтисто, но ясно, слова его такъ и дѣйствовали прямо на душу. Человѣкъ былъ онъ въ высшей степени религиозный и своимъ преподаваніемъ вносилъ въ душу каждаго это чувство. Онъ возбуждалъ энергію въ ученикахъ подачею „de iuss;“—это означало, что ученикъ долженъ заявить письменно, на чье мѣсто въ разрядномъ спискѣ онъ предъявляетъ право, и затѣмъ по письменной задачѣ и устнымъ отвѣтамъ дол-

женъ доказать, что больше знаетъ того, на чье мѣсто подается; и если онъ удовлетворялъ заявленному требованію, то повышался въ спискѣ. Прослуживъ въ м. Богуславѣ съ 1856 г. по 1858 г., іеромонахъ Виссаріонъ былъ переведенъ профессоромъ священнаго писанія въ Черниговскую духовную семинарію. Географія преподавалась тоже не плохо: ученики, кромѣ обыкновенныхъ картъ, изучали страны свѣта по такъ называвшимся тогда „слѣпымъ картамъ“, гдѣ не было никакихъ подписей городовъ и странъ, что способствовало развитію соображенія. Смотритель училища, игуменъ Ѳеодоръ, за отсутствіемъ учителя, преподавалъ иногда географію. Помню, что онъ, для точнаго пониманія формы земли, приносилъ въ классъ яйца, яблоки; объяснялъ положеніе земли, форму ея и отношеніе къ другимъ планетамъ,—а особенно къ солнцу, а послѣ уроковъ все принесенное раздавалъ ученикамъ. Преподавая ариметику, онъ приносилъ для практическаго преподаванія счеты, мѣдныя деньги по 1 и 2 коп., а послѣ хорошо отвѣчавшимъ ученикамъ дарилъ эти деньги. Латинскій языкъ преподавали также очень хорошо: много заставляли выучивать словъ, такъ что къ окончанію курса ученики вполне достаточно для училища знали языкъ, хотя въ семинаріи совсѣмъ почти его забывали. Но что не нравилось мнѣ изъ внутренней жизни училища, хотя этотъ недостатокъ былъ не только въ Богуславскомъ училищѣ, но и во всѣхъ духовныхъ училищахъ,—это то, что каждый ученикъ и учитель непременно имѣли „прозвище“; сами же учителя ученика непременно окрестяютъ какой-нибудь кличкой: „бабой, телицей, гедзомъ“,—и это прозвище пройдетъ съ нимъ черезъ все время ученія въ училищѣ. Смотритель о. Ѳеодоръ серьезно преслѣдовалъ сочинителей этихъ прозвищъ, но, вѣроятно, этотъ недостатокъ и теперь еще не уничтоженъ.

Я могу сказать, что въ квартирѣ Буйницкаго жилось намъ хорошо. Буйницкій даже настаивалъ, чтобы, послѣ выучиванія уроковъ, ученики играли. Мѣста свободнаго для игръ было много; дворъ у насъ былъ большой, и мы играли въ „войну“, „мячъ“, „дурки“. У Буйницкаго былъ лакей „Янко“, мальчикъ 16 лѣтъ; онъ былъ одноворецъ и получилъ прозвище „яхъ“; онъ

зналъ это свое прозвище, а потому сейчас же принимался бить произносившаго это слово. Жаловаться Буйницкому не всегда было удобно, почему мы жаловались кухаркѣ, а она, бывало, такъ намнетъ ему чуба, что онъ нескоро забудетъ. Намъ—8 квартирантамъ Буйницкаго—было отъ 10 до 14 лѣтъ, и по одиночкѣ Янко могъ побить каждого изъ насъ; но были случаи, что мы ему оплачивали вдвойнѣ. Кухарка, по распоряженію Буйницкаго, каждую субботу мыла намъ головы, чесала насъ и давала бѣлье; бани мы не знали, да и при монастырѣ не было бани. Доктора постоянного при училищѣ не было, а если кто изъ учениковъ или учителей серьезно заболѣвалъ, то приглашали изъ м. Богуслава доктора Садковского. Понятно, кто приглашалъ, тотъ и платилъ, а иногда больной ученикъ, если могъ, пѣшкомъ ходилъ къ доктору, съ письмомъ отъ учителя, и докторъ давалъ ему рецептъ. При мнѣ въ училищѣ не было ни одного смертнаго случая.

Въ то время сѣченіе розгами было одно изъ первыхъ наказаній; болѣе слабыя наказанія были: стояніе на колѣняхъ возлѣ печки и послѣдней скамейки, которую всегда называли „камчаткою“, надѣваніе на голову ослиныхъ ушей, битье въ щеки и тяганіе за волосы. Сѣченіе розгами было самое распространенное наказаніе, которое, по тому времени и пониманію, считалось сильнымъ средствомъ для врачеванія учениковъ, не желавшихъ или не могущихъ учиться. Замѣчательно, что въ то время существовало между учениками единство и общность интересовъ: выдать товарища значило измѣнить всему классу,—а это считалось великимъ преступленіемъ, въ отношеніи товарищества и самаго принципа; а потому если кто изъ учениковъ и провинится въ чемъ-нибудь, ученики его ни за что не выдадутъ. Но тогда начальство для открытія виновнаго начинаетъ пороть 3-го, 6-го, 9-го, 12-го, 15-го, и т. д. Нарушеніе субординаціи, по принципамъ смотрителя Θεодора, считалось великимъ преступленіемъ, какъ-то: неснятіе шапки предъ учителемъ, неуваженіе какимъ либо знакомъ личности учителя, произношеніе прозвища при проходѣ учителя; сѣченіе одно искупляло всѣ такіе грѣхи. Для этого несложнаго труда существовали ученики, называемые „цензорами“, которые изби-

рались и утверждались начальствомъ изъ *великовозрастныхъ*, по преимуществу „ословъ“ (плохихъ учениковъ);—по наукамъ они были нивуда не годны, но въ сѣчені розгами вполнѣ надежны. Цензора принимались съ особымъ удовольствіемъ за свое занятіе; оно льстило ихъ самолюбію, возвышало ихъ предъ учениками, давало право на снисхожденіе начальства. Каждый ученикъ старался угодить имъ, и въ матеріальномъ отношеніи это было очень прибыльно. И дѣйствительно,—пріѣдутъ родители, привезутъ какой-нибудь гостинецъ, такъ называемую „галду“,—она почти цѣликомъ неслась къ цензору; если цензоръ самъ не одолѣвалъ принесеннаго, то часть возвращалъ принесшему, и тотъ, какъ милость, принимаетъ эти остатки изъ рукъ цензора.—Если какой нибудь ученикъ утаивалъ *галду*, и цензоръ узнавалъ объ этомъ (у него были свои глаза и уши, такъ какъ отъ бѣднѣйшихъ учениковъ, не могшихъ лично принести что-нибудь, но старавшихся заслужить его расположеніе „наушничаніемъ“, онъ все зналъ), то ему достаточно было посмотреть только на утаившаго „восо“,—и добрые товарищи угадывали послѣдствія такого взгляда и прямо говорили: „неси, братъ, а то будетъ плохо.“ У цензора изъ лужка были приготовлены всегда лозы разныхъ величинъ, а на нѣкоторыхъ на концахъ была прикрѣплена проволока, употреблявшаяся для неговорчивыхъ. Мало того, въ плетеніи розгъ нѣкоторые цензоры достигали такого искусства, что, при сѣченіи и ударахъ, лоза свиститъ и „ляскаетъ“ такъ, что невольно подумаешь: „вотъ такъ сѣкутъ“, а въ дѣйствительности это былъ обманъ, и розга не прикасается даже къ тѣлу. Значитъ, дружба съ цензоромъ приношеніе къ нему гостинцевъ вполнѣ гарантировали ученика отъ сильныхъ ударовъ розгъ. Сѣкли всѣхъ,—слѣдовательно стыдиться кого-либо не было надобности, такъ какъ каждый подлежалъ сѣченію: бывало не такъ скажешь слово, не такъ отвѣтишь на вопросъ, засмѣешься въ классѣ,—и сейчасъ слышится грозное „къ розгамъ“. А то было обычнымъ явленіемъ, что учитель, пріѣдя въ классъ, первымъ дѣломъ смотрѣлъ въ эрратки: кто записанъ незнающимъ уроки по вѣдомостямъ, того и пороли. Тогда въ обычаѣ было, что лучшіе ученики выслушивали

худших; однимъ словомъ, каждый, прїидя въ классъ, шелъ къ своему аудитору, сдавалъ ему урокъ, а тотъ отмѣчалъ въ эрраткѣ, разграфленной по днямъ, слѣдующія отмѣтки: „scit“, „nescit“, „eggravit“. Всѣ незнающіе должны, до прихода учителя, уйти къ углу, къ печкѣ, и тамъ на колѣняхъ ждать учителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣченія. Кромѣ того, незнающіе урока должны были стоять на колѣняхъ до конца уроковъ и, находясь возлѣ печки или за печкой и за скамьями безъ надзора учителя, играли въ камешки и другія игры и совсѣмъ не слушали, что рассказываетъ учитель. При такомъ хитромъ сѣченіи цензоровъ, мы, я повторяю, почти не боялись розогъ. Иногда бывало такъ, что послѣ сѣченія какой-нибудь шутникъ еще соорудитъ особую рожу учителю, всѣ засмѣются, а учитель грозно крикнетъ: „чему смѣются?— всѣ къ розгамъ!“ И пошла всеобщая порка; а первый проказникъ каждому высѣченному опять соорудитъ какую-либо гримасу, такъ что невольно разсмѣешься,—и такъ весело пройдетъ время, что не замѣтишь, какъ зазвонитъ желанный колокольчикъ. Въ 1857 г. прошла по училищу молва, что инспектора Ельчукова переводятъ въ Лубенское духовное училище, а къ намъ назначается инспекторъ „грозный“ Заушкевичъ изъ г. Умани. Хотя мы привыкли къ розгамъ, и, какъ я уже сказалъ, сѣченіе для насъ неособенно было тяжело, но грозы боялись тѣмъ болѣе, что имѣли глупость вѣрить нелѣпнымъ слухамъ, будто бы Заушкевичъ засѣдалъ на вѣки,—подъ розгами ученики умирали. Мы еще были дѣтьми, хотѣлось жить, и потому слухъ о назначеніи Заушкевича пришелся намъ не по вкусу; но не намъ было разсуждать, и мы ждали грозы.

Инспекторъ Ельчуковъ преподавалъ церковную и русскую исторію и греческій языкъ. Человѣкъ онъ былъ холостой, добродушный, скромный, серьезный; нужно сказать, что ученики не боялись его: преподавалъ онъ свои предметы по тому времени превосходно, и ученики учились, какъ могли. Правда, что и онъ сѣлъ, но все это производилось такъ по-отечески, что не возбуждало никакихъ особенныхъ жалобъ въ ученикахъ.

Помню, что ученики даже злоупотребляли добротою и серьезностью Ельчукова: вызоветь, бывало, ученика, а тотъ и начнетъ читать исторію о Петрѣ Великомъ и тутъ же переведетъ на молитвы. Скоро слухъ о переводѣ Ельчукова оправдался, и мы проводили его изъ училища съ плачемъ. Помню,—въ день выѣзда Ельчукова не было классовъ, и всѣ ученики собрались въ училище и при выѣздѣ въ рядахъ по классамъ шли за повозкой и плакали, а Ельчуковъ, видя нашъ плачъ, самъ прослезился, на каждомъ шагѣ оборачивался къ намъ, плакалъ, а мы навзрыдъ рыдали. Провели мы такъ его съ версту за училище, поцѣловали каждый изъ учениковъ его въ руки и простились на вѣки. Во второй половинѣ 50 годовъ начало уже вѣять новымъ духомъ; въ педагогикѣ сталъ господствующимъ взглядъ, что розги—зло для молодежи, что розги убиваютъ всѣ лучшія и дорогія нравственныя чувства, ожесточаютъ ученика и дѣлаютъ изъ него не будущаго честнаго дѣятеля, а врага человечеству. Подъ вліяніемъ такого взгляда, высшее начальство уже преслѣдовало грозныхъ учителей и инспекторовъ, воспрещало наказаніе учениковъ розгами. Когда наступили новыя времена и послѣдовали даже распоряженія о смягченіи наказаній, то въ числѣ учителей появилась молодежь, какъ наиримѣръ Иванъ Константиновичъ Максимовичъ, Иванъ Семеновичъ Левицкій, которые не только стали избѣгать ежечаснаго сѣченія, но даже проповѣдывали полное уничтоженіе розогъ, стали ученикамъ высшихъ классовъ говорить „вы“. Въ это то переходное время, за жестокости въ духъ училищъ въ г. Умани, Заушкевичъ былъ назначенъ инспекторомъ Богуславскаго училища. Помню, что предъ пріѣздомъ его стали мы собирать свѣдѣнія о личности его, характерѣ, что ему не нравится, какъ и чѣмъ избѣгать его гоненій и наказаній; нѣкоторыя свѣдѣнія мы получили. Вотъ эти свѣдѣнія: 1) называть нужно всегда его дядькомъ; 2) если кто изъ учениковъ попался въ его руки за какой нибудь проступокъ, то долженъ стараться уйти, потому-что, прійдя въ раздраженіе, онъ выходилъ изъ себя, дѣлался бѣшеннымъ и въ это время могъ и убить; 3) въ классѣ сидѣть смирно, не шумѣть, слушать и, Боже сохрани, не смѣяться; 4) избѣгать встрѣчи

съ нимъ, гдѣ бы то ни было, но въ крайности, при встрѣчѣ, сворачивать далеко и избѣгать имѣть при себѣ какой-либо предметъ кромѣ книги; 5) отвѣчать ему на вопросы по возможности лаконично, волосы очень низко стричь, бороду брить, ходить чисто и опрятно. Зная на первыхъ порахъ эти несложныя требованія, мы затаили духъ и ждали грозы. О Заушкевичѣ у насъ были свѣдѣнія, что онъ самъ сѣчетъ, носить при себѣ всегда лозы, и лозы ужасныя, бьетъ безъ пощады,—вотъ это и страшило насъ. Боялись его мы, а наши цензора при немъ совсѣмъ потеряли свой престижъ, что было для большинства такъ неутѣшительно. Узнавъ вполнѣ привычки и характеръ Заушкевича, мы ждали его съ замираніемъ сердца. Помню, въ концѣ 1858 года пошла по училищу вѣсть, что ночью пріѣхалъ Заушкевичъ. Первый вопросъ у каждаго изъ насъ былъ: „а видѣлъ Заушкевича, каковъ онъ?“. Теперь я хорошо помню его грозную фигуру, которая никогда не забудется. Роста онъ былъ высокаго, брюнетъ съ небольшою просѣдью, лице заросшее, съ громадными баками; волосы стригъ по возможности низко. Одѣтъ былъ въ черное поношенное пальто; на головѣ былъ картузъ съ кокардой. Пошелъ Заушкевичъ въ высшее отдѣленіе,—и сейчасъ зазвучалъ его сильный, громкій голосъ. Въ обычаѣ въ то время было, что новый наставникъ входилъ въ классъ въ сопровожденіи смотрителя, который указывалъ ученикамъ, „что волею начальства предстоящій предъ вами господинъ N назначенъ учителемъ: слушайте его,—учитесь“. Учитель въ свою очередь говорилъ маленькую рѣчь, и на этомъ оканчивалось знакомство. Явка новаго учителя была для насъ тѣмъ пріятна, что въ первый урокъ не было сѣченія; учитель говорилъ что либо по своему предмету, а затѣмъ уже въ слѣдующій урокъ все входило въ обычную колею. Заушкевичъ вошелъ въ классъ безъ рекомендаціи, сразу сталъ спрашивать, какъ каждаго фамилія; одного ученика спросилъ: „какъ зовутъ твоего отца?“. Тотъ отвѣтилъ, а Заушкевичъ сказалъ, „онъ мой товарищъ, вмѣстѣ окончили курсъ семинаріи. Скажи, чтобы, по пріѣздѣ, зашелъ ко мнѣ и привезъ овса“. Было написано ученикомъ сейчасъ письмо отцу,—и овесъ

былъ доставленъ. Заушкевичъ, осмотрѣвъ всѣ наши головы, многимъ приказалъ остричься, а одному, имѣвшему очень длинныя волосы, приказалъ прійти къ нему,—онъ его самъ острижетъ. Слыхали мы, что значить стрижка Заушкевича; онъ, бывало, положить ученика на порогъ двери и топоромъ отрубить волоса. Парикмахеръ у насъ былъ свой, такъ-что злополучный ученикъ, сейчасъ послѣ класса, остригъ волосы и явился къ Заушкевичу совсѣмъ подстриженнымъ, чѣмъ и предупредилъ грозную стрижку. Въ дѣйствительности онъ не былъ такимъ грознымъ, какъ передавали; правда, онъ требовалъ почти военной выправки въ сидѣніи въ классѣ; наблюдалъ, чтобы безъ нужды никто не вертѣлся и сидѣлъ скромно. За шалости и незнаніе уроковъ Заушкевичъ приказывалъ выйти на середину класса и бить поклоны, что было довольно картинно. Заушкевичъ, какъ я упомянулъ, преподавалъ греческій языкъ и даже въ моемъ классѣ учредилъ внѣклассныя занятія бесплатно. Во время этихъ классовъ, Заушкевичъ разъяснялъ намъ грамматическія правила греческаго языка, репетировалъ въ классѣ и вообще употреблялъ всѣ средства, чтобы ученики изучали и знали греческій языкъ, какъ требовалось программой. Квартира Заушкевича какъ разъ находилась противъ училища, гдѣ теперь теплая монастырская церковь. Онъ, бывало, выйдетъ изъ своей квартиры и, стоя подъ заборомъ, наблюдаетъ, что и гдѣ ученики дѣлаютъ. Квартиры учениковъ были расположены по скатамъ горы, и каждое движеніе ученика было видно инспектору; если онъ, бывало, крикнетъ своимъ громкимъ голосомъ, или войдетъ въ какую квартиру, то плохо приходилось виновному: сейчасъ лоза пойдетъ по плечамъ бѣднаго ученика. Недобрымъ показался намъ Дмитрій Матвѣевичъ Заушкевичъ вотъ за что: лѣтомъ, обыкновенно, до его назначенія, намъ разрѣшали купаться въ рѣкѣ Роси днемъ, подъ наблюденіемъ помощника инспектора, нѣсколько разъ. Рѣка Росъ каменистая: по берегу ея и на днѣ камень, вода чистая, здоровая и по мѣстамъ разной глубины. Росъ возлѣ монастыря имѣетъ видъ довольно широкой рѣки, течетъ плавно, но быстро; до пороговъ и выше

пороговъ мѣсто нарочно было отведено для купанья учениковъ. Сначала съ берега было неглубоко, и тамъ купались маленькіе ученики отъ 9 до 12 лѣтъ, гдѣ они начинали учиться плавать; выше же купались, большіе ученики средняго отдѣленія; а съ камня, гдѣ глубина большая, тамъ купались ученики высшаго отдѣленія, хорошіе пловцы. При мнѣ не было случая, чтобы кто нибудь изъ учениковъ утонулъ въ р. Роси, такъ какъ позволялось купаться не иначе какъ подъ надзоромъ инспектора или его помощника. Но Заушкевичъ совсѣмъ не позволилъ намъ купаться; ученики, однажды, собравшись въ классъ, всѣ единодушно просили его разрѣшить купаться, но онъ сказалъ: „разрѣшаю въ іюлѣ“, т. е. во время каникулъ. Ну и стали мы купаться тайно, а Заушкевичъ старался ловить учениковъ на мѣстѣ преступленія, благодаря чему произошелъ такой случай. Одинъ ученикъ ночью въ сапогахъ и въ одномъ бѣльѣ побѣждалъ съ товарищемъ купаться; товарищъ былъ также только въ бѣльѣ. Только-что они раздѣлись и начали купаться и плавать, какъ, вѣроятно, плескъ воды привлекъ къ нимъ Заушкевича. Онъ, какъ громъ, загремѣлъ надъ ними: „вылѣзай—кто тамъ!“ Ученики голову въ воду и молчатъ, а онъ стоитъ надъ ними, (знали они что онъ не будетъ раздѣваться). Онъ кричалъ, а они пользуясь, моментомъ, высовывали головы изъ воды, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, а послѣ опять въ воду и молчали. Надоѣло ему надъ ними стоять, замѣтилъ онъ бѣлье учениковъ, взялъ его и пошелъ домой. Вышли они изъ воды, пришли домой въ томъ видѣ, какъ мать породила, понятно шли уже въ квартиру не черезъ двери, а черезъ окна, надѣли новое бѣлье и стали думать, что дѣлать далѣе. Бѣлья не жаль было—можно было отъ него отказаться, но Заушкевичъ взялъ сапоги, которые были у ученика одни, значитъ, нельзя было пойти въ классъ, а денегъ не было, чтобы купить новыя. А вѣдь это не шутка: можно было надѣяться получить большое количество розогъ! Одинъ изъ учениковъ думалъ-думалъ, какъ пособить горю, и пришла ему счастливая мысль обратиться къ кучеру Заушкевича, не пособить ли онъ чѣмъ-нибудь ему. Заушкевичъ держалъ пару прекрас-

ныхъ воронныхъ лошадей, а кучерь его въ бѣдахъ помогаль ученикамъ. И вотъ кое-какъ одѣвшись, пошелъ ученикъ въ конюшню Заушкевича; кучерь былъ тамъ—онъ къ нему.—„Эй, Захаръ!—пособи, бѣда!—попался въ лапы къ дядькѣ; купался, а онъ бѣлье забралъ“,—и сунулъ ему гривеникъ. Захаръ подумавъ, взялъ гривеникъ, пошелъ въ комнаты и сейчасъ-же вынесъ одежду и сапоги; оказалось, что Заушкевичъ, придя домой, бросилъ бѣлье въ прихожей; горничная тайкомъ передала его кучеру, а кучерь ученику; получивъ свою одежду, ученикъ, не помня себя отъ радости, прибѣжалъ домой. „А что,—спросили товарищи,—бѣлье есть?“,—„И бѣлье, и сапоги“. Заушкевичъ послѣ и не вспоминалъ о бѣльѣ, а ученики по прежнему купались ночью, но только ходили въ однихъ рубахахъ, прятали ихъ въ кусты, и если приходилъ Заушкевичъ, то, не найдя бѣлья, шелъ далѣе. Иногда Заушкевичъ проявлялъ свою жестокость по совершенно пустымъ дѣламъ. Помню я, 12 іюня одинъ мой товарищъ Онуфрій К—скій былъ именинникъ; ученики по приходѣ въ классъ стали его поздравлять; онъ имѣлъ въ карманѣ стручки гороху и сталъ раздавать ученикамъ. Естественно,—каждый кричалъ: „дай мнѣ, дай мнѣ“, и подняли шумъ. Заушкевичъ, видя возлѣ класса, услышалъ шумъ, послалъ ученика узнать, отчего шумъ въ среднемъ отдѣленіи,—тотъ донесъ, что ученикъ-именинникъ раздавалъ стручки гороха. Вошелъ въ классъ Заушкевичъ страшно сердитый, „кто именинникъ“? Несчастный Онуфрій К—скій всталъ, а Заушкевичъ сказалъ: „къ розгамъ! дать ему 2 розги!“ Но у Заушкевича все было на оборотъ: если скажетъ 200 розогъ, то ученикъ доволенъ—т. е. дадутъ 2 или 3 розги, и прекратятъ, но если скажетъ дать одну или 2 розги, значитъ „пропалъ человекъ“. Жутко намъ стало за именинника; когда бы сталъ его цензоръ бить, это еще бы ничего; но подошелъ самъ Заушкевичъ и сталъ поправлять, и слѣды его ударовъ скоро отпечатывались на тѣлѣ несчастнаго. Довольно сказать, что его замертво отнесли на квартиру, и лежалъ онъ больной болѣе мѣсяца. Смотритель училища игуменъ Теодоръ узналъ объ этомъ, лечилъ его и, говорятъ, серьезно напугалъ Заушкевича,

сказавъ ему, что при ухудшеніи въ здоровьи ученика донесетъ начальству. Заушкевичъ струсиль, но ученикъ началъ поправляться, и все прошло благополучно. Съ Заушкевичемъ была продѣлана однимъ ученикомъ Радзивиловскимъ слѣдующая штука: Заушкевичъ не могъ слушать, если ученикъ нетвердо выговаривалъ греческія буквы „е и л“. Радзивиловскаго за шалости и незнаіе уроковъ Заушкевичъ каждый урокъ билъ лозой, рукою, а иногда и сѣкълъ. Надоѣла Радзивиловскому такая внимательность Заушкевича. Однажды Заушкевичъ вызвалъ Радзивиловскаго и кричить: „читай изъ Евангелія такую-то главу!“ Радзивиловскій вмѣсто твердаго произношенія умышленно читаетъ по гречески „лего“, а не „лэго“; мы всѣ знали ужасную отвѣтственность за это и выпучили глаза на Радзивиловскаго, не понимая, что онъ думаетъ и что будетъ съ нимъ. Заушкевичъ крикнулъ: „какъ!“ Радзивиловскій еще явственнѣе и протяжнѣе читаетъ „лего“. Мы смотримъ, а Заушкевичъ изъ-за стола бѣжитъ прямо къ Радзивиловскому съ выпученными глазами и бѣшенствомъ, и только что крикнулъ „какъ“ и хотѣлъ его схватить, какъ Радзивиловскій обернулъ ловко листкомъ и нюхательнымъ табакомъ засыпалъ ему глаза. Заушкевичъ остолбенѣлъ, а мы всѣ зашумѣли. У Заушкевича все лицо сдѣлалось багрово; сталъ онъ уходить изъ класса, а ученики—тотъ щипнетъ его, а тотъ укуситъ, такъ что едва вышелъ онъ изъ класса. На другой день мы ждали грозы, но онъ не вспомнилъ, а Радзивиловскаго больше не вызывалъ. Въ 1859 г., весною, Заушкевичъ оставилъ наше училище и перешелъ опять въ Уманское училище, гдѣ былъ его домъ и гдѣ онъ привыкъ настари служить. Выѣзжая онъ не прощался съ учениками и такъ внезапно выѣхалъ, какъ и въѣхалъ. Въ 1859 г. въ маѣ мѣсяцѣ посѣтилъ наше училище митрополитъ Исидоръ съ о. Крамаревымъ. Мы Высокопреосвященнаго Владыку встрѣтили на дворѣ, возлѣ училища; онъ насъ благословилъ, приказалъ идти въ классъ, а самъ отправился въ монастырскую церковь. По отзывамъ бывшихъ въ церкви, Владыка остался недоволенъ какими-то безпорядками въ церкви и очень сердитый пріѣхалъ къ намъ въ

классы. Въ среднемъ отдѣленіи, гдѣ я былъ, онъ спросилъ одного ученика: „кто изъ евреевъ, вышедшихъ изъ Египта, привелъ въ обѣтованную землю“? Тотъ не отвѣтилъ, онъ ко мнѣ; я сказалъ: „Исусъ Навинъ.—Кто другой?—Я забылъ. Затѣмъ онъ началъ допрашивать насъ, не холодно ли зимою въ нашихъ классахъ, топятъ-ли, не обижаютъ-ли насъ смотритель и учителя? Мы отвѣтили, что въ классахъ не холодно, печи топятъ и начальство не обижаетъ. Владыка недолго былъ въ училищѣ и скоро совсѣмъ выѣхалъ. Въ томъ же году пріѣхалъ къ намъ въ училище ревизоръ Теофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, профессоръ Кіевской семинаріи. Самъ онъ былъ воспитанникъ Богуславскаго училища и потому чувствовалъ всегда симпатію къ этому училищу. Прибывъ въ училище, Лебединцевъ остановился въ квартирѣ смотрителя Игумена Θεодора, сталъ съ нимъ посѣщать классы. Затѣмъ начались экзамены. Далъ онъ намъ темы для перевода съ латинскаго языка, предложилъ составленіе разныхъ предложеній и сталъ на экзаменахъ строго спрашивать по всѣмъ предметамъ. Но преподаваніе у насъ велось хорошо подъ руководствомъ смотрителя Θεодора, и мы, ученики, отвѣчали вполнѣ удовлетворительно, такъ-что Лебединцевъ остался доволенъ такими занятіями и умственнымъ развитіемъ учениковъ. Посѣщая церковь во время экзаменовъ, Лебединцевъ обратилъ вниманіе на то, что одинъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія И. Л—скій превосходно пѣлъ въ хорѣ теноромъ. Θε. Г. Лебединцевъ спросилъ, „какъ его фамилія и какіе у него успѣхи“? Смотритель училища и учителя отвѣтили: „ученикъ этотъ предназначенъ къ исключенію; онъ не занимался въ теченіе цѣлаго года, не ходилъ часто въ классы, и въ училищѣ былъ нетерпимъ“. Лебединцевъ сказалъ: „рѣдкій у него голосъ; жаль, если такой ученикъ пойдетъ въ дьячки; беру я его подъ свое покровительство и переведу въ семинарію“. На экзаменѣ Θε. Г. Лебединцевъ обращалъ вниманіе на способности этого ученика. Дошли эти свѣдѣнія до самого ученика, и онъ считалъ было уже себя погибшимъ, но при вниманіи къ себѣ ревизора сталъ заниматься и кое-что отвѣчать, такъ-что Лебединцевъ перевелъ его въ

семинарію. Лебединцевъ совѣтовалъ ему пѣть въ семинарскомъ хорѣ, обѣщалъ принять на казенное содержаніе. Кажется, — послѣ смерти отца, еще въ училищѣ, ученикъ этотъ пересталъ учиться, но перешелъ въ архіерейскій хоръ и плохо учился въ семинаріи; Лебединцевъ ему протезировалъ. Впрочемъ, какъ мнѣ извѣстно, ученика этого послѣ уволили и изъ семинаріи.

П. Клебановскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БАТУРИНЪ.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній.)

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ льетъ?
Надъ намъ дворца разрушенныя своды,
Густой травой давно заросшій входъ,
Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою.
Туда, туда стремлюся я душой.

Гр. А. Толстой.

Былъ жаркій іюльскій день, когда я, вмѣстѣ съ двумя юными спутниками, по Конотопской дорогѣ приближался къ бывшей столицѣ Малороссіи, встрѣчая по пути преимущественно экипажи съ офицерами, направлявшимися изъ Батурина на желѣзную дорогу. Версты за три до мѣстечка стали видѣться верхушки Батуринскихъ церквей и другихъ построекъ, а затѣмъ впереди ихъ, съ правой стороны, намъ бросилось въ глаза полуразвалившееся каменное зданіе безъ крыши.—Что это такое?, спросилъ я извозчика.—„Тепловка“,—отвѣтилъ онъ.

Продолжая путь дальше и минуя лагерь, расположенный влѣво отъ дороги, мы увидѣли на противоположной сторонѣ ея, немного ближе къ Батурину, другое мѣсто, которое не можетъ не остановить вниманія каждаго любознательнаго туриста. Называется оно теперь „городкомъ“; это—бывшая усадьба гетмана Мазепы. Она была приобрѣтена отъ казны извѣстнымъ человекомъ С. П. Великданомъ, который здѣсь помѣщалъ часть своей пасѣвы. По смерти его, эта усадьба, вмѣстѣ съ прочимъ имѣніемъ Великдана, была куплена съ публичныхъ торговъ евреемъ Юдовичемъ.

Прилегая въ почтовой дорогѣ, Мазепинская усадьба занимаетъ площадь въ 8 дес. 716 саж. Съ одной стороны она обрывается крутымъ спускомъ, обращеннымъ къ дугу, по которому протекаетъ Сеймъ, а съ трехъ остальныхъ сторонъ окружена глубокимъ ровомъ съ возвышающимся надъ нимъ валомъ, осунувшимся отъ времени. Это—тотъ валъ, о которомъ Кочубей въ своемъ доносѣ, упрекая Мазепу въ томъ, что послѣдній не заботится о починкахъ и укрѣпленіи Батурина, чего ради „валы около него осунулися и обвалилися“, почему „и одного дня неприятельскаго наступленія отсидѣться невозможно“,—писалъ дальше: „а подворокъ свой Гончаровку ¹⁾ обнести велѣлъ знатнымъ валомъ для якоисъ невѣдомой причины ²⁾“. Вѣроятно, этотъ устроенный Мазепою валъ, придавшій усадьбѣ видъ старинныхъ укрѣпленій, и былъ причиною того, что впоследствии ее стали называть „городцомъ“. Притомъ надо думать, что во времена Мазепы усадьба эта дѣйствительно была укрѣплена, на что, вромѣ вала и рова, указываютъ рассказы мѣстныхъ жителей о томъ, что въ старые годы здѣсь находили обломки пушекъ.

Внутри вала вся площадь усадьбы поросла фруктовыми и другими деревьями, посаженными и выращенными, очевидно, уже въ позднѣйшее время. Изъ исторіи извѣстно, что когда въ Ноябрь 1708 г. Батуринъ былъ взятъ Меншиковымъ, то усадьба Мазепы, вмѣстѣ съ большою частію Батуринскихъ построекъ, была разорена; въ описи Батурина, сдѣланной черезъ 17 лѣтъ послѣ того, именно въ 1726 г., передъ отдачею Батуринской волости Меншикову, дворъ Мазепы описывался такимъ образомъ: „въ ономъ дворѣ каменная палаты пустыя и разбитыя; тамъ-же церковь деревянная цѣла съ нѣкоторой частью иконостаса; въ ономъ дворѣ гай березовый и около его поле пахотное“. Отъ стариковъ намъ приходилось слышать, что въ давніе годы они видѣли развалины дома Мазепы съ одною изъ

¹⁾ „Гончаровкою“ Кочубей назвалъ усадьбу Мазепы потому, что она прилегаетъ къ слободѣ Гончаровской.

²⁾ Источникъ Малороссійской Исторіи Вавишъ-Каменскаго I, 106.

стѣнъ его, уцѣлѣвшешю среди развалинъ ¹⁾. Въ настоящее время отъ существовавшей въ усадьбѣ Мазепы деревянной церкви не сохранилось нивакихъ слѣдовъ, такъ что и нельзя опредѣлить, гдѣ именно она стояла; а отъ бывшаго дома Мазепы остались лишь находящіяся въ землѣ части каменнаго фундамента да груды мусора и мелкихъ камней, роясь въ которыхъ мы нашли обломовъ печного изразца съ хорошо сохранившимися рельефными украшениями. Въ близкомъ разстояніи отъ остатковъ фундамента, обозначающихъ положеніе дома, находится яма, имѣющая форму глубокаго рва длиною сажени въ три, а шириною—въ сажень съ лишнимъ; въ продольныхъ стѣнкахъ этого рва сохранились остатки каменной кладки, а въ одной изъ поперечныхъ стѣнокъ изъ подъ земли видѣнъ каменный сводъ, довольно узкій, какіе дѣлались надъ входами; былъ ли это погребъ или подвальное помѣщеніе какого нибудь другаго зданія,— не можемъ опредѣлить.

---

¹⁾ Въ журналѣ „Пчела“ (1876 г. № 16) А. Праховымъ былъ помѣщенъ рисунокъ Т. Г. Шевченка съ подписью: „Развалины дворца Мазепы въ Батуринѣ“, изображающій небольшихъ размѣровъ зданіе, въ которое ведетъ устроенная въ передней стѣнѣ широкая арка, по сторонамъ которой видны два забитыхъ окна, а чрезъ эту арку, въ противоположной стѣнѣ, видна другая такая же арка, третья стѣна имѣетъ третью арку (четвертой стѣнѣ на рисункѣ не видно); въ близкомъ разстояніи отъ зданія стоитъ каменный столбъ, отъ котораго идетъ чугунная рѣшетка. Рассказы стариковъ, которыхъ мы спрашивали, не подтверждаютъ существованія въ Мазепинской усадьбѣ ни такого зданія, ни чугунныхъ рѣшетокъ въ то время, когда эту усадьбу могъ посѣщать Шевченко; притомъ, по своему виду, это зданіе представляетъ собою скорѣе какую-то бесѣдку, чѣмъ жилой домъ. Очевидно, при помѣщеніи въ журналѣ рисунка, въ вышеприведенной подписи была допущена ошибка, подобная той, которая была указана въ Кіевской Старинѣ (1890 г. № 3), въ замѣткѣ г. А. Л., относительно другаго помѣщеннаго въ Пчелѣ рисунка, написаннаго Шевченку и изображающаго будтобы развалины дома Богдана Хмельницкаго въ Субботовѣ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ этотъ рисунокъ изображаетъ развалины, существующія въ паркѣ В. В. Тарновскаго въ Качановкѣ. Здѣсь будетъ встать упомянуть еще объ одной ошибочной подписи подъ рисункомъ. Въ Львовской „Зорѣ“ этого года (№ 4) помѣщенъ рисунокъ съ подписью: „Резиденція гетьмана Петра Дорошенка въ Батуринѣ“, изображающій большой каменный двухъ-этажный домъ съ башнями, стоящій надъ озеромъ или прудомъ, а за нимъ видны горы. Начего подобнаго въ Батуринѣ нѣтъ, а „резиденція“ Дорошенка въ немъ и быть не могло, такъ какъ Дорошенко никогда не жилъ въ Батуринѣ.

Какъ видно по расположенію упомянутыхъ отатковъ фундамента, домъ Мазепы стоялъ надъ обрывомъ къ Сейму. Съ этого мѣста открывается красивый видъ на очень широкій лугъ, среди котораго извивается Сеймъ и который въ длину тянется безъ конца, и на лѣса и деревни, расположенныя на противоположномъ берегу Сейма, а съ этой стороны рѣки, влѣво, виднѣется часть Батурина. Усѣвшись здѣсь на травѣ надъ обрывомъ, мы не могли не засмотрѣться на этотъ видъ, между тѣмъ какъ мысль отъ предметовъ окружающихъ уносила насъ въ далекое прошлое. Можетъ быть, думалось, на этомъ самомъ мѣстѣ, любуясь этимъ видомъ, сѣдой гетманъ нашептывалъ своей Мотрѣ слова любви; можетъ быть, здѣсь онъ обдумывалъ тѣ замыслы, которые повели къ соединенію его съ шведами; это самое мѣсто разумѣлъ Пушкинъ, помѣщая въ своей поэмѣ извѣстное описаніе:

„Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не можетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ,
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собой.

И теперь, около насъ, деревья шептали своими листьями, и намъ казалось, что они шепчутъ о минувшемъ, о томъ, что было когда-то и не воротится.

Не хотѣлось отвести глаза отъ красиваго вида, на который мы смотрѣли, но нужно было уходить, чтобъ продолжать путь дальше. Среди сада мы увидѣли шалашъ, у котораго стояли два мальчика. На вопросъ о томъ, что они здѣсь дѣлаютъ, они отвѣчали:

- Стережемъ яблоки.
- Чіи? Юдовича?
- Ни, офицеръ, купивъ
- Якій офицеръ?
- Не знаемо.

Такъ мы и не могли узнать, о какомъ офицерѣ идетъ рѣчь и купилъ ли онъ усадьбу Юдовича, или только растущіе на деревьяхъ фрукты.

Вышедши изъ усадьбы и подвигаясь къ Батурину, мы въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ границы „городка“ увидѣли остатки стариннаго каменнаго моста, переброшеннаго черезъ высохшій ручей и построеннаго, какъ мы слышали, гетманомъ Разумовскимъ; а сдѣлавъ около полуверсты, мы приблизились къ расположенной на окраинѣ Батурина Тепловкѣ, носящей такое названіе потому, что прежде это мѣсто принадлежало Г. Н. Теплову, отъ котораго было приобрѣтено К. Г. Разумовскимъ.

Также какъ и усадьба Мазепы, Тепловка расположена надъ крутымъ спускомъ, обращеннымъ къ Сейму, который въ этомъ мѣстѣ приближается къ крутому берегу, вслѣдствіе чего видъ отсюда еще живописнѣе, чѣмъ изъ Мазепина городка, и Батурина отсюда видѣнъ гораздо лучше. Тепловъ умѣлъ выбрать мѣсто для своей усадьбы. Странное впечатлѣніе производить въ настоящее время эта усадьба съ роскошно устроеннымъ домомъ, въ которомъ никто никогда не жилъ, изъ котораго не было сдѣлано нивакого употребленія и который какъ будто бы былъ возведенъ для того, чтобы вслѣдъ за окончаніемъ постройки началось разрушеніе, какъ будто бы эта картинная декорация нужна была Батурину для того, чтобы красивыми развалинами напоминать о прошломъ великолѣпіи.

Усадьба заключаетъ въ себѣ три каменныхъ зданій. Посрединѣ, фронтомъ къ Сейму, возвышается большой трехэтажный (а если считать съ подвальнымъ этажемъ, то четырехэтажный) домъ съ красивою колоннадою и балкономъ, обращеннымъ къ Сейму. По обѣимъ сторонамъ этого главнаго дома стоятъ два симметрично расположенныхъ полуразвалившихся двухэтажныхъ флигеля. За домомъ и флигелями можно видѣть жалкіе остатки сада, заброшеннаго такъ-же, какъ заброшена и вся усадьба. Видъ главнаго дома и одного изъ боковыхъ флигелей по снимку, сдѣланному въ 60-хъ годахъ, былъ помѣщенъ въ „Кіевской Старинѣ“¹⁾ вмѣстѣ со статьей г. А. Л., къ кото-

¹⁾ 1890 г. № 11.

рой мы и отсылаемъ читателей, желающихъ ознакомиться съ исторіей устройства Тепловки. Другой видъ этой усадьбы мы видѣли на находящейся въ домѣ Галагана въ Сокиринцахъ картинѣ Лагоріо, превосходно написанной маслянными красками ¹⁾.

Сравнительно съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ зданія Тепловской усадьбы изображены на картинѣ Лагоріо, и на рисункѣ, помѣщенномъ въ „Кіевской Старинѣ“, въ настоящее время эти зданія представляются въ еще болѣе обветшаломъ и близкомъ къ разрушенію видѣ. Крыши на нихъ обвалились, всѣ окна выбиты, всѣ двери выломаны. Верхняя часть парадной лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ главнаго дома, и колонна, ее поддерживавшая, обвалились, а другой лѣстницы мы не нашли: если она существовала, то исчезла безслѣдно. Вслѣдствіе того взойти во второй этажъ уже нельзя, хотя проникнуть туда еще возможно, вскарабкавшись (не безъ нѣкотораго риска) черезъ окно, расположенное надъ уцѣлѣвшею частью парадной лѣстницы. Изъ помѣщеннаго въ книгѣ Васильчикова „Семейство Разумовскихъ“ описанія Тепловской усадьбы видно, что въ то время, когда составлялось это описаніе (1880 г.), во многихъ комнатахъ главнаго дома еще сохранялись паркетные полы и лѣпныя украшенія; теперь паркета уже не осталось: весь растащили; остатки лѣпныхъ украшеній уцѣлѣли лишь на нѣкоторыхъ потолкахъ. Отъ каменной ограды, которая прежде окружала усадьбу, остались только слѣды, указывающіе на то, что когда-то здѣсь была каменная ограда.

Исчезновеніе разныхъ частей Тепловскихъ построекъ объясняется очень просто: мало-ли для какихъ хозяйственныхъ нуждъ могутъ понадобиться двери, паркетъ, желѣзо, кирпичъ, и отъ мѣстныхъ жителей мы слышали, что многіе батурицы, когда имъ понадобится строить печи въ своихъ домахъ, отправляются въ оставленную безъ всякаго надзора Тепловку и тамъ выламываютъ кирпичъ для своихъ печей; сначала растащили ка-

¹⁾ Нельзя не пожалѣть, что эта картина никогда не была воспроизведена въ снимкѣ.

менную ограду, затѣмъ принялись за стѣны бозовыхъ флигелей. Въ виду этого нужно ожидать, что, по мѣрѣ того, какъ обитатели Батурина будутъ такимъ образомъ утилизировать постройки Разумовскаго для своихъ надобностей, со временемъ рухнуть и самыя стѣны, и тогда отъ великолѣпныхъ зданій останутся одніе груды развалинъ, которыя въ свою очередь, когда растащутъ и ихъ также, какъ растащили весь домъ Мазепы, уступятъ мѣсто грядкамъ картофеля или чему-нибудь подобному.

Если отъ Тепловки продолжать путь къ центру Батурина, то при вѣздѣ въ одну изъ улицъ, съ правой ея стороны, путнику представится старинный каменный одноэтажный домъ, за которымъ виднѣнъ старый садъ. Это—бывшая усадьба генеральнаго судьи В. Л. Кочубея. Отъ усадьбы Мазепы она отстоитъ въ разстояніи приблизительно съ версту. Здѣсь домъ, видимо, реставрировался и настолько хорошо поддерживается, что въ немъ и теперь можно жить. Въ настоящее время эта усадьба принадлежитъ Козелецкому предводителю дворянства М. Н. Кочубею.

По другой сторонѣ этой же улицы, наискось противъ усадьбы В. Л. Кочубея, ближе къ центру Батурина, можно видѣть старую каменную стѣну, которая не бросается въ глаза, хотя и она говоритъ о прошломъ. Это—часть стѣны, окружавшей гетманскій домъ, въ которомъ жилъ К. Г. Разумовскій и который былъ построенъ вслѣдъ затѣмъ, какъ въ 1740 году было рѣшено перенести гетманскую резиденцію изъ Глухова въ Батурина. Домъ этотъ былъ деревянный, и отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ. Не удовлетворяясь этимъ домомъ и задумавъ устроить себѣ болѣе роскошное помѣщеніе, Разумовскій создалъ въ приобретенной отъ Г. Н. Теплова усадьбѣ тѣ зданія, о которыхъ мы говорили выше и въ которыхъ ему не пришлось жить.

Вѣхавъ, наконецъ, въ самый центръ Батурина, мы увидѣли еще одно зданіе, напомнившее о К. Г. Разумовскомъ; это—построенная имъ Воскресенская церковь, внутрь которой мы, къ сожалѣнію, не могли проникнуть, такъ какъ въ то время она была заперта. Здѣсь, въ этой церкви, покоится прахъ послѣдняго гетмана Малороссіи, надъ которымъ, какъ мы слышали,

воздвигнуть изящный мраморный памятникъ работы знаменитаго скульптора Кановы.

Мы перечислили всѣ сохранившіеся въ бывшей гетманской резиденціи остатки старины, которые, среди новаго Батурина, напоминаютъ о его прошломъ и наводятъ путника на размышленія о томъ, что tempora mutantur.

И. Ш—въ..

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла.

(ИЗЪ ДѢТСКАГО МІРА ДЕРЕВЕНСКАГО МАЛЬЧИКА).

Тридцать пять лѣтъ назадъ. Малороссія; глухой уѣздъ; захоluste,— село Ярешки; среди села ветхая, мрачная, тесомъ крытая церковь, у паперти тѣнистый величественный кленъ столѣтній; вокругъ церкви—вишни, сливы, груши; на окраинахъ погоста мощные вязы и высокіе стройные бересты; между послѣдними—приземистая, древней архитектуры, круглая и очень широкая „дзвоница“; внутри ея „комора“ для склада церковныхъ вещей и ульевъ съ пчелами на зиму. У погоста чудной ярю-зеленю отлиываетъ обросшая зеленымъ мхомъ крыша хаты, вросшей окнами въ землю. Глава семьи, прозябающей подъ этой грибомъ-крышей,—дядечекъ; центромъ же міра сознаетъ себя пятилѣтній мальчикъ этой семьи, у хаты на проѣзжей дорогѣ барахтающийся въ пыли, въ одной рубашенкѣ, опоясанной веревочкой, весь выпачканный въ грязь, въ смолу, съ непокрытой головой, остриженный, какъ овечка: безъ гребня, не гладко, а съ выступами и съ зарубинами и съ чубомъ-гривкой на лбу. Мальчикъ этотъ—я, пишущій эти строки.

Противъ меня черезъ дорогу „паньскій“ садъ фруктовый съ высокой статуей swętego Јана; далѣе стройный рядъ пирамидальныхъ тополей; за ними суровыя развалины мрачнаго „палаца“, гдѣ жилъ сумасшедшій сынъ дядыча, любившій стрѣлять крестьянскихъ дѣвушекъ, чтобы полюбоваться предсмертной конвульсивной агоніей убитыхъ имъ. Южнѣе палаца—боль-

шой домъ эконома Ольшевскаго. Вспоминаются мнѣ Ромце, Гелярко, Миколо и Миля Ольшевскіе; хорты и лягавыя ихъ, охота Ромця съ хортами и лягавыми и съ ружьемъ на паробковъ, крадущихъ груши и яблоки въ саду.—Среди улицы на перекресткѣ дороги „фигура“—крестъ съ рѣзнымъ распятіемъ, съ копьемъ, тростью съ губкою, съ 30 серебрянниками на досточкѣ у подножія распятія; „фѣгура осія сооружена во славу Божію коштомъ раба Божія Петра Максимчука Заруднюка року 1854“—значилось вырѣзанными буквами на подножіи креста. Поставлена она на томъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ „каторвалы“ на кобылѣ-эшафотѣ Ивана Бурлаку и Явдоху Когдянку, убившихъ „Дометя“, мужа послѣдней, чтобы самимъ повѣнчаться. Южнѣ креста—„ставъ“, истокъ рѣчки Каменки, на три четверти заросшій высокимъ очеретомъ-тростникомъ; на ставу островъ съ дикою грушею; владки для прачекъ. Съ трехъ сторонъ полукругомъ прудъ окаймляется густыми величественными вербами; въ концѣ „става“ за „греблей“ маленькій повалившійся отъ ветхости „млынъ“; ниже „млына“—крестьянскія „левады“; на нихъ съѣдобныя для крестьянскихъ дѣтей корешки и зубчатые листья, нюханіе которыхъ вызывало у насъ дѣтей кровь изъ носа. Прудъ—любимое сборное мѣсто крестьянскихъ дѣтей, почему въ памяти мелькаютъ одно событіе за другимъ изъ дѣтской жизни, связанной съ прудомъ. Я—утопленникъ; живо до сего дня помню пріятныя ощущенія радужнаго отраженія солнца сквозь воду въ моихъ глазахъ, когда я лежалъ въ водѣ, не понимая страха, не испытывая никакого мучительнаго состоянія, одинаково безъ боли во всѣхъ частяхъ тѣла давимый водою. Тутъ же у пруда дѣлались батоги изъ льня сушившейся конопли. Хлопанье этимъ бичемъ, стеганье имъ жабъ, выглядывавшихъ на насъ изъ воды у берега, ловля пиявокъ, прикасавшихся къ нашимъ тѣламъ, ловля карасей „тканыцами“ и вьюновъ руками; зимою—дѣланье фатокъ—маленькихъ сѣтей; прорубливаніе ополонокъ—полыньи для ловли фатками карасей и вьюновъ, вишавшихъ у прорубей; дѣланье дудочекъ изъ очерета, стрѣлъ съ осмоленными головками, „пискалокъ“ изъ рогозы и аира—вотъ наши постоянныя раз-

влеченія у пруда. Вокругъ пруда бѣленькія, низенькія съ маленькими оконцами избы крестьянъ; у каждой хаты непрѣменно вишневыи садикъ, съ чернобрывцами, повняками и рожею (мальва) передъ окнами, съ красными головками маку, съ красивыми въ желтомъ цвѣту головами подсолнечниковъ въ огородахъ, съ маленькими хлѣвами для скота и высокими влунями у забора, красиво плетеннаго изъ лозы, или изъ дубовыхъ кольевъ, или вала изъ соломы. Далѣе за селомъ другая экономія съ наглухо заколоченнымъ низкимъ домомъ дидыча и съ домомъ пана Ягусевскаго. Дѣти Ягусевскаго: панъ Мацейко съ „фюзіей“ на вороной лошади, Базѣ съ арапникомъ, Пѣтрусъ на палочкѣ, панна Улюся съ куклами, ея частое хожденіе въ церковь въ бѣлой соломенной шляпѣ, мое засматриваніе на нее съ клироса, мое частое хожденіе вблизи ея дома съ неумѣло скрываемымъ желаніемъ увидѣть ее; моя пламенная любовь къ ней на десятомъ году моей жизни; вмѣсто писемъ къ ней—рисованье и посылка ей картинки съ женщиною на колѣняхъ у надгробнаго креста, осѣненнаго деревьями; на картинкѣ микроскопическая надпись со стихами моей любви къ ней.

Много раньше, когда мнѣ пошелъ шестой годъ, послѣ науки у отца, я учился латыни вмѣстѣ съ Ягусевскими, Ольшевскими, Билецкими, Магнушевскими въ домѣ шляхтича Колонивскаго въ сборной школѣ, гдѣ учитель былъ полякъ и ученики на половину католики, на половину православныя, но русскій—я одинъ. „Розгой—духъ свѣтлый, дзятчкы, биць радзи“—ежедневно твердилъ намъ учитель. И нерѣдко намъ приходилось испытывать на себѣ дѣйствіе этого духа. Директоръ, такъ мы называли своего учителя, если не было подъ руками готовой розги, пробовалъ на своихъ питомцахъ дѣйствіе арапника; но это случалось съ нимъ только въ минуты особенной вспыльчивости подъ пьяную руку. Не смотря на то, что дома нашихъ родителей были недалѣе ста сажень отъ шкoly, полудновали мы въ школѣ, для чего каждому изъ насъ матери клали въ сумку хлѣбъ, сало, чеснокъ, яйца, колбасы, а въ постные дни жареныхъ карасей, а въ субботу—съ набаломъ: яйца, сыръ, масло. Полудновали мы въ 12 часовъ, а обѣ-

дали до прихода въ школу—часовъ въ семь или восемь, такъ какъ въ тѣ времена въ домахъ экономовъ по утрамъ и вечерамъ не пили еще чаю, а держали его для гостей, и то только почтенныхъ, и подавали во всякую пору дня. Въ домѣ же моего отца ни самовара не было, ни чайныхъ приборовъ.

Учились мы отъ утра до вечера безъ перерывовъ для отдыха; только въ полдень, послѣ ѣды, намъ давали полчаса на игры. Вечеромъ, предъ выходомъ изъ школы, всѣ ученики молились Богу, стоя на колѣняхъ со сложенными руками, и клали земные поклоны, а во время чтенія, не помню, какой-то молитвы всѣ падали ницъ. За исключеніемъ меня, всѣ остальные православные ученики, у которыхъ отцы были поляки, а матери православныя, молились по-католически—по польскимъ, молитвенникамъ. По выходѣ изъ школы по домамъ мнѣ, какъ наименьшему по лѣтамъ, часто доставались отъ товарищей пеньки за мои насмѣшки надъ ихъ самохвальствомъ.

Учился я въ этой школѣ не долго и чему тамъ научился—память теперь не подсказываетъ, но шестеро изъ моихъ товарищей достаточно были подготовлены и приняты въ Житомирскую гимназію. Два изъ нихъ, Мацейко и Базыль Ягупевскіе, дошли до 5 класса гимназіи и тѣмъ покончили свое образованіе; теперь оба они смотрителями почтовыхъ станцій пограничныхъ; третій—Гелярко Ольшевскій окончилъ Кіевскій университетъ и былъ въ Сѣвирѣ частнымъ повѣреннымъ; теперь онъ умеръ. Родной братъ послѣдняго, недоучившійся въ гимназіи, былъ акцизнымъ надзирателемъ и распился до того, что умеръ нищимъ попрошайкою; лучший же другъ моего дѣтства и товарищъ въ школѣ директора и на улицѣ въ дѣтскихъ играхъ, Франё Звѣрховскій, по выходѣ изъ гимназіи погибъ въ рядахъ польскихъ повстанцевъ.

Грустно становится на душѣ, когда призадумаясь надъ тѣмъ, что за какіе либо 30 лѣтъ я и всѣ мои товарищи дѣтства, равно и ихъ отцы, распозлились изъ родного села; только священникъ, да отецъ мой не покинули родины, а вблизи церкви, которой служилъ отецъ мой 32 года, почиваютъ мирно.

А между тѣмъ эти польскія семейства „панували“ лѣтъ по 20 въ селѣ Ярешкахъ и жили какъ между собою, такъ и съ моимъ отцомъ и съ о. Григоріемъ Мотылевичемъ очень дружно. Память рисуется мнѣ, хотя и слабо, нѣсколько картинокъ изъ этихъ сосѣдскихъ отношеній.

Весна. 23 апрѣля—день Юрья—народный земледѣльческій праздникъ; всенощное бдѣніе въ церкви; торжественная литургія; скорый обѣдъ. Отецъ, мать и я съ маленькимъ братомъ несемъ узлы съ хлѣбомъ, саломъ, чеснокомъ, колбасами и красными яйцами; у отца въ карманѣ бутылка водки. Идемъ на зеленыя поля—смотрѣть на всходы жита, пшеницы и качаться по зеленой и мягкой муравѣ ихъ. На каждомъ полевомъ участіи крестьянинъ всей семьей пируетъ и качается по зеленому ковру жита и пшеницы. Вдали на полѣ палатка „орендара“ съ бочками водки и краснаго сладкаго пива; тамъ-же слышна троиста музыка: цымбалы, скрипка и решето. Не успѣлъ еще отецъ съ матерью, послѣ осмотра вдоль и поперекъ своего поля, и чарки горилки выпить, а мы дѣти еще не навачались вдоволь по зеленой травкѣ-муравкѣ, какъ прискакалъ къ намъ на прекрасной лошади панъчъ Мацѣйко, старшій сынъ пана эконома Ягушевскаго, съ приглашеніемъ отъ пановъ присоединиться къ ихъ компаніи въ лѣсу. Идемъ. День теплый, солнечный, радостный; воздухъ оглашается крикомъ чаекъ и чудной звонкой и серебрястой трелью жаворонка. Вся природа веселится и празднуетъ весну. Въ дубовомъ лѣсу, едва распутившемъ листья, на полянѣ разложенъ костеръ, дымъ столбомъ высоко тянется къ небу, у костра горшки и сковороды, въ сторонѣ подъ дубомъ самоваръ шумитъ, вокругъ него бабушка съ матушкой и съ панной Надей, панъ Ольшевскій съ женою и съ панною Милей, панъ Ягушевскій съ двумя паннами, пани Ягушевская у костра, пани Звѣрховская съ Франемъ, своимъ коханнымъ дзѣдкомъ, тамъ же. Подъ дубомъ ружья, на сукахъ дуба пороховницы и рога; нѣсколько въ сторонѣ три брички, далѣе лошади упряжныя похрапывая пасутся. Панъчи собирали букеты изъ первыхъ цвѣтовъ весны для своихъ панянокъ. Въ кругу отцовъ по поводу прибытія пана реенція и регентовой шла, круговая

чарка. Рѣчь шла у нихъ о какихъ-то лѣсахъ, полныхъ кладовъ, погребахъ съ порохомъ и ружьями, о какихъ-то славныхъ битвахъ съ хлопами и москалями. Слушая эти рассказы, я съ нѣкоторымъ страхомъ озирался по сторонамъ лѣса, всматривался въ глубину его и искалъ своимъ живымъ дѣтскимъ воображеніемъ воюющихъ; тѣмъ болѣе, что и выстрѣлы паничей помогали моему воображенію. Паничи гарцовали на лошадаяхъ въ виду своихъ паняновъ, старшіе изъ нихъ даже съ ружьями. Я же не только не гарцовалъ съ ними на лошади, но даже не ѣздилъ еще никогда верхомъ на лошади, а только на рогатомъ баранѣ, а погому теперь съ завистію смотрѣлъ на верховцевъ. Франѣ, первый другъ моего сердца, постоянный товарищъ моихъ игръ на улицѣ, предложилъ искать птичьихъ гнѣздъ въ дуплахъ дубовъ, и мы съ увлеченіемъ покварабкались на дубы, лазили по нимъ, но не нашли ничего. Память далѣе ничего не рисуешь мнѣ; вѣроятно же всего, что я уснулъ тамъ же, утомившись бѣготнею и впечатлѣніями Юрья.

А вотъ и другая картина добрыхъ отношеній сосѣдскихъ припоминается мнѣ.

Лѣто; шлямарка, искусственное озерцо, за селомъ. Въ осокѣ и камышѣ шлямарки—бекасы, зигзагами шныряюціе по поверхности воды; отецъ прицѣлился, выстрѣлилъ, и третій бекасъ у меня за пояскомъ болтается. Подходить панъ Ягушевскій съ ружьемъ, но поздно: у меня за пояскомъ всѣ бекасы. Идемъ къ пруду въ село. Наши выстрѣлы привлекаютъ новыхъ охотниковъ. Батюшка съ ружьемъ въ рукѣ подходит къ намъ со стороны мельницы, старый панъ Ольшевскій съ „дубельтуфвой“ за плечами приближается къ намъ отъ шляху. Поздоровались и порѣшили: такъ какъ озеро малое, то стать каждому на одной изъ четырехъ сторонъ озера. Стали, — пошла стрѣльба. Стада крыжовокъ и чирокъ, лыски и пирныкозы дорого поплатились за единеніе поляковъ и русскихъ. Затѣмъ по случаю удачной охоты пировали въ ближайшемъ къ озеру домѣ пана Ольшевскаго. И долго длился пиръ: отецъ мой возвратился ночью, когда я уже крѣпко спалъ.

Непослѣдовательная память, дѣлая скачекъ, уноситъ мое воображеніе въ самую раннюю, золотую пору моего дѣтства когда я еще ходилъ въ одной только длинной рубашонкѣ, и рисуетъ мнѣ нескончаемый рядъ тѣхъ игръ и занятій, надъ которыми мы впервые крѣпко начали ломать свои дѣтскіе, слабенькіе умишки и отъ которыхъ живо, радостно, восторженно бились наши сердца. Лѣто; дождь; дождевыя лужи у нашей хаты на улицѣ; я перехожу въ бродъ эти лужи, запутываюсь ногами въ своей длинной рубашкѣ, падаю въ лужѣ и плачу, чтобы мать не била; перемѣна мокрой рубашки на сухую; строгій наказъ мамы — не бродить по лужѣ; вторичное паденье въ лужу; надѣванье для наказанія первой грязной невысохшей еще рубашки и наконецъ—все равно накажутъ—отчаянное купанье и плаванье въ этихъ лужахъ съ рубашкою на тѣлѣ. Я наѣздникъ—верхомъ на „рябкѣ“, на баранѣ; у быка на рогахъ. А вотъ я у дѣда Кирилла на грушѣ: пойманъ съ поличнымъ; препровожденіе къ отцу на расправу; судъ отца, договоръ съ отцемъ о числѣ ударовъ розгою; возложеніе меня на табуретъ, застланный полотенцемъ, и два удара розгами. На улицѣ съ Франѣмъ и Луцѣмъ Звѣрховскими, со Степаномъ и Андріемъ Бурлакою пересыпаемся пескомъ, дѣлаемъ изъ пыли дорожной и воды мисочки, горшечки; бѣжимъ въ перегонку, дѣлаемъ упряжь изъ хмелю. Я — кучеръ, Степанъ и Андрій—каретныя лошади, Франѣ и Луцѣ верхомъ на палочкахъ, всѣ хоромъ привѣтствуютъ жида, ѣдущаго бѣдою: „жидъ, халамей, продавъ вачку за рубель, рубель покотывся, а жидъ и сказывся“. Бросаемъ вверхъ высоко, высоко къ небу камешки, увязанные къ концу кнутика; состязаемся въ томъ, кто выше броситъ картофель съ палочки; дѣлаемъ лучекъ и стрѣлы изъ блекоты, изъ очерету, стрѣляемъ ими на воробьевъ, галокъ, воронъ; фабрикуемъ пистолеты изъ бузины, пули изъ пеньки, длинныя трубы изъ будяковъ, вырѣзываемъ сопѣлки съ дырочками для разныхъ голосовъ изъ бузиноваго дерева, а весною, когда кора легко отдѣляется отъ дерева, дѣлаемъ дудочки изъ молодыхъ прутьевъ вербы и липы; къ концу лѣта—изъ гусиныхъ перьевъ, изъ очерету; пискалки изъ „татарскаго зилъа“—aira, трескучія вѣтря-

ныя мельницы съ деркачемъ ставимъ на воротахъ, чтобы всѣ проходящіе раздѣляли наше удовольствіе. Но труднѣе всего было для насъ сдѣлать фургальце изъ косточки, голени поросенка. Нужна была большая настойчивость, чтобы просверлить раскаленною проволокою двѣ дырочки въ косточкѣ; малѣйшая неосторожность (а какая она у пяти-шестилѣтняго ребенка?)—и руки обожжены и охота пропала; но за то въ какой восторгъ придешь, когда дырочки просверлены, шнурокъ въ нихъ затянуть и заврученные концы веревки то сокращаются, то растягиваются, а косточка такъ быстро вертится вокругъ нитяной оси, продѣтой въ дырочки, что ея совсѣмъ не видно, только слышно гудѣнье *фуррррр...* Мы въ дикомъ восторгѣ.

— Луцю, Луцю!—кричить, просить Франѣ—подставь пальчикъ подъ фургальце!

Тотъ, видимо, догадывается, что фургальце можетъ очень больно пришибить палець, и не соглашается; а живой шалунъ Франѣ скачетъ на одной ногѣ вокругъ Луця съ гудящимъ фургальцемъ въ рукахъ; плутовскіе глаза разгорѣлись; ошалѣвъ, ему неодолимо хочется одурачить меньшаго брата.

— Луцю, Луцю!—на распѣвъ говоритъ Франѣ,—дай пальчикъ! Якъ Бога кохамъ, отдамъ тебѣ фургальце.

Глупенькій Луцѣ подставилъ пальчикъ, — и въ мгновеніе брызнула кровь изъ пальца и раздался неистовый, душу раздрающій крикъ Луця. Бабуня опрометью кинулась къ Луцю, его мама схватила качалку и кинулась на Франя, но его и слѣдъ простыль: какъ въ воду кануль. И мудрено было его найти. Долго, долго я ходилъ по всѣмъ хлѣвамъ, въ ясляхъ искалъ, въ ожередѣ соломы, съ котораго мы такъ любили спускаться, какъ зимою санками съ горки, въ собачьей конуркѣ, въ курятникѣ, въ излюбленныхъ мѣстахъ нашего прятанья, когда играемъ въ прятки, и едва только къ вечеру нашелъ на огородѣ въ бурьянѣ, согнувшася возючкомъ и уснувшася. Я началъ будить его.

— Ой, мама кохана! Якъ Бога кохамъ...

— „Цыть! мовчи! це я“—сказалъ я ему. И перепуганное лицо его, и взглядъ, полный страха съ просонокъ, понемногу

успокоились. Передавъ Франю о томъ, какъ его мама долго искала, звала, и что Луцю прикладываютъ холодную воду къ пальцу, мы, не замѣчая того сами, громче и громче разговорились и забыли уже объ ожидающей Франя расправѣ.

— А—а, ты тутай збуйца, галгане!—и мощная рука пана Звѣрховскаго схватила за руку Франя. Ни единого слова не произнесъ Франё, только весь задрожалъ, и лицо судорожно искривилось. Я замеръ на мѣстѣ и долго не двигался. По личному опыту я зналъ, что Франя ожидаетъ розга. Я любилъ Франя; мнѣ его жаль было, и жгучія слезы заструились по моимъ щекамъ. За ужиномъ я почти ничего не ѣлъ и скоро уснулъ тревожнымъ сномъ. И хотя сонъ успокоилъ мои нервы, тѣмъ не менѣе я рано всталъ и пошелъ къ Франѣ. Франё уже ждалъ меня, и, расплакавшись передо мною, рассказалъ мнѣ, что ему далъ отецъ 10-ть розокъ и что Луце держитъ руку на перевязи, потому что вспухъ палець.

— „Франю, на тоби рало и грабли, що я зробивъ позавчора“, вынимая рало изъ-за пазухи, сказалъ я ему. Франё, не задумываясь долго, началъ ралить землю и тотчасъ сломалъ рало. Началась починка рала. Мы еще, кромѣ того, успѣли до обѣда сдѣлать борону и начали плугъ, и до такой степени увлеклись новыми впечатлѣнїями, что и забыли о своемъ горѣ— о томъ, что мы еще не обѣдали и ѣсть хотимъ; смѣемся и радостно хохочемъ.

Да, дѣтство — счастливая пора жизни, время неодолимой живнерадостности! Сто разъ на день плачешь, за то сто разъ на день и смѣешься, и радуешься. И нѣтъ такого скорбнаго, страшнаго, тяжелаго явленїя, которое бы подавило навсегда душу дитяти, омрачило бы въ мозгу взглядъ на жизнь и сковало бы радостныя біенїя сердца, и которое не было бы преодоленно смутнымъ умомъ и слабенькимъ сердцемъ дитяти. Пока дитя въ невѣдѣнїи, пока оно напрягаетъ лишь органы внѣшнихъ чувствъ своихъ и принимаетъ ежедневно только новыя и новыя впечатлѣнїя отъ окружающей его и постепенно предъ нимъ раздвигающей свой горизонтъ безграничной жизни и поражается пассивно, то восторженно, то съ боязнью, все новыми

предметами и явленіями міра, не воздѣйствуя активно на нихъ,— до тѣхъ поръ оно въ блаженномъ состояніи первыхъ человѣковъ Адама и Евы. Витаетъ оно тогда въ Эдемѣ, полномъ чудныхъ, невиданныхъ и неслыханныхъ имъ быстро смѣняющихся картинъ и чудесъ природы; онъ и змѣйкой красивой готовъ поиграться, и красиваго мягкошерстаго тигра готовъ рукою погладить, и льва за усъ хватилъ бы, и пламя всесжигающаго огня ему кажется лентой красивой, и море не страшно, зло и смерть ему не вѣдомы, а жизнь кажется вѣчной, блаженной. Но разъ - другой ядовитое сомнѣніе, какъ змѣй искуситель, заползло въ упрямую головку дитяти, расшевелило мозги и заставило его напряженно работать, — уже красивый, но горькій плодъ познанія добра и зла съѣденъ; уже блестящій, интересный, но и отрезвляющій лучъ знанія снялъ повязку съ глазъ; уже тогда потерявъ Эдемъ, кануло въ вѣчность счастье, минуло безвозвратно дѣтство. Сомнѣнія со всѣхъ сторонъ, какъ демонъ искуситель, соблазняютъ умъ человѣка отереть сокрытое, узнать невѣдомое, и умъ напряженно, нервно, лихорадочно работаетъ, всматривается безпредѣльно высоко въ небо, роется въ корѣ земной, погружается въ воду, проникаетъ глубоко въ нѣдра земли, изслѣдуетъ органическую природу, изучаетъ самосознаніе, по скольку оно разлито природою въ живыхъ продуктахъ земли. Всюду ищетъ онъ выхода къ прежнему Эдему; но безконечный рядъ горькихъ, обидныхъ, мучительныхъ, мертвящихъ разочарованій сопровождаетъ его до гроба.

...Но возвратимся опять въ потерянный рай.

Предоставленные самимъ себѣ въ теченіе всего дня, я съ братомъ и съ друзьями эдемскихъ дней, Франемъ, Луцемъ, Степаномъ и Андріемъ, обходили всѣ уголки нашихъ усадебъ и, утомившись прыганьемъ, бѣгомъ „на выпередки“, лазаньемъ по деревьямъ и другими движеніями, наконецъ сѣли въ садикъ моего отца подъ вишнею и надумались строить погребъ, кухни, хлѣвы, дома. Но домика строить никто не взялъ на себя подряда; каждый изъ насъ считалъ для себя труднымъ дѣломъ—сдѣлать домикъ съ дверью, съ окнами, съ печью, и потому вмѣсто домика былъ выкопанъ колодець съ высокимъ жу-

равлемъ для опусканія и вытягиванія ведра, сдѣланнаго изъ картофеля. Скоро подоспѣлъ и хлѣвъ, и клуна, и погребъ. Но сколько вмѣшательствъ, сколько непрошенныхъ совѣтовъ, сколько спору было, пока постройки наши созидались; вѣдь нѣкоторые изъ насъ были опытные мастера и не впервые имъ было построить и домъ,—и развѣ могли они безъ досады, терпѣливо смотрѣть, какъ Луце приставилъ къ хлѣву дверь, которая выше самаго хлѣва.

— Ни, надоило, покиньмо! сказалъ Андрей Бурлака.

И всѣ мы согласились, что надоѣло строить.

Но такъ какъ село наше стоитъ на большой низменности и нѣтъ никакого разнообразія видовъ: ни горъ, ни долинъ, ни пропастей, нѣтъ и признаковъ каменной породы, нѣтъ и береговъ текучей рѣчки, а только стоячее озеро-ставъ, изъ плотины котораго маленькимъ ручейкомъ сочится вода, изображая изъ себя истокъ рѣчки Каменки, то представленіе наше о поверхности земли было слишкомъ убогое и намъ болѣе некуда было направлять свое любопытство, какъ только въ землю. И мы копали, рыли землю, отыскивали тамъ дождевыхъ червей, личинки майскихъ жуковъ, называемыя у насъ борозняками, красненькихъ жидовочекъ, божьихъ коровокъ, жуковъ черныхъ, большихъ двурогихъ, однорогихъ, съ сизыми спинками, прикидывающихся мертвыми и едва замѣтныхъ глазу, разоряли муравьиныя жилища, игрались ихъ подушечками, вырывали корни различныхъ растений, то дливные, постепенно утончающіеся, то короткіе толстые, то лукообразные, то сложные изъ многихъ нитевидныхъ мочекъ, которыя мы изучали не только по формѣ ихъ глазами, но и по вкусу, пробуя пожевать ихъ и, если вкусны; то и съѣсть.

Порывшись вдоволь въ землѣ, мы отправлялись на ставокъ, смотрѣть, какъ гуляетъ въ водѣ маленькая рыбка-мулька; какъ медленно ползетъ-плыветъ слизнякъ своими мягкими студенистыми щупальцами, которые онъ немного выдвинулъ изъ своей спиральной раковины. Черепахъ двусторчатокъ, какіе бываютъ только въ текучихъ водахъ, мы въ своемъ ставку никогда не находили, за то нерѣдко своими цѣпкими дѣтскими

руками выбрасывали изъ воды вьюновъ, которыхъ много было въ илстомъ днѣ нашего пруда. Иной же разъ, чтобы задобрить разгнѣванныхъ родителей, мы безстрашно заходили къ самому очерету и собирали тамъ на своемъ тѣлѣ пьявокъ, которыя, казалось, только и ждали чтобы наброситься на насъ, присосаться къ нашимъ ногамъ и пить нашу кровь; но за то онѣ не дешево расплачивались: мы ихъ срывали и заключали въ плѣнъ въ бутылку съ водою и съ восторгомъ несли домой, зная, что родители за пьявокъ многое простятъ намъ, потому что пьявки въ ту пору, когда докторовъ и въ поминѣ у васъ не было, были универсальнымъ лѣварствомъ отъ всѣхъ болѣзней въ сельскомъ мирѣ. Ставокъ свой мы перебродили вдоль и поперекъ, но не рѣшались заходить въ самый очеретъ, потому что тамъ были „безодни“, и главнымъ образомъ потому, что тамъ жили болотяные черти. Одного изъ нихъ я самъ видѣлъ вечеромъ подъ очеретомъ. Небольшой онъ, меньше дворовой собаки, черный, весь въ шерсти и лапки едва замѣтны, хвостъ толстый; онъ вынырнулъ изъ воды на аршинъ выше поверхности. Только уже въ Кіевскомъ училищѣ, прочитавъ у Брема статью о выдрахъ, я узналъ въ ней своего знакомаго „болотяного черта“. Но до того времени я вполнѣ былъ убѣжденъ, что видѣлъ болотяного черта. Уже потому одному, что ни отъ кого на селѣ не слышалъ я, что въ нашемъ ставку есть земноводный звѣрь—выдра и что можетъ звѣрь жить въ водѣ. Еще болѣе убѣдился я въ томъ, что видѣлъ именно черта, а не иное что, когда у меня сдѣлалась лихорадка и мать нарочито сварила яйцо, дала его мнѣ въ руки и до восхода солнца послала меня на ставокъ, наказавши мнѣ такъ: „иди сыну на ставокъ, кинь оце яйце, якъ можешь дальше въ очеретъ и крыени зо всеи сылы такъ:—А есть васъ симсотъ и симъ?—Нате вамъ исты всимъ!—и бижи, якъ можешь скоріше, до дому, та не оглядайся назадъ и не промовъ ни до кого ни жадного слова, хоть бы тоби хто казавъ: „слава Богу“, то не отвичай: „на вики слава“, а тикай скорійше безъ оглядки до дому“.

Купаясь лѣтомъ по десати разъ на день, мы обмазывали иломъ все тѣло, голову и лицо, изображая изъ себя болотя-

ныхъ чертей, и пугали другъ друга, гоняясь вблизи берега по проѣзжей дорогѣ. Накупавшись вдоволь и обмывшись, мы разъ обошли кругомъ свой ставъ по огородамъ крестьянъ и забрели въ „Сыдоривъ лисъ“, упиравшійся въ очеретъ нашего ставка. Тамъ нашли мы Колосюкову крыницу, занесенную иломъ, покрытымъ зеленаватою съ синимъ и краснымъ отливомъ водою.

— „Я чувъ, що тутъ въ цій крыници грошы закопаны“,— тихо сказалъ Степанъ Якубивъ.

— „Колы ихъ никто не може достати, вони закляты“,— еще тише пояснилъ Андрій Бурлака.

— „Постійте жъ, я вамъ розкажу“, заговорилъ я таинственно.

— „Иднои ночи, передъ утреною, прійшовъ до насъ Сыдиръ перегриватысь. Отъ тато мій и пытають его: чи то правда, що въ вашій крыници гроши закопаны? А Сыдиръ и каже: никто не знавъ, що въ цій крыници есть грошы; але часто мій покойный батько и дядько Манило, та й я, бачылы коло нечорта, не при хати згадуючи. Винъ бувъ, якъ нимецъ: въ паньскому капелюшику, въ кудому сурдутьку, въ узенькихъ штандяхъ, въ панськихъ чобиткахъ, вусатый такий. Було, якъ заглядать мене, то заразы кивае до мене пальцемъ, та й гукае: „хлопъ, хлопъ, ходзь-но тутай“! Я перше думавъ, що то панычъ зъ цего двора, що ось за цимъ лискомъ, та й иду до него. А винъ, якъ зарегоче до мене, ажъ луна пишла, та й бухнувъ у воду, тилько нижеами задрыгавъ. Я злякавсь, та скорій до хаты. А батько недалеко стоялы, та й бачылы, якъ винъ ногамы задрыгавъ, та й змыгають до мене плечима, щобъ я не наробывъ крыку. Цыть, мовчи, не кричи. То не панъ, то нечиста сыла грошы стереже. Отъ иднои ночи взяли батько видро й шнура, поклывали дядька Манила, та й пишы до крыници гроши добувати. Довго, казали батько, выывалы вони воду зъ крыници, поки добулы дно, а глыбоко до дна — въ два человики. А на дни земля. Отъ батько й гукають до дядька зъ крыници:—Манило, бижи до дому, та принеси заступа одкідаты землю. А дядько не хоче иты, каже: — „Поки я сбигаю до хаты, то ты гроши вспіешъ достати, та й переховаты“.

„Але таки уговорылы мій батько дядька. Прудко дуже по-бигъ Манило, прыньсь заступа, та й подавъ батькови. Батько навидають землю заступомъ въ видро, а дядько шнуромъ вы-тагуе видро съ землею. Отъ якъ зняли землю, заразы и дно деревьянне розвалылы, та й намацалы пидъ дномъ чобота зъ грошима. Зъ радощивъ батько й гукнули дядька: „Есть! Ве-лыка халява грошей“! Та й стали батько вылазты. Отъ, отъ бы вже вылизлы; вже й за верхню цебрыну взялись идною ру-кою, колы гныла халява порвалась, гроши шарахнулись, забряжчали, та й шубовснулы, ажъ загуло щось страшно и земля провалылась и вода звидки-то хлынула, насылу батько выско-чили зъ шматкомъ халявы въ рукахъ. Хрестяться. Колы гля-нули на дядька, а дядько тримае сокиру обиручки и трясеця“.

— „На що це ты сокиру прыньсь и тримаешь?“

А дядько стоявъ, стоявъ, а дали: бухъ батькови въ ноги.

— „Просты! каже. Якъ бы ты бувъ выньсь гроши, то я бувъ бы убивъ тебе. Та видно Господь хранивъ тебе, та й ци гроши одибравъ, абы тилько ты живой zostався. Видно жъ ци гроши закляти на погибель людей. Та й упавъ дядько другій разъ батькови въ ноги:—Просты мени, Бога рады! Просты!

Перехрестывся батько тричи.—„Слава жъ Тоби Боже, що хотъ живой zostався“!

„Та въ ту ничь изновъ заклады землею ту крыныцю“.

Овончивъ этотъ пересказъ, я и самъ почувствовалъ въ себѣ страхъ. Товарищи мои также застыли съ раскрытыми ртами и выпученными глазами.

— „Тьфу, тьфу, тьфу на тебе, нечиста сыла! сплюнулъ Андрий Бурлака. Сыла Божа при насъ“!

— „Тикаймо хлопци зъ витциль“. И, не оглядываясь на-задъ на страшное мѣсто, мы побѣжали въ перегонку и разбѣ-жались по домамъ съ тѣмъ, чтобы на другой день снова сой-тись и беззаботно веселиться по цѣлымъ днямъ. м. ш.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ¹⁾.

По J. Ролле.

III. Хмельницина и руина.

Почти десять лѣтъ прошло со времени послѣднихъ козацкихъ волненій, а Украина была спокойна. Можно было думать, пожалуй, что козацко-хлопскій вопросъ уже рѣшенъ окончательно. Все располагало къ оптимизму: превосходные урожаи, мягкія зимы, видъ дѣятельнаго рабочаго люду, которымъ кишѣла степь, люду навзглядъ спокойнаго, веселаго—и гордая шляхта жила-себѣ и гуляла, не предчувствуя близкой бѣды. Очень заняла всѣхъ, но не поразила вѣсть о внезапной смерти гетмана Конецпольскаго, усмирителя своевольнаго козачества. Но извѣстіе о тяжелой болѣзни короля сильно встревожило украинскую шляхту: въ этой тревогѣ звучала нота недовѣрія къ магнатству, на рукахъ котораго должно было очутиться государство въ случаѣ королевской смерти.

А между тѣмъ въ Чигиринѣ и его окрестностяхъ разыгрывался очень простой и незначительный по своему содержанию прологъ къ ужасающей исторической драмѣ.

Чигиринское старство послѣ смерти гетмана Конецпольскаго перешло къ его сыну, коронному хорунжему. Управлялось оно подстаростой, который жилъ въ Чигиринѣ. Въ описываемое время подстаростой этимъ былъ нѣкто Чаплинскій, выходецъ изъ Литвы, опредѣленный еще покойнымъ гетманомъ. Едва-ли этотъ человекъ былъ здѣсь на своемъ мѣстѣ. Чтобъ

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № .

понимать всѣ сложныя особенности мѣстной жизни, надо было родиться или по крайней мѣрѣ долго жить на вулканической почвѣ Украины. А Чаплинскій, повидимому, только и зналъ, что простаго литовскаго хлопа, который покорно тянулъ свое ярмо до послѣдней возможности и, если становилось не въ моготу, исчезалъ въ лѣсу. Въ узко-шляхетской головѣ подстаросты не вмѣщалось то, что и не шляхтичъ можетъ быть человѣкомъ состоятельнымъ, уважаемымъ, образованнымъ. А таковымъ былъ, несомнѣнно, его близкій сосѣдъ, войсковой писарь Богданъ Хмельницкій. Богданъ имѣлъ на земляхъ чигиринскаго староства, надъ рѣкой Тясминомъ, хуторъ Субботовъ, полученный еще его отцемъ, убитымъ подъ Цепорой, въ видѣ пустаго урочища, а въ описываемое время уже совсѣмъ благоустроенный: былъ тамъ и домъ, и мельница на прудѣ, и обширный садъ, а, главное, было уже и населеніе. Къ этому хутору Богданъ лично выпросилъ у короля за свои высокія заслуги еще степной участокъ за рѣкой, гдѣ тоже скоро появилось населеніе, платившее владѣльцу чиншъ, были пасѣки, гумна, корчмы. Такимъ образомъ войсковой писарь былъ замѣтной особой въ районѣ чигиринскаго староства даже и по имущественному своему положенію. Но надо къ этому прибавить то уваженіе, которымъ онъ пользовался. Пользовался онъ имъ за свое образованіе, такъ какъ онъ учился у іезуитовъ въ Ярославѣ и умѣлъ показать лицомъ свою школьную науку; пользовался за свою большую опытность, которую вынесъ изъ своихъ странствованій: онъ два года былъ плѣнникомъ въ Константинополѣ и Крыму, бывалъ въ Варшавѣ, былъ лично извѣстенъ Владиславу IV; пользовался, разумѣется, уваженіемъ и за свой выдающійся умъ и даровитость, въ которыхъ ему невозможно отказать. И съ уваженіемъ относилась къ Хмельницкому не только козацкая среда или мелко-шляхетская, но даже мѣстные магнаты прибѣгали къ совѣтамъ войсковаго писаря. Но въ глазахъ Чаплинскаго все это были лишь незаконныя притязанія наглаго „плебея“, дерзко попирающаго всѣ человѣческія и божескія права. И этому плебею легко и свободно удастся то, чего лишь съ такимъ усиленіемъ добивается самъ онъ, Чаплинскій,

желающій изъ всѣхъ силъ угодить вельможному пану Конецпольскому,—удается заселеніе пустыхъ земель.

Какъ перешло затаенное неудовольствіе въ открытую вражду? Несомнѣнно, здѣсь была замѣшана женщина-подстаростина Чаплинская, позже вторая жена Богдана Хмельницкаго, первоначально, въ качествѣ сироты, пріемышъ его семьи. Участіе этой женщины въ случившемся ясно; но характеръ этого участія теменъ. Несомнѣнно, что Чаплинскій началъ оспаривать права Хмельницкаго на его земли; несомнѣнно, что онъ сдѣлалъ на имѣніе Хмельницкаго „заѣздъ“, въ которомъ погибло имущество Хмельницкаго и была похищена дѣвушка, которая сдѣлалась вельдѣ за тѣмъ подстаростиной. Несомнѣнно и то, что Чаплинскій имѣлъ какую-нибудь юридическую задѣлку для своихъ насильственныхъ дѣйствій: польское право, водворившееся на почвѣ стараго литовско-русскаго права, съ одной стороны, и мѣстнаго правового обычая, съ другой, производило страшную смуту понятій, отражавшуюся въ жизни той анархіей, о которой была рѣчь выше. Изъ правового хаоса выплывалъ наверхъ или фактически сильный, или тотъ, кому посчастливилось заручиться какой-нибудь непреложной съ формальной стороны правовой гарантіей, въ родѣ королевской грамоты или сеймовой конституціи. Вѣроятно, войсковой писарь не былъ обезпеченъ ничѣмъ подобнымъ, такъ какъ ему не помогли даже личныя его хлопоты въ Варшавѣ: его Суботовъ отданъ былъ въ пожизненное владѣніе тому же самому Чаплинскому. Но вражда Чаплинскаго не разрѣшилась этимъ его торжествомъ: вѣроятно, и Хмельницкій, который теперь поселился въ томъ же Чигиринѣ, гдѣ жилъ подстароста, держалъ себя не какъ побѣжденный. Чаплинскій наноситъ Хмельницкому рядъ тяжелыхъ обидъ: достаточно вспомнить хотя бы то, что онъ публично, на чигиринскомъ рынкѣ, велѣлъ высѣчь старшаго сына Хмельницкаго. Управы на Чаплинскаго, который пользовался полнымъ довѣріемъ молодого старосты, не было, и искать ее было негдѣ.

Въ декабрѣ 1647 г. Хмельницкій ушелъ на низъ, на запорожье. А съ открытіемъ весны уже что-то творилось на Украинѣ неладное: явились тѣ тревожные признаки, по кото-

рымъ опытные люди умѣли предсказывать близкую бурю. Изъ хаты въ хату, по будамъ и винокурнямъ, по уединеннымъ хуторамъ, ходили какія-то темныя вѣсти... Кто переносилъ ихъ? Богъ знаетъ, шляхтичу ничего тутъ нельзя было дознаться: можно было лишь догадываться, что вѣтеръ дуетъ съ юга, отъ днѣпровскаго Низу. И вѣсти были не спроста. Наймиты кидали свои работы, пропивали въ корчмахъ заработки, а между тѣмъ въ - полголоса совѣщались между собою о чемъ-то. Въ одно прекрасное утро пропадаетъ столько-то людей изъ такого-то города, изъ села: очевидно, на Украинѣ снова собирались „купы“ и исчезали въ степи. Не было села или хутора, гдѣ не ощущалось бы тлѣніе, предвѣстникъ готоваго вспыхнуть пожара. Но пока все было спокойно.

Однако великій коронный гетманъ Потоцкій, знакомый съ положеніемъ дѣлъ на Украинѣ и предупрежденный о томъ, что на Запорожьѣ что-то готовится, самъ пріѣхалъ на Украину. Лучше еслибъ онъ этого не дѣлалъ: съ его появленіемъ возникло въ польскомъ войскѣ двоевластіе, антагонизмъ между нимъ и польнымъ гетманомъ Калиновскимъ. Тѣмъ не менѣе ясно, что поляки были во-время предупреждены, понимали опасность, приняли противъ нея возможныя мѣры. Тѣмъ большимъ ужасомъ обхватила ихъ вѣсть о тяжеломъ пораженіи у Желтыхъ Водъ и подъ Корсунемъ. Войска нѣтъ больше, оба гетмана въ плѣну, къ Хмельницкому перешли всѣ реестровые и всѣ украинцы, служившіе въ польскомъ войскѣ, за-одно съ Хмельницкимъ дѣйствуетъ извѣстный татарскій наѣздникъ мурза Тугай-бей съ ногайцами. Послѣднее поражаело больше всего: козаки въ союзѣ съ татарами... какую страшную угрозу Польшѣ заключаетъ въ себѣ эта неожиданная перемѣна фронта, которой никто не предвидѣлъ?

Въ концѣ апрѣля Хмельницкій вышелъ со своимъ войскомъ изъ Запорожья; въ концѣ мая онъ уже стоялъ обозомъ подъ Бѣлой Церковью, какъ полный господинъ положенія. Событія слѣдовали одно за другимъ съ головокружительной быстротой. Въ дополненіе ко всему, разнеслась вѣсть о смерти Владислава IV.

А между тѣмъ на всей территоріи Украины поднималась социальная революція со всѣми своими ужасами. Видъ края измѣнился моментально. Вчерашніе господа, поляки и евреи, сегодня были жалкими и беззащитными жертвами въ виду оставшаго, какъ одинъ человѣкъ, народа, безпощаднаго кроваваго мстителя. Въ своемъ мстительномъ гнѣвѣ, слѣпомъ, какъ бушующая стихія, онъ не зналъ ни справедливости, ни состраданія: все губилъ онъ въ яростномъ порывѣ, злое, какъ и доброе, виновное, какъ и невинное, дряхлаго старика, грудного ребенка. Счастливы были тотъ шляхтичъ или еврей-арендаторъ, который успѣлъ спастись и спасти свои семьи отъ страшныхъ рукъ своихъ хлоповъ за стѣнами замковъ; но еще гораздо счастливѣе были тѣ, кому удалось пробраться въ Польшу, хотя бы покинувъ все добро на произволь судьбы. Не только въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ, но и на Волини, въ Кіевскомъ Полѣсѣ и даже въ восточной части Подолья всюду хлопы вырѣзали пановъ и арендаторовъ евреевъ, если тѣ не успѣли ускользнуть своевременно. Очередь была за укрѣпленными городами и мѣстечками. Правда, и тутъ всюду былъ элементъ, благопріятствующій возстанію, къ видѣ мѣщанъ, сплошь русскихъ и православныхъ. Но въ каждомъ замкѣ было теперь много вооруженной шляхты, были и надворные панскіе отряды. Хлопы могли голыми руками расправляться съ панами, но, очевидно, не могли брать даже слабо укрѣпленныхъ мѣстечекъ. Но рядомъ по всей территоріи шла усиленная и самопроизвольная организація военныхъ отрядовъ. Это брали на себя люди энергичные и опытные въ военномъ дѣлѣ, иногда заручившись согласіемъ войскового уряда, воплощавшагося теперь въ лицѣ гетмана Хмельницкаго, какъ-бы „заповѣднымъ листомъ“, иногда обходясь и такъ, лишь „съ воли люду“: было не до формальностей. Эти отряды, или „загоны“, въ нѣсколько сотъ, тысячъ и даже десятковъ тысячъ человѣкъ, должны были окончательно очистить Украину отъ всего лядскаго и жидовскаго, и, дѣйствительно, очистили ее. Самымъ страшнымъ изъ нихъ, и по размѣрамъ, и по жестокости своего предводителя, былъ, конечно, отрядъ Кривоноса: изъ Кіевщины черезъ Брацлавщину Кривоносъ перенесъ свою дѣятельность

на Подолье. Всюду, гдѣ проходилъ Кривоносъ, по слѣдамъ его оставались лишь дымящіяся почернѣлыя развалины и трупы. Тоже въ Кіевщинѣ дѣйствовалъ Харченко Гайжура съ Лысенкомъ Вовгуромъ. На Подольѣ Ганжа и Морозенко стояли во главѣ отряда въ 80000 человекъ; а кромѣ того, еще были самостоятельные отряды Остапа Павлюка и Антона. На Волини приобрѣли извѣстность, какъ предводители, Колодка, Иванъ Дунецъ, Тыса; на Полѣсьѣ—Гловацкій. Конечно, это были имена лишь главнѣйшихъ предводителей; было рядомъ съ ними и еще многое множество другихъ, второстепенныхъ. Но отмѣчать ихъ имена и дѣянья было некому: шляхтичъ, историкъ или авторъ мемуаровъ, съ отвращеніемъ записывалъ имя ненавистнаго и презрѣннаго хлопа, лишь вынуждаемый къ тому крайней необходимостью. Укрѣпленные города и мѣстечки одинъ за другимъ падали подъ натискомъ этихъ отрядовъ, на встрѣчу которымъ стремились симпатіи русскихъ мѣщанъ. Ужасы поголовнаго избіенія, которому подверглись нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ, напр. Тульчинъ Немировъ, Полонное, превосходятъ всякое описаніе. Наконецъ взятъ былъ Кривоносомъ и Баръ. Только превосходно укрѣпленный природою Каменецъ - Подольскій остался на всей территоріи Украины одной единственной точкой, гдѣ еще задержалась крупица польско-католической стихіи, которая такъ быстро и вольно разлилась было по Украинѣ. Почти все польское, если не спаслось бѣгствомъ, то погибло; вслѣдъ за нимъ пошли и паны русской крови и православной вѣры, кромѣ тѣхъ, кто вольно или невольно отказался отъ своихъ общественныхъ преимуществъ и „означился“, или кто успѣлъ поспрятаться по монастырямъ, особенно въ Кіево-Печерскую Лавру; а вмѣстѣ съ панами пострадали и тѣ изъ православныхъ русскихъ, кто не успѣлъ во-время отказаться отъ польскаго культурнаго обычая, забиравашаго силу надъ русскими, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ. Но высшимъ предметомъ народной ненависти, надъ которымъ она изощряла свою мстительную фантазію, были еврей и католическій монахъ. Доминикане, въ память страшныхъ событій этого года, перемѣнили свой черный поясъ на красный, цвѣта крови.

А евреи имѣютъ въ своемъ календарѣ одинъ день, день скорби, напоминающій имъ до сихъ поръ ужасы украинской революціи.

Во всей громадной территоріи Украины нашелся всего только одинъ магнатъ, который прямо несъ свою гордую голову на встрѣчу страшной бурѣ хлопскаго бунта. Это былъ Іеремія Вишневецкій, тотъ легендарный Ярема, самое имя котораго звучало въ ушахъ русскаго населенія, какъ звонъ набатнаго колокола. Съ лѣваго берега Днѣпра, изъ Лубенъ, своей столицы, переправился онъ во главѣ отряда, набраннаго изъ шляхты, сидѣвшей на его земляхъ, обнимавшихъ Полтавскую и значительную часть Черниговской губ., на правый берегъ, прошелъ Украину поперекъ и сталъ на ея западныхъ границахъ. Онъ пробился черезъ море волнующагося, враждебнаго населенія, отгнѣчая свой путь страшными жестокостями: онъ не снисходилъ до переговоровъ съ врагами, до того, чтобы захватывать плѣнныхъ: и парламентары, и плѣнники одинаково шли на колъ. Его выдающіяся военныя способности и мужество доставили ему рядъ побѣдъ надъ предводителями встрѣчныхъ загоновъ, главнымъ образомъ надъ Кривоносомъ; но въ результатѣ онъ могъ только пробиться, и надо сознаться, что и это было слишкомъ много.

Вотъ приблизительные итоги этого ужаснаго лѣта, этихъ трехъ первыхъ мѣсяцевъ, отъ іюня по августъ, открывшихъ собою кровавую эпопею.

Въ 17 украинскихъ королевщинахъ въ руки русскаго населенія перешло 134 города и мѣстечка, изъ которыхъ половина представляла собою настоящіе замки, затѣмъ 4200 деревень, слободъ, хуторовъ, колонизованныхъ боярами или шляхтой, наконецъ до 2000 млиновъ, составлявшихъ важную статью старостинскихъ доходовъ. Имущественныя потери Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Замойскихъ, Конецпольскихъ, Калиновскихъ, уже не говоря о сотняхъ менѣ важныхъ шляхетскихъ родовъ, вычисляются многими милліонами. Много цѣнностей пошло съ дымомъ или было уничтожено въ слѣпой ярости; но масса драгоценныхъ движимостей захвачена была и населеніемъ. Мѣстная шляхта была очень богата: панскіе дворы полны дорогихъ ве-

щей; подъ самой убогой шляхетской крышей можно было найти какую-нибудь драгоценную вещицу; въ костелахъ множество сосудовъ художественной работы, священныхъ предметовъ, украшенныхъ брилліантами, жемчугами, рубинами, запасы золота и серебра. Все было расхищено до тла; даже изъ гробовъ выбрасывали трупы, чтобъ снимать съ нихъ драгоценныя вещи.

Одинъ современникъ Альбрехтъ Радзивиллъ опредѣляетъ число людскихъ жертвъ этого времени въ миллионъ головъ. На чемъ основана эта цифра? Какъ велика степень ея достовѣрности? По всей вѣроятности, очень не велика. За болѣе достовѣрныя надо считать извѣстія еврейскихъ писателей - современниковъ, оставившихъ описанія бѣдствій своего народа. По этимъ извѣстіямъ, при взятіи Немирова погибло евреевъ 6000, Тульчина и Бара—по 2000, Полоннаго—10000, кромѣ менѣе значительныхъ погромовъ въ Заславлѣ, Острогѣ, Дубнѣ, Винницѣ, Брацлавлѣ и т. д., въ общемъ разорено до тла 300 еврейскихъ кагаловъ, считавшихъ до 250000 человекъ.

Однимъ словомъ, уже къ августу на территоріи Украины не осталось ни одного еврея, какъ не осталось католическаго священника или монаха, польскаго шляхтича или жолнѣра. Но пострадало и русское населеніе. Татары, какъ тотъ злой духъ восточной сказки, котораго такъ легко было вызвать на помощь и такъ трудно отдѣлаться, не могли удовольствоваться гетманами и 8000 рядовыхъ, которыхъ имъ отдалъ Хмельницкій послѣ Корсунской битвы. Подъ предлогомъ готовности на помощь они держались въ предѣлахъ Украины, по среднему Бугу, и распускали свои загоны: захватывая шляхту, — жевщины и дѣти всегда доставались имъ при дѣлежѣ добычи съ козаками, — они хватали мимоходомъ и хлоповъ, которые были гораздо многочисленнѣе, и вводили въ Крымъ свой ясырь. Такова была татарская помощь. Но главная бѣда, которая висѣла надъ русскимъ населеніемъ края и скоро должна была обнаружиться во всѣхъ своихъ ужасныхъ послѣдствіяхъ, — это была общественная дезорганизація вообще, экономическая въ частности. Населеніе огромной территоріи, сплошь земледѣльческое, въ слѣпомъ увлеченіи побросало въ лѣтніе мѣсяцы свои земли и ушло козако-

вать; къ каждому болѣе благоразумному и осторожному, кто оставался на мѣстѣ, относились съ презрѣніемъ, если не съ прямымъ недоувѣріемъ. Какая бѣда могла быть по своимъ ближайшимъ результатамъ страшнѣе этой?

Какъ относился Хмельницкій къ тому, что творилось на Украинѣ? Все дѣлалось помимо него; но знать то, конечно, онъ зналъ обо всемъ. Хорошій хозяинъ, онъ едва ли могъ видѣть безъ скорби водворявшееся хозяйственное запустѣніе и разореніе; совсѣмъ не врагъ шляхетской привилегированности, какъ таковой, онъ не могъ сочувственно относиться къ хлопской завзятости, сносившей все привилегированное, во что бы то ни стало: онъ даже давалъ совѣты лично извѣстнымъ ему шляхтичамъ, какъ имъ дѣйствовать, чтобы спастись отъ гибели. Но останавливаться на всемъ этомъ ему было невозможно, некогда: потокъ событій властно уносилъ его, могущественнаго гетмана „Божіей милостью“, хотя со стороны могло казаться, что это именно онъ направляетъ событія: оптический обманъ, постоянно наблюдаемый въ исторіи, какъ и въ жизни. Пока необходимо было сосредоточить все вниманіе на одномъ: на томъ, какъ дать отпоръ Польшѣ, которая, не смотря на междуцарствіе, сбѣшила собрать всѣ свои силы въ видѣ посполитаго рущенья (земскаго ополченія). Но Польшу преслѣдовала ея злая судьба. Такъ какъ гетманы были въ плѣну, необходимо было выбрать замѣстителей. Повидимому, въ выборѣ этомъ не могло быть колебаній. Все указывало на Іеремію Вишневецкаго, начиная съ того, что онъ былъ самымъ богатѣйшимъ и, слѣдовательно, наиболѣе лично заинтересованнымъ въ дѣлѣ изъ украинскихъ магнатовъ, кончая той популярностью, доходившей до обожанія, какой онъ пользовался среди военного люда. Но варшавская политика рѣшила иначе. Во главѣ войска сталъ триумвиратъ изъ людей, которые ни каждый порознь, ни, тѣмъ болѣе, всѣ вмѣстѣ совсѣмъ не годились въ полководцы: „перына“, по насмѣшливому выраженію Хмельницкаго, князь Доминикъ Заславскій, толстый бонвиванъ; „латына“ — ученый дипломатъ Остророгъ; „дытына“ — молодой Конецпольскій.

Польское войско собиралось медленно: но за то оно представляло квинтъ-эссенцію шляхетской Рѣчи Посполитой. Паны точно сговорились сразить презрѣнныхъ хлоповъ видомъ своей роскоши, утонченности, блестящихъ костюмовъ, изысканныхъ принадлежностей бытового комфорта. Медленно шель имъ на встрѣчу отъ Бѣлой Церкви Хмельницкій, стягивая къ себѣ по дорогѣ загоны: онъ поджидаль на помощь татарь. Враги встрѣтились недалеко отъ Константинова, надъ рѣчкой Пилявой, подъ Пилявцами. Что произошло тамъ? Чѣмъ объяснить это позорное бѣгство поляковъ до битвы лишь подъ вліяніемъ слуха, и то невѣрнаго, о приближающейся татарской ордѣ? Самое внимательное изученіе историческихъ источниковъ, касающихся этой столь несчастной для поляковъ кампаніи, которая продолжалась всего отъ 11 до 22 сентября, не даетъ никакого разъясненія. Кажется, правильнѣе всего отнести случившееся просто къ „панфобіи“, нервной заразѣ, случаи которой еще не разъ и потомъ проявлялись между поляками въ ихъ столкновеніяхъ съ украинскимъ народомъ. Пилявецкія „довативы“ (подарки) долго обращались потомъ по Украинѣ: драгоценности продавались мѣшками за баснословно дешевыя цѣны, хлопы ѣли съ серебряныхъ тарелокъ...

Безъ малѣйшаго препятствія войска Хмельницкаго очутились подъ богатымъ Львовомъ, который откупился отъ осады деньгами, потомъ подъ Замостьемъ. Передъ украинскими хлопами лежала совершенно открытою Польша. Волна народной ненависти, которая донесла Хмельницкаго до Замостья, толкала его и дальше, въ глубь края; но эту волну перерѣзало сильное теченіе, царившее въ умѣхъ болѣе вліятельной части козачества и къ которому примыкалъ цѣликомъ самъ Хмельницкій. Нельзя порывать съ Польшей, такъ думали люди этого настроенія, чтобъ не попасть изъ огня да въ полымя: надо лишь пользоваться моментомъ, чтобы обезпечить Украинѣ тѣ права, въ которыхъ Польша ей отказывала. И вотъ Хмельницкій, стоя на территоріи беззащитной Польши, не только не предпринимаетъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, а, наоборотъ, постоянно увѣряетъ Варшаву, что онъ ждетъ только конца междуцарствія,

ждать, съ полной вѣрой въ его правосудіе, новаго государя, чтобъ поступить согласно его волѣ, какъ подобаетъ истинному вѣрноподданному его королевской милости.

Между нѣсколькими кандидатами на польскій престолъ взялъ верхъ, согласно категорически выраженнымъ желаніямъ козачества, Янъ - Казиміръ, и Хмельницкій тотчасъ же отступилъ на Украину, чтобъ на мѣстѣ ждать прибытія комиссіи, которую назначить король для урегулированія новыхъ отношеній Украины къ Польшѣ.

Комиссія была снаряжена, съ Киселемъ во главѣ, Брацлавскимъ воеводой, магнатомъ русскаго рода и православной вѣры. Они пріѣхали на Поднѣпровье, въ Переяславль, въ началѣ 49-го года, послѣ торжественнаго вѣзда Хмельницкаго въ Киевъ: вѣздомъ этимъ и Киевъ какъ бы получилъ формальное подтвержденіе своихъ старыхъ правъ на званіе столицы православной Украины, и Хмельницкій утверждался всенароднымъ признаніемъ, освященнымъ церковію, во главѣ съ патриархомъ іерусалимскимъ Паисіемъ, въ званіи украинскаго монарха, „*illustrissimo principi*“. Сосѣднія державы признавали его за такового монарха, посылая къ нему пословъ. Дѣло украинскаго народа и его вождя своимъ необычайно быстрымъ успѣхомъ было разомъ вознесено на головукружительную высоту. Тѣмъ труднѣе было дѣйствовать польской комиссіи, которая пріѣхала улаживать взаимныя отношенія на тѣхъ основаніяхъ, какія казались единственно возможными польскимъ крелевьятамъ: не смотря на все случившееся, они допускали лишь нѣкоторыя уступки, но никакъ не радикальное измѣненіе отношеній. Да и какая дипломатія возможна была въ этой атмосферѣ, насыщенной жгучей ненавистью, въ какую попали комиссары, какъ только вступили на почву Украины? Подъ сильной военной охраной прибыли они въ Переяславль; втеченіе десяти дней ихъ пребыванія здѣсь имъ ежечасно, ежеминутно грозила смерть отъ разъяренной толпы. На предложенія свои они слышали въ отвѣтъ лишь грозный окрикъ: „мовчить ляхи!“ И, наконецъ, когда великодушно рѣшившись пожертвовать для несчастныхъ соотечественниковъ своей панской гордостью, они

дошли до смиренныхъ просьбъ объ отпускѣ польскихъ плѣнныхъ, которыхъ было захвачено множество послѣ первыхъ битвъ и взятія Кодацкаго замка, они съ горечью увидѣли, что и смиреніе ихъ нисколько не трогаетъ торжествующаго врага. Комиссія отложена была до Троицной недѣли, „до травы“; но, очевидно, трава нужна была не для дипломатическихъ переговоровъ, а для военного похода. Слишкомъ отчетливо чувствовалось всѣми, что еще не наступилъ моментъ, когда можно что-нибудь рѣшать переговорами. Пришла новая весна, и украинскій народъ снова поголовно взялся не за плуги и рала, а за пивы и рушницы: Хмельницкій сзывалъ народное ополченіе, а на помощь къ нему шелъ Крымскій ханъ. Въ то же время польское войско, верховнымъ предводителемъ котораго считался самъ король, уже было на готовѣ, и какъ только на Волини снова появились загоны, оно вступило, чтобъ разгонять ихъ: нѣкоторые города перешли назадъ въ руки поляковъ, въ томъ числѣ Баръ.

Непріятельскія силы встрѣтились снова на той же территоріи, что и въ предыдущемъ году. Осада Збаража, обложеннаго войсками Хмельницкаго и крымцами, такъ героически выдержанная поляками, которыхъ воодушевлялъ Іеремія Вишневецкій, составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ польской исторіи; но подъ Зборовымъ, гдѣ украинско-татарское войско встрѣтило польскую армію, спѣшившую подъ предводительствомъ самого короля на выручку Збаража, опять чуть было не повторилась таже картина безудержнаго бѣгства подъ вліяніемъ паническаго страха. Результатомъ пораженія былъ Зборовскій мирный договоръ, заключенный нѣсколько поспѣшно подъ давленіемъ татаръ и представлявшій собою попытку разрубить положеніе, которое нельзя было распутать.

И такъ Зборовскій договоръ, составленный и утвержденный подписью Яна-Казимира въ августѣ 1649 г., характеризуетъ собою моментъ нѣкотораго временнаго затишья, втеченіе котораго дѣлаются попытки къ упорядоченію отношеній, къ выведенію ихъ изъ хаотическаго состоянія.

Польша признала козацкую Украину, въ предѣлахъ которой прекращало свое дѣйствіе польское право. Предѣлы эти

отмѣчены были не тѣсно: съ запада—Горынь, Случъ и Днѣстръ до Ягорлыка; съ сѣвера—Припять, Днѣпръ по Деснѣ и Ипути, а съ востока и юга нечего было и ограничивать—просто до Московіи и Татаръ. Въ предѣлахъ этой территоріи, которой хватило бы на перворазрядное европейское государство, Украина дѣлилась на 16 полковъ, которые назывались по главнымъ городамъ (на правомъ берегу было 9 полковъ), а полки дѣлились на сотни и пользовались полной автономіей. Всего козацкаго войска, расположеннаго на этой территоріи, вписаннаго въ реестры, полагалось Зборовскимъ договоромъ 40000; но еслибъ эта цифра и соблюдалась, то все-таки она включала въ себѣ значительную массу населенія. Каждый реестровецъ втягивалъ въ привилегированный классъ всѣхъ своихъ родственниковъ, затѣмъ онъ имѣлъ двухъ помощниковъ, или замѣстителей, пѣшаго и коннаго, которые вмѣстѣ съ своими роднями тоже входили въ составъ козачества. Но Хмельницкій, вмѣстѣ съ прочими русскими, ясно видѣлъ, какъ страшно трудно разбить всю возставшую и „окозачившуюся“ массу украинскаго народа, сбросившую съ себя всѣ старыя обязательства, снова на козаковъ и хлоповъ, то-есть какъ-никакъ, а все-таки на привилегированныхъ и непривилегированныхъ. Однако миръ съ Польшей въ это условіе не былъ возможенъ; да едва-ли и самъ Хмельницкій думалъ, что осуществимъ иной общественный строй, исключаяющій такое раздѣленіе. И вотъ, чтобы облечить переходное состояніе, онъ подъ-рукой еще устроилъ двадцать тысячъ резервнаго войска, которымъ предводительствовалъ его старшій сынъ а тамъ, гдѣ видѣлъ сильное броженіе и недовольство, разрѣшалъ формировать сверхъ того и „охочіе“ полки. Но часть населенія все-таки должна была оставаться въ козачества, слѣдовательно, въ хлопствѣ; а главное—въ силу Зборовскаго договора паны могли возвратиться на свои земли. Какая часть населенія оставалась въ распоряженіи пановъ, возвращавшихся по приглашенію Хмельницкаго, видно, напр., хотя бы изъ сохранившихся книгъ гродскихъ земскихъ и поточныхъ житомирскаго повѣта за 1650 г., въ которыхъ оставшіеся на мѣстахъ подданные давали подъ присягой показанія, что въ

панскихъ волостяхъ почти нѣтъ людей; что изъ ста хать едва остается 2—4 жилыхъ. О томъ, чтобы вернуть старыя права надъ подданными, панщины, произвольные поборы и т. п., которые водворялись было уже передъ Хмельнищиной на земляхъ стараго заселенія, паны не могли и мечтать пока: слава Богу, если хлопы соглашались платить десятину, да и той нелегко было добиться. А между тѣмъ народъ былъ крайне ожесточенъ уже однимъ появленіемъ польскимъ пановъ, съ которыми онъ надѣялся раздѣлаться на всегда: шляхта же, подъ личиной вынужденнаго смиренія, таила озлобленное недовѣріе и страхъ къ своимъ подданнымъ. Положеніе было крайне напряженное, которое не могло затянуться на долго. Въ то время начали ощущаться всѣ ужасы голода. Уже два года, какъ поля были заброшены, старые запасы истощились, торговый подвозъ со стороны Московіи не могъ удовлетворить нуждъ такой большой территоріи, да у массы населенія не было и средствъ для покупки, такъ какъ все прибрѣтенное при первомъ разграбленіи шляхетскаго добра и пиливицкая добыча—все успѣло разойтись въ два нерабочихъ года. Народъ выкапывалъ и ѣлъ корни, ѣлъ листья, пухъ съ голоду и умиралъ во множествѣ по улицамъ и дорогамъ; ежедневно толпы тащились со всѣхъ сторонъ по направленію къ Заднѣпровью, надѣясь тамъ найти пищу. Изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ всюду по Украинѣ бродилъ страшный призракъ голодной смерти; Кіевщина, Волинь, Подолье пустѣли. Въ томительной атмосферѣ этого пароднаго бѣдствія зловѣщимъ шепотомъ передавались рассказы о женщинѣ, которая съѣла своихъ родныхъ дѣтей, о другой, которая заманивала къ себѣ гостей, чтобы изъ мяса ихъ готовить обѣдъ своимъ домашнимъ... А рука объ руку съ голодомъ появились, какъ всегда, тяжелыя повальныя болѣзни, которыя какъ бы свили себѣ съ тѣхъ поръ постоянное гнѣздо на Украинѣ на долгіе годы: отъ моровой язвы 1650 г. „люди падаютъ и лежатъ какъ дрова къ Днѣстру, около Шаргорода и далѣе къ Блацлавлю“, пишетъ одинъ современникъ. Мерзость запустѣнія начала водворяться въ краѣ, еще такъ недавно плѣнявшемъ своей цвѣтущей красотой; вмѣсто ивнія птицъ слышенъ былъ лишь вой собакъ и волковъ, кото-

рые такъ разлакомились человѣческимъ мясомъ, что видались на каждаго неосторожнаго, и жалобно выли, если не находили себѣ добычи... При такихъ-то обстоятельствахъ должны было водворяться на Украинѣ новые порядки, вытекавшіе изъ условій Зборовскаго договора.

А Польша между тѣмъ уже давно перестала презрительно трактовать украинскія дѣла, какъ простыя своеволія презрѣнной черни. Хлопъ превратился въ козака, а козакъ принялъ образъ какой-то многоголовой гидры, посягающей на самое существованіе шляхетской Рѣчи-Посполитой. И въ самомъ дѣлѣ, почти на всемъ пространствѣ государства шляхта чувствовала подъ своими ногами подземные толчки, сотрясающіе ту хлопскую почву, на которой опиралось ея существованіе; на Литвѣ и въ Галиціи уже были хлопскіе бунты; отдѣльные загоны переходили изъ Волыни на територію Польши: а что если и всюду изъ нѣдръ хлопства вылупится козакъ и тотъ или иной Хмельницкій поведетъ чернь на шляхту? Зборовскій миръ не могъ успокоить этихъ опасеній; напротивъ, эта козацкая гидра получила свое законное логовище, откуда ей тѣмъ удобнѣе будетъ замышлять свои ковы на шляхетскую Польшу. Съ другой стороны, хотя Зборовскій договоръ и возвратилъ шляхтѣ ея права на земельную собственность въ предѣлахъ козацкой Украины, но пока эти права были совершенно фиктивными, а будущее... о какомъ свѣтломъ будущемъ подъ козацкимъ режимомъ могла мечтать шляхта? Всѣ же мечты, обширные планы и далекіе виды магнатовъ на захватъ и колонизацію новыхъ земельныхъ районовъ разлетались окончательно. Неудовольствіе было общее и крайнее. Тревожное настроеніе, въ которомъ раздраженіе мѣшалось со страхомъ, страхъ съ надеждой, все это питало легковѣріе во всѣхъ его видахъ. Слухи о всевозможныхъ ужасахъ ходили, какъ достовѣрныя извѣстія объ украинскіхъ событіяхъ; рассказы о сверхъестественныхъ явленіяхъ и чудесахъ не возбуждали никакого скептицизма, такъ какъ не могъ же божественный промыселъ безучастно относиться къ такому нарушенію предопредѣленнаго имъ порядка. Въ Барѣ днемъ вышла изъ костела процессія мертвецовъ, замученныхъ Кривоносомъ,

всѣ въ бѣлыхъ саванахъ и съ воплями: „отомсти, Боже нашу, кровь нашу“! Въ Дубнѣ три распятія, обращенныя на востокъ, сами обернулись на своихъ подставахъ къ западу, т. е. отвернулись отъ козаковъ. Въ Сокалѣ Божія Матерь сама обѣщала монаху побѣду. Даже въ Крыму были небесныя знаменія, которыя, по словамъ плѣнныхъ, возвращавшихся на родину, ханскіе знахари толковали, какъ обѣщающія побѣду поляковъ надъ козаками. Въ августѣ вернулся изъ плѣна польскій гетманъ Конецпольскій со страстной ненавистью къ козакамъ, со страстной жаждой отомстить имъ и тѣмъ смыть свой позоръ. Тотчасъ же вступилъ онъ въ исправленіе своихъ обязанностей и въ главѣ кварцянаго войска залегъ на Подольѣ, съ нетерпѣніемъ выжидая случая, чтобъ вмѣшаться въ украинскія дѣла. Случай тотчасъ же дали пограничныя споры: Подольскіе хлопы не хотѣли признавать границъ, поставленныхъ Зборовскимъ договоромъ, такъ какъ онѣ оказались внѣ козацкой Украины, и Брацлавскій полковникъ Нечай, одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ шляхетской Польши, не только набиралъ въ козаки изъ мѣстностей, лежащихъ внѣ указанныхъ предѣловъ, но и занялъ нѣкоторые пункты, не отходившіе къ козакамъ по договору.

Въ самомъ началѣ 1651 г. Калиновскій занялъ безъ сопротивленія Подольскіе замки Ямполь, Шарогродъ, Мурафу. Только въ Красномъ, гдѣ находился самъ Нечай, встрѣтилъ онъ отпоръ. Двое сутокъ обороняли козаки замокъ, и когда наконецъ враги ворвались, то въ одной изъ замковыхъ свѣтлицъ они нашли тѣло Нечая: у изголовья горѣли восковыя свѣчи, дьякъ читалъ надъ покойникомъ, а кругомъ молились его близкіе. Но таково было всеобщее ожесточеніе тѣхъ ужасныхъ временъ, что даже и этотъ торжественный видъ уже поконченныхъ счетовъ съ жизнью, не удержалъ жолнѣровъ. Всѣ присутствующіе были убиты; тѣло брошено на поруганіе. Надо отдать справедливость Калиновскому: онъ былъ сильно возмущенъ такимъ святотатствомъ. Подобные эпизоды глубоко западаютъ въ народную память; вѣроятно, благодаря этому имя и образъ Нечая, очень далекій, повидимому, отъ его реальныхъ чертъ, перешли и въ украинскія думы, и въ польскую поэзію.

И такъ, польское войско захватило часть края, находившагося въ козацкихъ рукахъ, и теперь, ободренное успѣхомъ и обремененное провіантомъ и цѣнной добычей, двигалось вглубь „Бужскаго козачества“, прямо на Винницу, гдѣ заперся съ горстью козаковъ полковникъ Богунъ.

Изъ восьмидесяти дѣятелей, имена которыхъ дошли до насъ отъ перваго десятилѣтія Хмельничины, Богунъ есть несомнѣнно самый замѣчательный. Умъ и энергія въ связи съ выдающимися военными способностями и большой независимостью характера отмѣчаютъ всѣ его дѣйствія; онъ никогда не запятналъ себя безцѣльной жестокостью, а, главное, въ его поступкахъ всегда ощущается присутствіе идеальныхъ мотивовъ, которыхъ какъ бы не достаетъ иногда самому Хмельницкому. Въ столкновеніи подъ Винницей съ Калиновскимъ, къ которому пришелъ на помощь Брацлавскій воевода Ланцкоронскій, Богунъ въ первый разъ выступилъ на историческую сцену и выступилъ блестяще. Вытѣсненный изъ города и изъ замка, Богунъ со своей горстью держался въ монастырѣ, на надбрежной скалѣ. Безпрестанныя вылазки, фігли, на придумываніе которыхъ Богунъ былъ чрезвычайно изобрѣтателенъ, сдѣлали то, что поляки рѣшились отступить, такъ какъ понесли большія потери. Но тутъ опять повторилось съ польскимъ войскомъ старое несчастіе: разнесся слухъ о томъ, что на помощь Богуну идетъ Хмельницкій съ татарами, и войско разбѣжалось въ паническомъ страхѣ, побросавъ всю свою добычу. Крайне изнуренные козаки Богуна даже не имѣли силъ преслѣдовать бѣглецовъ. Съ этихъ поръ Богунъ выступаетъ, какъ Брацлавскій полковникъ, т. е. предводитель Бужскаго козачества, глава всего Побужья.

Такимъ образомъ еще не наступила весна 1651 г., а уже на югѣ Украины открылись военныя дѣйствія. Но пока обѣ стороны дѣлали видъ, что принимаютъ все происходящее за частное столкновеніе, а сами энергично готовились къ войнѣ. Цаны, только что начинавшіе устраниваться въ своихъ имѣніяхъ, снова спасались поспѣшнымъ бѣгствомъ. Въ Польшѣ собиралось посполитое рушенье: шляхта шла съ необычайной готовностью, съ религіознымъ подъемомъ настроенія, самъ король предводи-

тельствовать войскомъ. И въ лагерѣ Хмельницкаго не было недостатка въ готовности, но былъ недостатокъ въ единодушіи. Прежде всего, русскіе горькимъ опытомъ убѣдились, какъ тяжело приходилось расплачиваться за помощь татаръ, которые опять пришли къ Хмельницкому съ ханомъ; а главное самъ украинскій народъ раскололся на козака и хлопа и чувствовалъ это.

Битва дана была „пидъ мистечкомъ та пидъ Берестечкомъ“, по словамъ украинской думы, на р. Стыри, въ іюнѣ. Это было первое и сграшное пораженіе, которое нанесли поляки Хмельницкому. Причиной пораженія были татары. Ханъ Исламъ-Гирей явился на помощь козакамъ противъ воли, подъ давленіемъ Турціи, которая рассчитывала пріобрѣсти протекторатъ надъ Украиной. Татары не только покинули украинцевъ въ критическую минуту, но захватили съ собой насильно Хмельницкаго, и такимъ образомъ украинское войско осталось безъ вождя. Положеніе сразу сдѣлалось крайне опаснымъ. Огромный украинскій таборъ, окопанный валами съ трехъ сторонъ, а съ четвертой примыкавшій къ болоту, заключалъ въ себѣ до двухсотъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей, стариковъ и духовенства. Изъ числа военнаго люду едва одна пятая состояла изъ реестровыхъ козаковъ; остальное — хлопы, хотя и подѣленные Хмельницкимъ на отряды и пристроенные къ полкамъ, но недисциплинированные, плохо вооруженные, а то и совсѣмъ безоружные. Въ этой пестрой массѣ, предоставленной въ крайне опасный моментъ самой себѣ, наступило разложеніе. Ярво вспыхнуло недовѣріе хлопа къ козаку; чернь подозрѣвала, что старшина выдастъ ее на жертву врагу; явилось нѣсколько партій, которыя боролись одна съ другой; духовенство, вмѣсто того, чтобы явиться въ роли миротворца, усиливало своимъ вмѣшательствомъ раздоры. Богунъ, который выбранъ былъ массой изъ числа прочихъ семнадцати старшинъ какъ бы въ наказные гетманы, нѣсколько времени спасалъ положеніе своей необыкновенной энергіей: поддерживалъ кой-какой порядокъ внутри лагеря, дѣлалъ удачныя вылазки изъ табора, велъ переговоры съ королемъ и разсылалъ шпионовъ за

вѣстями о Хмельницкомъ, относительно судьбы котораго никто ничего не зналъ въ таборѣ. День и ночь не сходилъ онъ съ коня, пользовался каждой оплошностью врага, былъ всѣмъ—и вождемъ, и начальникомъ штаба, и инженеромъ. Но положеніе было слишкомъ трудно, и тянуть его дѣлалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что къ польскому войску подвезли большія пушки, которыя громили таборъ. Надо было уходить. Богунъ подготовилъ уходъ, перекинулъ мостъ черезъ рѣчку и плотину черезъ болото, которая намощена была изъ возовъ, походныхъ шатровъ, конской сбруи, кожуховъ, человѣческихъ труповъ. Все это онъ устроилъ втихомолку, втихомолку ночью и выбралась часть войска изъ лагера. Но вдругъ хлопскую массу обхватила паника, въ основаніи которой лежалъ слухъ, что старшина съ козаками ее выдаетъ: народъ разомъ бросился на переправу, давили другъ друга, топили плотину и сами тонули въ болотѣ. Напрасно Богунъ, вернувшись на-встрѣчу, убѣждалъ и уговаривалъ успокоиться и не губить себя и другихъ: ничто не помогало. Тогда онъ прорвался съ своими козаками черезъ польскій отрядъ, заступившій дорогу, и ушелъ въ степь; за нимъ послѣдовали и другіе козацкіе старшины; хлопская масса въ самомъ дѣлѣ осталась „на мясныя ятки“. Двѣсти человѣкъ засѣли на болотной кочковинѣ и рѣшили защищаться до послѣдняго. Гетманъ, видя ихъ отчаянную рѣшимость, заявилъ, что оставляетъ имъ жизнь, но они не приняли милости, въ знакъ своей рѣшимости, въ виду войска, побросали въ воду всѣ свои деньги, а потомъ опять взялись за самопалы. Конница не могла съ ними ничего подѣлать; послали пѣхоту, которая оттѣснила ихъ въ болото. Но и здѣсь, стоя по поясъ въ болотѣ, они защищались отчаянно. Наконецъ, остался одинъ, но и тотъ не принявъ пощады, а держался нѣсколько часовъ, пока какому-то мазуру не удалось достать его и зарубить коссй. Это изъ польскихъ разсказовъ о хлопской „завязтости“.

Такимъ образомъ къ концу лѣта 1651 г. положеніе Украины было критическое. Украинское войско все разсыпалось или истреблено, а между тѣмъ гетманы Потоцкій и Калиновскій съ своими жолнѣрами двигаются въ глубь края; съ сѣвера же идетъ

имъ на встрѣчу съ литовскими войсками Радзивиллъ, который перешелъ съ лѣваго берега Днѣпра на правый и уже взялъ Кіевъ. Правда, урожай этого лѣта предохранилъ населеніе отъ голодной смерти; но эпидеміи свирѣпствовали по-прежнему, а, можетъ быть, и сильнѣе прежняго, благодаря новому побойцу. А, главное, водворялась анархія въ пародномъ настроеніи. Хотя Хмельницкій вернулся на Украинну, откупившись отъ своего союзника, хана, но не вернулась съ нимъ та сила обязанія, какою онъ держалъ въ рукахъ украинскій народъ. Масса волновалась, приписывала Хмельницкому вину пораженія подъ Берестечкомъ, собиралась черная (общенародная) рада на Масловоу ставу и требовала, чтобъ гетманъ далъ на ней отчетъ въ своемъ поведеніи; выдвигались другіе кандидаты на гетманство; внутренній расколъ и взаимное недовѣріе росли. Если прибавить къ этому, что Хмельницкій только что пережилъ тяжелую семейную драму, которая кончилась позорной казнью его молодой жены, бывшей подстаростины Чаплинской, и потерялъ въ военныхъ стычкахъ своихъ лучшихъ друзей, между прочимъ и Тугай-бей, то можно смѣло сказать, что едва-ли онъ переживалъ въ своей жизни болѣе тяжелыя, болѣе критическія минуты, чѣмъ теперь. И то, что онъ не потерялся въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, лучше всего доказываетъ, что онъ не былъ простымъ человѣкомъ случая. Одновременно устраиваетъ онъ свои семейныя и общественныя дѣла: вступаетъ въ третій бракъ съ немолодой уже вдовой Анной Филиппихой, сестрой двухъ полковниковъ, корсунскаго и нѣжинскаго, братьевъ Золотаренювъ, подпираетъ какъ-то свою расшатавшуюся власть и ведетъ энергично съ поляками переговоры о новомъ мирѣ. Сопротивляется войскамъ, коронному и литовскому, которыя соединились въ глубинѣ Украинны, подъ Васильковимъ, при такихъ обстоятельствахъ было прямой невозможностью. Надо было купить миръ какою-бы то ни было цѣной, лишь бы выиграть время. А будущее еще могло представить всякія возможности: недаромъ судьба убрала съ дороги какъ разъ въ такое тяжелое время самаго ожесточеннаго и самаго опаснаго врага украин-

скаго народа, Іеремію Вишневецкаго, который умеръ внезапно въ Павлочи, въ цвѣтѣ лѣтъ и силы, повидимому, отъ холеры.

Конечно, поляки также сильно желали мира: и въ ихъ войскахъ свирѣпствовали повальные болѣзни.

Коммиссія, по прежнему съ Киселемъ во главѣ, прибыла въ Бѣлую Церковь, въ то время главный военный украинскій станъ. Этотъ форпостъ, выдвинутый въ дикую степь, превратился какъ бы въ огромный городъ: здѣсь кишѣла масса хлопства, стяпутаго со всей козацкой Украины до трехъ сотъ тысячъ человекъ по меньшей мѣрѣ, и посреди этой массы, коекакъ справляясь съ нею, дѣйствовала козацкая старшина. Хлопство не хотѣло слышать ни о какихъ комиссарахъ, ни о какихъ соглашеніяхъ: конечно, теперь оно хорошо понимало, что всякое соглашеніе кончится для него неизбѣжно панциной. „Съ ума вы походили, паны, что-ли!“—такъ привѣтствовалъ комиссаровъ войсковой писарь Выговскій, „что пріѣхали въ огонь, къ хлопамъ? И мы, защищая васъ, пропадемъ“...

Пропасть старшина не пропала; но она, съ Хмельницкимъ во главѣ, должна была привести въ дѣйствіе всѣ свои силы, всю энергію, чтобъ уберечь комиссаровъ отъ толпы. Разбивали хлопскіе черепа, снимали съ плечъ хлопскія головы, чтобы удержать чернь отъ штурма замка, гдѣ укрывались комиссары; при появленіи поляковъ на улицѣ, надъ ними ругались, грозили, бросали камнями, пускали стрѣлы. И хотя въ концѣ концовъ ихъ отпустили живыми, но за то отняли все, что у нихъ было съ собой—деньги и драгоценности, коней и шатры. Тѣмъ не менѣе Бѣлоцерковскій миръ былъ заключенъ: число реестровыхъ уменьшено до двадцати тысячъ, границы козацкой Украины сужены до предѣловъ одного Киевскаго воеводства. Въ октябрѣ войско оставило Украину, что собственно только и было нужно Хмельницкому. О соблюденіи условій мира онъ не думалъ: да и можно ли было думать объ этомъ? Къ тому же и сама Польша дала на то формальное право: тотъ сеймъ, на которомъ должно было состояться утвержденіе договора, былъ сорванъ, и такимъ образомъ Бѣлоцерковскій договоръ не получилъ юридической силы.

Если Хмельницкій еще недавно допускалъ, что возможенъ *modus vivendi* между Украиной и Польшей, то теперь уже онъ не думалъ этого. Являлась неизбежной какая-нибудь иная политическая комбинація. Двѣ комбинаціи навязывались положеніемъ: одна—протекторатъ Турціи, другая—Московского государства. Обѣ, при положительныхъ сторонахъ, представляли и много отрицательныхъ. Выборъ былъ нелегокъ, гетманъ колебался. Но, колеблясь, онъ поддерживалъ съ Москвой и Константинополемъ самыя тѣсныя отношенія, подготавливая свой послѣдній шагъ, но не рѣшаясь его сдѣлать ни въ ту, ни въ другую сторону. Въ тоже время онъ держалъ по отношенію къ Польшѣ видъ вѣрнопопданнической покорности и соблюденія поставленнаго договора. Но этимъ видомъ онъ пользовался лишь для проведенія своихъ собственныхъ цѣлей. Поляки требовали приведенія въ исполненіе условій Бѣлоцерковского договора: гетманъ на-встрѣчу ихъ требованіямъ слалъ жалобы, что такіе-то и такіе-то бунтовщики и вожаки своевольной черни не даютъ ему, гетману, несмотря на всѣ желанія, приводить въ исполненіе постановленныя условія. А на Украинѣ, дѣйствительно, появлялись отдѣльныя лица, которыя воплощали въ себѣ народное недовольство положеніемъ дѣлъ вообще, Хмельницкимъ въ частности. Согласно заявленіямъ Хмельницкаго, поляки послали на Украину судную комиссію, и такимъ образомъ гетманъ, при помощи ихъ и до нѣкоторой степени на ихъ счетъ, раздѣлывался съ вожаками недовольныхъ. На украинскихъ рынкахъ катились головы враговъ гетмана; терроръ сдерживалъ нѣсколько проявленія недовольства; но положеніе дѣлъ не улучшалось. Народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже пришелъ къ убѣжденію, что положеніе, плохое въ настоящемъ, ничего не обѣщаетъ и въ ближайшемъ будущемъ, и двинулся за Днѣпръ. Втеченіе года, слѣдующаго за Бѣлоцерковскимъ миромъ, масса жителей Поднѣстровья и Побужья ушла и осѣла на берегахъ Дона, Удая, Коломака, Харькова: росла Украина Слободская, и пустѣла настоящая, исконная.

Но разыгрывая передъ поляками видъ покорности, Хмельницкій подъ рукой приводилъ въ исполненіе свои планы. Оче-

реднымъ изъ этихъ плановъ, состоявшимъ, вѣроятно, въ связи съ турецкимъ протекторатомъ, было соединеніе Молдавіи съ Украиной путемъ брака старшаго сына Тимоша съ Розандой, дочерью господаря Лупулла. Ни Лупулъ не хотѣлъ этого брака, ни Польша, его союзница. Калиновскій, послѣ бѣлоцерковскаго мира, стоялъ съ кварцянымъ войскомъ на Побужьѣ и рѣшилъ низачю не пропускать сватовъ въ Молдавію. Для этой цѣли онъ расположился на берегу рѣки Буга, недалеко отъ Ладжины у горы Батоги, а въ его войско собрался цвѣтъ польскаго рыцарства. Хмельницкій дѣлалъ видъ, что не принимаетъ ни въ чемъ участія, предупреждалъ Калиновскаго о сыновней затѣѣ, а на самомъ дѣлѣ пригласилъ на помощь татаръ и самъ организовалъ предпріятіе, и организовалъ такъ удачно, что польское войско было окружено и потерпѣло ужасное пораженіе, самъ гетманъ Калиновскій убитъ. Дѣло было въ концѣ мая 1652 года. Тимошъ побѣдоносно прошелъ въ Молдавію, и Лупулъ теперь желалъ только одного: какъ-бы поскорѣе удовлетворить сватовъ. Розанда, уюченпая красавица, сдѣлалась женой простака Тимоша. Теперь поляки ясно увидѣли, какъ двусмысленна была относительно ихъ политика „хлопскаго гетмана“. Только что наступилъ новый 1653 г.; еще стояла зима, и потому никто не ожидалъ нападенія, какъ на Украину обрушился во главѣ десяти тысячъ кварцянаго войска Стефанъ Чарнецкій, коронный обозный, человекъ необыкновенной энергіи, большой опытности „въ козацкихъ фортеляхъ“, которымъ онъ обучился у самихъ козаковъ, и нечеловѣческой жестокости: укрощать грозой, топить хлопскій бунтъ въ хлопской крови—только этимъ онъ и руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ. Всюду, гдѣ онъ проходилъ, онъ оставлялъ за собою пустыню, полную развалинъ и пепелищъ, страшную той тишиной, въ которой еще какъ-бы звучали предсмертные стоны замученныхъ людей. О жестокости козаковъ сохранилось много ужасающихъ свидѣтельствъ; но и этихъ козаковъ поражалъ Чарнецкій своей безчеловѣчностью. Не находилъ оправданій для дѣйствій короннаго обознаго и его соотечественники, какъ онъ ни были озлоблены противъ украинскаго народа. Въ Пограблицѣ Чарнецкій ворвался во время ярмарки,

когда тамъ собралось множество народу: онъ вырѣзалъ всѣхъ, не щадя ни женщинъ, ни стариковъ, ни грудныхъ дѣтей. Къ счастью, его успѣлъ задержать въ его страшномъ движеніи Богунъ: въ битвѣ подѣ Монастырищемъ и самъ коронный обозный былъ опасно раненъ, и войско его все разсыпалось. Такимъ образомъ, вся эта военная экспедиція оставила лишь впечатлѣніе ужасовъ, которые произвелъ Чарнецкій: но терроризировать украинское населеніе было нелегкой, и можно сказать, даже неисполнимой задачей.

Теперь поляки сосредоточили все свое вниманіе на томъ, чтобы мѣшать Хмельницкому въ его Молдавской политикѣ. Тимошъ, отвезя молодую жену на Украину, возвратился съ козаками въ Молдавію и, конечно, руководясь отцовскими планами, затѣялъ войну съ Валахіей. Но предпріятіе оказалось неудачнымъ, валашскій господарь соединился съ семиградскимъ княземъ Ракочи, получилъ помощь отъ поляковъ; Лупулъ былъ свергнутъ съ престола, а потомъ и Тимошъ умеръ отъ раны, полученной имъ въ то время, какъ враги осаждали Сочаву, гдѣ онъ заперся. Хмельницкій не успѣлъ во-время придти на помощь. Вся молдавская политика кончилась ничѣмъ, или, точнѣе сказать, тяжелой потерей, смертью сына. Тѣмъ самымъ сошла со сцены и мысль о турецкомъ протекторатѣ. А между тѣмъ осенью, когда смертью Тимоша пришли къ окончательной развязкѣ Молдавскія дѣла, польскій король самъ явился во главѣ войска на Поднѣстровье. На Поднѣстровьѣ же стоялъ и Хмельницкій, къ которому опять пришелъ на помощь татарскій ханъ. Но этотъ такъ называемый Жванецкій походъ обошелся безъ всякаго серьезнаго столкновенія воюющихъ сторонъ: Хмельницкій благоразумно предоставилъ полякамъ сражаться съ стихійными невзгодами: осенними ливнями, холодомъ, недостаткомъ крова и провіанта. Жолнѣры начали бунтовать и разбѣгаться. Состоялся, по настоянію татаръ, Жванецкій миръ. Условія его были какъ бы и выгодны для украинскаго народа: имъ возвращался въ свою силу Зборовскій договоръ. Но въ числѣ этихъ условій было одно, позорное и для поляковъ, и для украинцевъ: татары выговорили себѣ право распустить свои загоны по Украинѣ,

чтобъ набрать себѣ ясырь въ видѣ контрибуціи. Еще лишній разъ видѣла Украина, какихъ союзниковъ имѣетъ она въ татарахъ. Однако кое-кто на Украинѣ уже зналъ, что гетманъ рѣшился, что послѣдній шагъ уже сдѣланъ, хотя пока еще и держится въ тайнѣ: Украина порываетъ съ Польшей и поступаетъ подъ протекторатъ Московскаго государства.

8 января 1654 г. состоялась Переяславская рада, которая дала окончательную санкцію уже заключенному договору; жизнь украинскаго народа пробивала себѣ новое историческое русло. Договоромъ этимъ количество войска запорожскаго опредѣлялось въ 60 000, а за Украиной обезпечивалась полная свобода суда и самоуправленія.

Рѣшеніе Переяславской рады соединиться съ Москвою не было выраженіемъ единодушной воли, единодушнаго согласія всего украинскаго народа. Высшее кіевское духовенство встрѣтило рѣшеніе съ тревогою и сомнѣніемъ; многіе принесли присягу, но вопреки своимъ убѣжденіямъ; были и такіе, что совсѣмъ отказались отъ присяги, напр. Сирко, позже знаменитый кошевой запорожскій, и брацлавскій полковникъ Богунъ. Но какъ-ни-какъ, а рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, и логическія его послѣдствія наступили. Алексѣй Михайловичъ объявилъ войну Польшѣ: одно московское войско двинулось на Литву, другое на Украину. Когда поляки узнали объ оппозиціи Богуна, они предложили ему гетманское достоинство, надѣясь такимъ образомъ удержать за собой Побужье, если не всю правобережную Украину. Богунъ велъ переговоры, затягивалъ ихъ, но это было съ его стороны лишь дипломатической сноровкой: если Богунъ не хотѣлъ московскаго протектората, то еще гораздо меньше хотѣлъ возвращенія къ Польшѣ. Наконецъ, и поляки увидѣли, что здѣсь имъ не на что надѣяться. Переговоры съ Крымомъ тоже затягивались. Хотя ханъ, въ виду соединенія Хмельницкаго съ Москвою, теперь становился естественнымъ союзникомъ Польши, но только въ осени поляки могли добиться высылки на помощь татарскаго войска, и то на тяжелыхъ условіяхъ: татарамъ отдавался на зимовье весь край между Днѣстромъ и Бугомъ, чтобы въ каждомъ мѣстечкѣ

гарнизонъ былъ на половину польскій, на половину татарскій, чтобы рядомъ съ гетманомъ былъ султанъ-калга, рядомъ съ полковниками мурзы.

Лишь въ концѣ октября коронныя войска стали подъ Шарогородомъ, „украинскими воротами“, и принялись очищать Подиѣстровье. Въ авангардѣ снова шелъ свирѣпый Чарнецкій. Отпоръ встрѣтили въ Бушѣ. Заброшенная у слиянія рѣчекъ Морафы и Буши, окруженная скалами, Буша была столицей „левенцовъ“, или подольскихъ самозванныхъ козаковъ. Они были вытѣснены изъ Могилева и засѣли здѣсь. Всего укрывалось здѣсь до 16000 человекъ; однѣхъ женъ козацкихъ было тысячъ шесть. Взятіе Буши Чарнецкимъ принадлежитъ къ числу самыхъ ужасныхъ эпизодовъ всей этой ужасной эпохи. Жители сами зажигали свои дома и умерщвляли себя; женщины кидались съ дѣтьми въ пламя или выдали дѣтей въ колодцы, бросались сами вслѣдъ. Жена сотника Завистнаго сѣла на бочку пороху и подпала на нее, хотя красавица Гандзя могла рассчитывать на пощаду. „Твердыя сердца русскія не имѣли надъ собой никакого состраданія“, говоритъ одинъ польскій историкъ, современный событіямъ. Все остальное высѣкъ, спалилъ, потопилъ Чарнецкій, не выпустилъ ни души. Огромныя богатства, собранныя въ Бушѣ, всѣ погибли въ огнѣ: если Чарнецкій и былъ корыстолюбивъ, то жестокость его брала верхъ надъ корыстолюбіемъ. Польскіе гетманы, по совѣту Чарнецкаго, разбросали по краю универсалы, требуя послушанія и грозя въ случаѣ отказа судьбой Буши. Но ничего не могли дожидаться: села опустѣли, мѣстечки окопались, Побужье молчало, положеніе было такое, что весь край нужно было принуждать къ повиненію штурмомъ.

Въ январѣ 1655 г. встрѣтилось войско польско-татарское съ козацко-московскимъ: это была такъ—называемая Ахматовская кампанія, разыгравшаяся на территоріи Бѣлой-Церкви. Народъ на своемъ образномъ языкѣ говорилъ, что встрѣча враговъ произошла „на Дрыжиполѣ“, такъ какъ дѣло было лютой зимой и всѣмъ приходилось крайне страдать отъ холода. Обстоятельства встрѣчи сложились очень неблагоприятно для

украинцевъ. Поляки обрѣли часть союзнаго войска, Хмельницкаго съ Шереметевымъ, въ то время, какъ главная масса московскаго войска, ничего не подозрѣвая, спокойно стояла себѣ съ Бутурлинымъ подъ Бѣлой-Церковью. Козакамъ пришлось съ большими потерями пробиваться съвозъ непріятелей таборомъ. Таборъ былъ громадный: квадратъ изъ ста тысячъ возовъ, поставленныхъ въ три ряда, скovanýchъ цѣпами и уставленныхъ пушками, занималъ площадь до полмили въ длину. Пѣхота дѣйствовала около пушекъ, а въ срединѣ квадрата была заключена конница. Кругомъ этой подвижной крѣпости влѣзли польскія войска, бѣшено кидаясь на нее: послѣ страшныхъ усилій и потерь полякамъ удалось оторвать конецъ табора, но таборъ все таки сомкнулся, и украинцы соединились подъ Бѣлой-Церковью съ московскимъ войскомъ. Поляки считали побѣду своей; но они понесли большія потери, а главное— все это для нихъ не имѣло никакихъ послѣдствій. Край попрежнему лежалъ въ своемъ угрюмомъ и молчаливомъ отпорѣ, не страшась никакого террора, не трогаясь никакими просьбами и увѣщаніями. А между тѣмъ польскіе союзники татары, расположившіеся между Днѣстромъ и Бугомъ, выбирали здѣсь ясырь, какъ въ завоеванной странѣ. Они хватали все молодое, сильное, красивое, что представляло какую-нибудь цѣнность на восточныхъ рынкахъ. Въ Студеницѣ, Ушицѣ, Бавотѣ, Рашковѣ не стало женщинъ; уводя съ собой кромѣ того огромнаго стада коней и воловъ, татары еще требовали, чтобъ союзники давали имъ охрану. Но и охрана не спасала татаръ отъ Богуна, который залегъ съ своими „богунцами“ въ дикихъ степяхъ, чтобъ отбивать у татаръ ихъ добычу.

Между тѣмъ мрачная грозовая туча облегла Польшу со всѣхъ сторонъ. Положеніе государства казалось безвыходнымъ. Послѣ Смоленска, московскія войска взяли Полоцкѣ и Витебскѣ, Могилевѣ, Ковно, Минскѣ и вступили въ Вильно: Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ великаго князя Литовскаго. Шведы вторглись въ Польшу съ сѣвера и заняли почти все государство съ обѣими его столицами, Варшавой и Краковомъ. Хмельницкій снова стоялъ подъ Львовомъ, держа въ своихъ рукахъ

не только Червонную, но и Холмскую Русь; взять былъ и Люблинъ. Таково было положеніе дѣлъ осенью того же 1655 года. Теперь во власти соединеннаго московско-украинскаго войска была судьба русскаго племени во всѣхъ его подраздѣленіяхъ и историческихъ отдѣнкахъ, и, повидимому, Хмельницкій понималъ все значеніе этого обстоятельства: но, къ несчастію, этого не понимали его союзники. Въ слѣдующемъ же 1656 г. московскій царь, плѣненный перспективой, которую выставили ему поляки, получить польскую корону, заключилъ съ Польшей отдѣльный миръ, безъ всякаго участія украинцевъ. Этотъ оборотъ дѣла поразилъ всѣ сознательные и руководящіе элементы Украины, прежде всего, конечно, Хмельницкаго; московскимъ симпатіямъ нанесенъ былъ серьезный ударъ: какъ положиться на такого неустойчиваго покровителя и союзника? какъ быть дальше? Опять появляется мысль о новыхъ политическихъ комбинаціяхъ: Хмельницкій вступаетъ въ сношеніе съ шведами и венграми. При такомъ то положеніи дѣлъ, изъ котораго не видно было никакого удовлетворительнаго выхода, измученный заботой, умеръ Хмельницкій въ концѣ іюля 1657 года.

А. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧЕРНИГОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ НАЧАЛА 40-ХЪ ГОДОВЪ. ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Печатая настоящую статью г. Рудановскаго, мы считаемъ себя обязанными, какъ по отношенію къ читателямъ, такъ и по отношенію къ самому автору, сдѣлать нѣсколько предварительныхъ оговорокъ.

Въ № 5-мъ текущаго года въ статьѣ „Воспоминанія Іосифа Самчевскаго“ мелькомъ упомянуто было о личности **Θ. А. Китченка**, назначеннаго по рекомендаціи Судіенка инспекторомъ Черниговской гимназіи. Воспользовавшись этимъ случаемъ, мы въ примѣчаніи помѣстили дополнительныя замѣтки о личности Китченка, любезно доставленныя намъ однимъ изъ бывшихъ учениковъ этой гимназіи и вполне согласовавшіяся съ тѣми свѣдѣніями, какія имѣлись у насъ и раньше изъ другихъ источниковъ. Недавно нами получена отъ одного изъ учениковъ г. Китченка первыхъ годовъ его пребыванія въ Черниговѣ печатаемая ниже статья, иначе освѣщающая и оцѣнивающая личность этого педагога.

Съ одной стороны, желая соблюсти вполне безпристрастное отношеніе къ фактамъ, отошедшимъ уже въ область исторіи, а съ другой—не видя особеннаго противорѣчія въ печатаемой теперь характеристикѣ г. Китченка съ тѣми данными, какія были сообщены раньше, такъ-какъ рѣчь идетъ о разныхъ эпохахъ (а вѣдь въ дѣятельности педагога десятокъ лѣтъ иногда даетъ невѣроятныя перемены!)—мы помѣщаемъ статью г. Л. Руданов-

скаго въ полномъ ея объемѣ, тѣмъ болѣе, что центръ тяжести всей статьи заключается совсѣмъ не въ освѣщеніи личности г. Китченка, а въ прекрасной характеристикѣ педагоговъ Черниговской гимназій начала 40-хъ годовъ.

Еще одна оговорка. Л. Рудановскій, не читавшій воспоминаній Иосифа Самчевскаго въ нашемъ журналѣ, а знакомый съ ними только изъ выдержекъ, напечатанныхъ въ „Новомъ Времени“, впадаетъ въ ошибку, приписывая Самчевскому отзывъ о Китченкѣ, кажушійся ему рѣзкимъ. Считаемо нужнымъ еще разъ подчеркнуть, что этотъ отзывъ принадлежитъ не Самчевскому, а одному изъ бывшихъ учениковъ Черниговской гимназій.

Въ № 6542 газеты „Новое Время“, въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ“, помѣщены выдержки изъ напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ воспоминаній Самчевскаго, изображающія въ самыхъ мрачныхъ краскахъ дѣятельность бывшаго инспектора Черниговской гимназій, Китченка.

Тономъ очевидца и непосредственнаго свидѣтеля Самчевскій говоритъ: „сѣченіе учениковъ было для Китченка истиннымъ наслажденіемъ: это *единственный ея трудъ на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія онъ ровно ничего не дѣлалъ*“;— „каждый день онъ подвергалъ истязаніямъ не менѣе 50-ти учениковъ; многіе наказывались по два раза“;— „воплъ и плачь дѣтей оглашали все зданіе гимназій“. Въ видѣ иллюстраціи, рассказывается, что ученика Джогина Китченко преслѣдовалъ систематически и истязалъ до такой степени, что отъ красиваго, розоваго и выхолоннаго мальчика осталась лишь тѣнь и что когда пріѣхавшая черезъ годъ мать „увидѣла своего сына блѣднымъ и замученнымъ, съ нею сдѣлался обморокъ; она такъ рыдала, что всѣ ученики прослезились“. Далѣе высказывается удивленіе, какъ директоръ Невѣровъ „допустилъ устройство Китченкомъ застѣнка въ помѣщеніи Мины“, своего приспѣшника, „гдѣ проливалась кровь дѣтей“. „Чрезвычайно странное совпаденіе“, говоритъ Самчевскій: „съ одной стороны добрый, гуманный, ученый, идеально честный директоръ (такъ говорятъ

близко знавшіе Невѣрова), а съ другой — Китченко, положительное воцеленіе звѣря, палача“.

Я воспитывался въ Черниговской гимназіи съ 1840 по 1846 г.; при мнѣ, въ 1841 или 42 г., былъ назначенъ инспекторомъ Китченко. Какъ современникъ описываемой Самчевскимъ эпохи и очевидецъ происходившаго въ гимназіи въ первые 4—5 лѣтъ инспекторства Китченка, я положительно утверждаю, что сообщаемыя Самчевскимъ свѣдѣнія невѣрны и крайне преувеличены, что краски наложены имъ слишкомъ густо и грубо: ни воплей, ни стоновъ въ гимназіи не слышалось, каждодневныхъ экзекуцій не происходило, кровь учениковъ не лилась; все это плодъ слишкомъ пылкой фантазіи. Джогинныхъ, двухъ братьевъ, я зналъ лично; младшій, о которомъ, судя по описанію наружности, говоритъ Самчевскій, никакимъ истязаніямъ не подвергался; мелодраматической сцены обморока матери при видѣ блѣднаго и измученнаго сына и общихъ рыданій положительно не было. Наказывать розгами по 50 учениковъ въ день было невозможно уже потому, что высшіе классы, начиная съ 4-го, освобождались тогда отъ тѣлеснаго наказанія по личному усмотрѣнію, безъ постановленія совѣта, а въ 3-хъ параллельныхъ низшихъ всѣхъ учениковъ было около 150. Китченко, правда, былъ строгъ и если наказывалъ, то наказывалъ сильно; но случаи наказаній были нечасты; импонировалъ отъ не столько наказаніями, сколько суровымъ и властнымъ тономъ отрывистой и рѣзкой рѣчи; для лѣнтяевъ и неисправимыхъ шалуновъ онъ былъ дѣйствительно грозенъ; прилежные же и развитые ученики если не любили, то цѣнили Китченка за добро, какое онъ сдѣлалъ для гимназіи, и за водворенный имъ въ ней порядокъ.

Но не въ этихъ преувеличеніяхъ и вымыслахъ главный грѣхъ автора воспоминаній. Еще болѣе грѣшитъ онъ, утверждая, что „сѣченіе учениковъ — единственный трудъ Китченка на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія онъ ровно ничего не дѣлалъ“. Въ этихъ словахъ такая вопіющая неправда и такая возмутительная несправедливость по отношенію къ О. А. Китченку, о которомъ я сохраняю самое признательное вос-

помянаніе, что считаю нравственною обязанностью принять на себя, въ видахъ возстановленія истины, нелегкій въ мои годы трудъ печатнаго опроверженія взводимой на него напраслины.

Оговариваюсь, что буду говорить только о первыхъ 4—5 годахъ инспекторства Китченва. Какова была дѣятельность его послѣ 1846 г. въ Черниговѣ, а потомъ въ роли директора Житомирской гимназіи, я не знаю. На моей сторонѣ преимущество непосредственнаго очевиднаго свидѣтельства, въ то время какъ Самчевскій, не имѣвшій въ мое время ничего общаго съ Черниговскою гимназіею, говоритъ только по слухамъ, принятымъ на вѣру безъ всякой провѣрки.

Утверждаю, что *Θ. А. Китченко* сдѣлалъ для Черниговской гимназіи много, очень много: онъ ее рѣшительно пересоздалъ. Чтобы оцѣнить заслугу его въ этомъ отношеніи, необходимо бросить взглядъ на то, чѣмъ была эта гимназія до назначенія его инспекторомъ.

Приходится разбудить уснувшія было и покрытыя 50-ти-лѣтнею давностію воспоминанія и представить прежде всего характеристику начальствовавшего и наставническаго персонала.

Директоромъ былъ *Як. Павл. Ростовцевъ*. Средняго роста, худощавый старикъ, съ ирѣзаннымъ глубокими морщинами небольшимъ лицомъ, съ откинутою назадъ головою, увѣнчанною зачесанными вверхъ сѣдоватыми волосами, онъ 3—4 раза въ году обходилъ классы. Дверь шумно распахивалась сторожемъ, и въ комнату положительно влеталъ директоръ; круто остановившись посредицѣ и не отвѣчая на общій поклонъ, онъ быстро одинъ за другимъ дѣлалъ вопросы учителю — чѣмъ занимаетесь? какъ они (т. е. ученики) у васъ? за что наказаны (всегда стояло нѣсколько человѣкъ на колѣняхъ)?—и, не выжидая отвѣта, такъ-же быстро вылеталъ въ ту-же, или въ противоположную дверь. Этими рѣдкими визитаціями исчерпывалась, по отношенію по крайней мѣрѣ къ намъ, ученикамъ, дѣятельность директора; никого изъ насъ онъ не зналъ и успѣхами нашими не интересовался, на способъ и приемы преподаванія никакого вліянія не оказывалъ; держалъ себя весьма надменно и прини-

малъ просителей, даже дома, въ халатѣ (что впрочемъ было въ духѣ того патріархальнаго времени).

Совершенною по виѣшности противоположность директору представлялъ инспекторъ Ив. Матв. Сбитневъ. Насколько первый былъ быстръ и стремителенъ въ движеніяхъ и рѣчи, настолько послѣдній былъ медлителенъ, торжествененъ и важенъ: медленная поступь; руки сложенные на груди; неторопливая, размѣренная рѣчь; выраженіе благодушія и благоволенія на лицѣ; отсутствіе всякой энергіи и инициативы въ характерѣ. Одинаково съ директоромъ, онъ никакого вниманія на преподаваніе не обращалъ; съ учениками обращался привѣтливо и ласково, строгимъ наказаніямъ ихъ не подвергалъ, но донималъ отеческими, весьма длинными нотаціями; о поведеніи же и нравственности ихъ весьма мало заботился.

При столь равнодушномъ отношеніи къ дѣлу начальниковъ, въ преподаваніи господствовала крайняя рутина; среди учениковъ—неразвитость и нравственная неряшливость.

Составъ учителей былъ, за немногими отпадными исключеніями, невообразимо плохъ. Большинство изъ нихъ перешло при учрежденіи гимназіи изъ прежняго 4-хъ класснаго училища и имѣло весьма невысокій образовательный цензъ. Ученіе состояло въ дословномъ зазубриваніи убійственныхъ учебниковъ того времени; учителя не давали, да и не могли давать, по ограниченности знаній и развитія, какихъ-либо объясненій и дополненій. Нѣкоторые отличались невоздержностью и нерѣдко являлись на уроки въ нетрезвомъ состояніи; иные были по своимъ нравственнымъ и умственнымъ свойствамъ предметомъ глумленія и насмѣшекъ учениковъ и, понятно, никакого нравственно-развивающаго вліянія на нихъ имѣть не могли. Въ низшихъ классахъ — ручная расправа, битье линейками и палками по рукамъ, квалифицированное колѣнопреклоненіе на гречкѣ или горохѣ при засученныхъ инекспресибахъ; оставленіе безъ обѣда — были обычнымъ явленіемъ и при томъ, чѣмъ хуже былъ учитель, чѣмъ меньше могъ онъ импонировать личными качествами, тѣмъ чаще прибѣгалъ онъ къ такимъ искусственнымъ средствамъ возбужденія къ себѣ уваженія. Нѣкото-

рые изъ нихъ живо рисуются теперь въ моей пробужденной памяти.

Законоучитель, соборный протоіерей, о. Петръ Шишовъ—высокій, довольно плотный старикъ, съ жиденькою остроконечною бородкою—всегда являлся въ классъ съ толстою въ кожаномъ переплетѣ библіей, которая служила нерѣдко орудіемъ вразумленій для непонятливыхъ учениковъ. Онъ былъ очень добръ, но необыкновенно горячъ и вспыльчивъ. Ученіе начиналось выслушиваніемъ заданнаго урока, при чемъ половина класса обыкновенно ставилась на колѣни, а по головамъ наиболѣе лѣнивыхъ и непонятливыхъ прохаживалась библія. Потомъ назначался новый урокъ—„до сюда“; объясненія если и давались, то такъ невразумительно, что даже наиболѣе способные не могли понять ихъ; о нравственной сторонѣ религіи, о разъясненіи догматовъ христіанства, значенія таинствъ и церковной обрядности—помину не было. Требовалось дословное заучиваніе безъ всякихъ добавленій.

Учитель географіи Кондратьевъ, средняго роста, съ круглымъ брюшкомъ и отвисшею нижнею губою, являлся нерѣдко въ весьма возбужденномъ состояніи, что тотчасъ же по нѣкоторымъ твердо изученнымъ признакамъ подмѣчалось наблюдательнымъ дѣтскимъ глазомъ. Смущенныя лица невыучившихъ урока тогда просвѣтлялись, книги складывались, на всѣхъ устахъ появлялась улыбка въ предвкушеніи предстоящаго спектакля. А спектакли бывали дѣйствительно интересны. Онъ посвящалъ дѣтей въ самыя интимныя подробности своего хозяйства и своей семейной жизни, рассказывалъ безконечное множество чудесныхъ случаевъ, въ которыхъ всегда игралъ самую дѣятельную роль. Разсказъ слѣдовалъ за разсказомъ, съ своеобразной жестикуляціей и мимикой; время уходило; слышался звонокъ, и учитель, торопливо указавъ слѣдующій урокъ, быстро удалялся. Не то бывало при нормальномъ состояніи: сперва просматривались рапортички т. наз. аудиторовъ, и полученные дурныя отмѣтки ставились на колѣни; потомъ спрашивался урокъ; учитель бывалъ строгъ и суровъ, число колѣнопреклоненныхъ увеличивалось. Затѣмъ производилось объясненіе слѣ-

дующаго урока, т. е. собственно не объясненіе, а повтореніе того же учебника, съ тою же массою ничего неговорящихъ названій городовъ, озеръ и рѣкъ и съ тѣми же кожевенными, салотопенными и мыловаренными заводами, которые, оказывалось, составляли особенности всѣхъ городовъ російскаго царства отъ Чухломы до Кобелякъ; голосъ учителя постепенно возвышался и доходилъ до крика при произнесеніи нѣкоторыхъ любимыхъ названій, какъ Титтикака, Мараванбо и т. под. Урокъ оканчивался. Учитель, видимо довольный собою, переходилъ въ обычный добродушный тонъ; накаванные прощались, и въ заключеніе рассказывался заравѣе припасенный анекдотъ, возбуждавшій общій хохотъ, подъ шумъ котораго учитель удалялся. Онъ былъ человѣкъ добрый, но ученики не питали къ нему ни малѣйшаго уваженія и подсмѣивались надъ его безконечнымъ вратьемъ.

Учитель русскаго языка Розовъ—смирный человѣкъ, съ грязно-желтымъ цвѣтомъ лица и длиннымъ, вѣчно перепачканнымъ въ табакѣ носомъ—читалъ по грамматикѣ Востокова, которую зналъ наизусть и требовалъ того-же отъ питомцевъ. Объясненія заключались въ перефразировкѣ сказаннаго въ учебникѣ и ничему не научали. Диктовку поручалъ лучшему ученику, а самъ засыпалъ; эгамъ пользовались шалуны, и начинались различныя игры—сперва тихо, потомъ громче и громче. Кто-нибудь вскрикивалъ, учитель просыпался, и начиналась среди общаго хохота, расправа: классъ наполнялся поставленными на колѣни. Иногда Розовъ приходилъ въ поэтическое настроеніе и могильнымъ голосомъ, съ сильно провинціальнымъ акцентомъ, начиналъ декламировать стихи. Любимыми были— „О, сизокрылая ласточка, о, миловидная птичка“, или Востокское „Хоть весною и тепленько...“. Декламація эта, при оригинальной, а въ этихъ случаяхъ и умиленной фигурѣ учителя и при его глухомъ, замогильномъ голосѣ, была такъ комична, что мы съ трудомъ удерживались отъ смѣха. Вліанія на учениковъ онъ не имѣлъ никакого; его не уважали и нерѣдко глумились надъ нимъ.

Учитель французскаго языка—Фешо, изъ барабанщиковъ великой арміи, попавшій въ плѣнь и оставшійся здѣсь преслѣщать руссiйское юношество. Коротенькій, толстый человѣкъ, переваливавшійся при ходѣхъ, съ торчащими бровями, придававшими его комичной фигурѣ уморительный характеръ, почти всегда притомъ пьяный, онъ, не смотря на 30-лѣтнее житье въ Россіи, не зналъ ни одного почти русскаго слова. Въ ожиданіи его прихода ученики выстраивались передъ дверью въ двѣ параллельныя шеренги; при появленіи учителя раздавались крики—*bonjour mr Feshau*, мяуканье, визгъ, свистъ; двое-трое мальчугановъ выскакивали изъ рядовъ и выдѣлывали передъ нимъ невозможные антраша: иной кувиркался черезъ голову, иной шелъ на четверенькахъ, третій надѣлывалъ сзади бумажку на пуговицу вицмундира. Фешо торжественно вступалъ въ классъ, съ словами—*„grosses bêtes, polissons! я будетъ сѣкать“*. Но нѣсколько любезныхъ словъ, нѣсколько маленькихъ услугъ,—и добрый старикъ успокаивался. Начинался урокъ. Ученики не понимали учителя, учитель учениковъ, и въ результатѣ никто ничему не выучивался; многіе читали, выговаривая каждую букву, а тѣ, кто зналъ что-либо до поступленія въ гимназію, забывали прежнее. Обыкновенно ученики тѣсною толпою окружали учительскій столъ, отвѣчая на вопросы разомъ, кому что вздумается; шумъ, гамъ, свистъ раздавался въ классѣ. Какой-нибудь мальчуганъ, присграваясь сзади, все прицѣлывался ладонью къ плѣши учителя и, наконецъ, не сообразивъ движеній, звонко хлопалъ по лысинѣ. Иногда производилось бомбардированіе учителя катышками пережеванной бумаги. Терпѣніе Фешо истощалось, онъ звалъ инспектора. Неторопливою походкою, со сложенными накрестъ руками, являлся нахмуренный Иванъ Матвѣевичъ; производилось разслѣдованіе; дѣти не выдавали товарищей, виновныхъ не оказывалось. Все оканчивалось чувствительною нотаціею и приказаніемъ извиниться, ч.б и исполнялось къ общему удовлетворенію.

Учитель нѣмецкаго языка Ратынскій, больше извѣстный подъ данною школьниками кличкою „гаметеръ“, къ которой онъ такъ привыкъ, что и самъ откликался, если къ ней при-

бавлялось слово „герръ“. Толстый, рабой, неряшливый и необычайно трусливый чудакъ, въ косо накинутаю на плечи шинели, одна пола которой, волочившаяся по землѣ, всегда была въ грязи, съ обмотаннымъ вокругъ шеи грязнымъ шерстянымъ платкомъ и съ толстою, наполненною книгами и бумагами, папкою подъ мышкою. Онъ также былъ предметомъ общаго глумленія. Легенда шла, что нѣкогда онъ былъ выдающимся по способностямъ и трудолюбію воспитанникомъ виленскаго университета и готовился въ профессорѣ; но что гроза, разразившаяся надъ университетомъ, до того потрясла его робкую и пугливую натуру, что онъ остался запуганнымъ и всего боящимся на всю жизнь. Крайняя бѣдность, обусловленная необходимостью жить съ семьей на одно тогдашнее нищенское жалованье, довершила приниженность этого подававшего было большія надежды человѣка. Ученики продѣлывали съ нимъ безобразныя, но казавшіяся тогда только забавными, штуки: то собирали между собою нѣсколько мѣдныхъ монеть и представляли ему, какъ найденныя, съ вопросомъ, не онъ ли потерялъ? „О, да, meine Lieben, я сгубилемъ“, отвѣчалъ онъ, поспѣшно схватывая ихъ и оцускалъ въ свой карманъ;—то приносили съ собою нѣсколько купленныхъ на базарѣ селедокъ или толстыхъ блиновъ и незамѣтно вкладывали въ его папку; при выходѣ шалость обнаруживалась; учитель, нисколько не сердясь, завязывалъ находку въ свой носовой, перепачканный въ табакѣ, платокъ и уносилъ съ собою;—иногда кто-нибудь, въ расчетѣ на невѣроятную трусливость учителя, вскрикивалъ: „инспекторъ или директоръ идетъ“! Бѣдный Ратынскій блѣднѣлъ и растеривался: дрожащими руками старался пригладить волосы и расстрепывалъ ихъ еще больше, силился застегнуть виць-мундиръ и не могъ....; наконецъ раздавался общій хохотъ. Понявъ шутку, онъ успокаивался и такъ бывалъ радъ минованію тревоги, что не сердился даже на шалуновъ. Училъ онъ порядочно; у него была своя весьма правильная система преподаванія; но всѣ усилія разбивались о господствовавшее тогда нерасположеніе къ нѣмецкому языку, такъ что выучивались у него чему-нибудь очень немногіе. Нравственнаго вліянія на учениковъ онъ

не имѣлъ никакого; его жалѣли, но не уважали и, при случаѣ, зло подсмѣивались.

Общимъ пугаломъ, предъ которымъ трепетали распущенные школьники, былъ учитель латинскаго языка Климовскій. Онъ былъ непомерно строгъ и взыскивалъ за всякую ошибку въ склоненіяхъ и спряженіяхъ и въ безконечныхъ исключеніяхъ изъ правилъ; къ ручной расправѣ онъ, правда, не прибѣгалъ, но наибольшая часть наказанныхъ голодомъ и розгами приходилась на его долю. Его боялись, отъ него бѣгали, а потому нравственнаго вліянія онъ имѣть не могъ.

Если эту галерею дополнить учителемъ рисованія и чистописанія, дряхлымъ и вѣчно пьянымъ старикомъ Зайцевымъ, любившимъ ругаться неприличными словами, и преемникомъ его—молодымъ, непомерно длиннымъ господиномъ, имѣвшимъ дурную привычку наказывать за ошибку въ письмѣ или кляксу по рукамъ толстою палкою, и, наконецъ, добрымъ чудачкомъ Народоставскимъ, учившимъ всему понемногу, то будетъ исчерпанъ весь учительскій персоналъ низшихъ классовъ. Кто былъ учителемъ математики—не помню; но именно изъ того, что въ памяти моей не сохранилось никакихъ слѣдовъ отъ этой личности, я заключаю, что онъ былъ человѣкомъ довольно безцвѣтнымъ и ничѣмъ не выдававшимся ни въ хорошую, ни въ дурную сторону.

Отъ названныхъ учителей мы не слышали ни одного живого слова, ни одного нравственно-руководящаго наставленія; рутинна и пошлый педантизмъ господствовали въ преподаваніи; никто и ничто не будило мысли; работала одна память, вызубривая массу неосмысленныхъ правилъ и фактовъ. Ограниченность умственнаго развитія и низменность нравственнаго уровня большинства учителей производили деморализующее вліяніе. Спало все: спало начальство; полусонными, а часто—пьяными являлись на уроки неряшливые учителя; въ дремотномъ состояніи пребывали питомцы, находя исходъ избытку молодыхъ силъ въ болѣе или менѣе грубыхъ шалостяхъ.

Оговариваюсь: учителей старших классовъ я, находясь во 2 и 3 классѣ, не зналъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ которыми пришлось познакомиться позднѣе, скажу впоследствии.

И вотъ въ это сонное царство, въ затхлую среду этихъ непризванныхъ педагоговъ вступилъ, въ качествѣ инспектора, Фед. Андр. Китченко.

Директоръ, съ закинутою назадъ болѣе чѣмъ когда-либо и растрепанною головою, провелъ его по классамъ и представилъ ему учителей и учениковъ. Средняго роста, худощавый, смуглый брюнетъ, съ небольшими височными бакенбардами, онъ всею своею небольшою, какъ бы сбитою, фигуурою, упорнымъ взглядомъ строгихъ глазъ, твердою поступью согнутыхъ въ колѣняхъ ногъ выявлялъ рѣшительный и твердый характеръ и сильную волю. Директоръ передъ нимъ какъ-то ступневался. Впечатлѣніе, произведенное имъ на учениковъ и учителей, было различно. Мы, дѣти, инстинктивно поняли, что въ этомъ довольно благообразномъ и щеголевато одѣтомъ человѣкѣ есть нѣчто новое для насъ, незаурядное; мы сразу бессознательно насторожились и встрепенулись. Учителя, избалованные патриархальнымъ отношеніемъ къ лимъ Ивана Матвѣевича, встрѣтили новаго инспектора угловатыми поклонами, подобіемъ улыбки на лицахъ и съ отбѣнкомъ независимости во взглядахъ. Вслѣдъ за уходомъ посѣтителей, Кондратьевъ сообщилъ, что Китченко долженъ быть очень силенъ: онъ зналъ такого же худощаваго человѣка, который поднималъ одною рукою 25 пуд.; самъ онъ, Кондратьевъ, одинъ разъ перебросилъ 2-хъ пуд. гирию черезъ крышу своего дома съ такою силою, что гирия зарылась на аршинъ въ землю. Народоставскій задался вопросомъ, происходитъ ли фамилія Китченко отъ слова „кить“ или „кичиться“. Фешо заявилъ на своемъ невозможномъ языкѣ, что онъ желаетъ, чтобы „Jean Matthieu“ оставался инспекторомъ и что новаго онъ не хочетъ. Зайцевъ ничего не сказалъ, потому что былъ пьянъ до неспособности даже выругаться. Одинъ Ратынскій, отдохнувши послѣ пережитаго страха, замѣтилъ: „то не Ив. Матв.; рgedko zobaczynu“. Вообще же впечатлѣніе было скорѣе спокойное, чѣмъ тревожное.

Послѣдовавшія за оффиціальнымъ вступленіемъ въ должность первыя недѣли какъ бы оправдывали оптимизмъ учителей. Китченко являлся въ гимназію къ началу занятій и знакомился съ учителями, посѣщалъ ихъ уроки, у иныхъ по нѣскольку разъ; ни одобренія, ни порицанія не высказывалъ, замѣчаній не дѣлалъ. Знакомился съ бытомъ учениковъ, обходя часто ихъ квартиры, разспрашивая объ условіяхъ жизни, требуя отъ хозяевъ чистоты и опрятности въ квартирахъ и доброкачественности даваемой ими дѣтямъ пищи. Было нѣсколько случаевъ наказаній за шалости и лѣность, убѣдившіе насъ, что новый инспекторъ шутить не любитъ.

Казалось, все шло обычнымъ порядкомъ; никакихъ перемѣнъ впереди не предвидѣлось, ни тревогъ, ни опасеній никакихъ не ожидалось.

И вдругъ грянулъ громъ. „Стонъ и вопли“, по выраженію Самчевскаго, раздались въ гимназіи, но не въ средѣ учениковъ, а учителей. Большая часть ихъ была постепенно уволена въ отставку. Первымъ ушелъ о. Шишовъ, за нимъ послѣдовали Кондратьевъ, Розовъ, Фешо, Климовскій, Зайцевъ и нѣсколько другихъ изъ высшихъ классовъ, фамилій которыхъ не помню. На смѣну ихъ явились молодые преподаватели съ университетскимъ образованіемъ, сумѣвшіе осмыслить и оживить преподаваніе и возбудить въ ученикахъ любознательность и охоту къ ученію. Все встрепенулось и поднялось; наступила для гимназіи новая эра ея существованія.

Конечно, Китченко не былъ единственнымъ виновникомъ совершившейся перемѣны. Почва для нея была подготовлена предшествовавшей ревизіей, обнаружившей невозможно жалкое состояніе гимназіи. Его заслуга заключается въ томъ, что, благодаря его энергической настойчивости, преобразование совершилось съ непривычною въ то время быстротою и рѣшительностію, и что при этомъ онъ сумѣлъ отличить овецъ отъ козлищъ и сохранить для гимназіи изъ учительскаго персонала все, что было въ немъ порядочнаго и полезнаго.

Остались: въ низшихъ классахъ Ратынскій и Народоставскій, въ высшихъ Мокіевскій, Больманъ и Паевскій. Скажу, что припомню о трехъ послѣднихъ.

Учитель латинскаго языка, незабвенный Павелъ Ив. Мокиевскій былъ почтенный плотный старикъ, выше средняго роста, съ рабоватымъ широкимъ лицомъ и постоянною доброю улыбкою на устахъ. Онъ не былъ красивъ, но въ его небольшихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилось столько доброты, сердечности, благорасположенности и участія ко всѣмъ, что не любить его было невозможно, и мы всѣ любили и глубоко уважали эту славную личность.

Какъ преподаватель, Павелъ Ив. близко подходилъ къ типу того идеальнаго воспитателя, какой нарисованъ Гоголемъ во 2-й части Мертвыхъ Душъ. Большой латинистъ и глубокий знатокъ римской исторіи и римскаго быта, онъ страстно любилъ свой предметъ и умѣлъ заинтересовать имъ питомцевъ. Весьма своеобразное преподаваніе заключалось въ заучиваніи словъ и идіомовъ языка, въ переводахъ и объяснительномъ чтеніи классическихъ авторовъ, переходя постепенно отъ легчайшихъ по изложенію къ болѣе и болѣе труднымъ, при чемъ попутно объяснялись особенности и формы языка не въ видѣ сухихъ правилъ, а въ живомъ изложеніи. Заучиваніе словъ не было обязательнымъ, а предоставлялось усмотрѣнію и желанію каждаго. Но мы знали, какое удовольствіе доставляло Павлу Ив. знаніе возможно большаго числа словъ, и другъ передъ другомъ старались его утѣшить. Слова и фразы, взятая изъ назначеннаго для перевода мѣста, выписывались каждымъ въ отдѣльныя тетрадки, съ подсчетомъ числа ихъ; тетрадки эти клались, предъ приходомъ учителя, на столъ, и чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ веселѣе становилось лицо Павла Ив., тѣмъ шире расплывалась на лицѣ его добрая, милая улыбка. Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія заносилъ онъ въ свой журналъ число выученныхъ каждымъ словъ и дѣлалъ провѣрку нѣкоторыхъ случайно вынутыхъ тетрадокъ. Нѣкоторые ученики доходили до виртуозности и „сдавали“ до тысячи словъ ежегодно, средняя же цифра колебалась между тремя и шестью согнями. Затѣмъ начиналось спрашиваніе назначенныхъ на уровъ переводовъ. При удачныхъ отвѣтахъ доброе лицо учителя сіяло, при неудачныхъ же на немъ выражалось такое огор-

ченіе, что всё мы проникались негодованіемъ и укоризною по отношенію къ лѣнивцу, огорчившему Павла Ив. Никакихъ наказаній не полагалось, никогда мы не слышали отъ него грубаго и рѣзкаго слова. „Жаль, очень жаль“, говаривалъ онъ по адресу незнающаго урока, переходя на „вы“, что одно считалось уже наказаніемъ; „жаль васъ;—не перейдете въ слѣдующій классъ, огорчите вашихъ родителей“. Этимъ ограничивался выговоръ, но провинившійся, подъ его нравственною тяжестью и подъ укоризненными взорами товарищей, чувствовалъ себя весьма неловко и въ большинствѣ случаевъ старался исправиться: неисправимыхъ и безусловно плохихъ учениковъ у Павла Ив. совсѣмъ не бывало.

Самой занимательной и многополезной частью уроковъ Павла Ив. было объяснительное чтеніе классическихъ авторовъ. Постепенно, шагъ за шагомъ, со строгою послѣдовательностью знакомилъ онъ насъ съ характеромъ и смысломъ древнеримскаго быта, останавливаясь преимущественно на подвигахъ самоотверженной любви къ родинѣ, преданности идеѣ, гуманности и справедливости. Передавая эти подвиги своимъ яснымъ образнымъ языкомъ, увлекаясь ими самъ, онъ заронялъ въ молодые воспримчивыя души сознательную любовь къ родной землѣ, чувства добра и правды.

Непривычная современному уху скандировка стиховъ приобрѣтала въ устахъ учителя, подъ вліаніемъ умиленія и чувства, какими онъ бывалъ проникнутъ, особую пѣвучесть и торжественность.

Вліаніе его на учениковъ было громадно; въ „докитченковское“ время онъ одинъ только, да развѣ еще Больманъ, будилъ мысль и возбуждалъ любознательность.

Павелъ Ив. никогда не былъ женатъ и жилъ въ полномъ одиночествѣ. Гимназія замѣняла ему семью, ученики были его дѣтьми, составляли предметъ его заботъ, тревогъ и, по временамъ, торжества.

Миръ праху нашего милаго, добраго старика-паставника! Много поколѣній учениковъ прошло предъ его любящимъ взоромъ и получило отъ него задатки чести, добра и правды. Увѣ-

ренъ, что никто изъ насъ не вспомнить о немъ безъ чувства глубокой любви и сердечной признательности.

Учитель физики Больманъ, высокій, плотный, красивый брюнетъ, всегда невозмутимо спокойный, зналъ основательно свой предметъ и, несмотря на затрудненіе съ русскою рѣчью, излагалъ его ясно и вразумительно. Онъ избѣгалъ сложныхъ формулъ и вычисленій и, при полномъ отсутствіи пособій, давалъ вполне отчетливое представленіе о физическихъ явленіяхъ. Въ частной жизни онъ держался особнякомъ, не сходясь съ коллегами.

Совершенно иной типъ представлялъ собою учитель исторіи Ив. Ив. Паевскій. Худощавый, молодой человекъ, небольшого роста, очень опрятный, весь какой-то прилизанный, онъ отличался точностію и аккуратностію. Манкировка уроками и опаздываній у него не полагалось. Твердо выучивъ наизусть тогдашніе учебники—всеобщей исторіи Кайданова и русской—Устрялова, онъ требовалъ и отъ учениковъ дословнаго заучиванія; никакихъ измѣненій, даже перестановки словъ не допускалось: стукъ костлявыхъ пальцевъ по столу и недовольное „то нѣтакъ“ (sic) сразу водворяли порядокъ. До Карамзина онъ не доходилъ, къ новымъ тогда учебникамъ Смарагдова и Соловьева относился скептически и, какъ только Смарагдовъ смѣнилъ оффициально Кайданова, призналъ для себя затруднительнымъ заучивать наизусть новый учебникъ и поторопился воспользоваться предложеніемъ переимѣнить свой неудобноизлагаемый предметъ на занятіе латинскимъ языкомъ въ младшихъ классахъ, гдѣ, конечно, былъ болѣе на мѣстѣ. Впослѣдствіи Паевскій долгое время занималъ должность нотаріуса, вполне подходящую къ его недантичнымъ и экономическимъ наклонностямъ, и умеръ недавно въ глубокой старости.

Какъ учитель исторіи, И. И. не выходилъ изъ тѣсныхъ рамокъ учебниковъ; уроки его заключались въ дословномъ произнесеніи того, что ученики обязывались выучивать также дословно¹⁾; вліянія на учениковъ не имѣлъ никакого, уваженіемъ

¹⁾ Причемъ съ особымъ навозомъ и съ глазами, стуженными отъ наслажденія, произносилъ фразы, въ родѣ: „изъ глубины Азии тучи варваровъ нахлынули“

съ ихъ стороны не пользовался, напротивъ, былъ предметомъ вышучиваній и школьныхъ шалостей. Заранѣе, напримѣръ, подыскивались синонимы, умышленноприлагательныя переставлялись обратно учебнику: ученикъ говорилъ—„Дмитрій Донской умеръ“, а учитель съ обычнымъ стукомъ поправлялъ „преставился“, „Александръ Невскій скончался“,—поправка „опочилъ въ Бозѣ“; „Петръ Великій“—„нѣтакъ, Великій Петръ“, и далѣе безъ конца; учитель волновался, стукъ учащался и въ результатѣ—дурныя отмѣтки и, по временамъ, приглашеніе инспектора для водворенія порядка.

Иногда шельмничество принимало другія формы: учитель имѣлъ привычку, спрашивая уроки, ходить по классу и по временамъ останавливаться, налегая на первую партію; школьники подмѣчали, въ какихъ брюкахъ приходилъ онъ въ гимназію, и если въ свѣтлыхъ, то лицевая доска партіи спѣшно натиралась мягкимъ карадашемъ: учитель перепачкивалъ свои свѣтлые брюки; если въ темныхъ, то приготовлялся мѣлъ, и когда онъ, ходя по классу, направлялся въ одну сторону, партія за спиною его натиралась мѣломъ: послѣдствія были тѣже. Иногда какой-нибудь бойкій ученикъ прочитывалъ предъ уроками соотвѣтственныя мѣста въ исторіяхъ Карамзина или Смарагдова и вставлялъ въ отвѣтъ заимствованные оттуда свѣдѣнія, или же отвѣчалъ урокъ своими словами; учитель недоумѣвалъ, растеривался, останавливался, стучалъ; ученикъ возражалъ, ссылаясь на источники; происходила бурная сцена, и либеральный школьникъ терялъ надолго расположеніе наставника.

Другою заботою Китченка съ самаго начала было улучшеніе по возможности быта учениковъ.

До него дѣти состоятельныхъ родителей помѣщались на квартирахъ у инспектора (у директора, кажется, пансіонеровъ не бывало), нѣкоторыхъ учителей и въ частномъ пансіонѣ вѣчно пьянаго нѣмца Канеллера. Это была ученическая аристократія.

(sic) на русскую землю“, яля „на горизонтѣ русской исторіи появилась свѣтозарная звѣзда: это былъ гений Петра Вол.“.

Расчитывая на вліяніе и заступничество хозяевъ, ученики эти пользовались льготою ничего не дѣлать, не всегда являться на уроки и, между тѣмъ, быть постоянно переводимыми въ высшіе классы и получать большую часть школьныхъ наградъ. Капельеръ же за наградами для своихъ квартирантовъ не гонялся, но путемъ заискиваній, угощеній и подарковъ достигалъ переводовъ въ слѣдующіе классы. Такія поблажки совершались открыто, безъ всякихъ маскировокъ, возбуждая въ юныхъ сердцахъ чувство горечи отъ сознанія неправды. Остальные ученики жили—немногіе у родителей и родственниковъ, а большинство на частныхъ квартирахъ, человѣкъ по 10 и 20 вмѣстѣ. Что это были за квартиры — гадко вспомнить. Оплачивались онѣ, правда, дешево—рубля по 3 въ мѣсяцъ со столомъ и не болѣе 1 руб. безъ стола, но за то и услугъ отъ хозяевъ мало полагалось. Еще пища, благодаря баснословной тогдашней дешевизнѣ, была сносная и приготавливалась изъ сѣбѣжныхъ припасовъ, хотя безвкусно и неряшливо; но въ самыхъ помѣщеніяхъ—невообразимая грязь, неряшливость, отсутствіе самыхъ примитивныхъ удобствъ, смѣшеніе возрастовъ было обычнымъ явленіемъ. Въ лучшемъ случаѣ взрослые ученики, а такихъ въ то малокультурное время было много, избирали для себя самую отдаленную комнату и пребывали тамъ большею частію при закрытыхъ дверяхъ; тамъ же, гдѣ уединяться по расположенію комнать было нельзя, всѣ безцеремонныя отправленія здоровыхъ, брадатыхъ юношей, до водки, картъ и гетеръ включительно, совершались предъ глазами дѣтей - совквартирантовъ. Для каждой квартиры назначался инспекторомъ „старшій“, обязанный наблюдать за поведеніемъ и занятіями учениковъ младшихъ классовъ (старшіе, начиная съ 4-го, отъ надзора освобождались) и получавшій за это даровые столъ и квартиру и маленькую плату отъ дѣтей; но надзоръ былъ чисто номинальный, для очистки совѣсти; на дѣлѣ же онъ парализовался совмѣстнымъ съ дѣтьми житьемъ учениковъ, не подлежавшихъ надзору.

Самые бѣдные нанимали квартиры безъ стола и продовольствовались припасами, высылаемыми изъ деревень. Китченко, вслѣдъ за водвореніемъ въ Черниговѣ, обратилъ вниманіе на

эти злосчастныя квартиры и, путемъ убѣжденій, настойчивыхъ требованій и угрозъ лишить права содержать гимназистовъ, побудилъ хозяевъ наблюдать за чистотою; кое-какія улучшенія стали сразу обнаруживаться; подтянулъ онъ также и „старшихъ“: оргіи и безшабашность нравычекъ вѣскольکو поуменьшились.

Это были первые шаги. За этимъ онъ задался мыслію замѣнить вредное во всѣхъ отношеніяхъ пансіонерство у учителей устройствомъ пансіона при гимназіи. Обстоятельства благопріятствовали: почетнымъ попечителемъ гимназіи былъ избранъ дворянствомъ богатый, добрый и благожелательный помѣщикъ М. І. Судіенко, сразу оцѣнившій побужденія Китченка и пошедшій на встрѣчу его предположеніямъ. Совокупныя усилія ихъ, опиравшіяся на крупныя пожертвованія попечителя, увѣнчались успѣхомъ: благородный пансіонъ былъ открытъ, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, зависѣвшихъ отъ тѣсноты помѣщенія; въ самомъ домѣ гимназіи.

Значительная часть этого небольшого стараго, 3-хъ этажнаго дома занималась прежде квартирами директора и инспектора. Китченко же въ квартирѣ своего предшественника не поселился; какъ разрѣшился квартирный вопросъ по отношенію къ директору Ростовцеву—не знаю, но замѣнившій его вскорѣ Я. М. Невѣровъ жилъ внѣ гимназіи. Весь второй этажъ былъ освобожденъ подъ помѣщеніе пансіона, актовый залъ, единственную довольно большую комнату въ домѣ, обратили въ дортуаръ.

Обстановка пансіона была весьма скромная, но приличная; плата за полное содержаніе, съ одеждою, пищею и ученьемъ, умеренная;—не помню цифры, но, кажется, она не превышала 150 р. въ годъ. Трудно было въ тогдашнемъ Черниговѣ подыскать сносныхъ знатоковъ иностранныхъ языковъ и искусствъ; но тѣмъ не менѣе при пансіонѣ оказались, въ качествѣ гувернеровъ, для французскаго языка почтенный и симпатичный Пагетъ, для нѣмецкаго—какой-то чудакъ, чистокровный нѣмецъ, не имѣвшій ни малѣйшаго представленія о свойствахъ своихъ обязанностей, а служившій предметомъ школьныхъ проделокъ; онъ же училъ и игрѣ на фортепьяно, въ которой былъ

нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ своей прямой специальности. Танцамъ училъ, за неимѣніемъ новаго лучшаго, замѣнившій старика Зайцева новый учитель чистописанія, личность весьма порядочная, но и весьма комичная, когда, со скрипкою подъ мышкою, порхалъ сильфидой, не смотря на довольно внушительный животокъ, выдѣлывая различные *battements, pas de zephyre, pirouettes*; усердно выламывалъ онъ ноги неповоротливыхъ хохликовъ и заставлялъ насъ отвѣшивать граціозные поклоны въ вошедшемъ было тогда въ моду *lancier*; но ловкихъ танцоровъ все-таки ни одного не выработалъ.

Пансіонъ, устранившій сразу язву пансіонерства у начальниковъ, былъ любимымъ дѣтищемъ Китченка: каждый день—въ будни и праздники—онъ посѣщалъ его по нѣсколько разъ, вникалъ во всѣ подробности хозяйства и быта; по праздникамъ самъ сопровождалъ воспитанниковъ въ церковь; въ высокотожественные дни, дѣлая по тогдашнему обычаю официальные визиты начальствующимъ лицамъ, бралъ съ собою всегда кого либо изъ пансіонеровъ; возилъ нѣкоторыхъ на *jours fixes* у губернатора и другихъ верховниковъ; словомъ, употреблялъ всѣ старанія, чтобы заинтересовать пансіонемъ и заохотить состоятельныхъ людей помѣщать дѣтей въ это заведеніе. Съ учениками обращался онъ строго, съ нѣсколько даже напускною суровостію, но къ наказаніямъ, особенно тяжелымъ, прибѣгалъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Оканчивая этимъ мои замѣтки, предоставляю самимъ читателямъ сдѣлать выводъ, правъ ли авторъ воспоминаній Самчевскій, утверждая, что „сѣченіе учениковъ было единственнымъ трудомъ Китченка на педагогическомъ поприщѣ“ и что „кромѣ сѣченія, онъ ничего не дѣлалъ“. Надѣюсь, что приведенные мною не слухи, а факты говорятъ сами за себя и устраняютъ надобность въ дальнѣйшихъ опроверженіяхъ.

Повторяю, послѣдующей дѣятельности Китченка въ Черниговѣ послѣ 1846 г. и Житомирѣ я не знаю. Помнится, въ концѣ 50-хъ или началѣ 60 хъ годовъ въ „Современникѣ“ была напе-

чатана статья Добролюбова, подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ „все-російскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“, въ которой говорилось, что въ житомирской гимназіи, гдѣ директорствовалъ Китченко, число выѣченныхъ въ теченіе года въ нѣсколько разъ превышало общее число учениковъ гимназіи, и ставилось въ укоръ тогдашнему попечителю кievскаго округа Н. И. Пирогову, что онъ отнесся къ такому возмутительному факту равнодушно и не удалилъ тотчасъ же жестокаго директора. Весьма возможно, что одинъ изъ Самчевскихъ (ихъ, сколько мнѣ извѣстно, было на педагогическомъ поприщѣ двое: отецъ, Іосифъ, долгое время инспекторствовавшій въ Новгородсѣверской гимназіи, и другой, Иванъ, мой современникъ по университету, окончившій курсъ на бывшемъ словесномъ отдѣленіи философскаго факультета) стоялъ близко къ послѣдующей дѣятельности Китченка и свои впечатлѣнія того времени перенесъ и на тотъ предшествовавшій періодъ, котораго я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ. Но это не оправданіе: клеймить человѣка такъ, какъ заклеивъ Китченко въ „Воспоминаніяхъ“, съ прямымъ указаніемъ на дѣятельность его именно въ Черниговѣ, допустимо лишь на основаніи неопровержимыхъ и непреложныхъ фактовъ, а не по однимъ слухамъ.

Лично я никогда не былъ партизаномъ Китченка; не смотря на его особую благосклонность ко мнѣ, выражавшуюся и въ сравнительно снисходительномъ отношеніи къ моимъ весьма крупнымъ шалостямъ, и въ томъ, что едва ли не одному мнѣ онъ давалъ читать составлявшія тогда запретный плодъ рукописныя стихотворенія малороссійскихъ поэтовъ и едва ли не одного меня бралъ съ собою при официальныхъ своихъ визитахъ. Всегдашняя суровость и рѣзкость его меня запугивали и заставляли нравственно сжиматься. Чрезъ 40 лѣтъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, неожиданная случайность вызвала между нами обмѣнъ нѣсколькими письмами. Тутъ только, изъ писемъ этого 80 лѣтняго старца, убѣдился я, что подъ суровою внѣшностью его таилось отзывчивое и способное къ добрымъ движеніямъ сердце, что суровость эта, соотвѣтствовавшая духу того суроваго времени, была чисто напускною и что онъ со-

хранилъ до глубокой старости и полную ясность недюжиннаго ума, и самое теплое воспоминаніе о многихъ изъ своихъ многочисленныхъ питомцевъ. А что онъ не былъ выше своего времени и шелъ въ уровень съ тогдашними требованіями—поставлено въ укоръ ему быть не можетъ.

Л. Рудановскій.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики. ¹⁾

(1750—1784 г.).

81) Брата Ивана Андреевича, изъ Василькова, 1779 юда,
25 ноября.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Письмо ваше, наполненное лаянн и ругательствъ, имѣлъ я несчастіе получить; могъ бы и я такимъ образомъ взаимно отвѣтствовать, ежели бъ я имѣлъ такую дурную и пронириливую душу, какъ вы. Но я устраняюсь отъ таковыхъ филозовскихъ выраженій, каковіе вы употребляете, и вторыхъ и самъ Руссо, обожаемый вами, въ употребленіи не имѣлъ, хочу толко запросто вамъ объявить нижеслѣдующее: я вамъ, кажется, уже при послѣднемъ моемъ свиданіи, и яснылся и неудовольствіе свое оказалъ, что вы зъ братомъ Андреемъ Андреевичемъ, взявши во владѣніе степъ Коровинскій втрое, ежели не слишкомъ болше, противъ половины Овечовского, и владѣвъ онымъ болше десяти лѣтъ, выпустили, случаемъ ли или нерадѣніемъ, изъ своего владѣнія знатную часть, имѣя искъ объ ономъ въ сенатѣ на свое имя, и не дождавши конца, хочеть наградить свой убытокъ изъ нашихъ незапутанныхъ тяжбою земель. Выновать ли я, что вы при началѣ владѣнія вашего онымъ степомъ, не уравниали противъ половины Овечовского, хотя я вамъ о томъ нѣсколко разъ и напоминалъ, а покойный братъ Стефанъ въ гвалти, грабежи и

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1894 г., № 6.

тяжбу съ вами за то вступилъ, которую вы съ нимъ вели на общій коштъ вмѣстѣ съ нашими дѣлами. Имѣете ли вы право уравнивать теперича степь, когда одного знатная часть изъ владѣнія вашего вышла, не дождавшись конца дѣлу. Вы приводите пустой доводъ о приставничествѣ, который здѣсь совсѣмъ не служить; приставничество есть то, когда кто приставленъ будетъ къ общему его съ другими имѣнію, съ тѣмъ, чтобъ по прошествіи урознаго времени корыстью одного съ своими соучастниками подѣлился; а напротивъ того, тотъ, который завладѣлъ общимъ имѣніемъ, пользуется самъ одинъ одного доходами, не приставникъ, но владѣлецъ веправильный называется, такъ какъ и вы въ семь случаевъ находитесь. Вы то и сами признали, что вы оцнѣ были самовластніе владѣтели, когда вы чрезъ три суда вели дѣло на свое имя, а нынѣ и въ сенатѣ производится на вашежъ имя, не приглашая насъ соучастниковъ той земли, въ тѣхъ може быть мысляхъ, чтобъ насъ и никогда до уравниенія тѣхъ земель не призывать; а може быть и въ томъ состоите намѣреніи, чтобъ доведши дѣло до сената, тамъ оное и на вѣки въ долгомъ ящигѣ оставятъ или и насъ вздумаете притягать дохаживать оныхъ земель, въ чемъ я великій резонъ имѣю подозрѣвать изъ вашихъ о приставничествѣ ябедническихъ доводовъ, не бывши никогда ни приставниками, ни опекунами. И для того я вамъ явно и ясно объявляю, что я никогда до уравниенія вышеупомянутыхъ земель не приступлю, пока оное дѣло не рѣшится въ сенатѣ въ вашу пользу. Вы умѣете мои дѣла передъживать, а сами будучи философомъ Руссовой секты, за полушку давитесь. Что касается до отыскиванія завладѣвшихъ земель, вы меня угрозить не можете зароками, ибо я никогда противенъ не былъ свою долю въ складку давать, а что до поверенного принадлежить, будемъ искать недорогово, чтобъ мы впредь ему не платили за каждой шагъ по рублю, а сверхъ того и другому, — пришый-хвостъ-кобылѣ, — занапрасно триста рублей, въ угодность вашу. Кто изъ насъ теперь бездѣлинеъ, я кажется довольно доказалъ: тотъ ли, который свою землю защищаетъ или тотъ, который ухищреннымъ образомъ, покривъ себя лицомъ ѳр-

нымъ братолюбіемъ, овіе отнять хочеть?—Вы меня за кого хочите содержите, я не спору, а я васъ за лукавого лицемера содержать буду навсегда, и съ тѣмъ остаюсь вашъ покорный слуга и братъ И. Полетика.

82) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1780 г., 15/26 января.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! По письму вашему, писанному изъ Коровинець октября 30 числа, минувшаго года, учиня новую справку о необходимо нужныхъ на содержаніе и ученіе дѣтей вашихъ въ Презбургѣ ежегодныхъ издержекъ, я при семъ посылаю вамъ данную мнѣ объ оныхъ записку, изъ которой вы усмотрите, что на каждаго ученика, по самой умѣренной цѣнѣ, надобно въ первый годъ употребить до трехъ сотъ пятидесяти гульденовъ цесарской монеты, а на наши деньги до двухъ сотъ десяти рублей; по моему жъ мнѣнію, весьма трудно, да чаятельно и не возможно будетъ, обойтись безъ того, чтобы вамъ на каждаго изъ сыновей вашихъ не издержать въ годъ по сту червонцевъ, или по двѣсти по пятидесяти рублей, естли къ показаннымъ въ помянутой запискѣ надобностямъ присовокупить и такія, которыхъ ни обстоятельно изчислить, ни предвидѣть невозможно, какъ напримѣръ: содержаніе слуги, покупку книгъ, бумаги, перьевъ, издержки на лѣкарства и лѣченіе, въ случаѣ болѣзненныхъ припадковъ, и разные другіе случайные и обыкновенные расходы. Между тѣмъ, не желая отвратить васъ, м. г. мой братецъ, отъ добраго и похвальнаго вашего измѣренія къ послыжѣ дѣтей вашихъ въ Презбургъ для наукъ, не могу я однакожъ умолчать предъ вами, что тамошнее ученіе почти ничего не значить въ сравненіи того, которое, во время отлучки моей отсюда, заведено въ венгерскомъ городѣ Будимѣ, гдѣ изъ бывшихъ езуитскихъ доходовъ учрежденъ настоящій университетъ, о которомъ здѣсь подано мнѣ весьма хорошее мнѣніе, ибо въ немъ не токмо многимъ наукамъ, съ которыми Презбургскія школы никакого не имѣютъ знакомства, но и многимъ языкамъ, да и всему тому учать, что только потребно къ доброму воспитанію молодого

благороднаго человѣка. И такъ, въ разсужденіи сего, не угодно ли вамъ будетъ отвезти дѣтей вашихъ въ помянутый городъ Будимъ, гдѣ содержаніе и ученіе оныхъ менше, по объявленію тамошнихъ людей, будетъ вамъ коштовать, нежели въ Презбургѣ. Тамъ же найдете вы теплыя минеральныя воды, въ которыхъ можно вамъ будетъ купаться, посовѣтовавшись съ докторомъ, котораго вы тамъ сыщете, а оттуда милости просимъ къ намъ въ гости; мы-жъ, можетъ быть, полѣчимъ васъ и другими, еще лучшую предъ Будимскими репутацію имѣющими банями, кои въ мѣстечкѣ Баденѣ находятся, разстояніемъ въ трехъ миляхъ отъ здѣшняго города, откуда, если вы пожелаете и наши эскулапы посовѣтуютъ вамъ, можете побывать и въ Карлсбадѣ, до котораго отсюда считается шестьдесятъ четыре мили, а сколь далеко отъ Кіева прямо до онаго, о томъ здѣсь никому не извѣстно; чтожь касается до Карлсбадскихъ обстоятельствъ, о которыхъ вы желаете имѣть свѣденіе, то отъ меня учинены были одному довольно оныя знающему человѣку вопросы, на которые онъ съ своей стороны здѣлалъ отвѣтъ, какъ то усмотрите вы изъ изложеннаго при семъ особливаго листочка, гдѣ вы найдете и мои вопросы, и отвѣтъ на оныя.

Когда вы, м. г. мой братецъ, разсудите отвезти дѣтей вашихъ въ Будимъ, который разстояніемъ отъ Вѣны находится въ тридцати миляхъ, то на такой случай я при семъ посылаю вамъ рекомендательное отъ г. Юлинда къ одному изъ знакомыхъ ему тамошнихъ мѣщанъ письмо, съ котораго и копія при семъ же прилагается; а пріѣхавъ туда, можете вы сами подробно распроситься о состояніи тамошняго университета и произвѣдимаго въ немъ ученія, такожь и о всѣхъ до того и другаго принадлежащихъ обстоятельствахъ; и если вы оныя не найдете согласными съ вашимъ желаніемъ и съ вашими мыслями, или съ тѣмъ добрымъ мнѣніемъ, которое мнѣ здѣсь подано объ ономъ университетѣ, то уже въ такомъ случаѣ ничего не остается вамъ, какъ пріѣхать съ дѣтьми вашими въ Презбургъ, куда и меня можете отсюда выписать, въ два или въ три дни, для приглашенія о нужныхъ къ намѣреніямъ вашимъ распоряженіяхъ. Надобножь вамъ знать (если вамъ неизвѣстно), что ѣдучи изъ

Львова, чрезъ Венгрію, въ Вѣну, почти не можно миновать городовъ Будима (по вѣмецки называемаго Офенъ) и Пешты, чрезъ которые и Нѣжинскіе купцы обыкновенно ѣздятъ.

О Полетикѣ не могу я ничего сказать вамъ, потому, что я не могъ съ нимъ видѣться, хотя и нѣсколько разъ ѣздилъ къ нему, и я по тому и по другимъ обстоятельствамъ примѣчаю, что онъ убѣгаетъ моего знакомства. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе м. г-нѣ моей Оленѣ Ивановнѣ, такожь и всѣмъ Роменскимъ и Хмеловскимъ родственникамъ, и между послѣдними—сказать Афанасію Прокофьевичу и Петру Афанасіевичу (Шкляревичамъ), что я получилъ письма ихъ отъ 28 октября и 4-го ноября, что коляска для Петра Афанасьевича, въ ожиданіи отвѣта его на мое къ нему письмо, не была заказана, что уже теперь по оному его отвѣту она мною оставлена будетъ, и что впрочемъ я не имѣю болѣе ничего писать къ нимъ, пребывая со всегдашнимъ моимъ къ вамъ усердіемъ и непремѣнною преданностію, вашу, м. г. моего, покорнѣйшій и усердновѣрнѣйшій слуга Григорій Полетика.

НВ. По обнадеживаніямъ, которыя князю здѣланы отъ графа Никиты Ивановича Панина, сперва чрезъ Букунина меньшаго, а потомъ, нѣсколько разъ, чрезъ Ивана Ивановича Бецкаго, я долженъ здѣсь остаться, но незнаю, сколь долго; мнѣ жъ начали уже пересылать и жалованье, но не иначе, какъ съ потерею на вексельномъ курсѣ, вмѣсто того, что всѣмъ другимъ доплачивается оная потеря по новому штату.

Копія съ письма капитана Юмница къ Будимскому гражданину Дмитрію Бозытову, отъ 11 числа мѣсяца генваря по старому стилю, 1780 года.

Племенитородный, его высородія канцеляріи и посольства совѣтника нашего Григорія Полѣтики братъ отъ стрица, коллежскій совѣтникъ такожде Григорій Полѣтика намѣраетъ свое и нѣвихъ сродниковъ своихъ сынове у Будимъ науке ради довести, а понеже странному въ чужой земли человѣку необходимо есть имати таковаго познанника, койбы его у потребности его наставить и ему послужити могло, того ради усудиося (?), госпо-

дине куме, реченнаго коллежскаго совѣтника Григорія Полѣтика вамъ симъ препоручити и покорно молити, да бысте не пожалили труда своего, по пришествію сего мужа тамо у Будимъ, яко знатнаго господина и единовѣрнаго своего, честно примите; съ профессоры и учителя тамошняго университета его познати; мѣсто ради его и сродниковъ его сыновъ истражити, и все то, что ему тамо отъ потребе будетъ, устроить, а за сіе ваше усердіе и послуженіе, не само я потщуся вамъ достоодолжное мое принести благодареніе, но и господинъ совѣтникъ нашъ, его же именовъ я вамъ сіе пишу, ни одну прилику не будетъ пропустить, у койойбы вамъ благодареніе свое показати могло.—Надѣющияся убо я на вашу многообразнѣ уже мнѣ свидѣтельствованную къ послуженію благоую и скорую волю, остаю присно. P.S. Ащелибы се случилось, да коллежскій совѣтникъ Полѣтика съ реченными детьми не бы самъ тамо у Будимъ дошло, но кого другого съ ними изъ Руссіе посла, то понизко васъ молимъ таковаго посланика его пріимити, како самаго нѣга и у потребныхъ вещехъ ему равно послужити.

83) *Брата Андрея Андреевича, изъ Ромна, 1780 г., 1 апрѣля.*

М. г. братецъ Григорій Андреевичъ! Бывши въ Коровинцахъ, въ 20 день прошлаго марта, получилъ ваше м. г-ря моего, письмо; всѣ ваши совѣти въ пріѣздѣ моемъ въ Глуховъ, по разнымъ надобностямъ, пріемлются мною съ моею покорнѣйшею благодарностію, толко при томъ напоминовеніе нѣкоего плута и бездѣльника для мене читать весьма было непріятно, потому что неблагодарности моея противу васъ въ жизни моея еще одной не бывало, и такъ прошу въ письмахъ, хочай стороною, но неуподоблять мене тѣмъ, кои вамъ оную дѣлають. Домашніе мои крайнѣйшіе недосуги вовся мнѣ нынѣ ехать въ Глуховъ не дозволяютъ, а намѣренъ я въ концѣ святъ ехать къ Андрею Стефановичу (Милорадовичу) первѣе, а отъ него къ графу (Румянцову), естли вы, м. г. мой братецъ, по милости своей, пожалуете мене увѣдомите, какъ о графѣ, такъ и о господинѣ губернаторѣ, гдѣ ихъ я сисвать могу въ то время, та и о себѣ, когда изволите быть къ намъ. Естли вы будете тотчасъ по фо-

миной неделѣ, то я васъ обожду, а буди не заразъ, то уеду. За то, что я вашему Самойленку далъ полное наставленіе, какимъ образомъ копать и садить живци, прошу за мене слово доброе сказать г. губернатору и открыть мое намѣреніе, какого будетъ онъ мнѣнія; естли подѣ сумнѣніемъ,—то я и починать не буду; мнѣ все равно такъ быть, какъ я нынѣ есмь. Хочай я своимъ жеребцомъ васъ и превелъ въ сумнѣніе такую цѣною, но прошу оной отнюдь не жалѣть, посею что оной нынѣ въ себѣ имѣеть вышины всего росту 2 аршина 6 вершковъ, будучи четырехъ лѣтъ, но совсѣмъ тѣмъ еще весна начинается; вы можете сами его разсмотрѣть полутше съ Алексѣемъ Павловичемъ, которой его еще не смотрѣлъ, поелику нѣтъ его въ домѣ во весь постъ, а онъ нынѣ въ градскихъ заводахъ, а велѣте толко Скибовскому на случай заготовить для него кобылъ хорошихъ съ пять, ибо по его лѣтамъ болѣе ему и давать не слѣдуетъ; и что на сіе соблагоизволите, прошу мене по слѣдующей почтѣ увѣдомить, пребывающаго къ вамъ зъ должнѣйшимъ почтеніемъ. Вашъ, м. г-ря моего, покорнѣйшій слуга Андрей Полетика.

84) Григорія Ивановича Полетки, изъ Вѣны 1780 г. 4/15 іюля.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Получа, въ свое время, два письма ваши, одно отъ 31-го декабря прошедшаго, а другое отъ 20-го февраля нынѣшняго года, удержался нѣсколько времени отвѣтствовать вамъ на оныя, во первыхъ, потому, что я уже обо всемъ нужномъ для знанія вашего довольно обстоятельно писалъ къ вамъ 15/26 числа минушго генваря мѣсяца; во вторыхъ, потому, что вамъ уже чрезъ Василія Александровича Шарапова извѣстно объ учиненномъ верховною властію новомъ обо мнѣ опредѣленіи; въ третьихъ,—потому, что мы каждой почтовой день ожидаемъ изъ коллегіи формальнаго объ ономъ опредѣленіи объявленія, но еще по сіе время не дождалися, и чаятельно пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцовъ, пока онаго дождемся; а наконецъ, и потому, что я между тѣмъ надѣялся отъ васъ получить отвѣтъ на вышеозначенное мое письмо.—Теперь же, оставая всякое ожиданіе, не хотѣлъ я болѣе мѣшкать отвѣтомъ моимъ

на ваши письма, дабы напоследокъ не здѣлаться мнѣ предъ вами виноватымъ въ продолженіи моего молчанія; но иного ничего не будетъ сей отвѣтъ заключать въ себѣ, кромѣ слѣдующихъ трехъ пунктовъ: 1-е, о нѣмецкомъ дворянствѣ для Андрея Андреевича я не могу стряпать до тѣхъ поръ, пока онъ въ томъ не согласится въ Иваномъ Андреевичемъ, и пока они оба вдругъ, не увѣдомятъ меня о своихъ намѣреніяхъ, которое увѣдомленіе могутъ они учинить однимъ письмомъ, лишь бы только оно отъ обоихъ подписано было; ибо Иванъ Андреевичъ принялъ другія по сему дѣлу мысли, какъ то можно усмотрѣть изъ приложеннаго при семъ экстракта изъ письма, которое отъ него въ недавнемъ времени получено мною. 2-е, когда вы получите отъ Ивана Логиновича Кутузова пятнадцать рублей и нѣсколько копѣекъ, кои употреблены мною на вино его, то я прошу васъ отдать сіи деньги брату моему Ивану Ивановичу. 3-е, присланный къ вамъ отъ извѣстнаго графа Пармы, а отъ васъ ко мнѣ, пакетъ его, я безъ задержанія отослалъ, куда слѣдовало, по адресу онаго, но еще никакихъ на имя его писемъ нѣтъ у меня въ полученіи, о чемъ вы можете дать ему знать при удобномъ случаѣ. Первымъ изъ вышеозначенныхъ двухъ писемъ вы, м. г. мой братецъ, не мало потревожили было меня, упомянувши въ ономъ, что вы отъ часу ослабѣваете здоровьемъ, то отъ тѣлесныхъ болѣзней, то отъ душевныхъ безпокойствъ; но другое письмо нѣсколько въ томъ меня успокоило, тѣмъ больше, что въ немъ нашель я нѣкоторую надежду къ тому удовольствію, чтобы мнѣ съ вами въ здѣшней сторонѣ видѣться. Равнымъ образомъ, я обрадованъ учиненнымъ мнѣ отъ Андрея Степановича Милорадовича, изъ деревни Вишенки, увѣдомленіемъ о счастливомъ освобожденіи Олены Ивановны отъ приключившейся ей тяжелой болѣзни. Вы знаете все пространство моего къ вамъ и ко всему дому вашему усердія, а потому и легко вообразить себѣ можете, сколь сильно трогаетъ меня всякая непріятная до васъ и любезной вашей фамиліи касающаяся вѣдомость, и сколь много напротивъ того веселитъ меня все, что принадлежитъ до удовольствія и благосостоянія вашего. Впрочемъ знаете вы, м. г. мой братецъ,

и то, сколь истинное есть и всегда будет мое къ вамъ почтеніе и сколь постоянна и тверда моя къ вамъ привязанность, которая не прежде, какъ съ моею жизнію конецъ свой получить. Вашъ, м. г-ря моего, покорный, вѣрный и усердный слуга Григорій Полѣтика. PS. Прошу засвидѣтельствовать почтеніе мое м. г-нѣ моей Оленѣ Ивановнѣ, а при томъ постараться, чтобы приложенное при семъ письмо, вѣрно и безъ потерянiя времени, доставлено было Андрею Степановичу Милорадовичу.

Экстрактъ изъ письма Ивана Андреевича, отъ 15 марта 1780 г.

О дипломѣ я еще нѣсколько повременить хочу по той причинѣ, что братъ Андрей Андреевичъ въ половину ко мнѣ не приступаетъ, а для меня одного такую сумму заплатить нѣсколько съ тягостью, а паче не будучи удостовѣренъ—утвердить ли здѣшній дворъ ваши дипломы; и для того я сего случаю намѣренъ ожидать, а больше всего принуждаетъ меня къ тому нынѣшніе мои недостатки.

85) *Василія Лазаревича* ¹⁾, *изъ Глухова, 1780 г., 19 ноября.*

М. г.! Дѣло ваше съ г. Бѣлушихою и понынѣ нерѣшено, по причинѣ, что челобитчики являются по дѣламъ вшедшимъ прежде вашего, которые по порядку и по наличности тѣхъ челобитчиковъ слушаются; вашежъ дѣло, сколь я не ставилъ въ настольный реестръ, но однако вы однажды не могло дойти къ докладу. Если не будетъ удачно доложить до новаго года, то въ началѣ онаго, когда еще челобитчики не посѣзжаются, ласкаю себя надеждою имѣть въ томъ успѣхъ, и при докладѣ, удостовѣрю васъ м. г-ря, что не упущу внушить обстоятельствъ въ письмѣ вашемъ выраженныхъ. По дѣлу вашему съ Трубицкимъ весьма странныя слѣдствiя выходятъ, о чемъ усмотрѣть изволяте изъ нижеписаннаго: отъ наследниковъ умершаго Трубицкаго войскового товарища и хоружого сотенного Мартина Трубицкихъ повѣренный, ноября 2-го, подалъ при донесенiи вѣ-

¹⁾ Кажется, это былъ бунчук. тов. Василій Яковлевичъ Д-чъ. Смотри Списки черниг. дворянъ 1783 г., стр. 109. Во время писанiя этого письма Д-чъ, какъ видно, служилъ въ генеральномъ судѣ.

рющее для выслушанія рѣшенія, но я забравъ, по должности моей, справку съ присланнымъ отъ суда земскаго репортомъ, въ которомъ означенъ завѣтый четырехнедельный срокъ на 27-е октября, подалъ о томъ докладъ, по которому судъ генеральный и учинилъ было опредѣленіе за просрочку пятью днями неявкою повѣреннаго оныхъ Трубицкихъ къ выслушиванію рѣшенія, въ прозбѣ имъ отказать и тое рѣшеніе исполнить; но теперь изъ числа Трубицкихъ войсковой тов. самъ являсь, подалъ въ судъ доношеніе, съ представленіемъ причинъ неявки повѣреннаго на срокъ, 1-е, что дочь того повѣреннаго предъ самымъ срокомъ, т. е. 26-го числа, умерла, а 2-е, возный положилъ на имѣніи Трубицкихъ билетъ въ небытность его въ домъ и назначилъ срокъ, вмѣсто шестонедельнаго, четырехнедельный. Сіи резоны сколько сами по себѣ ни слабы, но судъ генеральный, во уваженіе извѣстной персоны заступленія, принялъ ихъ правильными и опредѣлилъ объявить рѣшеніе. Трубицкій еще не подписалъ оваго, но объявлялъ мнѣ на словахъ, что онъ недоволенъ и подастъ апелляцію въ коллегію. Все сіе объясняю собственно для вашего, м. г., знанія. Представляю мой совѣтъ: предупредить въ коллегію съ жалобою вашею на оныя два опредѣленія, одно другое отмѣняющіе; но прежде подачи въ коллегію жалобы, надобно выслушать рѣшеніе суда генерального. Честь имѣю быть всегда съ глубокою преданностію вамъ, м. г., всепокорнѣйшимъ слугою Василей Лазаревичъ.

86) *Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1781 г. 31 марта—
11 апрѣля.*

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Хотя я и весьма мало на сихъ дняхъ имѣю свободнаго времени, какъ за говѣніемъ, такъ и за дѣлами, однако не хотѣлъ упустить первой почты, по полученіи благопріятнѣйшаго вашего письма отъ 8-го марта, дабы исполнить требованіе ваше, по которому при семъ и посылается вамъ два письма рекомендательныя, одно къ господину фельдмаршалу князю Александру Михайловичу, а другое къ господину генералу прокурору; въ какой же силѣ сіи письма составлены по мыслямъ и приказанію князя Дмитрія

Михайловича, то усмотрите вы изъ приложенной при семъ же копіи съ оныхъ. Я сердечно желаю, чтобы онѣ вамъ помогли, сколько надобно, къ достиженію намѣренія вашего, и слѣдовательно къ благополучному окончавію дѣла, для котораго вы ихъ имѣть желали; только я боюсь, чтобъ вы не поздно получили ихъ, когда тотчасъ, послѣ наступающаго чрезъ три дни свѣтлаго праздника, оное дѣло войдетъ въ общее сенатское собраніе. Къ помянутой копіи съ нашего рекомендательнаго письма я присовокупляю сообщаемую при ономъ записку. Остается мнѣ, м г., мой братецъ, увѣдомить васъ, что письмо ваше, писанное изъ Юдинова, августа 13 числа прошедшаго года, дошло до меня въ свое время, и что изъ него съ великимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ случившееся въ Юдиновѣ печальное приключеніе и равныя другія неприятыя обстоятельства ваши. Не хотя разберечь сей чувствительной раны, я впрочемъ желаю отъ всей искренности сердца, дабы всевышній охранилъ васъ впредь отъ всѣхъ подобныхъ приключеній и избавилъ васъ отъ всѣхъ безпокойствъ и печалій вашихъ, а напротивъ того даровалъ бы вамъ на сей остатокъ вашей жизни спокойство и удовольствіе, при совершенномъ здоровьи, котораго, равномѣрно и м. г-нѣ моей Оленѣ Ивановнѣ, желаю такъ, какъ и всей любезной вашей фамиліи, пребывая съ непремѣнною и неразрушимою къ вамъ привязанностію и совершеннымъ почтеніемъ вашъ, м. г-ря, покорнѣйшій и усерднѣйшій слуга Григорій Полѣтика. PS. Хотя я теперь въ тулупахъ и не имѣю нужды, однако съ благодарностію прійму отъ васъ, м. г. мой братецъ, тѣ оба, кои намѣрены вы прислать ко мнѣ; ибо одинъ изъ нихъ могу я употребить для себя не столько по надобности, сколько изъ особливаго къ такому подарку уваженія, а при томъ и для воспоминанія о томъ любезнѣйшемъ братѣ, который тулупомъ своимъ согрѣвать будетъ не много уже холоду терпящее мое тѣло. Другой же тулупъ можно будетъ подарить вязю или кому другому. Общанія о портретѣ моемъ я конечно не позабылъ, но за разными обстоятельствами не имѣлъ еще способнаго времени ко исполненію онаго, а особливо по тому, что употребляемый здѣсь одинъ изъ лучшихъ живописцовъ для портретовъ чрезъ

долгое время боленъ былъ, да и теперь еще не совсѣмъ выздоровѣлъ. При всемъ томъ не примину я удовольствоваться желаніе ваше, сколь скоро возможно будетъ.

87) *Осипа Ивановича Туманскаго*¹⁾, изъ Глухова, 1781 г.,
10 апрѣля.

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Надѣясь на вашу благосклонную милость къ себѣ, имѣю случай въ своей надобности прибѣгнуть ко оной, зная при томъ добродушіе и челоуѣколюбіе ваше, и по которымъ здѣлайте мнѣ благотвореніе, о которомъ только десница знать будетъ, а отъ шуйцы сокроется. А вотъ что за дѣло! Случилось, въ прошломъ годѣ со стороны коронной быть мнѣ депутатомъ между двумя некрещенными бородами, то есть: Черніговскимъ Троецкимъ Иллѣвскимъ монастыремъ и Добрянскими расколники, и которые на оной доносятъ, что овладѣли черцы принадлежащими коронѣ деревнями, что и по слѣдствію оказалось, и подано въ Малороссійскую коллегію съ мнѣніемъ объ отборѣ, а часть самую малую земли въ коронное вѣдомство, и отобрать приговорено. Тутъ, по слѣдствію, монастырь одною только давностію правился, но какъ и оной не доказаль и крѣпостей никакихъ не предъявилъ, то и обвиненъ; однакъ, послѣ многіе нашлись оного монастыря защитники, стоя крѣпко за давность, а болше за денги чернеціе, и напали на меня злобно—для чего я за корону, а не за чернецовъ стряпаль, но что невозможно избить слѣдствія, то и подвели черца тамошняго монастыря намѣсника, которой тутъ и повѣреннымъ былъ, Арсенія, вступить на меня, по тому дѣлу бывшаго депутата, въ доносъ, якобы я взялъ 250 рублей монастырскихъ денегъ, и болше у нихъ требоваль, а какъ де сего они не дали, то потому де не въ монастырскую сторону, а въ коронную дѣло вышло. Ваше высокочелобородіе знаете, что я какъ челоуѣкъ, не безъ непріятелей живу, сего то возжелалось, чтобъ меня невинно обезславить; но слава Богу, невинный челоуѣкъ всегда будетъ невиннымъ, ибо по случаю въ прошлой

¹⁾ О немъ см. Опис. Стар. Малор., II, 436.

зимѣ бывшей моей сильной болѣзни, шемякинской о семъ заочно отъ меня судъ или слѣдствіе ишли, допрошиваны честные и чиновные люди, три человѣка, подѣ присягою; и въ чемъ оной чернецъ на нихъ заклался, всю объявили они, яко оной чернецъ лжетъ, а потому желается сіе напастное дѣло довести до конца и получить удовлетвореніе; но при томъ надобна мнѣ еще справка: вакъ я слышу, что по указамъ святѣйшаго синода, и Малороссійскіе монастыри должны о приходахъ и расходахъ своихъ денежныхъ годовые и мѣсячныя вѣдомости туда или въ коллегію - економію или въ другое вѣдомство посылать, то и Троецкій Чернѣговскій Илѣнскій монастырь, чрезъ свою команду, тоже конечно учинить былъ долженъ, о чемъ вашему высокоблагородію чрезъ своихъ пріятелей въ синодѣ учинить виправку возможно, и для того всепокорнѣйше прошу облагодѣтельствовать меня симъ, здѣлать такову партикулярно справку — присланы ли изъ Чернѣговской епархіи за прошлій 780 годъ денежныя о приходахъ и расходахъ вѣдомости, и ежели присланы, то оногo Троецкогo Чернѣговскогo Илѣнскагo монастыря, ежели можно, за весь прошедшій годъ, а ежели всѣхъ не можно, хотя за три или 4 мѣсяцы, май, июнь и июль, и августъ копіи изъ тѣхъ вѣдомостей мнѣ достать и прислать ко мнѣ въ Глуховѣ. Симъ вы меня весьма одолжите, какъ такова человѣка, который всегда былъ, будетъ и есть съ особливимъ почитаніемъ и совершенною преданностію вашего высокоблагородія, м. г-ря моего, всепокорнѣйшимъ слугою Іосифъ Туманскій. Въ насъ, въ Глуховѣ, слава Богу, всю хорошо, дай Богъ впередъ лучше, и васъ видѣть въ добромъ здравіи.

88) *Андрея Степановича Милорадовича, изъ Вишенекъ, 1781 г., 13 апрѣля.*

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Требованіе ваше исполнено. Братца вашего и моего истиннаго пріятеля Григорія Ивановича родственники—всѣ, какими чынами во запискѣ были означены, такъ и произведены. Если не въ трудъ вамъ, покорно прошу сообщить ко мнѣ, каково положеніе во всемъ собраніемъ въ Глуховѣ знатнѣйшаго шляхетства здѣлано, и по секрету

приложить перваго изъ нихъ, съ вами примырившагося, вашего начертанія привѣтствія; я злоупотребленія нималого не учиню; будьте увѣрены. Пребывающій съ непреложнымъ усердіемъ и отличнимъ почтеніемъ вашъ, м. г-ря моего, вѣрнопокорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ.

Р. S. Посланъ сей податель г-нъ Хорошкевичъ по нѣкоторому дѣлу въ Глуховъ, есть изъ вѣрныхъ для меня, можете съ нимъ писать ко мнѣ откровенно, хотя у насъ никакихъ секретовъ нѣтъ. А вы держитесь однакожъ моихъ совѣтовъ—не подавать безумнымъ мечамъ: *фамилія ваша, имѣніе, немолодые лѣта* да будутъ смягченіемъ патриотической горячности, иногда не въ попадѣ. Вы не думайте, чтобъ въ Глуховѣ съ вами равно соображали. Не всему вѣру емлите, чтобъ къ искушенію не послужило. Оставимъ дѣла, судьбою своею влекомые. Раздерите сіе письмо, ничего незначащееся.

89) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1781 г., 8/19 іюня.

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Предъ симъ не было мнѣ способу отвѣтствовать на письмо ваше отъ 3-го числа прошедшаго апрѣля, полученное мною чрезъ г. Юлинца; да и теперь съ великою нуждою пишу я къ вамъ, за недостаткомъ времени, почему и не могу такъ пространно и обстоятельно отвѣтствовать на оное письмо, какъ бы мнѣ хотѣлось. Но дабы хотя частію исполнить мое желаніе, то я при семъ посылаю требуемое вами, м. г. мой братецъ, письмо въ Андрею Степановичу, и съ онаго копію, изъ которой вы усмотрите, что я къ нему пишу только объ одномъ Тимофѣѣ Ивановичѣ; а о прочихъ намѣренъ впредь писать къ самому графу, къ которому я и нѣкоторый поводъ имѣю адресоваться съ моею просьбою, въ слѣдствіе полученнаго мною въ прошедшемъ году отъ его сіятельства письма, съ котораго такъ же при семъ сообщаю вамъ копію; а между тѣмъ прошу васъ увѣдомить меня, въ какихъ нѣмѣ званіяхъ состоитъ и при какихъ сотняхъ щитуются тѣ четверо изъ нашихъ свойственниковъ, которыхъ долженъ я рекомендовать господину фельдмаршалу. При семъ же посылаю по требованію вашему, копію съ извѣстной челобитной моей

и съ письма, при которомъ она отъ меня послана была къ графу Никитѣ Ивановичу; а изъ той челобитной вы усмотрите, что не переводъ, но засвидѣтельствованная копія съ диплому нашего при ней представлена мною. Андрею Апдреевичу, при засвидѣльствованіи моего почтенія, прошу наилучшимъ образомъ поблагодарить за стараніе его о Тимофѣѣ Ивановичѣ; вамъ же, м. г. мой братецъ, я покорнѣйше благодарствую за тулупы, которыми я подѣлился съ новопожалованнымъ переводчикомъ г. Кудрявскимъ, который низжайше вамъ кланяется. Наконецъ, еще приношу вамъ благодареніе мое за все то, о чемъ вы въ вышереченномъ письмѣ писать изволили, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ и такою же преданностію вашъ, м. г-ря моего покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Григорій Полѣтика. Прошу не прогнѣваться за маранье, которому причиною скоростижность и недостатокъ времени.

90) *Андрея Степановича Милорадовича, изъ Вишенекъ, 1781 г.,
14 августа*

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Съ письма моего, вчерашняго дня къ вамъ отпущеннаго, увидѣвши касательно родственниковъ Григорія Ивановича, онъ какъ и вы, остаетея спокойными; а сей часъ получивши ваше письмо о г. войсковомъ товарище Бѣловодскомъ, опредѣлил мѣсто ему въ губернскомъ городѣ секретаря, по его самого благоугодности, а за симъ долженъ онъ возвратившись въ Полтаву, уволиться отъ вынѣшняго въ магистратѣ тамошнемъ мѣста, и пребывъ въ свой домъ, ожидатья моего возвращенія. Въ прочемъ зсидаюсь на мое къ вамъ письмо съ г. Хорошкевичемъ отправленное и ожидаю длинѣйшаго вашего съ нимъ описанія нашему собранію, устройства его и исправленія, чемъ кончиться; а для примѣчанія моего о благоразумныхъ и строптивыхъ хотѣлъ бы узнать единственно про себя, не для одного любопытства, какъ лучше для свѣденія въ могущихъ быть при перемѣнѣ случаяхъ, общественное благо составляющихъ. Вы знаете мою скромность, и особливо тутъ не секретное, а можетъ быть надобное. Андрея Автоновича я сюда ождаю, и его сіятельство хочеть его видѣть,

прошу ему объявить. Пребывающій съ отмѣннымъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашъ, м. г-ря моего, покорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ.

91) *Афанасія Петрова, изъ Екатеринослава, 1781 г., 6 ноября.*

М. г. Григорей Андреевичъ! Удостоившись полученіемъ почтеннѣйшаго вашего писанія касательно о доставленіи къ вамъ изъ Еникуля излѣчающую полипусовъ траву, я немедленно непреминулъ (посвящая себѣ услугамъ такой особѣ, какова ваша, что и за щастіе почитаю) писать къ пребывающему тамъ одному моему пріятелю, знающаго траву оную, которой, при случившей оказіи, и прислалъ. Я вознамѣрился было притомъ написать и къ упомянутой въ письмѣ вашемъ лѣкаркѣ, чтобъ сюда пріѣхала, но разсудивъ, что и безъ ней, я подамъ вамъ всѣ тѣ способы, какъ надлежитъ поступать во время пользованія (такъ какъ и г. Анагностію, излѣчившаго уже небезызвѣстнаго вамъ его пріятеля) безъ никакихъ расходовъ; и болѣе потому, что время будетъ продолжительно, того отмѣнилъ. Итакъ извольте, м. г., получить оную, и поступая по особливо писаннымъ способомъ, не упустите время къ пользованію вашему. По нѣкоторомъ же времени, низжайше прошу, не оставитъ удостоить меня увѣдомленіемъ. Въ прочемъ, препоручая себя навсегда вашей милости и благосклонности, и желая отъ искренности сердца моего, возвращенія дражайшаго вашего здравія, съ достоюльнымъ высокопочитаніемъ и непоколебимою преданностію, пребуду. в., м. г., покорнымъ слугою Афанасій Петровъ.

92). *Степана Ефимьевича Карновича, ¹⁾ изъ Москвы, 1781 г., 7 ноября.*

М. г. Григорій Андреевичъ. Каша, извощикъ, едетъ изъ Москвы въ Малороссійскіе города Мглинъ и Почепъ; онъ мне сказывалъ, что онъ будетъ и въ Погаре, то я имѣлъ такой случай, по любвѣ вашей къ намъ, не могъ преминуть, чтобъ къ вамъ не писать, и о себѣ увѣдомить, что я съ Софьей Васильевною

¹⁾ Бывшій Старокубскій полковникъ. См. о немъ Опис. Стар. Малор. I. 62.

и со всѣми дѣтьми моими въ Москвѣ обрѣтаемся здоровы; тогожь и вамъ со всею вашею фамиліею, по власти Божіей, желаемъ быть здоровымъ же; и при семъ покорно прошу васъ, чрезъ сегожь извощика Кашу, когда онъ будетъ въ Погаре, а когда не будетъ, то хотя чрезъ кого нибудь, кто будетъ ехать въ Москву, прислать ко мне, когда у васъ имѣется, семена самыя хорошия большихъ кіяковъ, что называется пшеничка (кукуруза), болшихъ же бураковыхъ и свеколныхъ, болше петрушки, чернушки, и гумби (?) да и чебру, рюты, и самой болшей репы и бѣлыхъ большихъ гарбузовъ семень, да и сѣмя левандоваго и шавденнаго или ихъ кусточковъ понемногу, и сѣмянъ же пустарнаку; я слышалъ, что у раскольниковъ самой большой родится, неможноть у нихъ послать спросить, взиму или весною они его сѣютъ, и какъ съ нимъ обходятся; да и одолжитежь присылкою комне для прививокъ черенковъ, то есть розокъ гливинныхъ, брагамотовыхъ и разныхъ зимнихъ и скороспѣлокъ дуль и яблонovýchъ, да и отъ венгерокъ, сливъ, черносливныхъ, и отъ болшихъ вишенъ розокъ же. У насъ оныя прививаются сливы и вишни, ибо я хочу завести всѣ вышепрописанные плоды, въ своихъ московскихъ и деревенскихъ садахъ. И положите оныя сѣмена въ разные бумажки, а протчіе завяжите въ узолвахъ или въ мѣшечкахъ, надпишите на каждомъ, гдѣ какие сѣмена, и которые осенью, а которые весною у насъ сѣются и садятся; и при послке одного отпишите ко мне о своемъ здоровьѣ. И тако, къ вамъ съ почтеніемъ моимъ остаюся вашъ м. г-ря, покорный слуга Степанъ Карновичъ. А чтобъ вы прислали ко мне сухихъ малороссійскихъ грибовъ, о томъ я уже къ вамъ писать не смѣю, а когда возможно, то пожадуите приплите, такожь и славной вашей вѣтчины, хотя одинъ окорокъ ¹⁾).

93) *Андрея Степановича Милорадовича, изъ Чернигова, 1782 г.,
25 января.*

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Отпустите мнѣ, что и такъ долго не отвѣчалъ на ваше письмо. Братъ вашъ и мой

¹⁾ Письмо писано чужою рукою, а собственноручно — одна лишь подпись, дрожащимъ почеркомъ.

истинный пріятель Андрей Андреевичъ самовидецъ, живою грамотою, здѣшнихъ бывшихъ и настоящихъ упражненій; кромѣ того, по вашимъ обстоятельствамъ, въ разсужденіи вашихъ припадковъ и неприбытія сюда, не было нужды употреблять какія либо мѣры; я вамъ искреннѣйше желаю исправленія въ вашемъ здоровьѣ, съ тѣмъ есмь и навсегда непреложно пребуду съ истиннымъ и отличнымъ почтеніемъ вашъ, м. г-ря моего, покорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ.

94) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1782 г., 7 февраля

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Съ того времени, какъ поѣхали отсюда сѣверные наши любезные гости ¹⁾ (что было, какъ о томъ чаятельно уже вамъ самимъ извѣстно, декабря 24-го числа, по нашему календарю), я почти каждый день собирался писать къ вамъ, но за разными помѣшательствами повныѣ не удалось мнѣ исполнить сего моего намѣренія; хотяжъ и прежде отъѣзда помянутыхъ гостей могла бы сискаться нѣкоторая къ тому матерія, въ разсужденіи того, что я имѣлъ уже отъ васъ два писма, одно писанное изъ С.-Петербурга, іюня 13-го числа, при самомъ вашемъ оттуда отъѣздѣ, а другое, отправленное изъ Глухова августа 20-го, и привезенное въ С.-Петербургъ Андреемъ Степановичемъ, а оттуда полученное мною въ началѣ октября мѣсяца; но никоимъ образомъ не могъ я тогда писать къ вамъ, 1-е, за многими и превеликими хлопотами и недосугами, 2-е, за тѣмъ, что хотя бы мало свободного къ тому времени и нашлось, однако не застали бы уже писма мои въ С.-Петербургѣ Андрея Степановича, потому, что по увѣдомленію, которое отъ Василя Александровича Шарпова здѣлано мнѣ, при отправленіи послѣдняго вашего писма, долженъ былъ господинъ губернаторъ обратно изъ С.-Петербурга отправиться въ Малороссію, чрезъ четыре недѣли по его туда пріѣздѣ; изъ чего слѣдуетъ, что мои писма пришли бы въ С.-Петербургъ около трехъ недѣль позже по отъѣздѣ его оттуда; а наконецъ, 3-е, по той причинѣ, что при выше объявленныхъ хлопотахъ и

¹⁾ Великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою.

недосугахъ несовсѣмъ я вдоровъ былъ, въ то самое время, когда дошло до меня помянутое послѣднее ваше письмо. Всѣ сіи резоны безъ сумнѣнія, м. г. мой братецъ, достаточны будутъ во оправданію предъ вами продолжавшагося понынѣ моего молчанія, которое напоследокъ (сыскавъ нѣсколько свободныхъ часовъ) прерываю теперь, и прежде всего покорнѣйше благодаря вамъ за употребленное вами въ пользу нашихъ свойственникововъ стараніе, долженъ я вамъ сказать, что за нихъ же благодарилъ я графу и Андрею Степановичу въ декабрѣ мѣсяцѣ, отправя мои къ нимъ письма чрезъ С.-Петербургъ. За сѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ мой на первое изъ выше означенныхъ вашихъ писемъ. Благодарствую вамъ за учиненное мнѣ онымъ писмомъ сообщеніе о обстоятельствахъ, касающихся до дѣла вашего съ Корсаками, и сердечно желаю, чтобъ оное въ скоромъ времени могло совершенно окончиться ко удовольствію вашему и господъ Гамалѣевъ. Чтожъ касается до дѣтей вашихъ, о которыхъ вы желаете имѣть отъ меня увѣдомленіе — продолжать ли вамъ или перемѣнить въ разсужденіи ихъ тотъ вашъ поступокъ, о которомъ вы въ томъ же писмѣ упоминаете, то на сіе позвольте мнѣ, м. г. мой братецъ, сказать вамъ откровенно и правдушно, что сколь много ни желалъ бы я услужить какъ вамъ, такъ и имъ самимъ исходатайствованіемъ для нихъ какихъ либо иностранныхъ офицерскихъ чиновъ, но, къ великому моему сожалѣнію, не нахожу я никакого къ тому способу, ибо здѣсь, какъ вамъ уже извѣстно, никакимъ иностраннымъ людямъ, кромѣ знатнѣйшихъ имперскихъ княжескихъ фамилій, не даютъ офицерскихъ чиновъ, естли они не были въ здѣшной же службѣ, и оныхъ не заслужили; да и изъ тѣхъ имперскихъ фамилій некто иначе не можетъ здѣланъ быть здѣшнимъ офицеромъ, какъ съ тою кондиціею, что бы ему дѣйствительно быть въ военной здѣшной службѣ. Въ Пруссіи тоже; а въ Польшѣ, какъ я слышу, извѣстное вамъ препятствіе понынѣ продолжается. Отвѣтъ на ваше послѣднее письмо: премного благодарствую вамъ, какъ за сообщеніе сочиненной вами для пресвѣтлѣйшихъ нашихъ путешественниковъ рѣчи, которую здѣсь всѣ, кому я ни читалъ ее, хвалили, въ томъ числѣ и князь Дмитрій Ми-

хайловичъ, и которая (если вы мнѣ позволите сказать объ ней мое нелицезное и нелицемѣрное мнѣніе) по справедливости общей похвалы заслуживаетъ, такъ и за присылку копій съ фельд-маршалскаго о нашихъ свойственниковъ предложенія въ Малороссійскую коллегію. Въ бытность великаго князя въ здѣшнемъ городѣ, одинъ разъ, я имѣлъ случай сказать его императорскому высочеству, что я двоюродный братъ того, который въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ былъ главнымъ инспекторомъ надъ классами, и который имѣлъ несчастіе потерять чрезъ пожаръ почти все свое движимое имѣніе и всю библіотеку; но какъ скоро я сіе выговорилъ, то вошелъ камердинеръ и сталъ о чемъ то докладывать его высочеству, чѣмъ и пресѣклась рѣчь моя, которую ни въ то время распространить, ни въ другой разъ возобновить мнѣ уже не удалось. Чтожъ касается до князя Александра Борисовича Куракина, то я почти все то пересказалъ ему, о чемъ вы ко мнѣ писали; и онъ со удовольствіемъ и съ благодареніемъ принявъ объявленіе мое о томъ, что вы весьма хвалитесь всегдашнею его къ вамъ благосклонностію, не менше, какъ и оказуемою отъ него по дѣламъ вашимъ справедливостію, сказалъ мнѣ при томъ, что ему небезизвѣстно о желаніи, которое имѣютъ другіе, чтобы Гамалѣвскія деревни присовокупить къ ихъ имѣнію. Теперь я долженъ предъ вами, м. г. мой братецъ, взаимнымъ образомъ похвалиться тѣмъ, что князь Александръ Борисовичъ, по своей къ намъ милости, взялся пострадать посредствомъ г. генерала прокурора о подтвержденіи нашего нѣмецкаго дворянства, о чемъ не задолго предъ отъѣздомъ своимъ отсюда писалъ онъ къ князю Александру Алексѣевичу, сообщая ему копію съ нашего диплома, такожь и съ челобитной, которая отъ меня въ 1780 году послана была при писмѣ къ графу Никитѣ Ивановичу; по его жъ совѣту я и самъ о томъ же писалъ къ генералу прокурору, какъ то усмотрите вы изъ приложенной при семъ копіи съ моего къ нему писма, которое отъ негожъ князя Александра Борисовича при писмѣ его послано отсюда. Для любопытства вашего, при семъ случаѣ посылаю вамъ въ особливомъ пакетѣ восемь печатныхъ піесъ, содержащихъ въ себѣ разныя мудрыя и повсемѣстнаго свѣ-

денія достойныя узаконенія, кои здѣсь въ недавнемъ времени учинены отъ владѣющаго императора. Въ заключеніе всего сего, позвольте мнѣ, м. г. мой братецъ, предложить вамъ мое мнѣніе и совѣтъ мой, кои состоятъ въ томъ, что весьма бы, кажется, не худо было какъ для васъ самихъ, такъ и для другаго кого изъ ближнихъ вашихъ, если бы вы по прїѣздѣ нашемъ къ С.-Петербургу, старались, сколько можно больше, адресоваться къ Александру Андреевичу Безбородку, о котораго честности и склонности къ благодѣяніямъ я здѣсь весьма много слышалъ, и довольно увѣренъ. Впрочемъ пребуду всегда съ непремѣнною моею къ вамъ преданностію и истиннымъ почтеніемъ, вашъ, м. г-ря моего, покорнѣйшій и усердновѣрнѣйшій братъ и слуга Григорій Полѣтика. P. S. Прошу засвидѣтельствовать должное мое почтеніе м. г-нѣ моей Еленѣ Ивановѣ, а при томъ увѣрить ее о непремѣнной моей къ ней преданности.

95) *Василія Александровича Шаранова, изъ Петербурга, 1782 г., 1 іюля.*

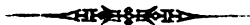
Дѣла ваши, м. г. Григорій Андреевичъ, остаются безъ слуханья; и человекъ вашъ обнадѣженъ, что до того долго еще не дойдетъ; соперникъ вашъ отселѣ уже уѣхалъ, а потому всему и онъ рѣшился возвратиться къ вамъ, и завтра отъ меня отъѣзжаетъ. Я, пользуясь симъ случаемъ, возвращаю къ вамъ при семъ заготовленное вами письмо и съ копіею, такъ же письмо къ почтдиректору съ бланкетомъ; а притомъ за нужно нахожу здѣлать вамъ мои примѣчанія. Посылка онаго чрезъ почтдиректора была въ намѣреніи, чтобъ оно не попало въ руки Безбородки и его товарищей, какъ отъ него почти зависящихъ и ничего безъ него не дѣлающихъ. Но если вы исключаете изъ сего письма ваше на него, равно какъ и на Заводовскаго подозрѣніе, то хотя почтдиректоръ и доставитъ его прямо, оно ему отдано будетъ, и тогда если не получите худа, прозба ваша останется безъ дѣйства. Здѣланное или чемъ запутанное поправить труднее. Отзывъ его брата могъ выдумавъ быть для уловленія васъ; и какъ вы хотѣли уже здѣлать сіе, то конечно довольно успѣли они въ своемъ намѣреніи. Излишно го-

ворить, сколь мало можно полагаться на слова, а особливо такихъ, каковы они. Въ случаѣ же изъясненія вами на него подозреніе, письмо ваше безсумнѣнія до рукъ его не дойдетъ: такихъ примѣровъ было много; и въ ту пору вамъ бояться его нѣчего. Можетъ же статься, что сіе умножа принесенныя на него жалобы, обратитъ и всѣ ихъ каверзы въ ничто. Все до времени! Въ письмѣ къ почтдиректору нужно изъяснить опасность вашу отъ секретарей или просто попросить его о доставленіи; или же послать къ нему и безъ письма, запечатавъ тогда незнакомою печатью. Всякой полученной имъ пакетъ обязанъ онъ доставлять прямо. О дозволеніи жъ отнюдь упоминать излишно: оно приватное; и онъ не сказывая о семь, берется иногда и здѣсь, особливо въ отлучку двора, помогать лишеннымъ способамъ принести жалобы свои и прозбы. Посему можете и здѣсь употребить сіе средство, когда будетъ надобно. Я незнаю, нужно ли давать читать многимъ сіе письмо по его подачѣ; а надобно дать только тѣмъ, кои имѣютъ силу и могутъ васъ подкрѣплять и уничтожать ихъ замыслы. Изъяснивъ вамъ, м. г., они о семь мысли, имѣю честь отвѣтствовать вамъ на послѣднее письмо ваше. Изъ присланныхъ при ономъ, я написанное на Григорья Ивановича отослалъ къ нему съ случившимся курьеромъ, а другія разослалъ съ человѣкомъ вашимъ. О Левандовскомъ теперь донесу вамъ только, что слухъ носился объ опредѣленіи его къ принятію челобитень. Ежели сіе правда, то Безбородко дѣлая его помощникомъ, хочетъ съ нимъ дѣлами подѣлиться, какъ съ человѣкомъ надѣжнее другихъ, хотя и они ничего безъ него не дѣлаютъ. Обремѣнясь всею, ибо онъ и не нося званіи, исправляетъ должность кабинетъминистра, перваго министра иностранныхъ дѣлъ потому что вицекандлеръ дѣла подноситъ и повелѣній получаетъ чрезъ него, и главнаго почтъ правителя, онъ любитъ повеселиться и столомъ, и картами, и комедіями, и балами на своей дачѣ, что была Тепловская, а притомъ еще и съ своею италіанкою, и упражняться еще строеніемъ огромнаго для себя дома. По сему можете судить, сколь дѣла въ порядкѣ, и что не минуемо должно уходить отъ челобитчиковъ и въ заднія двери, и въ окна. Наконецъ, немину-

сможъ сбудется и употребленное вами израженіе: спѣтъ путь грѣшныхъ. Онъ очень смѣлъ и безстыденъ, и все еще ему удается. Но сіе самое и поощритъ его на какое либо дѣло, которое уничтожитъ по крайней мѣрѣ его силу. Съ товарищемъ онъ еще хорошъ, однакожъ дружба ихъ не можетъ быть чистосердечна. Виды ихъ теперь разнообразны, и товарищъ долженъ уступать и терпѣть. Помогши выжить графа Н. П. и выгнавъ старшаго своего брата, онъ ожидалъ того, чемъ нынѣ по вступленіи Безбородко ласкаться не можетъ, говоря иногда о воляжѣ, а иногда объ отставкѣ, кажется чувствуетъ онъ, что обмануть. Дружба ихъ тверда быть не можетъ и по несогласію содержимыхъ ими италіанокъ. На послѣдое увидимъ, чемъ все кончится. Между тѣмъ товарищъ выдумываетъ вышнія мѣста и старается умножать тѣмъ свой промыселъ, а потому хотя и принужденъ будетъ отстать, не останется одракожъ съ пустыми руками; да конечно еще за добрыя свои дѣла и хорошо награжденъ будетъ.—О пенсіонѣ вашемъ въ адмиралтѣйствѣ положено, чтобъ вы получали оной изъ сосѣдняго намѣстничества, а о семъ получите отъ человѣка вашего данную ему копію. Поѣздка въ Москву нынѣшній годъ кажется быть уже не можетъ, и сказываютъ теперь, что будетъ она въ концѣ будущаго года. И такъ, м. г., если надобно вамъ будетъ предиринять путь зимою, то не въ Москву, а сюда. Сія поѣздка страшитъ меня чрезвычайно. И дѣйствительно была бы она для меня весьма раздражительна. Упреждая сіе, я рѣшился взять отставку и удалиться куды нибудь потеплѣе. Притомъ и упражненіе въ важныхъ бездѣлицахъ мнѣ очень уже надѣло, а здоровье и особливо женينو требуютъ покою и перемѣны воздуха. Вотъ что, м. г., пророчитъ вашъ сонъ; но я и въ семъ случаѣ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ—мало ожидаю себѣ добраго. Не имѣя ни отпусковъ моимъ письмамъ, ни записокъ, я не знаю когда и съ кѣмъ отвѣтствовалъ я вамъ на письмо ваше, съ г. Милорадовичемъ полученное. По сей причинѣ не знаю а такъ же и что писалъ я о перемѣнахъ въ коллегіи Ихъ было уже по моему выходѣ столько, что можно записаться. Отставляютъ безъ прозбы, производятъ другихъ, перемѣняютъ и дѣлаютъ что

.....(?) новое почти ежедневно. Я не уведомлялъ васъ иорядочно о семь, какъ мало или и совсѣмъ васъ не интересующемъ, но теперь, чтобъ удовлетворить желаніе ваше, донесу вамъ сколько можно въ кратце; коллегія состоитъ теперь изъ одной секретной экспедиціи, а прочія департаменты публичной экспедиціи, казенной и внутренней уничтожены, а почтовой отдѣленъ и названъ главнымъ почтъ правленіемъ. Контора въ Москвѣ также уничтожена, и остался тамъ только старой архивъ. Теперь коллегію составляютъ только, хотя гр. Н. П. еще и не отставленъ, вице-канцлѣръ, Безбородко и Бакунинъ. Они во всемъ участвуютъ съ нимъ и все подписываютъ, чего прежде не было, Г. Кохъ и г. Алопеусъ произведены совѣтниками канцеляріи и на мѣста статскихъ совѣтниковъ, а потому и получаютъ жалованье—первой 2000, а другой 1500, какое получали Убри и Крокъ. Мѣста четырехъ сов. канц. наполняютъ г. Гренъ и г. Страховъ, да надв. сов. Блюмъ и Ковдонди младшій. О прочіяхъ же по частнымъ перемѣнамъ не упомяну. Теперь все чиновныя, а принятыя не за кого. Въ гл. почтовомъ правленіи по Безбородкѣ, почтдиректоръ и два совѣтника, коихъ одинъ славной архитекторъ и фаворитъ Безб. Львовъ, а другой бывшій въ Москвѣ Протопоповъ, покровитель Лва Бакунина; и хотя оба они мало способны, получаютъ по 1500 жалованья, тожь что и старикъ почтдиректоръ. Миръ теперь кажется не далекъ. Вы знаете, что въ Англіи министерство перемѣнилось, а съ нимъ перемѣнились и поступки. Теперь хотятъ уже признать независимыми американцевъ, но ищутъ только помириться съ ними безъ участія Франціи. Сіи жъ не соглашаются, а потому и выдетъ общей миръ. Англія хочетъ помириться такъ же особливо подъ зд. медиацию съ Голандіей, и согласилась поставить основаніемъ мира положенныя ея имп. вел. правила нейтралски (?) и здѣлать такой же трактатъ, какой имѣли они съ 1674. Однакожь вздумали поздно. Голандія вошла въ соглашеніе съ Франціею, и едва ли безъ нее что здѣлаетъ. Почему и сіе будетъ въ общее жъ зампреніе. Англическіе эмиссары часто въ Францію и Гишпанію ѣздятъ и наконецъ согласясь о главномъ, заключаютъ подъ медиацию обонхъ

дворовъ миръ въ Вѣнѣ. Теперь разнеслась новость о побѣдѣ аглинской ескадры надъ французскою и что гр. де-Граса самого въ полонъ взяли. Подлинныхъ извѣстій нѣтъ, но естьли правда, то чтобъ агличане не подняли опять носъ, и тогда война еще не мало продолжиться можетъ. Совсѣмъ тѣмъ навезли къ намъ много вина португальскаго, сахару и кофи. Цѣна на вина конечно уменьшится, а сахаръ ужъ теперь по 12, а кофи по 13 пудъ. Жена моя свидѣтельствуеть вамъ, м. г-нѣ Алень Ивановнѣ и любезнымъ дѣтѣмъ вашимъ низжайшее почтеніе вмѣстѣ со мною, и оба желаемъ вамъ совершеннаго здоровья пребывая навсегда ваши низжайшія слуги Ш.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Посылка Малороссіянь въ ледяной домъ. Однажды въ 1739 г. любимая шутиха Императрицы Анны Иоанновны калмычка Авдотья Ивановна Буженинова, уже немолодая и безобразная собою, въ разговорѣ съ Государыней высказала охоту выйти замужъ. Ея Величество, смѣясь, спросила калмычку, есть ли у нея женихъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта взялась сама устроить ея судьбу. Въ женихи Императрица выбрала разжалованнаго за переходъ въ католичество изъ майоровъ въ пажи и назначеннаго придворнымъ шутомъ князя Михаила Алексѣевича Голицына, внука нѣкогда всесильнаго любимца царевны Софьи, князя Василія Васильевича. Придворные пришли въ восторгъ отъ выдумки Государыни, а у камергера Татищева явилась счастливая мысль справить шутовскую свадьбу въ нарочно устроенномъ на Невѣ ледяномъ домѣ. Планъ изобрѣтательнаго камергера былъ одобренъ, и была назначена «маскарадная коммисія» подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра Волинскаго для приведенія этого плана въ исполненіе. Между прочимъ для участія въ свадебныхъ торжествахъ было рѣшено вытребовать въ Петербургъ представителей всѣхъ племенъ и народовъ, подвластныхъ русской государынѣ¹⁾.

Среди бумагъ недавно поступившаго въ бібліотеку Кіевскаго университета архива покойнаго М. О. Судіенка сохранилось цѣлое дѣло о посылкѣ въ ледяной домъ малороссійскихъ плясунювъ. Дѣло это рисуетъ тотъ переполохъ, какой произвела петербургская затѣя въ одномъ изъ концовъ русскаго государства, и показываетъ, какіе расходы она стоила.

---

¹⁾ „Русская Старина“ 1873 г. № 3. Ст. С. Н. Шубинскаго „Императрица Анна Иоанновна“, стр. 347—358.

Начинается дѣло Высочайшимъ указомъ изъ кабинета Ея Величества на имя генераль-маіора и лейбъ-гвардіи маіора Шипова отъ 29 ноября 1739 г. Указомъ этимъ предписывалось: по случаю приготовления при дворѣ «для предбудущей нѣкоторой забавной свадьбы» маскарада выбрать по 6 чел. козаковъ, возачьихъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ, «по козацку танцовать умѣющихъ, только чтобъ собою негпусни были», сдѣлать имъ изъ казенныхъ денегъ «нарочитое плате со всѣми ихъ приборы, каки у нихъ обыкновенно употребляютъ», взять сколько нужно «на прокормъ ихъ дорогою безъ оскудѣнія денегъ» и, обнадѣживъ Высочайшею Ея Имп. Величества милостію, отпривить на подводахъ въ Петербургъ «въ самой скорости», такъ чтобы къ генварю 1740 г. они были уже на мѣстѣ. Платя предписывалось шить имъ изъ добраго сукна и недорогихъ камокъ, а если женскому полу нужны шубы, то пошить ихъ изъ недорогихъ бѣличьихъ мѣховъ.

Указъ былъ полученъ въ Глуховѣ 10 декабря, и В. Ген. Канцелярія немедленно принялась за приведеніе его въ исполненіе. Въ началѣ рѣшено было за недостаткомъ времени для посылки въ отдаленныя мѣста сыскать требуемыхъ людей въ сотняхъ «сегобочныхъ за Сеймомъ и въ Миргородскомъ полку». (Какъ видно изъ другихъ документовъ, по мнѣнію В. Г. К. въ Миргородскомъ полку были самыя лучшіе танцоры). Поэтому сотникамъ и сотенной старшинѣ засеискихъ сотенъ и Миргородскаго полка были посланы указы доставить требуемыхъ мужчинъ и женщинъ къ 13 декабря, при чемъ обнадѣживать посылаемыхъ, что имъ будетъ сдѣлана одежда добрая камчату и тонкаго сукна», на дорогу будутъ отпущены деньги, а за прибытіе къ Высочайшему двору они въ Высочайшей Ея Императ. Величества Милости оставлены не будутъ. Такіе указы были посланы въ сотня Глуховскую, Воронежскую, Ямпольскую, Кролевецкую Коронскую, Новомаинскую и полкъ Миргородскій. Повидимому Генер. Канцелярія и сама старалась разузнавать, гдѣ есть искусныя танцоры. По крайней мѣрѣ 13 декабря она послала Хорольскому сотнику Еремѣю Родзикѣ указъ о томъ, что «въ Войск. Енер. Канцеляріи извѣстно учинилось, что въ мѣстечкѣ Хоролѣ имѣющійся тамошній житель нѣякися Яцевичъ умѣетъ по козацку добре танцовать», и потому Яцевича предписывалось доставить въ Генер. Канцелярію въ самой скорости.

Сотники и старшины засеискихъ сотенъ выполнили предписаніе въ точности, но выборъ, сдѣланный ими, былъ неудаченъ, такъ

какъ 15 декабря состоялось слѣдующее постановленіе Генер. Канцеляріи: въ виду того, что присланные козаки, бабы и дѣвки, «явились малоросли и самые убогіе и танцовать не умѣютъ», отправить ихъ съ привезшими канцеляристами обратно и дать сотеннымъ старшинамъ открытые указы, чтобъ они прислали по 6 молодыхъ, молодыхъ бабъ и дѣвокъ «самыхъ лутшіхъ и въ козацкомъ танцу искуснѣйшихъ и вѣжливыхъ и не гнусныхъ и не самыхъ убогихъ, дабы они могли годится ко отправленію ко двору Ея Имп. Величества, и для того старшины таковыхъ отъ посланныхъ не скрывали подъ тяжкимъ отвѣтомъ».

Присланные на этотъ разъ вѣроятно болѣе отвѣчали требованіямъ, такъ какъ 20 декабря Генер. Канцелярія постановила отправить въ Петербургъ 9 душъ, выбранныхъ изъ ближайшихъ къ Глухову мѣстъ. Эти выбранные были осмотрѣны докторомъ медицины Бюкомъ, и имъ выдано свидѣтельство, что «на нихъ никакихъ опасныхъ знаковъ не явилось» и что они во «всемъ явились чисты и здоровы».

Не мало хлопотъ доставляла Войсковой Ген. Канцеляріи и заготовка одежды. Тотчасъ по полученіи кабинетскаго указа войсковому экзекутору Самойлу Фодорону было предписано закупить въ Нѣжинѣ 100 концовъ разноцвѣтной камки «семинальной и полуголевой» и отъ 28 до 35 бѣличьихъ мѣховъ. 16 декабря экзекуторъ довелъ, что требуемой камки въ Нѣжинѣ не сыскалось, а мѣха онъ хотя и нашелъ и приторговалъ по 3 р. съ полтиной за штуку, но купить не посмѣлъ, а послать одинъ для образца. Въ тоже время Глуховскому атаману Демьяну Туранскому предписано было «пріуготовить покупкою сукна тонкого, камокъ и для шубъ женскаго полу бѣличьихъ мѣховъ недорогихъ, за что все деньги отъ канцеляріи Малороссійскихъ сборовъ возвращены быть имѣютъ; такожъ портныхъ, добрыхъ и искусныхъ людей ассигновать потребное число». И Туранскому съ его помощникомъ войтомъ Ив. Пуховичемъ не удалось найти въ Глуховѣ ни камокъ, ни бѣличьихъ мѣховъ, нашли они только тонкое сукно.

Отправляя въ Петербургъ первую партію плясуновъ, Шяповъ послалъ въ кабинетъ доношеніе, въ которомъ оправдывался въ томъ, что посылаетъ только 9 человѣкъ, а не всѣхъ. Мотивируетъ онъ это во 1-хъ тѣмъ, что посланы только выбранные изъ ближайшихъ къ Глухову мѣстъ, а въ Миргородскій и Лубенскій полки, гдѣ «нарочито виѣются таковы по козацку танцевать умѣющіе бабы, дѣвки и козаки», посланы нарочные, а во 2-хъ тѣмъ, что при отправкѣ всѣхъ разомъ

встрѣтились бы затрудненія въ доставкѣ нужнаго количества подводъ. Что же касается одежды, то, по словамъ доношенія, за неотысканіемъ въ Глуховѣ камокъ, одежда сдѣлана, какая возможно.

Между тѣмъ въ Глуховѣ прибывали новые выборные. 18 декабря Нѣжинскій полковникъ Ив. Хрущовъ отправилъ 4 козаковъ, 2 молодыхъ бабъ да 2 дѣвокъ. 26 декабря лубенскіе полковой обозный Ив. Кулибка и полковой писарь Семенъ Столновскій послали 3 козаковъ, 4 дѣвокъ и 3 бабъ-вдовъ при опредѣленномъ конвоѣ и нарочномъ прпставѣ, которому и вручили для прокормленія ихъ на пути отъ Лубенъ до Глухова три рубля. Привезены были танцоры и изъ Сумскаго слободскаго полка.

Не вездѣ впрочемъ выборъ плясуновъ шель успѣшно. Посланный въ Миргородскій полкъ лейбъ-гвардіи конной команды рейтаръ Трофимъ Нелюбовъ доносилъ 2 генваря, что, прибывъ 20 декабря къ полковнику Капнисту и предъявивъ ему указъ Ген. Канцеляріи, онъ получилъ отвѣтъ, что де у него полковника Капниста такихъ людей въ Сорочинцахъ нѣтъ, и для взятія означенныхъ плясуновъ послалъ его въ Миргородскую и Хорольскую сотни, задержавъ своей нераспорядительностью на цѣлыя сутки. Набралъ Нелюбовъ плясуновъ въ Миргородской сотнѣ 6 человекъ, да въ Харьковской (вѣроятно Хорольской) тоже 6, но трое изъ нихъ, не смотря на обнадеживанія, не доѣзжая мѣстечка Ромновъ, бѣжали съ дороги, и Нелюбову пришлось еще промедлить, такъ какъ онъ подавалъ Роменскому сотнику о бѣжавшихъ доношеніе, а сотникъ «за своимъ гулянемъ того доношенія не принялъ». Промѣдленіе было и на почтахъ, и въ селахъ по причинѣ неисправности въ доставкѣ подводъ. Изъ привезенныхъ Нелюбовымъ плясуновъ двое были отправлены въ Петербургъ, а остальные за негодностью отосланы обратно.

Изъ Петербурга между тѣмъ торопили присылкой требуемыхъ людей. 30 декабря изъ кабинета посланъ былъ предварительный указъ, и Ген. Канцеляріи снова пришлось оправдываться въ томъ, что требуемые малороссіяне отправлены не сразу, а тремя партиями 20, 22 и 24 декабря, такъ какъ въ Глуховѣ сыскать въ скорости умѣющихъ по казацку танцовать было нельзя и надо было посылать за ними въ не весьма отъ Глухова отдаленныя мѣста. Едва ли такое уведомленіе Канцеляріи на счетъ сроковъ отправки вѣрно, такъ какъ еще 31 декабря д-ръ Вохъ выдалъ свидѣтельство объ осмотрѣ 2 козаковъ, 2 бабъ и 2 дѣвокъ, да и Нелюбовъ привезъ своихъ плясуновъ позднѣе 24 декабря.

Всего привезено было въ Глуховъ изъ Сумскаго слободскаго полка козаковъ 12, женокъ 12, дѣвокъ 12; Нѣжинскаго полка: изъ Нѣжина козаковъ 4, жен. 2, дѣв. 2, изъ Кролевца коз. 6, жен. 4, дѣв. 7, изъ Воронежа коз. 4, жен. 2, дѣв. 4, изъ Коропа коз. 1, жена 1, дѣв. 2, изъ Новыхъ Млиновъ коз. 4, дѣв. 2, изъ Глухова коз. 3, жен. 4, дѣв. 9, Глуховской сотни изъ с. Березы коз. 2, жен. 1, дѣв. 2, с. Слоута коз. 1, дѣв. 4, с. Обложокъ жена 1, дѣв. 3; изъ Миргородскаго полка коз. 4, жен. 3, дѣв. 4, изъ Лубенскаго—коз. 3, жен. 3, дѣв. 4. Итого коз. 44, женокъ 33, дѣвокъ 55.

Даже когда уже требуемое число малороссіянъ было отправлено въ Петербургъ, мѣстныя власти продолжали усердствовать и присылать новыхъ выбранныхъ. Такъ, уже въ январѣ изъ Лубенскаго полка было прислано еще 3 мужч. и 7 женщинъ, и Ген. Канцелярія 11 января постановила отправить ихъ за ненадобностью и неискусностью на 6 подводкахъ домой.

Послѣ отправки малороссіянъ началась расплата за расходы. При отправкѣ первой партіи Ген. Канцелярія предписала Канцелярія Малороссійскихъ сборовъ выдать на уплату за 10 ямскихъ подводъ, да по полтора рубля на человѣка на прокормленіе. Потомъ на прокормленіе было прибавлено еще по полтиннѣ на душу. Вторая партія изъ 6 чел. была отправлена на 7 подводкахъ и тоже получила на прокормъ по 1¹/₂ рубля на каждого. На расходы по отправкѣ третьей партіи нѣтъ указаній. 30 января канцелярія малороссійскихъ сборовъ донесла А. И. Румянцеву, что Глуховскимъ атаманомъ Туранскимъ и войтомъ Пуховичемъ, завѣдывавшими снаряженіемъ и отправкой малороссіянъ, представленъ въ Канцелярію счетъ расходовъ на покупку для отправливаемыхъ «сукна, камки и прочихъ въ одежѣ надлежащихъ потребностей» и на пошитіе этой одежи въ суммѣ 532 р. 12 коп., да на покупку при отправкѣ саней, цыновокъ, роговъ и возжей 11 р. 24 к. Эти 543 р. 36 к. и были выданы Туранскому и Пуховичу.

Мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ жилось малороссіянцамъ въ Петербургѣ, знаемъ только, что 6 февраля 1740 г., въ день «куръезной» свадьбы, они фигурировали вмѣстѣ съ другими «разноязычниками» и «разночинцами» въ качествѣ поѣзжанъ и плясали національныя пляски, что чрезвычайно забавляло Императрицу.

Въ дѣлѣ сохранилось также нѣсколько документовъ, касающихся отправки Малороссіянъ по домамъ. 27 февраля 1740 г. отъ «Учрежденія маскараднаго дѣла» дана была солдатамъ Преображенскаго полка

Павлу Лазареву, да Измайловскаго полка Тарасу Савенкову инструкціи объ отвозѣ малороссійскихъ плясунъ въ Глуховъ, въ которой предписывалось «везти ихъ на данныхъ по подорожной изъ Ясской Канцеляріи подводахъ во всякомъ охраненіи и объявить ихъ въ Генеральной Войсковой Канцеляріи», откуда отпустить ихъ въ дома, а сдѣланное имъ платье отдать имъ; во время пути предписывалось «смотреть за оными малороссіянами, чтобъ куда не разошлись и на ночлегахъ и въ дорогѣ никому обидѣ и никакихъ налоговъ не чинить подъ опасеніемъ за то военнаго суда».

По прибытіи въ Глуховъ плясуны подали Шипову прошеніе о выдачѣ имъ на проѣздъ домой отдѣльныхъ паспортовъ, такъ какъ отъ Петербурга до Глухова имъ былъ выданъ одинъ паспортъ на всѣхъ. 30 марта Войсковою Генеральною Канцеляріе предписала выдать имъ отдѣльные паспорта и прогоны до мѣста жительства.

Е. К.

Нѣсколько данныхъ о Боровиковскомъ. Извѣстность Боровиковскаго сдѣлала въ послѣдніе годы въ обществѣ лучшіе успѣхи, чѣмъ дѣло собиранія свѣдѣній о немъ и накопленія фактовъ его біографіи. Онъ умеръ три четверти вѣка назадъ, жилъ почти одинокимъ отшельникомъ, посвятивъ жизнь искусству и, хотя пользовался успѣхомъ въ свое время, но не тѣмъ, на какой даетъ ему право его высокое дарованіе. При такихъ условіяхъ истекаютъ быстро и безслѣдно непосредственные слѣды жизни, и, когда общество, прозрѣвъ, начинаетъ интересоваться всякой подробностью, касающейся необыкновеннаго человѣка, когда-то жившаго, узнать и собрать свѣдѣнія о немъ бываетъ уже невозможно. Нанечатанная П. И. Бартепевымъ записная книжка художника и отысканныя мною письма его къ роднымъ—единственные пока свѣдѣтели о немъ вѣрнаго характера. Мы знаемъ, какъ ничтожны свѣдѣнія русскихъ источниковъ о Боровиковскомъ. Иностранные источники въ этомъ случаѣ еще бѣднѣе. Въ столь извѣстномъ «*Dictionnaire des peintres*» Сире о немъ напечатано, напримѣръ, три строчки: «ученикъ Левицкаго, онъ оставилъ военную службу, чтобъ отдаться искусству. Работалъ много для церквей, между прочимъ для Казанскаго собора въ Петербургѣ. Хорошо улавливалъ сходство лицъ, отличался въ выпискѣ матерій. Миниатюры удивительной законченности.» Далѣе подобныхъ общихъ мѣстъ не

идутъ свѣдѣнія иностранныхъ источниковъ, также впрочемъ какъ и русскихъ, которыхъ они служатъ отраженіемъ.

Весною 1893 года, послѣ появленія въ «Новомъ Времени» симпатичной замѣтки г. Ив. Щеглова о могилахъ Венеціанова, Федотова и Боровиковскаго, въ той же газетѣ напечатано было сообщеніе г. Барсова, возбуждившее интересъ поклонниковъ художника. Г. Барсовъ писалъ, что секретаремъ Имп. Русскаго Историческаго Общества г. Штендманомъ приобрѣтены случайно бумаги и рисунки Боровиковскаго, оставшіеся послѣ его смерти и пребывавшіе въ неизвѣстности. Отъ уважаемаго г. Штендмана въ Петербургъ я услышалъ полное опроверженіе этого сообщенія. Бумаги и рисунки оказались принадлежащими одному изъ третьестепенныхъ и безвѣстныхъ художниковъ первоначальной эпохи, ничего общаго съ Боровиковскимъ не имѣютъ и переданы г. Штендманомъ одному изъ знакомыхъ ему художниковъ.

Послѣ напечатанья нашей статьи о Боровиковскомъ въ «Русскомъ Архивѣ», намъ оставлено нѣсколько сообщеній, и кое-что изъ его работъ еще стало извѣстнымъ. Для почитателей художника,—а число ихъ растетъ, и они начинаютъ называть его именемъ русскаго Рафаэля,—сообщаемъ эти данныя, хотя скудныя, но все же расширяющія свѣдѣнія о его работахъ и о немъ. Въ біографіи Крамского г. Стасовъ сообщилъ, что на первоначальное развитіе любви къ живописи у Крамского имѣли вліяніе церковныя работы Боровиковскаго, которыя онъ видѣлъ на родинѣ своей, въ Воронежской губерніи, въ с. Тишанкѣ Острогожскаго уѣзда, откуда Боровиковскій будто бы былъ родомъ. Родина его намъ достоверно извѣстна: это славный городъ Миргородъ. Но какъ очутились его работы въ Воронежской губерніи, гдѣ самъ онъ не былъ никогда? Въ сообщеніи намъ письмѣ къ издателю «Русскаго Архива», г. Веневитиновъ даетъ разъясненіе этого обстоятельства. Тишанка, находящаяся въ Бобровскомъ, а не въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, принадлежала канцлеру князю А. А. Безбородку, который, очевидно, и заказалъ Боровиковскому церковный иконостасъ. Отъ Безборodka Тишанка перешла къ Кушелевымъ, затѣмъ къ княжнѣ Суворовой, а отъ нея уже куплена какимъ-то купцомъ. Иконостасъ Тишковской церкви теперь сильно почернѣлъ и находится въ большомъ запущеніи.

О другомъ иконостасѣ Боровиковскаго, находящемся въ селѣ Романовкѣ Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи, упомянутомъ

въ нашемъ смискѣ его работъ, намъ доставлены свѣдѣнія нотаріусомъ города Мглина В. П. Сунцѣй.

Романовская церковь, заложенная въ 1811 году и освященная въ 1817, построена изъ средства корнета Стенана Артемовича и сестры его, дочери бунчуковаго товарища, Ульяны Артемовны Лашкевичей. Непосредственно строителями, или кѣмъ-нибудь изъ черниговцевъ, бывшихъ тогда на службѣ въ Петербургѣ и группировавшихся вокругъ Безбородка и Судіенка, какъ Лишинъ, Велинскій и другіе, иконостасъ для церкви заказанъ былъ Боровиковскому¹⁾. Помимо достоинства работы, подлинность его удостовѣряется надписью, находящеюся на одной изъ иконъ: «въ семъ храмѣ иконы написаны Императорской академіи художествъ совѣтникомъ Владиміромъ Лукичемъ Боровиковскимъ въ Санктпетербургѣ 1815 года». Въ соборной церкви города Мглина повторенъ тотъ же иконостасъ, въ грубоватыхъ копіяхъ работы мѣстнаго живописца.

Всѣхъ образовъ въ Романовской церкви двадцать шесть, всѣ писаны на деревѣ. Есть основаніе предполагать, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. изображеніе святыхъ патроновъ строителей церкви, евангелистовъ на царскихъ вратахъ и друг., писаны не Боровиковскимъ и прибавлены потомъ. Въ всякаго сомнѣнія въ принадлежности ему—изображеніе Покрова Богородицы, на которомъ находится приведенная выше надпись, мѣстныя иконы Спасителя и Богородицы, Нерукотворенный образъ, изображеніе Бога Вселержителя, вѣчающее иконостасъ. Все это излюбленные мотивы его творчества, проникнутые всегда у него совершенно особенной, ему лишь свойственной поэзіей.

Имена авторовъ церковныхъ работъ рѣдко попадають у насъ въ справочныя книги и указатели, а потому ихъ узнаешь случайно. Въ главной церкви Петербургской Александро-Невской Лавры есть мало кому извѣстный образъ Спасителя письма Боровиковскаго. Христосъ стоитъ на облакахъ, держа въ рукахъ земной шаръ *стекляной*. За нимъ, направо, видѣніе креста. Въ дымкѣ, составляющей фонъ картины, въ эфирѣ рѣдью ангелы (видны одиѣ головки), опрокинув-

¹⁾ У одного изъ Велинскихъ, въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, былъ портретъ дамы въ темно-пурпуровомъ платьѣ и въ кружевахъ, г-жи Лобановой, писанный Боровиковскимъ и принадлежавшій владѣльцемъ изъ Петербурга. Домъ, гдѣ находилась этотъ портретъ, имѣлъ сгорѣть, и неизвѣстно, успѣла ли въ пожарѣ картина Боровиковскаго.

шіся, летящіе, со взоромъ устремленнымъ на Спасителя, тѣ ангелы, которые на религиозныхъ картинахъ Боровиковскаго сопровождаютъ Христа.

Великолѣнная выставка картинъ старыхъ мастеровъ изъ частныхъ собраній, бывшая въ Москвѣ весною 1892 года, обнаружала художественныя богатства, сосредоточенныя въ Москвѣ, сдѣлала извѣстными и нѣсколько картинъ Боровиковскаго, едва ли не бывшаго «воздемъ» выставки. Здѣсь появились: портретъ дѣвочки, дочерей Львова (принадлежащій Его Императ. Высоч. князю Сергѣю Александровичу), портретъ графини Орловой-Денисовой (собственность г. Кристи), мужская голова (изъ собранья графа А. А. Бобринскаго) и портретъ Новоторжской крестьянки (изъ собранья Н. В. Полѣповой). Последняя работа относится, вѣроятно, къ тому времени, когда Боровиковскій писалъ иконостасъ въ г. Торжкѣ, Тверской губ., причемъ работалъ очевидно на мѣстѣ.

Въ Москвѣ-же, въ частныхъ рукахъ, намъ указали еще: портретъ кн. Долгорукой, урожденной Анайщиковой (у княгини Ек. Петров. Долгорукой), Іоаннъ Богословъ (у товарища предсѣд. Моск. Окр. Суда М. Г. Ковалевскаго) и пять семейныхъ портретовъ Дубовицкихъ. Изъ нихъ особенно хороши портреты старика и старухи. Последний—верхъ совершенства. Нѣсколько работъ художника, въ дополненіе къ нашей статьѣ, названы въ «Русскомъ Архивѣ» гг. Корсаковымъ и Примо.

Въ Имп. Публичной Библіотекѣ хранится автографъ Боровиковскаго (единственный), относящійся къ послѣднимъ мѣсяцамъ его жизни. Это—условіе на выполненіе заказа, текстъ котораго слѣдующій:

«Для Его Превосходительства Егора Васильевича Карнеева, господина попечителя Харьковскаго университета, обязался я, нижеподписавшійся, написать собственными трудами двѣ мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери на деревянныхъ доскахъ, покрытыхъ для крѣпости мѣдью, вышиною 2 аршина 14 вершковъ, шириною 1 аршинъ и 6 вершковъ, отъ нижесказаннаго числа чрезъ одинъ годъ, т. е. будущаго года въ февралѣ мѣсяцѣ. За труды и издержки согласился получить двѣ тысячи пятьсотъ рублей государственными ассигнаціями. Въ счетъ оныхъ получилъ отъ Его Превосходительства тысячу рублей, а остальные 1500 рублей ожидаю получить по окончаніи» Февраля 4 дня 1825 года. Императорской Академіи Художествъ совѣтникъ Владиміръ Луки сынъ Боровиковскій».

Упомянутыя въ этомъ заказѣ иконы едва ли были написаны, такъ какъ Боровиковскій умеръ въ апрѣлѣ того-же 1825 года. Каряевъ принадлежалъ къ мистическому кружку конца царствованія Александра I, которому всей душой приверженъ былъ и Боровиковскій. Значительная часть оставшихся его портретовъ и изображаетъ лицъ этого кружка, духовныхъ и свѣтскихъ. Въ драгоценномъ собраніи произведеній русской живописи Третьякова, переданномъ нынѣ Москвѣ, къ прежнимъ работамъ Боровиковскаго недавно прибавился маленькій холстъ, изображающій, по увѣренію печатной «описи собранія» (№ 26), самого художника съ женою и ребенкомъ. Указаніе это совершенно не вѣрно и основано лишь на фамильномъ сходствѣ. Извѣстно, что Боровиковскій женатъ никогда не былъ. Эскизный портретикъ этотъ, гдѣ лицо мужчины дѣйствительно схоже съ сохранившимся собственнымъ офортнымъ изображеніемъ художника, представляетъ вѣроятно одного изъ его братьевъ и писанъ, судя по работѣ, еще въ Малороссіи, до переселенія Боровиковскаго на сѣверъ.

В. Горленко.

Изъ литературной полемики В. И. Аскоченскаго. Въ высшей степени интересная личность В. И. Аскоченскаго оставила по себѣ на долгое время память въ тѣхъ мѣстахъ, куда судьба заносила его. На страницахъ «Кіевской Старины» появлялись уже нѣкоторые изъ тѣхъ полемическихъ памфлетовъ, какіе вездѣ вызвала противъ себя эта безнокойная, меужничивая натура. Намъ также удалось добыть такой памятникъ своеобразной литературной полемики Аскоченскаго, относящійся ко времени пребыванія его въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ онъ занималъ должность совѣтнаго судьи, послѣ постигшихъ его неудачъ въ Кіевѣ. Разочарованный и озлобленный неудачами, В. И. Аскоченскій пріѣхалъ въ Каменецъ уже съ большимъ запасомъ желчи, и здѣсь начинается у него цѣлый рядъ столкновеній съ различными представителями тогдашней каменецкой интеллигенціи. Особенно характерна извѣстная исторія съ молодымъ правовѣдомъ Г—ымъ, окончившаяся выходомъ виновника ея, Аскоченскаго, въ отставку. Ко времени этого послѣдняго столкновенія и относятся сообщаемыя нами два стихотворенія. Первое изъ нихъ—«Совѣтъ зазнавшемуся поповичу»—принадлежитъ, по всей вѣроятности, перу Г—ва (по крайней мѣрѣ, общая молва современниковъ этой исторіи приписываетъ его ему) и очень ярко характеризуетъ

сословныя представленія тогдашней, лучшей даже, каменецкой интеллигенціи; другое— «Моя родословная» — принадлежит Аскольскому. Къ сожалѣнію, послѣднее стихотвореніе попало намъ въ руки въ очень исковерканномъ и безграмотномъ видѣ; возстановить истинный текстъ его по другимъ спискамъ мы не имѣли возможности и подаемъ самый текстъ стихотворенія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ попалъ въ наши руки.

Добрый советъ зазнавшемуся поповичу.

Къ чему таишь ты, милый мой,
 Свой родъ, свое происхожденье?
 Всѣ знаютъ, что родитель твой
 Выдъ полкъ, его благословенье.
 Что въ гербѣ родономъ твоёмъ
 Не мечъ, не шпага, а кропило
 Да блинъ поджаренный съ кнѣпомъ,
 Яиць лукошко да кадило.
 Собою глупо обольщенъ,
 Ты хочешь вѣзть въ аристократы,
 И позабылъ, что ты рожденъ
 Въ углу сельской, плегеной хаты,
 Что на деревнѣ твой отецъ,
 Въ дни праздничные христослава,
 Пшеницу, сало, куръ, овецъ
 Бралъ съ чистымъ сердцемъ, не лукава.
 И о спасеніи души
 Радѣ своего прихода,
 Онъ съ чистымъ сердцемъ бралъ кнѣпомъ
 И выкормилъ тебя, урода.
 А ты теперь подиавши носъ,
 Ужъ подъ собой земли не слышишь
 И на приветливый вопросъ,
 Какъ мѣхъ куличичій, только пишешь.
 Пѣврь, мой другъ,— не утаишь
 Никакъ въ нѣмкѣ холстаиномъ шила;
 Того ужъ не перетворишь,
 Что разъ природа сотворила.
 Будь тѣмъ, чѣмъ Богъ тебя создалъ,
 И корчять брось аристократа;
 То— всѣ бароны и вассалы (?),
 Гдѣ-жъ съ ними бытъ за павибрата?
 Когда бодрить столбовой
 Тебѣ жметъ руку съ умиленьемъ,
 Ты думаешь, что онъ душой

Книжку къ тебѣ расположенъемъ?
 Напрасно, милый! Отвѣраушися,
 Тебѣ покажетъ въ синю шить
 И, горделиво умбнушися,
 Пошлетъ тебѣ прозванье: князь.
 Возьми прииѣръ ты для себя
 Съ другого своего тн брата ¹⁾.
 Онъ, правду-матушку любя,
 Не лѣзетъ въ санъ аристократа.
 Богатъ душою, головой,
 Онъ просто, не горделивъ со всѣми,
 Въ мундиръ одѣшися золотой,
 Онъ не кичится передъ тѣми,
 Кому судьба дала лишь фракъ,
 Шинель суконную на ватѣ,
 Картузъ кѣшею въ четвертакъ,
 Сюртукъ—заплата на заплатѣ.
 Онъ не тантъ ни передъ кѣмъ
 Незнатнаго происхожденья
 И, чуждый глупаго киченья,
 Въ насмѣшку повѣстуетъ всѣмъ,
 Что онъ поповичъ, не холопъ,
 Не шляхтичъ, ханское отродье,
 Что багрянка его былъ поинъ,
 А онъ теперь—высокородье.
 Смирн же духъ ты свой надменный
 Повнай полезнай Вожій страхъ
 И, взявшись за ухо, почтенный,
 Запой на „Господи воззвахъ“.

Моя родословная.

Да, я поповичъ, не купецъ
 Не шляхтичъ, ханское отродье,
 Мой вѣчной памяти отецъ
 Не назывался „благородье“,—
 Былъ благороденъ по дѣланъ,
 А не по шпагѣ да усаю.
 Мой родъ по книгѣ шнуровой
 Не значится происхожденъемъ;
 Прапрадѣ мой за голосъ свой
 Попалъ въ сѣ (?) б агословенье.
 Да, я поповичъ, не холопъ

¹⁾ По всей вѣроятности, братъ В. И. Аскоченскаго, генералъ.

Не голый выходель изъ нѣмецъ,
 И не разстрига, не располь,
 Не изъ кабатчиковъ сидѣльцевъ.
 Отецъ виномъ не торговалъ,
 Не разбавлялъ его водичей
 И черезъ винный канаталъ
 Не сдѣлался онъ важной птицей.
 Да, я поповичъ, не холопъ;
 Хоть родовой мой гербъ съ кадиломъ,
 Да . . . . . (?)
 Передъ . . . (?) вельможнымъ рыломъ.
 Подлѣйшей лести не купилъ
 И, помня вѣру, честь и совѣсть,
 Какъ чувствовалъ, такъ говорилъ
 Я гордую вельможамъ повѣсть.
 Мой старый дѣдъ меня училъ
 Стоять предъ Господомъ въ смиреннѣ
 И крѣпко въ седцѣ утвердилъ
 Надежду, вѣру и терпѣнье.
 . . . . .

Сообщ. А. Лотоцкій.

Іеремія Вишневецкій и козацкое землевладѣніе. Въ только что вышедшемъ изслѣдованіи И. М. Каманина «Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго»¹⁾ собрано довольно значительное количество документальныхъ указаній на существованіе въ XVI и XVII ст. частнаго козацкаго землевладѣнія, не разграниченнаго еще въ то время отъ землевладѣнія боярскаго и мѣщанскаго. Приводимые ниже документы относятся также къ факту подобнаго землевладѣнія; при этомъ представляетъ интересъ то обстоятельство, что упоминаемое въ нихъ козацкое владѣніе, незначительное по объему и цѣнности, существовало въ предѣлахъ державы Іереміи Вишневецкаго, который признавалъ его существованіе и ограждалъ отъ всякихъ притязаній со стороны своихъ державцевъ. Вотъ самые документы, въ переводѣ на русскій языкъ.

1. Іеремія Михаилъ Карибуть князь на Вишничакъ увѣдомляю эту мою грамотою тѣхъ, кому о томъ надлежитъ вѣдать, что по просьбѣ мѣщанина мошенскаго Охрима Туровича, моего подданнаго, который кушилъ у реестроваго козака по имени Гурина, за десять

¹⁾ Въ VIII кн. „Чт. въ ист. общ. Нестора Лѣт.“ и отдѣльно.

копѣ грошей литовскихъ хуторъ, находящійся на Соколькихъ Лозахъ въ селѣ, чтобы я подтвердилъ ему эту его покупку, я этою грамотою моею подтверждаю, чтобы подобно тому, какъ вышеупомянутый козакъ владѣлъ этимъ хуторомъ, въ которомъ находится различное имущество, такъ и онъ владѣлъ бы спокойно, безъ всякихъ препятствій какъ отъ моихъ слугъ, такъ и отъ другихъ особъ. На что для большей твердости и вѣры къ этой моей грамотѣ съ подписью привазаю я приложить и мою печать. Данъ въ Ирпукѣ, 21 августа 1638 года. Михайлъ Вишневецкій. М. П.

2. Я, Флоріанъ съ Потока Потоцкій, державца Мошенскій, выполняю волю е. м. князя, который далъ мошенскому мѣщанину грамоту съ собственноручною своею подписью на Гуриновскій хуторъ въ Соколькихъ Лозахъ, которымъ онъ можетъ владѣть и пользоваться, въ чемъ никто не можетъ ему препятствовать — ни я самъ, ни какой-либо мой староста — даю ему на то мое настоящее писаніе съ моею подписью и приложеніемъ печати. Въ Вишняхъ, 6 ноября 1638 года. Флоріанъ Потоцкій съ Потока. М. П. ¹⁾.

Сообщилъ В. Щербина.

Грамота Богдана Хмельницкаго относительно частнаго землевладѣнія. Вопросъ о частномъ землевладѣніи въ Малороссіи въ эпоху войнъ Богдана Хмельницкаго и въ послѣдующее время до сихъ поръ остается не вполне разъясненнымъ въ нашей исторической литературѣ. Съ одной стороны мы видимъ рѣзкую переменъ всѣхъ общественныхъ отношеній, истребленіе или изгнаніе шляхты, раздачу захваченныхъ во время возстанія земель за войсковыя заслуги, съ другой — сохраненіе и подтвержденіе правъ прежнихъ владѣльцевъ на ихъ земли. Разъяснить эти противорѣчія можетъ только тщательное изслѣдованіе современныхъ документовъ, которыхъ, впрочемъ, сохранилось очень немного. Большой интересъ для даннаго вопроса представляетъ напечатанный Н. В. Стороженкомъ универсалъ Б. Хмельницкаго отъ 31 іюля 1650 г. на имя нѣжинскаго полковника Шумейва, которымъ предписывается возвращеніе земель прежнимъ владѣльцамъ ²⁾; но универсалъ этотъ относится ко времени Зборовскаго

¹⁾ Киев. Центр. Архивъ, кн. № 227, л. 628.

²⁾ „К. Ст.“, 1888, № 7.

договора и, по справедливому замѣчанію редакціи, былъ его примымъ послѣдствіемъ. Приводимая янже грамота Б. Хмельницкаго отъ 1 іюля 1656 г., случайно сохранившаяся въ позднѣйшей актовой книгѣ (1741 г.), представляетъ подобное же распоряженіе, относящееся къ болѣе позднему времени—Переяславскаго договора и послѣдовавшей за нимъ войны съ Польшею. Въ подлинности грамоты едва-ли можно сомнѣваться: распоряженія Б. Хмельницкаго въ XVIII в. едва ли имѣли важное значеніе въ глазахъ польскаго правительства, и поддѣлывать ихъ не было никакой надобности. Грамота запесена въ актовую книгу не въ подлинникѣ, а въ польскомъ переводѣ, почему считаемъ возможнымъ съ своей стороны перевести ее на русскій литературный языкъ.

«Богданъ Хмельницкій, гетманъ съ войскомъ его царскаго величества Запорожскимъ.»

«Ярмола! Жаловался намъ Охримъ Троць и Байбузиха, что ты отнялъ его собственный сѣнокосъ, доставшійся ему отъ предковъ, находящійся въ с. Байбузахъ и называемый ¹⁾..... и безъ всякаго основанія присвоиваешь себѣ и не желаешь возвращать, какъ бы присвоивая его намъ. Поэтому строго приказываемъ тебѣ немедленно возвратить этотъ лугъ безъ всякаго сопротивленія помянутому Охриму и впредь его никогда не тревожить. Намъ чужого не нужно. Данъ въ Чигиринѣ 12 іюля 1656 г. Если же ослушаешься, то немедленно явись къ намъ, непремѣнно. Богданъ Хмельницкій, рукою власною» М. П. ²⁾.

Село Байбузы, о которомъ идетъ рѣчь въ грамотѣ, находится въ черкасскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 10 къ юго-западу отъ м. Мошны. Трудно опредѣлить, кто былъ Ярмола, къ которому обращается Хмельницкій; по всей вѣроятности это былъ сотникъ Мошенскій (Черкасскимъ полковникомъ былъ въ это время Ясько Воронченко). Троць и Байбузиха, жалобю которыхъ вызвана грамота, въ актовой книгѣ (но не въ самой грамотѣ) названы мѣщанами мошенскими, но едва-ли это опредѣленіе точно, по крайней мѣрѣ относительно Байбузихи-Байбузы, по имени которыхъ названо и село, представляли литовскій шляхетскій родъ, происходившій отъ татарскаго мурзы Михаила Байбуза Грызуновича и связанный какими-то отношеніями съ фамиліею

¹⁾ Не разобрано; повидному Drenn lake.

²⁾ Киев. Центр. Арх., кн. 227, № 629.

Вишневецкихъ: родоначальникъ фамиліи В. получилъ отъ Стефана Ваторія земли надъ р. Сулою, которыя впоследствии уступилъ кн. Александру Вишневецкому¹⁾; с. Байбузы находилось также среди владѣній Вишневецкихъ. Если обратимъ вниманіе на то, что владѣльцемъ спорнаго сѣнокоса въ грамотѣ названъ одинъ Троць, а Байбузиха упомянута только потому, что вмѣстѣ съ нимъ принесла жалобу гетману, то можно предположить, что Байбузиха была владѣлицею села, въ которомъ Троцю принадлежалъ одинъ сѣнокосъ, и что права ея также признавались козацкимъ управленіемъ. Во всякомъ случаѣ грамота имѣетъ важное значеніе, какъ доказательство признанія Богданомъ Хмельницкимъ стариннаго права частной собственности на землю въ территоріи, занятой козачествомъ, права, которое въ данную эпоху (послѣ Переяславскаго договора) вѣроятно распространилось только на мѣстное русское и православное населеніе²⁾. Грамота вызвана частнымъ случаемъ, но сходство ея по содержанию съ универсаломъ 1650 г. и заключительная фраза: *«миль чужою не нужно»* придаютъ ей болѣе общее значеніе.

В. Щербина.

Къ вопросу объ источникѣ водевиля Котляревскаго: „Москаль-Чаривныйъ“. Въ послѣднее время, на страницахъ «Кіевской Старины» много говорилось объ источникахъ, изъ которыхъ почерпнулъ Котляревскій содержаніе своего водевиля «Москаль-Чаривныйъ». Любопытная статья проф. Дашкевича, посвященная этому вопросу, вызвала цѣлый рядъ дополненій, указаній. Печатаемая ниже сказка представляетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый интересъ, какъ вариантъ того переходящаго мотива, который лежитъ въ основѣ водевиля Котляревскаго и той сказки, которую привольтъ въ своей статьѣ проф. Дашкевичъ. Сказка записана мной въ с. Лукѣ Волынской губ. Житомирскаго уѣзда.

¹⁾ Похилевичъ. Сказаніе о насел. мѣста. Кіевск. губ., стр. 626 (со ссылкой на сеймовую конституцію 1590 г.)

²⁾ Впрочемъ, права прежнихъ владѣльцевъ-шляхтичей на земли, кромя тѣхъ, которыя они обработываютъ сами вараивъ съ другими сельскими жителями, были „скасовани“ (въ лѣвобережной Украинѣ), повидимому, только въ концѣ ХVІІ ст. (См. универсалы Черниговскаго полковника Лизогуба 1690 г. въ „Кіевской Старинѣ“ 1885, № 3).

Ото бувъ сибѣ въ пдному сыни господарѣ, богатый чоловникъ, и трымавъ наймыта. Колю разъ, такъ було уже надъ вечеръ, приходыть той наймытъ, та-й каже: «Бѣда минѣ, хозаинъ». — «А, яка така бѣда?» — «Колесо зломалось». А въ того хозаинна сынъ бузъ, та дуже роскишный такій. Отъ винъ и пытае: «Що-жъ то за бѣда?» — «Пиды, то зобачышь», сказавъ батько. — «Якъ дасте сто рубливъ, то пиду». Давъ ему батько сто рубливъ, тай выпровадывъ. Иде той сынъ, та йде, колю приходыть до лиска, а били того лиска озеро. Винъ розибрався, та й пишовъ купатьця. А тымъ часомъ гайдамака выскочывъ зъ лиса, забравъ тее платте и сто рубливъ въ нему, та й пишовъ. Вылизъ той сынъ, глянувъ сюды туды, — нима плаття. «Ось яка то бѣда», подумавъ собѣ. А що тутъ робыть? Нима що — пишовъ. Иде винъ коло того лису, та йде, ажъ бачыть хата. Подывывсь въ викно — въ хати а ни души, тилько на столи стоять повна макитра вареныкывъ съ саломъ и сметаною. Винъ хутнышъ за ти вареныки, та пидъ пичъ. Исть, ажъ чуе, йдутъ молодыця, а зъ нею якисъ тры чоловики по паньськы вбрани, а то булы панъ, икономъ и пысаръ. Ихъ, бачте, понаспрошувала молодыця до себе, наварыла усикою всячины й нанекла, бо чоловникъ понхавъ десь на ярмарку. Входятъ въ хату, шуткують, рыгочуть, хочъ папы, алы таке выробляють ныхай ему чортъ. Алы оглядилась жинка за вареныками. Шукала, шукала — нима. Вынила вона тоди маваранъ, курку, горилку. Колю це посидала вони, ажъ чуютъ на двори «търрр...». Що тутъ робыть на свѣти Божому? Панъ ажъ побиливъ, а пысаръ якъ дурный по хати бѣгае. А жинка хочъ и злякалась, алы сховала хутнышъ маваранъ и курку пидъ полушку, а напывъ пидъ пичъ. Прийшовъ чоловникъ въ хату, посылае ии за сусидами. Бо винъ, бачъ, далеко иде въ Крымъ за сиблю, може вже ны зобачыця, то хоче попрощацьця. «А вже кунывъ горилки, а оце кунывъ дехтю. Завтра вранци вымашусъ тай поиду». Жинка его самого посылае, а винъ ныхоче. Нима що — пишла сама. Понрыходнылы сусиды, стали пыты, псты, а жинка стоять коло печы, сютъ-тутъ тай подасть пидъ пичъ горилки чарку. Алы той голый заразы за нею, тай вышье. Якъ панъ протягне руку, то винъ его по руци, тай вышье. Напысь вже винъ добре, тай каже: «А що, спивать буду». — «Що ты здуривъ, чы що? Аже й тоби и нагъ достанеця, хаба ны бачышь, що повна хата людей?» — «А якъ дасте все, що на васъ е, то ны буду спивать...». Нима що, спивувъ панъ свое вбранне, отдавъ. Голый вы-

пывъ зновъ скилька чарокъ. «Ну, каже, ій-бо вже буду сиваты». Ти до него. И просять и сваратьця—ни, таки свое—буду сиваты тай годн. «А врешти, каже до пысаря, якъ дасте, пане, все, що на васъ е, то й ны буду». Ныма що, отдавъ пысарь и свою одежу. Выпивъ голый зновъ скилька чарокъ. «Ну, каже, ны вытерплю,—буду вже сиваты». Давай воны его зновъ просить—«що хочышь визьми тильки мовчы». — «А якъ дасте, каже до управляющого, все, що на васъ е, той буду мовчаты». Осталысь вси голы. Забравъ вынь те платте, вбрався, а друге позвызувавъ, тай шыгъ съ пидъ печы, та на двирь. А жинка й рада бо думала що то панъ втнѣть, а вона й ны знала, що тамъ сидыть той голый. А въ хати пьютъ, та сивають—ны бачать, що въ хати робыца. А голый тымъ часомъ вышовъ въ клуню, поскладавъ тамъ платте, зловывъ якось сову, тай прыйшовъ до хаты.— «Очынить, люды добры». — «А хто тамъ?» — «Це я ношу таку знахарку, що вгадуе». Пустылы его въ хату. Тилько оце посидалы, а хлопцы взявъ пидъ столомъ тай прывавывъ сову за лапу. Вона й крыкнула. «А що це таке», пытае хазяинъ?— «А то вона каже, що тамъ пидъ подушкой е макаранъ». Подывылысь—стоитъ макаранъ. Взялы его, пдять. Ажъ той зновъ прывавывъ сову, вона зновъ закрычала. «Ну, а це чого», пытае хазяинъ.— «А то вона каже, що тамъ пидъ подушкой, ще е й курка». Подывылысь, правда—лежить курка. Тилько оце вже понялы добре й вышылы, прудушывъ той зновъ сову. «А чого вона ще хоче», каже хазяинъ.— «А то вона каже, що у васъ въ хати злыдни е». — «Чы вже-жъ? А що тутъ робыты?» — «А що робыты—важы жинци, ныхай достане банякъ окрону, а вы, дядьку, визьमितъ макогона, та станьте съ цей стороны, а вы, дядьку, ходите на цю сторону». Якъ поставалы по обидви стороны, каже жинци— «ну, лый окрипъ пидъ ничъ». Та ныма що хлопнула туды. Эхъ якъ выскочать зныты панъ, экономъ и пысарь голы, а чоловники ихъ макогоданы. Насылу втнѣлы. «Ну, и славна-жъ въ тебе знахарка, каже хазяинъ хлопцеви. Продай мини». — «А якъ дасы трыста рубливъ, той продамъ». Порадылысь, порадылысь, далы ему трыста рубливъ и взялы сову. Тильки що выйшовъ той хлопцы съ хаты, воны давай пытаты сову про те, та про се, а вона мовчыть тилько очыма лупае, та зубамы кляцае. Клыкалы, клыкалы воны хлопця, алы вынь вже ны вернувь. Побачылы мужьки, що пидурывъ ихъ и дуже розсердылысь. А хлопцы забравъ сибѣ платте, грошы, прыйшовъ до дому, тай каже

батькови. «Ось бачте,—трыста рубльвѣ и ось скільки плаття. Яка-жъ тутъ беда на святи? Ныма а ни якоу биды».

Сообщ. Вл. Боцяновскій.

Изъ прошлой жизни Печерской лавры. Въ одной изъ книжекъ «Кіевской Старины» за 1883 г. (№ 9—8, стр. 325) въ числѣ «замѣтокъ» напечатана «традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей». Какъ передалъ намъ, при печатавіи этой «замѣтки», покойный редакторъ «К. Ст.» О. Г. Лебеднищевъ, «характеристику» эту записалъ онъ со словъ недавно усопшаго митрополита Платона, чѣмъ и объясняются выставленные подъ «замѣткой» инициалы—*М. П.* По этой характеристикѣ—между прочимъ, проходитъ мимо «путанка» «преогромнѣйшій» монахъ, въ шелестящей рясѣ, сопровождаемый «во всемъ новомъ» молодымъ послушникомъ;—поклонившись монаху, путникъ спрашиваетъ: изъ какого, батюшка, монастыря?—Спытай моего хлопця! отвѣчалъ монахъ и пошелъ дальше.—Эта характеристика, относящаяся къ далекому прошлому, пополняется слѣдующими *историческими* свѣдѣніями. Путивльскій помѣщикъ Ив. Мих. Гамалѣя писалъ въ 1819 году, пріятелю своему Ив. Ром. Мартосу ¹⁾, жившему тогда въ Печерской лаврѣ: «И мнѣ довелось быть въ богоспасаемомъ городѣ Кіевѣ въ 1792 г. Служеніе, пѣніе и порядокъ были отличные въ лаврѣ. Я удивлялся красотамъ и богатству храма Царицы Небесной, чувствовалъ благоговѣніе въ семъ святомъ мѣстѣ и видѣлъ отцевъ соборныхъ, въ формахъ ²⁾ двухъ крылосовъ, толщины необыкновенной. Теперь, думаю, лавра уже не имѣетъ подобныхъ отцевъ, которые составляли послѣдніе остатки въ лаврѣ еще послѣ Зосима ³⁾, да и самъ даже теперь текущій вѣкъ во всемъ, и въ великомъ и въ маломъ, тоньше прошедшаго...».

Въ другомъ письмѣ 1836 г., лаврскаго іеромонаха Варлаама къ миргородскому помѣщику В. Я. Ломиковскому, читаемъ: «Жить въ лаврѣ выгодно и спасительно, но строгость отъ новаго намѣстника архимандрита Серафима, по духу митрополита, чрезвычайная

¹⁾ Это бывшій директоръ департамента министерства юстиціи при министрѣ Троицкомъ, жившій послѣ отставки болѣе десяти лѣтъ въ лаврѣ.

²⁾ Формами называются особия монастырскія мѣста въ церкви, походятъ на меньшіе шкапчики, безъ крышки и дверецъ.

³⁾ Зосима Валькевичъ, архимандритъ Печерской лавры, 1762—1786.

и труды немалые, а способной братіи не такъ то много. Да и что же было бы безъ строгости! Прошло то время, что соборные старцы такъ были разнѣжены, что услыша благовѣсть къ заутренѣ, говорили: «клопче! иди, перекрести мене!» А теперь и того штрафуютъ, кто пришелъ въ церковь послѣ благовѣста ¹⁾».....

А. И.

---

¹⁾ Оба письма, въ подлинникахъ, въ нашей б—гѣ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Одесскія юбилейныя изданія.

Въ ожиданіи столѣтняго юбилея города, одесское городское управленіе назначило премію въ 500 р. за рукописное сочиненіе по исторіи и археологіи новороссійскаго края, принимая на свой счетъ и изданіе препроводаннаго труда; но, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ на снисканіе этой преміи ни представлено ни одного сочиненія. Помимо того, городское управленіе Одессы предприняло составленіе и изданіе историко-географическаго описанія самаго города; съ этою цѣлью была организована комиссія изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ проф. Надлера, заказаны клише для рисунковъ, и дѣло было ужъ совсѣмъ, что называется, на мази, когда проф. Надлеръ умеръ; вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ энергичныхъ членовъ комисіи, проф. Киричниковъ уѣхалъ въ Москву, а проф. Успенскій, замѣнившій Надлера въ качествѣ предсѣдателя, получилъ назначеніе въ Константинополь. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ перемѣнъ было запозданіе городского изданія, которое и сихъ поръ не появилось въ печати.

Но юбилей Одессы все-таки отмѣченъ нѣсколькими литературно-научными изданіями, которые явились плодомъ частной инициативы.

По внутреннему своему достоинству первое мѣсто между ними занимаетъ составленный потомкомъ знаменитаго строителя Одессы, Л. М. де-Рибасомъ сборникъ матеріаловъ и статей подъ заглавіемъ: «Изъ прошлаго Одессы», изданный одесскимъ городскимъ головою Г. Г. Маразли. «Когда чествуютъ юбиляра, говоритъ составитель сборника въ предисловіи къ своей книгѣ, то послѣ рѣчей и заздравныхъ тостовъ начинается, обыкновенно, интимная бесѣда о тѣхъ или другихъ выдающихся моментахъ изъ жизни виновника торжества. Выпускаемый нынѣ сборникъ рассказовъ о прошломъ г. Одессы—это

интимная бесѣда о жизни дорогого нашему сердцу столѣтняго юбилея. Въ этой бесѣдѣ нѣтъ формальности торжественныхъ рѣчей, нѣтъ ничего заранее обдуманнаго и нѣтъ ничего показнаго. Это просто случайный обмѣнъ воспоминаній, импровизированные рассказы о пережитомъ, свободно передаваемые собесѣдниками другъ другу, въ увѣренности, что ради симпатичности темы никто не посѣтуетъ на нихъ за несовершенство изложенія». Главнымъ, почти исключительнымъ матеріаломъ для сборника послужили воспоминанія старожиловъ; исключеніе составляютъ только статьи: прот. Серафимова (изъ лѣтописи одесской институтской церкви), В. Л. Гавзена («Истор. данныя, касающіяся порта и карантин») и В. А. Яковлева («кое-что объ иноплеменникахъ въ исторіи г. Одессы»), да архивные матеріалы, сообщенные г. Чудновскимъ. Большинство помѣщенныхъ въ сборникѣ воспоминаній и записокъ появляется въ печати въ первый разъ; перепечатаны изъ другихъ изданій только воспоминанія Толченова и Троицкаго о пребываніи Гоголя въ Одессѣ (изъ «Музыкальнаго свѣта» 1876 г.) и изъ брошюры «День памяти Пушкина 6 іюня 1880 г.» и М. Ф. де-Рибаса «Рассказы одесскаго старожила» (изъ газеты «Правда» 1878 г.). Большая часть воспоминаній, касающихся 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ, но нѣкоторыя изъ нихъ относятся и къ первымъ двумъ десятилѣтіямъ нашего вѣка, напр. записки А. Д. Ризо объ одесскомъ институтѣ. Содержаніе мемуаровъ очень разнообразно, но имѣетъ преимущественно бытовой характеръ. Большое мѣсто занимаютъ рассказы о перемѣнахъ во внѣшнемъ видѣ города: о его прославленной Пушкинымъ пыли и невылазной грязи, объ опытахъ замощенія улицъ, водоснабженіи, администраціи, общественныхъ нравахъ, унесеніяхъ, о чумныхъ эпидеміяхъ, посѣщавшихъ городъ и пр.; кромѣ того, находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о представителяхъ церковной іерархіи, преосвященныхъ Иннокентіѣ и Дмитріѣ, о графѣ П. А. Разумовскомъ, о Пушкилѣ, Давидовѣ, Раевскомъ, о бомбардированіи Одессы и т. д. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы замѣтки А. А. Скальковскаго о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ одесской жизни, которыя представляютъ собою нѣчто среднее между исторіей и мемуарами, и съ удовольствіемъ убѣдились, что маститый одесскій историкъ не порвалъ связей съ литературой. Изъ редакціоннаго примѣчанія къ его статьѣ мы узнали, что она представляетъ собою отрывокъ большой, повидному, статьи «Шестидесятилѣтіе общественной жизни г. Одессы». Сборникъ г. де-Рибаса изданъ очень оиратно и стоитъ не дорого.

Вслѣдъ за сборникомъ г. де-Рибаса поставимъ двѣ дешевыя книжки, изданныя Кирилло-Меѳодіевскимъ книжнымъ складомъ: 1) «Биографіи де-Рибаса, Ришелье и Воронцова», составленныя проф. В. А. Яковлевымъ и 2) «Прошлое и настоящее Одессы, сост. С. Ч.» Обѣ эти книжки имѣютъ, повидимому, въ виду такъ называемую публику, и въ томъ числѣ—одесское простонародье. Первая изъ нихъ отличается большей серьезностью, но нѣсколько суше второй; вторая имѣетъ болѣе притязаній на занимательность, но кое-гдѣ тонъ ея виадаетъ въ ту развязность, которая такъ свойственна одесской прессѣ. Книжки снабжены портретами и видами Одессы.

Далѣе поставимъ изданіе И. Федорова: «Столѣтіе Одессы», также иллюстрированное рисунками, довольно грязными, впрочемъ. Оно отличается лѣтописно-статистической формой и русскими гражданскими тенденціями, которыя авторъ высказываетъ въ предисловіи и въ послѣ словіи. Въ одномъ подстрочномъ примѣчаніи въ этой книгѣ (стр. 8) мы нашли любопытный рассказъ сына очевидца о взятіи Хаджибея.

Наконецъ упомянемъ объ изданіи В. Коханскаго «Одесса за 100 лѣтъ. (Историч. очеркъ и иллюстр. путеводитель на 1894 годъ) съ 8 планами и картинами и 120 рисунками. Путеводитель, издаваемый г. Коханскимъ не первый уже годъ,—предпріятіе на американскій манеръ. Представьте себѣ взящю изданный томъ страницъ въ 700 объемомъ и стоящій 60 коп. Секретъ—въ томъ, что онъ на половину состоитъ изъ объявленій. Справочныхъ свѣдѣній масса и самыхъ обстоятельныхъ, но историческій очеркъ составленъ поспѣшно и неумѣло.

В. Я.

Д. И. Эварницкій. Иванъ Дмитриевичъ Сирко, славный кошевой атаманъ вайска запорожскихъ низовыхъ козаковъ. С.-Петербургъ, 1894 г., 164 стр.

Д. И. Эварницкій давно уже посвятилъ свою дѣятельность изученію историческихъ судебъ Запорожской Сѣчи. Онъ началъ съ поѣздокъ по бывшей территоріи Запорожья для отысканія на мѣстѣ остатковъ старины, затѣмъ онъ рылся въ архивахъ и изучалъ всевозможные печатные источники, заключавшіе въ себѣ свѣдѣнія о запорожскихъ козакахъ, наконецъ, онъ изложилъ добытыя данныя въ цѣломъ рядѣ трудовъ, изъ которыхъ болѣе обширными по объему

являются: 1) Запорожье въ остаткахъ старины, 2 тома; 2) Вольности запорожскихъ козаковъ, 1 томъ съ 9 планами, и 3) Исторія запорожскихъ козаковъ, т. 1-й.

Въ новомъ трудѣ своемъ, заглавіе котораго выше выписано, г. Эварницкій поставилъ себѣ задачею по возможности подробно изложить біографію безспорно самой колоссальной личности, какая только являлась когда-либо среди Запорожцевъ,—И. Д. Сирка, съ котораго по мѣткому замѣчанію П. И. Житецкаго, Гоголь какъ будто бы писалъ портретъ Тараса Бульбы. (Кіев. Стар. т. XL, стр. 310).

Дѣятельность И. Д. Сирка совпадала съ тѣмъ самымъ тяжелымъ для Украины временемъ, когда она, отторгнувшись отъ Польши и не успѣвъ еще слиться съ Россіей, находилась въ „шатаніи“, не знала, куда ей „прихилить“ свою голову, т. е. оставаться-ли ей за русскимъ царемъ, сойтись-ли снова съ польскимъ королемъ, или же идти къ турецкому султану, невѣрному царю. Онъ выступилъ на историческую сцену въ 1654 г., какъ одинъ изъ полковниковъ, недовольныхъ рѣшеніемъ Переяславской рады, и до самой смерти своей 1 августа 1680 г. былъ самымъ талантливымъ выразителемъ нужды, желаній и настроеній запорожскаго товарищества. Восемь лѣтъ подъ рядъ выбирали его запорожцы кошевымъ атаманомъ и хотя очень часто лишали его этого званія, но потомъ снова обращались къ нему, какъ „притоманныя дѣти къ могучему орлу“. Онъ принималъ участіе въ безчисленномъ множествѣ мелкихъ стычекъ, и почти всегда побѣда склонялась на его сторону.

Дѣятельность И. Д. Сирка даетъ г. Эварницкому основаніе считать его типичнѣйшимъ воплощеніемъ запорожскаго идеала за все время историческаго существованія Сѣчи. Характеристика Сирка очень удалась г. Эварницкому. „И по характеру, и по всѣмъ своимъ дѣйствіямъ“, говоритъ онъ, „Сирко представлялъ собою типъ истаго запорожца. Онъ былъ храбръ, отваженъ, страстенъ, не всегда постояненъ, не всегда вѣренъ своимъ союзникамъ; онъ любилъ по временамъ погулять и въ хмѣлю показать свой козацкій задоръ; онъ склоненъ былъ минутно увлечься новою мыслью, новымъ предпріятіемъ, чтобы потомъ отказаться отъ собственной затѣи и придти къ совершенно противоположному рѣшенію. То онъ былъ на сторонѣ московскаго царя, то на сторонѣ польскаго короля, то онъ поддерживалъ Дорошенка, то становился на сторонѣ его враговъ, Суховія и Ханенка, то выступалъ противъ послѣднихъ двухъ и снова защищалъ Дорошенка, то помогалъ онъ русскому царю противъ турец-

каго султана и крымскаго хана, то шелъ противъ царя Іоанна заодно съ султаномъ и крымскимъ ханомъ. „Нужда законъ зминяе“—часто говорилъ Сирко, и, очевидно, дѣйствовалъ сообразно своей любимой пословицѣ“. (Стр. 8).

И. Д. Сирко былъ уроженцемъ Харьковщины, изъ слободы Меревы въ нынѣшнемъ Харьковскомъ уѣздѣ. На родинѣ въ Меревѣ у него были дома, мельница и другое имущество. Была у него въ Меревѣ и семья, изъ членовъ которой документально извѣстны: жена Софья, два зятя, Иванъ Серѣбинъ и Иванъ Артемовъ, и сынъ. Судя по тому, что не задолго до смерти Сирко выражался о себѣ, какъ о человѣкѣ старомъ, и жаловался на плохое здоровье, можно думать, что онъ родился въ первые годы XVII-го столѣтія. Умеръ онъ, какъ замѣчено выше, 1-го августа 1680 г. въ пасѣкѣ своей Грушевкѣ недалеко отъ Сѣчи. Не смотря на ту видную историческую роль, которую игралъ Сирко, достовѣрно извѣстно, что онъ былъ безграмотенъ.

Книга г. Эварницкаго написана главнымъ образомъ на основаніи Актовъ южной и западной Россіи, изданныхъ С.-Петербургской Археографической комиссіей. Только кое-какія дополнительные свѣдѣнія заимствованы изъ малороссійскихъ лѣтописей и польскихъ мемуаровъ. Въ концѣ книги перепечатаны: дума о вдовѣ Сирчихѣ и пѣсня о Романѣ Сиркѣ изъ «Кіевской Старины» (т. 40, стр. 309—312, ст. П. И. Житецкаго «Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ»), пѣсня объ Иванѣ Сиркѣ изъ труда «Запорожье въ остаткахъ старины» самого автора; кромѣ того, приложены нѣкоторые архивные матеріалы; къ сожалѣнію ни при одномъ изъ нихъ не указано, откуда онъ заимствованъ: изъ печатнаго-ли изданія, или непосредственно изъ архива. Въ ряду матеріаловъ подъ № II помѣщенъ переводъ отрывковъ изъ лѣтописи Іоакима Ерлича, въ которыхъ встрѣчаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Сиркѣ. Трудно понять, для чего понадобилось автору помѣщеніе этихъ отрывковъ.

Новый трудъ г. Эварницкаго изложенъ очень литературно и читается съ интересомъ, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ описываются такія выдающіяся событія сѣчевой жизни, какъ появленіе въ Сѣчи самозванца—царевича Симеона Алексѣевича или избіеніе 13 500 янычаръ, забравшихся въ Сѣчь на рождественскихъ праздникахъ 1675 г. Жизненная дѣятельность самого героя біографіи, какъ исключительно боевая, черезчуръ однообразна, чтобы привлечь вниманіе современнаго читателя.

А. С—о.

*Отчетъ Им. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1893 г.
Одесса. 1894.*

Старѣйшее въ Россіи Одесское Общество Исторіи и Древностей имѣло въ отчетномъ году 6 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 8 научныхъ докладовъ. Получивъ недавно добавку къ правительственной субсидіи, оно оживило свою издательскую дѣятельность и получило возможность производить археологическія раскопки. Весьма понятно, что при выборѣ мѣста для раскопокъ, Общество остановило свое вниманіе прежде всего на злополучной Ольвіи, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ остающейся большимъ мѣстомъ русской археологіи. Весною отчетнаго года избранная Обществомъ комиссія совершила экскурсію въ с. Парутино (близъ котораго находятся остатки гор. Ольвіи), но, по независящимъ отъ нея причинамъ, раскопокъ тамъ произвести не могла; обзрѣвъ остатки сохранившихся въ Парутинѣ земляныхъ насыпей, она представила докладъ о мѣрахъ для сохраненія ольвійскихъ древностей и о необходимости научнаго ихъ изслѣдованія; сущность этого доклада была доложена на виленскомъ археологическомъ съѣздѣ; остается пожелать, чтобы выставленныя въ немъ desiderata дождались своего осуществленія. Воспользовавшись во время своей поѣздки приглашеніемъ члена Общества Г. Л. Скадовскаго, помянутая комиссія приняла участіе въ раскопкѣ кургана въ имѣніи г. Скадовскаго, м. Бѣлозеркѣ. Протоколъ раскопки съ замѣчаніями названнаго лица напечатанъ въ томъ же отчетѣ. Раскопанный курганъ по своему содержимому оказался очень бѣднымъ; погребенія, открытыя въ немъ, характеризовались такъ называемымъ утробнымъ положеніемъ скелетовъ и красной окраской костей, т. е. принадлежали къ типу, давно извѣстному археологамъ въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи; самъ г. Скадовскій находилъ подобныя погребенія и раньше близъ Бѣлозерки, о чемъ и докладывалъ на Московскомъ археологическомъ съѣздѣ. Дневникъ раскопки составленъ очень тщательно.

Для содѣйствія ученымъ цѣлямъ Общество располагаетъ тремя преміями: 1) преміей Д. М. Книжевича за выдающійся ученый историко-археологическій трудъ по вопросамъ, касающимся юга Россіи (первый срокъ наступаетъ 14 ноября 1894 г.), 2) преміей одесской городской думы за сочиненіе по археологіи и исторіи новороссійскаго края и 3) преміей А. Л. Бертье де-Лагарда за историко-археологическій трудъ о новороссійскомъ краѣ и въ особенности о Крымѣ.

Изъ пожертвованій въ отчетномъ году обращаютъ на себя вниманіе численностью вещей и ихъ научнымъ интересомъ пожертвованія Импер. археол. комиссіи (древности, найденныя гр. А. А. Бобринскимъ при раскопкахъ въ Керчи) и почетнаго члена Общества А. Л. Бертье де-Лагарда, состоящее преимущественно изъ ольвійскихъ древностей.

Въ вѣдѣніи общества находятся музеи Одесскій, Феодосійскій и Керченскій (въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ). Въ отчетѣ помѣщены свѣдѣнія о ихъ состояніи въ отчетномъ году. На заглавномъ листѣ отчета, по заведенному ранѣе обычаю, дано изображеніе одной древней монеты, неизданной доселѣ.

В. Я.

О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ. Н. П. Лихачева. Москва. 1893.

Индюльгенціи принято обыкновенно считать почти исключительно достояніемъ западной католической церкви. Изслѣдованіе г. Лихачева, заглавіе котораго мы привели, доказываетъ, что восточные патріархи тоже прибѣгали, да, кажется, и теперь еще прибѣгаютъ къ такого же рода способамъ отпущенія грѣховъ. Г. Лихачевъ напечаталъ такого рода разрѣшительную грамоту и собрать не мало данныхъ о продажѣ ихъ патріархами въ древней Руси. Изъ челобитной константинопольскаго патріарха Аеанасія можно видѣть, что большой сбытъ имѣли его индюльгенціи въ Малороссіи, особенно среди запорожскихъ козаковъ, считавшихъ для себя необходимымъ записаться разрѣшеніями отъ грѣховъ. Къ сожалѣнію, г. Лихачевъ мало остановился на вопросѣ о распространенности индюльгенцій въ юго-западномъ краѣ и объ отношеніи къ нимъ мѣстнаго населенія, хотя нѣкоторыя данныя для этого есть. Козаки и вообще низшіе классы народа вѣрили въ индюльгенціи, но люди болѣе или менѣе образованные возмущались этимъ промысломъ. «Нечего сказать, пишетъ Ипатій Поцѣй, хорошую память оставилъ по себѣ въ нашихъ краяхъ Гавріилъ, патріархъ охридскій, который, подобно торговцу, раскладывающему въ лавкѣ свои товары, торговалъ здѣсь равными святыми вещами и продавалъ *разрѣшенія на грѣхи*: великое разрѣшеніе по талеру, среднее по поль-талера, а меньшее по шести грошей» (А. Ю. и Зап. Рос., т. I, № 224).

Извѣстный Саковичъ въ своей «Перспективѣ» тоже возмущается тѣмъ, что «сами патріархи до настоящаго времени нѣкоторымъ глупцамъ, еще при ихъ жизни, продаютъ такіе листы, съ которыми тѣ

и приказываютъ себя погребать» (Арх. Ю.-Зап. Рос., т. IX, ч. I, стр. 41). Продажа такого рода разрѣшительныхъ грамотъ и другіе поступки наѣзжавшаго въ Россію восточнаго духовенства были причиною того, что представители южно-русской церкви, видѣвшіе нестроенія у себя дома, обратились для исправленія этихъ нестроений къ уни не съ восточной, потерявшей всякій авторитетъ, церковью, а съ римской.

В. В.

Учебный атласъ по русской исторіи. Составилъ баронъ Н. Н. Торнау. Спб. 1894. Ц. 1 р.

Атласъ барона Торнау производитъ очень отрадное впечатлѣніе. Не говоря уже объ его изящной вѣщности, отчетливости шрифтовъ и ясности картъ, онъ также хорошъ и по своему внутреннему содержанию. Авторъ составлялъ его «примѣнительно къ наиболѣе распространеннымъ изъ существующихъ учебниковъ», но это не помѣшало ему воспользоваться и самыми послѣдними историческими монографіями—проф. Антоновича, Дашкевича, Грушевскаго и др. Въ результатъ этого знакомства получилась, напримѣръ, карта № VII, гдѣ Волны, вопреки настойчивымъ учебникамъ, показана въ числѣ завоеваній не Гедиминомъ, а Ольгердомъ. Той-же Волны посвящена отдѣльная карта (№ VI), на которой изображены владѣнія Даниила и Василья Романовичей во времени нашествія татаръ. На картѣ № XIII очень ясно изображены приобрѣтенія царя Алексѣя Михайловича, не менѣе хорошо на картѣ № XX представлены раздѣлы Польши. Тщательность, съ которой составленъ настоящій атласъ на основаніи послѣднихъ историческихъ изслѣдованій, дѣлаетъ его несомнѣнно очень цѣннымъ пособіемъ при изученіи русской исторіи.

W.

Тридцатилѣтіе Керченской Александровской гимназіи. Краткая историческая записка, составленная преподавателемъ исторіи Хр. Хр. Зенкевичемъ. Керчь. 1894.

По поводу 30-лѣтія всякой гимназіи, даже и Керченской, конечно, можно составить гораздо болѣе обстоятельную и цѣнную историческую записку, чѣмъ та, которую составилъ г. Зенкевичъ на протяженіи какихъ-нибудь 25—26 стр. Болѣе пустой и малосодержательной книжонки намъ давно уже не случалось встрѣчать. Читатель, вѣроятно, съ трудомъ повѣритъ намъ, ежели мы скажемъ, что, напри., хотя бы II глава «Внутренняя» жизнь гимназіи изло-

жена всего на какихъ-нибудь 12 страничкахъ, и свѣдѣніи сообщены, собственно говоря, въ самой жалкой общей формѣ! Составитель записки, преподаватель исторіи, долженъ былъ бы знать, что простой перечень нѣкоторыхъ болѣе выдающихся явленій учебно-воспитательной жизни заведенія (да и то съ пропусками: ничего, наприм., не сказано о томъ, какъ отразилось на гимназіи самое послѣднее преобразование учебныхъ плановъ и программъ министерства народнаго просвѣщенія)—еще не исторія; что, изображая прошедшія судьбы высшаго въ краѣ учебнаго заведенія — каковымъ была для Керчи и ея округа гимназія, нельзя не остановиться и на судьбахъ самого этого края, по столько, по крайней мѣрѣ, по скольку онѣ соприкасались съ условіями прошлаго гимназіи и т. п. Краткость и бѣглость изложенія въ указываемой нами книжкѣ просто поразительны. Такое важное въ жизни заведенія и всего края обстоятельство, какъ преобразование гимназіи въ 1863 г. изъ бывшаго дотолѣ въ Керчи уѣзднаго училища (1828—1863 г.), изложено буквально на протяженіи одной страницы (8). Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что болѣе останавливаться на названной книжкѣ рѣшительно не стоитъ, тѣмъ болѣе, что самое содержаніе ея —исключительно панегирическаго свойства и совершенно лишено какихъ бы то ни было покушеній изложить и освѣтить предметъ сколько-нибудь всесторонне и основательно, сообразно съ его важностью.

А. С.

Журнальное Обзорѣніе за 1-ую половину 1894 года¹⁾.

Вѣстникъ Европы № 1—3. Въ № 1 мѣ помѣщена статья А. П. Пыпина подъ заглавіемъ «Новая эпоха. Изъ исторіи средневѣковой русской литературы» (стр. 246—288). Въ этой статьѣ авторъ говоритъ, что основными событіями, потрясшими политическій бытъ древней Руси, были два нашествія: татарское и литовское, при чемъ оба эти событія должны были отразиться и въ литературѣ. Что касается перваго, т. е. татарскаго нашествія, то авторъ слѣдитъ за дѣтописнымъ и другими изображеніями его въ словѣ современниковъ, останавливаясь болѣе подробно на отраженіи этого событія въ народномъ эпосѣ и, воплотивъ естественно, удѣляя наиболѣе всего мѣсто Задонщинѣ и сопоставленіямъ ея съ Словомъ о Полку Игоревѣ, а также съ отрывкомъ изъ «Слово о погибели русскія земли». О литовскомъ нашествіи г. Пыпинъ совсѣмъ не говоритъ, т. е., по его словамъ, «говоря о русской литературѣ

¹⁾ См. «Кіевская Старина» 1894 г. № 9.

средняго періода, надо говорить собственно о восточной Руси, которая ведет съ половины XIII ст. отдѣльную жизнь».

Въ № 4 мѣ находится статья *Р. Яр.* подъ заглавіемъ «Всеобщее голосованіе в Русины въ Австріи» (стр. 853—857). Въ этой небольшой статьѣ авторъ характеризуетъ очень яркими красками положеніе двухъ партій въ Галиціи—народовой и радикальной—съ указаніемъ того отношенія, которое опредѣлялось у обѣихъ партій по вопросу о всеобщемъ голосованіи, стоящемъ на очереди въ Галиціи. Авторъ между прочимъ очень мрачно рисуетъ политику народовцевъ, связавшихъ себя «угодой съ польскою магнатско-клерикальною партіей».

Въ № 4 и 5 помѣщена статья *А. Пыпина* «Древняя повѣсть» (стр. 738—784; 282—328), въ которой, говоря о повѣстяхъ, шедшихъ къ намъ не изъ византійскаго, а изъ западно-европейскаго источника, авторъ, естественно, затрогиваетъ не разъ повѣсти русскія въ редакціяхъ южной и западной, чему посвящена вторая глава «Рядъ новыхъ заимствованій» (№ 5).

Русская Мысль № 1—6. Въ № 2-мѣ въ библиографическомъ отдѣлѣ помѣщена замѣтка о книгѣ *П. Т. Р—мы* «Разбита бандура» съ благоприятнымъ отзывомъ о ея содержаніи и языкѣ (стр. 58). Тамъ-же: отзывъ о книгѣ «Писання Трохима Зиньківського» Львовъ 1893 г. *Т. А. Зиньківскій* — уроженецъ г. Бердянска, умершій всего лишь 30-ти лѣтъ отъ роду. Біографія автора приложена къ этой книгѣ и рисуетъ въ немъ чловѣка «глубоко-убѣжденнаго и послѣдовательнаго въ своихъ убѣжденіяхъ». При біографіи, какъ оказывается изъ отзыва, напечатано и письмо *Т. Зиньківскаго* къ *А. Н. Пыпину* по поводу извѣстной его статьи «Особая исторія русской литературы» (стр. 59).

Въ № 3 мѣ въ библиографическомъ отдѣлѣ помѣщенъ краткій пересказъ содержанія небольшой брошюры, описывающей постигшія Шевченка наказанія; брошюрка эта «Четыри кари» (въ XXXIII роковини смерти *Т. Шевченка*). Львовъ 1894 (стр. 123—124).

Тамъ-же — небольшая рецензія хрестоматіи малорусской литературы, составленной для 7 класса русинскихъ гимназій «Вісникъ з народної літератури українсько руської XIX віку. Для висшихъ класъ шкіл середніхъ уложивъ *Олександр Барвінскій*. Друге видавѣ. Львовъ 1893 (стр. 147)-

Въ № 4 мѣ — въ библиографическомъ отдѣлѣ помѣщена замѣтка о книгѣ «Малороссійскія повѣсти, разсказанныя *Грицькомъ Основьяненкомъ*». Сочин. *Гри. Федор. Кеитки* (стр. 181).

Въ № 5 мѣ—въ библиографическомъ отдѣлѣ нѣются отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) Біографическая бібліотека *Ф. Павленкова* «Богданъ Хмельницкій» *Яковенка* (стр. 245); 2) Начальное народное образованіе въ

полтавской губерніи, сост. *Ю. Лисевичъ*, гдѣ излагается очень много фактическаго и цифроваго матеріала по вопросу объ участіи земства въ дѣлѣ народнаго образованія, а равно и состоянія его въ дореформенное время (стр. 252—254); 3) Кустари-кожевники Полтавской губ. *Д-ра Святловскаго*, гдѣ излагается санитарное значеніе кожевеннаго производства, его техника и мѣры къ его улучшенію (стр. 254—255).

Сѣверный Вѣстникъ № 1—6. Въ № 1-мъ въ статьѣ «Записки А. О. Смирновой» между прочимъ разсказывается о чтеніи Гоголемъ своего «Тараса Бульбы» въ присутствіи Пушкина, Жуковскаго, Шлетнева, Мятлева и Вяземскаго. При этомъ А. О. Смирнова заранѣе заявила Гоголю, что, разговори слѣдуетъ читать по-малороссійски, съ удареніями, присущими роднѣ Тараса». По поводу прочитаннаго Тараса говорилъ много Пушкинъ, проектируя, какову можно было-бы устроить драму изъ этого сюжета (стр. 230—239).

Тутъ же помѣщенъ некрологъ Н. С. Тихонравова, гдѣ особенно подчеркивается заслуга его, какъ издателя сочиненій Гоголя.

Въ № 2-мъ помѣщенъ переводъ изъ малорусскаго разсказа *Н. Франки* «Какъ Грыць учился грамотѣ. Изъ Галицкой жизни» (стр. 82—88).

Тамъ же, въ отдѣлѣ «Изъ жизни и литературы» помѣщена краткая біографія этого галицкаго литератора и публициста (стр. 92—93).

Въ № 6-мъ, въ «Запискахъ А. О. Смирновой» нѣсколько прекрасныхъ страничекъ посвящены Гоголю, котораго вездѣ именуетъ авторъ *Хохломъ*, и чтенію нѣх отрывковъ изъ «Мертвыхъ душъ», «Ревизора» и повѣсти «Шинель»; особенно любопытны странички о подготовкѣ «Ревизора» къ постановкѣ на сценѣ (стр. 200—205). Въ *отдѣлѣ бібліографіи* помѣщены слѣдующія краткія рецензіи о книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) О сочиненіяхъ *Квитки-Основьяненко* (№ 3, стр. 86); 2) *И. И. Шостакъ* «Начальное народное образованіе въ Кролевецкомъ земствѣ» (№ 3, стр. 95); 3) *О. Левицкій* «Пятидесятилѣтіе Кіевской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Историческая записка о ея дѣятельности» (№ 5, стр. 81); 4) *П. Тутковскій* «Юго-Западный край, популярныя естественно-историческія и географическія очерки» (№ 5, стр. 83); 5) *Квитка-Основьяненко* «Панна Сотниковна». Истинное происшествіе (№ 6, стр. 50); 6) *Р. В. Зотовъ* «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время» (№ 4, стр. 49); 7) *В. В. Святловскій* «Кустари-кожевники Полтавской губерніи» (№ 4, стр. 51).

Н.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религиозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1894 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1894 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к. Разрочка допускается, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно, по полученіи слѣдующей книжки, прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892 и 1893 по 8 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—92 г. по 1 р.

Издатель Н. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. П. Науменко.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVII.

1894 г.

НОЯВРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ. По I. Родле. А. Ефименко. (<i>Продолженіе</i>)	167—189
II. ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО. (<i>Продолженіе</i>)	190—206
III. КУДОЯРОВА ПЕЩЕРА. (Разсказъ-преданіе). Сергія Бра-мловскаго	207—241
IV. КЪ ИСТОРИИ МАЛУРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И МАЛУРУССКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ. Николая Василенка.	242—270
V. БОГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ. (По школьнымъ воспоминаніямъ). П. Клебановскаго. (<i>Окончаніе</i>).	271—278
VI. ДЪТСКІЙ ЭДЕМЪ ДО ВКУШЕНІЯ ПЛОДА ОГЪ ДРЕВА ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА. (Изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика). М. Щ. (<i>Продолженіе</i>)	279— ~~295~~
VII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ поминкамъ по Сквородѣ. А. Л. б) Опущенная въ печати страница изъ лѣтописи Грабянки. А. Л. в) Дневникъ гетманяча Апостола А. Л. г) Первые шаги админястраціи по открытіи намѣстничествъ. Сообщилъ А. Ковалевскій. д) Историко-статистическіе матеріалы, своевременно непереданные въ Кіевскій Центральный Архивъ. О. Л. е) Къ біографіи гетмана Павла Тетери. О. Л. ж) Полтавскій земскій музей. З. з) Фабрика фарфора Мяклашевскаго. З. и) В. Я. Ломянковскій.	296—311
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ. а) Опытъ исторіи Харьковского университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. I (1802—1815 г.). Д. И. Багалѣя. С. Р. б) Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смілы. Томъ второй. Дневники раскопокъ, 1887—1889 г.г. гр. Алексѣя Бобринскаго и о курганахъ звенигородскаго и роменскаго уѣздовъ. в) Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества. Томъ 93-й. В. Ястребова. г) Ab. Novelacque et. G. Hervé. Recherches ethnologiques sur le Morvan. (Extrait des Memoires de la Société d'Anthropologie de Paris). Ө. В. д) Алексѣй Веселовскій, Этюды и Характеристики А. Степовича. е) Отчетъ о состояніи Коллегіи Павла Галагана съ 1 октября 1890 г. по 1 октября 1894 г. В. Щербинны. ж) Обзорѣніе журналовъ за 1-ую половину 1894 г.	312—332
IX. ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (1—16).	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1—16

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОВЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ¹⁾.

По J. Ролле.

Между тѣмъ внутреннее состояніе украинскаго общества было тоже крайне смутно. Хозяйственная организація почти распалась; главное—земля лежала заброшенною: историческія обстоятельства отвратили отъ нея человѣка. Въ то же время социальный строй втеченіе десяти лѣтъ уже успѣлъ утратить ту однородность и простоту, какая его характеризовала первое время послѣ революціи. Намѣтились классовыя различія, а съ ними и противоположность классовыхъ интересовъ. Изъ среды козачества выдѣлялась какъ-бы аристократія, заслуженные люди, заявлявшіе притязаніе на особыя права—полковники, асаулы, сотники; сюда примыкали люди, лично близкіе гетману и кое-кто изъ шляхты русской или даже и польской, вступившей въ союзъ съ козачествомъ. Подъ властью старшины состояла козацкая масса, вписанная въ реестры. Въ реестровъ оставались посполитые, но имъ тоже не хотѣлось возвращаться къ плугу: они осѣдали по мѣстечкамъ и образовывали собой городскую козацкую милицію—„города“. Это терпѣлось, такъ какъ подобными запасными козаками наполнялись кадры полковъ, то и дѣло нуждавшіеся въ пополненіяхъ вслѣдствіе непрерывныхъ военныхъ потерь. Но тѣмъ не менѣе кто-нибудь да долженъ же былъ оставаться при полевой работѣ. Козацкая старшина, сначала мягко, потомъ съ все растущей настойчивостью принуждала хлоповъ оставаться при землѣ. И, наконецъ, на ряду съ этими

---

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 10.

классовыми группами заявлялъ о своемъ существованіи пролетаріатъ, „голода“, чрезвычайно усилившійся въ смутное время классъ людей, утратившихъ свои общественныя связи и свое, такъ-сказать, общественное равновѣсіе. Они служили наймитами на безчисленныхъ винокурняхъ, которыя были въ то время чуть не при каждомъ зажиточномъ хозяйствѣ, пастухами при многочисленныхъ стадахъ, но предпочитали проводить время въ шинкахъ, ожидая созыва на посполитое рушенье, или случая применить къ какому-нибудь гайдамацкому загоу. Десятилѣтняя непрерывная война, усиливъ эту группу, усилила въ ней и ея противообщественные инстинкты: дикость и жестокость, стремленіе къ легкой добычѣ, къ ничѣмъ необуздываемой свободѣ.

Обнаружившись въ этомъ направленіи, раздробленіе украинскаго общества обнаружилось и въ другомъ. Симпатіи къ Польшѣ и ея культурѣ, которыя всегда укрывались въ душахъ извѣстной части украинскихъ людей, начинали проявляться все сильнѣе и свободнѣе, особенно среди правобережной старшины. Въ то-же время обездоленные, по преимуществу голода лѣваго берега, проявляли тяготѣніе къ Москвѣ, которая привлекала ихъ неопредѣленныя симпатіи своимъ православіемъ и все уравнивающимъ монархическо-демократическимъ строемъ. Вотъ два болѣе ясныхъ политическихъ настроенія, но были и другія. Пока Хмельницкій былъ живъ, пока Украина имѣла въ немъ сильный руководящій центръ, всѣ отдѣльныя стремленія молчали; когда его не стало, все заговорило своими особыми голосами.

Юрій Хмельницкій, 16-тилѣтній сынъ Богдана, выбранный еще при жизни отца радой въ его преемники, не могъ въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Украина, удержать даже и призракъ власти. Его опекунъ, войсковой писарь Иванъ Выговскій, тотчасъ же послѣ смерти Хмельницкаго былъ провозглашенъ гетманомъ „на тотъ часъ“.

Выговскій, овручскій шляхтичъ, женатый на новогородской каштелянкѣ, находящейся въ родствѣ съ магнатскими родами Литовской Руси, былъ, вмѣстѣ съ переяславскимъ полковникомъ Тетерей, образованнѣйшимъ представителемъ польской культуры при чигиринскомъ дворѣ. Со свойственной ему осторожностью

Выговскій скрывалъ свои польскія симпатіи; но какъ только онъ сталъ руководящей силой, дѣло сближенія съ Польшей приняло новый и рѣшительный оборотъ. Ревностный аріанинъ кievскій подкоморій и овручскій староста Юрій Немиричъ, единственный оказавшійся представитель родовитаго панства при чигиринскомъ дворѣ, много трудился надъ этимъ сближеніемъ. Официальнымъ агентомъ съ польской стороны былъ волинскій каштелянъ Беніовскій. Между Полоннымъ, гдѣ жилъ Беніовскій, и Чигириномъ открылись энергическія сношенія; самъ чигиринскій дворъ принялъ польскій характеръ, этикетъ, языкъ. И хотя Выговскій продолжалъ вести двуличную политику, увѣряя Москву въ своей преданности, уже въ началѣ осени 1658 года, т. е. ровно годъ спустя послѣ избранія Выговскаго, былъ составленъ знаменитый гадяцскій договоръ. Въ силу его, Польша признавала Украину за особое княжество, связанное съ ней, какъ и Литва, лишь федеральной уніей, съ собственнымъ управленіемъ, со своимъ особымъ урядомъ, и духовнымъ, и свѣтскимъ, съ 60-ю тысячами реестроваго войска. Повидимому, надъ Украиной занималась заря новой жизни, занималась... и тотчасъ потухла, какъ миражъ надъ безводной пустыней, какъ блуждающій огонекъ надъ гниющимъ болотомъ. Украина неудержимо катилась по своей роковой наклонной плоскости. Правъ или нѣтъ былъ Беніовскій, когда писалъ, что козачество, „gens taugo-scythica“, ничѣмъ нельзя удовлетворить; правъ или нѣтъ коронный обозный Андрей Потоцкій въ своихъ словахъ Яну-Казимиру, что у украинцевъ „главная задача, чтобъ не быть имъ ни подъ вашей королевской милостью, ни подъ царемъ, и они надѣются добиться своего, пугая вашу королевскую милость царемъ, а царя вашей королевской милостью“,—но можно-ли было винить украинскую массу, что она не могла повѣрить въ прочность союза съ Польшей, въ искренность ея намѣреній, какъ вѣрила старшина? Польша ликовала по случаю заключенія гадяцкаго договора; сеймъ 1659 г. осыпалъ милостями козаковъ, прибывшихъ въ Варшаву для заключенія договора и принятія присяги; нобилитаціи и пожалованія сыпались какъ изъ рога изобилія, особенно много щедротъ пришлось

на многочисленную семью Выговскихъ; Юрій Немиричъ сказалъ блестящую рѣчь, въ которой сравнивалъ Украину съ блуднымъ сыномъ, возвращающимся подъ кровъ отчий. И все было напрасно. Еще тою же осенью 1657 г., когда Выговскій былъ выбранъ гетманомъ, на лѣвомъ берегу поднялся старый Пушкаренко, дикій и неотесанный, но мужественный и опытный воинъ, любимецъ черни. Лѣвобережная голода видѣла въ немъ своего представителя и прочила ему гетманскую булаву. Все недовольное тянулось въ Полтавѣ, которая приняла видъ укрѣпленнаго лагеря. Болѣе 40,000 собралось подъ знамя Пушкаренка босыхъ и нагихъ „дейнаковъ“, безъ коней и оружія, съ рогатинами, кіями и косами. Съ трудомъ удалось Выговскому потушить возстаніе: Пушкаренко былъ изрубленъ побѣдителями, Полтава сожжена до-тла. Но какъ только разнеслась по Украинѣ вѣсть о заключеніи съ Польшей новаго договора, снова вспыхнуло волненіе, особенно на лѣвомъ берегу. Смута все усиливалась; Юрій Немиричъ палъ ея жертвой вмѣстѣ съ шляхтой, которая поселилась было на лѣвомъ берегу, полагая, что гадячскій договоръ обезпечиваетъ ея безопасность; то и дѣло появлялись новые претенденты на гетманскую булаву, чтобъ, пофигуривавъ на сценѣ одинъ день, исчезнуть. Всѣ эти Пушкаренки, Довгали, Безпалые, Золотаренки, Цецуры, Сомки, посылаютъ въ Москву жалобы, доносы и обвиненія другъ на друга, просятъ о помощи: отряды московскихъ войскъ проходятъ вдоль и поперекъ по несчастному краю; пламя войны снова вспыхиваетъ на правомъ берегу. Но польскія войска лишь слабо подкрѣпляютъ Выговскаго, и онъ видитъ, что долженъ уйти. Осенью 1659 г. Выговскій сложилъ булаву, и Юрасъ Хмельницкій, теперь уже достигшій совершеннолѣтія, объявленъ былъ гетманомъ. Козацкая рада, собранная около Терехтемирова на Жердевскомъ полѣ, постановила остаться подъ московскимъ протекторатомъ съ тѣмъ, чтобы расширены были автономныя права Украины: за образецъ для измѣненій въ этомъ смыслѣ взятъ былъ тотъ же самый гадячскій договоръ. Но Москва меньше всего думала объ увеличеніи украинскихъ правъ и вольностей. Трубецкой везъ на Украину такіа инструкціи: чтобъ вся Бѣ-

лоруссія и Сѣверщина съ Черниговомъ, Новгородомъ - Сѣверскимъ, Стародубомъ и Почепомъ были отобраны отъ Украины, а въ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Брацлавѣ и Умани рядомъ съ полковниками жили царскіе намѣстники. Опасаясь противодѣйствія со стороны правобережья, Трубецкой вызвалъ Юрася Хмельницкаго со старшиной въ Переяславъ для заключенія новыхъ условій и присяги. Болѣе вліятельные изъ правобережныхъ полковниковъ, брацлавскій—Зеленскій, подольскій—Гоголь, паволоцкій—Богунъ, уманскій—Ханенко и друг. не поѣхали въ Переяславъ. И хотя договоръ былъ заключенъ въ желанномъ для Москвы смыслѣ, но послѣдствія этого насильственнаго заключенія обнаружались въ слѣдующемъ же 1660 году, когда произошло снова столкновеніе московско-козацкихъ войскъ съ польско-татарскими. Московскіе войска были разбиты подъ Чудновымъ, Шереметевъ, главный начальникъ ихъ, пошелъ въ плѣнъ къ татарамъ, а козацкое войско, съ Юріемъ Хмельницкимъ во главѣ, перешло на сторону Польши. Чудновскимъ договоромъ козаковъ съ Польшей возобновлялась сила договора гадяцкаго. Но никакой договоръ не могъ обнаружить дѣйствія; анархія продолжала царить на Украинѣ.

А между тѣмъ та незамѣтная еще въ началѣ Хмельничины трещина, которая дѣлила украинскій народъ на двѣ половины, восточную и западную, лѣвобережную и правобережную, успѣла за этотъ короткій, десятилѣтній, промежутокъ времени вырости до размѣровъ настоящей пропасти. Не смотря на весь виѣлнй хаосъ, царящій повсюду, на кажущуюся противорѣчивость частныхъ стремленій, несомнѣнно ясно было все-таки, что лѣвобережная Украина тяготеетъ къ Московскому государству, правобережная къ Польшѣ. Днѣпръ, эта извѣчная колыбель южнорусскаго племени, силою несчастныхъ историческихъ условій искусственно раздѣлилъ единую народную стихію. Гетманъ, выдвинутый лѣвобережной Украиной, могъ появиться на правомъ берегу; правобережный гетманъ, случалось, на одинъ моментъ завладалъ владіею на лѣвобережьи; Янъ-Казиміръ, во главѣ польско-козацко-татарской арміи въ 1663—4 гг. побѣдоносно прошелъ по лѣвобережной территоріи. Но Украина

объединялась ровно до тѣхъ поръ, пока на лицо была гнетущая сила; какъ только гнетъ устранился, раздвоеніе опять вступало въ свои права.

Андрусовское перемиріе, состоявшееся между Москвой и Польшей въ 1667 г., закрѣпило этотъ фактъ, открыто разорвавъ Украину на двѣ половины: московскій царь увольнялъ обывателей правобережья отъ данной ему присяги. Лѣвобережная Украина со своей столицей въ Батуринѣ, окончательно оторвалась подъ власть Москвы, которая съ все растущей интенсивностью втягивала ее въ составъ своего государственнаго цѣлаго; правобережная продолжала свой анархическій путь.

Номинально край считается польскимъ по Днѣпръ. Но фактическія границы, гдѣ кое-какъ признавалась польская власть, были гораздо уже: едва половина подольской земли по Ушицу, потомъ Волинь и Кіевское Полѣсье до Чернобыля надъ Днѣпромъ. Все Брацлавское воеводство, большая половина Кіевского и юговосточная часть Подольскаго знать не хотѣли Польши, хотя все-таки сильно пропитаны польскими культурными вліяніями: старшина говоритъ по-польски, оффиціальныи русскій языкъ усвоилъ себѣ польскіе обороты, названія урядовъ заимствованы отъ Польши; только католическая церковь снесена совершенно. На этой территоріи лишь въ отдѣльныхъ замкахъ постоянно держался, и то съ большими усиліями, польскій гарнизонъ: главнымъ образомъ въ Бѣлой Церкви, затѣмъ въ Дымирѣ, а по временамъ въ Барѣ. Но Польша все-таки не отказывалась отъ своихъ правъ, и потому здѣсь кипѣла неустанная борьба, смѣнявшаяся лишь на мгновенье грознымъ затишьемъ, полнымъ ожиданія новой бури. Не только каждый годъ, но чуть-ли не каждое время года имѣло свою особую исторію. Народъ и полковники выбирали себѣ гетмана: онъ то признавалъ власть Польши, то возмущался противъ нея, обращался ко всѣмъ сосѣдямъ поочередно, къ Москвѣ, Турціи, молдавскому или валахскому господарю, крымскому хану,—и исчезалъ, вытѣсненный другимъ, и успѣвъ лишь пролитой кровью запечатлѣть память о своемъ эфемерномъ владычествѣ. Татары хозяйничаютъ на правомъ берегу, какъ у себя дома, и свободно вы-

бирають свою дань. Числятся пока еще слѣдующіе полки, а, слѣдовательно, и населенные округа: Чигиринскій, Каневскій, Черкасскій, Павлоцкій, Брацлавскій, Тарговицкій, Уманскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Кальницкій и наказной Подольскій; упоминается, кромѣ того, Немировскій и Межибожскій; но населеніе уменьшается. Вотъ маленькіе отрывки изъ люстраціи 1665 г. Въ какой-то моментъ затишья удалось полякамъ сдѣлать опись государственныхъ имѣній части Подольскаго воеводства: „Летичевское староство—все опустошено, потому что лежитъ на самомъ шляху, по которому ходитъ каждый непріятель, отчего нѣтъ надежды удержать ни мѣщанъ, ни подданныхъ по деревнямъ“. О Проскуровѣ и его волостяхъ: „мѣщанъ въ городѣ 12, ничего не платятъ, такъ какъ недавно сѣли здѣсь на свободу. Въ деревняхъ (такихъ-то) нѣтъ ни одного подданного, почему ставы и млины пусты, такъ какъ изъ-за наѣздовъ и нападеній не могутъ люди оставаться въ своихъ домахъ“. То же староства Улановское и Хмельницкое; въ Верхобовецкомъ староствѣ „ни въ мѣстечкѣ, ни въ деревняхъ, къ нему принадлежащихъ, нѣтъ ни одного подданнаго“ и т. д. Край пустѣетъ.

Послѣ того, какъ Юрій Хмельницкій соединилъ было на одинъ моментъ обѣ Украины и тотчасъ же, почувствовавъ, насколько власть была ему не по-силамъ, отказался отъ нея и ушелъ въ монастырь (1660 г.), выступилъ въ правобережной Украинѣ гетманомъ Тетеря, зять Хмельницкаго. Тетеря былъ искренній сторонникъ Польши, и, еслибъ въ его силахъ было слить Украину съ Польшей, то онъ, конечно, сдѣлалъ бы это. Но задача была не по-плечу даже и не такому заурядному человеку, какъ Тетеря. Онъ счастливо справился съ самымъ замѣтнымъ изъ своихъ противниковъ Попенкомъ, который собралъ около себя заднѣпровскую голоту и выступилъ какъ ярый врагъ всего польскаго, но все-таки уже въ 1665 г. долженъ былъ сложить булаву. Тотчасъ послѣ его удаленія, появился на исторической сценѣ чигиринскій полковникъ Петръ Дорошенко. Дорошенку удалось на нѣсколько лѣтъ заслонить собой всѣ осталь-

ныя фигуры, всѣхъ этихъ Опаръ, Суховіевъ, Ханенкохъ, которые параллельно выдвигались одинъ за другимъ изъ хаоса.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ замѣчательный человекъ. И сорока лѣтъ еще не было Дорошенку, когда правобережные полковники сдѣлали его своимъ гетманомъ. Онъ былъ не безъ образованія: изъ кievскихъ школъ вынесъ онъ знакомство съ „козацко - русскимъ“ письмомъ, но на умы окружающихъ онъ дѣйствовалъ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ не школьнаго, а чисто народнаго склада, сильной діалектикой, прямо, безъ ухищреній, достигающей намѣченной цѣли. Наружность молодого гетмана была самая подкупающая, и онъ умѣлъ укрывать ее по шляхетски; вообще, ни въ чемъ не пренебрегалъ шляхетской обстановкой. Добродушіе, которое располагало въ немъ простымъ сердцемъ, не исключало жестокости, если она требовалась обстоятельствами. А подъ всѣмъ этимъ укрывался политическій умъ, сильное честолюбіе, широкіе замыслы.

Дорошенко, слѣдуя традиціямъ политики Богдана Хмельницкаго, не пренебрегалъ никакой политической комбинаціей, лишь бы она сулила выгоды; но больше всего возлагалъ онъ упованій на союзъ съ мусульманами. Онъ надѣялся такимъ путемъ сохранить внутреннюю самостоятельность. Татарскій ханъ— постоянный союзникъ Дорошенка. Благодаря татарамъ, а также, конечно, и своимъ личнымъ способностямъ, Дорошенку удалось было даже взять верхъ надъ вліятельнымъ лѣвобережнымъ гетманомъ Брюховецкимъ и на одинъ моментъ опять соединить обѣ Украины; но Андрусовское перемиріе положило окончательный предѣлъ всѣмъ честолюбивымъ замысламъ Дорошенка въ томъ направленіи. Онъ вынужденъ былъ ограничить свою дѣятельность правымъ берегомъ: надо было устраиваться здѣсь. Дорошенко былъ не прочь признать вассальную зависимость отъ Польши, еслибы эта зависимость не влекла за собой никакихъ фактическихъ обязательствъ; но для Польши весь вопросъ заключался именно въ томъ, какъ реализовать свои номинальныя права. Столновенія были неизбѣжны, и столновенія невыгодныя для Польши, такъ какъ за Дорошенкомъ всегда стояла татарская орда. Но за то во главѣ военныхъ силъ поль-

слихъ стоялъ въ это время такой въ высокой степени замѣчательный человекъ, какъ Янъ Собѣсскій, будущій король, пова еще великій коронный гетманъ. Его необыкновенная энергія, въ связи съ высокими дарованіями и исключительными свойствами характера, уравнивали собою неравенство борющихся силъ. Въ годъ Андрусовскаго перемирія (1667 г.) состоялся между Дорошенкомъ и Собѣсскимъ Подгаецкій договоръ. Польша признавала за Дорошенкомъ титулъ гетмана его королевской милости войска запорожскаго; вся фактическая территория козаковъ оставалась за ними, но шляхта могла возвратиться въ свои имѣнія. Такимъ образомъ договоръ этотъ заключалъ временныя уступки; но бѣда въ томъ, что ни та, ни другая сторона не думали серьезно объ его выполненіи. Польша ясно видѣла, что съ такимъ гетманомъ, какъ Дорошенко, ей не придти ни къ какому возможному для нея *modus vivendi*, и выдвинула ему соперника въ лицѣ уманскаго полковника Ханенка. Правобережная Украина распалась на два лагеря съ двумя столицами—одной въ Чигиринѣ, другой въ Умані. Дорошенко рѣшился на послѣдній шагъ: отдалъ Украину въ подданство Турціи на правахъ господарствъ молдавскаго и валахскаго.

Планы Дорошенка совпали съ настроеніемъ турецкой политики. Еще въ концѣ 1669 г. воинственный Магометъ IV, окончивши съ Кандіей, рѣшилъ, опираясь на предложенія украинскаго гетмана, покончить также и старые счеты съ Польшей. Турція приступила къ грандіознымъ приготовленіямъ. Конечно, въ Польшѣ не могли не знать, что дѣлается въ Турціи. Знали о приготовленіяхъ король и великій коронный гетманъ Собѣсскій, зналъ каждый, кто хотѣлъ знать. Но польскимъ государствомъ, при слабомъ Михаилѣ Корибутѣ, управляла шляхта, а она-то именно и не хотѣла ничего знать объ опасности. Ей больше нравилось представлять дѣло такъ, что всѣ домогательства короля и гетмана на счетъ предупредительныхъ мѣръ вытекаютъ изъ ихъ „деспотическихъ“ стремленій, изъ желанія усилить свою власть. Вѣдь всякія мѣры требовали со стороны шляхты жертвъ, и не малыхъ. А между тѣмъ Порты начала

уже открыто заявлять протекторатъ. Шляхта все-таки продолжала упорно не вѣрить опасности, въ то время какъ на Украинѣ знали чуть не день и часъ, когда она должна наступить. Литовскіе татары, издавна поселенные надъ Нѣманомъ, пробрались на югъ, выдяя свои пепелища, на встрѣчу поднимающемуся на Польшу мусульманскому потоку.

Пока Магометъ IV стягивалъ въ свой лагерь съ Адрианополя огромныя силы анычаровъ и спаговъ, земское ополченіе европейскіхъ и азіатскіхъ владѣній, молдаванъ и валаховъ, добружскіхъ и бѣлгородскіхъ татаръ, липковъ (татаръ литовскіхъ),—крымская орда, въ качествѣ авангарда, заливала край, вторгаясь въ него по всѣмъ тремъ шляхамъ. Ханъ стоялъ съ Дорощенкомъ на Украинѣ и разсылалъ универсалы съ требованіемъ покорности падишаху. Что было польскаго войска на Украинѣ, все было снесено. Хищники залили Подолье, проникли далеко въ глубь края по направленію къ сѣверо-западу, разорили русское воеводство, пробрались на Покуты въ такія мѣстности, которыя считались до тѣхъ поръ защищенными отъ татаръ горами и лѣсами: теперь впереди дикіхъ татаръ шли знакомые съ мѣстными условіями липки и барскіе черемисы. До ста тысячъ людей досталось въ ясырь. Наконецъ тронулась въ путь, въ началѣ іюня 1672 г., и пестрая трехсотъ-тысячная армія Магомета IV. Самъ султанъ со своимъ дворомъ сопровождалъ ее, выступая на покореніе невѣрнаго Лехистана; путь его былъ обставленъ всей возможной восточной роскошью. Армія въ своемъ движеніи растягивалась на нѣсколько миль; каждую ночь въ пунктѣ султанскаго ночлега выросталъ цѣлый городъ, удовлетворявшій всѣмъ утонченнымъ потребностямъ двора Немудрено поэтому, что только въ августѣ армія вступила въ границы Подолья. Теперь грозная опасность была ясна каждому. Но шляхта и здѣсь успѣла найти себѣ успокоеніе; она увѣрила себя въ неприступности Каменца. Напрасно убѣждалъ Собѣсскій, что мысль объ этой неприступности неосновательна, что крѣпость крайне нуждается въ поправкѣ укрѣпленій, въ усиленіи гарнизона, иначе она непременно должна будетъ сдать-ся: его никто не слушалъ.

Всѣ турецкія силы направились на Каменецъ: лишь взятіе Каменца обезпечивало занятіе Подолья. На одного осаждаемаго воина приходилось больше сотни осаждающихъ; въ Каменцѣ не было такихъ пушекъ, какіе были у турокъ, всего было четыре человѣка знающихъ артиллеристовъ; не было даже боевыхъ снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ. „Только чудо могло бы спасти Каменецъ, но вѣдь Господь Богъ не дѣлаеть чудесъ безъ необходимости“, писалъ по этому поводу Собѣскій. Больше недѣли держался городъ; но дальнѣйшее сопротивление являлось при этихъ условіяхъ явной невозможностью. Каменецъ сдался; 30 августа Магометъ IV торжественно вступилъ въ столицу Подолья.

Вѣсть о взятіи Каменца поразила Польшу, какъ громовой ударъ изъ безоблачнаго неба. Такъ велика была слѣпая вѣра польскаго общества въ неприступность Каменца, что не находили возможнымъ иначе объяснить случившееся, какъ измѣной, и въ бессмысленной ярости искали виновныхъ. Каменецъ взятъ, этотъ ключъ къ прекрасному Подолью, драгоценнѣйшему перлу польской короны. Маіоръ Геклингъ взорвалъ бастіонъ, гдѣ хранили порохъ, и погубилъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ собой до двухъ съ половиной тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ храбраго Володѣвскаго, „подольскаго Гектора“; каменецкія церкви обращены въ мечети; множество женщинъ, и шляхтянокъ, и горожанокъ, и монахинь, погнано на далекій востокъ, на продажу въ гаремы; тысячи воровъ потащили къ Волощинѣ и къ Черному морю подольскія сокровища, свезенныя на сбереженіе въ Каменецъ со всего края... Вотъ вѣсти, которыя несли съ собой въ глубь Польши подольскіе бѣглецы, отъ тѣхъ поръ бездомные и неприютные скитальцы, изъ которыхъ лишь болѣе счастливые успѣли захватить кое-что изъ своихъ драгоценностей, родовыя иконы и останки предковъ. А, главное, вся Польша стоитъ открытой и беззащитной передъ страшною турецкой силой. И она, въ самомъ дѣлѣ, двинулась въ глубь края, по направленію къ Львову. Вкругъ главныхъ силъ турецкой арміи кишѣли татары и козаки: маленькими отрядами разбѣгались они во всѣ стороны, захватывая въ неволю безчисленныя жертвы.

Втеченіе ста дней на пространствахъ нѣсколькихъ сотъ миль стояло сплошное зарево, носились клубы дыма, раздавались жалобные стоны, заглушаемые дикимъ крикомъ побѣдителей. Тридцать укрѣпленныхъ замочковъ пало къ ногамъ Магомета IV: нѣкоторые изъ нихъ геройски защищались, другіе прямо отдавались на милость врага. И если потокъ непріятельскій остановился подъ Львовомъ, а не подъ Краковомъ или Варшавой, то не польское войско задержало его, а приближающаяся осень съ холодомъ и сыростью, невыносимыми для непривычныхъ южныхъ людей, изъ какихъ состояло турецкое войско. Но и добрый геній Польши еще бодрствовалъ надъ ней: онъ олицетворялся теперь Яномъ Собѣскимъ. Гетманъ не могъ ничего сдѣлать, чтобы предупредить бѣду; но когда всѣ его предсказанія сбылись почти съ математической точностью, онъ сумѣлъ воспользоваться настроеніемъ до послѣдней степени испуганнаго, растерявшагося общества и завладѣлъ положеніемъ. Но пока можно было только одно: цѣной всякихъ жертвъ удалить врага. Въ октябрѣ 1672 года былъ заключенъ столь тяжелый для Польши Бучацкій договоръ: Подольское воеводство съ Каменцемъ дѣлалось турецкой областью, Украина собственно, т. е. Брацлавщина и Кіевщина, объявлялись козацкимъ владѣніемъ подъ турецкимъ протекторатомъ. Границы вновь созданнаго Подольскаго пашалыката включали въ себя Чортковъ и Ягельницу, шли далѣе по теченію р. Збручи и достигали до Чернаго шляха. На западъ и сѣверъ отъ этихъ границъ была Польша; на югъ и востокъ, по Днѣпръ, зависящая отъ Турціи козацкая Украина.

Что внесла собой для Украины эта новая политическая сила? Только усилила разложеніе, и ничего больше. Была или нѣтъ осуществима для Богдана Хмельницкаго идея украинскаго княжества подъ турецкимъ протекторатомъ, но для Дорошенка это было уже невозможно, слишкомъ поздно.

Взятіе Каменца оглушило Польшу, но въ слѣдующемъ же году Хотинская побѣда доказала, съ одной стороны, что Польша еще не бессильна, съ другой—сдѣлала королемъ Собѣскаго. Польское государство слишкомъ было далеко отъ того, чтобы отказаться отъ своихъ правъ на Подолье и Украину.

Положеніе Украины сдѣлалось отчаяннымъ: ее терзали со всѣхъ сторонъ. Великій визирь Кара-Мустафа, приводя край въ повиновеніе, до-тла уничтожилъ Ладыжинъ и Умань, главные пункты края, опустошилъ почти всю Брацлавщину, захвативъ и часть Волынской земли; татары, разоряя всюду, съ неудовольствіемъ смотрѣли на дѣйствія своихъ союзниковъ, которые безрасудно тратили живой капиталъ: сколько денегъ можно было взять за даромъ перерѣзанныхъ жителей на цареградскихъ рынкахъ! Когда отступали татары и турки, появлялись польскіе отряды, тоже приводя къ покорности. Одна часть козаковъ признавала власть Ханенка и тянула къ Польшѣ, другая—Дорошенка и тянула къ Турціи; наконецъ лѣвобережный гетманъ Самойловичъ хотѣлъ воспользоваться смутой и высылалъ сюда свои отряды, чтобъ поддерживать своихъ сторонниковъ. Жизнь на Украинѣ сдѣлалась невозможной. Населеніе бѣжало во всѣ стороны: на западъ въ Червонную Русь, но больше всего на востокъ за Днѣпръ. Стали выселяться цѣлыми полками: въ 1674 г.—въ годъ, когда свирѣяствовалъ Кара-Мустафа, два полка, уманскій и брацлавскій, ослѣли по р. Орели; въ слѣдующемъ году корсунскій полкъ со своимъ полковникомъ Кандыбой переправился за Днѣпръ. Ханенко увидѣлъ, что нѣтъ возможности ему въ данныхъ условіяхъ держаться на своемъ яко-бы гетманствѣ, тоже убѣжалъ за Днѣпръ, въ 1675 г. отдалъ свою булаву въ руки Самойловича и поселился доживать свою старость на покоѣ въ Козельцѣ Черниговской губ. Наконецъ, и онъ, главный виновникъ событій, правобережный гетманъ Петръ Дорошенко, долженъ былъ прійти къ печальному убѣжденію, что несбыточны были всѣ его планы, ошибочны всѣ расчеты: Турція не могла послужить оплотомъ для новой украинской общественной организаціи. И Дорошенко вслѣдъ за народомъ правобережья тоже направился на лѣвый берегъ, отдался во власть московскаго государя и здѣсь, въ московской землѣ, кончилъ свои дни въ почетной ссылкѣ. Много бѣдъ принесли Украинѣ его широкіе замыслы; но и враги не рѣшаются утверждать, что его дѣйствія направлялись лишь личными побужденіями, своекорыстными расчетами. Въ слѣдующіе

(77—78-й) годы, годы осады Чигирина Турками и новых татарских нападений, остатки населенія переместились на лѣвый берегъ. На всей территоріи Украины оставался одинъ только козацкій полкъ, Подольскій, державшійся въ Брацлавщинѣ, съ полковникомъ Гоголемъ; но и тотъ, по приглашенію Собѣскаго, перешелъ на Кіевское Полѣсье, въ Димирское староство. Общественная организація козацкой Украины распалась совершенно.

Украина, т. е. подольское, брацлавское и большая часть кіевского воеводства, обратилась въ пустыню. Можетъ быть, десятка два тысячъ еще ютилось въ рѣдкихъ и жалкихъ поселеніяхъ по окраинамъ этой пустыни, по берегамъ рр. Днѣпра и Днѣстра, не считая, конечно, большого турецкаго гарнизона въ Каменцѣ; но они не составляли Украины. Были люди, но не было общества. Дальше вглубь края пустыня дѣлалась уже совершенно безлюдной. Роскошныя нивы Украины заросли бурьяномъ; нигдѣ жилья человѣческаго, ни признака стадъ, которыми еще такъ недавно славилась Украина, только одичавшія собаки, размножившіяся до-невѣроятности, вели ожесточенную борьбу за существованіе съ господами степи волками; начали снова появляться даже и дикіе кони, которые сдѣлались было уже рѣдкостью, расплодизись дикія козы, лоси и медвѣди. Лукьяновъ въ пять дней ѣзды черезъ Украинскую пустыню не встрѣтилъ живой души. Отъ Корсуни и Бѣлой-Церкви на Волинь, по словамъ Величка, можно было видѣть лишь безлюдныя замки, высокіе валы которыхъ были приютомъ дикихъ звѣрей, а повалившіяся стѣны, покрытыя мхомъ и поросшія бурьяномъ, служили прибѣжищемъ гадовъ. Всюду было полнѣйшее истощеніе. Подолье, со своимъ необычайнымъ плодородіемъ, не могло прокормить пятнадцать тысячъ каменецкаго гарнизона: муку, овесъ, ячмень—все принуждены были турки доставать изъ Молдавіи и Валахіи. Подольскіе кмети, разбѣжавшіеся при нашествіи турокъ, опять начали было собираться понемногу: но насильственные дѣйствія со стороны турокъ снова и окончательно разгоняли ихъ: съ тѣхъ поръ до полного водворенія турокъ, на Подольѣ ютились лишь разбойничьи липки и др. бродяги, которые жили наѣздами и грабежомъ сосѣднихъ польскихъ областей. На ог-

рошной территоріи Барскаго староства совсѣмъ не было населенія, кромѣ небольшого числа черемисъ, тоже потерявшихъ привычку правильной осѣдлой жизни. Степную Украину съ ея скудными обитателями снабжало теперь хлѣбомъ Кіевское Полѣсье. Прекратилось торговое движеніе, заросли дороги, лишь немногочисленные караваны верблюдовъ, подъ сильнымъ турецкимъ конвоемъ, ходили по одному проторенному пути между Каменцомъ и Шаргородомъ, гдѣ пріютились восточные купцы, которые откупались отъ татаръ и которыхъ не трогали поляки, нуждавшіеся въ ихъ товарахъ.

Не стало населенія, не стало Украины. Три сосѣднихъ государства, еще такъ недавно и съ такимъ ожесточеніемъ борвшіеся за ея обладаніе, остановились передъ неожиданной дѣйствительностью: не за что стало бороться. Этотъ фактъ, такъ удачно прекратившій борьбу, остроуміемъ дипломатовъ былъ возведенъ въ принципъ. Между условіями Бахчисарайскаго мира, заключеннаго въ 1681 г. между Россіей и Турціей, есть слѣдующее: „Обѣ стороны свято обязуются отъ Кіева до Запорожья, по сторонамъ Днѣпра, не устраивать городовъ и мѣстечекъ“. А когда Россія заключала съ Польшей такъ называемый вѣчный миръ (1686 г.), то между сторонами и вышло затрудненіе на счетъ тѣхъ разоренныхъ замковъ и городовъ, которые были отъ мѣстечка Стаекъ внизъ по Днѣпру по рѣкѣ Тясмину, и этотъ пунктъ уладили такъ, что та мѣстность должна оставаться пустой, какой она и теперь есть.

Дипломатія рѣшила обратить территорію Украины въ вѣчную могилу, въ грандіозную надгребную плиту надъ свободолюбіемъ народа, который предпочелъ залить землю своей кровью и усѣять своими костями, лишь бы не подчиниться навязываемому ему подневольному режиму. Но жизнь не справлялась съ дипломатіей, и лишь только затихла вытоптавшая ее борьба, она всюду снова пустила свои отпрыски, такъ легко и быстро разроставшіеся на плодородной почвѣ Украины. И по мѣрѣ того, какъ жизнь снова возникала и укрѣплялась, она опять принимала старыя козацкія формы. Это и не могло быть иначе: вѣдь вплотную къ степной Украинѣ примыкало, съ одной сто-

роны, насквозь козацкое Запорожье, съ другой, Киевское Полѣсье, которое теперь выступило на первый планъ въ судьбахъ края.

Киевское Полѣсье, какъ и Волынь, во время Хмельничины дѣйствовало заодно съ остальной Украиной; но такъ какъ привилегированный классъ—князья и земяне на Волыни, застѣнковая шляхта, т. е. бояре на Полѣсѣ—былъ здѣсь несравненно сильнѣе, то и умиротвореніе, въ смыслѣ присоединенія къ Польшѣ, наступило здѣсь еще въ то время, когда въ степяхъ кипѣла ожесточенная борьба: конечно, этому способствовало и умирное положеніе края, лѣсного и лежащаго въ сторонѣ. Теперь Киевское Полѣсье очутилось на границѣ, съ одной стороны, Подольскаго пашалыката, съ другой—разоренной дикой степи. На немъ лежала тяжесть пограничной сторожи отъ мусульманскихъ сосѣдей, тяжесть, которую еще недавно несла на себѣ степная Украина. Польское правительство, сознавая это, стремилось организовать здѣсь усиленную защиту, но, по обыкновенію, наталкивалось на недостатокъ средствъ. Нельзя сказать, какъ бы оно вышло изъ затрудненія, еслибы былъ иной король. Но Янъ Собѣсскій былъ страстный поклонникъ козачества, конечно, въ теоріи. Да и на практикѣ онъ охотно входилъ въ сдѣлки съ козаками, готовъ былъ смотрѣть снисходительно на ихъ преступныя, съ польской точки зрѣнія, дѣйствія, зналъ русскій языкъ, имѣлъ въ козацкой средѣ личныхъ хорошихъ знакомыхъ, если не друзей, и самъ пользовался между козаками такимъ расположеніемъ, что знаменитый кошевой запорожскій Сирко охотно помогалъ Собѣсскому, хотя Запорожье и тянуло вмѣстѣ съ лѣвобережной Украиной къ Москвѣ. Любимой мечтой Собѣскаго, также какъ и его вѣрнаго помощника, великаго короннаго гетмана Яблоновскаго, было возстановить козачество, сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно привязанное къ Польшѣ, и здѣлать изъ него оплотъ для борьбы съ мусульманскимъ востокомъ. Киевское Полѣсье представлялось имъ удобной территоріей для осуществленія этой мечты. И вотъ Собѣсскій приглашаетъ Гоголя съ его козаками изъ Брацлавщины въ Димирское староство, какъ уже было сказано выше, и они пересе-

ляются, около тысячи человекъ: козаки должны были подчиниться власти короннаго гетмана, которую представлялъ польскій комиссаръ или региментарь, и получали жалованье и сукно или право выбирать провиантъ съ населенія. Кромѣ того, к ролевская канцелярія выдавала „заповѣдные листы“ отдѣльнымъ лицамъ на право формировать вольныя козацкія дружины. Сначала эти листы выдавались только шляхтичамъ, потомъ только старымъ опытнымъ козакамъ, когда правительство убѣдилось, что шляхтичи выбиваются изъ послушанія мѣстнымъ военнымъ властямъ. Полки росли, какъ грибы послѣ дождя; но государству отъ нихъ было мало пользы, а краю—рѣшительное разореніе. На первомъ планѣ въ составѣ этихъ полковъ стояли обыватели шляхетскихъ околицъ (хотя далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ рассчитывалъ Собѣскій, такъ какъ эти бывшіе когда-то русскіе боаре уже привыкли смотрѣть на себя, какъ на польскихъ шляхтичей, и считали унижительнымъ служить въ козацкихъ вольныхъ дружинахъ); ватѣмъ всякій сбродъ изъ-за Днѣпра, съ Запорожья, мѣщане, бѣглые хлопы и т. д. Всегда стѣсненное въ средствахъ польское правительство предоставляло этимъ дружинамъ, вмѣсто жалованья, право выбирать съ обывателей „борошно“, т. е. обыватели обязывались не только кормить козаковъ, но и одѣвать, однимъ словомъ—удовлетворять всѣ ихъ потребности, а потребности, конечно, вещь растяжимая: въ немъ могъ относиться не только провиантъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. мука, крупа, сухари, но и возы, упряжь, порохъ, свинець—на случай похода, и даже пиво, водка, медъ. Отсюда вытекали безконечныя столкновенія и злоупотребленія правомъ сильного. Козаки, число которыхъ быстро увеличивалось, дѣйствовали въ краѣ, какъ въ завоеванной странѣ. Мѣстная шляхта вопила къ трону о защитѣ и правосудіи, но тамъ дѣлали видъ, что ничего не слышатъ и не знаютъ: слишкомъ сильно было желаніе короля и стараго гетмана имѣть свое собственное козачество. На самомъ дѣлѣ, это импровизированное козачество совсѣмъ не имѣло въ себѣ ничего козацкаго, кромѣ внѣшнихъ формъ, приближаясь скорѣе къ подворнымъ панскимъ козацкимъ милиціямъ, чѣмъ къ настоящему козачеству. Оно не имѣло и

не могло имѣть въ себѣ козацкаго духа, такъ какъ ничѣмъ внутренно не было связано съ территоріей, на которой дѣйствовало, ни съ ея населеніемъ, не было ни въ какомъ смыслѣ его представителемъ, какимъ было настоящее козачество. Немудрено поэтому, что подобное искусственное козачество легко вырождалось чуть что не въ разбойничьи шайки, для которыхъ не было своихъ и чужихъ, которыя равно охотно бились съ басурманами, какъ обдирали сосѣднихъ землянъ, кметей или даже себѣ подобныхъ козаковъ. Но это полѣсское, или „лѣсное“, козачество имѣло большое значеніе для той вновь зарождающейся жизни въ степяхъ, о которой мы говорили выше. Какъ только степнымъ козакамъ становилось слишкомъ трудно держаться на своей одичалой Украинѣ, они являлись на Полѣсье, получали здѣсь необходимую имъ поддержку и опять исчезали въ дикой и вольной степи. Такой поддержкой Полѣсья выросъ и Палій, въ лицѣ котораго въ послѣдній разъ ярко вспыхнуло въ жизни украинское козачество.

Такую роль играло Полѣсье, а слѣдовательно и Польша, во вновь возникающей жизни на Украинѣ. Но и Турція не могла оставаться безучастной. Турки не видѣли никакихъ выгодъ отъ Бучацкаго договора, такого, на взглядъ, блестящаго: пустынный край не только ничего не приносилъ, но требовалъ еще большихъ расходовъ. Естественно было туркамъ подумать о какихъ нибудь мѣрахъ для измѣненія положенія. Въ 1682 г. султанъ передалъ Украинѣ вмѣстѣ съ гетманскимъ достоинствомъ молдавскому господарю Дукѣ съ обязательствомъ жить здѣсь. Дука дѣятельно принялся за колонизацію своихъ новыхъ владѣній. Колонизація пошла успѣшно. Изъ-за Днѣстра двигаются молдаване и селятся вдоль береговъ рѣки; изъ-за Днѣпра возвращаются цѣлыми громадами „прочае“ и расходятся по Украинѣ, стремясь въ тѣ мѣста, гдѣ отцы ихъ пользовались козацкою волей. Переселяясь на лѣвый берегъ Днѣпра, они обращались болшею частію въ посполитыхъ, и теперь, на призывъ Дуки, недовольные лѣвобережными порядками, они охотно шли назадъ на свои пепелища. Это обратное переселеніе достигаетъ такихъ размѣровъ, что лѣвобережный гетманъ Самойловичъ при-

ходить въ тревогу и принимаетъ чрезвычайныя мѣры. Козаки Самойловича пытаются силою задержать народъ; на переправахъ происходятъ настоящія битвы, съ кровопролитіемъ и трупами, но это не помогаетъ, какъ не помогаютъ дипломатическіе переговоры. Украина оживаетъ: Брацлавъ, Чигиринъ, Богуславъ, Хвастовъ, Черкассы снова заселяются настолько, что появляются полки соотвѣтствующихъ названій, отстраиваются села, появляются и церкви, и колокольный звонъ заставляетъ забывать, что дѣло идетъ о турецкой территоріи. Дука, человѣкъ тихій, мягкій, къ тому же обеспеченный доходами молдавской земли, ничего не требовалъ отъ своихъ новыхъ подданныхъ, кромѣ признанія своей власти; а Турки только что пережили Вѣну. Немудрено поэтому, что колонизація началась такъ удачно.

Это удачное начало турки задумали укрѣпить и развить, обратившись за помощью къ тѣни великаго перваго вождя, поднявшаго Украину. Въ 1685 г. султанскимъ фирманомъ вызывается къ существованію новое удѣльное княжество Сарматія, и, какъ выходецъ изъ давно заброшенной и позабытой могилы, появляется на историческую сцену новый украинскій гетманъ съ титуломъ удѣльнаго князя Сарматіи Юрій Хмельницкій, ничтожный сынъ своего отца. Ограниченный, тщеславный, эпилептикъ, онъ уже и своимъ образованіемъ на панскую ногу былъ оторванъ отъ народной среды, а во время своихъ долгихъ скитаній на чужбинѣ, по преимуществу въ Турціи и Крыму, растратилъ тѣ остатки нравственныхъ понятій, какія могли еще его связывать съ родною почвой. Конечно, не на такой опорѣ могла Турція создать что-нибудь прочное: сверхъ всего, Хмельницкій возбуждалъ въ себѣ недовѣріе и презрѣніе русскаго населенія, какъ разстрига. Не смотря на громкій титулъ, территоріальный районъ его владѣній былъ ограниченъ. За годъ до возникновенія княжества Польша отдала въ распоряженіе козачества всѣ земли между рр. Тясминомъ, Тичичемъ и Кіевскимъ Полѣсьемъ, т. е. бывшую территорію полковъ чигиринскаго, каневского, корсунскаго, черкаскаго, уманскаго, калыницкаго и бѣлоцерковскаго. Отсюда не слѣдуетъ заключать,

конечно, что эти земли были в полномъ распоряженіи Польши; но можно заключить, что польское вліяніе было здѣсь сильнѣе турецкаго, и, слѣдовательно, Сарматія не могла имѣть сюда никакихъ дѣйствительныхъ притязаній. Оставалась для нея лишь территория полка брацлавскаго и небольшая часть Подолія, остававшаяся за предѣлами пашалыката. Столицей княжества былъ Немиръ въ, раньше многолюдное мѣстечко, отъ котораго къ описываемому времени сохранились лишь развалины, гдѣ ютилось нѣсколько несчастныхъ полуодичалыхъ еврейскихъ семей. Князь явился въ свое княжество подъ охраной военнаго отряда, состоящаго частью изъ турокъ, частью изъ всякаго сброда, лишкови, волохъ, босняковъ, болгаръ, бѣглыхъ червоно-русскихъ кметей и т. д.; построилъ кое какое помѣщеніе для себя, своего двора и гарема, который онъ держалъ, какъ истинный вассалъ султана. Надо было княжить, а главное жить. Но чѣмъ, т. е. на чей счетъ, жить? Территорія княжества, и въ указанныхъ выше, ограниченныхъ, предѣлахъ, все же была довольно обширна; но населеніе было крайне скудно, и главное— совсѣмъ не расположено платить и постоянно готово сняться со своихъ еще ненасиженныхъ, какъ слѣдуетъ, мѣстъ. По этому поводу вышло столкновение съ брацлавскимъ полковникомъ Коваленкомъ, котораго Хмельницкій убилъ собственноручно; русское поселеніе было возмущено окончательно. Пробовалъ Хмельницкій дѣлать грабительскіе набѣги со своимъ сбродомъ на Червоную Русь, но Польша находилась въ періодъ подъема своего духа, и всюду была такая бдительность и осторожность, что эти набѣги не могли ничего дать. Оставалось прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ въ родѣ прямого обдирательства своихъ подданныхъ. Такихъ подданныхъ, которыхъ стоило бы обдирать, конечно, было немного, но они были. Въ Немировѣ жилъ богатый еврей Аронъ, или Орунъ, торговецъ невольницами; онъ-то и сдѣлался жертвой Хмельницкаго. Однако такая внутренняя политика князя не понравилась туркамъ; они вызвали Хмельницкаго и казнили его. Такимъ образомъ княжество Сарматія покончило черезъ два года свое эфемерное существованіе.

Трудно сказать, сколько правды заключается въ этомъ эффектномъ эпизодѣ столкновенія Хмельницкаго съ Оруномъ, такъ какъ южнорусскіе, польскіе и армянскіе писатели различно рассказываютъ исторію окончательнаго исчезновенія Юрія Хмельницкаго съ исторической сцены. Но самъ Орунъ, какъ типъ, если не какъ индивидуальность, есть несомнѣнная горькая историческая правда. Да нѣтъ основаній заподозрѣвать Оруна и какъ личность, такъ какъ народъ Украины еще въ половинѣ настоящаго столѣтія пѣлъ о немъ:

Буле дивка, Орунъ купить,
Кольби тильки гарна...

Такъ ужасно одичала жизнь на Украинѣ, что матери продавали своихъ малолѣтнихъ дочерей тому или другому Оруну, знакомому съ секретами калотехники, который воспитывалъ изъ простыхъ сельскихъ дивчатъ съ ихъ безыскусственной красотой настоящихъ гаремныхъ одалискъ: создавая цѣлыми годами усилій и соотвѣствующихъ приспособленій уточненную красоту, онъ въ то же время систематически убивалъ въ своихъ воспитанницахъ нравственное чувство, такъ что подобная гурія, вышедшая изъ искусныхъ рукъ своего воспитателя, уже и не мечтала ни о чемъ, кромѣ лѣни и роскоши гарема.

Торговля людьми была до сихъ поръ лишь принадлежностью крымскихъ татаръ; теперь и на Украинѣ стали появляться люди, достаточно предприимчивые и бессовѣстные, чтобы сдѣлать изъ торговли своими братьями источникъ важныя. Можно указать, напр., на Шпака, одного изъ ватажковъ или полковниковъ, который, пользуясь смутой, царившей на Украинѣ въ началѣ 18 го в., вводилъ толпы украинцевъ и продавалъ ихъ въ крымскихъ владѣніяхъ. Имя Шпака до сихъ поръ держится въ народной памяти въ названіи Шпаковѣго шляха по направленію отъ Немирова къ Балтѣ.

Турція еще пыталась было и послѣ Юрія Хмельницкаго назначать отъ себя гетмана, но уже въ 1688 г. въ Немировѣ жилъ въ качествѣ наказнаго козацкаго атамана шляхтичъ Кунецкій, поставленный Собѣскимъ. Районъ турецкаго вліянія, все суживаясь, наконецъ заключается въ Каменецъ-Подольскомъ, не выходя за предѣлы его стѣнъ; самъ городъ находится въ

такой блокадѣ, что турецкій гарнизонъ не могъ, какъ говорится, показать носа за эти стѣны. Такимъ образомъ, когда въ силу Карловицкаго мира, заключеннаго въ 1699 г., край былъ возвращенъ Польшѣ, то туркамъ оставалось только выступить изъ Каменца и ничего больше.

И такъ, къ началу 18-го в. положеніе дѣлъ было такое. Украина снова принадлежала Польшѣ, теперь уже на правахъ завоеваннаго края. Но жизнь, между тѣмъ, успѣла пустить ростки по всей роскошной территоріи Украины, и ростки отъ стараго корневища—тѣ же упорные, русско-козацкіе, не совмѣстимые съ существованіемъ польскаго общественнаго строя. Новое населеніе оцять вязалось въ полки, выбирало полковниковъ и не хотѣло и слышать о подданствѣ: „сама натура каждого хлопа, особенно въ тѣхъ краяхъ, между козаками, всегда побуждаетъ къ бунтамъ противъ пановъ“, какъ выражается одинъ польскій современникъ—шляхтичъ. А въ хаотическомъ броженіи чувствовалось присутствіе направляющаго начала, исходящаго отъ сильной личности одного человѣка, который безъ всякаго уполномочія, признанія гетманскаго титула былъ главнымъ руководящимъ двигателемъ украинской жизни въ данный моментъ. Мы подразумѣваемъ хвостовскаго полковника Семена Палія.

Вмѣстѣ съ талантами дипломата, администратора и полководца Палій соединялъ въ себѣ ту особую силу, которая окружаетъ извѣстныхъ людей обаяніемъ, дѣйствующимъ на души не только современниковъ, но и потомства. У Палія это его обаяніе связано было несомнѣнно съ той его характерной чертой, что онъ не допускалъ противопоставленія козацкихъ интересовъ хлопскимъ, всюду являясь сторонникомъ не козацкой привилегированности, а общенародной независимости. Палій утвердился въ степной части Киевскаго воеводства, примыкающей къ Польшѣ, укрѣпился въ Хвостовѣ и колонизовалъ Хвостовщину. Но ему было, вѣроятно, все таки трудно держаться въ степи, и въ 1689 г. онъ появляется на Польшѣ, пользуясь тѣмъ покровительствомъ, какое здѣсь оказывалось козачеству. И не только въ степи, но и на Польшѣ Палій утвердился такъ прочно, не смотря на жалобы шляхты, на неудовольствіе мѣстнаго козачества, что къ нему и народъ, и шляхта обращались, какъ къ

высшей инстанціи: шляхтичи просили помощи у „вельможнаго пана Палія“ не только въ своихъ затрудненіяхъ по отношенію къ подданнымъ, но и во взаимныхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ. Стало и лѣсное козачество примыкать къ степовой „паліищинѣ“. Остальные полковники организуемыхъ украинскихъ полковъ, Самусь, Искра, Абазинъ видѣли въ Паліѣ свой центръ и подчинялись ему. Свободное степовое козачество росло и крѣпло, а Польша, имѣя подъ бокомъ Турцію, относилась къ этому росту съ благосклонной снисходительностью. Положение рѣзко измѣнилось съ полнымъ вытѣсненіемъ турокъ: къ тому же умеръ и покровитель козачества Собѣскій, за три года до Карловицкаго мира. Тотчасъ же за заключеніемъ этого мира появляется сеймовая конституція, совершенно уничтожающая козачество на всей территоріи польскаго государства, слѣдовательно, не только Полѣсья, но и вновь присоединеннаго Подолья и Украины. Тѣмъ самымъ все населеніе Украины обращалось въ подданство панамъ, которые тотчасъ же должны были явиться, чтобы занять свои старыя имѣнія. Но невозможно было и предположить, чтобъ на этой почвѣ, пропитанной кровью, пролитой за свободу, дѣло могло обойтись мирно. Борьба была неизбежна. Уже въ 1702 г. снова все было въ огнѣ, и Кіевщина, и Брацлавщина, и Подолье, весь край вплоть до Волыни, гдѣ многочисленные земляне успѣли сьорганизоваться во-время и удержать хлоповъ. И Польша, терзаемая снова внутренней войной, не могла справиться съ своими бунтующими подданными: Палій былъ сломленъ лѣвобережнымъ гетманомъ Мазепой. Но еще нѣсколько лѣтъ длились волненія, которыя питались политической смутой, царившей эти годы на сѣверо-востокѣ Европы подъ именемъ великой сѣверной войны. Наконецъ, затихли и эти виѣшніе толчки, волновавшіе несчастный край,— все затихло; старая жизнь замерла окончательно. Но тотчасъ же на смѣну ей ворвалась новая торжествующая во на, которая залила и погребла подъ собой, вмѣстѣ съ козачествомъ, и русскую національную стилию Украины.

А. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО¹⁾.

Начало моей учительской службы.

Приступая съ майской книжки „Кіевской Старины“ этого года къ продолженію своихъ воспоминаній, послѣ трехлѣтняго перерыва, я долженъ бы, придерживаясь хронологіи, начать свои очерки не съ Немировской гимназіи, а съ Виннице ѳ; но такъ какъ гимназія эта въ 1847 г. изъ Винницы переведена въ Бѣлоцерковскую гимназію, то о шестимѣсячномъ моемъ пребываніи въ Винницѣ я предполагалъ рассказать тогда, когда доберусь до Бѣлоцерковской гимназіи, куда я назначенъ въ 1862 году; но нѣкоторые изъ моихъ читателей заявили желаніе познакомиться съ началомъ моей службы раньше этого времени, а потому, уступая такому желанію, я обращаюсь къ гимназіи Винницкой.

Ровно 50 лѣтъ тому назадъ, а именно 9 сентябрю 1844 года, попечителемъ кн. Давыдовымъ подписана бумага о моемъ назначеніи учителемъ русскаго языка въ параллельныхъ классахъ Винницкой гимназіи. Недѣли черезъ двѣ, наканунѣ моего выѣзда изъ Кіева, въ памятномъ всѣмъ намъ, оставшимся въ живыхъ, погребкѣ въ оградѣ Братскаго монастыря собрались друзья, земляки мои, на проводы.

Жаль только, что мнѣ не изъ чего было слишкомъ раскошелиться: 100 рублей третняго, за вычетомъ 10% въ пользу инвалидовъ и за уплатой долга незабвенному ректору В.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 10.

Ө. Оедорову, на оставшіяся деньги сдѣлана была форменная пара, небольшой запасъ бѣлья—и расходъ сталъ равенъ приходу. Накурившись и наговорившись вдоволь, мы прошлись по набережной, покатались по Днѣпру, и конецъ угощенію.

На другой день, по рекомендаціи одного изъ товарищей, въ институтъ явился „попутчикъ“, какой-то панъ Петржицкій. Хотя у меня имѣлась казенная подорожная, но мы условились съ паномъ поѣхать на долгихъ проселкахъ.

Около пяти часовъ вечера къ университетскому зданію подъѣхала жидовская балагула; мы съ паномъ влѣзли въ нее, какъ въ пещеру, и тронулись въ путь. Добрашевъ вызвался провесть меня за городъ. На четвертой верстѣ старой Житомирской дороги мы разстались. Фуръ, фуръ, фуръ! Прощай студенчество! ¹⁾

...Невеселую картину представляло 50 лѣтъ тому назадъ путешествіе по Заднѣпровской Украинѣ. Тяжело и смутно становилось на душѣ при взглядѣ на бѣдныя деревушки, разбросанныя тамъ и сямъ по равнинамъ, на изнуренныя лица крестьянъ, съ рѣзкимъ огпечаткомъ глубокой грусти, свидѣтельствовавшей о крѣпостномъ гнетѣ, тяготѣвшемъ надъ многими поколѣніями. Какой просторъ,какая благодать—и такое стѣсненіе, такая бѣдность!... Пестройно, безпорядочно тѣснятся бѣленькія хатки, разбросанныя безъ всякой симметріи надъ прудомъ по косогору, то прижимаясь любовно одна къ другой, то расходясь на далекое разстояніе, какъ поссорившіеся нищіе. Почти рядомъ съ ними гордо возвышается пышный палацъ, который словно всосалъ въ себя благосостояніе цѣлыхъ поколѣній хлоповъ, оставивъ на ихъ долю бѣдность и нищету. Это жилище магната, но его здѣсь нѣтъ, онъ постоянно живетъ за границей, отдавъ имѣнія свои въ распоряженіе управляющаго, который изъ всѣхъ силъ побивается надъ тѣмъ, чтобы извлечь какъ можно больше доходовъ и для своего патрона, и для себя, не думая о томъ, чего стоитъ народу его усердіе...

¹⁾ Обильный приключеніями путь мой отъ Кіева до Винницы описанъ мною еще въ 1864 г. (Кіевлянинъ №№ 69 и 70). Здѣсь помѣщается уцѣлѣвшій у меня отрывокъ изъ моихъ „путевыхъ впечатлѣній“.

Разставленные по перекресткамъ высокіе размалеванные кресты, именуемые „фигурами“, разными орнаментами, чуждыми православію, живо напомнили миѣ о господствѣ въ краѣ католицизма и о недавнихъ ужасахъ уніи. Огражденные толстыми стѣнами клишторы, имѣющіе видъ военныхъ укрѣпленій, какъ могильные призраки, пугаютъ воображеніе путника, напоминая ему о страшной силѣ іезуитовъ, укрывавшихся за этими „мурами“ отъ праведной кары неутомимыхъ поборниковъ вѣры и независимости Украины—козаковъ. Жиды, по извѣстному проекту іезуита, замѣнивъ собой среднее сословіе, налегли тяжелымъ гнетомъ на крѣпостное населеніе; пользуясь протекціей пановъ, они захватили въ свои хищныя руки всю промышленность страны, сплотившись въ дружную корпорацію тунездцевъ, потребляющихъ производительный трудъ земледѣльческаго сословія. Эти всемірные граждане обрѣли въ Посполитой Речи свою обѣтованную землю; но вытѣснивъ собой среднее сословіе изъ государства, они не только не связали разрозненные члены государственнаго организма—шляхту и хлоповъ, но еще болѣе расширили раздѣлявшую ихъ пропасть...

Вечерѣло. Утомленные лошади приободрились, почувявъ тихое пристанище—„заѣздный домъ“, съ виду очень похожій на мышеловку, какъ всѣ еврейскіе постоянные дворы. Въ переднія ворота мы въѣхали съ большимъ почетомъ: насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ со всѣмъ своимъ семействомъ, суля намъ все, что только можно придумать для комфорта проѣзжающихъ. Предоставивъ пану полную автономію вести переговоры съ хозяиномъ о ночлегѣ, я вышелъ за ворота полюбоваться на картину осенняго вечера и поразмыслить наединѣ объ избранномъ мною поприщѣ педагога. Неясныя мысли о будущемъ невольно смѣшались съ мечтами о прошломъ. Миѣ было невыразимо грустно. Черезъ часъ меня позвали „до коляціи“—ѣсть какую-то марианату-рыбу, по обычаю еврейскому немилосердно пропитанную перцемъ.

На другой день съ сѣвера подулъ сырой и холодный вѣтеръ, пошелъ мелкій и частый дождь, по улицѣ потекли ручьи. Закутавшись съ головой въ студентскую шивель я, хотя уже и

не спалъ, но притворился спящимъ. Монотонное дребезжаніе изломанной ставни, глухое завываніе вѣтра, стукъ дождевыхъ капель въ бумажку, которою заклеено было разбитое стекло. какія-то дикія взвизгиванія и бормотанье стоявшаго на молитвѣ въ сосѣдней комнатѣ шинкаря—все это наводило на душу страшную тоску, напоминая мнѣ о томъ, что беззаботная жизнь въ институтѣ прошла невозвратно...

Историческій очеркъ Винницкихъ школъ до 1832 г.

Народное образованіе въ юго-западномъ краѣ до конца XVI столѣтія было дѣломъ свободной профессіи, не подлежащей контролю правительственной власти, чѣмъ не преминули воспользоваться отцы іезуиты для цѣлей пропаганды и въ началѣ XVII вѣка всецѣло завладѣли образованіемъ юношества. Хотя впоследствии къ нимъ присоединились и другіе монашескіе ордена, но преобладающая роль осталась за послѣдователями Лойолы. Предоставивъ первоначальное образованіе піарамъ, базилианамъ и другимъ монашескимъ орденамъ, они забрали въ свои руки главнымъ образомъ среднее и отчасти высшее образованіе, такъ какъ эти два послѣдніе разряда обученія предназначены исключительно для правящихъ классовъ, которые іезуитамъ необходимо было подчинить своему вліянію, чтобы руководить ихъ дѣйствіями.

Въ 1610 году въ Винницѣ о.о. іезуиты открыли „подъ-окружную“ школу, съ конвиктомъ при ней, на средства Брацлавскаго старосты Калиновскаго. Школа эта сразу обратила на себя вниманіе мѣстныхъ обывателей и стала пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Какъ извѣстно, педагогическая опытность іезуитовъ обратилась въ традиціи, одушевлявшія и ихъ ближайшихъ преемниковъ, такъ что и послѣ изгнанія іезуитовъ (1773 г.) Винницкія школы удержали за собой первенствующее значеніе въ краѣ и въ 1785 году возведены были на степень „окружныхъ“ школъ на мѣсто школъ Житомирскихъ.

Собственно Винницкая гимназія учрежденіемъ своимъ обязана неутомимой дѣятельности Фаддея Чацкаго, который, одна-

кожъ, собравъ для нея значительныя средства изъ пожертвованій магнатовъ (болѣе полмиліона рублей), не дожилъ до ея открытія: онъ умеръ 9 февраля 1813 года. Заведеніе и устройство школъ были пламенной мечтой всей его жизни, посвященной исключительно народному образованію, въ которомъ онъ видѣлъ *szczęście godaków* и о которомъ не переставалъ заботиться, лежа на смертномъ одрѣ. По мысли Чацкого Винницкая гимназія должна была стать для Подоліи тѣмъ, чѣмъ для Волыни впоследствии сдѣлался Кременецкій лицей: „заведеніемъ, готовящимъ юношество сдѣлаться образованными гражданскими дѣятелями“. По плану Чацкого гимназія дѣлилась на 4 годичныя класса и на 4 годичныя курса, обнимавшія высшія науки: философію, физику, науки политическія, мѣстное и римское права и проч. Всѣхъ преподавателей должно было быть 18 чело-вѣкъ, изъ коихъ половина со степенью магистра и доктора. Хотя въ Винницѣ, по Высочайшему повелѣнію, и была открыта гимназія одновременно съ Кременецкимъ лицеемъ, но проектъ Чацкого, по недостатку средствъ, не могъ осуществиться: устройство ново-открытой гимназіи въ первые три года ея существованія представляется далеко не въ такомъ видѣ, въ какомъ желалъ ее видѣть Чацкій.

Гимназія дѣлилась на 6 классовъ, изъ которыхъ первые два были какъ бы подготовительными; въ нихъ преподавалась грамматика польская и латинская, географія и ариметика, учителя назывались „младшими“ и имѣли по 20 уроковъ и получали по 300 рублей жалованья. Въ четырехъ высшихъ классахъ было 5 учителей предметовъ и одинъ (самъ директоръ Мацковский) законоучитель. Одинъ учитель преподавалъ высшую ариметику, геометрію и логику; другой—естественную исторію, физику и химію; третій—науку нравственности, исторію и географію; четвертый—литературу всеобщую и польскую; пятый—исторію литературъ греческой и римской, древности, чтеніе авторовъ. Преподаватели эти назывались „старшими“ и имѣли по 16 уроковъ, получая по 400 рублей жалованья. Затѣмъ были учителя иностранныхъ языковъ: русскаго, французскаго и нѣмецкаго. имѣвшіе по 12 уроковъ и получавшіе по 240 рублей.

Въ такомъ видѣ гимназія просуществовала до 1824 года, затѣмъ, по причинѣ обнаруженнаго въ Виленскомъ университетѣ вреднаго направленія, училища Виленскаго учебнаго округа подверглись радикальному преобразованію, не минувшему и гимназіи Винницкой: высшіе классы были закрыты и оставлены только 4 класса. Наконецъ революція 1831 года прекратила существованіе какъ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній; что же касается низшихъ училищъ, то, по свидѣтельству В. Я. Шульгина, въ нашемъ юго-западномъ краѣ ихъ закрыто 275, не считая школъ монашескихъ и приходскихъ¹⁾.

6 декабря 1832 года въ Винницѣ, по Высочайшему повелѣнію, вновь открыта гимназія по уставу 1828 года, общему для всѣхъ заведеній имперіи, съ коренными русскими преподавателями. Директоромъ ея назначенъ Фовидкій, а инспекторомъ Рябоконовъ. Въ началѣ 1840 года Фовидкаго смѣнилъ учитель русской словесности А. А. Яковлевъ, подъ управленіемъ котораго и началась моя педагогическая служба.

Если пропаганда дореформенныхъ школъ, которыми неутомимый польскій патріотъ Чацкій, какъ сѣтью, опуталъ весь сѣверо-западный и юго-западный край, направлена была къ широко задуманной цѣли—ополченію кореннаго русскаго населенія, то возрожденное образованіе края во образѣ новооткрытыхъ заведеній было направлено къ совершенно противоположной цѣли: новыя училища обязаны были не только расплодить ополченное русское населеніе, но и самихъ поляковъ сдѣлать русскими.

Въ силу такихъ требованій правительственной власти, наша учительская служба въ гимназіяхъ юго-западнаго края, особенно въ 10—15 лѣтъ послѣ реставраціи училищъ, представляла такія трудности, какія не встрѣчаются въ чисто русскихъ губерніяхъ. Тамошніе преподаватели, преслѣдуя одни научно-воспитательныя цѣли,—которые, собственно говоря, и должны составлять главную задачу педагогической дѣятельности каждаго наставника,—не знаютъ тѣхъ часто непреодолимыхъ пре-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1882 г.; Кбилейная записка Каменецъ-Подольской гимназіи Михалевича и Подольская гимназіи въ Винницѣ его же. 1890 года.

пятствій, на которыя наталкивались мы, служившіе въ ополяченномъ краѣ лѣтъ 50 тому назадъ. Упорныя и неутомимыя дѣйствія католическо-польской пропаганды, шедшія въ разрѣзъ съ нашими чисто-русскими стремленіями, тормозили и парализовали всѣ наши усилія. Невольно опускались руки и терялась энергія, когда приходилось убѣждаться, что самыя блестящія успѣхи нашихъ питомцевъ не только не приносили ни малѣйшей пользы русскому дѣлу, но совершенно напротивъ: каждый изъ нашихъ учениковъ чѣмъ больше развивался, тѣмъ болѣе становился способнымъ вредить русскому дѣлу въ краѣ. 1863 годъ служить тому доказательствомъ.

Винницкая гимназія въ 1844—45 году.

Difficile est satyram non scribere.

Добравшись до Винницы, я остановился неподалеку отъ гимназіи въ одномъ изъ множества „заѣздныхъ домовъ“. Хотя въ настоящее время, съ проведеніемъ желѣзной дороги, городъ этотъ между уѣздными городами Подольской губерніи считается однимъ изъ лучшихъ, но въ 40-хъ годахъ онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ городовъ юго-западнаго края. Безобразно скученные постоянные дворы, крытые черепицей и соломой, улицы кривыя, узкія, наполненные навозомъ и падалью, казалось, предназначены были скорѣе для стойла скотамъ, чѣмъ для сообщенія людямъ; полуразвалившіяся лачуги безъ дворовъ и заборовъ, беспорядочно разбросанныя по окраинамъ, вездѣ смрадъ и нечисть призвели на меня удручающее впечатлѣніе.

Отбившись отъ нашествія цѣлой оравы жидовъ, съ нахальствомъ предлагавшихъ свои товары, и напившись чаю изъ грязнѣйшаго самовара, я легъ спать, но увы! провозившись всю ночь съ насѣкомыми, не могъ уснуть ни на минуту.

На другой день, разбитый дорогой и изнуренный бессонницей, облекшись въ дѣвственный виць-мундиръ, я отправился представитья начальству; но попасть къ нему не такъ то было легко, какъ мнѣ казалось. Встрѣтилось непреодолимое препят-

ствіе: черезъ улицу, отдѣлявшую постоянные дворы отъ гимназіи и представлявшую на сей разъ подобіе огромнаго корыта, доверху наполненнаго жидкою грязью, мнѣ никоимъ образомъ нельзя было перебраться въ мелкихъ калошахъ, въ какихъ въ семь іудейскомъ градѣ никто не ходилъ, вооружаясь охотничьими сапогами съ высокими голенищами. Видя меня, въ раздумьи стояща на берегу этого мертваго моря, ко мнѣ подошелъ, шлепая по колѣни въ грязи, жидокъ съ метелками и щетками и за „злотувку“ предоставилъ въ мое распоряженіе свою спину для переправы черезъ улицу. Я обхватилъ его за шею руками, а онъ взялъ подъ колѣнки мои длинныя ноги и такимъ манеромъ перенесъ меня на тротуаръ подъ гимназическую ограду. Вошедши въ гимназическій дворъ, я былъ пораженъ непривлекательнымъ видомъ сего святилища наукъ: облупленныя стѣны, разбитыя стекла, полуразвалившіяся надворныя постройки, соръ, нечистота — все это скорѣе напоминало кievскія арестантскія роты, чѣмъ учебно-воспитательное заведеніе. По двору, вмѣстѣ съ учениками, ходили коровы и свиньи, а въ недостроенномъ костелѣ помѣщались директорскія лошади. Мнѣ указали квартиру директора, но тутъ-же одноглазый сторожъ въ рваномъ полушубкѣ добавилъ, что я напрасно такъ рано пришелъ — „они еще почиваютъ“. А вѣдь было уже болѣе девяти часовъ. По длинному темному коридору, напоминавшему тунель, я отправился въ канцелярію дожидаться пробужденія его высокородія; но прежде чѣмъ попасть туда, я долженъ былъ выдержать бой съ дикою козой, которую, потѣхи ради, г. директоръ держалъ на коридорѣ и которая сильно бодалась при встрѣчѣ съ незнакомыми. Проходя мимо директорской кухни, я услышалъ визгливый бабій крикъ и плачь множества дѣтей. Хотя производитель сего многочисленнаго семейства спалъ на другой половинѣ квартиры, но все-таки нельзя было не подивиться, какъ онъ могъ спать при такомъ содомѣ. Ровно въ половинѣ одиннадцатаго „они“ изволили проснуться и въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ, пожаловать въ канцелярію подписывать бумаги. Процесомъ этого подписыванія, какъ я узналъ потомъ, и ограничива-

лась педагогическая дѣятельность г. директора на пользу молодого поколѣнія.

Личность моего перваго начальника не внушила мнѣ страху. Маленькая, тщедушная фигурка лѣтъ сорока, съ большущими ушами и вздутымъ вверхъ хохолкомъ, съ выдающеюся впередъ нижнею челюстью, напоминала скорѣй обезьяну, чѣмъ директора гимназіи. Не смѣя долѣе отнимать у начальства драгоцѣннаго времени, я откланялся и пошелъ отыскивать инспектора въ томъ же корпусѣ.

Сей второй чинъ училищной администраціи своею массивностію представлялъ совершенный контрастъ съ неказистой наружностію директора. Не смотря, однакожь, на свой исполнскій рѣстъ, вся фигура его отъ чрезмѣрной толщины казалась какъ бы приплюснутой. Словно подъ ударомъ 30-типудовой шелепуги, голова его съ пивной котель вдавлена между могучныхъ плечъ, которыя, вслѣдствіе такого насильственнаго давленія сверху, поднялись да такъ и остались приподнятыми навсегда. Лицо тоже базалось приплюснутымъ, и скулы его жирныхъ щекъ пошли какъ бы врозь. Ходилъ онъ съ перевальцемъ легко и игриво расшаркиваясь, какъ будто онъ собирался танцевать французскую кадрили. Голосилъ онъ сильнымъ отъ одышки голосомъ. Для перваго знакомства инспекторъ заявилъ, что онъ—товарищъ по ученію знаменитаго математика Остроградскаго, рассказавъ при этомъ анекдотъ изъ школьной жизни, указывавшій на ихъ близкія отношенія. Но этимъ анекдотомъ, какъ равно и тѣмъ фактомъ, что онъ былъ учителемъ Гоголя—ничто не доказано: случайное сближеніе съ знаменитостями нисколько не возвысило въ моихъ глазахъ этого толстяка, никогда, повидимому, не думавшаго о наукѣ и поэзіи, а угождавшаго лишь своему необъятному чреву. Это былъ тотъ самый педагогъ, который въ концѣ 20-хъ годовъ былъ нѣкоторое время учителемъ географіи въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ и котораго Гоголь въ письмѣ къ В. В. Тарнавскому называетъ „Мазепичемъ Самойленкомъ“¹⁾.

¹⁾ Вообще авторъ „Мертвыхъ душъ“ весьма мало уважалъ своихъ наставниковъ, ничему его не научившихъ. „Существователи, населяющие Нѣжинъ (говоритъ

Супруга Мазепича Антонина, принявшая православіе католичка, хотя уже особа не первой молодости, но до крайности сантиментальная, мечтавшая о гусарахъ и метавшая томные взоры изъ-подъ черныхъ бровей. Въ припадкѣ супружеской нѣжности Алексѣй Миничъ называлъ ее черноокою Ниной.

Нерадостныя мысли о будущемъ смѣнились заботами о настоящемъ: нужно было пріискать квартиру и устроить свое холостое хозяйство. На постояломъ дворѣ я не могъ оставаться ни одного дня; при мысли о жидкахъ и клопахъ, меня бросало въ дрожь и лишало возможности сосредоточиться. Но какъ мнѣ пуститься на поиски за квартирой, когда и до постоялаго двора нельзя добратся? А тутъ какъ на зло и верхового жидка не случилось.

Грустный и обезкураженный ходилъ я подъ „мурами“, не зная, что предпринять въ сей странѣ враждебной, какъ вдругъ совершенно неожиданно столкнулись мы съ кievскимъ моимъ пріателемъ *М. В. Покорскимъ*: почти одновременно со мною онъ былъ назначенъ уѣзднымъ Винницкимъ судьей и, пріѣхавъ пока одинъ безъ семьи, очутился въ такомъ же невеселомъ настроеніи, какъ и я. Вотъ такъ встрѣя! Радости моей не было границъ, а судья отъ сильнаго душевнаго волненія даже прослезился. Въ концѣ тротуара его ожидали лошади, такъ какъ къ самому суду подѣхать не было никакой возможности, не утопивъ лошадей. Не заходя на постоялый дворъ, я послалъ мишуриса за вещами и переселился на квартиру Максима Васильевича и прожилъ тамъ около двухъ недѣль, до пріѣзда его семейства.

Жизнь моего пріателя была преисполнена такихъ превратностей, что онъ не могъ не сдѣлаться нѣсколько страннымъ и своеобразнымъ, что не мало вредило его служебной карьерѣ. Хотя онъ и не происходилъ изъ духовнаго званія, но за немнѣишемъ въ оное время свѣтскихъ училищъ, получалъ образо-

---

онъ)—созданія низкой неизвѣстности и между этими существователями я долженъ пресмыкаться; изъ нихъ не исключаются и *дорогіе наши наставники*“.

ваніе въ Кіевской духовной академіи, гдѣ одновременно съ нимъ находился и знаменитый въ послѣдствіи іерархъ Иннокентій Борисовъ. По рассказамъ судьи, будущій русскій Массильонъ еще во время своего студенчества обратилъ на себя вниманіе ораторскимъ даромъ. Въ памяти старика живо сохранилось впечатлѣніе, которое произвелъ онъ своимъ надгробнымъ словомъ надъ умершимъ товарищемъ ехронту, ибо всѣ знали, что Борисовъ до полуночи провелъ время въ знакомомъ семействѣ.

По окончаніи академіи М. В—чъ вступилъ въ гражданскую службу. Когда я познакомился съ нимъ въ Кіевѣ въ 1842 году, онъ былъ въ отставкѣ и жилъ въ большой нуждѣ съ большимъ семействомъ, не смотря на то, что 18 лѣтъ прослужилъ въ должности исправника, тогда какъ другіе на подобной должности наживали большія деньги. Проживъ въ отставкѣ около пяти лѣтъ, на средства своего брата, губернскаго лѣсничаго, въ домѣ скряги тестя, онъ, наконецъ, по протекціи дальняго родственника, извѣстнаго поэта Подолинскаго, снова получилъ мѣсто исправника въ летичевскомъ уѣздѣ; но едва онъ успѣлъ переселиться въ Летичевъ, какъ его швырнули въ самый отдаленный уѣздъ подольской губерніи, въ Балту, а черезъ четыре мѣсяца его перемѣстили въ Брацлавъ, и убѣдясь окончательно, что для должности исправника онъ не годится, его назначили уѣзднымъ судьей въ Винницу. Если каждое перемѣщеніе многосемейнаго чиновника, какъ говорится, стоитъ одного пожара, то почтенный М. В—чъ, перемѣщенный втеченіе одного года четыре раза, перенесъ 4 пожара и очутился въ Винницѣ, яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего.

Съ переѣздомъ изъ Брацлава семейства судьи, я долженъ былъ прискаты себѣ квартиру, но мои поиски не имѣли успѣха. Войдя въ мое положеніе, директоръ предложилъ мнѣ казенное помѣщеніе въ „мурахъ“, рядомъ съ инспекторскою квартирою, куда я и перевезъ свою мизерію.

Прощаясь съ „судьей праведнымъ“, въ благодарность за гостепрѣимство, я вручилъ ему стихотвореніе, написанное мною

въ Кіевѣ, на Щекавицкомъ кладбищѣ, на могилѣ любимаго товарища, студента Андриуши Блотвицкаго, брата жены судьи:

День догоралъ послѣдними лучами,
Надъ Кіевоиъ—святая тишина,
Зажглося небо звѣданными огнями,
Изъ-за лѣсовъ проглянула луна.

Дѣлпръ не шумитъ мятезными волнами,
Беломолюствуютъ крутые берега,
Заснуло все надъ ясными водами—
И темный лѣсъ, и горы, и луга.

Съ тоской въ душѣ сдѣлалъ я на могилѣ,
Гдѣ вѣчнымъ своимъ поклонялся мой другъ,
Онъ цвѣлъ недавно свѣжестью и силой—
И вдругъ угасъ безъ славы и заслугъ...
Зачѣмъ со мной по прежнему, мой милый,
Ты не раздѣлишь вѣчный свой досугъ?..

Въ зданіяхъ бывшаго іезуитскаго монастыря, гдѣ помѣщалась Винницкая гимназія, въ продолженіе двухъ столѣтій ютились учебныя заведенія разныхъ наименованій. Обнесеныя толстою каменною оградой, съ тремя выхолонными монахами садами и обширной недостроенной церковью, зданія эти, послѣ изгнанія іезуитовъ, поступили въ вѣдѣніе училищной администраціи и по недостатку средствъ на ихъ содержаніе годъ отъ году ветшали, а съ учрежденіемъ въ Винницѣ въ 1795 году Брацлавскаго намѣстничества окончательно пришли въ упадокъ: въ нихъ размѣстили присутственныя мѣста, казначейство, тюрьму, провіантскій магазинъ и проч. Хотя съ учрежденіемъ губерній всѣ эти казенныя вѣдомства переведены въ Каменецъ-Подольскъ и опустѣвшія зданія вновь поступили въ учебное вѣдомство, но въ такомъ плачевномъ видѣ, что никакіе ремонты не могли уже имъ возратить того благоустройства, какимъ отличались они въ продолженіе полутора столѣтій іезуитскаго господства. А все таки помѣщенія Винницкой гимназіи до 1832 года были еще довольно обширныя, о чемъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ концѣ 20-хъ годовъ она занимала 14 большихъ залъ, а подъ квартирами служащихъ находилось болѣе 30 комнатъ.

Предоставленная мнѣ директоромъ комната, вѣроятно, бывшая келія какого-либо монаха, представляла мрачную тюремную

камеру, объ одномъ окнѣ, съ видомъ на р. Бугъ; въ стѣнахъ двухъаршинной толщины находились глубокая ниша и два огромныхъ шкапа; въ нишѣ я поставилъ треногую кровать, обязательно предложенную мнѣ инспекторомъ, а шкапы обратилъ въ владовую и гардеробную. Жаль только, что нечего было туда прятать.

Рядомъ съ моей квартирой въ другой такой же келіи съ перегородками помѣщался учитель ариметики Осипъ Артамоновичъ Волковскій, съ нареченной племянницей Дызей. Не успѣлъ я осмотрѣться на новосельѣ, какъ отворилась дверь, и ко мнѣ вошелъ толстенкій господинъ, держа въ рукахъ поднось, на которомъ стоялъ графинчикъ съ водкой и тарелка съ маринованными грибами. Это и былъ мой сосѣдь Волковскій.

— Здравеньки булы, колега, а я оце до васъ по сусидски—съ хлибомъ-солью.

И наливъ двѣ рюмки, сталъ подчиваться. Усадить дорогого гостя было не на чемъ, и онъ долженъ былъ сѣсть на полу, на разостланной шинели. Новый мой знакомый оказался великимъ балагуромъ. Анекдотъ за анекдотомъ, одинъ другого скабрзньѣ, сыпались, какъ изъ мѣшка. Уроженецъ юго-западнаго края, сынъ воссоединеннаго попа уніата, воспитанникъ уманской базилянской школы, этотъ забавникъ подъ маской полишинеля скрывалъ глубокое знаніе быта разношерстнаго народонаселенія правобережной Украины. Онъ основательно изучилъ нравы и обычаи польской шляхты и православнаго сельскаго люда, а также многочисленнаго іудейскаго племени; вращаясь въ кругу католическаго и уніатскаго духовенства, онъ имѣлъ полную возможность познакомиться съ закулисною жизнью есендзовъ и монаховъ, а равно и съ бытомъ ополяченнаго духовенства православнаго. Вотъ отъ чего смѣшившіе иногда до слезъ анекдоты Волковскаго, не смотря на ихъ скоромное содержаніе, были такъ характерны, такъ занимательны ¹⁾. Надобно впро-

¹⁾ Въ предисловіи къ пословицамъ, изданнымъ въ 1874 году Номисомъ, о немъ сказано: „Небизчикъ Волковскій славился, яко великій мистецъ розказувать казки, брехеньки и т. п. Винъ записавъ въ 10 книгъ“ (600). Изъ нихъ издатель избралъ около 400.

чемъ замѣтить, что тѣ самые анекдоты, которые были такъ неподражаемо забавны въ устахъ рассказчика, viva voce, будучи положены имъ на бумагу, теряли всю свою соль: даровитый рассказчикъ оказался плохимъ писакой.

Понятно, что отъ такого наблюдательнаго и остраго ума не могли укрыться и закулисныя тайны его сослуживцевъ. Онъ все зналъ: и сколько у директора остается въ карманѣ рублей отъ покупки дровъ, тогда какъ наставники и ученики всю зиму сидятъ въ нетопленныхъ классахъ въ шубахъ и въ калошахъ; сколько они съ инспекторомъ получаютъ отъ пановъ провизіи и какъ варварски поступаютъ съ содержателями общей квартиры, и съ кѣмъ холостые учителя ведутъ любовныя шашни и т. д.

Наслушавшись отъ непрошеннаго гостя разныхъ мерзостей, я сразу ознакомился съ той средой, въ которой мнѣ суждено вращаться, и, какъ черепаха, замкнулся въ своей скорлупѣ. Я былъ слишкомъ молодъ и свѣжъ душой, слишкомъ идеалистъ для того, чтобы, по пословицѣ, живя съ волками, завывать по-волчьи. Идеалы, взлелѣянные въ камерѣ института о нравственномъ долгѣ, о призваніи педагога, объ общественной пользѣ и т. п., при столкновеніи съ пошлостію и грязью, стояли у меня на стражѣ, не допустивъ сразу окунуться въ это болото. До глубины души я возненавидѣлъ свое начальство, но по необходимости долженъ былъ затаить свою ненависть, не отваживаясь протестовать противъ подлости, лѣни и nepотизма, частію изъ опасенія прослыть Донъ-Кихотомъ, частію, слѣдуя мудрому Талейрановскому изреченію: *les paroles sont faites pour cacher nos pensées*. Не безопасно было мнѣ, маленькому человѣчку, противу рожна прати. По поводу моего вступленія въ должность собрался педагогическій совѣтъ для распредѣленія уроковъ между преподавателями — и тутъ-то мнѣ на собственной кожѣ пришлось убѣдиться, что параллельный учитель есть такое вычное животное, на которое можно взваливать столько тяжести, сколько помѣстится на его спинѣ. Пользуясь тѣмъ, что пріѣхалъ свѣжій человѣкъ, каждый коренной преподаватель навалилъ навязать ему часть своихъ уроковъ, такъ что на мою долю пришлось 19 полуторачасовыхъ уроковъ: языковъ русскаго, славян-

сваго и латинскаго, и древнѣйшей исторіи востока. Отъ преподаванія статистики въ 6-мъ классѣ я едва отбился—и все это за 300-рублевое жалованье!

Въ томъ же засѣданіи прочитана была бумага изъ округа, съ требованіемъ доставить свѣдѣнія о достоинствахъ и недостаткахъ грамматикъ Греча и Востокова. Замѣтивъ мою податливость, г. предсѣдатель обратился ко мнѣ съ предложеніемъ написать мнѣніе объ этихъ учебникахъ. Видя, что навъключиванію не предвидится конца, я наотрѣвъ отказался, приводя такіе резоны, что мнѣ, не приступившему еще къ преподаванію, никоимъ образомъ не приходится писать рецензію на учебники, не испробовавъ ихъ пригодности на практикѣ, что для этого есть на лицо коренной преподаватель русскаго языка Персидскій, болѣе меня компетентный: ему и книги въ руки; притомъ, если начальству вздумается затребовать отъ совѣта мнѣнія о руководствахъ по другимъ предметамъ, ключки которыхъ достались мнѣ, то, пожалуй, пришлось бы и о нихъ писать мнѣніе, помимо спеціалистовъ.

— Все это такъ, сказалъ вздохнувши директоръ, но вы на сей разъ пожалѣйте старика Константина Андреевича—онъ не въ состояніи написать.

— Вы, М. К-чъ, напишите, а я подпишусь, и будетъ ладно, прибавилъ отъ себя К. А-чъ.

— Ну, нѣтъ! еслибы я взялся написать рецензію на руководства, то я бы и подписался; зачѣмъ же дѣлать подлогъ?

— Коли вы не желаете уважить мою просьбу, сказалъ надувшись директоръ, то я самъ напишу.

Такимъ образомъ „волчьи зубы“, которыми профессоръ Ставровскій, напутствуя насъ на службу, совѣтовалъ вооружиться, на сей разъ мнѣ очень пригодились.

И потекла утомительно-однообразно моя жизнь, размѣренная по звонку на часы, дни, мѣсяцы и годы; и потянулъ я ляжку, вѣрный данной присягѣ, не щадя живота своего, не уклоняясь отъ своихъ обязанностей ни сѣмо, ни овамо, да такъ, съ помощію Божіей, и протянулъ слишкомъ тридцать лѣтъ.

Еще о директорѣ. У нашего начальника было огромное семейство: куча золотушныхъ дѣтей, не мытыхъ и обшарпанныхъ, постоянно колошилась на коридорѣ. Г-жа директорша, произведя ихъ на свѣтъ, считала свое назначеніе оконченнымъ, не включая въ кругъ материнскихъ обязанностей ихъ воспитаніе. Мужъ тоже, „имѣя много дѣлъ“, не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Изъ семи, кажется, сыновей директора, при всемъ желаніи учителей угодить папашѣ, только одинъ достигъ VII класса, прочіе же повыходили изъ третьяго и четвертаго класса и, натворивъ множество безобразій, погибли безслѣдно. Благодаря богатымъ пансіонерамъ и негласнымъ доходамъ, домъ винницкаго директора былъ полная чаша. Супруга его Варвара Федоровна, надобно отдать ей справедливость, слыла великой мастерицей заказывать вкусныя блюда. Образъ жизни нашего премьера ничѣмъ не обнаруживалъ представителя ученаго сословія, а тѣмъ паче опытнаго педагога, обязаннаго, въ силу даннаго ему полномочія, руководить учебно-воспитательнымъ дѣломъ. Чтб онъ тамъ писалъ въ своей канцеляріи, куда приходилъ два раза въ недѣлю въ почтовые дни, обыкновенно въ халатѣ и съ трубкою въ зубахъ — объ этомъ знало лишь окружное начальство и, судя по получаемымъ имъ наградамъ „за отличіе“, оно, должно полагать, было совершенно довольно его службою. Что же касается насъ подчиненныхъ, то мы видали своего директора только на вечерахъ у семейныхъ учителей, въ качествѣ почетнаго гостя, да по воскресеньямъ у него за обѣдами, на которые обыкновенно по праздникамъ приглашались холостые педагоги г-жей директоршей. Впродолженіе семимѣсячной моей службы въ Винницѣ, я видѣлъ его у себя на урокѣ всего одинъ разъ и то по случаю вступленія въ должность новоизбраннаго дворянствомъ почетнаго попечителя, котораго слѣдовало хоть одинъ разъ за все трехлѣтіе поводить по классамъ.

Возьмемъ на выдержку одинъ день изъ жизни нашего Аристарха Александровича—и мы опредѣлимъ всю его дѣятельность. Вставалъ онъ въ 10 часовъ, пилъ чай или кофе; если день былъ не почтовый, въ 11 часовъ накидывалъ на халатъ шинель и

выходилъ на гимназическій дворъ, какъ разъ во время выхода учениковъ изъ класса, здоровался съ преподавателями и, напросившись къ кому-нибудь изъ нихъ на вечеръ, дѣлалъ небольшой моціонъ, обѣдалъ въ часъ и ложился отдыхать. Къ пяти часамъ, т. е. къ концу послѣобѣденныхъ уроковъ, опять выходилъ на дворъ, и тутъ уже окончательно коллегіально рѣшался головоломный вопросъ: у кого собраться вечеромъ поиграть въ карты и поужинать. Если же случалось, что г. директоръ въ „урочные часы“ не показывался на дворѣ, это означало, что онъ въ тотъ день отправлялся играть въ преферансъ къ гусарамъ по злотому фѣшкю.

Неужели, спросить читатель, въ округѣ ничего не знали, не вѣдали о томъ, что творилось по гимназіямъ? Уже-ли не существовало никакого контроля, въ родѣ внезапныхъ ревизій? Какъ не быть! были и ревизіи, но директора трудно было заставить врасплохъ, такъ какъ у него въ канцеляріи попечителя были на жалованьи доброжелатели, всегда готовые своевременно извѣстить о грозящей опасности. Одно изъ такихъ предостереженій было получено въ февралѣ. Еще за недѣлю до ожидаемой ревизіи (которая почему-то, однакожь, не состоялась), у насъ замѣтно стало какое-то оживленіе: начали ежедневно топить печи, вставили разбитыя стекла, сняли съ половъ на полвершка грязи, набили свѣжей соломой тюфяки въ дортуарахъ общей бвартиры, да стали сноснѣе кормить воспитанниковъ—вотъ и всѣ приготовленія. Больше ничего отъ начальника заведенія и не требовалось: за учебную часть отвѣтствовали преподаватели, за нравственную или, лучше сказать, за полицейскую—инспекторъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КУДОЯРОВА ПЕЩЕРА¹⁾.

(РАЗСКАЗЪ—ПРЕДАНИЕ).

„Что старина, то и дѣвье!
Синему морю на утѣшенье,
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье!“

I.

Въ путь-дорогу!

Не успѣло еще майское солнце освѣтить своими живительными золотистыми лучами верхушки густыхъ лѣсовъ, сплошною стѣною облежавшихъ два столѣтія тому назадъ Новгородъ-Сѣверскій, какъ въ домѣ сотника Давида Пушкаренка началось небывалое движеніе и суматоха.

Многочисленная женская прислуга то и дѣло выбѣгала изъ „господы“ сотникова жилья съ узлами и скрынками и направлялась къ стоявшему передъ низенькимъ съ навѣсомъ крылечкомъ огромному возку. Все выносимое изъ дому принималъ отъ дивчаты сѣдоусый, но бодрый еще козакъ Охримъ Носъ, уже многіе годы исполнявшій роль сотникова кучера, и помѣщалъ въ огромный кузовъ допотопнаго экипажа.

---

¹⁾ Предлагаемый вниманію читателей рассказъ основанъ на преданіи, связанномъ съ возвышеннымъ холмомъ, на которомъ расположена церковь села Голубовки, Новгородсѣверскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Это преданіе занесено въ „Лѣтопись селъ Голубовки и Березки“, составленную мѣстнымъ священникомъ о. І. Максимовичемъ. За возможность воспользоваться лѣтописью приносимъ искреннюю благодарность Р. Г. Бѣловскому.

Между тѣмъ въ просторныхъ сѣняхъ двѣ молодицы, одѣтыя въ пестрыя плахты и ярко-краснаго цвѣта очипки, блистая ослѣпительною бѣлизною разшитыхъ „въ крестикъ“ сорочекъ, поскрипывая сафьянными съ панской ноги сапожками, накрывали грязноватаго цвѣта, но безукоризненно-чистою скатертью огромный дубовый столъ и ставили на немъ деревянныя и глиняныя тарелочки и миски съ обильнымъ и разнообразнымъ завтракомъ.

Изъ двери налѣво отъ входа въ сѣни вышла пани сотникова, еще молодая, лѣтъ двадцати шести-семи, женщина средняго роста, смуглая брюнетка, съ обворожительными продолговатыми карими очами, сверкавшими изъ-подъ красиво очерченныхъ бровей. Отъ всей ея на-диво сложенной фигуры вѣяло тѣмъ особеннымъ малорусскимъ здоровьемъ и задоромъ, о которыхъ—увы! нынѣшнимъ новгородсѣверянкамъ приходится безплодно вздыхать, какъ о потерянномъ и невозвратимомъ раѣ.

Вслѣдъ за нею вышелъ высокаго роста, лѣтъ около шестидесяти, угрюмый и суровый павъ сотникъ, одѣтый въ жупанъ тонкаго темносыяго сукна и въ безконечно-широкіе шаровары, запущенные въ высокіе сапоги. Изъ-подъ разстегнутаго жупана выглядывала мереженная строчка рубахи, завязанной у ворота темно-красною широкою лентою. Въ костюмѣ и во всей фигурѣ сотника, не смотря на суровость и угрюмость изрытаго морщинами лица, замѣчалось особаго сорта франтовство и желаніе молодиться.

Мужъ и жена помолились на образъ, висѣвшій въ правомъ углу, сѣли на деревянной скамьѣ и молча принялись за „снѣданье“.

— Не забыла ли ты, Настя, чего? прервалъ молчаніе и ѣду сотникъ, обращаясь къ женѣ. Онъ положилъ на столъ деревянную ложку и краемъ скатерти вытеръ губы.

— Кажись, ничего не забыла,—отвѣтила ему пріятнымъ груднымъ голосомъ жена.

— А деньги куда спрятала?

— Положила въ маленькую скриньку и велѣла Охриму поставить ее въ сидѣнья.

Наступило молчаніе, къ которому такъ часто бывають расположены предъ отъѣздомъ, когда, кажется, все ужъ уложено, а думается, что кое-что и забыто.

— Смотри жъ, говорилъ Пушкаренко Настѣ, вставая изъ-за стола и крестясь въ тотъ-же уголь: не забудь дороги. Сважи Охриму, чтобъ держалъ изъ Новгородѣа прямо на Жиховъ, а оттуда поѣдете на Голубовку и Сѣвскъ. Смотри, чтобы не сбиться на другую дорогу; она хоть и короче, да не такъ безопасна отъ лихихъ людей.

Минуть черезъ двадцать одѣтая по дорожному пани сотникова сидѣла на грудѣ подушекъ, которыя положены были сверхъ сѣна и узловъ, въ тяжеломъ возку, запряженномъ тройкою сытыхъ, но низкорослыхъ коней.

На возлахъ, сооруженныхъ изъ сѣна и кожуха, касаясь длинными ногами почти оглоблей, возсѣдалъ Охримъ съ длиннымъ батогомъ и трубкою въ зубахъ, одѣтый, не смотря на припекавшее солнце, въ кобенякъ изъ толстаго и грубаго темнокоричневаго сукна. За возкомъ сидѣли на тощихъ коняхъ четыре козака, въ простыхъ сѣрыхъ жупанахъ, въ высокихъ шапкахъ, съ мушкетами за плечами и саблями на боку—проводятыя пани сотниковой.

— Смотрите жъ, хлопцы, не зѣвайте!—говорилъ проводятымъ Пушкаренко: будьте осторожны при переѣздахъ черезъ лѣса и балки: тамъ всегда любятъ скрываться лихіе люди.—А ты, Охримъ, обратился онъ къ кучеру: не спи, а погоняй коней, да не вывори пани въ балку или рѣчку!

— Ото что выдумали! запротестовалъ Охримъ, вынимая изо-рта люльку и смачно сплевывая на землю.

— Знаю я тебя, старый сычъ! не то строго, не то шутивно произнесъ сотникъ и, перекрестивъ жену, проговорилъ: Ну, трогайтесь съ Богомъ! Прощай, Настя! „Бувай здорова и благополучна!“

Хлопнулъ кнутъ, заскрипѣлъ возокъ и выѣхалъ изъ воротъ сотникова двора. Вся челядь высыпала за ворота и проводжала уѣзжавшихъ низкими поклонами и всякаго рода напутственными пожеланіями.

Уже давно возокъ скрылся въ облакѣ пыли, поднятой конями, а сотникъ стоялъ у воротъ, прикрывъ лѣвою рукою глаза и всматриваясь въ даль. На душѣ у него было невыразимо тяжело. Онъ не могъ объяснить, почему сегодня, когда состоялась наконецъ давно задуманная поѣздка жены въ Сѣвскъ, ему сдѣлалось такъ грустно, тогда какъ до того онъ равнодушно принималъ мысль объ этой поѣздкѣ. Правда, онъ впервые разстался надолго съ своею Настею послѣ семилѣтней супружеской жизни; правда, онъ горячо любитъ свою „ясную голубку“, какъ про себя называлъ свою жену,—но вѣдь это онъ зналъ и до того времени, какъ готовилась Настя къ путешествію. Отчего же сегодня ему такъ мучительно тяжело дышать, отчего на душѣ у него такъ „нудно?“.

— Охъ! горечко тяжелое да и только! вздохнулъ онъ и, поникнувъ головой, долго стоялъ у воротъ осиротѣвшаго, какъ ему казалось, двора.

II.

Грезы прошлаго и плѣнь.

Взгрустнулось и пани сотниковой.

Уже далеко позади остался Новгородокъ, гордо выставивъ на показъ всему Божьему люду свой Спасопреображенскій монастырь съ грозными башнями и стѣною; уже давно возокъ переправился по шаткому парому черезъ довольно полноводныя рѣки Деспу и Выть; а она все думала объ оставленномъ домѣ, о мужѣ.

Живо представлялось ей, какъ ея старый, вѣчно угрюмый и молчаливый мужъ войдетъ въ опустѣвшій домъ, какъ онъ будетъ вспоминать о ней, Настѣ, когда сядетъ за одинокій обѣдъ, какъ онъ будетъ тосковать по ней въ тѣ долгіе дни, которые она проживетъ у своихъ родителей въ Сѣвскѣ.

При мысли о родителяхъ, съ которыми она не видѣлась ни разу за семь лѣтъ супружеской жизни, думы Насти приняли другое направленіе.

— Что-то увидитъ она въ родномъ Сѣвскѣ? Много ли перемѣнъ произошло въ немъ? Многія ли изъ ея подругъ повыходили замужъ? Какъ живется имъ въ замужествѣ? Не такъ ли горько и однообразно скучно, какъ жилось семь лѣтъ ей, Настѣ, женѣ сотника, въ противномъ Новгородкѣ?

И предъ Настею сразу встали двѣ картины изъ прошлаго ея жизни.

Вотъ окутала Сѣвскъ очаровательная, теплая майская ночь. Въ садахъ, далеко бросающихся отъ себя тѣнь, въ кустахъ распѣвшей сирени раздаются чудныя пѣсни соловья, полныя неудовлетворенной любви, полныя томительнаго ожиданія тайныхъ свиданій. А тутъ это чудное молчаливое небо съ мирадами мигающихъ, искрящихся и смѣющихся звѣздъ! Боже, какъ хорошо въ такую майскую ночь! Но сѣвцы, утомленные мелочными дневными заботами, сладко спятъ въ своихъ душныхъ домикахъ-хаткахъ и не слышатъ страстныхъ призывовъ природы любить и грезить.

Не спитъ лишь Настя. Она сидитъ подъ роскошною березкою въ отцовской левадѣ, а рядомъ съ ней ея чернобровый козакъ, ея ненаглядный Михайликъ.

— Слушай, Настя,—говоритъ онъ, сжимая ее въ могучихъ объятяхъ: коли батька не отдастъ тебя мнѣ, коли онъ покорыствуется богатствомъ и панствомъ Новгородскаго сотника Пушкаренка, то будетъ большая бѣда! Загублю я свой вѣкъ козацкій, брошу старуху-мать, уйду изъ Сѣвска на вѣки вѣчные, но будутъ знать меня люди, разбившіе счастье мое, мою долю!

— Что жъ мнѣ дѣлать, коли батько и мать только и бредятъ паномъ сотникомъ? съ грустью отвѣтила ему вопросомъ Настя.

— Развѣ мнѣ украсть тебя и увести изъ Сѣвска? какъ бы про себя проговорилъ Михайло Бочаренко.—Но вѣдь панъ сотникъ и батька отыщутъ меня! Да и куда я, бѣдняга, укроюсь съ тобой!

Онъ выпустилъ Настю изъ своихъ объятій и поникъ головой подъ гнетомъ горькихъ думъ, смѣнявшихъ одна другую непрерывною чередой.

Кругомъ все было тихо. Соловьи уснули, чтобы потомъ затянуть пѣсни тоски и страсти. За то сквозь вѣтки распустившихся деревъ пробивался трепетный серебристый свѣтъ взошедшей луны. Вотъ она попала въ просвѣтъ между деревьями и освѣтила браваго и дюжаго козака. И въ широкихъ плечахъ, и въ гордо поднятой, покрытой сѣрою шапкой головѣ, и въ лихо закрученныхъ шелковистыхъ, черныхъ, какъ смоль, усахъ—все въ фигурѣ козака дышало энергіей и непреклонною твердостью.

— Ну, пусть проклятые вороги разбиваютъ мою жизнь!—воскликнулъ онъ, поднимаясь съ земли: горе имъ будетъ, узнаютъ они Мишку Бочаренка!

Настя и теперь невольно вздрогнула, когда въ головѣ ея мелькнула фигура возлюбленнаго съ исказившимся отъ злобы лицомъ и поднятыми съ угрозою кому-то кулаками. Ей непріятно стало, и она постаралась удалить тяжелое воспоминаніе.

И вотъ, это воспоминаніе начало незамѣтно исчезать: такъ незамѣтно таетъ лѣтнею порою легкое облачко въ глубокомъ синемъ небѣ. На смѣну ему всплыла въ памяти иная картина, еще болѣе ужасная и грустная.

Ясно, словно все это случилось не семь лѣтъ тому назадъ, а вчера, помнитъ она, какъ въ октябрѣ 1680 года пріѣхалъ къ ея отцу богатый и старый сотникъ изъ Новгородка, Давидъ Пушкаренко. Отецъ и мать долго о чемъ-то бесѣдовали съ нимъ, богато угощали его и его многочисленную свиту.

Вотъ насталъ роковой день, когда отецъ ввелъ ее, Настю, въ горницу, гдѣ сидѣлъ гость.

— Вотъ, дочка—проговорилъ торжественно отецъ, указывая на Пушкаренка: панъ сотникъ дѣлаетъ намъ большую честь и хочетъ тебя имѣть женою. Я и мать твоя,—указалъ онъ на стоявшую въ сторонѣ мать,—благодарны пану сотнику за его ласку и даемъ тебѣ наше родительское благословеніе, желая тебѣ счастья и покойной жизни. Думаемъ, что ты, наша дорогая и единая дочь, не огорчишь насъ и примешь съ благодарностью ласку пана къ намъ и тебѣ.

Все это такъ было неожиданно и странно, что она молча смотрѣла то на родителей, то на гостя, который ей внушалъ

неменьшій страхъ, чѣмъ и отецъ, державшій всегда ее въ „ежовыхъ рукавицахъ“.

— Ну, чего жъ ты, дурочка, стоишь?—продолжалъ отецъ, улыбаясь гостю: оторопѣла что-ли отъ выпавшаго на твою долю счастья?—Бери рушники да повяжи сватовъ, а пану сотнику подай вышитую шелками „хустку“.

Что было дальше, она помнить, какъ во снѣ. Пѣсни дѣвушекъ-подругъ, пляски молодыхъ и стариковъ, говоръ гостей—все это всплыло передъ ней, покрытое какою-то неясною дымкою забвенія. Яснѣе вспомнила она краткій мигъ передъ отправленіемъ въ церковь „до шлюбу“. Помнить она, какъ случайно зашла въ спальню родителей и увидѣла мать, стоящую на колѣняхъ предъ образомъ Богоматери и горько рыдающую съ молитвою на устахъ о судьбѣ дочери. Эти слезы матери, которая, быть можетъ, вспомнила подходящій моментъ собственной жизни, заставили очнуться отъ безчувственности и апатіи и ее, Настю. Ея долгое оцѣпенѣніе разразилось обильными и жгучими, но бессильными слезами...

Вотъ она ѣдетъ, окруженная сватами и друзьями, въ церковь.

Вдругъ на поѣздъ нападаетъ небольшая шайка, человекъ въ десять-двѣнадцать, вооруженныхъ козаковъ. Раздаются крики, брань. Она слышитъ возгласы нѣкоторыхъ „поѣзжанъ“: „Это Мишка Бочаренко задумалъ отбить у пана сотника невѣсту!“.

Сердце ея дрогнуло и сильно забилося. Но прискакалъ отецъ, панъ сотникъ съ вооруженною свитою. Завязался бой, гранули выстрѣлы, звякнули сабли.

Вотъ она ясно видитъ, какъ ея милый Михайликъ, размахивая саблей, пробивается къ ней. Вотъ ужъ онъ близко; она слышитъ храпъ разгоряченнаго коня, видитъ красное отъ гнѣва и волненія лицо. Но ему заступилъ дорогу сотникъ съ пистолетомъ въ рукѣ.

— Братцы! закричалъ громкимъ голосомъ Михайликъ своей дружинѣ: вотъ главный злодѣй, злѣйшій врагъ мей, та гадина, что нужно раздавить давно.—Бейте его, братцы, или берите жи...

Раздавшійся выстрѣлъ заглушилъ голосъ его.

Когда разсыялся дымъ, Настя лежала въ сильномъ обморокѣ: она увидѣла, что ея Михайликъ вслѣдъ за выстрѣломъ упалъ съ лошади...

— Вонъ ужъ и Биринскій лѣсъ видно! воскликнула Охримъ, втягивая дымъ изъ еле дымившейся люльки.

Его восклицаніе прервало грустныя воспоминанія Настя, которая стала вглядываться въ темную полосу, заставшую изогнутой линіей горизонтъ. То чернѣлся Биринскій лѣсъ.

— Слушай, Семень, обратился Охримъ къ одному изъ провожатыхъ, которые качаясь дремали въ сѣдлахъ: въ исправности-ли у васъ ружья, пистолы и сабли; говорятъ, въ этомъ лѣсу неблагополучно. Намедни проѣзжалъ черезъ Новгородокъ какой-то купецъ, такъ рассказывалъ, что его чуть было не убили подъ Биринскимъ лѣсомъ разбойники.

— А ты не всякому слуху вѣрь, старый сычъ,—наставительно отвѣтилъ Охриму Семень, бравый сотенный хорунжій, и приблизился къ возку. Ничего не бойтесь, пани, обратился онъ къ задумавшейся Настѣ: Богъ дастъ доѣдемъ благополучно. Оно правда, подъ Голубовкою, говорятъ, дѣйствительно пошаливаютъ злые люди, а здѣсь пока ничего такого не слышно.

Но Настя не слушала его рѣчи. Она была далеко отъ Биринскаго лѣса, и отъ разбойниковъ, и отъ провожатыхъ козакъ, вся погрузившись въ воспоминанія о родномъ Сѣвскѣ...

Уже солнце коснулось однимъ краемъ горизонта, собираясь на отдыхъ ночной, когда возокъ Настасьи Пушкаренко подѣзжалъ къ селу Голубовкѣ, расположенному недалеко отъ рѣчки Знобовки. Оставалось проѣхать густой лѣсъ, стоявшій высокою стѣною вдоль береговъ этой большой тогда и многоводной рѣчки.

Утомленная дневнымъ жаромъ, непривычною ѣздой въ безпокойномъ возкѣ, взволнованная и измученная нерадостными думами о своей скучной и однообразной жизни съ нелюбимымъ и старымъ мужемъ, сотничиха склонилась на подушки и забылась крѣпкимъ сномъ.

И снилось ей, что она въѣзжаетъ въ родной Сѣвскъ, ѣдетъ по улицамъ и никакъ не можетъ найти своего дома. Вотъ она выѣхала за городъ. Въ полѣ стоитъ какая-то землянка. Настя велитъ поѣзжать къ ней, чтобы переночевать или разспросить объ отцѣ и матери. Вдругъ изъ землянки появляется мужчина. Настя сразу узнала въ немъ своего Михайлика. Радостная и счастливая отъ этой неожиданной встрѣчи, она бросается къ нему и спрашиваетъ: „голубчикъ мой, гдѣ ты былъ? Что стало съ тобою послѣ того, какъ ты упалъ съ коня?“. Но Михайликъ грубо оттолкнулъ ее отъ себя и злобно проговорилъ: „Теперь голубчикомъ называешь, а тогда зачѣмъ не убѣжала отъ пана сотника? Зачѣмъ ты не вырвала изъ рукъ его пистолля? Зачѣмъ ты загубила мою жизнь? Ну, что жъ счастлива съ сотникомъ? Счастлива! Такъ я жъ разобью твое счастье! Убью твоего отца и твою мать—убью и тебя!“ Съ этими словами онъ вынулъ изъ-за пояса пистолеть и выстрѣлилъ въ нее.

Настя хотѣла крикнуть, но голосъ ея былъ безъ звука; она рванулась впередъ—и проснулась.

Было почти темно. Слышались вдали выстрѣлы изъ ружей; изъ провожатыхъ никого возлѣ возка не было видно. Она хотѣла спросить Охрима, куда они дѣвались; но увидѣла, что какіе-то два незнакомыхъ мужика въ причудливыхъ кафтаныхъ, поваливъ Охрима на землю, крѣпко вазали ему руки. Она ничего не могла понять. Прижавшись въ возкѣ къ подушкѣ, она шептала слова всѣхъ знакомыхъ ей молитвъ. Между тѣмъ два незнакомца звали на возъ связаннаго и стонавшаго Охрима, сѣли рядомъ съ нимъ и погнали лошадей.

— А одинъ ушелъ-таки! проговорилъ съ досадою въ голосѣ догнавшій возокъ всадникъ съ мушкетомъ за плечами и толстою плетью-арапникомъ въ рукѣ, обращаясь къ двумъ незнакомымъ мужикамъ.

— Надо было уложить его орѣшкомъ,—отвѣтилъ ему одинъ кафтанъ.

— Пробовалъ, да за деревьями не поцѣлишь,—проговорилъ всадникъ и посмотрѣлъ, наклонившись къ самому лицу обмершей Насти.—Ну, да горевать о бѣжавшемъ нечего: ве-

земь нашему батюшкѣ-атаману на радость и утѣху славную молодичку“.

Онъ пришиорилъ лошадей и ускакалъ, исчезнувъ во мракѣ майскаго вечера.

III.

Изъ прошлаго Кудоара.

На возвышенномъ выступѣ, вдающемся въ рѣчку Знобовку, тамъ, гдѣ узкою полоскою между выступомъ и рѣкою прелегала дорога изъ Новгородка въ Сѣвскъ, въ тотъ же самый вечеръ стояли съ длинными мушкетами въ рукахъ два разбойника, одѣтые въ черные жупаны, въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ, съ кинжалами и пистолетами за широкими поясами и съ кривыми турецкими саблями черезъ плечо. За ними тихо шептали свои дивныя ночныя сказки вѣковыя сосны, а передъ ними, почти у самыхъ ногъ, струила мрачныя волны Знобовки, покрытая множествомъ наносныхъ острововъ и островковъ, поросшихъ берестомъ и осоклой.

Разбойники стояли, прислонившись спиною къ двумъ сросшимся соснамъ, и прислушивались къ каждому звуку, зорко посягавая въ оба конца дороги.

Было часовъ десять вечера, но кругомъ все спало, только изрѣдка пронесившійся вѣтерокъ будилъ колыхая иглистыя верхушны—шапки дремлющихъ сосенъ.

— И что это, братецъ мой, значить,—продолжалъ начатый разговоръ одинъ изъ разбойниковъ: что нашъ атаманъ весною бываетъ такъ скученъ. Чудной онъ какой-то, какъ посмотрю я на него! Зимой, осенью-ли—то-есть лють до чрезвычайности.

„Прошлою осенью,—началъ рассказчикъ послѣ минутной паузы: попалась нашимъ ребятамъ женщина съ дѣтьми, жена есаула, какъ узнали изъ допроса. То-есть, братецъ мой, какъ она просила атамана не губить ея хорошенькихъ мальчугановъ, руки его цѣловала, закликала именемъ Божьимъ и всѣхъ святыхъ,—вѣтъ, не сказался, велѣлъ порѣшить ихъ вмѣстѣ съ матерью. Только проговорилъ, смотря на ихъ трупы: „дѣти

щепки—есауленята! выросли-бы, небось, сотницами были, чужую кровь пили!“ Вотъ поди-жъ ты съ нимъ! Ну, а какъ наступить весна, какъ придетъ май красный, вотъ какой бываетъ скучный да грустный, да тихій! Все ходитъ вечеромъ по берегу Знобовки да напѣваетъ грустныя пѣсни; не то отъѣдетъ вонъ къ тому острову и слушаетъ, какъ солговушка заливается въ жустахъ...

— А теперь гдѣ онъ? перебилъ рассказчика товарищъ.

— Гдѣ жъ ему быть? Въ своей пещерѣ сидитъ. Еще не выходилъ. Сегодня онъ съ утра сильно не въ духѣ, такой сумрачный да сердитый—не приведи Господи.

— Былъ бы ты на его мѣстѣ, чай такимъ же бы сдѣлался, не то и похуже,—отвѣтилъ на рассказъ товарища другой разбойникъ и сталъ прислушиваться къ той сторонѣ дороги, что вела къ Новгородку Сѣверскому.

Налетѣвшій вдругъ вѣтеръ сильно колыхнулъ сосны и заглушилъ долетавшіе издали какіе-то неясныя звуки—не то хлоппанье вѣтра, не то мушкетныя выстрѣлы.

Да,—продолжалъ свою рѣчь другой разбойникъ: побывалъ бы ты въ его шкурѣ, не то бы запѣлъ. Вѣдь я буду ему землякъ и знаю, что такое раньше былъ нашъ атаманъ, нашъ батюшка Михайло Степанычъ Кудояръ. Вѣдь прозвище это, Кудояръ-то, онъ самъ себя придумалъ, а настоящее его имя Бочаренко—вотъ что!

— Правду ли сказываешь? спросилъ недовѣрчиво первый разбойникъ.

— Вѣрно тебѣ говорю. Коли хочешь правду-матку знать такъ я тебѣ вотъ что, другъ ты мой, скажу. Годовъ, почитай, шесть либо семь прошло, какъ Михайло Степанычъ сталъ разбойникомъ. А допрежь того былъ жителемъ Сѣвска, имѣлъ дворъ и худобу неплохую, считался лучшимъ паробкомъ на нашей улицѣ. Да, вишь, грѣхъ попуталъ.

— Какой грѣхъ? не утерпѣлъ спросить заинтересованный собесѣдникъ, придвигаясь къ товарищу, который бросилъ вокругъ подозрительный взглядъ, точно боялся, чтобы его кто-либо не подслушалъ.

— Есть у насъ въ Сѣвскѣ,—продолжалъ онъ свой разсказъ почти шепотомъ,—богатый козакъ Кирпотенко. Вотъ съ дочкою этого козака и сошелся нашъ атаманъ. Больно крѣпко полюбились они, да нашъ атаманъ никакъ не могъ взять ее, потому отецъ ейпный не хотѣлъ отдать свою единственную дочь за бѣдняка—козака.

— Что жъ онъ сдѣлалъ, бѣдолага?

— Что сдѣлалъ. То надѣлалъ, въ чему, значить, вели его судьба и доля. Можетъ, онъ думалъ дожидаться смерти отцовой, а можетъ, укралъ бы ее да тайкомъ и обвинчался бы—кто его знаетъ, что онъ придумалъ-бы! Только тутъ вышла, другъ ты мой, какая оказія. Посватался, слышь ты, за Кирпотенкову дочку изъ Новгородка панъ сотникъ, старый хрѣнь, да богатый и важный панъ, катъ его не взялъ бы.

— Ну, и что жъ?

— Ну, обдѣлали дѣло однимъ махомъ!

— Ужели жъ нашъ бравый атаманъ допустилъ, чтобъ у него изъ-подъ самага носа невѣсту взяли? съ негодованіемъ спросилъ нетерпѣливый собесѣдникъ.

— Какое допустилъ! Нешто, ты не знаешь, какой онъ порохъ! Собралъ это онъ насъ, другъ ты мой, человекъ девять-десять ночью въ яру, что за городомъ Сѣвскомъ верстахъ въ пяти, и говоритъ: „такъ и такъ, братцы, выручайте изъ бѣды; сотникъ у меня Кирпотенкову дочку отбиваетъ. Стыдно вамъ будетъ, братцы, если не порадуете меня, если позволите чужаку взять мою Настю! (это невѣсту-то, Кирпотенкову дочку, такъ звали). Коли выручите невѣсту и прочите сотника, стараго чорта, съумѣю отблагодарить, все, что найдется при сотникѣ, отдамъ вамъ, да еще и своего добра прибавлю. Ну, намъ не корысть нужна была, а захотѣлось прочить сотника, чтобъ не ѣздилъ въ Сѣвскъ за чужимъ добромъ, такъ что мы согласились. Думка-то была, что дѣло шуткою окончится, а вышло иное...

— Что жъ вышло и какъ?

— Да такъ. Рѣшили мы напасть на поѣзжанъ, когда повезутъ невѣсту въ церковь. Сказано—сдѣлано. Подстерегли поѣздъ, напали; у поѣзжанъ было на готовѣ оружіе; началась

схватка. Прискакалъ самъ сотникъ и изъ пистола чуть не убилъ на смерть самого Бочаренка. Дѣло дрянъ; видимъ, сотникъ можетъ переловить всѣхъ насъ и тогда поминай, какъ звали... Пришлось уходить съ раненымъ да скрываться, да лѣчить хвораго. Едва въ три мѣсяца отходили. Вотъ оно что!

— Ну, а сотникъ что жъ?

— Извѣстно, что: повѣнчался съ Кирпотенковой дочкой, да и маршь въ Новгородокъ. Слышно, грозилъ, уѣзжая изъ Сѣвска, прислать козаковъ и переловить насъ, какъ „злодіевъ“. Вотъ Бочаренко, когда оправился и узналъ все прошедшее, рѣшилъ уйти изъ Сѣвска на вольную волюшку, на широкую дороженьку, въ темные лѣса, чтобы тамъ сыскать правду-матку, отомстить сотнику за поруганіе. Онъ сказалъ намъ: „все равно, братцы, мы пропащіе люди. Въ Сѣвскѣ намъ не житье. Поживемъ же на привольи да покажемъ сотникамъ, есауламъ и другой всякой власти, что мы за удалцы! Лучше умереть, а не дасться сотнику въ руки! Съ той поры мы облюбовали этотъ лѣсокъ; нашъ атаманъ вырылъ здѣсь себѣ пещеру; назвалъ себя Кудояромъ, атаманомъ разбойниковъ,—и стали мы обирать да убивать людей проѣзжихъ и прохожихъ, пуще всего сотниковъ и другое начальство. Нашъ атаманъ первое время, обобравъ, отпускалъ многихъ пановъ, говоря: „поѣзжайте и расскажите въ Новгородѣ и Сѣвскѣ, что шлетъ поклонъ имъ атаманъ разбойниковъ Михайло Кудояръ и совѣтуетъ не попадаться ему на глаза, если кто хочетъ сносить свою голову“. Вотъ съ той поры да времячка и пошла молва о Кудоярѣ-разбойникѣ и о Кудояровой пещерѣ, которую со страхомъ и птица пролетаетъ, не то что человѣкъ проходить или проѣзжаетъ.

— Вѣрно, братъ, ты говоришь: нашего батюшку-атамана далеко кругомъ знаютъ. Вотъ, примѣромъ сказать, я: изъ-подъ Курска попалъ вамъ въ сотоварищи...

Въ это время по лѣсу раздался неимоверно рѣзкій свистъ, повторившійся три раза.

— Ого! Это Савоська-сторожевецъ даетъ знать, что наши кого-то поймали и везутъ въ атаману: знатно, добыча важная!—проговорилъ землякъ Кудояра.

— Посмотримъ, что-то намъ привезутъ наши ребята, — раздался вблизи голосъ, и изъ-за края выступа появился высокій, лѣтъ тридцати, тридцати трехъ мужчина, въ алаго цвѣта жупанѣ, перетянутомъ широкимъ поясомъ, изъ-за котораго выглядывалъ внушительный пистоль съ обдѣланною золотомъ и серебромъ рукояткою и широкой кинжалъ, рукоять котораго была осыпана драгоценными камнями. Лицо его обрамляла окладистая черная борода, а черныя кудри выбивались изъ-подъ высокой шапки съ краснымъ оксамитнымъ верхомъ.

Разбойники почтительно поклонились своему атаману и поправили свои высокія шапки.

Между тѣмъ по дорогѣ изъ Новгородка приближался знакомый уже возокъ, въ которомъ сидѣла едва живая отъ страха Анастасія Пушкаренко и связанный по рукамъ, избитый Охримъ. За возкомъ ѣхало нѣсколько вооруженныхъ разбойниковъ.

Кудояръ приказалъ одному изъ знакомыхъ сторожившихъ Кудоярову пещеру разбойниковъ зажечь костеръ.

Ярко вспыхнули сухія вѣтки сосенъ и прошлогоднія смолистыя шишки и далеко освѣтили стоящія густою стѣною деревья и Знобовку съ ея островами.

Атаманъ стоялъ въ выжидательной позѣ близъ костра, выставивъ впередъ правую ногу въ сафьянномъ чоботѣ; рукоять пистоля съ драгоценными камнями сверкала разноцвѣтными огоньками. Во всей фигурѣ Кудояра было что-то властное и ужасающе-грозное. Подъѣхавъ къ костру, разбойники спѣшились, и одинъ изъ нихъ, приблизившись къ атаману, что-то тихимъ голосомъ доложилъ ему.

— „Славно, ребята! Молодцы! — обратился къ прибывшимъ атаманъ, выслушавъ докладъ. — До свѣта остается довольно времени: смѣните сторожевыхъ и идите спать. А ты, Евтухъ, — приказалъ онъ тому, который называлъ себя землякомъ атамана, приведи ко мнѣ въ пещеру и вучера, и барыню“...

IV.

Неожиданная встрѣча.

Черезъ полчаса Кудояръ, въ голубомъ легкомъ кафтанѣ, съ трубкою во рту, сидѣлъ въ пещерѣ, освѣщенной тремя восковыми свѣчами.

Пещера имѣла форму продолговатаго четырехугольника съ полукруглымъ сводомъ. На стѣнахъ ея, убранныхъ богатыми коврами и оксамитами, висѣло разнообразное оружїе: тутъ были и мушкеты, и кривыя турецкія сабли, и пистолы всевозможныхъ размѣровъ, и кинжалы; все это сверкало богатою оправою и мастерскою отдѣлкою. Въ одномъ углу стояла большая зеленая съ широкими полосами желѣза „скриня“, въ которой хранилось богатство атамана: золотые и серебряные кубки, ковши, червонцы, драгоценныя каменья, жемчугъ и прочая утварь, награбленная у путниковъ. Въ другомъ углу на низкомъ и широкомъ помостѣ, застланномъ дорогимъ персидскимъ ковромъ, лежала цѣлая гора подушекъ въ темно-красныхъ шелковыхъ наволокахъ—то была постель Кудояра. Посрединѣ стоялъ большой дубовый столъ, покрытый парчею, а вокругъ него скамьи для сидѣнья. Вотъ и все убранство Кудояровой пещеры.

Самъ Кудояръ сидѣлъ на скамьѣ недалеко отъ входа въ пещеру, завѣшеннаго ковромъ, а предъ нимъ стоялъ Охримъ, котораго поддерживалъ Евтухъ.

— Откуда вы ѣдете и куда?—спросилъ Кудояръ кучера, потянувъ дымъ изъ люльки.

-- Мы ѣдемъ изъ Новгородка въ Сѣвскъ,—едва слышно отвѣчалъ измученный Охримъ.

— Да ты говори мнѣ сущую правду,—грозно сказалъ, сдвинувъ брови, Кудояръ: не то плохо тебѣ будетъ, старый чертъ!

— Какъ предъ истиннымъ Богомъ говорю тебѣ одну правду.

— Что жъ вы за люди?—продолжалъ допросъ атаманъ, понизивъ голосъ и принявъ спокойный видъ.

— Мы не купцы, и нѣтъ у насъ съ собой ни товаровъ, ни казны. Мы везли нашу пани сотникову въ Сѣвскъ къ ея родителямъ въ гости.

— А какъ зовутъ вашу пани?—спросилъ, блѣднѣя, Кудояръ.

— Настасья Митровна, батюшка, по мужу Пушкариха, потому мужъ ея нашъ сотникъ Давидъ Пушкарь...

— Уведи его! глухо приказалъ атаманъ Евтуху.

Едва послѣдній исчезъ за ковромъ-дверью пещеры, какъ атаманъ быстро всталъ со скамьи и, сильно хрустя пальцами, заходилъ по устланному коврами полу. Время отъ времени онъ останавливался и произносилъ почти вслухъ отрывочныя фразы, выказывавшія его душевное волненіе.

Могъ ли онъ когда-либо предположить, что Настя, его дорогая Настя, ради которой онъ бросилъ родной городъ, старуху мать, сдѣлался гуляющимъ человѣкомъ; чтобъ эта самая Настя, пани сотникова, очутилась въ его рукахъ!

— Что я скажу ей и какъ покажусь на глаза?—впервые за шесть-семь лѣтъ, какъ сталъ разбойникомъ, спросилъ себя Кудояръ, садясь у края стола и подпирая голову руками.— „Вѣдь она, пожалуй, и не признаетъ меня за того самаго Михайлика, котораго такъ щиро любила. Нѣтъ, что бъ ни было, а я скажу ей всю правду, открою, какъ мнѣ надоѣла моя каторжная жизнь, какъ я въ крови загубленныхъ людей не могъ угасить тотъ пламень, ту любовь къ ней, что сжигаетъ мое сердце!—Да чего же я медлю? Надо скорѣе увидѣть ее, мою ясочку!—энергично произнесъ онъ, какъ бы пробуждая себя, и быстро всталъ, направляясь къ выходу.

Вдругъ онъ, сдѣлавъ одинъ шагъ, остановился, какъ вкопанный. Передъ нимъ, у самаго входа въ пещеру, стояла вся блѣдная и взволнованная Настя.

Она узнала отъ словоохотливаго Евтуха, какъ перемѣнился въ лицѣ атаманъ, когда услышалъ отъ Охрима, что его пани—жена Новгородскаго сотника Пушкаренка; что атаманъ Кудояръ, про котораго ей рассказывали невѣроятные ужасы, не кто иной, какъ ея милый, ненаглядный Михайликъ. Своимъ чуткимъ женскимъ сердцемъ она поняла, что ея милаго заставило избрать своимъ жилищемъ темный лѣсъ, товарищами—длинный мушкетъ, пистоль да саблю острую. Все она поняла не холоднымъ умомъ, а горячимъ, чуткимъ къ чужому горю

сердцемъ — и простила его ужасную жизнь, полную мести людямъ, которые такъ беспощадно разбили его счастье. Въ этомъ сказочно-грозномъ атаманѣ шайки разбойниковъ она видѣла глубоко-несчастливаго человѣка, который былъ когда-то такъ близокъ къ ней, но котораго—увы!—жестокая доля навѣки оторвала отъ нея.

Кудояръ и Настя нѣсколько минутъ молча смотрѣли другъ на друга.

Было уже близко къ разсвѣту. Въ притонѣ разбойниковъ было тихо, какъ въ могилѣ. Все спало крѣпкимъ сномъ. Даже страдалецъ Охримъ, избитый и еле дышавшій, уснулъ вѣчнымъ сномъ: часа черезъ полтора послѣ допроса онъ отдалъ Богу свою грѣшную козацкую душу.

Подъ пристальнымъ изумленнымъ взглядомъ Насти жутко стало Кудояру. Какъ провинившійся школьникъ передъ строгимъ взоромъ начальника, такъ стоялъ Кудояръ передъ Настей, виновно и покорно склонивъ свою безталанную, но прекрасную голову. Своими чудными, свѣтившимися отъ радости при неожиданной встрѣчѣ, очами впиалась она въ этого рослаго и красиваго, но погибшаго человѣка. Ей стало невыразимо жаль эту тридцатилѣтнюю „малу дытну“.

— И чѣмъ бы не мужъ мнѣ? мелькнула въ ея молодой головѣ грѣшная мысль.—Боже, о чемъ это я думаю, окаянная! поймала она сама себя, и чудныя карья очи ея затуманились, выражая грустное чувство Насти.

— Что она молчить? Хоть бы словечко одно сказала, хоть укорительное слово, но не молчала бы только!—мучился про себя въ это время Кудояръ, не сомнѣваясь почему-то, что Настя его узнала.

— Такъ вотъ гдѣ Богъ привелъ намъ встрѣтиться!—прервала она молчаніе тихимъ, идущимъ изъ глубины сердца голосомъ, отъ котораго, какъ отъ звука военной трубы приученная бранная лошадь, вздрогнуло сердце Кудояра.—Не думала, не гадала я, что тотъ страшный разбойникъ и атаманъ разбойниковъ Кудояръ, котораго всѣ боятся, не кто иной, какъ мой...

Она запнулась; у нея чуть не сорвалось съ языка привычное „милый, безцѣнный Михайликъ“.

• —Какъ мой землякъ,—поправилась она,—Михайло Степанчычъ Бочаренко.—Ну, чтожь? Значить, такова воля Господня, чтобъ я была твоею плѣнницею; вяжи меня, а можеть и убьешь...

— Настя! со стономъ остановилъ ее Кудояръ, сердце котораго разрывалось на части отъ каждаго слова сотничихи.

— Господи, Боже мой!—будто сама съ собою проговорила Настя, сжимая у груди руки, и въ прекрасныхъ глазахъ ея засверкали, подобно брилльянтамъ, росинки слезъ: за что Ты такъ жестоко карашь меня? Мало того, что Ты разлучилъ меня съ милымъ человѣкомъ; что судилъ мнѣ проводить молодые годы съ другимъ, чужимъ и нелюбимъ моему сердцу, мало того, что Ты не приворожилъ моего сердца къ этому суровому старику, хотя я въ молитвахъ своихъ шесть лѣтъ молила Тебя, Царь небесный, о томъ; мало того, что Ты лишилъ меня радости семейной жизни—дѣтей,—мало всего этого: Ты покаралъ еще сильнѣйшимъ родомъ кары небесной, назначивъ въ удѣлъ тому чловѣку, котораго я любила больше всего въ свѣтѣ, быть самымъ что ни есть худшимъ и презрѣннѣйшимъ въ мірѣ. Ты сдѣлалъ его страшнымъ злодѣемъ, который чрезъ свою свирѣпость и жестокость сталъ пугаломъ людей; при его имени крестятся матери, прижимая къ груди дорогихъ дѣтей. Господи, Боже мой! на что жъ я такъ пламенно и горячо молилась Тебѣ, чтобъ если ужъ Тебѣ угодно было послать мнѣ горькую долю и тяжелый крестъ, то чтобъ хоть любимому мною чловѣку послалъ Ты счастье и таланъ? За что же Ты, Господи, такъ жестоко карашь меня и горькую жизнь мою надѣляешь еще одною бѣдою? За что же Ты, Господи, не только отвергъ грѣшныя молитвы мои, но и судилъ еще, чтобъ я своими глазами увидѣла паденіе того, который когда-то считался самымъ близкимъ, роднымъ мнѣ чловѣкомъ, а теперь стоитъ предо мною злодѣемъ?

Настя въ горѣ забыла и Кудояра, и его притонъ, и пещеру. Предъ нею предстала, словно на ладони, въ ужасающей наготѣ безотрадность и бесплодность ея жизни и жизни люд-

ской вообще. Всѣ пережитыя ею со дня несчастнаго брака муки встали предъ нею въ своей щемящей свѣжести, впились своими мучительно-острыми когтями въ ея насильно слованное молодое сердце, жаждущее любви и ласкъ, рвали его на части, стараясь вытѣснить изъ него малѣйшую надежду на счастье или хотя бы на призракъ счастья.

Бѣдная женщина горько-горько рыдала. А Кудояръ молчалъ, пораженный и уничтоженный рѣчами Насти. Онъ еще ниже наклонилъ голову, не смѣя видѣть безысходное горе той, дорожке которой для него ничего не было въ цѣломъ свѣтѣ.

— „И легче бѣ мнѣ было“,—продолжала рыдать Настя: „если бы я совсѣмъ не встрѣчалась съ тобой! Легче бѣ мнѣ было знать, что ты погибъ отъ выстрѣла моего мужа въ тотъ несчастный день, какъ родители—прости имъ Господи!—завязали мнѣ свѣтъ. Я бѣ и умерла съ тою мыслию, что ты погибъ, какъ слѣдуетъ козаку, ищущему въ чистомъ полѣ, въ честномъ бою козацкой доли своей. Зачѣмъ же мнѣ довелось узнать, что ты—„злодѣй“, что тѣ самыя руки, которыя прижимали меня къ груди твоей, рѣзали православный народъ, душили невинныхъ младенцевъ, губили...“

Глухой стонъ и рыданія прервали ея укоризненно-жалобныя рѣчи. Предъ нею на полу лежалъ ничкомъ Кудояръ и въ порывѣ раскаянія рвалъ свои черныя, какъ смоль, кудри. Настя спохватилась, что, можетъ, сказала что-либо жесткое и слишкомъ обидное; ее начинало терзать раскаяніе, зачѣмъ она такъ грубо-откровенно высказала передъ этимъ обездоленнымъ человѣкомъ всю горечь, что годами скопилась въ ея сердцѣ. Глядя на рыдавшего у ногъ ея атамана разбойниковъ, она задала себѣ вопросъ, зачѣмъ вмѣсто словъ участія и ласки она съ такими упреками обрушилась на него, не узнавъ, чтó онъ пережилъ въ теченіе тѣхъ ужасныхъ и мучительно долгихъ шести-семи лѣтъ, въ которыя она ничего не знала о немъ. Если онъ плачетъ отъ рѣчей ея, то ужели же онъ закоренѣлый злодѣй? И вотъ въ ней проснулась снова женщина, всегда мягкая, чуткая къ чужому горю, скорбящая и сострадающая, а въ сердцѣ ея вспыхнуло съ новою силою долго тлѣвшее чувство любви, по-

добно тому какъ вспыхиваютъ едва мерцающіе въ горнилѣ угли, когда кузнецъ потянетъ за рукоятку мѣха. Она приблизилась къ рыдавшему Кудояру и, слегка касаясь рукою его плеча, съ нѣжностью проговорила:

— Ну, прости, Михайло Степанычъ, если сказала что-либо лишнее и обидное.

— Охъ, горько мнѣ было слушать рѣчи твои, Настасья Митревна,—сказалъ, вставая, Кудояръ: такъ горько, что лучше бѣ мнѣ ихъ никогда не слышать! Не потому горько, что ты сказала въ нихъ много обиднаго; нѣтъ, ты выговорила въ своихъ жалобахъ только то, о чемъ я самъ давно уже думалъ и что такъ сильно терзало меня. Что и говорить—страшный грѣхъ попуталъ меня; душа моя въ лапахъ нечистаго... Злоба на твоего отца и мать, ненависть къ сотнику, огнявшему тебя у меня, неудачное нападеніе, съ цѣлью увезти тебя,—все это такъ затуманило меня, что я рѣшилъ уйти изъ опостылѣвшаго мнѣ съ твоимъ отъѣздомъ Сѣвска и сдѣлался „злодіемъ“. Страшно и тяжело становилось мнѣ временами, когда нападало раздумье, да все равно—возврата къ прежнему ужъ не было, и я, какъ пьяница, послѣ раскаянья впадалъ еще въ большее злодѣйство и остервенѣніе. Одною радостью для меня было—вспоминаніе о нашей любви, и я весною старался не губить людей. За то осенью, при мысли о томъ, что люди среди бѣлаго дня ограбили меня, отнявъ самое дорогое, и никто не вступился за меня, я становился неудержимо лютъ и упивался муками попавшихся въ руки мои пановъ. Не знаю, для чего я такъ терзалъ жертвы свои. Можетъ, хотѣлось выместить на нихъ пролитыя когда-то за тебя слезы. Сперва я не раздумывалъ ни о чемъ. Мнѣ хотѣлось побольше награть добра, потому что, будь я богатъ, твои отецъ и мать отдали бѣ тебя за меня. А когда вотъ та „скрыня“—онъ кивнулъ головою въ уголь, гдѣ стоялъ сундукъ—стала полнымъ-полна золота, серебра, жемчугу и драгоценныхъ каменьевъ, тогда я спросилъ себя: что мнѣ дѣлать съ этимъ добромъ? На что мнѣ эти сокровища, если я не могъ на нихъ купить свое погибшее счастье? Тогда мнѣ невыразимо надоѣло мое страшное ремесло, и только хмелемъ

забывался я среди своей буйной ватаги отъ грызшей сердце тоски. Часто мнѣ приходила въ голову мысль раздать все мое добро товарищамъ и уйти въ Кіевскія пещеры, чтобы въ чернеческихъ молитвахъ замолить содѣянные грѣхи, часто объ этомъ думалъ я и сдѣлалъ бы такъ, да боялся...

Кудояръ остановился, взглянулъ на Настю, прочиталъ въ ея глазахъ много ласки и прежней любви и съ страстью почти шепотомъ докончилъ:

— Да боялся, что не сумѣю среди молитвъ забыть тебя, моя ненаглядная Настя... Онъ не могъ говорить дальше. Не помня себя отъ нахлынувшего чувства, чуя близость той, ради которой загубилъ свою жизнь, онъ обхватилъ ее своими сильными руками и безумно цѣловалъ въ уста и въ прекрасныя очи.

Настя не сопротивлялась, потому что въ этотъ мигъ забыла и то, кто ее цѣлуетъ, и то, какія руки сжимаютъ ее такъ сильно, забыла прожитое горе, забыла отца, мать, мужа все-все забыла... Со свойственною южанкамъ страстью, она всецѣло упиалась долго недававшимся счастьемъ ласкъ и любви съ близкимъ, милымъ и дорогимъ человѣкомъ.

А свѣчи едва мерцали въ шандалахъ, тускло освѣщая своды пещеры; а въ природѣ наступила та предразсвѣтная тишина, въ которой есть какъ бы предчувствіе всесвѣтной великой тишины, что нѣкогда принесетъ на землю Христосъ и гдѣ потонуть всѣ муки людскія, все горе—диссонансъ человѣческой жизни.

И тихо, тихо такъ было въ Кудояровой пещерѣ...

V.

Въ погонѣ за краснымъ звѣремъ.

Невеселый выдался денекъ 1-го октября 1687 года. Съ ранняго утра небо плакало мелкими, но непрестанными слезами; вѣтеръ гналъ эти слезы и бросалъ ихъ въ лицо небольшому отряду конныхъ козаковъ, направлявшихся въ Голубовскому лѣсу по топкой дорогѣ. Худые измокшіе кони едва ступали по

скользкой почвѣ, опустивъ уныло головы, точно прислушиваясь, о чемъ пѣлъ гулявшій по полю вѣтеръ. Всадники ѣхали молча, мѣрно покачиваясь въ высокихъ и неувлѣжихъ козацкихъ сѣдлахъ.

Оставалось немного больше версты до Голубовскаго лѣса, который всталъ предъ всадниками темною гигантскою стѣною.

— Слушай, Семень,—обратился ѣхавшій впереди отряда всадникъ къ одному изъ ближайшихъ къ нему козаковъ: выѣзжай впередъ и указывай то мѣсто, гдѣ на васъ напали. Помнишь ты его?

На небольшой темно-гнидой лошадеикѣ выдѣлился изъ отряда бравый, въ черескѣ поверхъ кафлана, козакъ, знакомый читателю хорунжій сотенный Семень, поправилъ на головѣ барашковую шапку, провелъ рукою по длиннымъ темно-русымъ усамъ, протеръ рукавомъ мокрые глаза и поѣхалъ мелкою рысью по направленію къ лѣсу.

Всѣ всадники приободрились, толкнули ногами коней и послѣдовали за вожакомъ, позвякивая кривыми саблями.

Когда отрядъ вѣхалъ въ лѣсъ, его охватила могильная тьма. Шумъ и скрипъ деревьевъ, унылая пѣсня осенняго вѣтра заглушили шаги лошадей, но привычное ухо козаковъ ясно различало лѣсные звуки и шорохи. Проѣхавъ версть пять, вожатый своротилъ съ прямой дороги и остановилъ своего коня у небольшой полянки.

— Вотъ здѣсь какъ будто я отбивался отъ двухъ „злодѣевъ“, которые преслѣдовали меня,—проговорилъ нерѣшительно Семень, обратившись къ подѣхавшему Давиду Пушкаренку, потому что это былъ сотникъ Новгородка Сѣверскаго, съ которымъ читатель познакомился въ первой главѣ разсказа.

— Что-жъ, хлопцы, сдѣлаемъ тутъ приваль,—проговорилъ Пушкаренко и слѣзъ съ лошади, передавъ поводья хорунжему Семену Безпалому.

Козаки послѣдовали его примѣру, привязавъ коней къ деревьямъ.

— Костра раскладывать не будемъ, а курить людку можно! внушительно сказалъ сотникъ козакамъ, которые отвя-

звали мѣшка отъ заднихъ лукъ сѣдель, доставали оттуда хлѣбъ съ саломъ и съ жадностью утоляли голодъ.

Давидъ Пушкаренко присѣлъ на повалившійся стволъ вѣковой сосны и, покуривая коротенькую люльку, глубоко задумался, забывъ о Гдѣ. Лицо его, и безъ того суровое, сдѣлалось еще суровѣе и было такъ-же хмуро, какъ и небо, покрытое быстро мчавшимися облаками; оно еще болѣе высохло, и только быстрые небольшіе сѣрые глаза сверкали, какъ угольки, изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей. Много пережилъ и передумалъ онъ за послѣдніе три-четыре мѣсяца, съ того самаго дня, какъ Семень Безпалый, одинъ ушедшій отъ шайки Кудояра, принесъ печальную вѣсть о томъ, что „злodin“ перебили весь конвой, сопровождавшій пани сотничиху, а самое ее и Охрима взяли въ плѣнъ.

— Гдѣ-она теперь, моя голубка?—думалъ старый мужъ о своей молодой женѣ.—Можетъ быть, томится въ какой-нибудь ямѣ или землянкѣ, голодная и холодная, связанная по рукамъ и ногамъ, а, можетъ, ее давно уже и на свѣтѣ нѣтъ.

При этой мысли похолодѣло въ немъ сердце, и отъ внутренней боли онъ сильно крикнулъ.

— Ну, добраться бы мнѣ только до ихъ скопища,—всѣхъ перестрѣляю мерзавцевъ и перевѣщаю! грозилъ онъ разбойникамъ, захватившимъ его жену.—Я имъ покажу себя, и они никогда не забудутъ сотника Пушкаренка! Главное, мнѣ бы захватить вожака ихъ, какого-то бродягу Кудояра,—тогда съ живого кожу сдеру, а узнаю, гдѣ моя Настя. Еслижъ они ее извели, тогда замучу и его самого и его шайку самыми лютыми казнями, въ котлахъ сварю, продѣну сквозь колесо, привяжу къ дикимъ конямъ...

Онъ задыхался отъ злобы, сверкая своими маленькими глазами.

Вдругъ онъ поднялъ голову и началъ прислушиваться. Ему почудилось, что затихающій вечерній вѣтеръ донесъ какіе-то неясные звуки. Насторожились и всѣ козаки. Прошло минутъ пять—и тѣ-же самые звуки повторились снова, но болѣе ясно.

Теперь можно было сказать безошибочно, что это слышались человѣческіе крики.

— Кажись, кудояровцы работают!—шепотомъ доложилъ Пушкаренку подошедшій къ сотнику Семень Безпалый.

Пушкаренко всталъ съ сосны, сунулъ люльку въ карманъ черкески и обвелъ глазами всю полянку, что-то обдумывая.

— Вотъ что, хлопцы,—началъ онъ отдавать привязанія покойнымъ голосомъ, голосомъ опытнаго, посѣдѣвшаго въ битвахъ начальнива: вы всѣ садитесь на коней, осмотрите мушкетеры, чтобъ не отсырѣлъ на полкахъ порохъ, да и пистолы съ саблями не забудьте. Стойте здѣсь въ готовности. А ты Семень, пройди осторожно туда, откуда слышны крики, взлѣзь на дерево, если потребуется, да высмотри, что такое тамъ дѣлается. Я буду ѣхать за тобою.

Безпалый быстро сбросилъ черкеску, привязалъ ее къ сѣдлу своей лошади, передалъ поводья товарищу и въ кафтанѣ съ двумя пистолетами за поясомъ направился черезъ поляну въ лѣсъ. Скоро онъ исчезъ за темно-красными стволами сосенъ.

Сотникъ сѣлъ на лошадь, помедлилъ минутъ десять и, проговоривъ готовымъ къ походу козакамъ: „Какъ свистну, чтобъ тотчасъ мчались на помощь“!—тронулся шагомъ съ мѣста и исчезъ за тѣми же стволами сосенъ, которые скрыли и сотеннаго хорунжаго.

VI.

Прощальный пиръ.

На знакомомъ уже читателю возвышенномъ выступѣ надъ рѣкою Знобовкою въ разныхъ мѣстахъ пылаютъ костры изъ только-что срубленныхъ сухихъ вѣтвей сосенъ. Вокругъ костровъ въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ и позахъ расположились разбойники изъ шайки Кудояра. Ихъ было человѣкъ двадцать—двадцать пять, они разбились на группы и готовили себѣ неприхотливый обѣдъ.

Въ одной изъ группъ, близкой къ тому краю холма, гдѣ находилась пещера Кудояра, шла оживленная, но тихая бесѣда.

Словоохотливый землякъ Кудояра Евтухъ Носачъ, разодѣтый въ кунтушь ярко-краснаго цвѣта, въ черныя бархатныя шаровары,—добыча съ убитаго годъ тому назадь богатаго проѣзжаго пана,—сидѣлъ на корточкахъ съ воткнутымъ на длинный желѣзный пруть кускомъ баранины въ рукахъ и усердно поворачивалъ мясо надъ ярко пылавшимъ огнемъ. Мясо краснѣло, шипѣло и роняло на угли капли жиру. По раскраснѣвшемуся лицу Евтуха катился струйками потъ, который онъ старательно вытиралъ полою дорогого кунтуша.

— Ну, ужъ и попируемъ сегодня, братцы, на славу!—проговорилъ онъ собравшимся около него шести-семи товарищамъ, смачивая шипѣвшую на огнѣ баранину разведенною въ деревянной мисочкѣ солью.

— Сегодня-то попируешь, а завтра что будешь дѣлать безъ батюшки-атамана, — возразилъ ему угрюмо-хриплымъ голосомъ черной, точно осмоленный, разбойникъ въ полинявшемъ кафтанѣ и свѣтло-голубыхъ дорогихъ шароварахъ.

— Не плачь, Барило, по атаманѣ, плачь лучше по своей удалой головушкѣ!—полу-шутя, полу-наставительно замѣтилъ ему товарищъ, выгребавшій изъ костра горячіе уголья для того, чтобы раскурить люльку.

— А чтожъ, братцы, Барило правъ!—возвысилъ голосъ молодой парень, недавно приставшій къ шайкѣ Кудояра бездольный скиталець.—Гдѣ мы дѣнемся, коли прекратимъ работу въ Голубовскомъ лѣсу? Вѣдь намъ одна дорога—два столба съ перекладиною.

Слова парня подѣйствовали на разбойниковъ, и они замолчали, точно каждый заглянулъ въ свое будущее, да такъ и оцѣпенѣлъ предъ грустною картиною вѣчнаго одиночества, и вѣчной тревоги за свою участь.

— И что такое случилось съ нимъ,—ума не приложишь братцы!—началъ бесѣду Барило, не любившій гробового молчанія.—Былъ, какъ слѣдуетъ, атаманъ, народъ грабилъ, убивалъ, никому спуску не давалъ, а тутъ сразу: „никого не тронь!..“ Диво да и только!

— Эхъ ты, Барило, настоящее ты—барило ¹⁾ съ дубовыми клепками!—скалambuрилъ и подтрунивалъ надъ товарищемъ Евтухъ Носачъ, облизываясь при видѣ сочнаго пашлычка, который вотъ-вотъ можно было ѣсть.—Заливаешь ты глаза хмельнымъ, такъ и не видишь ничего. Скажи ты мнѣ, цыганская харя: нашъ атаманъ допрежъ сего такъ жилъ, какъ теперь живетъ? Кто съ нимъ теперь въ пещерѣ сидитъ да сладкія рѣчи сказываетъ? Смекнулъ теперь—что ли? заключилъ Евтухъ, шутливо глядя на угрюмага Барила.

— Я то смекнулъ, да ты смекаешь-ли, что зря болтаешь!—обидчиво огрызнулся послѣдній.—Подумаешь, какой мудрый Соломонъ нашелся, что всѣ загадки рѣшаетъ! Коли батюшкѣ атаману приглянулась бабенка, для чего не взять ее себѣ замѣсто женки. Да дѣло-то зачѣмъ видать?

— Вотъ затѣмъ и дѣло бросаетъ нашъ Михайло Степанычъ, что того желаетъ Анастасія Митревна. Вѣдь вы, братцы, не думайте, что нашъ Михайло Степанычъ допрежъ сего не зналъ Настасьи Митревы!—обратился онъ ко всѣмъ товарищамъ, втыкая пруть съ готовымъ кускомъ баранины въ землю. Онъ ее даже очень хорошо зналъ и изъ-за нея на это самое дѣло пошелъ.

— Ну, ужъ и брехунецъ ты, Евтухъ! остановили его товарищи.—Ври, да не завирайся!

— Чего ври?—съ жаромъ возразилъ Евтухъ.—Коли хотите, такъ я расскажу вамъ все дѣло, какъ оно было.

— Ладно, говори, да не прикрашивай своимъ медовымъ языкомъ! согласились товарищи.

Евтухъ Носачъ раскурилъ люльку, сѣлъ на землю, поджавъ ноги, и началъ: „Давно это дѣялось, братцы мои! Почитай, лѣтъ семь прошло съ той поры. Михайло Степанычъ Кудояръ жилъ тогда въ Сѣвскѣ и прозывался Бочаренкомъ. Жилъ онъ, какъ слѣдуетъ, по-божески, съ старухою матерью, жилъ не богато, не бѣдно, а такъ посредственно. Въ томъ же городѣ жилъ богатый козакъ Митрій...

¹⁾ Барило по-малорусски значитъ боченокъ для воды.

— Братцы, „самъ“ идетъ! вскрикнули два слушателя, и всѣ разбойники встали. На холмъ поднимался изъ своей пещеры Кудояръ. На лицѣ его свѣтилась какая-то невыразимая ласковость и доброта; но въ глазахъ, часто по долгу останавливавшихся на окружающихъ, легко было прочесть тайную грусть.

Онъ былъ одѣтъ въ алаго сукна кунтушь и такія-же шаровары; голову покрывала сѣрая барашковая шапка съ голу-бымъ атласнымъ верхомъ, очень шедшая къ его чернымъ кудрямъ и бородѣ. Въ такомъ костюмѣ онъ казался молодымъ богатымъ паномъ, а не страшнымъ атаманомъ разбойниковъ. Приблизившись къ первой группѣ разбойниковъ, онъ далъ знакъ, чтобы подошли и другіе. Скоро всѣ столпились, образовавъ кругъ около любимаго атамана.

— „Сегодня, братцы, я съ вами вижу послѣдній разъ, — проговорилъ Кудояръ тихимъ взволнованнымъ голосомъ, а разбойники печально наклонили свои головы.—Половину своего богатства и добра оставляю вамъ. Раздѣлите сами поровну и живите, кто какъ хочетъ. Я самъ уѣду завтра рано подальше отсюда. Облюбую гдѣ-либо получше мѣстечко и заживу козаконь-хозяиномъ, буду домосѣдничать да молить у Бога прощенія тяжкихъ грѣховъ своихъ. Совѣтовалъ бы и вамъ сдѣлать тоже. Только чуръ, никогда не признавайте другъ друга и не вспоминайте нашей здѣшней жизни, особливо не упоминайте о Кудояровой пещерѣ. А кому не надоѣло вести вольную жизнь по темнымъ лѣсамъ, тотъ иди отсюда подальше. Моя послѣдняя воля, чтобъ та страшная пещера, которая столько лѣтъ служила мнѣ жилищемъ, не стала проклятымъ мѣстомъ. Хочу, чтобъ здѣсь молили Бога за мою грѣшную душу всѣ люди православные, а съ ними служители церковные. Оставляю цѣлую баклагу золотыхъ и прошу кого-либо изъ васъ передать голубовцамъ, чтобъ построили надъ пещерой моей святую церковь...

Онъ остановился, тяжело вздохнулъ и, помолчавъ минуты двѣ-три, закончилъ рѣчь: „Спасибо вамъ, братцы, за дружбу и службу. Лихомъ меня не поминайте, а прощанье наше заключите пиромъ. Гуляйте, сколько хотите сегодня, залейте зеленымъ

виномъ прошлую жизнь, курните такъ, чтобъ все прошлое показалось вамъ долгимъ и тяжкимъ сномъ. Вина не жалѣйте, выватывайте изъ склада запасного лучшія бочки. Ну, братцы, начинайте, а я пойду въ свою пещеру.

Поклонившись, онъ выступилъ изъ круга и спустился съ холма. Разбойники долго молча смотрѣли въ слѣдъ удалившемуся атаману; затѣмъ начали о чемъ-то толковать, сперва тихо, потомъ громче и громче.

Часа черезъ три, при наступленіи осенняго вечера, вся поляна была полна шума и движенія. Разгулявшіеся разбойники сидѣли у ярко пылавшихъ костровъ живописными группами; подлѣ нихъ стояли сулеи и боченки съ хмельною влагою; всѣ пили, пѣли, веселились, выкрикивали имя атамана, не разъ вызывали его изъ пещеры, цѣловались съ нимъ, плакали, снова затягивали ухарскія молодецкія пѣсни и не чуяли той бѣды, что стояла у порога...

VII.

Облавили звѣря!

Глубокая полночь. Шагахъ въ пятистахъ отъ Кудояровой пещеры остановился Давидъ Пушкаренко съ своимъ отрядомъ, найдя, наконецъ, притонъ разбойниковъ.

Козаки старательно завязывали мѣшками лошадиныя морды, чтобы ихъ кони ржаніемъ не выдали разбойникамъ присутствія, и привязывали поводья къ деревьямъ. Пушкаренко шепотомъ, быстро отдавалъ приказанія.

— Ты, Семень, возьми съ десятокъ козаковъ,—говорилъ онъ хорунжему; спустись въ лощину и обойди логовище со стороны рѣки, чтобъ кто-нибудь изъ разбойниковъ не ушелъ за рѣку. Да дѣлай обходъ осторожно. Когда засядешь на мѣстѣ, дай знать—завой волкомъ, да не громко.

Безпалый быстро обошелъ отрядъ, шепнулъ нѣкоторымъ козакамъ приказаніе сотника и тихо исчезъ въ темнотѣ ночи, спустившись въ лощину.

— А вы, хлопцы,—приказалъ Пушкаренко оставшимся козакамъ: раздѣлитесь и цѣпью обходите притонъ „злодіевъ“. Они сегодня перепились и спятъ мертвецки крѣпко. Стражи нѣтъ. Какъ подойдете близко къ разбойникамъ, рубите ихъ сперва саблями, а потомъ ужъ въ догонку стрѣляйте изъ мушкетовъ и пистолей. Да смотрите, не упустили атамана ихъ. Его надо живьемъ захватить. Не бейте и женщинъ, коли будутъ.

Прошло полчаса. Отрядъ подъ руководствомъ Пушкаренка притаился за соснами. Ждали только условнаго знака со стороны пошедшаго въ засаду Семена Беспалаго.

При пылавшихъ еще кострахъ притонъ разбойниковъ представлялъ фантастически-мрачную картину. Славшіе въ самыхъ разнообразныхъ позахъ разбойники похожи были на убитыхъ. Казалось, злой татаринъ набѣжалъ внезапно на пировавшихъ людей, посѣкъ ихъ кривыми саблями, опрокинулъ бочки съ виномъ, разметалъ утварь, сжегъ домъ, разрушилъ его и исчезъ въ степи на легкихъ коняхъ, оставивъ побитыхъ въ добычу хищнымъ птицамъ да лѣсному звѣрью. Такъ спали упившіеся разбойники, нарушая тишину ночи своимъ богатырскимъ храпомъ. Спала глубокимъ сномъ полуночи и стража, поставленная у входа въ пещеру.

Вотъ въ тихомъ ночномъ воздухѣ пронесся протяжный и негромкій вой волка. Этотъ вой шель отъ рѣки: то Беспалый давалъ знать сотнику, что засѣлъ на условленномъ мѣстѣ.

Пушкаренко перекрестился, вынулъ осторожно изъ ноженъ саблю и далъ знакъ козакамъ, которые осторожно стали подкрадываться къ спавшимъ разбойникамъ...

Не прошло и четверти часа, какъ лѣсъ огласился неистовыми криками и хрипомъ умиравшихъ, а площадь надъ Кудояровой пещерой представляла картину невообразимаго хаоса. При заревѣ костровъ въ испугѣ метались по площадкѣ холма почти безоружные, заспанные разбойники, не понимая, что случилось, крича о помощи; крики и вопли ихъ покрывали залпы десятка мушкетовъ, звукъ сабель и крики остервенѣвшаго отъ ярости Пушкаренка, который метался по холму, крича своимъ козакамъ: „Не упустили, хлопцы, атамана! атамана, голубчики, ищите!“

Вдругъ кто-то изъ козаковъ окликнулъ его: „пань сотникъ, вотъ самъ атаманъ Кудояръ!“

Какъ пущенная изъ лука стрѣла, бросился на зовъ Пушкаренко и въ минуту очутился близъ Кудояровой пещеры.

А тамъ уже давно пять козаковъ изъ его отряда жестоко рубились съ тремя разбойниками, заграждавшими входъ въ пещеру.

— Стой, хлопцы! не бейте ихъ! загремѣлъ сотникъ, предполагая въ одномъ изъ отбивавшихся злодѣевъ атамана.

Козаки отступили отъ пещеры, а разбойники отошли въ глубь ея.

— Старайтесь захватить атамана живьемъ! кричалъ Пушкаренко, приближаясь ко входу въ пещеру.—Надо придумать, хлопцы, какъ бы его живого взять!

— Кто хочетъ взять меня живымъ? грозно спросилъ Кудояръ, появляясь изъ пещеры. Величественный видъ его, при невѣрномъ освѣщеніи костровъ, казался чѣмъ-то чудовищнымъ. Пушкаренко и его козаки невольно подались назадъ.

— Кому нуженъ я? снова спросилъ грозно Кудояръ.

— Ты нуженъ мнѣ, Новгородскому сотнику!—отвѣтилъ ему овладѣвшій собою Пушкаренко.—Гдѣ ты дѣлъ мою жену Анастасью?

— Такъ вотъ кто пожаловалъ ко мнѣ въ гости! Ха, ха, ха!—злобно захохоталъ Кудояръ.—Ловокъ же ты, пань сотникъ, воровски подобраться къ чужому добру. Разъ отнял у меня Настю, такъ на-жѣ и въ другой разъ возьми ее!

Съ этими словами Кудояръ выхватилъ изъ за пояса богато обдѣланный серебромъ пистолеть и выстрѣлилъ въ сотника.

Въ отвѣтъ на его выстрѣлъ грянули мушкеты козаковъ и разбойниковъ, появившихся на выручку атаману.

Не попалъ Кудояръ въ сотника, а повалилъ горячею пулею на землю молодого козака, который упалъ на землю и, тяжело застонавъ, отдалъ Богу душу. Мѣтко стрѣляли и козаки: двухъ разбойниковъ свалили они своими мушкетами, а третьяго зарубилъ Пушкаренко, который съ крикомъ: „бейте, хлопцы, ихъ всѣхъ дьяволовъ!“ бросился къ пещерѣ за отступившимъ туда атаманомъ.

Кудояръ не дремалъ и ловко отбивался отъ нападавшихъ. Уже три козака лежало у ногъ его: всѣхъ ихъ уложили мѣткіе взмахи его острой сабли. Видно было, что онъ рѣшился не отдаваться живымъ въ руки заклятаго врага своего.

Вотъ онъ видитъ этого врага какъ разъ у входа въ пещеру. Съ яростью замахнулся онъ на него своею саблей, и не одобровать бы пану сотнику; но грануль во-время выстрѣлъ и пресѣкъ гибельный взмахъ Кудояровой сабли.

Въ самое сердце поразила пуля атамана, и почувялъ онъ смертельную рану, и сразу затихла въ немъ ярость, выпало изъ руки его смертоносное оружіе, и, подавшись въ пещеру, медленно опустился онъ, подобно подрубленному дубу, на землю...

VIII.

Страшная правда.

Еще Пушкаренко и сбѣжавшіеся козаки его отряда стояли въ недоумѣніи передъ входомъ въ пещеру, предполагая со стороны скрывшагося атамана разбойниковъ какую-нибудь хитрость, какъ вдругъ предразсвѣтная тишина воздуха огласилась плачемъ и причитаньями, вылетѣвшими изъ жилища Кудояра.

— Охъ, мой Михайлинь! мой сизый голубчикъ! Что за злые вороги погубили тебя! Что жъ дѣлать мнѣ горемычной безъ тебя, моя отрада? Куда я прихилюсь, гдѣ найду по-раду? Ужели жъ мнѣ, горемычной зозулѣ, доведется снова идти къ ненавистному, мужу, и снова буду я влачить жизнь-каторгу? Недолго я пожила-порадовалась съ тобою, мой соволясный! Охъ, горе-горечко мнѣ несчастной, безталанной!

Такъ причитала надъ отходившимъ въ вѣчность Кудояромъ Настя, подобно тому, какъ плачетъ безутѣшная чайка, когда злые мальчишки-пастухи разорять ея убогое гнѣздышко, свитое на небольшой кочкѣ среди залитого половодьемъ дуга. Съ жалобнымъ воплемъ носится она надъ разрушеннымъ домикомъ своимъ и роняетъ, сердечная, тяжкія слезы на осиротѣвшія руины.

Какъ громомъ пораженный, стоялъ Давидъ Пушкаренко, узнавъ голосъ своей жены. А она, забывъ злыхъ враговъ, припала головою къ груди умиравшаго Кудояра, цѣловала его руки, очи, холодѣющія уста и причитала, въ порывѣ безумнаго горя мѣшая ласки съ страшными проявленіями злодѣйствъ-судьбы, которая безжалостною и могучею своею рукою вторично и на вѣки разбила ея счастье...

— И за что ты, проклятая доля, такъ неустанно преслѣдуешь меня? Куда мнѣ скрыться, чтобъ ты не нашла меня? Немного бѣ еще времени, и мы бѣ съ Михайликомъ ушли далеко-далеко отъ тебя, злая и немилостивая судьба моя! Ну, зачѣмъ, кому нужна была смерть твоя, мой ненаглядный Михайликъ, моя отрадная дружина!...

Плачь безутѣшной Насти коснулся слуха Кудояра. Онъ собралъ остатокъ силъ, очнулся и простоналъ, хватаясь за нее рукою: „Не плачь, Настя... не убивайся такъ... будетъ... не надо слезъ... молись о моей душѣ грѣшной... церковь..“ Онъ тяжело вздохнулъ—и его не стало.

Казалось, грѣшная душа его улетѣла куда-то въ невѣдомую даль вмѣстѣ съ предразсвѣтнымъ вѣтеркомъ, который потянулъ съ рѣчки Знобовки, прошумѣлъ въ надрѣчной осоцѣ, качнулъ иглистые вѣтки сосенъ и исчезъ въ облачной вышинѣ.

Влѣдная полоса прорывавшагося на горизонтѣ свѣта разсвѣтала мракъ ночи и дала возможность различать окружающіе предметы.

Настя, почувствовавъ холодъ трупа, встала съ земли и вышла изъ пещеры. Она остановилась и протерла глаза, какъ бы не вѣря тому, что она увидѣла.

Передъ нею стоялъ неподвижно, точно каменное изваяніе, ея суровый, старый постылый мужъ Давидъ Пушкаренко съ козаками.

Такъ вотъ кто вторично разбилъ ея счастье! Вотъ кто ея лютая судьба! . . . . .

Выглянувшіе изъ-за островка лучи восходящаго солнца упали на трупъ Кудояра, который лежалъ на дорогомъ коврѣ

со скрещенными на груди руками. Красивое лицо его было покойно, точно спалъ онъ глубокимъ, невозмутимымъ сномъ, лишь неестественно заострившійся носъ и зеленый цвѣтъ лица говорили опытному глазу о вѣчности и непробудимости этого ужаснаго сна.

У ногъ Кудояра сидѣла Настя и со слезами въ покраснѣвшихъ и вспухнувшихъ глазахъ смотрѣла въ лицо покойника. Погруженная въ думы, она никого не видѣла, ничего не слышала, содрогаясь тѣломъ при тяжкомъ воспоминаніи.

Шагахъ въ десяти отъ нея, на пнѣ срубленной березы, сидѣлъ Давидъ Пушкаренко, прислушивался къ стуку заступовъ, которыми въ пещерѣ рыли козакъ могилу для Кудояра, и пытливо всматривался въ неподвижное лицо своего заклятаго врага. Суровое лицо сотника сразу осунулось, станъ сгорбился, весь онъ казался глубокимъ и безпомощнымъ старикомъ. Но въ головѣ и сердцѣ этого старика шла роковая борьба.

„Такъ вотъ гдѣ, только у трупа этого знаменитаго атамана разбойниковъ, у трупа моего злѣйшаго врага,—думалъ онъ,—суждено мнѣ узнать страшную правду жизни моей! Мало того, только здѣсь, въ безумномъ плачѣ этой молодой и красивой женщины онъ узналъ, что онъ панъ сотникъ, бѣльшій „злодій“, чѣмъ вотъ этотъ самый разбойникъ Кудояръ. Да, вѣдь Михаилъ Бочаренко сталъ разбойникомъ не своею волею, а толкнули его на широкую проѣзжую дорогу, въ темные лѣса несчастныя обстоятельства жизни, его злая доля. Но что меня человѣка богатаго, власть имущаго, пользующагося почетомъ въ Новгородѣ, что меня толкнуло на путь преступленія? Моя собственная прихоть. Зачѣмъ я ворвался въ домъ родителей Насти? Зачѣмъ навязался ей насильно въ мужья? Зачѣмъ вырвалъ изъ объятій Бочаренка Настю, которая принадлежала ему по праву любви? Любви?! А развѣ я, сотникъ, не любилъ Настю? Почему же право Бочаренка,—я чувствую это,—сильнѣе, чѣмъ мое право?“

И старая голова Пушкаренка кругомъ шла отъ безпощаднаго противорѣчія вихремъ проносившихся въ ней мыслей. Тоска грызла его сердце, и онъ невыразимо скорбѣлъ.

— Не такой же я злодѣй,— снова думалъ онъ,— чтобы мнѣ доставляло радость загубить чужую жизнь. А между тѣмъ, развѣ я не загубилъ жизнь не только Кудояра и Насти, но и свою собственную? О Господи, Боже мой!—вздохнулъ онъ: зачѣмъ Ты надѣлилъ человѣка лютыми страстями? Зачѣмъ Ты такъ затуманилъ его голову, что онъ только путемъ тяжкихъ ошибокъ и страданья доходитъ до пониманія смысла жизни?“

И въ глазахъ сотника все его земное существованіе получило таковой ничтожный, жалкій видъ, что онъ ужаснулся, какъ онъ могъ жить не только дни, но цѣлые годы въ томъ смрадномъ омутѣ, который называется жизнью человѣческой.

Ему стало жаль и загубленной имъ Насти, и павшаго отъ его руки Кудояра. Онъ тяжело страдалъ, что разбилъ счастье этихъ молодыхъ и любящихъ другъ друга людей...

Было часовъ девять утра, когда зарыли въ пещерѣ гробъ Кудояра, а съ нимъ похоронили навѣки земное мучительно-сладкое, но непродолжительное счастье Насти, равно какъ и душевный покой Новгородсѣверскаго сотника Давида Пушкаренка..

Не прошло мѣсяца, какъ на холмѣ, надъ Кудояровой пещерой, теперь засыпанной землей, срубили небольшую деревянную церковку во имя святаго архистратига Михаила, въ отпущеніе грѣховъ рабу Божию Михаилу Бочаренку.

IX.

Слѣды прошлаго.

Прошло два столѣтія. Обмелѣла до неузнаваемости рѣчка Знобовка; исчезли густые сосновые лѣса, покрывавшіе ея берега; смѣнилось не одно поколѣніе въ селѣ Голубовкѣ; забылись ужасы и горе, причинявшіеся нѣкогда разбойниками изъ шайки Кудояра, словомъ—многое измѣнило и унесло съ собою быстротечное время; но и понынѣ высится небольшой храмъ Божій на холмѣ близъ Знобовки. Блеститъ на немъ золотой крестъ, призываетъ крестьянъ къ молитвѣ скромный колоколь,

шумятъ листьями молодья березки вокругъ церкви во имя архистратига Михаила, и живетъ вмѣстѣ съ храмомъ Божиимъ преданіе о Кудояровой пещерѣ, хотя потускнѣлъ уже величавый образъ атамана разбойниковъ. И нынѣ, при входѣ въ церковь села Голубовки, по лѣвую сторону, на три сажени отъ церковнаго крыльца, указываютъ засыпанный входъ въ Кудоярову пещеру.

О сотникѣ же Новгородсѣверскомъ Давидѣ Пушкаренкѣ и его несчастной женѣ Настѣ хранить память ризница церковная. Въ ней доселѣ находится пожертвованное ими и купленное своимъ „коштомъ“ святое евангеліе, въ листъ, Московской печати, въ переплетѣ изъ чернаго бархата съ изображеніями— на одной доскѣ Воскресенія Христова и четырехъ евангелистовъ, а на другой—архистратига Михаила.

Евангеліе это дали въ отпущеніе грѣховъ Давидъ и Анастасія Пушкаренки въ роковомъ для нихъ 1687-мъ году, что видно изъ слѣдующей записи: „Я рабъ Божій Давидъ Пушкаренко, сотникъ войска ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, изъ женою моею Анастасіею, надалисмо сіе Евангеліе за отпущеніе грѣховъ своихъ до храму престола Архистратига Христова Михаила въ вѣчную possessію, до слободы Голубовки. А наступающимъ по мнѣ всѣмъ то чиню вѣдомо: ктобы важился сіе Божественное Евангеліе отъ Храму отъдалити и отняти, таковый да будетъ, да будетъ проклятъ, анаеема... а то чинилемъ и надалемъ сію книгу въ року 1687) ноевріа ѿ (8) дня.“

С. Березка. 1894 г.

Сергій Бражловскій.

Нъ исторіи малорусской исторіографіи и малорусскаго общественнаго строя.

(Замѣтки по поводу статей В. А. Мякотина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи“ въ „Русск. Богатствъ“ 1894 г. № 2, 3 и 4).

I.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи чело-вѣчества является, безъ сомнѣнія, судьба лѣвобережной Мало-россіи въ второй половинѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ.

Послѣ долгой и упорной борьбы за свою самостоятельность, малорусскій народъ освободился, наконецъ, отъ Польши съ ея ари-стократическимъ строемъ, подавлявшимъ личность большинства обывателей, и соединился съ Россіей. Соединеніе это не было сліяні-емъ. Это былъ родъ личной уніи, гдѣ два соединившихся государ-ства имѣють общаго главу, а затѣмъ все, что касается ихъ управ-ленія, суда, законодательства, даже финансовъ и пр., все это существуетъ у каждаго государства отдѣльно. Отношенія Мало-россіи къ Россіи были регулированы особыми „пунктами“, за-ключенными между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ ¹⁾ и гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ. „Пункты“ эти, правда,

¹⁾ Статьи Б. Хмельницкаго напечатаны въ П. С. З. т. I, № 119; Собр. Г. Гр. и Д. ч. III № 168; въ „Источ. Малор. Ист“. Бантышъ-Каменскаго т. I. О стать-яхъ Б. Хмельницкаго см. *Костомаровъ*, „Богданъ Хмельницкій“ т. III, *Соловьевъ* Исторія Россіи т. X, *Барновъ*, „Переговоры о соединеніи Малой Россіи съ Великой“ въ Жур. М-ва Нар. Просв. 1871 г. № 11 и 12, *И. Н. Буцинскій*, „О Богданѣ Хмельницкомъ“ гл. 8, *П. А. Шафрановъ*, „О статьяхъ Богдана Хмельницкаго въ Киев. Стар. 1889 г. кн. 11.

были лишены системы, отличались, въ достаточной степени. неопредѣленностью, не разъ въ послѣдствіи измѣнялись, но всегда были достаточны для того, чтобы изъ нихъ ясно можно было видѣть независимость малорусскаго общественнаго строя. И независимость эта существовала не только *de jure*, но и *de facto*. Великорусское правительство дѣлало, правда, попытки вмѣшаться въ строй Малороссіи, порой старалось регулировать правовыя отношенія въ ней, но это вмѣшательство въ первыя 50—60 лѣтъ носило такой частичный характеръ, что не могло оставить по себѣ болѣе или менѣе значительнаго слѣда, и малорусская общественно-правовая жизнь развивалась, въ значительной степени, внѣ вліяній Москвы. При такихъ обстоятельствахъ, малорусскій общественно-правовой строй носитъ характеръ нѣкотораго рода самобытности, а съ этимъ вмѣстѣ онъ приобретаетъ и особый интересъ для изслѣдователя.

Малорусское общество сложилось не на первыхъ порахъ человѣческаго развитія, а тогда, когда каждый членъ имѣлъ уже многовѣковую исторію; когда онъ долго и упорно боролся противъ другаго строя, ему не подходящаго, связывавшаго его по рукамъ и ногамъ, не дававшаго ему жить; когда онъ порвалъ всѣ связи съ этимъ строемъ и задумалъ создать новый, на новомъ основаніи, положивъ въ основу личную свободу. Казалось бы, на этой основѣ общество должно было выработать иной строй, гдѣ бы каждому легче жилось, гдѣ бы человѣкъ былъ „свободнымъ“ во всѣхъ отношеніяхъ. Этого, однако, не случилось. Малороссія, въ сущности, не выработала никакого опредѣленнаго, строго обозначившагося строя, никакихъ ясныхъ общественно-правовыхъ принциповъ, и вся жизнь ея прошла въ какомъ-то хаотическомъ состояніи и исчезла, не оставивъ ни гдѣ замѣтнаго слѣда.

Малорусскій общественно-правовой строй потерпѣлъ, такимъ образомъ, крушеніе, и въ настоящее время только нѣсколько случайно уцѣлѣвшихъ въ X т. свода законовъ, уродливыхъ, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, спеціальныхъ статей для Черниговской и Полтавской губерній, заимствованныхъ изъ Литовскаго Статута, слабо намекаютъ на то, что въ Мало-

россін былъ когда-то иной порядокъ вещей ¹⁾). Фактъ крушенія—совершившійся, законченнй, и задача исторіи въ настоящее время указать, съ одной стороны, на причины его, а съ другой—прослѣдить, во всѣхъ деталяхъ, можетъ быть въ высшей степени поучительныхъ и для современнаго намъ общества, самый процессъ этого крушенія. Съ этой точки зрѣнія исторія Малороссіи представляетъ интересъ не только областной, такъ сказать мѣстный, но и общечеловѣческій, міровой, по сколько на ней можно прослѣдить историческую закономерность явленій и отмѣтить условія, способствующія развитію общества или тормозящія его.

Къ сожалѣнію только, до сихъ поръ исторія Малороссіи привлекала къ себѣ мало изслѣдователей. Помимо, конечно, общаго увлеченія исторіей центральной Россіи, которое поглощало лучшія наши ученые силы, причиной этого была трудность работать надъ малорусскою исторіей, такъ какъ, при отсутствіи печатныхъ источниковъ, приходилось работать почти исключительно по архивнымъ матеріаламъ, благодаря чему работа значительно усложнялась и теряла свой привлекательный для изслѣдователя характеръ. Малорусскіе архивы не сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, а разбросаны: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Москвѣ и даже теперь въ Петербургѣ, куда, какъ извѣстно, попала въ Академію Наукъ часть Румянцовской описи ²⁾; архивы эти не разобраны и представляютъ изъ себя море бумагъ, въ которомъ можетъ разобраться только очень терпѣливый и усидчивый изслѣдователь. Естественно, поэтому, что большинство изслѣдователей пугалось такого состоянія источниковъ и отказывалось отъ мысли браться за разсмотрѣніе той или другой стороны малорусскаго общественнаго быта.

¹⁾ Пол. Собр. Зак. 1842 г. № 15, 532.

²⁾ Объ этомъ см. *А. М. Лазаревскій*. Описаніе Старой Малороссіи, т. I и II Предисловіе. *В. А. Мякотинъ*. Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ. „Кіев. Стар.“ 1891 г. № 2; см. также *Наши замѣтки* въ „Кіев. Стар.“ за декабрь 1892 года „Къ децентрализациі нашихъ историческихъ архивовъ. Судьба Румянцовской Описи“, и рецензію на 5 книгу „Чтеній въ О-вѣ Нестора Лѣтописца“ въ „Кіев. Стар.“ 1891 г. Октябрь.

Были и другія обстоятельства, тормозившія и отчасти и теперь тормозящія изслѣдованіе малорусской исторіи, а потому не мудрено, что исторія Малороссіи, въ большинствѣ случаевъ, является еще прямо таки terra incognita. Намъ неизвѣстны въ деталяхъ ни управленіе, ни судъ, ни финансы. Повинности, исторія сословій, землевладѣнія и проч., все это ждетъ еще своихъ изслѣдователей.

Исторія Малороссіи, если конечно, не считать лѣтописей XVII и начала XVIII в., обратила на себя вниманіе въ среднѣ прошлаго столѣтія, въ эпоху Екатерининской комиссіи. Этому содѣйствовали особыя обстоятельства. Какъ извѣстно, рѣшеніе центрального правительства созвать комиссію изъ представителей разныхъ сословій и народностей, входящихъ въ составъ государства, для выработки общаго имперскаго законодательства, не встрѣтило сочувствія въ Малороссіи. Наоборотъ, въ Малороссіи проявился своего рода протестъ противъ начинаній правительства, навлекшій на себя подъ часъ суровыя, несправедливыя мѣры деспотическаго Румянцева, управлявшаго тогда Малороссіей¹⁾. Давленіе, производимое имъ на малорусское общество, не дало возможности послѣднему, въ особенности же малорусскому шляхетству,—высказать цѣликомъ свои пожеланія. Сущность этихъ пожеланій, какъ можно видѣть изъ наказовъ и матеріаловъ, относящихся къ выборамъ малорусскихъ депутатовъ и ихъ дѣятельности въ Екатерининской Комиссіи, сводилась къ сохраненію возможно полной обособленности Малороссіи отъ Россіи въ области администраціи, суда и законодательства и затѣмъ къ признанію нормальнымъ, законнымъ того порядка вещей, который установился въ Малороссіи, благодаря стихійному ходу ея исторіи²⁾. Порядковъ этотъ при-

¹⁾ Объ этомъ см. *Австемко* „Малороссія въ 1767 году“; *Осоловѣвъ* т. XXVII; *Таличченко* „Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской комиссіи. Кіевъ, 1891 г., или въ „Кіевской Старинѣ“ за 1890 г. *Наша* рецензія на „Чтенія въ О-вѣ Нестора Лѣтописца кн. V“ въ „Кіев. Стар.“ 1891 г. Октябрь.

²⁾ См. Наказы малороссійскимъ депутатамъ, над. „Кіевской Старинѣ“ Кіевъ. 1888; Чтенія въ О-вѣ Нестора Лѣтописца кн. V; Чтенія въ о-вѣ исторіи и древностей 1861 г. кн. I. Матеріалы къ исторіи Екатерининской комиссіи въ рукопис-

мо противорѣчилъ тѣмъ идеаламъ, которые руководили козацкимъ движеніемъ, приведшимъ Малороссію къ отпаденію отъ Польши, и которые затѣмъ должны были, по идеѣ, лечь въ основу малорусскаго соціального строя. Таково было фактическое положеніе дѣла. Теоретически оно представлялось совсѣмъ иначе тѣмъ лицамъ, которые стояли теперь во главѣ малорусскаго общества и которые могли сказать свое авторитетное слово и въ интересахъ которыхъ лежало исторически оправдать существующій порядокъ вещей. Это повело къ занятію малорусской исторіей, такъ какъ связь съ прошедшимъ была до того потеряна въ срединѣ XVIII вѣка, что въ гетманство Разумовскаго не знали, напр., что такое полковники, какова ихъ власть и пр.¹⁾

Среди людей, признававшихъ современный порядокъ вещей нормальнымъ и старавшихся оправдать его съ исторической точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ умныхъ, начитанныхъ и образованныхъ былъ извѣстный депутатъ отъ лубенскаго шляхетства въ Екатерининской комиссіи Г. А. Полетика²⁾. Воспитанникъ духовной кіевской академіи, Г. А. Полетика родился въ 1725 г., служилъ сначала переводчикомъ при академіи наукъ, затѣмъ при св. синодѣ, откуда былъ назначенъ инспекторомъ классовъ морскаго шляхетскаго корпуса, гдѣ и оставался до 1773 года. Умеръ онъ 27 ноября 1784 г.

номъ отдѣленіи бібліотеки университета св. Владиміра. Бумаги эти поступили сюда недавно изъ бібліотеки М. О. Судьенка.—Наказы малорусскимъ шляхетскимъ депутатамъ напечатаны также въ 68 т. „Сборника Рус. Ист. Общ.“ О дѣятельности малорусскихъ депутатовъ въ Комиссіи см. т. 4, 8, 14, 32, 36 „Сбор. Рус. Ист. Общества“.

¹⁾ Харьк. Истор. Арх. Черн. отд. № 10510. До чего доходило забвеніе прошлаго Малороссіи у поколѣнія конца XVIII и начала XIX вѣка см. рецензію А. М. Лазаревскаго на „Семейную хроніку“ А. В. Кочубая, въ „Кіевской Старинѣ“ 1894 г., кн. I.

²⁾ О Полетикахъ см. ст. А. М. Лазаревскаго „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ“ „Кіев. Стар.“ 1891 г. Апрель. Частная переписка Г. А. Полетики напечатана А. М. Лазаревскимъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1893 и 1894 года. Свѣдѣнія о Г. А. Полетикѣ см. также въ матеріалахъ для исторіи Екатерининской комиссіи.

Принадлежа, по рожденію, къ малорусскому шляхетству и живя въ то же время, когда шляхетство это вполне уже выдѣлилось изъ народа, на половину закрѣпостило его и сосредоточило все свои стремленія на томъ, чтобы русское правительство признало его юридически—Г. А. Полетика, естественно, явился защитникомъ и проводникомъ шляхетскихъ стремленій. Будучи затѣмъ избранъ депутатомъ въ комиссію, онъ сдѣлался въ ней ярымъ защитникомъ малорусской автономіи, старался оправдать и отстоять ее съ исторической точки зрѣнія, понимая, впрочемъ, прошлое Малороссіи совершенно въ превратномъ видѣ, а можетъ быть и умышленно извращая его съ цѣлью отстоять свои шляхетскія вожделнія. Въ бумагахъ, поступившихъ въ кievскій университетъ изъ бібліотеки покойнаго І. М. Судьенка ¹⁾, есть черновыя историческія записки Г. А. Полетика, писанныя имъ, очевидно, въ бытность депутатомъ въ комиссію. Записки эти интересны для насъ, какъ первые шаги въ изученіи малорусской исторіи, тѣмъ болѣе, что позднѣйшіе собиратели матеріаловъ по малорусской исторіи, А. И. Чепа, Я. М. Марковичъ, такъ или иначе связаны съ фамиліей Полетикъ ²⁾, а потому мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что пробужденіе у нихъ интереса къ занятію малорусской исторіей обусловлено, въ значительной степени, вліяніемъ семьи Полетикъ: дѣло отца, какъ извѣстно, продолжалъ и сынъ его Василій Григорьевичъ ³⁾.

Изъ историческихъ записокъ Г. А. Полетика, о которыхъ мы уже упомянули, сохранились отрывки одной подъ заглавіемъ, „*Историческое извѣстіе, на какомъ основаніи Малая Россія*

¹⁾ Рукописное отдѣленіе бібліотеки у-та св. Владиміра. Объ этихъ бумагахъ и переходѣ ихъ во владѣніе Судьенка см. у А. М. Лазаревскаго „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ“ Кіевская Старина 1891 года апрѣль, стран. 112 примѣчаніе 1.

²⁾ См. письма А. И. Чепы въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 года, май стран. 364 и слѣдующ.

³⁾ „Кіевская Старина“ 1891 года, книга 4-ая, стран. 111 А. М. Лазаревскій. Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ.

была подъ республикою польскою и на какихъ договорахъ поддалась россійскимъ государямъ, и патриотическое разсужденіе, какимъ образомъ можно бы оную нынѣ учредить, чтобы она полезна могла быть россійскому государству безъ нарушенія правъ и волостей ¹⁾“). Записка эта тенденціозна, и тенденція ея соотвѣтствуетъ вполнѣ тѣмъ стремленіямъ малорусскаго шляхетства, о которыхъ мы знаемъ наканунѣ Екатерининской комиссіи. За образецъ въ ней взяты строй польскій, и онъ выдается какъ существовавшій въ Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго и утвержденный пунктами этого гетмана съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. На первомъ планѣ стоитъ, конечно, шляхетство и его затаенная мысль возстановить такой строй, при которомъ оно получило бы выдающійся перевѣсъ, какъ въ администраціи (сеймики), такъ и въ судѣ (суды городскіе и земскіе). Съ этой точки зрѣнія демократизмъ, который легъ теоретически въ основу малорусскаго общественнаго строя, является прямымъ нарушеніемъ „правъ“, а гетманы настоящими беззаконниками, постоянно нарушавшими эти права и захватывающими власть въ свои руки. Другая записка, подъ заглавіемъ „*Записка, какъ Малая Россія во время владѣнія польскаго раздѣлена была и о образъ ея управленія*“ ²⁾“) проводитъ ту же мысль, которая лежитъ затѣмъ въ основѣ „правъ и привиллегій малорусскаго шляхетства ³⁾“, громаднаго сборника Г. А. Полеттики, представленнаго имъ въ Екатерининскую комиссію для защиты самобытности и автономности Малороссіи. Конечно, съ точки зрѣнія науки всѣ эти тенденціозныя попытки исторически оправдать и, такимъ образомъ, якобы объяснить существующій строй—не выдерживаютъ никакой критики; но съ точки зрѣнія

¹⁾ Рукописное отдѣленіе Библиотеки у-та св. Владиміра. Бумаги М. О. Судьбенка.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же. Кромѣ этихъ записокъ есть и другія, принадлежащія также Г. А. Полеттикѣ, напр. „*Замись, что Малая Россія не завоевана, а присоединилась добровольно къ Россіи*“ и пр. См. также „*Возраженіе депутата лубенскаго шляхетства Г. А. Полеттики на наставленіе депутату малороссійской коллеіи Дм. Натальину. Читенія въ Общ. Исп. и Древн. 1858 г. кн. III, 51—105.*“

самосознанія и затѣмъ пробужденія интереса къ прошлому малорусскаго народа—они, несомнѣнно, имѣли значеніе и не остались безъ вниманія.

Съ именемъ Г. А. Полетики стали связывать въ послѣднее время и пресловутую „Исторію Руссовъ ¹⁾“, являющуюся скорѣй историческимъ памфлетомъ въ духѣ упомянутыхъ выше историческихъ записокъ Полетики, преслѣдующихъ вполнѣ определенную практическую цѣль, чѣмъ, дѣйствительно, историческимъ трудомъ ²⁾, но даже при такомъ ея значеніи „Исторія Руссовъ“ интересна для насъ, какъ одна изъ попытокъ связно рассказать исторію малорусскаго народа. Если даже она написана не Г. А. Полетикой, то она не могла бы явиться въ свѣтъ безъ него и безъ Екатерининской комиссіи. Послѣдняя создала условія, при которыхъ знакомство съ прошлымъ Малороссіи сдѣлалось прямо таки необходимою; Г. А. Полетика одинъ изъ первыхъ обратился къ такому знакомству. Вотъ почему съ Г. А. Полетики и слѣдуетъ, думается намъ, начинать малорусскую исторіографію. Онъ, несомнѣнно, прямо или косвенно содѣйствовалъ пробужденію въ малорусской интеллигенціи того стремленія къ самосознанію, которое выразилось въ изученіи прошлаго и настоящаго малорусскаго народа.

¹⁾ Въ литературѣ первый высказалъ такое предположеніе *А. М. Лазаревскій* „Отрывки изъ Семейнаго архива Полетикъ“ Киев. Стар. 1891 г. кн. 4-я стр. 110—116. См. также проф. *В. С. Иконниковъ* „Опытъ Русской исторіографіи“ Киев. 1891—92 г. т. I, стр. 1230, прим. 4-е *Л. Н. Майковъ*. Къ вопросу объ исторіи Руссовъ жур. М. Н. Пр. 1893. г. № 5.

²⁾ Исторія Руссовъ напечатана *О. М. Бодянскимъ* въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“ въ 1846 году и отдѣльно. О ней см. статьи и *С. М. Соловьева* „Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу“ въ Отечеств. Зап. 1848 и 1849 гг. *Карповъ*. Критическій обзоръ разработкы главн. русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся“ М. 1870 г. гл. IV. Характеристика автора „Исторіи Руссовъ“ см. въ газетѣ *Порядокъ* 1881 г. № 97 (статья *Н. И. Костомарова* „поѣздка въ Батуринъ“) и № 128—„Въ защиту неизвѣстнаго покойника“, возраженіе *Н. И. Костомарову*. Также названныя выше ст. *А. М. Лазаревскаго* и *Л. Н. Майкова* и ст. *В. П. Горленка* „Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX в. Киев. Старина 1893 г. январь.

Судьба Малороссіи, впрочемъ, интересовала въ это время не однихъ только малороссовъ. Исторіей Малороссіи заинтересовался академикъ Г. Ф. Миллеръ, и ему принадлежатъ статьи „о началѣ происхожденія козаковъ“, затѣмъ „Извѣстія о запорожскихъ козакахъ“, напечатанныя въ апрѣльской и майской книгахъ „Сочиненій и переводовъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ“ за 1760-й годъ ¹⁾). Кромѣ этихъ двухъ статей, сохранилось въ портфель Миллера нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ исторіи запорожскихъ козаковъ и Малороссіи и напечатанныхъ только впоследствии О. М. Бодянскимъ ²⁾). Несомнѣнно, пробужденіе интереса къ знакомству съ прошлымъ Малороссіи и малорусскаго народа стоитъ и здѣсь въ тѣсной связи съ вопросомъ объ измѣненіяхъ въ малорусскомъ административномъ строѣ, который былъ тогда поставленъ на очередь въ правительственныхъ сферахъ и который, естественно, обращалъ вниманіе на своеобразную страну, ничѣмъ не похожую на Великороссію ни въ своемъ прошломъ, ни въ настоящемъ. Только этимъ мы и можемъ объяснить появленіе многихъ трудовъ о Малороссіи, которые хотя были напечатаны и много лѣтъ спустя, но которые свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ пробужденіи интереса къ Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка, даже независимо отъ желанія отстоять ея привилегіи, желанія, несомнѣнно руководившаго, напримѣръ, Г. А. Полетикой и нѣкоторыми изъ уроженцевъ—малороссовъ. Назовемъ трудъ Петра Симоновскаго „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и военныхъ дѣлахъ“, составленное въ 1765 г. и напечатанное уже Бодянскимъ въ 1847 году ³⁾ или, наконецъ, „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ и козакахъ вообще“ А. Ригельмана (1785—1786 г.) ⁴⁾). Если съ строго научной точки зрѣнія труды эти, можетъ быть, и не

¹⁾ Апрель стр. 291—334; май 387—444.

²⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. 1847 г. № 3—6 и отдѣльно.

³⁾ Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. 1847 г. № 4 и 8 и отдѣльно.

⁴⁾ Тамъ же № 5—9 и отдѣльно. Рецензія К. Д. Кавелина. Въ „Современникъ“ 1847 г. № 3, 5, 6 и 8.

выдерживаютъ во многомъ критики, то съ точки зрѣнія исторіографіи и затѣмъ стремленія въ изученію извѣстнаго народа и страны, они, несомнѣнно, имѣютъ свое значеніе, хотя бы какъ показатели умственныхъ интересовъ извѣстной эпохи и извѣстной группы людей.

Что такіе люди существовали во второй половинѣ XVIII в., у насъ есть много свидѣтельствъ. Извѣстный Василій Рубанъ, уроженецъ Малороссіи, издалъ нѣсколько источниковъ, относящихся къ исторіи Малороссіи въ ея отдаленномъ или ближайшемъ прошломъ¹⁾. Г. А. Полетика, сказали мы, собиралъ матеріалъ для исторіи Малороссіи еще раньше Рубана, и послѣ него осталось драгоцѣнное десяти томное собраніе матеріаловъ, поступившихъ недавно въ бібліотеку университета св. Владимира вмѣстѣ съ другими бумагами Г. А. Полетики²⁾, приобретенными у его родственниковъ М. О. Судьенкомъ. Г. А. Полетика, судя по словамъ сына, задумывалъ написать исторію Малороссіи. Неприведенное въ исполненіе дѣло отца продолжалъ и сынъ его Василій Григорьевичъ. Въ одномъ изъ писемъ къ гр. Румянцеву В. Г. Полетика пишетъ, что „начертаніе“ исторіи Малороссіи было дѣломъ его отца, „а наконецъ сдѣлалось моимъ предметомъ³⁾“. В. П. Горленко предполагаетъ даже въ В. Г. Полетикѣ автора „Исторіи Руссовъ⁴⁾“. Какъ бы

¹⁾ Параскѣй Шепетильникъ 1770 г. декабрь „Историческія извѣстія польскихъ писателей о провинціяхъ и городахъ Россійскихъ, бывшихъ нѣкогда во владѣніи польскомъ и потомъ оныя россиянами взятыхъ, принадлежащія къ Россійской имперіи“. Статья появилась безъ имени автора, но по предположенію А. М. Лазаревскаго (Указатель источниковъ для изученія Малор. края вып. I стр. 4) принадлежитъ Рубану. Въ 1773 г. Рубанъ напечаталъ „Краткія Политическія и Историческія извѣстія о Малой Россіи“; есть его работа затѣмъ о привилегіяхъ г. Кіева. Имъ издана также „Роспись митрополитовъ Кіевскихъ“; „Краткая лѣтопись Малой Россіи съ 1506 по 1776 годъ“; „Землеописаніе Малой Россіи и др. Указатель изданій и сочиненій В. Рубана см. въ „Указателѣ источниковъ для изученія Малорусскаго края“ А. М. Лазаревскаго. Нѣкоторыя изъ произведеній В. Рубана напечатаны были въ „Магазинѣ“ Бюшннга.

²⁾ Рукописный отдѣлъ бібліотеки св. Владимира.

³⁾ Кіевская Старина 1891 г. кн. 4 стр. 111.

⁴⁾ В. П. Горленко „Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX ст. „Кіев. Стар.“ 1893 г. январь стр. 69 и слѣд.

то ни было, а въ семьѣ Поветики поддерживалась любовь къ малорусской исторіи и зрѣла мысль объ ея разработкѣ. Съ Поветиками былъ близокъ извѣстный собиратель малорусской старины А. И. Чапа, и нельзя отрицать, что на немъ отражалось вліяніе традицій семьи Г. А. Поветики, ревностно собиравшаго матеріалъ для исторіи Малороссіи. Часть матеріаловъ, собранныхъ А. И. Чепой, была дана молодому Я. М. Марковичу, который задумалъ писать подробную исторію Малороссіи, и погибъ въ Петербургѣ, по кончинѣ Я. М. Марковича¹⁾). Послѣдній умеръ рано, 20 лѣтъ, но былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ, серьезныхъ и начитанныхъ людей своего времени. Плодомъ занятій Я. М. Марковича Малороссіею явились небольшія, въ 98 стр., „Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ“, изданныя въ 1798 году. По черновымъ бумагамъ Я. М. Марковича, сохранившимся у родственниковъ его, можно видѣть, какой эрудиціей обладалъ этотъ человекъ и съ какой солидной подготовкой онъ подходилъ къ своему дѣлу, занятію исторіей Малороссіи. Небольшая его книжка, названная выше, судя по всему, должна была служить началомъ этой „исторіи“. Въ „исторіи“ Я. М. Марковича мы, несомнѣнно, имѣли бы трудъ научный, написанный со всѣми приѣмами, которые выработала тогдашняя научная историческая критика. Здѣсь мы можемъ говорить уже о чисто научной постановкѣ разработки малорусской исторіи, безъ всякой практической тенденціозной цѣли, которая налагала на историческіе труды, поневолѣ, характеръ какихъ то политическихъ памфлетовъ, какъ то мы видимъ, на примѣръ, въ запискахъ Г. А. Поветики или въ „Исторіи Руссовъ“. Труды Я. М. Марковича и др. также согрѣты и вызваны патріотизмомъ, любовью къ родинѣ; только патріотизму этому не приносится въ жертву фактическая сторона, какъ это бывало въ недавнее время, въ той же второй половинѣ XVIII вѣка.

Я. М. Марковичъ, какъ мы видѣли, началъ изученіе Малороссіи съ современнаго ему ея состоянія. Это было вполне

---

¹⁾ Объ этомъ см. письма А. И. Чапы въ Кіев. Стар. 1890 г. № 5, а также ст. Горленка „Изъ исторіи южно-русскаго общества“—тамъ же 1893 январь.

раціонально, такъ какъ о Малороссіи и малороссахъ знали въ то время и затѣмъ въ первой половинѣ XIX столѣтія очень мало. Въ Малороссію предпринимались великорусскими людьми путешествія, точно въ совершенно имъ невѣдомую страну, и, благодаря этимъ путешествіямъ съ записками на лету впечатлѣній автора и очень скорыми и поверхностными заключеніями и обобщеніями о народѣ, его нравахъ и обычаяхъ,—въ публику проникало много невѣрныхъ свѣдѣній и прямо таки анекдотовъ, которые, будучи выдуманы въ досужій часъ, приводились для характеристики яко-бы малороссовъ¹⁾. Не лучше было знакомство съ Малороссіею и администраціи. Мы ужъ упоминали о томъ, какія затрудненія испытывалъ послѣдній гетманъ, явившись управлять родной, но ему совсѣмъ невѣдомой страной, Малороссіей. Поверхностное знакомство со страной видно и у его ближайшаго помощника Теплова, въ его „Запискѣ²⁾“. При Румянцевѣ, правда, было произведено всестороннее описаніе Малороссіи, составлена знаменитая Румянцевская Опись, но, благодаря начавшимся войнамъ, а затѣмъ ломѣю малорусскаго строя, администрація, повидимому, не успѣла воспользоваться добытыми свѣдѣніями, и Малороссія, такимъ образомъ, по прежнему, оставалась страной малоизвѣстной. Это обстоятельство, съ одной стороны, а съ другой—естественная потребность ближайшаго знакомства съ родиной, думается намъ, руководили извѣстнымъ издателемъ „Россійскаго Магазина“ Федоромъ Туманскимъ, когда онъ 6 декабря 1779 года представилъ Румянцеву прозектъ о всестороннемъ изученіи Малороссіи. Избранный корреспондентомъ Академіи наукъ, Туманскій находилъ необходимымъ „остающееся отъ должности свободное время посвятить полезнымъ отечеству своему наукамъ и знаніямъ“ и, поэтому, просилъ Румянцева собрать чрезъ подвѣдомственныхъ лицъ свѣдѣнія о Ма-

¹⁾ Объ этихъ путешествіяхъ см. ст. Л. Д. Смильга въ „Кіевской Старинѣ“ 1892 и 1893 года. Какъ образецъ неглупостей, которыя рассказывались о Малороссахъ см. „Малороссіине“ П. Свильва „Картины Россіи“ Сиб. 1830 года страницы 311—317.

²⁾ *Куминъ. Записки о южной Руси* т. II. стр. 175—196.

лороссіи по двумъ, приложеннымъ имъ, Туманскимъ, программамъ, изъ которыхъ одна касается городовъ, другая сель, слободъ, хуторовъ, займищъ; причемъ первая состоитъ изъ 50 §§, вторая только изъ 23. Программы эти въ высшей степени любопытны и касаются времени поселенія того или другаго мѣста, положенія его, управленія, количества жителей, ихъ языка, одежды, причемъ, если найдутся живописцы, необходимо приложить рисунки; затѣмъ въ программу входили также достопримѣчательности города, свѣдѣнія о торгахъ, промышленности, лѣсахъ, рыбахъ, звѣряхъ, водающихся вокругъ описываемаго мѣста; требовалось указать также, игралъ-ли данный городъ какую нибудь роль въ административномъ отношеніи; нѣтъ ли гдѣ въ канцеляріяхъ или у частныхъ людей какихъ нибудь древнихъ о Малороссіи записокъ или лѣтописей, а если есть, то требовалось сообщить съ нихъ списки. Программа требовала также свѣдѣній о народныхъ суевѣріяхъ, примѣтахъ, обрядахъ свадебныхъ и др. Словомъ, повторяемъ, программа касается самыхъ разнообразныхъ сторонъ въ изслѣдованіи Малороссіи, разработана очень подробно, такъ что составитель внесъ даже примѣрные отвѣты, которые должны были быть даны по тому или другому вопросу¹⁾.

Программа Федора Туманскаго для насъ имѣетъ особое значеніе. Не говоря уже о томъ, что въ ней проявляется та любовь къ изученію родной страны, которая такъ живо пробудилась у малорусской интеллигенціи конца XVIII и начала XIX вѣка, программа Туманскаго, повидимому, не осталась и безъ практическаго вліянія. Она такъ сходна съ планомъ, по которому составлено впоследствии „Топографическое Описаніе Черниговскаго Намѣстничества А. Шафонскаго²⁾“, что врядъ ли можно сомнѣваться, что программа Федора Туманскаго вызвала этотъ трудъ. Она несомнѣнно лежитъ также и въ основѣ

¹⁾ Подлинникъ этого проекта см. въ бумагахъ Руманцева, поступившихъ изъ библіотеки М. О. Судьенка въ рукописный отдѣлъ библіотеки университета св. Владимира.

²⁾ Издаю М. О. Судьенкомъ въ 1851 году.

„Описанія черниговскаго намѣстничества“ Дм. Пащенко ¹⁾. Наше соображеніе, думается намъ, подтверждается временемъ появленія трудовъ Дм. Пащенко въ 1781 и Аф. Шафонскаго въ 1786 г.—въ годы, слѣдующіе непосредственно за представленной 6 декабря 1779 г. программой Федора Туманскаго, а еще болѣе самымъ способомъ собиранія свѣдѣній чрезъ лицъ мѣстной администраціи, подвѣдомственной гр. Румянцеву, т. е. способомъ, который рекомендовалъ Туманскій въ своемъ проэктѣ изученія Малороссіи. Если наше предположеніе вѣрно, то невѣрно мнѣніе, будто инициатива труда принадлежитъ Румянцеву и что имъ „начертанъ общій планъ работы“, а Шафонскому принадлежитъ разработка частныхъ ²⁾. По словамъ Н. В. Стороженка, трудъ Шафонскаго „наравнѣ съ румянцевскою генеральною описью является драгоцѣннѣйшимъ источникомъ свѣдѣній для исторіи Украйны во второй половинѣ XVIII вѣка ³⁾. Въ виду то этого, для насъ пріобрѣтаетъ особенную важность то обстоятельство, что трудъ этотъ возникъ по частной инициативѣ, и если впослѣдствіи мысль объ излѣдованіи Малороссіи была усвоена высшей администраціей и приведена въ исполненіе, то картина отъ этого нисколько не мѣняется. Планъ Туманскаго лишній разъ показываетъ, что потребность знать исторію и настоящее положеніе родины вполнѣ созрѣла и укоренилась у малорусской интеллигенціи къ началу XIX вѣка; поѣтому, нисколько не удивительно, что потребность эта еще больше сознается теперь, а потому дѣлаются и попытки къ ея удовлетворенію болѣе серьезные, чѣмъ то мы видѣли даже въ самомъ концѣ XVIII вѣка. Увлеченіе исторіей и этнографіей въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, имѣвшее свои корни въ общемъ направленіи европейской мысли ⁴⁾, могло найти уже достаточно, какъ мы

¹⁾ Издаю А. М. Лазаревскимъ въ „Запискахъ Черниговскаго губернскаго Статистическаго Комитета 1868 г. к. II вып. 1 и 2.

²⁾ Н. В. Стороженко. Исторія составленія „Топографическаго Описанія Черниговскаго Намѣстничества“ Шафонскаго. Кіев. унв. Изв. 1886 г. № 10.

³⁾ Тамъ же стр. 135

⁴⁾ А. Н. Пыпинъ. Характеристика литературныхъ мнѣній. *Его-же* Исторія русской этнографіи.

видѣли, подготовленную почву въ Малороссіи и, повидимому, также не осталось безъ вліянія на разработку ея исторіи.

Мы не будемъ, конечно, перечислять всего, что сдѣлано для малорусской исторіи въ XIX вѣкѣ, такъ какъ наша цѣль вовсе не заключается въ томъ, чтобы написать исторію разработки малорусскаго прошлаго. Историческая справка въ этомъ отношеніи намъ необходима только для того, чтобы яснѣе выступило предъ читателемъ значеніе послѣднихъ работъ по малорусской исторіи и значеніе того направленія, которое эти работы приняла. Поэтому мы будемъ указывать только въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ явленія малорусской историографіи XIX вѣка, которыя, по нашему мнѣнію, такъ или иначе способствовали разработкѣ малорусской исторіи, внося ли новое освѣщеніе, ставя ли новые вопросы или сообщая новый матеріаль, какъ то дѣлалъ, напримѣръ, О. М. Бодянский¹⁾.

Въ XIX вѣкѣ исторія Малороссіи разрабатывается, главнымъ образомъ, малороссами, у которыхъ интересъ къ ней пробуждается естественно, какъ къ исторіи родной страны. Бывали, конечно, и исключенія отсюда, въ видѣ хотя бы замѣчательныхъ, по своему времени, статей С. М. Соловьева „Очерки исторіи Малороссіи до соединенія ея съ Великою Россією²⁾“ или не вполне удовлетворительнаго „Историко-статистическаго описанія Черниговской епархіи“ преосв. Филарета³⁾; но труды

¹⁾ Свѣдѣнія о разработкѣ малорусской исторіи въ концѣ прошлаго и въ нынѣшнемъ вѣкѣ можно найти въ книгѣ проф. В. С. Яковникова: Опытъ русской историографіи т. I, Кіевъ 1891—92 г.; также у проф. Д. И. Багалъя, Новый историкъ Малороссіи, рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи“ Спб. 1894; у Бартова, Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до Малороссіи относящихся М. 1870 г.; у А. Н. Пимины, Исторія русской этнографіи, т. III, этнографія малорусская; въ статьяхъ: А. М. Лазаревскаго „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ“ Кіев. Ст. 1891 г. кн. 4-я и В. П. Горленка „Изъ исторіи южно-русскаго общества“ Кіев. Стар. 1893 г. кн. I. См. также А. М. Лазаревскаго „Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края“ вын. I, Спб. 1858 г.

²⁾ „Отеч. Записки“ 1848 г. № 11 и 12 и 1849 № 2.

³⁾ Объ „Историко-статистическомъ описаніи Черниговской губерніи“ смотра А. М. Лазаревскій. „Описаніе старой Малороссіи т. I стр. XV—XVI (предисловіе); также проф. Д. И. Багалъй Новый историкъ Мороссіи, стр. 7—9.

эти носили чисто случайный характеръ и въ исторіи малорусской исторіографіи они являются трудами, такъ сказать, эпизодическими, а потому и не оказавшими большого вліянія на разработку малорусской исторіи. Больше занимался малорусской исторіей въ послѣднее время Г. Ф. Карповъ ¹⁾, но его работы носятъ узко-спеціальныи, не лишенный притомъ тенденціозности, характеръ, и, ужъ поэтому одному, онъ не могъ быть двигателемъ разработки малорусской исторіи, тѣмъ болѣе, что на сколько онъ былъ искусенъ въ критикѣ источниковъ, на столько онъ былъ слабъ въ широкихъ обобщеніяхъ и объясненіи фактовъ малорусской исторіи, т. е. именно въ тѣхъ сторонахъ историческаго изученія, которыя являются главными двигателями научной разработки исторіи, какъ науки общественной. Здѣсь у Г. Ф. Карпова на каждомъ шагѣ сказывалось полное незнакомство съ внутренней исторіей Малороссіи и полная неподготовленность къ занятію ею ²⁾, обусловленная слишкомъ узкой спеціализаціей въ области изученія малорусскихъ памятниковъ и критики отдѣльныхъ фактовъ, спеціализаціей, можетъ быть, и полезной въ извѣстномъ смыслѣ, но ужъ совсѣмъ, повторяемъ, неспособной явиться двигателемъ исторической науки впередъ.

Возвращаясь къ малороссамъ, мы должны прежде всего сказать, что тотъ интересъ къ малорусской исторіи и старинѣ, который мы замѣчали въ концѣ XVIII вѣка среди малорусской интеллигенціи продолжаетъ существовать и въ началѣ XIX вѣка. Недавно, въ іюлѣ 1894 г., А. М. Лазаревскій напечаталъ въ „Кіевской Старинѣ“ „Словарь малорусской старины, составленный въ 1808 году В. Я. Ломиевскимъ“. Словарь этотъ представляетъ собою объясненіе многихъ предметовъ, существовавшихъ въ старой Малороссіи, которые стали забываться те-

¹⁾ Главный трудъ Г. Ф. Карпова „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся М. 1870 г.“. Заглавіе: „Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великою Россіей“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1871 г. ч. 158.

²⁾ Въ этомъ отношеніи интересна статья Г. Ф. Карнова „О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи“. Рус. Арх. 1875, II.

перь, съ измѣненіемъ малорусскаго общественнаго строя. Здѣсь мы находимъ объясненія, касающіяся администраціи, титуловъ, одежды, учебныхъ заведеній и пр. Словарь явился, несомнѣнно, плодомъ долгихъ занятій Ломиковскаго малорусской стариной. Судя по краткимъ, дошедшимъ до насъ біографическимъ свѣдѣніямъ, Ломиковскій воспитывался въ вадетскомъ корпусѣ при графѣ Ангальтѣ, затѣмъ поселился въ своей слободѣ вблизи Миргорода, занимался сельскимъ хозяйствомъ, древностями и книгами, собирая „припасы для малороссійской исторіи“; въ надеждѣ, вѣроятно, заняться когда-нибудь ея составленіемъ. Ломиковскій принадлежитъ безпорно къ тѣмъ любителямъ малорусской старины¹⁾, которыхъ, мы видѣли, было не мало въ то время и которые создавали потребность въ полной исторіи Малороссіи, откуда бы систематически можно было ознакомиться съ прошлымъ родной страны. Въ числѣ людей, подобныхъ Ломиковскому, мы встрѣчаемъ М. Ф. Берлинскаго, которому принадлежитъ нѣсколько статей по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ малорусской исторіи, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ начала XIX вѣка. Среди статей М. Ф. Берлинскаго мы находимъ „Покореніе Кіева Гедиминомъ“, „Раздѣленіе Малороссіи на полки“, „О городѣ Кіевѣ“, „О кіевской академіи“ и др.²⁾ Труды эти въ настоящее время уже забыты и въ научномъ отношеніи они, пожалуй, не представляютъ интереса. Они любопытны только, какъ показатели направленія тогдашней малорусской исторіографіи и расширенія области ея сообразно, конечно, съ тѣми вкусами, которые развивались у малорусской интеллигенціи и, въ особенности, среди любителей малорусской старины, къ которымъ принадлежалъ и М. Ф. Берлинскій, и вкусы и запросы которыхъ вырабатывались, по мѣрѣ знакомства ихъ съ матеріалами, долженствующими служить „запасами для малороссійской исторіи“.

Цѣлый рядъ фактовъ, на которые мы имѣли случай уже не разъ указывать, говорятъ намъ, что потребность въ систе-

¹⁾ См. предисловіе А. М. Лазаревскаго къ „Словарю малорусской старины В. Я. Ломиковскаго“. „Кіевск. Стар.“ 1894 г. іюль, приложенія.

²⁾ Статьи Берлинскаго помѣщались въ журналѣ „Улей“ 1811 г. № 1, 3 и 8, а также въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“ 1819 г. и отдѣльно.

матической, сравнительно полной, истории Малороссіи давно уже была признана среди малорусской интеллигенціи, дѣлались и попытки въ этомъ направленіи, оставшіяся безъ исполненія, пока въ 1822 году не появилось въ свѣтъ, въ 4 томахъ, первое изданіе „Исторіи Малой Россіи“ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго вышедшее затѣмъ, въ нѣсколько измѣненномъ и переработанномъ видѣ въ 1830 году ¹⁾). Какъ первая попытка систематическаго изложенія малорусской исторіи, трудъ Бантышъ-Каменскаго представляетъ, конечно, много недочетовъ и страдаетъ, главнымъ образомъ, отсутствіемъ критики при выборѣ источниковъ; но въ исторіи разработки малорусскаго прошлаго ему все-таки принадлежитъ видное мѣсто. „Исторія Малой Россіи“ обнимаетъ собой періодъ отъ древнѣйшихъ временъ русской исторіи и оканчивается уничтоженіемъ гетманства въ Малороссіи; при чемъ авторъ главное свое вниманіе обращаетъ на событія политической жизни малорусскаго народа послѣ присоединенія его къ Россіи. Заслуга Бантышъ-Каменскаго заключается въ связаномъ разсказѣ этихъ событій и въ опубликованіи многихъ свѣдѣній изъ малорусской исторіи, почерпнутыхъ имъ изъ ненапечатанныхъ источниковъ или изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Это ставило, естественно, вопросъ о малорусской исторіи на почву научной разработки, и если въ настоящее время, какъ выражается проф. Д. И. Багалъй, трудъ Бантышъ-Каменскаго представляетъ „только библиографическій интересъ ²⁾“, то, несомнѣнно, въ свое время онъ много способствовалъ развитію малорусской исторіографіи, являясь исходною точкою для многихъ работъ по малорусской исторіи, возбуждая новые вопросы для разработки и давая для нихъ первый матеріалъ, который затѣмъ пополнялся, провѣрялся и исправлялся новымъ матеріаломъ, архивнымъ. Въ этомъ отношеніи нельзя отрицать значенія книги Бантышъ-Каменскаго даже для такихъ трудовъ, какъ „Исторія Россіи“ С. М. Соловьева и монографіи по ма-

¹⁾ Объ „Исторіи“ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго см. *Бартошъ*. Критическій обзоръ разработки главнѣйшихъ русскихъ источниковъ до Малороссіи относящихся гл. II.

²⁾ Проф. Д. И. Багалъй. Новый историкъ Малороссіи, стр. 3.

лорусской исторіи Н. И. Костомарова, не говоря уже о других трудахъ, болѣе раннихъ и болѣе мелкихъ.

Почти въ одно время съ Бантышъ-Каменскимъ писалъ свою „Исторію Украины“ и Алексѣй Ивановичъ Мартосъ¹⁾. Изъ его труда въ печати появилось только двѣ главы изъ третьяго тома котораго напечатаны въ „Сѣверномъ Архивѣ“ за 1822 годъ²⁾, подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ Исторіи Малороссіи“. Статья эта описываетъ событія наканунѣ битвы подъ Берестечкомъ и событія, которыя слѣдовали непосредственно за этой битвой. Основана она, главнымъ образомъ, на свидѣтельствахъ Шевалье и Пасторія, никакихъ новыхъ фактовъ не сообщаетъ, оригинальнымъ взглядомъ не отличается³⁾, а потому особаго значенія въ развитіи малорусской историографіи имѣть не могла. Весь трудъ А. И. Мартоса былъ оконченъ въ 1839 г. и, представленный императору Николаю I, получилъ награду. Напечатанъ онъ не былъ, но изъ рецензіи, при которой трудъ А. Мартоса былъ представленъ Императору, мы знаемъ, что излагалъ онъ происшествія отъ начала Малороссіи до присоединенія ея къ Россіи и дополнялъ, такимъ образомъ, трудъ Бантышъ-Каменскаго, у котораго событія до присоединенія Малороссіи къ Россіи изложены слишкомъ кратко. По словамъ рецензента „внутреннее достоинство труда Мартоса заключается въ отсутствіи всякихъ произвольныхъ изъясненій; авторъ излагаетъ событія просто, не мудрствуя лукаво; излагаетъ ихъ, какъ историкъ, а не какъ умозрительный философъ, нерѣдко подчиняющій вещи и лица своимъ апріористическимъ убѣжденіямъ“. Недостатокъ труда А. И. Мартоса рецензентъ находитъ въ отсутствіи всякихъ указаній на источники, изъ которыхъ авторъ заимствовалъ свои свѣдѣнія; затѣмъ въ томъ, что „Мартосъ не обратилъ вниманія на нравы и внутренній бытъ малороссіянъ, какъ извѣстно, очень ори-

¹⁾ О немъ см. Малкъ 1845 г. т. 23 стр. 78—90.

²⁾ Сѣверный Архивъ 1822 г. ч. 3. № 13 стр. 3, № 14 стр. 99; 1823 г. ч. 5 № 6 стр. 461.

³⁾ Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ кн. I. М. 1850 г. Приложение II, указатель статей, помѣщенныхъ въ Сѣверномъ Архивѣ стр. 9 № 32.

гинальные, что лишаетъ его книгу одного изъ важнѣйшихъ историческихъ интересовъ. Хронологія не вездѣ соблюдена, а этнографическое состояніе страны совсѣмъ выпущено изъ вида“. Впослѣдствіи Мартосъ исправилъ свою „Исторію“, сообразно съ замѣчаніями рецензента, сдѣлалъ вездѣ ссылки на источники, но трудъ его такъ и остался ненапечатаннымъ ¹⁾).

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ русской наукѣ обнаружилось особое движеніе и съ этого времени начинается новый періодъ въ разработкѣ нашей исторіографіи. Движеніе это стоитъ въ связи съ направленіемъ нѣмецкой философіи и исторіографіи; внѣшнее же основаніе этому движенію дала правительственная инициатива, открывшая возможность новыхъ историческихъ предпріятій и выразившаяся въ посылкѣ профессоровъ за границу, въ учрежденіи археографической экспедиціи и пр. ²⁾. Движеніе это не осталось безъ вліянія и на разработку малорусской исторіи вообще и исторіи лѣвобережной украины въ частности. Оно несомнѣнно отражается, напримѣръ, на М. А. Максимовичѣ, который „становится необходимымъ участникомъ возникавшихъ въ Кіевѣ научныхъ предпріятій“. Въ 1835 году Максимовичъ становится членомъ комитета для отысканія древностей; въ 1841 году хлопочетъ, но неудачно, объ основаніи въ Кіевѣ историческаго общества; принимаетъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ „Временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ“, основанной въ 1843 году при кіевскомъ, волынскомъ и подольскомъ генераль-губернаторѣ; по порученію губернатора Фундуклея редактируетъ издававшееся тогда „Обозрѣніе Кіева“ и т. д. ³⁾. М. А. Максимовичу принадлежит также нѣсколько самостоятельныхъ работъ по исторіи Малороссіи, въ которыхъ онъ сообщалъ богатый матеріалъ по политической и бытовой исторіи, не потерявшій значенія и до настоящаго времени. Таковы, напримѣръ, труды М. А. Мак-

¹⁾ Мазъ 1845 г. т. 23 смѣсь стр. 87—89. Не Устряловъ ли былъ этимъ рецензентомъ Мартоса?

²⁾ А. Н. Пытинъ Характеристика литературныхъ мнѣній гл. 5.

³⁾ О Максимовичѣ см. А. Н. Пытинъ. Исторія русской этнографіи. Т. III стр. 15 и слѣд.

симовича „Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украинѣ со временъ Богдана Хмельницкаго“, „Исторія Бубновской сотни Переяславскаго полка“ и др. Большинство трудовъ М. А. Максимовича носитъ критическій и библиографическій характеръ ¹⁾. „На его долю, говоритъ проф. Д. И. Багалъй, выпала трудная и неблагодарная задача—очищать источники малороссійской исторіи (преимущественно лѣтописные) и основанные на нихъ труды отъ заблужденій, ошибокъ и искаженій. Онъ расчищалъ почву для будущихъ трудовъ, создавалъ, по его собственнымъ словамъ, кирпичи для будущаго зданія южно-русской исторіи; изслѣдованія, статьи и замѣтки его относились ко всѣмъ отдѣламъ и періодамъ, въ томъ числѣ и къ лѣвобережной Малороссіи послѣ присоединенія ея къ Великой Россіи ²⁾“. Изъ такого характера историческихъ трудовъ М. А. Максимовича, думается намъ, видно, что, при всей почтенности ихъ, онъ не могъ внести новаго направленія въ разработку исторіи лѣваго берега Днѣпра. Обтесывая кирпичи для будущаго зданія, онъ не дѣлалъ попытки строить его, не рисовалъ даже плана. Труды М. А. Максимовича по лѣвому берегу носятъ вообще случайный, частичный характеръ, лишены опредѣленной системы и вызывались чисто случайными обстоятельствами, любовью-ли къ своему мѣсту жительства, какъ напр. „Исторія Бубновской сотни“, или желаніемъ опровергнуть невѣрное мнѣніе противника. Одно ужъ это обстоятельство отняло у нихъ возможность положить новые пути въ изученіи малорусскаго прошлаго.

Одновременно съ дѣятельностью М. А. Максимовича въ Кіевѣ, происходила въ Москвѣ дѣятельность другаго малоросса, О. М. Бодянскаго. Онъ не былъ историкъ, и вся его дѣятельность въ направленіи историческомъ проявилась опубликованіемъ цѣлаго ряда, въ высшей степени, цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Малороссіи. Матеріалы эти, напечатанные въ „Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей“, секретаремъ котораго долгое время былъ О. М. Бодянскій, много помогли

¹⁾ Историческія статьи М. А. Максимовича собраны въ 1 и 2 томѣ собранія его сочиненій К. 1876 г.

²⁾ Проф. Д. И. Багалъй. Новій историкъ Малороссіи, стр. 4.

дальнѣйшей разработкѣ малорусской исторіи¹⁾. Издательская дѣятельность для опубликованія матеріаловъ по малорусской исторіи процвѣтаетъ вообще въ 40-хъ, 50-хъ и 60 хъ годахъ. Въ 1853 году М. О. Судьенко издаетъ, напримѣръ, 2 тома „Матеріаловъ для отечественной исторіи“, а еще раньше въ 1851 „Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества“ Шафонскаго; Кіевская комиссія издаетъ малорусскія лѣтописи²⁾; въ 1856 г. П. А. Кулишъ издаетъ „Записки о южной Руси“, а Н. М. Бѣлозерскій „Южно-русскія лѣтописи“. Въ это же время (съ 1862 года) начинается изданіе „Актовъ, относящихся до исторіи южной и западной Россіи“, заключающихъ въ себѣ много новаго матеріала, преимущественно, впрочемъ, по исторіи политической.

Что касается разработки малорусской исторіи въ это время, то, кромѣ небольшихъ статей по разнымъ частнымъ вопросамъ малорусскаго прошлаго, разсѣянныхъ и затерянныхъ въ общихъ и официальныхъ журналахъ—крупнымъ трудомъ является „Исторія Малороссіи“ Н. Марковича, вышедшая въ свѣтъ въ 1842—43 годахъ въ пяти томахъ,—двухъ текста и трехъ приложений. Въ основу труда Марковича положена недостоверная „Исторія Руссовъ“, которая дополнена изъ другихъ лѣтописей, занисокъ и труда Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. Напечатанные въ приложеніяхъ документы списаны очень дурно, порой прямо таки лишены смысла, что заставляло нѣкоторыхъ историковъ, напр. Н. И. Костомарова, прямо таки игнорировать Исторіей Н. Марковича, въ чемъ, въ особенности, какъ извѣстно, упрекаетъ Костомарова Г. Ф. Карповъ³⁾. Само собой разумѣется, „Исторія Малороссіи“ Н. Марковича не являлась про-

¹⁾ Объ О. М. Бодянскомъ см. А. Н. Пилипъ Исторія русской этнографіи т. III, стр. 104 и слѣд.

²⁾ О значеніи Кіевской Комиссіи для исторіи Малороссіи см. „Кіевъ-Стар.“ 1893 г. ноябрь „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Археографической Комиссіи“ О дѣятельности ея см. историческій очеркъ О. И. Левинскаго „Пятидесятилѣтіе Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ 1893 г.

³⁾ Критическій обзоръ разработки источниковъ, гл. III. Рецензія на „Исторію Малороссіи“ Н. Марковича: Н. Савельева въ жур. Моск. Народн. Просв. 1843 № 8 въ Отеч. Зап. 1843 г. т. 28; О. Сенковскаго въ Библ. для чтенія 1843 № 1 и 2; на послѣднюю отвѣчалъ П. А. Кулишъ въ Москвитинѣхъ 1843 г. № 5.

грессомъ въ дѣлѣ разработки малорусской исторіи. Интересъ ея въ наше время чисто уже библиографическій, да такимъ онъ былъ, въ сущности и съ самаго дня выхода ея въ свѣтъ. Для публики книга Н. Марковича, несомнѣнно, имѣла значеніе. Все изданіе давно раскуплено и составляетъ библиографическую рѣдкость.

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ двухъ направленій въ разработкѣ исторіи Малороссіи лѣваго берега, которыя обозначались въ послѣднія десятилѣтія, мы, отступая нѣсколько отъ хронологическаго порядка, отмѣтимъ многія страницы, посвященныя Малороссіи въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева, начиная съ X тома. Пользуясь матеріалами московскихъ архивовъ, носящими оффиціальныи характеръ, и интересуясь исторіей Малороссіи по столько, по сколько она имѣетъ отношеніе къ Россіи, С. М. Соловьевъ долженъ былъ, естественно, обращать вниманіе на политическую сторону жизни Малороссіи, затрогивая ея внутреннюю жизнь только тамъ, гдѣ она имѣла прямое отношеніе въ Россіи, объясняла ли народныя возстанія противъ Россіи или же давала поводъ къ вышпательству Россіи во внутреннія дѣла Малороссіи и опредѣляла политику первой въ отношеніи послѣдней. Съ этой точки зрѣнія, „Исторія Россіи“, съ богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ ней, не осталась безъ вліянія на разработку малорусской исторіи, хотя дальнѣйшее направленіе въ этой разработкѣ принадлежитъ, конечно, не С. М. Соловьеву....

Съ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія Исторіей Малороссіи начинаетъ заниматься систематически Н. И. Костомаровъ; въ то же время начинаютъ появляться въ печати и небольшія замѣтки А. М. Лазаревскаго. Двумъ этимъ лицамъ принадлежитъ впоследствии руководящее начало въ разработкѣ исторіи лѣвобережной Малороссіи. Дѣятельность ихъ, впрочемъ, шла совершенно различными путями. Художникъ по натурѣ, Н. И. Костомаровъ всегда предпочиталъ эффектные моменты въ жизни народовъ, на нихъ онъ останавливался въ своихъ изслѣдованіяхъ, оставляя въ сторонѣ сѣрую, будничную жизнь народа, дающую мало матеріала для вдохновеннаго художника. Поэто-

му труды его по исторіи Малороссіи касаются почти исключительно только такъ называемой „внѣшней“ исторіи: войнъ, самаго процесса борьбы партій и вообще тѣхъ драматическихъ и трагическихъ эпизодовъ, которыми такъ богата малорусская исторія. (Гетманство Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Руина, Мазепа и Мазепинцы, Полуботокъ и др.). Н. И. Костомарова интересовала и идейная сторона малорусскаго народа только тамъ, гдѣ малорусское идейное движеніе было облечено въ болѣе или менѣе эффектную форму, какъ то видимъ мы, напримѣръ, въ протестахъ противъ введенія религіозной уніи или въ арестѣ Полуботка. Увлекаясь преимущественно внѣшностью событій Н. И. Костомаровъ мало останавливался на внутренней жизни народа, былъ плохо знакомъ съ нею и если иногда дѣлалъ заключенія о ней, то заключенія эти страдали апіористичностью, а иногда и нѣкоторой произвольностью. На нихъ сказывалась та односторонность матеріала, по которому Н. И. Костомаровъ изучалъ исторію Малороссіи. Это были официальные документы центральныхъ архивовъ, слишкомъ формальные, односторонніе, неточные, чтобы они могли вскрыть дѣйствительную жизнь со всѣми ея перипетіями¹⁾.

Въ иныхъ условіяхъ началась дѣятельность А. М. Лазаревскаго. Не обладая фантазіей художника и даромъ художественнаго изложенія, А. М. Лазаревскій мало интересовался драматическими эпизодами малорусской исторіи. Сѣренькая, будничная жизнь малорусскаго народа, которая въ концѣ концовъ скрывалась за шумными и эффектными картинами его борьбы—сдѣлалась предметомъ его изслѣдованій; въ ней, въ этой сѣренькой жизни, онъ видѣлъ и причины этой борьбы; въ ней онъ видѣлъ и сущность малорусской исторіи. Мысль, конечно, глубоко вѣрная. Наиболѣе полно она высказана впервые г. Лазаревскимъ въ его изслѣдованіи о посполитыхъ крестьянахъ, гдѣ указано, что крѣпостное право въ Малороссіи не введено извнѣ, а является продуктомъ 130-лѣтней жизни Малороссіи,

¹⁾ Полный списокъ трудовъ Н. И. Костомарова приложенъ къ посмертнымъ трудамъ его, изданнымъ подъ названіемъ „Литературное наследіе“.

получившей уродливое развитіе. Доказательству этой уродливости и посвящена вся послѣдующая научная дѣятельность г. Лазаревскаго въ области разработки малорусской исторіи ¹⁾. Судьба съ самаго начала этой дѣятельности поставила А. М. Лазаревскаго лицомъ къ лицу съ матеріалами, которые заключали въ себѣ драгоцѣнныя данныя для внутренней исторіи Малороссіи.—Мы разумѣемъ архивъ Генеральной Канцеляріи, переведенный теперь въ Харьковъ, и монастырскіе документы, хранящіеся въ архивѣ Черниговской Казенной Палаты и дающіе богатый матеріалъ для юридической и бытовой жизни Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго. Знакомство съ этимъ матеріаломъ, совершенно непохожимъ на матеріалъ, доступный Н. И. Костомарову, опредѣлило дальнѣйшую дѣятельность А. М. Лазаревскаго, выработало у него опредѣленные взгляды на малорусскую исторію, совершенно порой не похожіе на господствовавшіе въ наукѣ раньше, а иногда противорѣчившіе выводамъ и обобщеніемъ, напр., Н. И. Костомарова. Это же знакомство съ архивнымъ матеріаломъ, расширенное затѣмъ знакомствомъ съ Полтавскими и многими другими частными архивами, упрочила за А. М. Лазаревскимъ надолго славу единственнаго въ своемъ родѣ знатока малорусскихъ архивовъ и внутренней исторіи Малороссіи.

Различныя направленія, которымъ шли Н. И. Костомаровъ и А. М. Лазаревскій, имѣли своихъ послѣдователей. Одни изъ изслѣдователей шли путемъ, указаннымъ Н. И. Костомаровымъ, изслѣдуя внѣшнюю исторію Малороссіи или останавливаясь на тѣхъ случаяхъ „внутренней“ исторіи, которыя наиболѣе бросаются въ глаза, въ видѣ ли борьбы партій, бунтовъ и т. д.—другіе слѣдовали за А. М. Лазаревскимъ и обращали вниманіе на внутреннюю жизнь малорусскаго народа, на его социальное

---

¹⁾ Труды его печатались въ „Запискахъ Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета въ 60-хъ годахъ; затѣмъ въ „Русскомъ Архивѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, а въ послѣднее время почти исключительно въ „Кіевской Старинѣ“. Отдѣльно въ послѣднее время вышли два тома „Описаніе Старой Малороссіи. Кіевъ, т. 1-й въ 1888, а 2-й—въ 1893 году.

положеніе, на сословія, на экономическую борьбу и пр. ¹⁾. Къ сожалѣнію только, ни тѣ, ни другіе не обнаруживали уже той подготовки и того широкаго знакомства съ матеріаломъ, которымъ отличаются основатели двухъ выше названныхъ направленій, а потому послѣдующіе труды по малорусской исторіи, въ большинствѣ случаевъ, лишены какой нибудь оригинальной мысли. Обыкновенно они являются только болѣе или менѣе удачной группировкой новаго (да и то не всегда) матеріала, которымъ пользовался авторъ для иллюстраціи того или другаго мнѣнія, заимствованнаго имъ у Н. И. Костомарова или у А. М. Лазаревского. Поэтому-то разработка и объясненіе малорусской исторіи почти и не прогрессируетъ: тѣ стороны малорусской жизни, которымъ не далъ объясненія, напр., А. М. Лазаревскій (вопросъ о землевладѣніи, напримѣръ), не объяснены и теперь, или же имъ даются объясненія, про которыя нѣмцы говорятъ, что они *aus der Luft gegriffen* ²⁾. Только въ самое послѣднее время появилась было свѣжая струя въ разработкѣ малорусской исторіи. Проф. И. В. Лучицкій заинтересовался исторіей крестьянскаго землевладѣнія въ Малороссіи, и результатомъ его занятій явился рядъ оригинальныхъ по мысли статей по исторіи общиннаго, ³⁾ сябриннаго ⁴⁾ и заимочнаго землевладѣнія ⁵⁾ въ лѣвобережной Малороссіи. Въ то же время проф. Д. И. Багалъбій началъ изслѣдованіе городского самоуправленія на лѣвомъ

¹⁾ Разработка малорусской исторіи (лѣваго берега) въ послѣднее время сосредоточена, главнымъ образомъ, въ „Кіевской Старинѣ“. Отдѣльными статьи попадались и въ общихъ русскихъ журналахъ (Слово, Отеч. Записки, Вѣстникъ Европы, Русская Мысль), а также въ русскихъ историческихъ (Русская Старина, Историч. Вѣстникъ, Русскій Архивъ, Чтенія въ Общ. исторіи и древностей и др.).

²⁾ Напр. ст. г. *Шликевича* „Лучше ли жилось въ Малороссіи 100 лѣтъ назадъ?“ въ „Земс. Сбор. Чернигов. губ.“ 1890 № 11—12.

³⁾ Отеч. Записки. 1882 г. № 11 Проф. И. В. Лучицкимъ изданъ также „Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Малороссіи“ К. 1884.

⁴⁾ Сѣверный Вѣстникъ 1889 № 1 и 2.

⁵⁾ Юридич. Вѣст. 1890 г. мартъ.

берегу Днѣпра ¹⁾). Къ сожалѣнію только, работы эти пока приостановились ²⁾).

Послѣ всего того, что сказано о разработкѣ малорусской исторіи, станетъ, думается намъ, понятнымъ то выдающееся значеніе, которое долженъ занять въ малорусской исторіографіи трудъ В. А. Мякотина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи“, появившійся въ видѣ трехъ статей въ „Русскомъ Богатствѣ“ за текущій годъ. Читателя поражаетъ, во первыхъ, обиліе матеріала, которымъ пользовался авторъ. Кромѣ печатныхъ источниковъ и литературы, онъ пересмотрѣлъ кіевскій центральный архивъ и рукописи бібліотеки университета св. Владимира, архивъ харьковскій исторической и черниговской казенной палаты, затѣмъ рукописи бібліотеки А. М. Лазаревскаго и др., генеральныя слѣдствія о маестностяхъ и пр. Ужъ такое широкое знакомство съ матеріаломъ выдѣляетъ В. А. Мякотина изъ ряда обыкновенныхъ изслѣдователей малорусской исторіи и ставитъ его наряду съ лучшими знатоками малорусскаго архивнаго матеріала. Это же знакомство вліяетъ какъ на постановку темы нашего автора, такъ и на разработку ея. Занявшись, повидимому, частнымъ вопросомъ—прослѣдить исторію прикрѣпленія малорусскаго крестьянства, В. А. Мякотинъ не ограничивается одной только новой группировкой матеріала, какъ это не рѣдко дѣлали изслѣдователи малорусской исторіи до него, но вводитъ исторію прикрѣпленія крестьянства въ связь съ исторіей общественно-соціального строя Малороссіи вообще. Хотя основная мысль автора, что образованіе крѣпостного права есть продуктъ исключительно внутренней жизни Малороссіи, не нова и заимствована у А. Ф. Кистяковскаго ³⁾ и А. М. Лазаревскаго ⁴⁾, но за то нова самая постановка вопроса,

¹⁾ Жур. М-ва Нац. Просв. 1892 г. № 3.

²⁾ Сравнительно подробный очеркъ трудовъ по малорусской исторіи за послѣднее время у А. Н. Пилина „Исторія русской этнографіи, т. III, этнографія малорусская. См. также проф. Д. Н. Багалый „Новый историкъ Малороссіи“, стр. 1—14.

³⁾ „Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи“ Основа 1862 № 1.

⁴⁾ Малорусскіе посполитые крестьяне „Записки чернигов. губерн. статистическ. комитета кн. І. Черниговъ. 1866.

нова разработка частныхъ, нова та общая картина малорусскаго общественно-соціального быта, которая такъ правдиво и мастерски, хотя, по необходимости, и кратко, нарисована В. А. Мякотинымъ въ первой изъ его статей. Съ этой точки зрѣнія, трудъ г. Мякотина долженъ, по нашему мнѣнію, начать новую эпоху въ разработкѣ малорусской исторіи, какъ начали такую эпоху въ 60-хъ годахъ труды А. М. Лазаревскаго. Широкая постановка вопроса о крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи, захватывающая цѣлый рядъ общественныхъ отношеній, связанныхъ съ этимъ правомъ, естественно, ставитъ на очередь массу вопросовъ по исторіи Малороссіи, требующихъ болѣе детальной и всесторонней научной разработки, а рядъ оригинальныхъ мнѣній и соображеній нашего автора по отдѣльнымъ затронутымъ имъ вопросамъ, мнѣній, основанныхъ на широкомъ и всестороннемъ изученіи матеріала, подсказываетъ болѣе или менѣе удачное и вѣрное ихъ рѣшеніе. Особое достоинство труда г. Мякотина, при всей его краткости, обусловленной, конечно, появленіемъ статьи въ журналѣ, мы видимъ въ той общей мысли, которая руководитъ имъ въ его трудѣ, которая выгодно отличаетъ его отъ другихъ подобнаго рода современныхъ историческихъ трудовъ, расплывающихся въ мелочахъ, загроможденныхъ массой сырого матеріала, за которымъ, по большей части, становится незамѣтной и цѣль работы автора, и ея результаты, въ смыслѣ дѣйствительнаго изученія общества, а не отдѣльнаго выхваченнаго эпизода. Особенность трудовъ г. Мякотина вообще ¹⁾ и труда, о которомъ мы говоримъ, въ частности—та, что авторъ всегда смотритъ на исторію, какъ на науку общественную, а потому, при историческомъ изученіи, всегда имѣетъ въ виду общество, а отдѣльные эпизоды самой мелкой, сѣрой, будничной жизни для него любопытны не an und für sich, какъ для нѣкоторыхъ историковъ, но онъ интересуется ими настолько, насколько они помогаютъ ему, какъ изслѣдователю, уяснить судьбы даннаго общества. Въ этомъ на трудахъ В. А. Мяко-

¹⁾ Ему принадлежатъ также „Крестыанскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ“ Спб. 1888 г.; біографіи Адама Мицкевича и протопопа Аввакума, въ изданіи Ф. Ф. Павленкова „Жизнь замѣчательныхъ людей“.

тина, безъ сомнѣнія, сказывается вліяніе опредѣленной исторической школы, которая въ настоящее время, правда, обрѣтается не въ авантажѣ, особенно у насъ въ Россіи, но которой безспорно принадлежитъ будущее, если только исторіи суждено сдѣлаться серьезной общественной наукой....

Ниже мы намѣрены познакомить читателей съ содержаніемъ труда В. А. Мякотина и, пользуясь случаемъ, высказать нѣсколько своихъ соображеній по исторіи малорусскаго общественнаго строя во второй половинѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ.

Николай Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ¹⁾.

(ПО ШКОЛЬНЫМЪ ВОСПОМИНАНИЯМЪ).

(Окончаніе).

Проживая въ училищѣ ровно 6-ть лѣтъ, я не могу не вспомнить того времени, когда весною и лѣтомъ съ разсвѣта встанешь и пойдешь по лугу и лѣсу; тутъ же встрѣтишь и другихъ товарищей: одни доучиваютъ уроки, другіе прохаживаются и наслаждаются прохладой свѣжаго и здороваго воздуха, а третьи лезятъ между деревьями, кустами и разыскиваютъ птичекъ на гнѣздахъ. Соловьи, каждое утро и ночью такъ трещали и заливали пѣніемъ своимъ лугъ и лѣсъ, что, кажется, не вышелъ бы изъ луга и слушалъ бы это пѣніе. Къ чести учениковъ могу завѣрить, что я не зналъ, чтобы кто-нибудь истреблялъ яйца птицъ и убивалъ птенцовъ; они наблюдали надъ своими найденными птенцами и даже были сторожами гнѣздъ. Предъ праздникомъ св. Троицы ученики, иногда съ разрѣшенія начальства, а по большей части тайно, ходили за 2 версты въ с. Хохотвѣ на большой островъ, находящійся на р. Роси, и рубили тамъ деревья на „кленчье“ и массу молодого дерева приносили въ свои квартиры, а цвѣты и травы они находили въ своемъ лѣсу и лужку и такъ украшали свои комнаты, что любо было смотрѣть.

Въ мое время существовали въ училищѣ „дружки“ — какая-то романтическая любовь одного ученика къ другому; не

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 10.

слыхалъ я, чтобы ученики во время этой любви занимались чѣмъ - либо худымъ, но знаю, что писали другъ другу письма, посылали гостинцы, и для этой цѣли существовали особые такъ называемые „почтари“. Въ эти званія всегда избирались ловкіе ученики; они, понявъ выгодность этого дѣла, такъ какъ получали отъ обѣихъ сторонѣ подарки, сами иногда устраивали эту любовь, держали ее въ секретѣ и очень часто злоупотребляли своею должностію. Зналъ я одного почтара, сведшаго двухъ лицъ, изъ которыхъ одинъ не чувствовалъ никакой симпатіи въ другому, но онъ увѣрилъ перваго въ любви друга, носилъ ему подарки, письма, при чемъ послѣдній самъ сочинялъ, а гостинцы поѣдалъ; но скоро это обнаружилось, и почтарю была задана хорошая трепка. Но этотъ почтарь однако не унялся и продолжалъ свое дѣло. Я наблюдалъ за подобной любовью между учениками; выражалась она въ томъ, что двѣ влюбленныя личности посидятъ, поговорятъ, поцѣлуются и разойдутся. Не знаю, существуютъ-ли теперь въ училищѣ „дружки“, или это принадлежитъ уже исторіи.

Въ концѣ 1859 г. или въ началѣ 1860 г. игумень Θεодоръ былъ уволенъ отъ должности смотрителя училища, а на его мѣсто назначенъ былъ іеромонахъ Нафанаилъ. Въ это время завѣдывалъ училищемъ инспекторъ Вишневскій; тогда я былъ уже въ высшемъ отдѣленіи. Послѣ игумена Θεодора, который учителей и учениковъ держалъ, какъ говорится, „въ ежовыхъ рукавицахъ“, наступило полное безначаліе, раздолье и разгулъ для учениковъ. Учитель Буйницкій перешелъ въ г. Умань, а вступившій на его мѣсто Гдѣшинскій былъ хорошій человекъ, но не велъ такъ ученія по русскому языку, какъ Буйницкій: мало мы упражнялись въ составленіи сочиненій. Всѣ учителя были новые, надзоръ за учениками былъ плохой, т. ч. начали ученики безобразничать. Ученики высшаго отдѣленія, пользуясь старшинствомъ и силой и не вида предъ собою грознаго начальства, стали вполнѣ высказывать свое первенство. Однажды, помню, Загородскій, Авраамовъ и другіе за какую-то глупость

стали въ среднемъ отдѣленіи сѣчь учениковъ; объ этомъ донесено было инспектору и учителямъ. Когда явились учителя, то особенно возмущился этимъ учитель Левицкій, благодаря которому прекратился крикъ, шумъ и сѣченіе, а ученикамъ было объявлено, что если будетъ учениками высшаго отдѣленія произведено какое-либо насиліе надъ низшими, то они будутъ всѣ исключены. Затѣмъ ученикамъ средняго и низшаго отдѣленій объявлено было, что они такіе же ученики, какъ и ученики высшаго отдѣленія, и имѣютъ такое же право до прихода учителей прохаживаться по сѣнямъ училища: между учениками должно быть полное равноправіе. Объявлено это было при всѣхъ классахъ и строго на- строго привязано было ученикамъ высшаго отдѣленія не безобразничать, а, для пущей убѣдительности, инспекторъ и учителя стали называть учениковъ высшаго отдѣленія „ты“ и чаще сѣчь, такъ - что малѣйшая провинность наказывалась строго. Тяжело было ученикамъ высшаго отдѣленія переносить потерю своихъ правъ, но все это они кое-какъ снесли. Одного только никакъ ученики высшаго отдѣленія не могли допустить, чтобы ученики средняго и низшаго отдѣленій прохаживались по сѣнямъ; едва только ученикъ низшихъ классовъ покажется въ сѣняхъ, сейчасъ ему и дадутъ „подзатыльника“. Но это не дѣйствовало: ученики стали прохаживаться и при малѣйшемъ толчкѣ являлись съ жалобами къ учителямъ. Учителя были на ихъ сторонѣ, и старшіе ученики поневолѣ должны были поступиться и этимъ своимъ правомъ, такъ какъ ничего противъ силы не подѣлаешь. Въ 1860 г. у насъ не было смотрителя училища, а прибывшій на мѣсто смотрителя—іеромонахъ Нафанаилъ пріѣхалъ больнымъ и вскорѣ умеръ. Опять наступило безначаліе. А игуменъ Θεодоръ долго еще проживалъ въ монастырѣ, не состоя въ должности. Такъ какъ игумена не было, то Θεодоръ постоянно служилъ службы церковныя. Однажды, по окончаніи литургіи, вышелъ онъ, держа въ рукахъ свою настоятельскую палку, и прочиталъ нѣсколько стиховъ изъ посланій св. апостола Павла о почтеніи къ старшимъ. Мы никогда не видѣли посоховъ настоятельскихъ и предположили, что это новая награда игумену Θεодору. Замѣчательно,

что и учителя не знали, что это за посохъ и какое онъ значеніе имѣетъ. Инспекторъ Вишневскій объяснилъ учителямъ, что это настоятельскій посохъ, а отъ учителей и мы узнали. Помню также, какъ однажды послѣ литургіи въ воскресенье замѣтила мы, что пономарь среди церкви приготовляетъ аналой къ панихидѣ; послѣ литургіи, игуменъ Ѳеодоръ вышелъ съ іеромонахомъ и дьякономъ и началъ служить большую панихиду „по игуменѣ Ѳеодорѣ“. Мы всѣ подняли глаза, недоумѣвая, что дѣлается; хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ началъ пѣть. И. д. смотрителя инспекторъ Вишневскій приказалъ черезъ ученика Чернявскаго хору не пѣть, и ученики ушли, а послушники сами стали пѣть и панихиду отслужили, какъ слѣдуетъ по чину. Не знаю, какимъ образомъ игумена Ѳеодора убрали изъ монастыря, но въ одинъ прекрасный день намъ сказали, что онъ уѣхалъ ночью, и мнѣ не пришлось болѣе видѣть его, но я слышалъ о его психическомъ разстройствѣ и о содержаніи его въ Кіево-Кирилловской больницѣ¹⁾.—Безначаліе, перемѣны всѣхъ учителей тяжело отражались на уровнѣ нашихъ познаній. Мало мы дѣломъ занимались, а учителя сами еще изучали свои предметы; намъ-же одно только руководство было и учителемъ, и разъяснителемъ: новаго ничего мы не знали, кромѣ того, что имѣли въ учебникахъ. Учителя видѣли, что мы имѣемъ много свободнаго времени, а между тѣмъ книгъ для чтенія у насъ не было, и потому одинъ изъ добрыхъ нашихъ учителей—Левицкій предложилъ мнѣ и другимъ лучшимъ ученикамъ изучать французскій языкъ. Я съ удовольствіемъ взялся за это дѣло. Далъ намъ Левицкій книги, и дѣло пошло впередъ, но инспекторъ Вишневскій, узнавъ объ этомъ, началъ надъ нами въ классѣ смѣяться, такъ что мы должны были прекратить занятія. Собирались же мы для занятій послѣ классовъ въ училищѣ.—Повторяю, что въ то время масса у насъ была свободнаго времени. Нужно сказать, что ученики ложились спать лѣтомъ и зимою очень рано, въ 9

---

¹⁾ Фактъ этотъ находится въ связи съ отобраніемъ отъ монастыря Богуславскаго земли гр. Браицкимъ, о чемъ см. мою статью „Богуславскій монастырь“ въ „Кіев. Стар.“ 1892 г., № 8.

часовъ, а утромъ тоже очень рано вставали и до звонка въ классъ часа три имѣли свободнаго времени, къ которое не только можно было повторить выученное, но выучить и другіе уроки, — на другіе дни. Какъ говорилось „на свѣжую память“ легче было выучить, чѣмъ днемъ, а потому послѣ обѣда способнымъ ученикамъ не было чего дѣлать, и они только рѣзались на лужку.

Въ концѣ 1860 г. пріѣхалъ къ намъ новый смотритель училища, игумень Макарій, — человекъ съ среднимъ образованіемъ, окончившій курсъ семинаріи, и инспекторъ Вишневскій, какъ человекъ академическаго образованія, сталъ относиться къ нему непочтительно; учителя ему вторили, а мы, ученики, воспользовались такимъ отношеніемъ къ нему старшихъ и съ своей стороны стали на него смотрѣть не съ подобающею почтительною и вниманіемъ; никого не боялись и дѣлали, что хотѣли. — Игумену Макарію на первыхъ порахъ предстояло много перенести непріятностей; не могъ онъ сразу сладить съ такимъ безначаліемъ, и волей-неволей ему, съ перваго момента, пришлось водворять чиновначаліе и порядокъ, а съ учениками необходимо было поступить построже. Я перешелъ въ семинарію въ 1861 г. и слыхалъ, что и. д. инспектора училища М—чь завелъ даже интересную переписку съ Макаріемъ, и семинарское правленіе должно было дать строгое предписаніе учителямъ и инспектору оказывать смотрителю Макарію должное уваженіе, покорность и почтеніе и учило ихъ понимать законы и обычаи чиновпочтанія, не вдаваясь въ излишнія препирательства о преимуществѣ академическаго образованія предъ семинарскимъ. — Изъ-за пустого вопроса о подписи формуляра всплыло наружу все затаенное въ душѣ учителей неуваженіе къ смотрителю.

Въ 1863 г. Макарій былъ уволенъ отъ должности, и на его мѣсто опредѣленъ инспекторъ Червасскаго училища, кандидатъ академіи Назаръ Семеновичъ Котляровъ. Вступившій въ должность 23 марта 1864 г. Котляровъ уволенъ отъ должности по ревизіи, произведенной въ 1875 г. учителемъ Кіевской семинаріи г. Забѣлинымъ, за разнаго рода неисправности по

учебной и экономической части. Послѣ Котлярова смотрителями были свѣтскіе академики, а настоятелями монастыря простые монахи, и начались между ними споры и несогласія. Смотрителя училищъ и учителя смотрѣли на монаховъ не съ должнымъ почтеніемъ; монахи же, считая себя хозяевами, тоже не очень почитали смотрителя.

Проживъ 6 лѣтъ въ училищѣ, я на всю жизнь сохранилъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе и глубокое уваженіе къ памяти моихъ учителей, особенно къ смотрителю игумену Теодору. Прекрасное мѣстоположеніе училища и здоровый климатъ способствовали моему физическому воспитанію; строго религіозное направленіе преподавателей, отсутствіе всякихъ заражающихъ скептицизмъ началъ, навсегда твердо положили въ мое сердце и душу чистыя религіозныя настроенія, вслѣдствіе чего вышелъ я изъ училища искренно преданнымъ религіи. Затѣмъ серьезное отношеніе игумена Теодора къ учебной части и его преподавательскія дарованія внесли въ мой умъ знанія, сообразныя требованію училища. Хотя разгулъ втеченіе 2-хъ лѣтъ—въ высшемъ отдѣленіи—много добраго уничтожилъ, но твердость убѣжденія, чистота взглядовъ, какъ Божій даръ, сохранились у меня на всю жизнь, и память объ этихъ началахъ, положенныхъ въ училищѣ, священна для меня.

Теперь училище не при монастырѣ, а отдѣльно за мѣстечкомъ. Нѣтъ той роши, которая давала здоровье дѣтямъ, и очень жаль, что, вопреки началамъ гигиены, взяли перевѣсъ личный интересъ и препирательство игуменовъ монастыря со смотрителями училищъ, а потому училище перенесли въ другое мѣсто. Нѣтъ того лужка, той роши, гдѣ дѣти, какъ пчелы въ ульѣ, гудѣли и учили свои уроки,—кто на камнѣ, кто на деревѣ; нѣтъ того раздолья и свободы, которыя давали здоровье дѣтямъ, а богатое купанье въ чистой Роси и плаванье по ея серебристымъ волнамъ укрѣпляли и усиливали это здоровье.

Въ заключеніе вышесказаннаго не могу умолчать о стражѣ монастыря и училища. Хотя это и не имѣетъ примаго отноше-

нія къ воспоминаніямъ, но интересно въ томъ отношеніи, что и животное, при той строгости, какая существовала тогда въ духовныхъ училищахъ, служило иногда утѣшеніемъ и развлеченіемъ для учениковъ.

Вступивъ въ училище, я засталъ громадной величины собаку; называлась она „Баланъ“. Великою Баланъ былъ съ полугодоговго хорошаго теленка, имѣлъ ужасный голосъ, отличался замѣчательнымъ умомъ и прозорливостью. Днемъ ни на кого не бросался, но ночью ревъ его былъ слышенъ за нѣсколько верстъ. Бѣгалъ онъ цѣлую ночь вокругъ монастырскихъ строеній и ученическихъ квартиръ и ни подъ какимъ предлогомъ никого изъ стороннихъ лицъ не впустилъ ни въ монастырь, ни въ училище; по крайней мѣрѣ, при мнѣ ученики спали на дворѣ лѣтомъ, одежду, бѣлье, подушки бросали, гдѣ попало, но никогда никто не жаловался на совершеніе кражи; всѣ считали, что Баланъ это нашъ „стражъ“. Баланъ былъ общій любимецъ какъ монаховъ, такъ и учениковъ. Зналъ онъ превосходно, въ какомъ часу и гдѣ обѣдаютъ. Ранѣе всего обѣдали въ монастырской трапезѣ; при началѣ обѣда Баланъ уже подъ окномъ, суетъ свою морду, послушники ему выносятъ обѣдъ. Затѣмъ онъ, заморивши червячка, бѣжитъ въ кухню игумена, а оттуда по ученическимъ квартирамъ. Вездѣ хорошенько поѣстъ онъ и ложится спать. Ученики до безумія любили Балана, послѣднимъ дѣлились съ нимъ; всякій ученикъ считалъ долгомъ поласкать его и что-нибудь дать. Но вотъ чѣмъ онъ былъ особенно любопытенъ. По пріѣздѣ съ каникулъ и праздниковъ, у каждаго ученика были деньги. Евреи булочники м. Богуслава знали это и съ пріѣздомъ учениковъ являлись въ училище съ корзинами булокъ и бубликовъ; учителя и ученики раскупали ихъ. Баланъ подмѣтилъ, когда евреи несутъ булки. Надо замѣтить, что вокругъ монастыря и училища съ сѣверной стороны игумень Теодоръ провелъ канаву, очень широкую, чтобы монастырь казался на островѣ. Евреямъ съ булками прямѣе идти въ монастырь черезъ канаву, а канаву была довольно глубокая; благоустроеннаго прохода черезъ нее не было, а лежали каменья. Баланъ бывало ляжетъ въ травѣ возлѣ канавы и ждетъ еврея. Только

что еврей съ корзиной булокъ входитъ въ канаву на камешки, какъ Баланъ неизвѣстно откуда—„гавъ“, и прямо къ еврею; еврей и садеть въ болотѣ, а баланъ стоитъ и не бросается на него. Надоѣсть еврею такъ сидѣть, и вотъ онъ вынимаетъ изъ корзины булку и даетъ ее Балану, а тотъ хватилъ,—и въ одинъ глотокъ нѣтъ булки. Еврей пробуетъ встать и идти, а Баланъ его лапою по головѣ, но всегда легко, при чемъ непременно заладетъ. Сидитъ несчастный еврей, дастъ опять булку—та же исторія. Послѣ классныхъ занятій ученики выбѣгаютъ погулять, услышать ревъ Балана, и кто-нибудь подбѣжитъ туда. Тутъ-то и начинается торгъ, результатомъ котораго является у ученика нѣсколько булокъ, за что ученикъ беретъ еврея за руку, выводитъ изъ канавы, еврей пресвободно идетъ въ квартиры учениковъ и производитъ продажу. Ученики нѣсколько разъ пытались украсть Балана; брали его съ собой на возы, но онъ всегда уходилъ въ монастырь. Мы съ братомъ однажды купили булокъ и бубликовъ, стали манить Балана, давали ему сначала по бублику, послѣ по булкѣ—онъ бѣжалъ за возомъ. Когда мы проѣхали 6 верстъ за мѣстечко, Баланъ подмѣтилъ, что у меня нѣтъ уже булокъ, съѣлъ послѣднюю и побѣжалъ обратно въ монастырь. Какъ и откуда онъ попалъ въ монастырь, никто не могъ объяснить; знаю только, что онъ погибъ уже отъ глубокой старости. Замѣчательна была у Балана еще одна черта: не могъ онъ выносить, чтобы съ нимъ при монастырѣ была другая собака,—непремѣнно задушить ее. Самъ—значить—желалъ быть стражемъ монастыря и училища.

П. Клебановскій.

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла ¹⁾.

(ИЗЪ ДѢТСКАГО МІРА ДЕРЕВЕНСКАГО МАЛЬЧИКА).

Веселиться намъ было время и было много способовъ. Дома мы, какъ малолѣтніе и считавшіеся глупенькими, могли только мѣшать нашимъ родителямъ въ ихъ работахъ, а потому насъ охотно пускали на улицу. А тамъ на улицѣ развѣ нужно было выдумывать игры? Богатство растительной и животной природы, непосредственная наша близость съ нею представляли намъ массу интереснаго и развлекающаго. Нашли кленовый листокъ—и готова хлопושка; подошли къ тополю—и изъ ея длинныхъ желтыхъ коряевъ сдѣлали прекрасные хлысты. А то случается—выдернемъ клубочекъ страшныхъ, но маленькихъ и красивыхъ уженятъ, и мы, какъ сказочные герои, съ безумною отвагою и храбростію нападаемъ на маленькихъ беззащитныхъ змѣекъ и разсѣкаемъ ихъ надвое и начетверо. Моя мать леденѣла отъ ужаса, при видѣ такой нашей храбрости. А какъ бы она перепугалась, еслибы видѣла, какъ на земляномъ валу, на солнцекѣ, гдѣ любятъ грѣться сѣрыя и зеленыя ящерицы, я босою ногою придавливаю спинку и головку ящерицы, а рукою беру ея переднюю лапку и шнурочкомъ привязываю къ лапкѣ другой ящерицы; и такимъ способомъ свяжу пять шесть ящерицъ, а затѣмъ начинаю дразнить ихъ, чтобы онѣ бросались и грызли одна другую. Насъ каждое дерево манило вскарабкаться на него, каждое гнѣздышко птичье на вѣткѣ

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1894 г., № 10.

просило снять его. И не рѣдко, какъ кошки хищныя, мы осторожно, на цыпочкахъ, подходили къ кустарникамъ, изгибались, какъ змѣи, въ вѣтвяхъ и, затаивъ дыханіе, впивались глазами въ гнѣздышко соловья и посягали злодѣйской рукою на свободу чарующаго пѣвца. А щеголь, писанный красавецъ, болтливый щебетунъ, беззаботно перепархивающій съ репяха на репяхъ, онъ и не подозрѣвалъ, что за это вкусное репейное зернышко онъ заплотитъ вѣчной неволею, и потому смѣло протянулъ шейку свою въ оковы вѣчнаго рабства, въ волосяное сильцо. А лепарь, буренькій, красногрудый, никогда не покидающій скромненько одѣтой (она безъ краснаго пятнышка на груди) подруги своей,—онъ, по отлетѣ изъ гнѣзда дѣтокъ, такъ протяжно, такъ меланхолично, такъ грустно—не поетъ, а скорбитъ, что моя рука скорѣе бы окаменѣла, чѣмъ посягнула на его свободу. За то та же самая рука затрясется, чтобы поймать разноцвѣтнаго красавца съ чуднымъ гребешкомъ - коронкою на головѣ, удода, такъ близко напоминающаго своимъ пѣньемъ плавню и тихолетающую кукушку, которую я, не смотря на ея отрадную весеннюю пѣсню, всей моей маленькой душонокъ ненавидѣлъ и презиралъ. Судите сами, развѣ можно не презирать мать, которая не только сама не хочетъ высидѣть и вскормить своего крупнаго птенца, но еще выбрасываетъ крохотныя яички маленькой скромненькой, отличающейся нѣжной материнской привязанностью, малиновки и кладетъ въ ея гнѣздышко свое большое яйцо? Вѣдь это жестокая вопіющая несправедливость! И развѣ можно было безъ негодованія смотрѣть, какъ этотъ птенецъ-кукушка, вдвое и втрое большій малиновки, вѣчно раззѣваетъ свой большой ротъ и безъ устали кричитъ „давай, давай ѣсть“! И бѣдныя малиновки, самецъ и самка, изъ силъ выбиваются, сами почти не ѣдятъ, а ему ежеминутно доставляютъ пищу, и онъ съ ненасытной жадностью навидывается на пищу, чуть-чуть и голову малиновки не проглотитъ—такой обжора! И я не разъ порывался выбросить этого обжору-подкидыша, выбросить изъ гнѣзда. Но какъ всмотрюсь, съ какою заботою, нѣжностію и любовью, какъ къ своему родному птенцу, относятся малиновки, — и рука опускается. Родныхъ птенцовъ

давно нѣтъ. И этого чужого, послѣдняго стнать? Горе... сиротство... Нѣтъ. Пусть будутъ счастливы! Вѣдь и въ самообманѣ счастье. А дятлы самыхъ разнообразныхъ видовъ по росту и по цвѣту перьевъ, всѣ толстоголовые съ превосходными долбящими молотами-клювами.... О, какъ они приковывали наше вниманіе и любопытство къ себѣ и какъ насъ тянуло поймать ихъ, когда они ожесточенно долбили кору дерева! Но намъ никогда не удавалось поймать этихъ цѣпконогихъ скакуновъ, какъ не удавалось держать въ рукахъ маленькихъ красивыхъ, длиннохвостыхъ вертушекъ цветковъ - очеретянокъ, скакавшихъ всегда у берега рѣчки и на левадахъ. За то осенью отважная синица, сопровождающая и берегущая маленькихъ, кругленькихъ, какъ волошскій орѣхъ, съ чудно расписанными головками „воловыхъ очекъ“, чечотокъ, часто попадалась въ наши руки, также какъ зимою попадали въ наши клѣтки толстоносые, сутуловатые, неуклюжіе красногрудые снѣгири. Я уже не говорю о драчливыхъ болтунахъ и неисправимыхъ ворискахъ, безъ умолку хвастающихъ, что онъ живъ, живъ, — о неинтересныхъ воробьяхъ. Зимою мы ловили ихъ по нѣскольку десятковъ въ каждой норѣ, продѣланной ими въ соломенныхъ крышахъ хлѣбовъ, а гнѣзда ихъ весною мы часто выбрасывали, что, стыдно теперь сознаться, доставляло намъ тогда большое удовольствіе.

А сколько радостей доставляли мнѣ „пирныки-коньки съ золотыми головками“ — пряники, получаемые отъ отца по возвращеніи его изъ ярмарки! Конфектъ отецъ мой никогда не привозилъ изъ мѣстечка Вчерайшаго, гдѣ ихъ и званія не было, и о существованіи ихъ я узналъ только тогда, когда тета Канонская изъ Сквиры привозила мнѣ сахаръ и „пукерки“. Моему неизбалованному сластями вкусу тѣ пукерки казались цѣняще всѣхъ благъ міра, и никогда впослѣдствіи я не ѣлъ ничего слаще первыхъ „пукерковъ“... Я и теперь люблю музыку и часто подхожу къ роялю или же беру скрипку въ руки, но никогда теперь звуки рояля либо скрипки не приводили меня въ такой восторгъ, какой вызвали во мнѣ звуки перваго „конька снытунца“, подареннаго мнѣ богомолками изъ Кіева.

Отец мой, глубоко вѣруя въ Бога и въ Его непосредственный любвеобильный промыселъ о человѣкѣ, и утромъ и вечеромъ не иначе стоялъ на молитвѣ, какъ колѣннопреклоненный, не читалъ молитвы, а говорилъ ихъ, поднимаясь къ Богу не только умомъ и сердцемъ, но и очи свои устремляя куда-то безпредѣльно далеко вверхъ. Псалмы Давида Царя не были для Отца чѣмъ-то чужимъ. Покаянныя молитвы Давида въ устахъ отца становились воплями кающагося грѣшника; просьбы Давидовы были личною горячею мольбой отца; пѣсни хвалебныя Давида были вликами восторговъ его собственнаго сердца, ликованіемъ его личной души. Живя самъ въ нищетѣ и зависимости, види вокругъ себя ту же нищету и тупую покорность и слыша глухой подавленный ропотъ панскихъ „пиданныхъ“, отецъ мой, чуткій, отзывчивый и нервный, не могъ жить только своею личною жизнію. Выслушивая угнетаемыхъ, обиженныхъ и битыхъ, отецъ мой переживалъ съ ними ихъ горе, скорбѣлъ, тосковалъ и въ безсиліи мучился по нѣсколько дней, пока наконецъ въ скорбныхъ съ глухими рыданіями молитвахъ и жалобахъ Богу онъ не получалъ облегченія и успокоенія. Естественно отсюда, что жизнь казалась моему отцу тяжелымъ бременемъ и что счастье—только въ вѣрѣ въ Бога и въ молитвѣ къ нему. Поэтому онъ въ ту пору, и нерѣдко и въ послѣдніе годы, жалѣлъ, почему онъ не монахъ. Такъ вѣруя въ Бога, видя въ немъ одною счастье, испытавъ сладость молитвы, отецъ съ самаго ранняго дѣтства воспитывалъ во мнѣ вѣру и любовь къ Богу и научалъ меня искренно и усердно молиться, утѣшая себя надеждою, что сдѣлаеть изъ меня монаха—молитвенника „о людскихъ грѣсѣхъ и невѣжествіяхъ“.

— „А ходимъ по сыну до Бози въ церкву“, говорилъ онъ мнѣ въ будній день. „У Бога всяки гостынци есть,—будемъ просыты, то може й намъ дать гостынца“.

Идемъ въ притворъ, гдѣ лежитъ постель и булава церковнаго сторожа Давида; становимся на колѣни передъ дверью, надъ которой былъ образъ Бога Отца въ римской тиарѣ, и сложимъ руки на молитву.

— Говоры, сыну, за мною: „Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшнику! Боже! очисти грѣхи мои и помилуй мя.

— Поклонись, сыну, до земли.

Я кланяюсь.

— Говори теперь за мною: „Боже! Дай мени гостынчика!“
Я горячо молюсь.

— А дивись но, сыну, на Бозю; чи нема у Бози гостынчика?

Смотрю, а изъ-за иконы выглядываютъ бублики. Я въ восторгѣ. Отецъ поднимаетъ меня выше своей головы, и я своими руками беру гостинцы отъ Бога, тѣшусь и ѣмъ.

Громъ ли загремитъ—отецъ уже на колѣняхъ и намъ говорить:

— А що, дитки, вже сварылись? Отъ Богъ и грмае на васъ и кивае на васъ своею блискавицею! Молитесь Богу! Ставайте на коліна!

Скажешь что-нибудь не такъ—„гршно, сыну, такъ казаты“; пошалишь неудачно съ братомъ, и онъ плачетъ—„а Бозя буде быты, не обижай брата“; хочешь, не помолившись утромъ Богу, съѣсть что-нибудь—„а Бозя онъ де дивытся! Грхъ. Помолысь“.

Въ крестьянскихъ семьяхъ нерѣдко дѣти выкалывали глаза святымъ на иконахъ, чтобы Богъ не видѣлъ, какъ они ѣли въ среду или пятницу сало, или же, не дождавшись родителей изъ церкви въ Воскресенье, принимались ѣсть. Словомъ, на каждомъ шагѣ намъ говорили то о Божіей милости, то о грѣхѣ, то о наказаніи за грѣхъ.

Кромѣ общенія съ Богомъ, умъ и сердце отца искали для себя и для насъ дѣтей общенія съ лучшими изъ людей. Почему ежедневно зимою по вечерамъ отецъ читалъ намъ въ слухъ жизнеописанія святыхъ людей изъ Четыи Миней св. Дмитрія Ростовскаго, выросшаго, какъ и мы, въ простой сельской семьѣ, хохла Саввы Туптала. Какъ только смеркнетъ, сосѣди—дѣды Кирилло и Якубъ—уже и сидятъ у насъ на лавкѣ, мать у печки, а мы дѣти среди хаты на соломѣ, и жадно слушаемъ церковно-славянское чтеніе отца съ его объясненіями. Отецъ у сто-

ла съ восковою свѣчкою въ рукахъ читаетъ. Голосъ его то спокойный, то тихій, теплый участливый, то ѣдкій-насмѣшливый, то дрожащій и гнѣвный, то полный силы и восторга, смотря по содержанию чтенія. Лицо въ соотвѣтствіи съ голосомъ, то ровное, доброе съ отгнѣнкомъ умиленія, иногда съ повисшей слезою, то желчное, подернутое горькой скорбью и печалью за участь христіанскихъ мучениковъ, то гнѣвное, презрительное къ ослѣпленнымъ безсильною злобою учителямъ, то, наконецъ, радостно восторженное, когда онъ восклицаетъ: Великъ Богъ христіанскій! Дѣдъ Кирилло и дядько Якубъ слушаютъ, не пошевеливуются; мать, тихо подкладывая солому въ печь, зорко слѣдитъ, чтобы „булишь“ въ закипѣвшихъ горшкахъ не сбѣжалъ, а слухъ весь напрягла, чтобы не проронить чтенія; мы же дѣти лежимъ на соломѣ среди хаты неподвижно, съ открытыми ртами, съ горящими глазами, внимаемъ, видимъ святого, слышимъ его небоязвенныя рѣчи, горимъ восторгомъ отъ его чудесъ, смѣемся надъ посрамленнымъ мучителемъ, слышимъ скрежетъ его зубовъ, видимъ пѣну злобы на устахъ его и печальнымъ сердцемъ идемъ вмѣстѣ съ святымъ въ звѣринець.

— Тату! Але звіри не з'ядять святого? спрашиваєть братъ.

— Вмѣсто отвѣта отецъ читаетъ рѣчь святого: „я пшеница Божія и долженъ быть смолотъ на муку зубами звѣрей, чтобы быть чистымъ хлѣбомъ для Бога“.

Наши глаза устремились на дверь, за которою нашему живому воображенію дѣтскому слышно рыканіе львовъ.

— „И выбѣжали звѣри“, читаетъ отецъ... Мы въ смертельномъ ужасѣ отшатнулись на соломѣ отъ двери, зажмурили глаза, невольно крикнули и слышимъ только, какъ хрустятъ кости святого на зубахъ льва. Наконецъ, сердце замерло, затѣмъ учащено забилось, глотка судорожно сжалась—и я съ братомъ горько, мучительно, истерически заплакали.

— Тату! А Богъ же не вбывъ громомъ отого проклятого кесаря? А земля пидъ тими, що дывылись та роготалы, не провалылась?

Тихо въ нашей хатѣ. Мама рукавомъ слезы вытираетъ. Дѣдъ Кирилло съ Якубомъ опустили свои сѣдыя головы внизъ,

а крупныя слезы такъ и текутъ по ихъ щекамъ. Отецъ куда-то далеко, далеко смотритъ затуманенными глазами. Вотъ уже мы и вечеряемъ, и спать улеглись на той же соломѣ, среди хаты, укрывшись „вожухомъ“ бараньимъ. Но сонъ идетъ мимо глазъ. Въ комнатѣ темно. Никакія новыя впечатлѣнія не принимаются мозгами, всецѣло пораженными страданіями мучениковъ. Опять переживаешь все слышанное, и не смѣешься и радуешься, а боишься и ненавидишь. Наконецъ, утомленное дѣтскими играми тѣло засыпаетъ, но мозги съ поразительною силою ясности и съ быстротою повторяютъ впечатлѣнія прочитаннаго.

— Великъ Богъ христіанскій! крикнулъ кто-то надъ моимъ ухомъ и разбудилъ меня. Смотрю, мать уже креститъ соннаго исповѣдника Ваню:

— „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь. Спи, сыну, спи“. Укрываетъ его вожухомъ, перекреститъ снова и отходитъ.

— „Ты, Фылыпъ, завше такъ робышь: начитаешь отихъ житій,—а бидни диты зо сну жахаються“.

Въ общеніи съ святыми мучениками, презиравшими тѣлесныя муки, со святыми пустынниками, презиравшими удобства жизни и богатства міра сего и за то вознагражденными несказаннымъ блаженствомъ въ объятіяхъ Вселюбачаго Отца Небеснаго, отецъ мой находилъ великое утѣшеніе и примирялся съ своею нищенскою жизнію и съ окружающею его жизнію „пидданныхъ“, полною нищеты, воплей, слезъ, неправды и грубаго насилія. Слова Единаго въ ту пору челоувѣколюбца Господа Иисуса: Блаженни нищіе духомъ, яко ваше есть царствіе небесное, блаженни плачущіи, яко тѣи утѣшатся, блаженни алчущіи и жаждущіи правды... Радуйтеса и веселитеса, яко мзда ваша многа на небесѣхъ,—казались отцу сказанными не 2000 лѣтъ тому назадъ а тецерь, не мытарямъ и грѣшникамъ невѣдомаго древняго Израиля, а ему и тѣмъ тьмамъ Ивановъ и Марій, которые именовались „быдломъ“. Эти животворныя обѣщанія Спасителя радовали отца, и онъ клалъ земные поклоны, плакалъ, благодарилъ и молилъ Бога и этою общанною Богомъ радостію дѣлился съ нами дѣтьми и вносилъ отраду и утѣшеніе вѣры

крестьянамъ, которымъ для этого читалъ еще и житія святыхъ людей въ промежутки между Утренею и Литургіею по воскресеньямъ и праздникамъ. И нищета, и безправіе теряли свое мертвящее значеніе, и тяжелый трудъ казался подвигомъ, достойнымъ великой мзды на небесѣхъ.

Отецъ вносилъ въ нашу дѣтскую жизнь отраднѣйшій, лучезарнѣйшій элементъ религіи, а сосѣдь нашъ, дѣль Кирилло Середа, скрашивалъ наше дѣтское прозябаніе внесеніемъ въ наше сознаніе народнаго поэтическаго міровоззрѣнія своими сказками и юмористическими небылицами. И то, и другое—и незнакомство наше съ жизнію имущихъ людей, и дѣтская беззаботность, и потребность жизнерадостности дѣлали для насъ нечувствительными голодъ и холодъ.

Осень; холодно; вечерѣть; уже и ужинъ скоро пора будетъ варить; а топлива нѣтъ. Мать грызетъ отца; отецъ чешетъ затылокъ.

— „А хотите, диты, галушбѣ? Побожить же въ панскій садокъ, насбирайте на земли сухихъ ломачокъ, бо нема чимъ въ печи вечеру варить. Та глядите, не ломайте зъ дерева. Та навиньте на себе халатыки, бо холодно“.

Босые, въ картузикахъ съ разодранными возырьками, съ навинутыми, а не надѣтыми ватными халатиками, мы были уже за дверьми, когда мать воротила насъ и дала каждому изъ насъ фартушекъ для складыванія „дровъ“. Перебѣжали мы въ прыжку черезъ дорогу, ловко спрыгнули въ ровъ, храбро вскарабкались на валъ, заросшій деревою, перелѣзли черезъ досчатое прасло и, какъ истые охотники и знатоки дѣла, мы и сверху земли, и подъ опавшими листьями, и подъ травою находили дрова, т. е. сухіе, маленькіе прутья вишни, сливы, яблони, груши и др. деревъ. Если же которому изъ насъ удавалось первому наброситься глазомъ на громаднѣйшую „гиляку“, по крайней мѣрѣ въ аршинъ длиною и въ большой палецъ толщиною, тотъ опрометью кидался и восторженно клалъ ее въ фартухъ. Набравши полные фартушки дровъ, мы съ гордостью возвращались домой. У воротъ же, любовно глядя, встрѣчаетъ насъ отецъ словами Макарія Египетскаго, ставшими обычною поговоркою отца.

— Будь здоровъ, будь здоровъ, трудолюбче! Э, дитки! цими дровцями маты тилько литепло зогріе; а чимъ же на окрипъ напалыть, щобъ галушки завипылы?

— Э—э, тату, мы заразъ назбираемъ.

И опять въ припрыжку бѣжимъ, собираемъ, носимъ дрова. Выбросивъ послѣдній разъ изъ фартушковъ прутья подъ нечку, мы кинулись къ столу. А тамъ, на столѣ, изъ замѣшаннаго тѣста мать крошила галушки. У насъ и руки затряслись отъ радости.

— „Нате, нате уже вамъ тисто на валачики“!

— Ни, я голуба чубатого злиплю, сказалъ мой меньшій братъ.

— А я ужа съ жаломъ роскачаю. И мы съ жаромъ принялись за лѣпку своихъ выдумокъ. Посадили въ печь я ужа, и голуба, и когда они испеклись, мы не надолго дали волю голубю летать, а ужю ползать и сычать. Скоро голубъ оказался безъ чубка, а ужъ безъ жала. Но въ тотъ моментъ, когда я безстрашно откусилъ голову ужа, дверь заскрипѣла, и впередъ выставилась знакомая намъ порыжѣлая шапка дѣда Кирилла.

— „Дидъ иде, дидъ иде, казку несе“, хлопая въ ладоши, сказалъ братъ.

— Слава Богу! привѣтствовалъ дѣдъ, стряхнувъ дождевыя капли съ своей шапки.

— Во вики виговъ. Аминь,—отвѣтили одновременно отецъ и мать.

— А що тамъ, диду, на билому свити робытса?

— Бувъ билый свить, та потемнивъ. Вытрищеока Загныбородыха ¹⁾ мисяця вкрала; небо засмутылось, та й плаче—вся шапка моя въ слезахъ.

— Сидайте, Кирилло!

— Спасыби, пане Реенцій!

— А що нового?

— Этъ, хочете вы знаты?! Пропадающа ²⁾ лютуйе. Конныця пшеницю вытоптала надъ дорогою. А „гуменный“ Ла-

¹⁾ Сосѣдка, баба, слышавъ вѣдьмой.

²⁾ Пропадащей прозвали крестьяне свою помѣщицу, которая засѣкала мужиковъ в бабѣ до того, что послѣднихъ на „ряднахъ“—поснакахъ выносили.

вринь, скажена собака, сховавсь. Ратники чуть-чуть его не вбылы. Та й страшни оци бородати кацапы! Горе буде туркюви! Пытався я идного кацапа, такъ уже не молодого; куды Богъ провадыть?—Въ Востополь идемъ!

— А бильше ничего не чулы вы, Кирилло, про ратныкыивъ?

— Богъ бривъ, не чувъ ничего такого, окримъ того, що наши люде дуже бояться ихъ.

— И изъ Мыньковецъ ничего не чулы?

— А щожъ тамъ чутно такового цікавого?

— Гай, гай, бодай не казаты! Въ Мыньковцяхъ пипъ старый, вдовець и бездитный. Ратники, що въ Мыньковцяхъ днювалы, дочулысь, що той пипъ богатый. Отъ середъ ночи симъ ратныкыивъ стукують въ попови двери. Наймыть высочивъ одчиныты имъ двери, а ратныкъ заразы сокирою его по голови. Пипъ почувъ шумъ, догадався, що воно за люды и зачимъ прійшлы, а мисячна ничъ, хоть голки собирай, никуды втикаты—зломывъ руки передъ образомъ. Ажъ врываютьця кацапы: давай попъ деньги!—Заразы дитки, нате. Одчинывъ скрыню, вынявъ торбу и дае.

Оце вамъ, войны Христовы, срибныхъ двисти карбованцивъ, а це—бильша торба зъ мидными грошима; скильки тутъ, то я й самъ добре не знаю. Берить соби дитки. Вы въ чужій край идете. Все треба вамъ купыты. А мени ци гроши не потрібни: я старый и одынокій, та й пипъ съ голоду ще николы не умиравъ. Вы жъ хоть Богу помолытесъ за мене.

— А вотъ и сейчасъ помолимся за твою жеребьячю душу, коли не сважешь, гдѣ больше денегъ. Кажи!

— Богъ зъ вами, дитки! Оце у мене все добро: ось скрыня, ось столы съ шухлядами,—шукайте соби и берить; ось комора съ бочкою наливки. Идить въ комору за мною, берить соби оцей бутылъ горилки, берить оци ковбасы, хлибъ, сйдайте за стиль,—бо вы, бидни, голодни.

— Дѣло, батька! Садись ребьята!

Пылы шклянками; наилысь, напылысь. А пипъ все ихъ припрошуе.

— А теперь, дитки, войны Христови, вы на войну идете. Дайте жъ я васъ крестомъ поблагословлю и святою водою окроплю. Свѣчи не были зажжены. Пицъ покропивъ ихъ, поблагословивъ; а вони поцилували св. хрестъ и его руку, та й пишли.

— Ранкомъ пиднявся гвалтъ въ сели. Попивъ наймытъ убытый. Ратныки строятся въ ряды; вси старши въ сбори и пицъ зъ нымы стоить и щось имъ каже.

— Ну, попъ, смотри и берегись! Если не найдешь, то не сносить тебѣ своей головы на плечахъ. Я тебѣ не подарю!

— Я своихъ гостей пизнаю. Вони позначены. Пишовъ пицъ съ старшими по рядахъ, глянувъ на красный полушубокъ идного ратника.

— О! це мій! Идетъ далѣе: и ци два мои, и цей мій, и оцей.

— Почемъ ты знаешь, что эти именно убійцы?

— У моихъ полушубки кропляни черныломъ, которымъ вмисто святой воды я окропивъ на прощанье.

Двѣлятся старши, ажъ и правда: у тихъ семерыхъ ратныкивъ кропляни полушубки черныломъ. Охъ, яка то диду правда въ свити! Думаєте може, що ихъ отдады пидъ судъ?! Ни, старшый сказавъ, что теперь Царь нуждается въ ратныкахъ и винъ ихъ не оддасть на судъ, а поставытъ ихъ на войны пидъ першу кулю. Затрубылы, та й выйшли зъ Мыньковець.

Не успѣлъ отецъ окончить эти слова, какъ сѣнная дверь заскрипѣла, съ шумомъ отворилась, и послышались голоса нѣсколькихъ челоуѣкъ; шумъ, говоръ, а было уже поздно. Мы никого не ожидали и насторожили уши; навонецъ, отворяется комнатная дверь, и вваливается въ комнату челоуѣкъ пять ратныковъ.

— Ай! крикнулъ я съ братомъ, и какъ мыши въ нору, такъ мы быстро попрятались на печкѣ.

— Здравствуй, дьячекъ! Вотъ тебѣ штофъ водки, по полтинѣ съ брата; а ты пиши письмо на родину.

— Хорошо, да бѣда въ томъ, что бумаги нѣтъ.

— Бумага съ нами есть. Ты вотъ прежде рюмку достань, да хлѣбъ на столъ ложи.

— А ты, хахолъ, чево сюда прилѣзъ? Дѣдъ Кирилло въ нерѣшительности промолчалъ и взялся за шапку.

— Посыдьте, диду, пригласилъ отецъ, боясь остаться самъ на самъ съ бородатыми гостями. Водку ратники выпили почти сами. Отецъ написалъ имъ письма съ ихъ словъ, съ непремѣннымъ „поклономъ отъ бѣлова лица до мать-сырой земли на вѣки нерушимымъ и съ поцѣлуемъ въ сахарныя уста и бѣлыя ноги“. Выпили, нашумѣли, накричали, поблагодарили, положивъ по полтинѣ съ брата, и далеко за полночь ушли.

Никогда еще отецъ не получалъ такихъ большихъ денегъ за умѣнье писать. И не разъ еще доводилось отцу писать письма ратникамъ и получать за то полтины и „цѣлковые“. Отвѣты съ родины съ деньгами получались скоро, и отцу приходилось и прочитывать письма ратникамъ, за что опять отца угощали водкой и щедро платили, хотя отецъ и не ожидалъ, что могутъ люди платить за прочтеніе. Тѣмъ не менѣе, какъ ни добры они были къ отцу, но я всегда помнилъ разсказъ объ убійствѣ въ Мыньковцахъ и боялся ихъ.

Наши люди придутъ къ отцу—не бѣгаютъ по хатѣ, тихо, спокойно поговорятъ; а ратники влетаютъ въ домъ, распахнутъ дверь въ комнату, бѣгаютъ, суетятся, кричатъ, ругаются безъ ссоры, а любя, какъ они говорятъ. Память до сихъ поръ рисуетъ мнѣ ихъ всѣхъ бородачами, невысокими, широкоплечими, въ одеждѣ желтаго сукна, красныхъ полушубкахъ, съ ширококонечнымъ, въ родѣ георгіевского, крестикомъ на фуражкѣ, вмѣсто кокарды.

Не менѣе, чѣмъ ратниковъ, я боялся и солдатъ, особенно подъ вліяніемъ разсказовъ матери.

„Страшни, сыну, ти москали були, але колысь давнѣйше ще страшнѣйши були. Моя мама мени розказувала, що, якъ ще ихъ мама були панною, то мусили дви недѣли ховатись одъ москаливъ въ Верховенскимъ очерети. Якъ почувы дидуне, що москали прійдуть въ Верховню, заразъ взяли двоухъ дидивъ и двоухъ бабъ, надавали имъ исты й пыты, та й одправыли ихъ съ двома паннами въ очереть въ вершу, ажъ пидъ Быстривку. Тамъ воны дви недѣли и пидъ сонцемъ и пидъ дощемъ сиды, та рушныкы вышивала. Ще зъ тихъ рушныкивъ мени

мама идного дали; теперь я отдала той рушныкъ Явдошци, хрещеныци мой. А москали, (то были еще польскіе жолнѣры) якъ прійшли въ село—заразъ до дидуня, щобъ показавъ своихъ паннивъ. Москалямъ хтось сказавъ, що въ попа есть дви дочки панны. Дидуне мусили выдумаваты, що панны поихалы на полисье до своей сестры. Разъ до дидуня въ Верховню пріихавъ меньшій зять, молодой ще пипъ, та й почувъ, якъ на улыци музыка грае и жолнѣры спиваютъ

„Пшистанъ пшистанъ до вербунку
Будешъ исти зъ масломъ булку
И ты поне..
Огуль бродо, зоставъ вон и
Ступай, ступай въ наши понсы!

Зять той выйшовъ на улыцю, та й слушае, якъ спиваютъ. А иденъ изъ жолнѣровъ пидскочивъ на лошади къ попу, знявъ съ попа шапку, надивъ на него свою конфедератку та й крыкнувъ: нашъ! нашъ! Заразъ его схватылы на повозку, та й повезлы ажъ у Паволочъ. Дидуне злякалысь та на кони за ними въ Паволочъ; а въ Паволочи живъ благочинный—дидуне до него. Та насылу въ двоухъ зъ благочиннымъ одибралы зятя отъ жолнѣривъ, заплатывши добри гроши“.

Дѣдъ Кирилло Середа каждый вечеръ приходилъ къ отцу. Его идейную натуру влекла къ отцу потребность жить и умомъ и сердцемъ. А гдѣ же въ другомъ мѣстѣ онъ могъ найти пищу для жаждущей души? На трехдневной панщинѣ, кромѣ криковъ, брани и угрозы кіями отъ „осавулы“ и отъ гуменнаго, онъ не слыхалъ ничего другого. На остальные три дня — было по горло работы дома въ своемъ хозяйствѣ. На 7-й день въ воскресенье пошелъ бы въ церковь, да нельзя: ярмарка въ м. Вчерайшемъ — нужно ѣхать непременно на ярмарку, продать хлѣбъ, купить соли, ременю на обувь и проч., потому что въ буденный день нѣтъ ярмарки и ни продать, ни купить ничего нельзя. Вечерами же, по окончаніи работъ, пошелъ бы „на село“, т. е. въ корчму, но разъ — утомленъ, а другое — кромѣ пьянства, общаго гама и шума, пьяныхъ слезъ, да горькихъ жалобъ, да тяжкихъ стоновъ ничего отраднаго не услышишь.

А поэтическая душа Кирилла, подавляемая физической работою въ теченіе дня, пробуждалась вечеромъ, оживала, предъявляла свои запросы, боролась съ утомленнымъ тѣломъ и побуждала ноги, не смотря на ихъ сопротивленіе, идти „межь людѣ“, поискать отрады, утѣшенія. И идетъ Кирилло по торной дорогѣ въ корчму, вечеромъ, палкой-карлючкой опирается, голову опустилъ, одну думу смѣняетъ другой думой невеселой. Но вотъ замедлилъ дѣдъ шаги, и тяжкій глубокій съ dna груди вырвался стонъ у него. Тяжелыя, ужасныя воспоминанія неотвязчиво тѣсняются въ головѣ его. Живо, ярко припоминается ему, что пьеть онъ съ добрыми людьми за столомъ въ полевой корчмѣ Боло-тянкѣ и поеть:

„Шинкарочко молода
Дай горилки шей ѣ вина“.

Вдругъ крикъ: гвалтъ! злодѣй! ловить! Выбѣжали всѣ изъ корчмы, поплелся и онъ за людьми. Злодія—и пару лошадей обступили люди. Крикъ, брань, проклятья. Бьютъ злодія, кто чѣмъ попалъ. Припомнилъ Кирилло, что у него украли пару лошадей годъ тому назадъ; заскребло у него на сердцѣ,—вѣдь онъ и до сихъ поръ не можетъ собраться на покупку лошадей и каждый разъ у людей то просить, то нанимаетъ. Зло разобрало его; кровь забушевала, сжались зубы и кулаки. Размахнулся онъ изо всей силы и хватилъ кулакомъ злодія въ високъ такъ сильно, что тотъ упалъ и не вставалъ больше. Припоминается Кириллу допросъ эконома; его вяжутъ; ведутъ на веревкѣ къ приставу; тамъ заковываютъ. Сквира; тюрьма—мрачная, сырая яма съ землянымъ поломъ; его товарищи; закованные душегубцы—обступаютъ его кругомъ; въ ужасѣ сторонится онъ отъ нихъ; его поднимаютъ на кулаки. Но въ это время зазвенѣли цѣпи, заревѣлъ звѣрскій голосъ. Все стихло. Передъ нимъ стоялъ душегубецъ великанъ, обросшій волосами, полусѣдой, съ ворочающимися бѣлками глазъ подъ густыми нависшими бровями. Окаменѣлъ Кирилло передъ нимъ. Но этотъ душегубецъ—его покровитель и заступникъ. Онъ—въ тюрьмѣ, въ неволѣ; въ цѣпяхъ, какъ звѣрь, и впереди ждетъ эшафотъ, катъ, Сибирь и ваторга... А сердце рвется на волю, на просторъ къ родному

селу, къ хатѣ, къ садочку надъ ставкомъ, къ женѣ и къ малымъ дѣткамъ... „Дитки мои! Бвѣтки мои! Пташки вы мои! Не бачыты вамъ свого батька и до страшнаго суду. Сибирь на вики розлучить мене зъ вами. Якажъ це злая, клята сыла одирвала мене отъ васъ? диточки мои? Пыльпцю мій, дытны моя, сыну мій, печени мои?! Зыткиль же це лыхо, несчастье на мене?! Видь Бога?—Горилка, не Богъ, одняла розумъ одъ мене! Чортъ, самъ сатана, а не Богъ, лютовавъ въ моимъ сердци и зробывъ зъ мене душегубця. Ни, не отъ Бога це! Богъ небо прихилывъ до земли, зійшовъ до людей, ратуваты не праведныхъ, а злодѣивъ та разбойныивъ, на хрести муки терпивъ, а ихъ пожалувавъ и зъ хреста на небо съ собою забравъ. Спасы и мене, душегубця, Господы! Ратуй мене Сыне Божій! Не забудь мене Спасе“? — И чувство надежды шевельнулось въ сердцѣ Кирилла и согрѣло въ немъ вѣру въ Бога живаго, добраго, скорбящаго съ несчастными и привлекающаго къ своимъ объятіямъ оплеванныхъ, поруганныхъ и отверженныхъ людьми. И сталъ Богъ для Кирилла живымъ, близкимъ роднымъ, безгранично благимъ. И сталъ Кирилло ежедневно молиться и по цѣлымъ ночамъ простаивать предъ образомъ святителя Николая и класть еженощно по 300 поклоновъ (такъ дѣлалъ онъ и до смерти). Смѣются душегубцы надъ его мозолемъ кровавымъ на лбу, издѣваются и надъ посинѣвшими и растертыми до крови мозолями на колѣняхъ. Но не слышитъ Кирилло боли на лбу и на колѣняхъ, не слышитъ онъ и хохота товарищей; онъ слышитъ только голосъ убитаго имъ злодѣя, онъ видитъ въ своемъ наказаніи кару прогнѣвавшагося Бога, онъ видитъ сквозь стѣны тюрьмы далеко, далеко свою убогую хату, видитъ слезы жены, слышитъ плачь дѣтей и бьетъ снова и снова поклоны, ломить руки, плачетъ-рыдаетъ передъ образомъ живаго Бога.

Но завтра, завтра, колесомъ огненнымъ вертится у него въ головѣ—завтра рѣшеніе суда, эшафотъ, тысячи очей, вать—и... и каторга. И чувство смертельнаго ужаса овладѣло его душой: затрясся весь, похолодѣлъ, съезжилси тѣломъ, уменьшился, сократился и неодолима потребность бѣжать, спрятаться, поглотила все его мыслящее существо. Но куда бѣжать? гдѣ спря-

таться? Глаза рыщутъ, мозгъ отчаянно работаетъ, но... нѣтъ выхода. Сознаніе говоритъ ему, что онъ есть, существуетъ и не избѣжить „катуванья“. Охъ, если бы можно было не видѣть, не слышать, не думать не сознать самого себя... не дожить до... И злорадный огонь блеснулъ въ его глазахъ... Трясаясь и боязливо и дико озираясь вокругъ себя на спящихъ, онъ поползъ, и... съ нервной дрожью оцупалъ въ своихъ рукахъ... тоненькую... прочную... она не оборвется... удержитъ. Безсмысленная, дикая, конвульсивная улыбка искривила его лицо. Только петлю... и узелъ. И не катови, а... а... а чортови душу... Чего мои зубы стучать?

— Боже! Сыне Божій! Змылуйся надо мною. Не карай мене за... за... хоть на тимъ свити. Маты Божа! ратуй мою душу! Ратуй моихъ дитокъ: Пылиця, Ярину! Будь имъ матерью. Святый Мыколаю!—Батьку мій ридный! Но въ этотъ моментъ—шорохъ сверху; ударъ по головѣ и что-то грохнулось на полъ. Арестанты пробудились, смотрятъ; въ углу Кирилло съ окровавленной головою, съ веревочкой въ рукѣ и около него стоитъ уже великанъ разбойникъ; а у ногъ его лежитъ упавшій образъ св. Николая.

— „Маешь же ты счастье Кирилло! Колы тебе образъ Божій побывъ, то будешь же ты на воли. Завтра тебе пустать. Така есть примыта. Ты каявся, та Богу молився, то Господь тебе и помылуе. А намъ каторжникамъ—якъ собакамъ, собача покута, собача и смерть“. Утро. Рокоть барабана. Солдаты съ ружьями. Читають рѣшеніе. Тутъ же въ дворѣ тюремномъ дають ему 24 удара плетями и... выпускаютъ на волю. О—охъ! Невольный, глубокий, облегчающій вздохъ вырвался изъ груди Кирилла послѣ этого подавляющаго, какъ кошмаръ воспоминанія о давно минувшей неволѣ. И живое, глубочайшее чувство благодарности Богу невольно выразилось въ привычномъ движеніи руки, знаменующемъ крестъ.

Понятно, что послѣ такого воспоминанія, ноги Кирилла съ дороги въ корчму круто поворотили налѣво, на дорогу къ моему отцу, который не упрекнетъ его, не осмѣетъ, зная по словицу: грѣхъ да бѣда на комъ не живутъ, но еще сниметъ

съ его души тяжесть преступленія, указавъ ему на дивную благость и воплощенную въ І. Христѣ любовь и милосердіе Творца къ людямъ, ободрить его и волеетъ въ него вѣру и увѣренность въ томъ, что и для него, катованнаго, душегубца, есть возможность стать хорошимъ человѣкомъ въ мнѣніи людей и быть помилованнымъ на судѣ Божіемъ. Не словомъ своимъ убаюкиваетъ его совѣсть, а дѣломъ, живымъ примѣромъ Давида, предводителя разбойниковъ, ставшаго свѣточемъ любви Христовой, равно и святою жизнію другихъ покаявшихся грѣшниковъ докажетъ ему то, чего онъ такъ пламенно, всею душою желаетъ, и успокоитъ его мучающуюся совѣсть. И часто ему по его просьбѣ читаетъ отецъ мой житіе преп. Давида. И что-то близкое, родное видится его душѣ въ этомъ разбойникѣ раскаявшемся и великомъ подвижникѣ-аскетѣ. Онъ по цѣлымъ ночамъ думалъ о немъ; онъ въ мысли своей сжился съ нимъ, ему казалось, что онъ и лицо его знаетъ, и оно такъ походитъ на свирѣпое лицо того великана душегубца, который въ сквирской тюрьмѣ защищалъ его отъ насмѣшекъ и побоевъ арестантовъ и у котораго при прощаніи съ нимъ на суровомъ лицѣ покатались такія большія двѣ слезы, когда онъ сказалъ: „Кирилло, помолись за мене. Прощай“.

ж. щ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ поминкамъ по Сковородѣ. Въ «житіи» Сковороды, написанномъ Ковалѣнскимъ, («Кіевск. Стар.» 1886 г., № 9, стр. 113), рассказывается, что С—да поступилъ въ домъ Томары послѣ того, какъ былъ изгнанъ изъ Переяславскаго училища тогдашнимъ епископомъ Никодимомъ Сребницкимъ и жилъ у одного изъ пріятелей, около Переяслава, въ страшной нуждѣ. — С—да одобренъ былъ Томарѣ отъ знакомыхъ и приглашенъ имъ въ д. Коврай, гдѣ и порученъ былъ ему сынъ въ смотрѣніе и науку». Такъ говоритъ «житіе» Ковалѣнскаго. Ученикомъ С—ды былъ Василій Степановичъ Томара, который о приглашеніи С—ды въ ихъ домъ рассказывалъ иначе. Рассказъ этотъ записанъ въ одномъ изъ писемъ (30 іюля 1824 г.), Ив. Ром. Мартоса ¹⁾ къ его пріятелю В. Я. Ломиевскому, причемъ поводомъ къ этому разсказу послужила статья Вернета о Сковородѣ, напечатанная въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» (1817 г., № 4 стр. 106). Мартосъ пишетъ: «Покойный сенаторъ Василій Степановичъ Томара, продолжавшій нѣсколько лѣтъ благопріятныя со мною сношенія, между прочимъ, пересказывалъ мнѣ весьма любопытный анекдотъ о Сковородѣ. Въ слѣдствіе чего прошу васъ перенестись мысленно въ прежнюю Малороссію, когда въ ней полковникъ составлялъ маленькаго, въ нѣкоторомъ смыслѣ, царя, каковымъ царькомъ въ Переяславѣ былъ отецъ сенатора Томары, въ малолѣтствѣ избалованнаго матерью до крайности. Помянутый переяславскій полковникъ ²⁾, будучи въ дружбѣ съ тогдашнимъ кіевскимъ митрополю-

---

¹⁾ См. «Кіевск. Стар.» 1894 г., № 10, стр. 154, примѣч.

²⁾ Степанъ Васильевичъ Томара переяславскимъ полковникомъ не былъ, а былъ дѣйствительно большимъ «царемъ» въ Переяславщинѣ, благодаря своему богатству. См. о Томарахъ въ «Кіевск. Стар.» 1885 г., № 5.

томъ ¹⁾, просилъ о присылкѣ къ нему въ домъ инспектора самаго лучшаго для избалованнаго матерью сына. Одолжить полковника, да еще друга, присылкою въ домъ его студента для исправленія баловня, гдѣ инспекторъ долженъ всякій разъ найтись не только въ томъ, какъ себя вести въ публикѣ, безъ оскорбленія чести своей, да и въ томъ, дабы не пострамить ни академіи, ни пославшаго—конечно для митрополита составляло немаловажную задачу. Какъ же поступилъ онъ въ семь затруднительномъ положеніи?—Прислалъ инспекторомъ Сквороду.—Самъ ученикъ его Томара, проводившій зрѣлѣйшіе годы жизни своей въ чужихъ вѣрахъ, почитавшійся непослѣднимъ въ своемъ родѣ мистикомъ и кончавшій уже седмой десятокъ свой, пересказывалъ мнѣ съ полною признательностію, какимъ удивительнымъ образомъ поступилъ съ нимъ инспекторъ сей, дабы склонить его къ исправленію.

Дѣйствительно, это есть весьма любопытное происшествіе, дѣлающее честь производителю своему, но только я не имѣю теперь времени распространяться въ дальнѣйшемъ изъясненіи. Довольно для васъ и того, что мною уже сказано, дабы вамъ имѣть возможность сообразить напечатанное на 167-й страницѣ, въ разсужденіи обмана архіерея мнимою неспособностію и прочее—не чепуха ли это надрапаная? Покрайней мѣрѣ не такъ обстоятельства изложены ²⁾.

А. Л.

Опущенная въ печати страница изъ лѣтописи Грабянки.
Въ изданіи лѣтописи Грабянки 1854 г., за страницей 194-ю слѣдуетъ—197-я, а между тѣмъ въ текстѣ перерыва нѣтъ («къ сему же и Доро(конецъ стр. 194-й)—шенко(начало стр. 197-й)подобно отъ яховъ наущень....»). Ошибки въ пагинаціи тоже нѣтъ, а есть здѣсь пропускъ, который долженъ былъ занимать страницы 195-ю и 196-ю. Вотъ этотъ пропускъ: «предлагая Бруховецкому: «чого ради онъ на вѣчное себѣ проклятіе, народъ свободній, не давно отъ ядского плѣненія, зъ многопролітіемъ крове, дерзновеніемъ и мужествомъ свободившійся, доброволнѣ же Москвѣ поддавшійся, ради тагчайшого еще порабощенія, попустилъ воеводамъ по всѣхъ градѣхъ быти, и данн отъ всякой думѣ и со всѣхъ маетностей, такожде пошлини со

¹⁾ Арсеній Могилевскій?

²⁾ Съ подлиннаго письма, въ нашей 6—кѣ.

всѣмъ промысловъ взимати, и на воеводѣ всѣмъ людямъ работати, до нихъ же ни гетманъ, ни полковники, ни всѣ начальницѣ козацкіе не имѣють въ волностяхъ ихъ никакого дѣла, зане же и прежнихъ вѣковъ нашему народу російскому того не бывало; аще когда, допущеніемъ Божиимъ, каковіе монархи и завоевали Русь, обаче отъ того жъ народу русскаго старѣйшину въ Россіи поставляли и насліемъ старѣйшинъ своихъ отъ себе не наслали людямъ, яко же и Кведимѣвъ, князь Литовскій, побѣдивши послѣднихъ князей русскихъ, всѣ земли русскіе вручилъ князю Олшанскому Миндогу и его точію самого Кведимѣвъ вѣдалъ; прочіе же властелини и обладателѣ всѣ отъ русскихъ людей бяху и своимъ точію княземъ управляеми бяху. Егда же послѣдніе роды отъ поляковъ, не повинующеся своимъ королямъ, восхотѣвъше въ Россіи Малой держави свои распространяти и оттуду велиа богатства собѣ притажати, перве уставивша, даби воеводи, каштеляни и старости зъ россіанъ не были и козакамъ потомъ отъ себе ляховъ на полковничества и сотничества наслаша; что козаки, послѣди, коронѣ польской на вѣки невозвратно шкодою и урономъ заплатили! — По каковой Дорошенковои намовѣ, зъехавши, по Богоявленіи Господнемъ, Бруховецкого енералная старшина и полковники зъ гуляйства запорожскаго наставленіе, которіе зъ голоти ставши на началахъ и у крамарей себѣ дщери ихъ въ жени побравши, до онихъ и сами присташа, и хитро, яко самоволци, имѣяху всегда на мысли разграбленіе, — зъ гетманомъ Бруховецкимъ усовѣтоваша, даби отъ царскаго величества отступити. И Бруховецкій велѣлъ воеводѣ, отъ него жъ самого добровольне во гради принятихъ, убивати; на что вишше писанная старшина енералная и полковники, ради хищенія и разграбленія, абіе сонволила, и разъехавшися во своя полки, еднихъ воеводѣ отслаша во свояси, другихъ же, приступами въ градѣхъ добываше, умертвивша, — точію въ Нѣжинѣ, Черниговѣ и Переясловѣ въ крепостехъ затворшаяся Москва, омерзая, обаче запорожци и народъ посполитій города разграбивше, въ конецъ разориша. Зачавши убо гетманъ, за совѣтомъ наведенныхъ за собою запорожцевъ, великое и не его разумомъ могущее совершитися дѣло, еще на большое къ большому людей разоренію покусился: посла послы своя въ двѣ страны — Стефана Гречанаго въ Крымъ, призываючи прошеніемъ хана въ согласіе и въ помощь себѣ, даби воздвигнути брань на Москву, а Григорія Гамалѣю и Лаврентія Кашууровича, канцеляриста, къ турецкому царю, поддаючися ему со всею Украиною, — не извѣстенъ же того, яко не имѣеть себѣ уже добро-

желательного въ войску никого же, кромѣ запорожцовъ, черезъ нихъ же произведенъ былъ и на гетманство». Засимъ должно слѣдовать напечатанное на стр. 197-й продолженіе лѣтописи: «Къ сему же случаю князь Ромодановскій.....».

Приведа это опущенное мѣсто изъ лѣтописи, авторомъ которой называется гадацкій полковникъ Григорій Грабянка, кстати спросимъ людей знающихъ—на чемъ основано это авторство?—Намъ оно кажется весьма сомнительнымъ... Какъ извѣстно, ни одна изъ малорусскихъ лѣтописей не дошла до насъ въ такомъ значительномъ количествѣ списковъ, какъ лѣтопись, озаглавленная—«Дѣйствія презѣльной брани Богдана Хмельницкого». На своемъ вѣку намъ пришлось видѣть больше десятка этихъ списковъ, а между тѣмъ ни на одномъ изъ нихъ мы не встрѣтили и намека на авторство Грабянки. Въ первый разъ лѣтопись эта была напечатана Фед. Григ. Туманскимъ въ его журналѣ—«Россійскій магазинъ» ¹⁾ (1793 года), но здѣсь авторъ лѣтописи указанъ не былъ, конечно, потому что онъ не значился по рукописи. Первое печатное извѣстіе объ авторствѣ Грабянки мы встрѣтили въ одномъ изъ писемъ г. Кулиша къ умершему О. М. Бодянскому, 1846 г., гдѣ читаемъ: «посылаю вамъ лѣтопись, какъ думаю священника Михаила Плиски, а м. б. она только повторена Пляскою... *Лѣтопись Грабянки* (начало которой тоже посылаю) уже по ней написана. Эту послѣднюю Маркевичъ называетъ Писаревскою, по имени того, кто ему сообщилъ, но это не годится, *когда извѣстно имя лѣтописца...*» (Русск. Арх. 1892 г., № 11, стр. 294). Затѣмъ, явилось изданіе лѣтописи 1854 г., въ которомъ приведено заглавіе ея, повидному, имѣвшееся на томъ спискѣ, который послужилъ основою для изданія. Въ заглавіи этомъ значится, что лѣтопись «составлена трудомъ Григорія Грабянки». Въ предисловіи, здѣсь, подробно описанъ основной списокъ, причемъ замѣчено, что списокъ этотъ принадлежалъ Гр. Андр. Полетикѣ, отъ наслѣдниковъ котораго приобрѣтенъ М. О. Судьенкомъ, въ числѣ другихъ рукописей.—Приобрѣтенныя Судьенкомъ у Вас. Вас. Полетика рукописи ²⁾ подарены недавно наслѣдниками О. М. Судьенка (1892 г.) Кіевскому университету. Въ числѣ ихъ мы не нашли того основного списка лѣтописи, который описанъ въ предисловіи къ изданію 1854 г., но нашли другой списокъ этой же лѣтописи, (м. б., полов. XVIII в.), на

¹⁾ См. Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края, I, стр. 11.

²⁾ См. Кіевск. Стар. 1891 г., апрѣль, стр. 107 и 112, примѣч. 1-е.

которомъ то самое заглавіе, которое впервые мы увидѣли въ изданіи Кіевской археографической комиссіи, написано *собственноручно* Гр. Андр. Полетикою.—(Почеркъ его намъ хорошо извѣстенъ.—) Не было ли имъ же, Полетикою, написано заглавіе и на «основномъ» спискѣ?—Г. Кулишъ могъ говорить о принадлежности лѣтописи Григорію Грабянкѣ, руководствуясь тѣми же списками этой лѣтописи изъ бібліотеки М. О. Судьенка, которая, повидимому, была ему доступна. Въ концѣ концовъ, можно спросить: не явилось ли авторство Григорія Грабянки плодомъ—одной только догадки Григорія Полетики или—преданія, имъ слышаннаго?..

А. Л.

Дневникъ гетманича Апостола. Недавно мы имѣли возможность познакомиться съ чрезвычайно интересною рукописью, заключающею въ себѣ дневникъ одного изъ сыновей гетмана Апостола, Петра, писанный на французскомъ языкѣ. Петръ Даниловичъ Апостоль, по анонимному сообщенію, былъ взятъ при Петрѣ Великомъ, ко двору, (едва ли не въ качествѣ заложника), и тамъ получилъ воспитаніе подъ надзоромъ Меншикова. Тамъ же, конечно, молодой гетманичъ изучалъ и иностранные языки; изъ дневника видно, что кромѣ французскаго, онъ зналъ еще нѣмецкій и итальянскій языки, при чемъ французскій и нѣмецкій—зналъ настолько, что исполнялъ при Меншиковѣ обязанности переводчика официальныхъ бумагъ.— Не разъ приходилось намъ слышать, что у одного изъ потомковъ гетмана Апостола, г. Алексѣева, сохраняются мемуары этого самаго гетманича Апостола, писанные на французскомъ языкѣ; трудно вѣрилось этому слуху, но теперь слухъ этотъ представляется совершенно правдоподобнымъ и остается только пожелать, чтобы г. Алексѣевъ далъ возможность желающимъ поскорѣе обнародовать этотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, любопытный памятникъ.—Дневникъ Петра Апостола начинается съ мая 1725 г. и заканчивается въ августѣ 1727 г.—Въ 1725 г. будущій гетманъ Д. Апостоль, въ то время миргородскій полковникъ, по распоряженію правительства, жилъ въ Петербургѣ, куда онъ былъ вытребованъ для слѣдствія по дѣлу Полуботка, въ концѣ 1723 г. Семья Д. Апостола оставалась въ Малороссіи. Состояла эта семья тогда—изъ жены миргородскаго полковника, двухъ старшихъ сыновей, Ивана и Петра, уже женатыхъ, и младшаго Павла, еще не женатаго. Сохранившійся дневникъ Петра А-ла обнимаетъ

собою время, когда старшій Апостоль, соскучившись своею подневольною жизнью въ Петербургѣ, задумалъ выпроситься, съ помощью Меншикова, домой, «на Украину», при чемъ сынъ его Петръ долженъ былъ, на всякій случай, остаться въ Петербургѣ, вмѣсто отца.—Выбранъ былъ для этого Петръ А-ль, какъ человѣкъ близко извѣстный Меншикову, въ семьѣ котораго могъ и самъ замолвить слово за отца. Дневникъ застаётъ Петра А-ла въ Малороссіи, въ Миргородщинѣ, гдѣ, въ это время, сосредоточены были Апостоловскія обширныя маестности. Здѣсь, мать и старшіе сыновья жили по разнымъ селамъ, но вели, повидимому, общее хозяйство. Петръ А-ль жилъ въ Сорочинцахъ. Отсюда онъ ѣздилъ, въ концѣ мая, въ Глуховъ, вернулся оттуда въ Сорочинцы 8 іюня и прожилъ здѣсь до половины августа, когда пришло время выѣзжать въ Петербургъ, ради освобожденія оттуда отца.

Для ближайшаго знакомства съ дневникомъ приводимъ здѣсь изъ него отрывки въ подлинникѣ, имѣя намѣреніе напечатать, въ скоромъ времени, полный переводъ этого памятника.

Юля 15. L'allais voir ma mère à Chomutez et m'entretenant en chemin avec Deniseniez, j'en appris le sujet de la disgrâce de Zacharewski, feu colonel d'Uzium, qu'il divertissait les plagues à son usage, ce que denonça un cap. appellè Czyrkow. A mon retour de Chomutez, je fis voir mes abeilles, que je trouvais au nombre de vieilles ruches—122, les essaims (пов)—78.

— 17. Je fus voir mon frère à Portianka (одно изъ Апостоловскихъ селъ, недалеко отъ Сорочинецъ), où ma femme, accompagné, de la sienne, au sortir du bain, courrut—risque de tomber dans la fosse.

Юля 5. Les fauchers de Chomutez commencerent à faucher. Je les fis voir.

— 14. Je fis voir les fauchers de Jerki (село), dout il yeut—37.

— 28. M-r le general de Weissbach, (стоявшій съ войсками въ Малороссіи), nous envoya, par un caporal du regiment de Pskow, un paquet des lettres de mon père, joint un passeport du prince Menszykow pour mon voyage de Petersbourg.

Выѣхалъ П. А-ль въ Петербургъ только 19 августа, при чемъ его провожали жена и старшій братъ. *22-го августа.*—Nous passames toute une journée pres de Budki, (село ок. Ромна), ayant bu jusqu'a l'exces.—23. Je pris congé de ma femme et de mon frère.—Въ Петербургъ А-ль доѣхалъ только 15 октября, записавъ въ этотъ день: Je trouvai, graces à Dieu, mon père en bonne santé. Mess. Zurak. (Жу-

равовскій), Lison. (Лизогубъ), Walk. (Валькевичъ), Corec. (Корецкій) et Hreb. (Грабянка) visiterent mon père.

Съ этого времени въ дневникѣ А-ла идетъ запись его времяпрепровожденія въ столицѣ, при чемъ изъ краткихъ замѣтокъ видно, что старшій Апостоль сталъ съ этого времени настоятельно хлопотать у Меншикова о своемъ отпускѣ въ Малороссію.

Ноября 15. Mon père et moi, nous fûmes chez le prince (Меншикова), à qui mon père presenta la requete.

— 21. Mon père me donna une terrible reprimande au sujet du festin des jeunes princes de Moldavie, où j'étais sur le point d'aller.

Декабря 23. Nous fumes chez le prince, qui declara à mon père qu'il parlerait le landemain de ses affaires à sa majesté.

Подобная же запись идетъ и въ 1726 г.

Февраля 16. Après midi, mon père allant chez le prince Galicyn, m'ordonna de l'attendre chez le pr. Menszikow, où etant venu, je ne trouvai pas le dit prince au logis; mais 1 heure après, il revint et mon (père?) s'y trouva aussi. Nous y fumes accueillis de la maniere le plus gracieurse du monde.

Марта 11. M-r Bassewicz (голландскій посолъ) envoya son valet pour me faire appeller; lorque j'y vins, il me dit qu'on delatra notre affaire ce jour—ci.

Апрѣля 1. Je fus à wyszny sud, où j'entendis de Surowcow, qu'on a deja rendu un arret pour nous faire rendre nos papiers.

— 27. Nous fûmes chez le pr. Mensz., qui nous dit, que nous eussions patience jusqu'au jour du sacre de sa majesté.

Мая 6. Je fus de fort bonne heure à la cour du pr. Mensz., qui me fit dire par Zerebcow, que mon père eut à se venire à 2 henres, après midi, au jardin du palais imperial d'été. Suivant l'avis du pr., mon père et moi nous nous rendimes au lieu destinè, où nous eumes l'honneur de baiser la main de sa majesté.

— 18. Je fus avec mon père au collège de dehors; puis nous allames à l'eglise de s-te Trinité, entendre la messe, après laquelle mon père y preta le serment de fildité, en presence de Maslow et Judicz ¹⁾.

— 21. Je fus avec mon père chez le pr. Mensz., qui donna l'ordre pour son depart et le passeport.

¹⁾ Эта любопытная присяга („живучи въ Малой Россіи, вникахъ возмуженій не токмо самому не чинять, но и другихъ къ тому не подущать“ и проч.) повностію напечатана въ Сборн. Русск. Истор. Общ., LV, 294.

Мая 27. Mon père partit avec l'aide de Bien (?) pour l'Ukraine.

— *28.* Je fus chez le pr. Mensz., ayant eu l'honneur de baiser ses mains.

Юля 30. On me donna dans la chancellerie du pr. divers pièces françaises et allemandes à traduire, à quoi je passai toute la journée.

1727 г., февраль 1. Ma femme arriva à Emska (Ямска), où j'ai passai la nuit.

— *2.* Je me transporté avec elle à Petersbourg.

— *18.* Le prince me fit appeller pour me demander une specification de certains biens en fonds en Allemagne. Je traduisis la lettre 1) de Bulhak, 2) l'assurance, 3) la lettre de m-r Duprè.

— *24.* Je lus devant le prince les pièces mentionnées ci-dessus, que l'on ma donné à traduire: 1) la lettre de l'evêque de Vilne, 2) le memorial du chanoine de Vilne, 3) la patente de la fondation de l'église de Horki.

— *25.* Je dinai avec ma femme chez les princes de Valachie.

— *30.* Le prince m'a fait traduire les etiquettes des pommades.(?)

— *Мая 3.* Ma femme fit une fausse couche.

— *6.* Les jeunes princesses (Меншиковы) de compagne avec le prince leur frère, me visiterent. A 9 heures du soir, sa majesté l'imperatrice est decedée.

— *7.* Le grand duc fut proclamé empereur de Toutes les Russies. Le meme jour j'eus l'honneur de lui baiser la main.

— *16.* L'on enterra le corps de s. m. l'imperatrice. J'y assistai, en faisant la cour aux princesses. Immédiatement après l'enterrement, s. m. l'empereur vint loger au palais du pr. Menszykoff.

— *Августа 3.* L'ecuyer partit pour l'Ukraine.

Эту записью кончается дневникъ Петра Апостола.

А. Л.

Первые шаги уѣздной администраціи по открытіи намѣстничествъ. Въ этомъ отношеніи очень интересно слѣдующее предписаніе гр. Румянцова Черниговскому намѣстническому правленію, помѣченное 17 іюня, 1783 г.— «Изъ вступающихъ ко мнѣ дѣлъ вижу я, что нѣкоторые городничіе и земскіе исправники ихъ должности статьи несходственно съ точнымъ и яснымъ ихъ содержаніемъ толкуютъ, напр., неправильно почитая *скопщиками бывшихъ людей* и тѣхъ, кои иногда по зашедшему между двухъ сторонъ спору, живутъ у ко-

торой либо не скрытно, а явно,—и сихъ людей, посылаемыми въ дома команди, забирають самовластно, держатъ ихъ подъ стражею или отдають по своему произволу другимъ, чиня имъ и наказанія. И слѣдовательно таковыми поступками, подъ видомъ изслѣдованія о насиліяхъ или бѣглыхъ людяхъ, сами дѣлають съ прямою видъ насилья, и должности ихъ, кон, казъ и всѣ инныя, на кротости и челоуѣколюбіи основаны, явно во зло употребляютъ. Я по сему обстоятельству, особливо, что вышеописанные неустройства происходятъ за многими, сдѣланными отъ меня напоминаніями, чтобы всѣ и волями паче тѣ, коимъ наблюденіе порядка въ городѣхъ и уѣздахъ препоручено, въ отправленіи ихъ званія и дѣлъ не преступали отнюдь черту, имъ во всевысочайшихъ учрежденіяхъ въ разсужденіи власти указанную,—всѣмъ городничимъ и прочимъ чиновникамъ строжайше притверждаю. А ежели и впредь, противу чаянія, лоддутъ до меня отъ кого либо на городничихъ и иныхъ, личныя должности на себѣ имѣющихъ, съ злоупотребленіи оныхъ, а паче въ самовластномъ чиненіи побоевъ и наказаній жалобы, то въ то же время таковыхъ отрѣша отъ должностей, предавъ суду уголовной палаты, безъ малѣйшаго послабленія.

Сообщилъ А. Ковалевскій.

Историко-статистическіе матеріалы, своевременно не переданные въ Кіевскій Центральный Архивъ. Когда въ 1852 г. отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ кіевской, подольской и волинской губ. затребованы были свѣдѣнія объ актовыхъ книгахъ, подлежащихъ отправкѣ для храненія во вновь учрежденный въ то время при университетѣ св. Владиміра Центральный Архивъ, то кіевскій губернский землемѣръ представилъ въ мѣстное губернское правленіе опись имѣющимся въ кіевской губ. чертежной стариннымъ дѣламъ и актамъ, но съ замѣчаніемъ, что послѣдніе заключаютъ въ себѣ одни лишь «межевыя» свѣдѣнія, и необходимы ему «для дѣловыхъ соображеній». Губернское правленіе поставлено было въ недоумѣніе, слѣдуетъ ли отправлять означенныя дѣла въ Центральный Архивъ или по прежнему оставить ихъ въ чертежной, и представило этотъ вопросъ на разрѣшеніе генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова. Послѣдній отвѣтилъ, что хранящіеся въ кіевской губ. чертежной акты и дѣла, какъ заключающіе въ себѣ одни лишь межевыя свѣдѣнія, необходимы для дѣловыхъ соображеній, передавъ въ Центральный Ар-

живъ не подлежатъ. А между тѣмъ изъ приложенной къ дѣлу описи видно, что въ числѣ означенныхъ актовъ и дѣлъ были и такіе, которые содержали въ себѣ не одни межевыя, но и важныя историко-статистическія свѣдѣнія; таковы: 1) Межевая книга о разграниченіи харьковскаго и черниговскаго намѣстничества отъ новороссійской губерніи, 1782 года; 2) Описаніе г. Кіева и прилегающихъ селеній съ показаніемъ числа жителей и количества земли (приложеніе къ выгонному плану 1788 г. съ пятиверстной пропорціей); 3) Вѣдомость кіевской губ. чигиринскаго у. Лебединскаго монастыря, сколько въ немъ имѣется церквей, келій, монашествующихъ и служителей и проч., 1799 г. 4) Описаніе Чигиринскаго Свято-Троицкаго женскаго монастыря 1799 г.; 6) Вѣдомость кіевской епархіи св. Николаевскаго пустыннаго Медвѣдовскаго монастыря и подробное описаніе оного, 1799 г.; 7) Свѣдѣніе кіевской духовной дикастеріи о чигиринскомъ Мотронинскомъ Троицкомъ монастырѣ, 1799 г., 8) Краткая статистическая вѣдомость объ уманскомъ уѣздѣ. 1799 г.; 9) Такія же вѣдомости относительно волостей Бѣлгородской, Вышевской, м. Обухова, с. Нещерова и др.

Любопытно было бы знать, сохранились ли и до настоящаго времени эти дѣла въ архивѣ кіевской губ. чертежной; а затѣмъ возникаетъ и другой вопросъ: не слѣдовало ли бы передать ихъ хоть теперь въ Центральный Архивъ, такъ какъ въ настоящее время означенныя дѣла едва-ли кому-либо необходимы «для дѣловыхъ соображеній», какъ утверждалъ губернскій землемѣръ въ 1852 г.

О. Л

Къ біографіи гетмана Павла Тетери. Извѣстно, что біографія этого безславнаго гетмана становится вполне достовѣрною лишь съ той поры, когда онъ очутился въ войскѣ козацкомъ и занялъ должность переяславскаго полковника; о предшествовавшемъ же этому періодѣ его жизни, равно какъ и о его происхожденіи и мѣстѣ родины, существуютъ лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія въ родѣ тѣхъ, какія, наприм., были высказаны въ письмѣ Э. Руликовскаго, помѣщенномъ въ одной изъ книжекъ нашего журнала ¹⁾. Въ актовыхъ книгахъ кіевскаго Центрального архива отысканъ нами документъ (нижепомѣщаемый), представляющій интересъ въ томъ от-

¹⁾ См. „Кіевск. Старина“ 1888 г., № 6.

ношеніи, что онъ окончательно уясняетъ, по крайней мѣрѣ, вопросъ о томъ, гдѣ находился и чѣмъ занимался Тетера въ годы, непосредственно предшествовавшіе переходу его въ козацкій лагерь. Оказывается, что до 1647 года Павелъ Тетера занималъ должность «регента» (т. е. правителя) канцеляріи городского суда во Владимірѣ-Волынскомъ¹⁾, и въ томъ году пришелъ на службу къ проживавшему на Волыни брацлавскому каштеляну Габріелю Стемпковскому и сдѣлался повѣреннымъ («агентомъ») по дѣламъ этого богатаго и вліятельнаго пана-сенатора. Но когда въ слѣдующемъ 1648 г. на Украинѣ вспыхнуло возстаніе и передовые отряды Хмельницкаго приближались къ границамъ Волынскаго воеводства, откуда въ паническомъ ужасѣ бѣжали всѣ, носившіе имя шляхтича, то хитроумный Тетера не послѣдовалъ за своимъ вельможнымъ патрономъ, а добровольно передался на сторону побѣдителей, своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, и вмѣстѣ съ ними опустошалъ королевскія области, увнеши съ собою важныя бумаги и документы Стемпковскаго, что и побудило послѣдняго занести на него жалобу. Кстати замѣтимъ, что въ этомъ документѣ фамилія Тетери вездѣ употребляется съ окончаніемъ мужескаго, а не женскаго рода: *Тетерь* (имен. пад.), *Тетерови* (дат. пад.). Полагаемъ, что это не случайное видоизмѣненіе, такъ какъ точное фамильное прозвище Тетери должно быть хорошо извѣстно какъ жалобщику, у котораго онъ былъ на службѣ, такъ равно и чиновникамъ Луцкаго городского суда, гдѣ онъ, безъ сомнѣнія, нерѣдко появлялся по дѣламъ своего патрона. Впослѣдствіи самъ онъ неизмѣнно подписывался *Тетера*.

О. Л.

Протестація вельможного его милости пана Стемпковскаго, каштеляна Брацлавского, противко Павлови Тетерови, аентови его милости пана Брацлавского.

Року тысяча шестсотъ пяддесятого, мѣсяца февраля двадцат второго дня.

На враде гродскомъ, в замку его королевской милости Луцкомъ, предо мною Яномъ з Великого Зялова Зяловскимъ, наместникомъ замьку и буреграбства Луцкаго, становши очевисто, шляхетный

¹⁾ А не „подписка“ канцеляріи Луцкаго гродскаго суда, какъ утверждаетъ Э. Гуликоскій въ означенномъ письмѣ.

панъ Марціанъ Хемъскій, слуга ясновельможного его милости пана Кгабрнеля на Несвичу Стемпъковского, каштеляна Браславского, именемъ того жъ пана своего противко Павлови Тетерови, слуге и аенътовн его милости пана Брасълавского рукодайному, сведъчылъ и соленитеръ протесътоваалъся въ тотъ способъ: ижъ менованный Павелъ Тетеръ (sic!), впередъ будучи реенътомъ канцелярни вгородское Володымерское, с тое жъ реенъдци затыгъненный былъ до справъ его милости пана Браславского в року тысяча шестьсотъ чотырдесять семомъ и справы одобравшы од урожного пана Яна Охрымовича, межн которыми записы на долгъ и сознание—оригиналовъ два: оденъ од урожного его м. пана Адама Гулевича Воютынъского на сумму пять тысячей деветьдесять золотыхъ и грошей двадцать и два, а другий одъ урожного его милости пана Шымона Козики на сумму пуляти тысячи деветьдесять золотыхъ и грошей двадцать и два з процессами; которые справы (и иныхъ не мало, о которыхъ се на тотъ часъ ведати не можетъ), егда реbellionи козацкая наступила и панства его королевской милости зъ Ордою пустошыли, препомъневшы веры и цноты служебъничои и ничого на срокгость права посполитого и на вини въ немъ на таковыхъ сурово описаныхъ не дбаючи, егда се тотъ непрятель року прошлого тысяча чотырдесять осмого ку воеводъству Волынскому зближалъ, тотъ же менованный Павелъ Тетер, справъ не отдавшы и оны неведати где заповедшы, до тое жъ реbellionи козацкое утекъсе и сполне з ними панства его королевское милости нифестовалъ. Зачымъ, остерегаючи целости (правъ) пана своего протесътанъс теперешный, ижъ великая руина в справахъ погинулыхъ дестъся и еслибы далей в терминахъ правныхъ дестъ и стати се мела, таковую протестацию заноситъ и дальшую протестацию за повъзатемъ ведомости о справахъ подати зъ мелнорацнею теперешнее оферовалъ се, просячы, абы тая его протестация до книгъ была принятая и записаная; што отрымалъ.

Книга городская Луцкая 1650 г., № 2492, л. 184 обор.

Полтавскій земскій музей. Полтавское земство, послѣ геологическаго изслѣдованія губерніи, произведеннаго по его порученію проф. Докучаевымъ, открыло въ помѣщеніи при губернской управѣ въ Полтавѣ естественно-историческій музей, въ основаніе котораго легли коллекціи образцовъ почвъ и горныхъ породъ и растений, собранныя экспедиціями гг. Докучаева и Краснова. Къ этому присоеди-

нились: коллекція полезных ископаемыхъ, находимыхъ въ губерніи, геологическіе разрѣзы, дающіе понятіе о залеганіи главнѣйшихъ геологическихъ отложеній въ Полтавщинѣ, остатки нѣкогда населявшихъ губернію, исчезнувшихъ животныхъ, гербаріи полтавской флоры и образцы древесныхъ породъ, энтомологическія коллекціи и отдѣльные предметы по зоологіи, кое-что по сельскому хозяйству и небольшая бібліотека по общему и прикладному естествознанію. Основныя цѣли музея, по мнѣнію земства, должны быть—естественно-историческое изученіе губерніи и распространеніе естественно-историческихъ знаній среди мѣстнаго населенія. Только обстоятельное, научное изученіе края можетъ выяснитъ всѣ его почвенныя и иные ресурсы и на основаніи этихъ точныхъ и несомнѣнныхъ свѣдѣній можетъ дѣйствовать земство, какъ хозяинъ губерніи, въ вопросахъ поднятія сельско-хозяйственной культуры края, всякихъ улучшеній и нововведеній по этой части, развитія новыхъ производствъ и т. п. Музей-же является хранилищемъ документовъ такого изученія, научною опорой и пособіемъ къ наглядному изученію губерніи для всѣхъ желающихъ.

Устроители музея не отнеслись къ задачѣ своей узко и одно-сторонне и допустили приобщеніе къ коллекціямъ естественно историческимъ и памятникамъ жизни человѣка въ край, включивъ въ задачу своихъ собираній и предметы по археологіи и этнографіи. У мѣстнаго любителя, члена Московск. Арх. Общ. И. А. Зарѣцкаго, приобретены коллекціи древностей, собранныхъ имъ близъ Полтавы, въ дюнныхъ пескахъ около р. Ворсклы и ея притоковъ Коломака и Свиляковки. Тѣмъ же г. Зарѣцкимъ и г. Ферминымъ пожертвованы предметы, найденные при раскопкахъ въ Зѣньковскомъ и Кобелякскомъ уѣздахъ. Специально командированнымъ управою лицомъ собрана коллекція гончарнаго производства въ губерніи (матерьялы, орудія производства, произведенія въ разныхъ стадіяхъ обработки и обстановка производства въ фотографіяхъ и рисункахъ). Подъ руководствомъ проф. Докучаева печатается теперь иллюстрированный, популярный очеркъ мѣстной природы, которому земство хочетъ дать широкое распространеніе; приобретенъ микроскопъ, химическая лабораторія, и музей, которымъ завѣдуетъ нынѣ кандидатъ естественныхъ наукъ г. Ольховскій, приведенъ въ научную систему и порядокъ.

Бюджетъ этого крайне полезнаго учрежденія первоначально определенъ былъ въ 3000 руб. въ годъ (2000 руб. на содержаніе музея и персонала его и 1000 руб. на приобретения), но эта сумма со-

вращена уже на 2000 руб., и раздаются голоса, требующіе закрытія музея и доказывающіе его безполезность. Полтавское губернское земство, какъ знаетъ всѣ слѣдившіе за его дѣятельностью, дѣйствительно мало отличалось бережливостью. Но расходъ на музей,—и къ тому же небольшой расходъ,—чрезвычайно полезенъ и желателенъ, и дай Богъ, чтобъ это разумное учрежденіе сохранило и впредь свою жизнь.

Z.

Фабрика фарфора Миклашевскаго. Лѣтъ тридцать назадъ хорошею репутациею и значительнымъ распространеніемъ на югѣ Россіи и въ столицахъ пользовались фарфоровыя издѣлія фабрики помѣщика Черниговской губерніи Андр. Мих. Миклашевскаго, находившейся въ с. Волокитинѣ Глуховскаго уѣзда. Издѣлія эти выдѣлывались изъ мѣстной фарфоровой глины, находимой въ дачахъ с. Полошекъ того же уѣзда, главнымъ образомъ на земляхъ помѣщиковъ Скоропадскихъ. Фабрика въ Волокитинѣ просуществовала съ небольшимъ лѣтъ двадцать и закрылась въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, одновременно съ «мансипациею». Производство шло крѣпостнымъ трудомъ и, вѣроятно, при новыхъ условіяхъ, не обѣщало прежнихъ шансовъ дохода. Издѣлія этой фабрики исчезли теперь изъ обыкновенной продажи и начинаютъ уже разыскиваться собирателями и любителями русскаго фарфора, какъ имѣющія нѣкоторое художественное значеніе, чего, послѣ Императорскаго завода и издѣлій Попова и Гарднера, о другихъ русскихъ фарфорахъ сказать нельзя.

Художественный оттѣнокъ придавъ издѣліямъ Миклашевскаго иностранцемъ, но мастеръ этотъ не копировалъ какой-нибудь извѣстный образецъ, а старался сообщить нѣкоторую своеобразность выдѣлываемымъ вещамъ и, дѣйствительно, далъ имъ характеръ, который позволяеть отличить издѣлія волокитинской фабрики отъ другихъ. Этотъ мастеръ былъ французъ Дартъ, двѣнадцать лѣтъ завѣдывавшій производствомъ фарфора Миклашевскаго. Задумавъ открыть фабрику, владѣлецъ сталъ подыскивать для управленія ею подходящее лицо и, въ одну изъ поѣздокъ за границу, встрѣтилъ Дарта, имѣвшаго раньше свой небольшой заводъ во Франціи, но прекратившаго дѣятельность вслѣдствіе какихъ-то коммерческихъ неудачъ. Дартъ согласился ѣхать въ Россію. Ознакомившись съ глуховскою глиною, онъ нашелъ ее годною для выдѣлки фарфора, но не могъ самъ

опредѣлать составъ и пропорцію тѣхъ примѣсей, какія ей требовались для этого. Съ цѣлью узнать секретъ, онъ поступилъ на нѣкоторое время простымъ рабочимъ въ одну изъ русскихъ фабрикъ, — кажется, Корнилова, — куда поставлялась эта глина. Узнавъ такимъ образомъ составъ, онъ началъ производство въ Волокитинѣ.

Кромѣ столовой и чайной посуды, фабрика Миклашевскаго производила: вазы, группы, бѣлыя и раскрашенныя, лѣпныя рамы для зеркалъ, подсвѣчники и т. п. Попадаютъ я вещи, украшенныя рисунками этнографическаго характера. Наиболѣе обычный орнаментъ волокитинскихъ вещей — мелкіе, раскрашенные цвѣты и листья. Послѣ смерти Дарта работами завѣдывалъ нѣкій финскій уроженецъ Антипчукъ, человекъ способный и державшій производство еще на извѣстной высотѣ. Марка фабрики все время была (А. М.).

Самымъ выдающимся произведеніемъ фабрики остался фарфоровый иконостасъ въ церкви с. Волокитина. Всѣ части его сдѣланы на фабрикѣ г. Миклашевскаго, также какъ и большіе фарфоровые подсвѣчники (ставники) передъ образами. Только медальоны царскихъ вратъ, представляющіе копію извѣстнаго «Благовѣщенія» Боровиковскаго, дѣланы въ Петербургѣ.

Желательно, чтобы кто-нибудь изъ глуховчанъ, имѣющихъ возможность ближе знать исторію фабрики г. Миклашевскаго, пополнилъ краткія свѣдѣнія о ней этой замѣткой.

Z.

В. Я. Ломиковскій. Напечатанный въ «Кіевской Старинѣ» «Словарь малороссійской старины» выдвигаетъ имя В. Я. Ломиковскаго и является несомнѣннымъ свидѣтелемъ принадлежности ему другой рукописи, также обозначенной его именемъ, которую, по неизвѣстности этого имени, слонны были приписывать другому лицу. Мы говоримъ о спискѣ народныхъ думъ, принадлежавшемъ проф. А. А. Котляревскому. Этими спискомъ, какъ извѣстно, очень древнимъ и предшествовавшимъ первому, Цертелевскому собранью думъ, пользовались сперва Н. И. Костомаровъ (въ статьѣ «Южнорусское народное пѣсенное творчество»), затѣмъ П. И. Житецкій, въ своемъ изслѣдованіи о думахъ. Оба ученые обходятъ молчаніемъ вопросъ о происхожденіи рукописи. Въ «Историческихъ пѣсняхъ Южнорусскаго народа», во 2 выпускѣ, сдѣлана догадка о томъ, что запись эта сдѣлана авторомъ «Эменды» И. П. Котляревскимъ. Только въ статьѣ Костомаро-

ва «Историческая поэзія и новыя ея матерьялы» (Вѣстникъ Европы 1874 г. № 12) названо имя Ломиковскаго, но безъ всякихъ указаній и подробностей. Обнародованный теперь «Словарь» и свѣдѣнія, сообщаемыя теперь издателемъ его А. М. Лазаревскимъ, бросаютъ свѣтъ на личность В. Я. Ломиковскаго и дѣлаютъ вполне правдоподобной замѣтку рукописи о принадлежности списковъ думъ именно ему. Этотъ миргородскій обыватель, устроитель усадьбы «Трудолюбовъ», является такимъ образомъ однимъ изъ первыхъ пионеровъ изученія какъ бытовой и общей исторіи, такъ и памятниковъ устнаго творчества южно-русскаго края.

БИБЛІОГРАФІЯ.

(Тытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. I (1802—1815 г.). Д. И. Багалъя.

Этотъ только что вышедшій трудъ проф. Багалъя печатался прошлую зиму въ возобновленныхъ «Запискахъ Харьковскаго университета»; онъ представляетъ начало, первый выпускъ большой исторической работы по исторіи Харьковскаго университета и заключаетъ въ себѣ двѣ главы изъ времени возникновенія университета. Хотя исторія учрежденія Харьковскаго университета часто уже рассказывалась и раньше и въ изслѣдованіяхъ академикомъ Сухомлинова и Лавровскаго, и въ біографіи Каразина, и во многихъ воспоминаніяхъ первыхъ его профессоровъ, а также въ фельетонахъ мѣстныхъ газетъ, но въ трудѣ Д. И. Багалъя встрѣчаются нѣкоторые новые факты, извлеченные имъ изъ внимательно изученнаго архива университета, гдѣ находятся богатѣйшіе еще далеко не исчерпанные матеріалы мѣстной исторіи.

Большимъ интересомъ отличается первая глава, гдѣ въ общемъ очеркъ состоянія Харькова до открытія университета въ концѣ XVIII вѣка выясняется общее культурное состояніе края; она объясняетъ, какъ могло въ такомъ маленькомъ городѣ возникнуть высшее просвѣтительное учрежденіе, какимъ въ то время обладали лишь двѣ главныя столицы. Но дѣло въ томъ, что въ этомъ новомъ недавно заселенномъ краѣ шла въ то время уже интенсивная культурная жизнь съ умственными запросами; ихъ развитію способствовали сравнительная матеріальная обезпеченность населенія и внѣшняя безопасность, какою оно пользовалось съ конца XVIII вѣка. Самымъ просвѣщеннымъ сословіемъ являлось духовенство, и черное, и бѣлое; ихъ помощниками въ дѣлѣ просвѣщенія края были сначала козацкая

старшина, а потомъ образовавшіеся изъ нея же помѣщики, которые строили церкви, основывали монастыри, дѣлали на нихъ пожертвованія, часто и сами переходили въ духовное сословіе.

Не мало усердія къ церкви проявлялось и со стороны остальной массы населенія; церковь являлась объединяющимъ центромъ; она брала на себя инициативу и просвѣщенія, и благотворенія той самой массы, приношеніями которой сама жила. Связь была взаимная и живая, и въ силу этой связи населенія и церкви создались три крѣпко между собою связанные учрежденія, оставившія глубокой и благотворный слѣдъ въ жизни края: братства, шпитали (больницы и богадѣльни) и школы. Школы, возникавшія всегда по желанію самого населенія, при той или другой церкви, часто на средства братства или же всего прихода, являлись во 2-й половинѣ прошлаго вѣка важнымъ всесословнымъ училищемъ, удовлетворявшимъ всеобщему запросу грамотности, просвѣщенія. Въ 1732 г. школъ было: въ Харьковскомъ полку 18, въ Ахтырскомъ—28, въ Изюмскомъ—36 и въ Сумскомъ—47. Въ нѣкоторыхъ селахъ было по нѣскольку такихъ школъ. Сравнивая число народныхъ училищъ тогда и теперь, г. Багалѣй праходѣтъ къ краснорѣчивому выводу: тогда, т. е. въ 1732 году,—когда школы заводились по желанію и на средства населенія ихъ приходилось 1 на 2373 души жителей; въ 1894 же году 1 школа приходилась на 4270 душъ. Главный контингентъ учащихся составляли дѣти крестьянъ, поступившихъ въ возрастѣ 7—12 лѣтъ, затѣмъ много было дѣтей духовныхъ лицъ и дворянъ. Многія лица изъ послѣдняго сословія приглашали къ себѣ домашнихъ учителей, такъ называемыхъ «мандрованныхъ» учителей, большей частью дьяковъ, которые всю свою жизнь переходили изъ одного помѣщичьяго дома въ другой, изъ одного села (гдѣ часто учили и дѣтей козаковъ и крестьянъ) въ другое. Такимъ же странствующимъ учителемъ былъ одно время и извѣстный философъ Г. С. Сковорода, явившійся лучшимъ представителемъ того умственного тяготѣнія къ знанію, къ истинѣ, какое замѣчалось во всемъ населеніи Слободской Украйны. Какъ всякая сильно одаренная личность, Сковорода, конечно, оказалъ большое вліяніе въ смыслѣ пробужденія въ обществѣ высшихъ духовныхъ запросовъ.

Другимъ разсадникомъ болѣе широкихъ знаній являлся Харьковский коллегіумъ. Дворянамъ Слободской Украйны не чужда была также и западноевропейская культура, такъ какъ многіе изъ нихъ ѣздили учиться въ заграничныя университеты. Все это вмѣстѣ взя-

тое и создало ту атмосферу болѣе высокихъ умственныхъ запросовъ и духовныхъ потребностей вообще, при которой и дворяне, и простые обыватели такъ чутко откликнулись на приглашеніе Каразина объ учрежденіи въ небольшомъ плохобстроенномъ городкѣ, удаленномъ отъ всего образованнаго свѣта, третьяго въ Россіи университета.

Въ 1797 г. въ Харьковѣ открыто было главное народное училище, представлявшее по своей программѣ не то среднюю общеобразовательную, не то техническую школу. Въ первый годъ въ немъ было всего 83 ученика, но уже черезъ два года число ихъ достигло 382. Такія же училища были и въ другихъ городахъ Слободской украинской губерніи. Такимъ образомъ къ началу текущаго столѣтія въ ней утвердились троякаго рода училища: церковно-приходскія, духовныя и свѣтскія; всѣ они въ сущности были всесословныя; съ воцареніемъ Александра I, побуждаемые его рескриптомъ, Харьковскіе дворяне стали собирать средства на военное специально дворянское училище. Пожертвованія собирались довольно успѣшно, но въ 1802 г. молодой увлекающійся энтузіастъ, съ твердой волей и настойчивостью, В. Н. Каразинъ предложилъ замѣнить это предполагаемое училище университетомъ. Это предложеніе, какъ мы видимъ теперь, упало на вполне подготовленную почву, и пламенныя обращенія Каразина къ дворянству Слободской украинской губерніи нашли самыхъ чуткихъ слушателей между учениками философа въ сѣрой видлосѣ, который всю жизнь сѣялъ доброе слово истины. Первые жертвователи на Харьковскій университетъ были всѣ ученики, друзья и знакомые Сквороды. При ихъ энергичномъ содѣйствіи блестящая идея Каразина оформилась и осуществилась ¹⁾.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Багалѣя ясно обрисовывается талантливая личность Каразина и его участіе въ предварительномъ устройствѣ университета. Оказывается, что въ средѣ сочувствующаго этому дѣлу дворянства были и ожесточенные противники его, не желавшіе не только жертвовать на него что-либо отъ себя, но и убѣждавшіе другихъ, что вся эта подписка на 400000 р. со стороны дворянства есть одно беззаконіе. То были взломскій предводитель дворянства Капустянскій, — дворяне Максимовичъ и другіе. Покровительствуемая губернаторомъ, не сочувствующимъ начинаніямъ Каразина, и

¹⁾ Еще раньше были предположенія устроить университетъ въ Сумахъ или въ Черниговѣ, Глуховѣ и Новгородѣ-Сѣверскѣ. Но ни въ одномъ изъ этихъ просвѣщенныхъ уже въ то время и гораздо болѣе старыхъ городковъ, чѣмъ Харьковъ, не нашлось такого энергичнаго инициатора, какъ Каразинъ.

даже прокуроромъ Евецкимъ — эта оппозиція довела даже свой протестъ противъ сборовъ дворянскихъ денегъ на университетъ до личнаго разсмотрѣнія Государя. Но отвѣтъ Александра I былъ далеко не утѣшительнъ для оппозиціи, такъ какъ только подтверждалъ законность постановленія дворянъ о передачіи Капустянскаго уголовному суду за цѣлый рядъ неправильныхъ и незаконныхъ поступковъ.

Съ другой стороны особенно отраднымъ явленіемъ выступаетъ та поддержка, какую оказали университету купцы и обыватели города Харькова, побуждаемые къ тому своимъ просвѣщеннымъ и гуманнымъ головою Урюпинимъ. Самъ Урюпинъ является однимъ изъ главныхъ и усердныхъ помощниковъ В. Н. Каразина. Духовенство, конечно, тоже не могло не откликнуться съ сочувствіемъ къ просвѣтительному начинанію, и въ его средѣ Каразинъ имѣлъ близкаго и глубоко ему сочувствующаго друга въ лицѣ извѣстнаго въ свое время священника Фотіева; онъ держалъ въ Харьковѣ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ, доставившій первыхъ слушателей Харьковскому университету.

Урюпинъ, Фотіевъ и губернскій предводитель дворянства Донецъ-Захаржевскій были первое время главными сподвижниками Каразина, распространявшими каждый въ своей средѣ его идею, вызывавшими къ ней довѣріе. Впослѣдствіи на помощь ему выступили и официально назначенныя лица: попечитель Харьковскаго учебнаго округа Северинъ Потоцкій и профессоръ будущаго университета Тимковскій. Еще успѣшнѣе пошли подготовительныя работы, когда Потоцкій назначилъ изъ первыхъ приглашенныхъ имъ профессоровъ, Рижскаго, Тимковскаго, Деламина, Балленъ-де-Баллю и Осиновскаго, комитетъ; Каразинъ имѣлъ въ немъ тоже совѣщательный голосъ. Много заботъ лежало на этомъ комитетѣ: и перестройка дома, приобрѣтеніе земли, которая частью была пожертвована крестьянами, частью за бездѣнокъ продавалась частными собственниками, приглашеніе профессоровъ, снабженіе университета пособиями, кабинетами, бібліотекой и т. п. Все это было затруднительно по отдаленности Харькова отъ столицъ. Первымъ дѣятелямъ приходилось много думать и рассчитывать, чтобы устройство университета было какъ можно экономнѣе, такъ какъ главнымъ затрудненіемъ въ ихъ дѣятельности было неправильное поступленіе сборовъ и пожертвованій.

Шагъ за шагомъ слѣдитъ проф. Вагалъ за этой симпатичной дѣятельностью всего общества, направленной къ возможно лучшей постановкѣ огромнаго по своему значенію дѣла просвѣщенія такой

обширной территоріи, каковую представлялъ изъ себя Харьковскій учебный округъ, включавшій въ свои предѣлы всю Новороссію, Малороссію, Довщину и Курскую губ. Эта дѣятельность вполне заслуживаетъ именно такого детальнаго и точнаго документальнаго изученія, какое предпринято проф. Багалъемъ. Обращаясь при этомъ къ обществу съ просьбой о присылкѣ всякихъ у кого-либо имѣющихся матеріаловъ для исторіи Харьковского университета, проф. Багалъй тѣмъ самымъ доказываетъ, что не жадаеть сдѣлать изъ своего труда одну обработку сухихъ архивныхъ матеріаловъ, а хочетъ представить живую картину того самого общества, въ средѣ которой возникало, развивалось и укрѣплялось сложное дѣло всесторонняго и всесословнаго образованія. Нельзя не пожелать успѣха такой грандіозной задачѣ, тѣмъ болѣе, что добросовѣстное исполненіе ея въ первомъ лежащемъ передъ нами выпускѣ «Опыта исторіи Харьковского университета» убѣждаетъ читателей, что этотъ трудъ выполняетъ опытное и искусное перо.

С. Р.

Куряны и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлья. Томъ второй. Дневники раскопокъ 1887—1889 и. пр. Алексѣя Бобринскаго и о курянахъ звенигородскаго и роменскаго уѣздовъ. Спб. 1894.

Цѣна 8 рублей.

Въ свое время въ нашемъ журналѣ данъ былъ отчетъ о первомъ томѣ названнаго здѣсь труда предсѣдателя Археологической Комиссiи ¹⁾). Въ недавно изданномъ второмъ томѣ дневники раскопокъ изложены въ порядкѣ тѣхъ-же группъ кургановъ, что и въ первомъ, при чемъ, такъ же, какъ и тамъ, дневники каждой отдѣльной группы сопровождаются личными соображеніями автора. Особенность же вновь вышедшаго тома заключается въ томъ, что въ него внесено также довольно много вводнаго матеріала, и что ему предпослано обширное введеніе, въ которомъ гр. Бобринскій высказываетъ свои взгляды на нѣкоторые общіе вопросы археологiи; что же касается изложенія, то во второмъ томѣ оно отличается большимъ, чѣмъ въ первомъ, обиліемъ литературныхъ указаній и критическихъ отзыовъ о высказанныхъ ранѣе сужденіяхъ по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ.

¹⁾ „Кіев. Стар“. 1887, октябрь.

Начнемъ съ введенія. Въ началѣ его авторъ характеризуетъ мѣстные курганы по ихъ формѣ и, въ качествѣ одной изъ разновидностей кургановъ, упоминаетъ о т. н. майданахъ, т. е. о кольцеобразныхъ насыпяхъ, съ однимъ или болѣе выходами, которые обыкновенно защищаются сегментными валами; при этомъ, въ выносѣ къ своему труду, онъ воспроизводитъ статью Подберезскаго, напечатанную въ VII томѣ «Записокъ Одесск. Общ. Ист. и Древн.» и на особенной таблицѣ перепечатываетъ оттуда же и планы «Майдановъ». Подберезскій придавалъ «Майданамъ» обрядовое значеніе; нашъ осторожный авторъ не рѣшается высказать опредѣленное мнѣніе о цѣли подобнаго рода земляныхъ сооружений. Замѣтимъ, что они широко распространены по всему югу Россіи, и что о подобныхъ «Майданахъ», иначе «робленныхъ» или «раскопанныхъ» могилахъ въ херсонской губерніи, былъ рефератъ на одесскомъ археологическомъ съѣздѣ (напечатанъ въ издававшихся во время съѣзда «Рефератахъ»); авторъ реферата, г. Браунеръ, основываясь на топографическомъ расположеніи и на формѣ майдановъ, пришелъ къ заключенію (къ которому присоединяемся и мы), что «Майданы» сооружались съ стратегическими цѣлями.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ обзорѣннѣ поштыокъ, слѣданныхъ въ наукѣ гг. Забѣлинымъ, Самоквасовымъ и Антоновичемъ по части классификаціи кургановъ, на основанія ихъ устройства и содержания, и, дополнивъ ихъ свѣдѣніями добытыми имъ самимъ, предлагаетъ свою, оговариваясь, однако, что считаетъ ее пригодною только для могильныхъ насыпей Малороссіи. Гр. Бобринской дѣлитъ курганы по слѣдующимъ эпохамъ: 1) эпоха каменно-бронзовая, дѣльная, въ свою очередь, на два періода. 2) скифская (отъ VII—VI в. до Р. Х.), раздѣляемая также на два періода 3) переходная, — называемая г. Самоквасовымъ сарматскою, вопросъ о самостоятельномъ существованіи которой гр. Бобринской оставляетъ открытымъ, и 4) Славянская. Авторъ аргументируетъ свою классификацію различными общими соображеніями, съ большею подробностью останавливаясь на первыхъ двухъ эпохахъ.

Дневники гр. Бобринскаго отличаются точностью и строгою объективностью. Остановимся на нѣкоторыхъ обобщеніяхъ и заключеніяхъ, высказываемыхъ имъ при изложеніи дневника.

Охарактеризовать т. н. «праслицы» различнаго рода, авторъ приходитъ къ заключенію, что если это названіе вѣрно по отношенію къ шифернымъ кружкамъ великокняжеской эпохи и къ схожимъ

съ ними глинянымъ предметамъ болѣе древнихъ временъ, то едва ли примѣнимо къ крупнымъ конусообразнымъ предметамъ каменно-бронзовой и сквесской эпохъ, которые при томъ попадаются не только при женскихъ, но и при мужскихъ скелетахъ; оставляя вопросъ объ этихъ послѣднихъ *пряслиццахъ* открытымъ, онъ спрашиваетъ: не предназначались ли онѣ для надѣванія на тетиву, для защиты пальцевъ отъ порѣзовъ? Но тогда трудно понять, почему же эти предметы попадаютъ и въ женскихъ могилахъ?

Въ первомъ томѣ своего труда гр. Бобринской подвергнувъ уже разсмотрѣнiю вопросъ о значенiи красной окраски костей, характеризующей многія могилы юга Россiи древнѣйшей эпохи, но, не придя къ опредѣленному заключенiю, высказалъ догадку, не слѣдъ ли это окраски деревянныхъ склеповъ, которые впоследствии обвалились на костякъ? Въ настоящемъ, второмъ томѣ, онъ возвращается къ этому вопросу и, соглашаясь съ замѣчанiями г. Оссовскаго, отказывается отъ прежней догадки и присоединяется къ мнѣнiю, что народъ данной эпохи имѣлъ обыкновенiе окрашивать тѣло въ красный цвѣтъ, а также окрашивать и тѣла покойниковъ.

Въ главѣ VIII о курганахъ и могильникахъ надъ лѣвымъ берегомъ р. Тенетянки гр. Бобринской описываетъ всѣ городища и валы, какъ осмотрѣнные имъ самимъ, такъ и тѣ, о которыхъ упоминаютъ сочиненiя Фундуклея и Похилевича; кромѣ того, нѣкоторые свѣдѣнiя почерпнуты имъ изъ прибрѣтеннаго имъ рукописнаго сочиненiя доктора де-ла-Флиза (см. «Кiev. Стар.» 1889 г., июль); объ исторiи и памятникахъ окрестностей знаменитаго Мотровинскаго монастыря въ этой главѣ читатель найдетъ особый обстоятельный экскурсъ и при немъ—планъ валовъ, находящихся вокругъ монастыря. Къ слову сказать, пишущему эти строки извѣстно подобной же формы земляное укрѣпленiе въ дѣсу Чута, александрiйскаго уѣзда херсонской губ.

Интересны наблюденiя гр. Бобринскаго относительно того, что обрядъ трупосоженiя въ Малороссiи принадлежитъ какъ къ каменно-бронзовой, такъ и къ скисской эпохамъ, даже и къ позднѣйшему времени. Это должно служить предостереженiемъ противъ неосторожныхъ выводовъ объ эпохахъ курганныхъ погребенiй.

Кромѣ дневниковъ курганныхъ раскопокъ въ ближайшихъ окрестностяхъ м. Смѣлы, во второмъ томѣ настоящаго труда гр. Бобринскаго находимъ свѣдѣнiя о курганахъ въ окрестностяхъ м. Шполы, гор. Звенигородки и въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губ. Въ

окрестностях м. Шполы гр. Бобринской произвелъ изслѣдованіе мотельника къ Ю. В. отъ с. Матусова, бл. урочища Колонтаевки и собралъ свѣдѣнія о раскопкахъ, сдѣланныхъ нѣсколькими дамами, сначала подлѣ самой Шполы, въ урочищѣ Дарьино, затѣмъ—подлѣ с. Василькова. Болѣе интересна раскопка въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ. Она дала, между прочимъ, великолѣпную львиную головку, выдѣланную изъ кости и напоминающую другую головку, изданную гр. Бобринскимъ въ первомъ томѣ своихъ «Дневниковъ», кромѣ того при раскопкѣ найдены: золотыя бляшки съ изображеніями козловъ и человѣческихъ лицъ, золотой браслетъ, золотой перстень съ изображеніемъ борьбы двухъ животныхъ и пр. О раскопкахъ бл. города Звенигородки, въ частности—въ ближайшихъ окрестностяхъ м. Рыжановки, авторъ заимствуетъ свѣдѣнія изъ статей Готфрида Оссовскаго, появившихся на польскомъ языкѣ, въ изданіяхъ, мало доступныхъ для большинства русскихъ археологовъ, за что нельзя, конечно, не быть признательнымъ гр. Бобринскому. Раскопки эти отличались необыкновеннымъ богатствомъ драгоценныхъ украшеній художественной работы; найдены были, между прочимъ, золотая діадема, золотыя серьги и бусы, золотое ожерелье, золотыя розетки съ пояса, золотые перстни съ монетами, и печати, такіе же браслеты и пр. Всѣ эти древности подробно описаны въ трудѣ гр. Бобринскаго. Характеръ искусства почти всѣхъ находокъ—греческій, въ частности—пантйапейскій, и всѣ онѣ относятся, по замѣчанію автора, къ періоду процвѣтанія въ Пантйапейѣ высшаго искусства, когда на нѣкоторыхъ издѣліяхъ замѣчается отпечатокъ вліянія искусства далекаго востока (650—480 г. до Р. Х.); небольшое же количество мѣстныхъ издѣлій представляетъ опыты грубаго скнескаго ювелирнаго дѣла.

Въ роменскомъ уѣздѣ производили раскопки въ разное время: С. А. Мазараки, профессоръ В. Б. Антоновичъ, Д. Я. Самоквасовъ, а также Т. В. Кябальчичъ. Въ своемъ трудѣ гр. Бобринской даетъ свѣдѣнія о раскопкахъ г. Мазараки, находки котораго поступили главнымъ образомъ въ его, гр. Бобринскаго, собраніе древностей, а часть въ Историческій музей въ Москвѣ, и воспроизводитъ изъ газетъ нѣкоторыя данныя о раскопкахъ г. Самоквасова. По формамъ погребенія и по характеру найденныхъ при раскопкахъ предметовъ курганы роменскаго уѣзда близки къ смѣлянскимъ и относятся къ скнеской эпохѣ.

Изъ отдѣльныхъ экскурсовъ въ книгѣ гр. Бобринскаго заслуживаютъ вниманія сдѣланная имъ классификація характерныхъ формъ

скивской посуды (стр. 107) и замѣчанія относительно мѣстъ и условій находенія морскихъ привозныхъ раковинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ сургаса *moneta* (стр. 125); между прочимъ, интересно найденное авторомъ свѣдѣніе, что раковины эти ловятся не только въ Индійскомъ океанѣ, но и въ европейскихъ моряхъ.

Цѣлая (шестая) глава книги занята антропологическими таблицами, составленными со всевозможной тщательностью.

Среди случайныхъ находокъ древностей (глава VII) находимъ описаніе предметовъ съ Княжей горы, золотой курильницы, найденной близъ м. Корсуны, стекляныхъ шаровъ изъ окрестностей Смѣлы и другихъ.

Книга украшена многими, изящно исполненными рисунками въ текстѣ и тридцатью особыми таблицами рисунковъ, исполненными большею частію литографическимъ способомъ, а частію—фототипіей; нѣкоторыя таблицы напечатаны золотомъ и серебромъ. Словомъ, въ трудѣ гр. Бобринскаго мы находимъ изданіе, которому трудно найти равное по роскоши на русскомъ языкѣ. Антропологи и этнографы будутъ благодарны ему за особую таблицу орнамента на скивской посудѣ.

Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель, полезность котораго понятна для всякаго.

Трудъ гр. Бобринскаго не блещетъ научными открытіями; авторъ скромныхъ «Дневниковъ» не гонится за сенсационнымъ успѣхомъ, но онъ невольно привлекаетъ къ себѣ сочувствіе необыкновеннымъ трудолюбіемъ, точностью и тщательностью работы и любовью къ наукѣ. Мы думаемъ даже, что вообще въ дѣлѣ археологическихъ изысканій, во избѣжаніе весьма возможныхъ разочарованій, слѣдуетъ умѣрять свои, иногда чересчуръ пылкія, надежды и помнить, что открытія въ археологій, точно также, какъ и въ другихъ областяхъ знанія, даются только упорнымъ трудомъ, не отступающимъ передъ неудачами.

---

*Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества. Томъ 93-й
Спб. 1894.*

Въ составъ этого тома вошли депутатскіе указы отъ дворянъ новороссійской губерніи, числомъ одиннадцать (страницы 19—79).

Не задаваясь цѣлью исторической оцѣнки наказовъ, что удобнее сдѣлать въ другой формѣ и въ другое время, отмѣтимъ тѣ

просьбы новороссійскихъ дворянъ екатерининскаго времени, которыя обращаютъ на себя особенное вниманіе.

Дворяне Днѣпровскаго пикинернаго полка просятъ утвердить за ними владѣніе заднѣпровскими грунтами и угодіями, купленными и выслуженными предками ихъ до 1752 года, когда они отошли подъ Новосербію и слободскіе полки, а потомъ вошли въ составъ елисаветградской провинціи, и освободить поселенія ихъ полка отъ дачи во владѣніе постороннимъ владѣльцамъ, отиѣнить разныя пошлины, вновь введенныя въ ихъ пользу, но давно уничтоженныя въ Малороссіи и, наконецъ, разрѣшить свободное винокуреніе.

Офицеры елисаветградскаго пикинернаго полка просятъ: оставить въ потомственномъ владѣніи земли, отведенныя по штату офицерамъ и рядовымъ полка, оставшуюся по отмежеваніи землю раздавать всѣмъ, кто пожелаетъ заводить хозяйство, въ вѣчное уже владѣніе и отрѣзать полку лѣсныя дачи изъ владѣній Чернаго и Желтаго гусарскихъ полковъ.

Офицеры Чернаго Гусарскаго полка просятъ нарѣзать имъ двойное количество земель противъ положенія и разрѣшить для домашняго обихода свободное винокуреніе.

Грузинскіе дворяне донецкаго пикинернаго полка жалуются: принявъ русское подданство, они получили, во владѣніе земли съ крестьянами въ полтавскомъ полку, но нарѣзаны онѣ были неправильно, крѣпостные же, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія податей, разорились, или ушли въ запорожье, а часть отошли подъ Новую Сербію; землями, которыя по праву должны были перейти къ нимъ, завладѣла полковая старшина, а имъ не дозволяютъ и покупать земли у казаковъ. Вслѣдствіе этого офицеры просятъ: принять мѣры противъ побѣговъ крѣпостныхъ, возвратитъ бѣжавшихъ, а вмѣсто тѣхъ, которые исчезли безслѣдно, наградитъ другими, узаконитъ за ними земли, по праву имъ принадлежащія, и подтвердитъ право на покупку земель.

Наказы грузинскихъ князей и дворянъ днѣпровскаго пикинернаго полка, офицеровъ донецкаго пикинернаго же полка, шляхетскаго малороссійскаго полтавскаго полка и шляхетства донецкаго пикинернаго полка на столько близки и по содержанію, и по изложенію, что, очевидно, сочинялись совмѣстно, или даже списаны съ одного оригинала, съ незначительными отъ него отступленіями. Желанія, высказанныя во всѣхъ этихъ наказахъ, сводятся къ слѣдующему: возвратитъ земли, отведенныя изъ ихъ владѣній подъ

новороссійскую губернію, и отмѣнить денежные сборы, ранѣе того отмѣненные въ Малороссіи.

Особенно интересенъ наказъ дворянъ бахмутскаго уѣзда. Недостатокъ рабочихъ рукъ, столь чувствительный въ Новороссіи и въ настоящее время, въ царствованіе императрицы Екатерины, какъ видно, былъ еще болѣе чувствителенъ. Не смотря на запрещеніе переходовъ, крѣпостные дѣлали частые побѣги. Бахмутскіе дворяне жалуются, что офицеры поселенныхъ здѣсь гусарскихъ полковъ, равно управители атаманы казенныхъ слободъ, принимаютъ и укрываютъ бѣглыхъ крѣпостныхъ; поэтому дворяне просятъ наложить строгіе штрафы для такихъ укрывателей, не взирая на ихъ званіе; пятый пунктъ наказа вводитъ читателя въ «дѣвичью» зажиточнаго помѣщичьяго дома и приподнимаетъ уголокъ завѣсы, за которой скрываются крѣпостныя затворницы, хорошо обученныя „разному пристойному дворянскимъ домамъ мастерству“ и потому представляющія, въ хозяйственномъ инвентарѣ, особенно цѣнную статью; и вотъ эти-то крѣпостныя дѣвушки, — жалуются дворяне, — „вмѣсто благодарности и должныхъ заслугъ... по подговорамъ отъ господъ своихъ побѣги чинятъ и въ скорости выходятъ въ замужество разнаго званія за чиновныхъ и не чиновныхъ людей, а по большей части за военныхъ служителей, которые берутъ ихъ безъ опасности въ разсужденіи, что по состоявшемуся въ 1754 году, мая 13 дня указу повелѣно съ нихъ за тѣхъ бѣглыхъ женокъ и дѣвокъ взымать помѣщикамъ только по десяти рублей, не приѣмая того, что помѣщики и за науки таковыхъ издерживаютъ болѣе 50 рублей“... Въ огражденіе своихъ правъ, бахмутское дворянство проситъ, во первыхъ установленія строгихъ правилъ для духовенства, „ктожь отважитца какою бѣглую женку за себя взять, такой бы преступникъ, также и бѣглая наказаны были тѣлеснымъ наказаніемъ, какимъ помѣщикъ ея пожелаетъ (оба, т. е. и мужъ, который могъ быть и чиновнымъ!), а платежъ за тѣхъ бѣглыхъ женокъ и дѣвокъ положить по исполненіямъ отъ помѣщиковъ въ челобитныхъ цѣнахъ, не свыше ста рублей“... Мотивировку этого ходатайства бахмутскіе дворяне заключаютъ довольно неожиданнымъ доводомъ: вслѣдствіе рекомендуемыхъ мѣръ прекратятся побѣги, а, вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдственныя дѣла, „и кровопролитіе по такимъ дѣламъ въ пыткахъ и наказаніяхъ удержаться можетъ“ — мысль, достойная гуманнаго вѣка!.. Но въ слѣдующемъ пунктѣ наказа, когда дѣло касается убійствъ, совершаемыхъ крѣ-

постыми надъ помѣщиками, бахмутскіе дворяне оставляютъ уже въ сторонѣ всякую гуманность: высказавъ убѣжденіе, что „таковыя худую совѣстью зараженные люди“ не чувствуютъ „высокоматернюю Ея Императорскаго Величества человѣколюбивую милость“, они просятъ гуманную императрицу, „въ строгость злыхъ и къ сохраненію добрыхъ людей“, не ослаблять ни пытокъ, ни казней... Изъ послѣдняго пункта наказа видно, что не одни крѣпостные бѣгали отъ помѣщиковъ, но и жены. Въ данномъ случаѣ дворянъ, собственно, занимаетъ имущественная сторона вопроса: дѣло въ томъ, что за бѣжавшими иногда записано мужемъ движимое и недвижимое имущество, и жены проживаютъ его. Дворяне просятъ по отношенію къ такимъ женамъ правительственныхъ мѣръ, которыя ограждали бы имущественныя права мужской половины дворянства. Такъ извращало крѣпостное право взгляды на женщищу и семейныя понятія! Любопытно, что въ составленіи этого наказа принимала участіе одна дворянка, правда—неграмотная...

В. Ястребовъ.

Ab. Hovelacque et G. Hervé. Recherches ethnologiques sur le Morvan. (Extrait des Memoires de la Société d'Anthropologie de Paris). P. 1894.

Хотя эта книга ни малѣйшимъ образомъ не относится къ нашей мѣстности, тѣмъ не менѣе мы считаемъ очень полезнымъ познакомиться съ нею нашихъ читателей, какъ съ превосходнымъ образцомъ подобнаго рода мѣстныхъ изслѣдованій. Авторы,—оба пользующіеся всемірною извѣстностью ученые,—одинъ директоръ Антропологической школы въ Парижѣ, другой—профессоръ въ ней, взяли предметомъ своего изслѣдованія очень незначительный уголокъ центральной Франціи, но уголокъ, изученіе котораго, какъ мы сейчасъ увидимъ, должно было пополнить пробѣлъ въ рѣшеніи чрезвычайно важнаго общаго вопроса о географическомъ распредѣленіи кельтскаго племени. Дѣло въ томъ, что распространеніе это опредѣлялось до сихъ поръ только на основаніи историческихъ и лингвистическихъ данныхъ, не принимая во вниманіе данныхъ антропологическихъ, вслѣдствіе чего за кельтовъ принимались различныя группы населенія Франціи, въ высшей степени разнообразныя по своимъ физическимъ особенностямъ. Работы Вильяма Едварда, Брока и Ланьи выяснили уже эти особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ Франціи, которыя по указаніямъ

Ю. Цезаря представляли главные центры кельтскаго населенія, т. е. Оверни и Бретони, но оставили два пробѣла относительно связи этихъ центровъ съ одной стороны съ группой альпійской, а съ другой—между собою т. е. между оверньятами и бретонцами. Одинъ изъ этихъ пробѣловъ былъ не такъ давно пополненъ работою г. Говеллака о Савоярахъ, второй же составляетъ предметъ разбираемаго нами труда.

Въ географическомъ отношеніи Морванъ представляетъ собой промежуточное пространство между восточнымъ и западнымъ центрами кельтскаго населенія. Благодаря своей довольно значительной высотѣ и гористой мѣстности, онъ легко могъ служить убѣжищемъ для племени, которое должно было отступить передъ нахлынувшими въ равнины длинноголовыми сѣверными народами. Наконецъ, нынѣшнее его населеніе, не отличаясь отъ населенія Бургундін и прочихъ частей Франціи по языку, очень разнится отъ него по физическимъ признакамъ. Эти то именно обстоятельства и заставили авторовъ выбрать Морванъ предметомъ своего изслѣдованія. Опредѣливши и описавши очень подробно географическое положеніе этой мѣстности, причемъ они не упустили изъ виду также и геологически-палеонтологическія ея особенности, они прослѣдили ея исторію, не пренебрегая даже такой, повидимому, мелочью, какъ проведеніе въ ней дорогъ, административное раздѣленіе и проч., собрали очень тщательны статистическія свѣдѣнія за все время ихъ существованія, приняли во вниманіе всѣ археологическія данныя, изъ которыхъ оказалось, что мѣстность эта была заселена только въ теченіе бронзоваго періода, и такимъ образомъ пришли къ заключенію, что первоначальное ея населеніе было, вѣроятно, кельтское. Оставалось подтвердить это антропологическими данными, для чего авторы и приступили къ подробнѣйшему изученію череповъ, какъ собранныхъ по ихъ просьбѣ мѣстными жителями, такъ и находящихся въ громаднѣхъ коллекціяхъ Музеума въ Jardin des Plantes и Антропологической школѣ. Изученіе это, исторію котораго мы, разумѣется, пропускаемъ, и привело ихъ къ выводамъ, показывающимъ, что по размѣрамъ череповъ, (головной указатель=83,5) населеніе Морвана не только представляетъ всѣ наиболѣе характерныя черты кельтскаго типа, но и является какъ разъ промежуточнымъ звеномъ между круглоголовымъ населеніемъ Оверни и Бретани. Такіе же точно результаты дали и изученіе роста, цвѣта глазъ, волосъ, и т. д., при чемъ опредѣлились въ цифрахъ и вліянія (очень незначительныя пока, но постоянно уве-

личивающіяся) сосѣднихъ элементовъ. Такимъ образомъ получилась возможность прійти къ положительнымъ и волюѣ несомнѣннымъ заключеніямъ. Главныя достоинства этой работы заключаются въ величайшей обдуманности ея плана, въ самой строгой научности исполненія, въ доходящей до настоящаго изящества, тонкости и отчетливости анализа фактовъ и, наконецъ, въ удивительной ясности изложенія. Конечно, такіа изслѣдованія возможны только въ странѣ, обладающей громадными массами ученаго матеріала, многое зависитъ, разумѣется, и отъ личныхъ качествъ изслѣдователей, которые, какъ напр. г. Говелякъ, лингвистъ по специальности, способны не отступить передъ измѣреніемъ череповъ, чтобы прійти къ выводамъ, прямо противоположнымъ ихъ прежнимъ узко-филологическимъ взглядамъ, и признать кельтами населеніе, у котораго въ языкѣ не сохранилось ни одного кельтскаго слова; но стремленіе къ возможно большей степени объективности и научности изслѣдованія обязательно для всѣхъ, и мы очень горячо рекомендуемъ трудъ гг. Novelasque'a и Негрѣ всѣмъ, кто захотѣлъ бы заняться подобными работами и у насъ.

Ф. В.

Александръ Веселовскій. Этюды и Характеристики. Москва 1894 г.

Двадцать статей, составляющихъ настоящую книгу, представляютъ собою, на нашъ взглядъ, весьма занимательное и поучительное, иной разъ даже увлекательное чтеніе для всякаго, кому не чужды высшіе вопросы жизни и просвѣщенія, чье сердце не остается равнодушнымъ къ великимъ именамъ, составляющимъ гордость человечества или славу отдѣльнаго народа, каковы Вольтеръ, Джордано Бруно, Джонатанъ Свифтъ, Викторъ Гюго, Гоголь, Грибоѣдовъ, Дидро, Бомарше, Мольеръ, Фонвизинъ и др. Тонъ книги—искренній, живой, бодрій... Иногда встрѣчаются весьма картинныя, даже поэтическія страницы, наиримѣръ, хотя бы въ статьѣ «Титана и Пигмеи. Альпійская фантазія». Мысли вездѣ свѣжіи, нерѣдко своеобразныя, иногда даже пріятно изумляющія глубиною или новизною. (Наиримѣръ, хотя бы бѣглая, но живая характеристика Онѣгина, этого типа «путешественниковъ» хандрящихъ отъ бездѣлья, когда дѣла передъ глазами не оберешься). (Статья «Три путешествія»). Случается наткнуться въ книгѣ и на явно натянута сравненія, на сближенія, такъ сказать, притянута за уши; но, даже въ такихъ случа-

ихъ яркій фейерверкъ мыслей, блестящее изложеніе выкупають упомянутый недостатокъ.

Читателямъ нашимъ особенно рекомендуемъ статью «Мертвыя души» (557—610 стр.), гдѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ мысль автора, какъ бы кто ни отнесся къ ней въ концѣ концовъ, что планъ этой «поэмы», волновавшій и занимавшій Гоголя всю жизнь, тождественъ былъ (или по меньшей мѣрѣ, предполагался таковымъ) съ планомъ «Божественной Комедіи» Данта, тройственное дѣленіе которой такъ соблазняло Гоголя, такъ согласовалось съ его конечными видами и стремленіями и такъ затрудняло поэта въ его завѣтной мысли довести до конца свой трудъ, примѣнивъ къ нему планъ «Божественной Комедіи». Соображенія г. Веселовскаго кажутся намъ довольно удачными и искусно подобранными; они имѣютъ всѣ данныя для признанія ихъ истинными или, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятными; въ тому же они очень хорошо объясняютъ и самое названіе «Мертвыхъ душъ» поэмою. Замыселъ Гоголя (построить свою поэму по плану Дантовой и наполнить ее соответствующимъ *правдымы* содержаніемъ) кажется, однако, нашему автору превысшимъ силы поэта или, по крайней мѣрѣ, неисполнимымъ для него по совокупности множества всяческихъ условій... «Выполнить его (т. е. замыселъ Гоголя) могъ бы только средневѣковый поэтъ дантовской силы, если бы мыслимо было соединеніе въ немъ религіозныхъ восторговъ и гражданской борьбы съ геніальнымъ комизмомъ [изо всей поэмы Данта только небольшая сцена между бѣсами (Адъ, XXI—XXII) способна вызвать улыбку]. Гоголь печально заблуждался, думая, что можетъ сладить съ такою задачею. Несмотря на его инокскіе вкусы, порою грозившіе взять верхъ надъ дѣятельнымъ служеніемъ своему народу смѣлымъ словомъ, не смотря на постоянное общеніе съ духовными лицами и чтеніе душеспасительныхъ книгъ, въ немъ не было того пламеннаго религіознаго чувства, которое итальянцу XIII—XIV вѣка внушило бы могучіе гимны и свѣтлыя видѣнія. Такія крайнія мѣры, какъ поѣздка въ Палестину, не помогали, и онъ съ ужасомъ признавался, что и тамъ остался холоденъ. Между тѣмъ все было выношено и продумано внутренне, — только мечты безсилны были воплотиться въ словахъ и образахъ. Если бы судьба послала Гоголю болѣе долгую жизнь, и третій томъ «Мертвыхъ душъ» былъ написанъ хоть вчера, врядъ ли онъ увеличилъ бы сколько-нибудь его художественную славу. Такимъ образомъ, по мнѣ-

нію г. Веселовскаго, ежели Данту и недоставало геніальнаго кобнізма, то Гоголю въ его планахъ помѣшало отсутствіе необходимой *непосредственной* релігіозной силы и благоговѣйныхъ восторговъ.

А. Степовичъ.

Отчетъ о состояніи Коллеіи Павла Галагана съ 1 октября 1890 а. по 1 октября 1894 а. Кіевъ 1894 а. (стр. 215).

«Четире года тому назадъ директоромъ Коллеіи Павла Галагана И. И. Ничипоренкомъ былъ выпущенъ въ свѣтъ отчетъ за время 1 октября 1886 г. по 1 октября 1890 г., и съ тѣхъ поръ школа наша не заявляла о себѣ путемъ печати русскому учено-педагогическому міру и обществу. Какія бы ни были тому причины, мы считаемъ такой ходъ дѣла неправильнымъ и полагаемъ, что всякое уважающее себя среднее учебное заведеніе обязано не только знакомить общество путемъ печати со всѣми обстоятельствами своей внутренней жизни, но и заявлять о себѣ по возможности со стороны научной и литературно-педагогической дѣятельности, чтобы показать, что личный составъ его не погрязаетъ въ бездѣйствіи застою, а, напротивъ, проникнуть стремленіемъ къ совершенствованію какъ въ дѣлѣ чистой наукѣ, такъ и разработкѣ учебно-воспитательныхъ вопросовъ». Такъ опредѣляется цѣль и значеніе настоящаго отчета его составителемъ. Не можемъ не прибавить съ своей стороны, что поставленная задача выполнена удачно, и настоящій отчетъ выгодно отличается отъ обычныхъ отчетовъ средне учебныхъ заведеній, заключающихъ въ себѣ одни официальные свѣдѣнія, сопровождаемая не менѣе официальною актовою рѣчью. Въ отчетѣ коллеіи, кромѣ обстоятельныхъ свѣдѣній о личномъ составѣ учащихся и учащихся, объ учебныхъ пособіяхъ, о постановкѣ учебнаго дѣла и успѣшности занятій учащихся и т. п., мы встрѣчаемъ и другія свѣдѣнія, которыя, дѣйствительно, могутъ ознакомить общество съ различными обстоятельствами внутренней жизни коллеіи: таковы свѣдѣнія о важнѣйшихъ постановленіяхъ Совѣта Коллеіи (стр. 35—39), объ особенностяхъ въ постановкѣ учебнаго дѣла вообще (стр. 13) и преподаванія искусствъ въ частности (стр. 11—12), сочувственное воспоминаніе о лицахъ, оставившихъ службу въ Коллеіи,—И. И. Ничипоренкѣ, П. Э. Ромерѣ, П. И. Житецкомъ, Е. К. Трегубовѣ (стр. 2—3); наконецъ, прощальное слово новаго директора коллеіи А. И. Степовича воспитанникамъ выпуска 1894 г. (20—24).

Въ приложеніяхъ къ отчету помѣщены слѣдующія статьи: 1) Высшее образованіе въ Римѣ во времена императоровъ—О. И. Гордіевича; 2) Значеніе изученія словесности для нравственнаго воспитанія юношества—В. Н. Куницкаго; 3) Къ 100-лѣтію рожденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника «славянской взаимности»—А. И. Степовича; 4) Краткій обзоръ важнѣйшихъ моментовъ движенія греческой культуры въ государствахъ древняго міра—О. И. Гордіевича; 5) Языкъ и слогъ комедіи «Горе отъ ума»—В. Н. Куницкаго. Помѣщеніемъ этихъ статей выполняется вторая задача отчета—заявить о жизни заведенія со стороны научной и литературно-педагогической. Не можемъ не замѣтить, что такая задача представляется намъ слишкомъ широкою. Научная дѣятельность преподавателей средне-учебнаго заведенія—если она существуетъ—не можетъ быть связана съ этимъ заведеніемъ, особенно въ городѣ университетскомъ: она выражается участіемъ въ ученыхъ обществахъ, специальныхъ журналахъ, наконецъ, въ изданіи отдѣльныхъ сочиненій. Отчетъ учебнаго заведенія можетъ упомянуть объ дѣятельности, но въ немъ не могутъ быть помѣщаемы всѣ научныя работы преподавателей. Другое дѣло работы педагогическаго характера: онѣ ближе стоятъ къ задачамъ учебнаго заведенія, а въ Кіевѣ, при отсутствіи педагогическаго общества и педагогическихъ изданій, скорѣе всего могутъ появляться при отчетахъ учебныхъ заведеній, и, можетъ быть, по преимуществу Коллегіи, которой, по выраженію отчета, «Высочайше предоставлено счастливое право самостоятельной разработки учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи» (предисловіе).

Изъ помѣщенныхъ въ книгѣ статей наиболѣе близкое отношеніе къ педагогическимъ вопросамъ имѣютъ рѣчь г. Куницкаго и первая статья г. Гордіевича. Авторъ первой статьи очень широко ставитъ вопросъ о воспитательномъ значеніи словесности,—предмета, который по его мнѣнію, долженъ занять первое мѣсто среди предметовъ общеобразовательной школы. «Если вы хотите, говорить онъ въ заключеніе своей статьи, чтобы наша школа не только учила, но и прежде всего воспитывала, дайте въ ней какъ можно больше мѣста и простора изученію словесности призовите въ воспитатели тѣхъ, кто, по выраженію Пушкина, способенъ «глаголомъ жечь сердца людей», а, по выраженію Лермонтова, легко и свободно читаетъ въ этихъ сердцахъ и призванъ свыше—*провозглашать имъ любви и правды чистыя ученья!*» Къ сожалѣнію, вторая статья г. Куницкаго представляетъ какъ бы противорѣчіе сказанному въ первой.

Скруплезное изученіе языка комедіи «Горе отъ ума», перечисленіе всѣхъ встрѣчающихся въ ней «по изданію Гарусова» словъ (которыя оказывается 13246, а за исключеніемъ повтореній—3370, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ повторяются отъ 2 до 50 и болѣе разъ), наконецъ, помѣщенный въ приложеніи «Полный словарь «Горе отъ ума» (въ которомъ указано, въ какомъ дѣйстви и сколько разъ употреблено извѣстное слово)—все это, по нашему мнѣнію, не много внесетъ въ объясненіе безсмертной комедіи Грибоѣдова, и статья г. Куницкаго много выиграла-бы, если-бы онъ ограничился указаніемъ нѣкоторыхъ лексическихъ и грамматическихъ особенностей языка Грибоѣдова и, въ особенности, мѣткихъ остроумныхъ выраженій (перечисленіемъ которыхъ онъ заканчиваетъ свои статьи). Г. Гордіевичъ въ своей статьѣ касается интереснаго вопроса о системѣ образованія, выработавшейся окончательно въ римской школѣ времямъ имперіи; систему эту онъ называетъ «чисто-формальною» и указываетъ отголоски ея въ позднѣйшей школѣ западно-европейской и русской.

В. Щербина.

Обозрѣніе журналовъ за 1-ую половину 1894 г.

Kwartalnik historyczny № 1. Въ отдѣлѣ бібліографіи помѣщены между прочимъ рецензіи на слѣдующія сочиненія: *Самоквасовъ*: Хронологическая классификація могилъ южной Россіи. *Плецинскій*: Бояре Межиричскіе. *Колеса*: Украински народни письня въ поэзіягъ Богдана Залескаго. *Оюновскій*: Исторія литературы русской. *Осадчій*: Козацкій батько Палій. *Антоній I.*: Историческіе силуэты. *Альмаръ*: Мемуары овручкаго хорунжича въ концѣ XVIII ст.

Kwartalnik historyczny № 2. Въ отдѣлѣ бібліографіи помѣщены рецензіи на слѣдующія сочиненія: *Рыаликъ*: Костель во имя всѣхъ святыхъ въ г. Ярославѣ. *Теодоровичъ*: Городъ Владиміръ Волинской губерніи, въ связи съ исторіею Волинской епархіи. *Теодоровичъ*: Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волинской епархіи, томъ III. — «Къ столѣтію воссоединенія Подолія съ Россіей». «Труды подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета, кв. V». *Серіенко*: Громадзкій рухъ на Україні Руси въ XIII в.

Грушевскій: Къ вопросу о Болоховѣ.—Въ отдѣлѣ некрологовъ помѣщенъ некрологъ Ролле и полный списокъ его сочиненій и журнальныхъ статей.

Ateneum—Апрѣль. Рецензія *К. Нитмана* на вышедшую въ 1894 году Исторію города Львова, составленную г. Фридрихомъ Папа; содержитъ краткій пересказъ содержанія сочиненія и вѣскольکو поправокъ по второстепеннымъ вопросамъ.

Ateneum—Май. Статья *Краусера:* «Франкъ и Франкисты въ Польшѣ» содержитъ указанія на новые источники, а также новыя данныя, добытыя на ихъ основаніи, относительно загадочной мистической секты, возникшей въ Полѣн во второй половинѣ XVIII ст. среди подольскаго еврейскаго населенія, секты, извѣстной, по имени ея основателя Іосифа Франка, подъ именемъ Франкистовъ.

Wiśła—Январь—Мартъ. *Франко:* «Славянскія преданія о Магометѣ». Въ статьѣ г. Франко указаны преданія о Магометѣ, встрѣчающіяся въ польской литературѣ XVI—XVIII ст., упомянуты по каталогамъ рукописей заглавія древне-русскихъ сказаній о Магометѣ, и одно изъ этихъ сказаній, найденное авторомъ въ рукописи вѣнской придворной бібліотеки, приведено и снабжено учеными комментаріями. Затѣмъ авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о распространеніи легенды о Магометѣ въ западныхъ литературахъ, особенно въ Италіанской. Признавая все научное достоинство работы г. Франка, нельзя не замѣтить одной странности въ редакціи статьи: между тѣмъ какъ италіянскіе тексты приведены въ подлинникѣ на италіянскомъ языкѣ, не только отрывки изъ русской рукописи помѣщены въ польскомъ переводѣ, но той же участи подверглось и двустипіе, процитированное изъ малорусской пѣсни; пріемъ, едва-ли умѣстный въ изданіи, посвященномъ этнографіи и фольклору.

Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. *Книга I.* Въ отдѣлѣ «Протоколовъ засѣданія Общества» помѣщено извлеченіе изъ реферата *Е. В. Барсова:* «Что значить у Константина Багрянороднаго русское названіе днѣпровскаго порога *αεψαε*». Путемъ весьма сложныхъ филологическихъ выкладокъ и сближенія корней словъ: греческихъ, еврейскихъ и славянскихъ, а также соображеній относительно фауны у днѣпровскихъ пороговъ, г. Барсовъ пришелъ къ заключенію, что названія порога: *αεψαε* и Неясмыть—оба славянскія и значатъ: коршунъ-порогъ.

Книга II. Въ отдѣлѣ смѣси помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи:

1) «Изъ документовъ Немировскаго конгресса. Сообщилъ В. А. Уляницкій». Эта связка документовъ дипломатическаго характера: Инструкціи и рес-

кринты, послылавшієся русскіи посланцѣ изъ С.-Петербурга, и реляціи пословъ о ходѣ конгресса, представленныя высшему правительству въ теченіе засѣданій въ Немировѣ такъ называемаго конгресса. Конгрессъ этотъ состоялся въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1737 году (съ 11 іюля по 10 октября); въ составъ его входили послы: русскіе, австрійскіе, турецкіе и польскій; мѣстомъ засѣданій выбранъ былъ Немировъ (и Подольской губ.), какъ пунктъ нейтральный; цѣль конгресса состояла въ томъ, чтобы положить конецъ войнѣ, которую Россія и Австрія вели съ Турцією, и заключить съ послѣднею мирный трактатъ. Впрочемъ посланники не могли достигъ предполагаемой цѣли и примирить слишкомъ разногласныя условія, предложенныя обѣими сторонами. Послѣ безуспѣшныхъ трехмѣсячныхъ попытокъ конгрессъ прекратилъ свои дѣйствія, и посланники разѣхались по домамъ.

2) «О возмущеніи противъ турокъ 280 русскихъ, бывшихъ въ плѣну на каторгѣ въ 1643 году». Это двѣ челобитныя, поданныя царю Михаилу Теодоровичу русскими плѣнниками, освободившимися изъ турецкой каторги и возвратившимися въ Москву изъ Мессины черезъ Римъ, Венецію, Вѣну и Варшаву. Въ челобитной названо 21 имя плѣнниковъ, возвратившихся въ Москву: это стрѣльцы, боярскія дѣти, козаки и пашенные крестьяне, захваченные одновременно въ плѣнъ татарами въ Слободской Украинѣ; находясь на турецкой каторгѣ, на галерѣ, они совместно съ другими плѣнниками (всѣхъ было 280) «разныхъ земель» возмущались, овладѣли галерою и высадились въ Мессинѣ.— О событіи этомъ въ «Кіевской Старинѣ» (1883. кн. II, стр. 224—228) помѣщенъ былъ рассказъ участника плѣна, возмущенія и освобожденія, италіянца Сильвестра изъ Ливорно. Сопоставляя рассказъ этотъ съ челобитною стрѣлцакаго атамана, калужанина Ивана Семеновича Мошкина, мы находимъ полное совпаденіе до мельчайшихъ подробностей обоихъ рассказовъ. Притомъ рассказы эти взаимно себя дополняютъ и поясняютъ. Такъ, напримѣръ, начальникъ заговора возставшихъ каторжниковъ, названный въ италіянскомъ рассказѣ: «нѣкій русскій капитанъ Симоновичъ», есть не кто иной, какъ авторъ челобитной—Иванъ Семеновичъ Мошкинъ. Обратио, авторъ италіянской брошюры и главный пособникъ Мошкина—Сильвестръ изъ Ливорно, названъ въ челобитной «нѣкій иноземець Шпанскія земли».—Кажущееся противорѣчіе, переименованіе съ испанца италіянца Сильвестра, въ дѣйствительности есть результатъ лишь неточныхъ географическихъ познаній Мошкина; по его мнѣнію, Мессина есть «порубежный городъ Шпанскія земли», плѣнники очутились здѣсь во владѣніяхъ, «Шпанскихъ нѣмцевъ» и т. п. Ошибки эти, при недостаточности географическихъ познаній автора челобитной, понятны, если вспомнимъ, что Неаполь и Сицилія въ 1643 году составляли владѣнія Испанской короны. Челобитныя

Мошкина и его товарищей, равно как и рассказ Сильвестра изъ Ливорна, представляют богатый историческій матеріалъ для исторіи южно-русскаго народнаго творчества, если мы слѣдимъ оба рассказа съ самою полною изъ числа дошедшихъ до насъ вѣстаковъ думъ, съ думою о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1894 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1894 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к. Разсрочка допускается, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно, по полученіи слѣдующей книжки, присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892 и 1893 по 8 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—92 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. П. Науменно.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVII.

1894 г.

Д Е К А Б Р Ъ .

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО (<i>Продолженіе</i>)	333—348
II. ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛУРУССКОЙ СТАРИНЫ. Ал. Лазаревскаго.	349—387
III. ДѢТСКІЙ ЭДЕМЪ ДО ВКУШЕНІЯ ПЛОДА ОТЪ ДРЕВА ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА. (Изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика). М. Щ. (<i>Продолженіе</i>)	388—401
IV. КЪ ИСТОРИИ МАЛУРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ И МАЛУРУССКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ. (<i>Продолженіе</i>) Николая Василенка.	402—424
V. КЪ ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКИХЪ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ. Мирона.	425—444
VI. ПОСОЛЬСТВО ЯКОВА СМЯРОВСКАГО КЪ БОГДАНУ ХМЕЛЬНИЦКОМУ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ЗАМОСТЬЯ ВЪ 1648 ГОДУ. (По рукописнымъ источникамъ). (<i>Переводъ съ польскаго</i>)	445—460
VII. ЮБИЛЕЙНОЕ ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ ГРИГОРІЯ САВИЧА СКОВОРОДЫ ВЪ ХАРЬКОВѢ.	461—474
VIII. ОМЕЛЬЯНЪ ОГОНОВСКІЙ. (Некрологъ).	475—479
IX. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Риторика двадцатыхъ годовъ въ Волинской семинаріи. Ѳ. Кудринскаго. б) Деревенская оргія. В. М. в) Къ воспоминаніямъ Іосифа Самчевскаго. Ѳеодора Уманца. г) Какъ баба замирала. В. Ястребова. д) Нѣсколько заговоровъ. Сообщ. Сав. Линденбергъ. е) Разсказъ о вовкулакахъ. Сообщ. Ив. Бѣньковскій.	480—497
X. БИБЛИОГРАФІЯ. а) Разборъ этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова, составленный проф. Харьковскаго университета Н. Ѳ. Сумцовымъ. В. Я. б) Извѣстія Имп. Общ. Любят. естествознанія, антропологии и этнографія, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Томъ LXXXIII. Труды Географическаго Отдѣленія. Выпускъ I. А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. В. Я. в) Baron. de Bay. 1) Rapport sur le congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893 2) Souvenir du congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893. 3) Le bijouterie des goths en Russie. P. 1892. 4) Rapport sur les découvertes faites par M. Savenkov dans la Sibirie orientale. P. 1894. Ѳ. В. г) Paul Sébillot. Les travaux publics et les mines dans les traditions es les superstition de tous les pays. Ѳ. В. д) Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ Черниговской губерніи. Составлена Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства А. М. Марковичемъ въ 1838 г. Пздана Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства Графомъ Гр. А. Милорадовичемъ А. Л. е) Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи. Изслѣдованіе Н. А. Зарѣцкаго. Изданіе Полтавскаго Губернскаго Земства. ж) Село Зуевцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Историко-этнографическій очеркъ Т. М. Устименка. (приложеніе къ отчету Миргородской Уѣздной Земской Управы за 1893 г.) з)	

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО¹⁾.

Учительскій персоналъ.

Между моими винницкими сослуживцами оказались нѣкоторые изъ университетскихъ товарищей:

Учитель русской словесности *И. Я. Шульгинъ*, латинскаго языка *фонъ-Мерсъ*, исторіи—*Модзелевскій* и математики—*Т. И. Пристюкъ*.

Почтенный Иванъ Яковлевичъ и на службу перенесъ свои студентскія привычки—жить по-дружески съ достойными дружбы и преслѣдовать сарказмами пошляковъ и бездѣльниковъ, да зачитываться за полночь въ постели. Бывало всѣ студенты уснутъ, а Шульгинъ бодрствуетъ: сальная свѣча нагорѣла и заплыла, на табуретѣ раскрытая книга, а онъ лежитъ, уткнувшись носомъ въ подушку. Думая, что онъ уже спитъ, я бывало подкрадусь къ нему, чтобы погасить свѣчу, но едва протяну руку съ щипцами, а онъ хватъ по рукѣ и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, снова уткнется носомъ въ подушку. Въ Винницѣ съ нимъ случилось то, чего я всегда боялся въ Институтѣ, сторожа его по ночамъ. Однажды философъ мой заснулъ, свѣча догорѣла, затлѣлась подушка, одѣяло, и, когда его самого порядочно припекло, онъ проснулся и едва не задохся отъ дыма. Но и послѣ такого случая, онъ все-таки не отсталъ отъ своей привычки читать въ постели, придумавъ лишь въ предупрежденіе пожара весьма не хитрый способъ,—ставя свѣчу въ мѣдный тазъ съ водой.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г., № 11.

Натурально, что, зачитываясь за полночь, онъ частенько опаздывалъ на первый урокъ, за что неоднократно получалъ замѣчанія отъ директора. Опоздываніе и небытность на урокахъ въ Винницкой гимназіи было явленіемъ весьма обыкновеннымъ. Обычай манкировать своими обязанностями до того вкоренился между служащими, что его могъ бы искоренить развѣ самый строгій начальникъ, въ родѣ Зимовского, а не такой, который самъ подавалъ примѣръ нерадѣнія къ своимъ обязанностямъ, не зачитываясь въ постели, подобно Шульгину, а заигрываясь за зеленымъ столомъ до бѣла дня съ гусарами и высыпаясь до одиннадцати часовъ. Особеннымъ упорствомъ по части манкировокъ отличался одинъ изъ выбывшихъ до моего вступленія въ службу учителей—*Гиждеу*, молдаванинъ или цыганъ по происхожденію, извѣстный между прочимъ тѣмъ, что, будучи еще студентомъ, обокралъ университетскую бібліотеку въ Харьковѣ, унося съ собой за подкладкой шинели весьма рѣдкія книги, пользуясь которыми, написалъ два сочиненія на заданныя двумя факультетами темы и получилъ двѣ золотыя медали. Этотъ-то субъектъ, вовсе не будучи боленъ, не бывалъ въ гимназіи по недѣлямъ.

Разъ, говорили мнѣ, директоръ послалъ за нимъ сторожа.

— Идти въ гимназію, даяхтуръ гнѣвается,—обратился къ нему инвалидъ.

— Сейчасъ, любезный, сейчасъ, дай только одѣнусь.

Идетъ Гиждеу въ сопровожденіи сторожа на службу; но подойдя къ гимназическимъ воротамъ—шлепъ въ грязь.

— Ну, голубчикъ, доложи г. директору, что я въ такомъ запачканномъ видѣ не могу показаться ученикамъ.

Повернулся—и пошелъ на квартиру.

Что же послѣ этого значило опозданіе на нѣсколько минутъ нашего словесника? Получая, по донесеніямъ инспектора, частыя нахлобучки, проказникъ нашъ задумалъ отомстить Мазепичу, опивъ и окормивъ его до безобразія.

Это ему удалось, и на другой день Мазепичъ не явился на службу. По словамъ жены „онъ чуть не пропалъ ночью“. Шульгинъ былъ въ восторгѣ, но восторгъ его продолжался не долго:

на третій день чудовище вилѣзло изъ своей берлоги—и все опять пошло по старому.

Учитель математики *А. Н. Дельсаль*, душа-человѣкъ и большой любитель упражненій за зеленымъ столомъ, задумалъ однажды угостить каждаго изъ своихъ гостей его національнымъ блюдомъ: малоросса—варениками, литвина—колдунами, поляка—бигосомъ. Каждый изъ гостей, разумѣется, ограничился предназначеннымъ ему кушаньемъ, а Миничъ нашъ еще до ужина заявилъ, что онъ—космополитъ, и, не желая оскорбить ни одну національность, прежде всего уписалъ тарелку бигосу, потомъ принялся за колдуны, а варениками закусилъ.

Но циркулировавшихъ по городу на счетъ инспектора анекдотовъ не перечтемъ. Бывало, если дома передъ обѣдомъ не случалось соленой закуски, а зайти за-просто было не къ кому, то Миничъ поступалъ такимъ манеромъ: выпьетъ дома рюмку водки, возьметъ въ карманъ булку и пойдетъ по лавкамъ пробовать икру, балыкъ, маслины и проч., да и позавтракаетъ даромъ.

Классика *фонъ-Мерса* я засталъ въ университетѣ на четвертомъ курсѣ. Это былъ въ то время юноша весьма приличный и, какъ нѣмецъ, аккуратный до щепетильности. Попечитель фонъ-Брадке постоянно приглашалъ его на свои журфиксы, какъ ловкаго танцора. Но что съ нимъ сдѣлалось впоследствии... уму не постижимо.

Прийдя къ нему вечеромъ, я нашелъ въ гостинной историка *Модзелевскаго* съ молоденькой и изящной хозяйкой за чтеніемъ романа *Жоржъ Занда*, и на вопросъ мой: „а гдѣ же Отгонъ Карловичъ?“ мнѣ указали отдаленную комнату, гдѣ обрѣлъ я фона, при нагорѣвшемъ огаркѣ за работой: онъ что-то преусердно теръ въ макотрѣ.

— Здравствуйте, О. К.—чѣ, что вы подѣлываете?

— Лошадь заболѣла глазами, такъ я przygotowляю для нея лѣкарство, отвѣчалъ онъ, не переставая тереть.

„Вижу, другъ любезный, подумалъ я, что ты самъ ослѣпъ и не видишь, что у тебя дѣлается подъ носомъ“.

Граф Мерсъ—очень интересная блондинка, хотя происхожденія и нѣмецкаго (отець ея былъ пасторомъ), но по своему темпераменту и по воспитанію представляла чистѣйшій типъ живой и пламенной польки.

Естественно, что такой флегмативъ и скаредъ, какимъ сдѣлался Оттонъ, ей не могъ нравиться. Ему предпочла она Модзелевскаго, который успѣлъ отбить жену у своего университетскаго товарища, сдѣлавъ ихъ обоихъ несчастными. Разойдясь на всегда съ женой, нашъ классикъ превратился въ совершеннаго Плюшкина, какимъ я его нашелъ въ 1862 году въ Бѣлоцерковской гимназіи.

Второй учитель латинскаго языка Г. Я. Маковскій, воспитанникъ Кіевской духовной академіи (1839 г.), былъ большой оригиналь, какими въ старину слыли почти всѣ преподаватели древнихъ языковъ. У него былъ задушевный пріятель—такой-же добродушный человекъ, какимъ онъ былъ самъ, ксендзъ Осташевскій, законоучитель гимназіи.

Законоучитель православнаго исповѣданія протоіерей *Адьясевичъ*, помимо преподаванія своего предмета, вмѣнилъ себѣ въ обязанность наблюдать за нравственностью не однихъ учениковъ, но и наставниковъ. Во время говѣнья онъ подалъ директору „рапортъ“, уличая учителя Волковскаго въ кощунствѣ: что онъ „своими непотребными анекдотами якобы развращаетъ воспитателей юнаго поколѣнія“. Когда директоръ призвалъ балагура и показалъ ему „рапортъ“ протоіерея, тотъ нисколько не смутился, а пригрозилъ доносителю подобнымъ же доносомъ преосвященному. Чувствуя себя безгрѣшнымъ, протопопъ взялъ свой „рапортъ“ обратно, и зажили они съ Волковскимъ по-пріятельски.

Старшій учитель русскаго и славянскаго языка *К. А. Персидскій*—типъ стариннаго педагога временъ фонъ-Визина. Изъ родины своей, славнаго града Нѣжина, за вырожденіемъ нѣжинскихъ грековъ, онъ вывезъ утраченный ими секретъ приготовленія греческихъ колбасъ, которая пріобрѣли повсюдную извѣстность по Украинѣ чуть ли не со времени появленія въ пе-

чати Энеиды Котляревскаго: тамъ разгнѣванный громовержець Зевсъ, порицая адюльтеры богинь, выражается такъ:

Ой ви на смертнхъ дуже ласы,
Якъ Грекъ на Нѣжински колбасы.

Странно, однакожь, что старикъ Персидскій, кровный малороссъ, промѣнялъ эту дрянъ на малороссійскія колбасы. Другое, вывезенное имъ изъ Нѣжина уже чисто національное кушанье—шарпанына, которой Константинъ Андреевичъ потчивалъ своихъ гостей, (приготавливается изъ тушеной тарани или чабака, съ прибавкой разныхъ пряностей) до того солоно, что, съѣвши его порядочную порцію, и ведромъ воды не утолишь пекельной жажды; но это, по мнѣнію К. А—ча, можетъ случиться только съ неопытными ѣдоками, неумѣющими обходиться съ этимъ превосходнымъ блюдомъ; по его совѣту, кушающій шарпаныну обязательно долженъ выпить по крайней мѣрѣ пять рюмокъ доброй водки, тогда и воды не потребуется, а еще практичнѣе осушить цѣлый графинчикъ—„и то не зашкодыть“.

Преподаваніе Персидскимъ грамматики русской и славянской бѣднымъ ученикамъ его приходилось также солоно, какъ и шарпанына: онъ зналъ лишь одинъ не мудреный методъ „отъ сихъ поръ и до сихъ“; дѣти должны были зубрить разную дребедень, не пропуская ни іоты, затверживая не только всѣ исключенія изъ правилъ по грамматикѣ Греча, но и всѣ 24 „отмѣны“ изъ руководства Востокова, и заучивая наизусть весь словарь на букву ѣ.

Нѣмецъ *Юренсонъ* былъ большой чудакъ и нелюдимъ. Его можно было видѣть только въ гимназіи или случайно встрѣтить на прогулкѣ за городомъ. Въ квартирѣ онъ никого не принималъ и самъ ни у кого не бывалъ.

Встрѣтишь его иногда въ роцѣ или надъ рѣкой.

— Здравствуйте, геръ! Гуляете?

— О, да, я себе немножко кругомъ! и поидеть прочь.

Французъ *Грасъ* попалъ въ плѣнъ при отступленіи полчищъ Наполеона въ 12-мъ году и, живя съ того времени постоянно въ западныхъ губерніяхъ у польскихъ пановъ въ качествѣ гувернера, усвоилъ себѣ такое странное нарѣчіе, что

какъ заговорить, то и не разберешь, на какомъ діалектѣ онъ объясняется: тутъ были слова польскія, малорусскія, французскія и даже еврейскія, но только не русскія. Жена его, умная и благовоспитанная поляка, напротивъ, обладала знаніемъ русскаго языка въ совершенствѣ и не мало помогала мужу въ управленіи ученическихъ переводовъ. М-мъ Грасъ завела у себя что-то въ родѣ пансіона. Воспитанницы. ея, двѣ уже взрослые, *choś zagaz do slubu* „—ничему у нея не учились, а жили собственно для того, чтобы ихъ считали подростками, не окончившими еще эдукаций, такъ что въ продолженіе 3-хъ—4-хъ лѣтъ имъ все шель интересный 16-й годъ. Впрочемъ я, быть можетъ, не совсѣмъ точно выразился, сказавши, что пансіонерки мадамъ Грасъ ничему у нея не научились: имъ преподавалась весьма важная для женщинъ наука—

. . . . наука страсти иѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ.

Дѣвицы въ этой наукѣ дѣлали изумительные успѣхи. Понятно, что домъ француза былъ самымъ пріятнымъ: тамъ можно было и потанцовать, и поволочиться.

Съ воспоминаніемъ о Грасѣ связанъ одинъ эпизодъ, относящійся къ времени пребыванія въ Винницкой гимназій извѣстнаго знатока малорусской старины, которому такъ много обязана исторія правобережной Украины,—*I. I. Ролле*. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ гимназій немировской и былъ тамъ въ числѣ любимѣйшихъ монахъ учениковъ: я его отлично помню, какъ даровитаго мальчика, а подобныхъ воспитанниковъ директоръ Зимовскій терпѣть не могъ, и потому Ролле, дошедши до V класса, долженъ былъ перемѣститься въ Винницкую гимназію, но и здѣсь ему не посчастливилось.

Учитель Грасъ, войдя однажды въ классъ, увидѣлъ на доскѣ большими буквами написанную фразу: *Vive la liberte*. Не говоря ни слова, онъ повернулъ назадъ и доложилъ директору, что въ гимназій готовится революція. Виновникомъ этой шалости оказался Ролле, но директоръ счелъ ее не шалостью, а политическимъ преступленіемъ и, заключивъ революціонера въ карцеръ, донесъ Бибикову, который, однакожъ, не

придалъ особеннаго значенія школьнической выходкѣ ученика и къ двухнедѣльному заключенію его въ карцерѣ велѣлъ прибавить еще двѣ недѣли. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Блаженной памяти учитель 2-й кievской гимназіи О. В. Березницкій придумалъ весьма остроумный способъ отличать чистокровнаго нѣмца отъ германизированнаго еврея; сомнительнаго субъекта онъ подвергалъ особенной экспертизѣ, заставляя его произнести слово „пухъ“, но какъ отличить настоящаго француза отъ выдающаго себя за таковаго жидка—подобный способъ не придуманъ; ибо тѣ гортанные звуки, и буква *p* въ особенности, которые въ нѣмцѣ изобличаютъ еврея, лжефранцузу иногда очень помогаютъ выдать себя за парижанина. Такимъ по крайней мѣрѣ французскій прононсъ казался нѣкоторымъ профанамъ въ устахъ моего сослуживца преподавателя франц. и нѣмец. языка въ низшихъ классахъ *A. П. Вернера*, который, однакожь, неувѣренный въ доброкачественности своей семитической фізіономіи, не рискнулъ выдать себя за француза, а назвалъ себя венгерцемъ, долго проживавшимъ въ Парижѣ, на самомъ же дѣлѣ онъ отъ роду не видалъ ни Парижа, ни Венгріи, а просто на просто былъ жидокъ родомъ изъ Меджибожа, усвоившій себѣ, благодаря своей способности и счастливой случайности, французскій языкъ. Происхождение свое онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ, такъ что одинъ только директоръ зналъ доподлинно, чтѣ онъ такое, храня у себя его документы, за чтѣ г-жа директорша ежегодно получала довольно цѣнные подарки. Но предательскій типъ лица, а еще болѣе близость м. Меджибожа, гдѣ жила его сестра, выдали его секретъ. Для вящей мистификаціи этотъ французъ православнаго исповѣданія изъ кожи лѣзъ, чтобы выдать себя за иностранца. Вся его домашняя обстановка, до самыхъ мелочей, напоминала Европу—комфортъ первѣйшаго сорта. Даже лакей его Жеромъ, родомъ изъ с. Воровицы, прикидывался непонимающимъ по русски, хотя по французски онъ зналъ *бонъ журъ и адье*. Временами, по настоянію нашихъ „ученыхъ дамъ“, Антонъ Павловичъ давалъ вечера съ музыкой и танцами, при чемъ угощеніе было всегда безуворизненное. Дамы плясали съ увлеченіемъ ин-

ститутковъ (настоящее бабье лѣто!), немилосердно истребляя горы конфетъ и мороженое, мужчины играли въ карты и пили вино, рассыпаясь въ похвалахъ хозяину, а переступивши порогъ его квартиры, смѣялись надъ нимъ и обзывали пархатымъ жидомъ, а онъ, въ простотѣ сердечной, воображалъ, что задалъ тону всѣмъ—пусть молъ знаютъ, какъ у насъ за границей устраиваются вечера.

Упрочивъ такимъ образомъ свое общественное положеніе, нашъ французъ задумалъ жениться, обратившись за невѣстой къ обильному этимъ товаромъ питомнику—въ пансіонъ м-мъ Грасъ. Выборъ его палъ на одну не особенно красивую, но съ порядочнымъ обезпеченіемъ, сироту, находившуюся подъ опекой родного дяди. Дѣло скоро сладилось, невѣста получила весьма цѣнные подарки, и свадьба назначена черезъ мѣсяць. Но опекунъ желалъ покороче познакомиться съ женихомъ, вслѣдствіе чего А. П—чъ успѣшилъ сдѣлать ему визитъ на лихой тройкѣ съ бубенчиками; самъ же одѣлся совершеннѣйшимъ джентльменомъ и Жерома нарядилъ въ ливрею собственнаго изобрѣтенія. Но вся эта парадная выставка не ослѣпила умнаго старика: не давши окончательнаго согласія на бракъ, онъ отправилъ нарочнаго въ Кіевъ за справками, долженствовавшими документально разоблачить сомнительную личность будущаго родственника. По справкамъ оказалось, что въ 1830-мъ году въ Златоустовской церкви окрещенъ въ христіанскую вѣру камердинеръ коменданта Пенхержевскаго еврей Аврумъ, 20 лѣтъ отъ роду и нареченъ во св. крещеніи Антономъ. Не подозрѣвая того, какую подъ него мину подвелъ опекунъ, Вернеръ продолжалъ посѣщать невѣсту, дѣлая въ тоже время разныя закупки и приноравливая свое холостое хозяйство къ семейному.

Однажды вечеромъ, воротившись домой отъ Дельсала, А. П—чъ нашелъ на письменномъ столѣ всѣ свои подарки, возвращенные при письмѣ невѣстой. Потерпѣвъ такое постыдное фіаско, нашъ французъ пересталъ маскироваться и показалъ себя винницкому обществу въ настоящемъ своемъ видѣ. Не пробуя вторично породниться съ христіанскимъ семействомъ, онъ женился въ Кишиневѣ на еврейкѣ и зажилъ съ ней по пред-

писаніямъ Талмуда: обзавелся бебехами и замѣнилъ *меню* французской кухни національными блюдами, бьющими въ носъ запахомъ чеснока и луку. Такимъ онымъ показалъ себя, перемѣстившись въ немировскую гимназію.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, „презрѣнной прозой говоря“, въ Винницкую гимназію назначенъ старшимъ учителемъ математики мой землякъ *Т. И. Пристюкъ*. Знакомство наше началось еще въ Новгородсѣверскомъ уѣздномъ училищѣ.

Отецъ его былъ крѣпостнымъ помѣщика Скоропадскаго. Находясь въ молодыхъ лѣтахъ при паничахъ, учившихся въ Новгородсѣверской гимназіи, оный имѣлъ возможность научиться грамотѣ и развить свои способности. Вернувшись въ имѣніе, оный получилъ должность управляющаго въ с. Михайловкѣ, Сосницкаго уѣзда. Находясь довольно долго въ этой должности, Иванъ Ивановичъ отличался примѣрною честностію и гуманнымъ обращеніемъ съ крестьянами. Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и любовію, достаточно обеспеченный матеріально, оный не желалъ для себя лучшей доли, но не могъ желать такого же благополучія для своихъ дѣтей, которыхъ у него было трое—два сына и дочь. Заручившись благоволеніемъ помѣщика, И. И. исподоволь стремился къ завѣтной цѣли, освобожденію изъ крѣпостнаго состоянія. Но баринъ какъ будто не догадывался о его задушевномъ желаніи и въ доказательство своего расположенія къ взысканному милостию рабу, взялъ его сына Тимошу въ комнатные козачьи. Тогда только огорченный отецъ сталъ дѣйствовать энергично и настойчиво, чтобы спасти дѣтей отъ грозившей имъ участи,—и они получили свободу.

Оставивъ Михайловку, И. И. поселился въ 40 верстахъ отъ Новгородсѣверска. Старшаго Тимофея опредѣлилъ въ уѣздное училище, а дочь отдалъ въ Гамалѣвскій монастырь на воспитаніе. Но, начавъ свое образованіе въ Новгородсѣверскѣ, Тимошей окончилъ также и Черниговскую гимназію. Встрѣтились мы съ нимъ уже въ Кіевѣ, при поступленіи въ Университетъ. Не извѣдавъ, подобно мнѣ, никакихъ лишеній, поступивъ прямо на казенное содержаніе и сверхъ того, получивъ весьма выгодную кондицію у графини Мелиной, мой землякъ сталъ

относиться ко мнѣ съ какимъ-то обидно покровительственнымъ тономъ, и я съ нимъ долженъ былъ разойтись. Забывъ о панской передней, пріятель мой, вѣчно надушенный, въ перчаткахъ тѣлеснаго цвѣта, въ лакированныхъ ботинкахъ, выглядѣлъ безукоризненнымъ *comme il faut*, какимъ онъ и оставался на всю остальную жизнь. Недостойное поведение товарища, съ которымъ связывали мои дѣтскія воспоминанія и наши домашнія тайны, надолго оттолкнуло меня отъ него, такъ что въ продолженіе университетскаго курса мы съ нимъ были въ разладѣ; но когда судьба и начальство свели насъ на чужбинѣ—все было забыто.

Какъ математикъ, а слѣд. и болѣе меня практичный и расчетливый, онъ съ перваго шага на службѣ занялъ крѣпкую позицію въ отношеніи администраціи, поставивъ себя такъ, что его боялись и уважали не одни учащіеся, но и учащіе. Онъ прослылъ у насъ за человѣка, лично извѣстнаго Бибикову (черезъ граф. Мелину), а это значило много. Мы условились жить вмѣстѣ. Ему удалось отвоевать у директора цѣлыхъ три комнаты и даже отремонтировать ихъ на казенный счетъ; мы обзавелись мебелью и посудой, пріискали лакея и зажили на половинныхъ издержкахъ, дѣлая по временамъ вылазки къ знакомымъ, а чаще всего въ пансіонъ Грасъ, но втянуться въ такую жизнь я не могъ и чаще отставалъ отъ своего сожителя, предаваясь непокидавшей меня страсти къ стихотворству.

Однообразное теченіе класныхъ занятій по звонку по временамъ оживлялось болѣе или менѣе отдаленными прогулками по живописнымъ окрестностямъ Винницы, чтеніемъ „Библіотеки для чтенія“ и „Отечественныхъ Записокъ“, писаніемъ стиховъ и писемъ, съ неизбѣжными въ уѣздной глуши карточными вечерами. Въ памяти у меня остался одинъ изъ такихъ вечеровъ у директора.

Гости собрались, зеленые столы раскрыты; ждали только градоначальника Касперова. Но вотъ и онъ.

— Ээ, что же вы, г. блюститель порядка и благочинія, заставляете себя ждать и терять золотое время?—встрѣтили его дружнымъ хоромъ оживившіеся гости.

— Дѣла, государи мои, дѣла, дохнуть не дають, работаешь, какъ каторжникъ, а все не угодишь начальству. Вотъ и сегодня изъ-за этой глупой статистики—чтобъ ей пусто было!—получилъ отъ губернатора нахлобучку. „Вы, говорить, невѣрно показали количество скота въ городѣ“. Я, изволите видѣть, донесъ, что во вѣренномъ мнѣ городѣ два осла—вотъ и выговоръ; „не можете быть, пишеть начальникъ губерніи, чтобы въ Винницѣ было только два осла“.

Острота городничаго вызвала цѣлый взрывъ хохота, долго несмолкавшаго. Одинъ лишь панъ Клюковскій не смѣялся, разсказавъ при этомъ случившійся съ нимъ недавно казусъ: осель, везшій воду, крикомъ своимъ испугалъ лошадей его, и панъ доброцѣй выпалъ изъ нейтычанки и больно ушибся—„aż do tych czas kargi bola, a wszystko to powiem panam, przez osła przez te paskudne stwożenie“.

— Вотъ подите жъ вы съ ними! поддакнулъ городничій, чрезъ такую негодную тварь получать отъ начальства непріятности и подвергаться опасности сломать шею.

Градоначальникъ былъ большой весельчакъ, любимецъ небольшого кружка уѣздныхъ чиновниковъ, совсѣмъ не то, что предмѣстникъ его—Мацневъ, суровый и молчаливый господинъ, котораго жида выжили передъ новымъ годомъ не за то, конечно, что онъ молчалъ... Касперовъ игралъ въ карты по большому кушу и вѣчно проигрывалъ. Продувши, по обыкновенію, и въ этотъ вечеръ около 20 рублей, онъ при расчетѣ сказалъ, что деньги завтрашній день принесетъ выигравшему страпчему Шмуль, „такъ какъ платить мои карточные долги есть его прямая обязанность“, прибавилъ онъ.

Дѣло въ томъ, что г. городничій жилъ и кутил на счетъ евреевъ. Отъ кагала были избраны лица, которымъ вмѣнено въ обязанность вести расходы по содержанію городничаго: одинъ доставлялъ ему на вухню говядину, другой—хлѣбъ и булки, третій—водку и вино и т. д., наконецъ былъ между поставщиками двора городничаго и такой, которому поручено было платить карточные проигрыши.

Анекдотъ, циркулирующій въ Черниговской губерніи о трехъ зайкахъ, посаженныхъ хозяиномъ за зеленый столъ, я слышалъ 25 л. тому назадъ въ Нѣжинѣ, гдѣ анекдотъ этотъ приуроченъ къ полиціймейстеру Касперову, который до 1845 года служилъ въ этомъ городѣ.

У юго-западныхъ евреевъ существуетъ какой-то праздникъ въ родѣ нашего Ивана Купала, когда они ночью раскладываютъ большой костеръ и прыгаютъ черезъ огонь. Приятелю моему судѣ Покорскому пришлось нѣкоторое время жить въ одномъ дворѣ съ евреями. Улегшись, по своему обыкновенію, очень рано спать, пробужденный шумомъ и крикомъ жидовъ, онъ увидѣлъ въ окнѣ большое зарево. Дѣти страшно перепугались, думая, что въ дворѣ пожаръ; но подойдя къ окну, они увидѣли посреди двора ярко пылающій костеръ и толпу жидовъ всѣхъ возрастовъ и половъ, съ визгомъ и крикомъ прыгающихъ черезъ огонь, подбрасывая вверхъ какое-то чучело. На угрозы судьи— послать за полиціей, евреи отвѣчали дерзостью, продолжая свою забаву.

На другой день Покорскій пишетъ съ-горяча формальную бумагу городничему о безобразіяхъ евреевъ. Вдавшись въ подробности при описаніи жидовскаго купала, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ перепуганнаго семейства, онъ между прочимъ поставлялъ блюстителю благочинія на видъ, что между жидами „уповательно присутствовалъ самъ сатана, коего они подбрасывали вверхъ, творя бѣсовскія игрища“. Шутникъ городничій отвѣтилъ судѣ также формальною бумагой, извѣщая его, что полиція приметъ соотвѣтствующія мѣры для усмиренія на предбудущее время подобныхъ безпорядковъ; „что же касается сатаны, о нахожденіи коего, какъ В. В-діе сообщили мнѣ, между винницкими евреями, то мною неукоснительно сдѣлано распоряженіе о розыскѣ его по городу, и буде сатана окажется неимѣющимъ узаконеннаго вида на жительство, то съ нимъ, какъ съ бродягой, не премину поступить по всей строгости законовъ“.

Потерявъ, по доносу жидовъ, въ Винницѣ мѣсто, Касперовъ очутился въ Москвѣ въ должности смотрителя тюремнаго

замка и писалъ оттуда своему пріятелю Дельсалу: „спасибо винницкимъ іудеямъ, что меня вытѣснили, мнѣ здѣсь отлично: квартира казенная, столъ отъ эконома, прислуга ничего не стоитъ, ибо въ моемъ распоряженіи три палача—чудесные ребята! одинъ изъ нихъ—поварь, другой—вучеръ, третій—лакей“.

Ознакомившись съ образомъ жизни, нравами и обычаями моихъ сослуживцевъ, я пришелъ къ убѣжденію, что люди эти не по мнѣ, что частые вечера съ картами, ужинами съ выпивкой и пошлыми разговорами, сплетнями и нелѣпыми притязаніями нашихъ „ученыхъ дамъ“, едва умѣвшихъ подписать свою фамилію,—все это служило не отдыхомъ послѣ учительской тяжелой работы, а еще большимъ утомленіемъ, съ головною болью въ придачу и съ потерей нѣсколькихъ рублей изъ моего несчастнаго жалованья. Недаромъ нашъ достойнѣйшій классикъ И. Я. Нейкирхъ, напутствуя насъ на службу, твердилъ намъ: „Игра въ карты—смерть науки!“—Душа искала пищи болѣе здоровой, жизни болѣе осмысленной, занятій болѣе сродныхъ человѣку мыслящему. Я скоро оставилъ всѣхъ и замкнулся въ своемъ внутреннемъ мірѣ; въ уединеніи сталъ искать того, чего мнѣ не могло дать пустое общество, съ его пустыми развлеченіями; въ области фантазіи обрѣлъ я чистѣйшій источникъ наслажденія, не находя его въ дѣйствительности. Между тѣмъ мои кіевскіе пріятели не переставали громить меня письмами, требуя писемъ и стихотворныхъ посланій— и я всѣ свои досуги посвятилъ дружеской перепискѣ и поэзіи.

„Два созвучія въ концѣ двухъ строчекъ умѣряютъ самыя жгучія страданія,—сказалъ гдѣ-то Тэнъ: невольная музыкальность, въ которую облекается мысль, скрываетъ безобразіе и выставляетъ на видъ красоту. Какъ бы ни преслѣдовали человека несчастія, но поэтическое вдохновеніе преобразуетъ ихъ: они облагораживаются, онъ полюбитъ ихъ и станетъ терпѣливо переносить“.

Но поэзія поэзіей, а оставаться долго въ кожѣ параллельнаго учителя—не хватитъ и ангельскаго терпѣнія.

— Отчего тебѣ такъ сильно захотѣлось быть діакономъ? Спросилъ одинъ благодушный владыка своего велейника, посвятивъ его во діавона.

— Помилуйте, В. В—во, всякій человѣкъ хочетъ быть діакономъ, отвѣчалъ велейникъ.

Если бы меня спросило начальство: отчего мнѣ захотѣлось сдѣлаться „старшимъ учителемъ“, я бы ему отвѣтилъ, что всякій человѣкъ хочетъ быть старшимъ, а какъ младшій учитель тоже человѣкъ, то и онъ желаетъ быть „старшимъ“.

Оставаясь параллельнымъ учителемъ и преподавая не самостоятельный предметъ, а вѣточки разныхъ предметовъ, я чувствовалъ себя приниженнымъ въ отношеніи другихъ преподавателей, нисколько не превосходившихъ меня образованіемъ, но въ роли „старшихъ“ задиравшихъ носы передъ „младшими“, третируя ихъ, какъ своихъ адъютантовъ. Самолюбіе мое было сильно задѣто такой зависимостью отъ разныхъ ничтожествъ.

Благодаря лекціямъ Н. Т. Костыря, я сознавалъ себя въ русской словесности сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, и потому дождавшись вакантнаго мѣста въ Немировской гимназіи по этому именно предмету, я съ помощію Костыря получилъ желаемое, безъ особенныхъ съ моей стороны хлопотъ.

Въ оное время, полстолѣтія назадъ, наши юные словесники, вызубривъ адресъ-календарь русскихъ писателей по Гречу и вооружась Мерзляковымъ да Шевыревымъ, считали свою подготовку къ преподаванію столь важнаго предмета оконченной.

Но „нѣтъ ничего легче, говоритъ ученый Шерръ, какъ преподавать словесность плохо и нѣтъ ничего труднѣе, какъ преподавать ее хорошо; для перваго нужна лишь кой-какая начитанность, для втораго же, кромѣ глубокаго знанія предмета и искренней къ нему любви, необходимо еще извѣстнаго рода изящное чутье, которое достигается весьма немногими, именующими себя педагогами“.

Правда, въ началѣ 40-хъ годовъ преподаватель словесности лишень былъ возможности пользоваться серьезными учебными пособіями, какъ по теоріи, такъ и по исторіи этой науки, и потому, по необходимости долженъ былъ во многихъ случаяхъ

фантазировать, отдѣлываясь общими мѣстами. Въ журналахъ же того времени, кромѣ статей Бѣлинскаго, рѣшительно нечѣмъ было позаимствоваться.

Какая огромная разница *тогда* и *теперь*!

1) По теоріи и исторіи р. словесности прежде, кромѣ Греча, Мерзлякова и Шевырева, не было ничего; теперь—почти ежегодно появляются руководства—умѣй только ими пользоваться.

2) Исторіи иностранныхъ литературъ въ переводѣ на русскій языкъ не было вовсе, а теперь—Шерръ, Гетнеръ, Тэнъ, Брандесъ и многіе другіе.

3) Книгъ для чтенія ученики наши не имѣли вовсе, христоматія была пока одна—Пѣнинскаго, а теперь—Ушинскій, Паульсонъ, Водовозовъ, Стоюнинъ, Поповъ, Кирпичниковъ и проч. Вольфъ издалъ болѣе 10,000 дѣтскихъ книгъ.

4) По литературѣ воспитанія не было почти никакихъ руководствъ; теперь—склады учебниковъ завалены ими.

Какъ бы тамъ ни было, а, при отсутствіи учебныхъ пособій на русскомъ языкѣ, мнѣ стоило, особенно въ первые 2—3 года непосильнаго труда—разрѣшить болѣе сотни вопросовъ, предложенныхъ начальствомъ обязательными программами по теоріи и исторіи литературы, какъ русской, такъ и всеобщей, какъ бы обязавъ преподавателей составлять для своихъ учениковъ собственное руководство.

Только по мѣрѣ появленія въ печати новыхъ источниковъ, преподаваніе этого высшаго по своему образовательному значенію предмета начало годъ отъ году приобрѣтать болѣе полноты и опредѣленности; но послѣдовавшее вначалѣ 70-хъ годовъ сокращеніе программъ по словесности и уменьшеніе учебныхъ часовъ лишило преподавателей возможности воспользоваться богатствомъ учебныхъ пособій.

Разставанье мое съ сослуживцами было не изъ чувствительныхъ. Инспекторъ, при прощаніи всунулъ мнѣ въ руку счетъ якобы должныхъ ему денегъ по преферансу, о которомъ

я рѣшительно не помнилъ, и три рубля за треногую кровать, валявшуюся у него на чердакѣ и предложенную мнѣ на прокатъ до пріобрѣтенія четвероногой. Возмущенные такою наглостію Мазепича педагоги сговорились дать ему урокъ. Въ надеждѣ даровой выпивки, онъ пошелъ вмѣстѣ съ другими провожать меня за рѣку. Пользуясь отличнымъ апрѣльскимъ днемъ, мы прошли двѣ версты незамѣтно, потѣшаемые анекдотами Волковскаго. Миничъ засапался, какъ откормленный кабанъ, и нѣсколько разъ отказывался продолжать путь, а все таки не отсталъ отъ насъ, ожидая выпивки. Наконецъ, прошедши еще версту, растянулся на травѣ и объявилъ, что не сдѣлаетъ далѣе ни шагу. Возница мой, по данному знаку остановился. Распростившись со всѣми дружески, я влѣзъ въ будо и уѣхалъ съ миромъ, къ великому огорченію толстяка, которому пришлось, при усилившейся жарѣ, сдѣлать три версты обратно, совершенно даромъ, подъ перекрестнымъ огнемъ насмѣшекъ своихъ лукавыхъ спутниковъ, таѣ зло надъ нимъ подшутившихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕЖНЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ.

Въ предисловіи къ своей лѣтописи Величко такъ объясняетъ поводъ къ ея написанію: читая разныя историческія сочиненія, онъ находилъ въ нихъ „объясненіе славы только иностранныхъ народовъ; разыскивая же свѣдѣнія о прошломъ своей родины, онъ увидѣлъ, что „рыцарскія отваги и богатырскія дѣянія сармато-козацкихъ предковъ“ остаются безъ описанія и объясненія, „будучи покрыты плащомъ лѣности своихъ историковъ“. Если и можно найти кое-какія интересныя свѣдѣнія о „нашихъ козацко-русскихъ предкахъ“, продолжаетъ Величко, то таковыя находятся не у „нашихъ лѣтчиковъ“, а у „иностранныхъ историографовъ“. Бѣдность своего лѣтописанія навела было Величко на мысль—самому описать „славныя и великія дѣла героевъ своей родины“, но не „дерзнулъ“ скромный книжникъ на такой трудъ по недостатку матеріала, по отсутствію „козацкихъ лѣтописцевъ“. Когда же пришлось Величку пройти въ 1705 году, съ козацкими войсками, черезъ „тогочную малороссійскую Украину“ и когда онъ увидѣлъ разоренный видъ послѣдней, то, живо заинтересовавшись картинами запустѣнія, сталъ спрашивать людей старинныхъ: „почто бысть тако, изъ якихъ причинъ и чрезъ кого опустошися тая земля наша“?—Отвѣты получались, говоритъ Величко, неполные, неудовлетворительные... И лишь въ книгахъ нашель онъ отвѣтъ на свои вопросы, но и этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ добросовѣстнаго изыскателя родной старины, потому что въ „лѣтописныхъ сказаніяхъ“ оказались „несогласія“, т. е. противорѣчія. Тогда Величко—„для выгоды чителника малороссій-

скаго, трудолюбствуя, понудихся—вывести, простимъ стилемъ и нарѣчіемъ козацкимъ, исторію о войнѣ зъ поляки Хмельницкаго и о запустѣніи тогобочномъ украинно-малороссійскомъ“...

Такъ объяснилъ происхождение своего историческаго труда „истинный Малой Россіи сынъ“, какъ назвалъ себя авторъ, подписываясь подъ этимъ объясненіемъ.

Приведенное предисловіе даетъ намъ основаніе видѣть въ Величкѣ перваго по времени изыскателя малорусской старины съ ясно выраженнымъ намѣреніемъ—дать тогдашнему читателю возможность познакомиться съ исторіей родины.—Продолжатели Величка явились лишь въ началѣ второй половины XVIII в., когда вмѣстѣ съ сокращеніемъ автономной жизни старой Малороссіи, начался въ ней рѣшительный переходъ къ общегражданскимъ формамъ государства. Въ это время потребовался новый о прожитой страной жизни историческій трудъ, который долженъ былъ дать тому же „малороссійскому читателю“ возможность сопоставить уходящій старый строй—съ наступающимъ новымъ. Такая работа была исполнена, повидимому, *наскоро*, образованнѣйшимъ въ то время, „сыномъ Малой Россіи“ Гр. А. Полетикою, вслѣдъ за его избраніемъ депутатомъ въ комиссію о сочиненіи новаго уложенія. Мы разумѣемъ здѣсь, явившуюся околѣ 1770 г., „Исторію Русовъ“, написавъ которую съ достаточною долею „патріотической горячности“, Полетика—въ то время инспекторъ морскаго кадетскаго корпуса,—пустилъ ее въ свѣтъ безъ своего имени.—Не останавливаясь на „Исторіи Русовъ“, Полетика сталъ ревностно собирать по архивамъ, преимущественно—государственнымъ, матеріалы для исторіи Малороссіи, тѣмъ самымъ признавая неполноту и односторонность исполненнаго уже труда, сталъ писать статьи и говорить рѣчи публицистическаго характера ¹⁾ и—

¹⁾ Высказывая здѣсь нѣсколько опредѣленіе нашу догадку о написаніи „Исторіи Русовъ“, Гр. А. Полетикою, мы основываемся при этомъ на характерѣ литературной дѣятельности послѣдняго—гдѣ она выражается въ его бумагахъ, недавно поступившихъ, вмѣстѣ съ другими рукописями собранія М. О. Судіенка, въ бібліотекѣ Кіевского университета. Въ числѣ этихъ бумагъ мы видѣли, какъ тѣ матеріалы для исторіи Малороссіи (нѣсколько фоліантовъ), о которыхъ говоримъ выше, такъ статьи и рѣчи гр. А. Полетки. Говоря, что „Исторія Русовъ“ была написана *наскоро*, мы обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что событія XVIII в. въ сеѣ исторіи,

возбудилъ въ мѣстномъ обществѣ такой интересъ въ малорусской старинѣ, что изъ среды его появились и другіе изыскатели этой старины. Въ ряду послѣднихъ мы видимъ и людей съ достаточнымъ книжнымъ образованіемъ, результаты изысканій которыхъ явились въ учено-литературныхъ трудахъ, и людей, не имѣвшихъ такого образованія, но которые ревностно собирали сырые матеріалы для изученія малорусской старины. Ограничивая рядъ этихъ изыскателей первую половиною настоящаго вѣка, поименный ихъ списокъ будетъ такой: Гр. А. Полетика, А. И. Чепа, Ф. Ос. Туманскій, Я. М. Марковичъ, М. И. Автоновскій, В. Гр. Полетика, В. Я. Ломиковскій, Д. Н. Бантышъ-Каменскій, М. Ф. Берлинскій, А. И. Мартосъ, А. М. Марковичъ, Н. А. Маркевичъ... Всѣ эти лица были начинателями и пособниками того научнаго изученія малорусской старины, которому посвящаютъ теперь свои труды участники „Кіевской старины“. Отсюда является настоящая надобность ближайшаго знакомства, какъ съ личностями этихъ прежнихъ изыскателей малорусской старины, такъ и съ ихъ трудами по этому предмету.

Этихъ лицъ и имѣютъ въ виду настоящіе очерки.

I. Яковъ Михайловичъ Марковичъ.

(р. 1776 † 1804).

Яковъ Андреевичъ Марковичъ, авторъ обширнаго „Дневника“, какъ видно изъ послѣдняго, былъ человекъ по преимуществу книжный. Уже во время ученія М—ча въ Кіевской академіи, одинъ изъ профессоровъ послѣдней, извѣстный Теофанъ Прокоповичъ, обратилъ на него вниманіе и совѣтовалъ ему не разставаться съ книгой и по выходѣ изъ академіи.

особенно начиналъ съ измѣны Мазепы, въ значительной части писались, какъ видно, по живому преданію, а отчасти, должно быть, и по личнымъ сѣдѣніямъ автора. Отсюда — анекдотическій характеръ въ изложеніи этихъ событій. Для такого способа писанія исторія — много времени не требовалось, особенно при литературномъ талантѣ Гр. А. Полетика...

Такъ М—чь и дѣлалъ: преслѣдуя житейскіе интересы въ разныхъ ихъ формахъ, М—чь не разставался и съ книгою. У него была порядочная для того времени бібліотека, преимущественно богословскаго содержанія, къ которой онъ постоянно обращался, не прерывая цѣлую жизнь литературныхъ занятій, состоявшихъ то въ переводахъ, то въ сочиненіи богословскихъ разсужденій. Книжность М—ча была причиною и его неустаннаго продолженія своего дневника въ теченіе полувѣка.... Въ семейной жизни М—чь не былъ счастливъ. Женившись 18-ти лѣтнимъ юношей на дочери извѣстнаго Павла Полуботка, М—чь имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ выросли только двѣ дочери, но въ концѣ концовъ и ихъ пережилъ отецъ; умерла и жена М—ча, оставивъ пятидесятилѣтняго вдовца, который женился послѣ этого черезъ три года, во второй разъ. Отъ второй жены у М—ча родился въ 1752 г. сынъ Михаилъ, который и былъ продолжателемъ рода своего отца. М—чь очень заботился объ ученіи и воспитаніи своего „Миши“; сначала учили его дома, а 14-ти лѣтъ—отецъ отвезъ его въ Глуховъ, къ какому то Верту, „учителю латинскаго языка“, а черезъ годъ, въ 1767 г., молодой Марковичъ отвезенъ былъ „для наученія“ въ Москву. Черезъ три года послѣ этого умеръ Яв. Андр. М—чь. Мы не знаемъ, гдѣ и какъ продолжалъ свое ученіе Михаилъ М—чь, но знаемъ, что въ 1774 г. онъ уже женился; женился онъ на дочери бригадира Петра Ив—ча Забѣлы († 1793 г.) Настасьѣ. Отъ этого брака у М. Я. М—ча было пять дочерей и четыре сына: Яковъ (р. 1776 г.), Петръ (р. 1782 г.), Андрей (р. 1785 г.) и Александръ (р. 1790 г.). Изъ этихъ сыновей старшій Яковъ и младшій Александръ съ молодыхъ уже лѣтъ, вѣроятно по наслѣдству отъ дѣда, обнаружили учено-литературныя наклонности.

Яковъ Михайловичъ Марковичъ оставилъ послѣ себя небольшую (въ 98 стр.) книжку,—*Записки о Малороссіи, ея жителейхъ и произведеніяхъ*,—напечатанную въ 1798 г., когда автору было отъ роду съ небольшимъ двадцать лѣтъ. Не смотря на малый объемъ книжки, она, какъ по замыслу, такъ и по исполненію, представляетъ собою учено-литературную работу, ав-

торъ которой во всякомъ случаѣ не долженъ быть забытъ. М—чъ начавъ рано свою умственную жизнь, рано и умеръ; поэтому біографическія свѣдѣнія о немъ не велики и несложны.

Гдѣ начиналъ свое ученіе М—чъ, мы не знаемъ; очень, впрочемъ, вѣроятно, что ученіе это онъ проходилъ въ Глуховѣ, въ пансіонѣ „мадамъ“ Ляянсъ, о которомъ младшій братъ Якова М—ча говоритъ, что *пансіонъ этотъ извѣстенъ былъ во всей Малороссіи*¹⁾. Предположеніе объ обученіи М—ча въ пансіонѣ Ляянсъ до нѣкоторой степени подтверждается и его обстоятельнымъ знаніемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ.—Изъ Глухова М—ча отвезли, какъ когда то и отца его, въ Москву, откуда сосѣдь М—чей, Ключановскій, писалъ (6 іюля 1792 г.) къ его матери: „м. г—ня Настасья Петровна. Яковъ Михайловичъ, благодаря Бога, здоровъ. Много я старался, сударыня, освободить его отъ извѣстной вамъ болѣзни. Въ насъ, въ университетѣ, есть самыя искусныя доктора и опытные въ своей должности, я ихъ просилъ и самъ, и посредствомъ профессоровъ, которые для меня есть очень хорошіе люди, то они въ разсужденіи сей болѣзни сдѣлали между собою консилиумъ и говорятъ, что это такая внутренняя болѣзнь, отъ которой никакое лѣкарство пособить не можетъ, а совѣтуютъ носить бандажъ, потому что Я. М. теперь растеть, то можетъ быть въ сихъ лѣтахъ и сама по себѣ минется. Одному изъ нихъ я сулилъ хорошее награжденіе отъ имени ваше, чтобъ онъ одинъ объ этомъ постарался, но ни за что не согласился. Однако, слава Богу, теперь етотъ припадокъ съ Я. М. рѣдко случается, но и то гораздо легче противъ прежняго.“—Изъ слѣдующаго письма видно, что М—чъ въ это время уже учился въ Москвѣ, какъ можно догадываться,—въ тамошнемъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ²⁾. Въ самомъ концѣ декабря (28-го), того же 1792 г., М—чъ

¹⁾ Опис. Стар. Малорос., II, 433. См. также Сулим. Арх., 137.

²⁾ См. Воспоминанія объ этомъ пансіонѣ Н. Сушкова (Чтенія Моск. Общ. Ист. 1848, I, 31—104), откуда видимъ, что съ 1791 г. тамъ получили золотыя медали, между прочими, слѣдующіе уроженцы Малороссіи: Семеновъ и Аркадій Годзянскіе, Яковъ Лизогубъ, Григорій Полетиска (сынъ Гр. Андр—ча), Александръ Величко и Алексѣй Войцеховичъ.

пишетъ къ роднымъ: „Я получилъ за прилѣжаніе серебряную медаль и книгу, то неужьто не удостоюсь и отъ васъ, нѣжныхъ родителей, одобренія, дабы въ послѣдующее время труды мои возымѣли гораздо живѣйшую быстроту, ясность и достигли бы наконецъ такого совершенства, что я можетъ быть въ состояніи буду принести пользу отечеству и себѣ.—Впрочемъ съ достодожнымъ моимъ сыновскимъ почтеніемъ пребываю въ надеждѣ, любезные родители! вашъ послушный сынъ Яковъ Марковичъ“.

Послѣ этого письма слѣдуетъ значительный перерывъ въ перепискѣ М—ча съ родными. За 1793-й годъ мы не имѣемъ ни одного письма; а между тѣмъ въ концѣ этого года въ семьѣ М—ча случилось большое несчастье: въ декабрѣ 1793 г. отецъ его заболѣлъ „параличемъ“ и лишился употребленія языка, руки и ноги. Точныя вѣсти о болѣзни отца дошли къ сыну, повидимому, нескоро. Въ половинѣ іюля 1794 г. М—чь пишетъ матери: „м. г—ня матушка! наконецъ узналъ я причину вашего молчанія, которое часъ отъ часу болѣе лишаетъ меня спокойствія. Да и какъ возможно быть спокойнымъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ? Какъ быть спокойнымъ, услышавъ такое несноснѣйшее и печальнѣйшее извѣстіе, которое тѣмъ болѣе ужасно, что ни малѣйшій слухъ ни о чемъ ко мнѣ не доходилъ? Любезнѣйшая матушка! Не лишите меня сего самаго малого удовольствія, сдѣлайте милость, увѣдомите меня объ томъ, что дома происходитъ. Можетъ быть, Богъ столь милосердъ, что этотъ слухъ ложенъ. О есть ли бы онъ былъ ложенъ, то бы сыновнее сердце мое воспыдало благодарностію къ источнику блага. Великій, праведный Боже!.. Ты видишь горесть мою, видишь!—но сердце мое знаетъ, что источникъ милости и источникъ челоуѣколюбія въ единомъ Тебѣ обитаетъ!... Но сердце мое тяжело бьется, и ни что, ни что не можетъ привести его въ спокойное состояніе. Боже мой!... Но есть ли слухъ вѣренъ, есть ли и въ самомъ дѣлѣ правосудіе столь жестоко, есть ли и подлинно такъ слѣпо провидѣніе, есть ли столь неумолима, столь несмягчительна злоба смерти, то какое жъ наше щастіе и наше благо и чего ожидать намъ остается! Лишивъ насъ не-

давно ближайшихъ, любезнѣйшихъ предметовъ ¹⁾, которые еще всегда извлекаютъ и извлекать будутъ вздохи изъ сердецъ нашихъ, горестію отягченныхъ, которыхъ воспоминаніе, которыхъ имена вѣчно неизгладимы въ нихъ пребудутъ, лишивъ насъ,—еще лишаютъ подпоры неопытныхъ лѣтъ нашихъ, и лишаютъ столь жестокимъ, варварскимъ образомъ. Дражайшая матушка! простите мнѣ, что я смѣю беспокоивать васъ такимъ печальнымъ плачевнымъ, и несноснымъ для сердца моего воспоминаніемъ. Простите мнѣ, я не могу удержать волнованія души моей, унять вздоховъ сердца моего, я не могу довольно оплакать нещастя своего. Я опять васъ прошу: сдѣлайте милость, дражайшая матушка, не лишите меня вашихъ писемъ, потому что молчаніе ваше часъ отъ часу тяжелѣе для сердца моего. И возможно ли, уже два мѣсяца, какъ я ни слова о здоровьи васъ и домашнихъ не знаю. Я живу далеко отъ дому и потому сколько горестно для меня не получать о родителяхъ извѣстія; сдѣлайте милость, любезнѣйшая матушка, изволте увѣдомить меня или сами, или приказать безсовѣстнымъ сестрицамъ утѣшить меня хоть разъ еще письмами своими. Повѣрьте, люб. м—ва, что это время, въ которое я ни отъ васъ, ни отъ сестрицъ не получалъ писемъ, такъ для меня грустно и несосно, что ни одинъ часъ не проходилъ совершенно весело и спокойно: и—то различные мысли занимали душу, или—то заставляли грустѣть (sic), потому что и сестры забыли меня. Сверхъ того, я зналъ давно, что бабушка нездоровъ, то—чего сердце мое не имѣло и не чувствовало въ сіи два мѣсяца, которые болѣе нежели два года показались? Но, наконецъ получилъ, я извѣстіе, котораго во всю жизнь свою не желалъ бы слышать; о Боже мой! того ли я ожидалъ за бѣдственно претерпѣнные два сіи мѣсяца. Но видно, ахъ! видно, что мнѣ не опредѣлено было вкусить спокойствія, вкусить радости, не другой какой, но только той радости, чтобъ любезнѣйшіе родители были благополучны и здоровы, и чтобъ всѣ родственники, всѣ ближайшіе мои—на-

---

¹⁾ Въ 1798 г. умеръ дѣдъ Я. М—ва по матери. Можетъ б. и онъ здѣсь разумѣется

слаждались такими же дарами. Я есмь, любезнѣйшая матушка, вашъ поворнѣйшій, послушнѣйшій и вѣрнѣйшій сынъ Я. М.“.

Что дѣлалъ М—чъ въ 1794 г., когда писалъ это письмо, не знаемъ, но 1795 г. онъ провелъ въ Малороссіи, причемъ посѣщая Перервинское имѣніе своего отца, въ Пирятинскомъ уѣздѣ, познакомился съ другимъ изыскателемъ малорусской старины—А. И. Чепю¹⁾, жившимъ въ томъ же уѣздѣ, въ с. Чепурковѣ. Съ какимъ вниманіемъ относился къ двадцатилѣтнему М—чу почтенный любитель малорусской старины, видно изъ его письма, писаннаго къ М—чу 29 сентября 1795 г., въ имѣніе Марковичей, с. Перервинцы: „вчера былъ у меня мой почтенный сосѣдъ Петръ Степановичъ Волховскій. Услышавъ отъ меня о вашемъ здѣсь пребываніи и бывши знакомъ вашему батюшки, усиленнѣе просилъ меня познакомить его съ вами; я общалъ ему на завтрашній день согласить васъ къ нему обѣдать; въ томъ я надѣялся на дружеское ваше ко мнѣ расположеніе. Я ему пересказалъ въ краткихъ словахъ о вашихъ добродѣтеляхъ и достоинствахъ, кои я видѣть и чувствовать могъ, и онъ съ нетерпѣливостію васъ ожидать будетъ...“

Очень вѣроятно, что ближайшее знакомство М—ча съ Чепю послужило значительнымъ толчкомъ въ развитіи у перваго охоты къ занятіямъ мѣстною стариною. Чепя издавна началъ собирать разнаго рода письменные памятники по исторіи Малороссіи и во время знакомства съ М—мъ обладалъ уже значительнымъ ихъ запасомъ. Изъ переписки Чепы съ В. Т. Полетикою видно, съ какою ревностію относился этотъ собиратель къ вопросу о написаніи „Славной вѣтви російской исторіи—исторіи Малороссіи“. Очень можетъ быть, что въ эти свиданія въ 1795 г., съ М—мъ, Чепя и передалъ ему свои сборники матеріаловъ²⁾ съ надеждою, что юный адептъ родной старины

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1890 г., № 5, стр. 364 и 1892 г., № 1, стр. 42.

²⁾ Тамъ-же, стр. 50. Свѣдѣній о Чепѣ сохранилось такъ мало, что мы находимъ не лишнимъ привести здѣсь недавно встрѣченный о немъ отзывъ человѣка хорошо его знавшаго лично: „статскій совѣтникъ Чепя, служившій въ канцеларіи Румянцева по гражданской части, человѣкъ начитанный, достигшій посредствомъ упражненія искусства писать превосходно и даже опередившій въ томъ свое время.

возьмется за писаніе этой исторіи.—Но пока дѣло дошло до ближайшаго изученія источниковъ послѣдней, М—чъ поступилъ прежде въ военную службу, которую въ декабрѣ 1796 г. уже рѣшилъ и оставить, какъ видно изъ слѣдующаго письма къ нему матери, писаннаго 30 декабря 1796 г., въ Петербургѣ. „Любезный мнѣ Яковъ Михайловичъ. Я получила твое письмо, которое меня весьма огорчило, видя съ онаго такую тебѣ неудачу, но чтожъ дѣлать, не одному тебѣ,—и знатнѣйшіи тебя одинъ жребій имѣютъ, а только старайся здоровье свое зберечь и старайся сисвать благодѣтелей себѣ: не можно ли куда опредѣлится въ писменимъ дѣламъ, когда тебѣ тяжола важеца служба военная, а въ отставку не спѣши, подумай, что ты съ себя здѣлаешь, когда пойдешь въ отставку сержантомъ. Я съ твоего писма увидѣла, что ты не получилъ денегъ и писемъ моихъ; я послала тебѣ, ноября 18, 100 р., декабря 13 тебѣ послала 450 р. и послѣ Осиповичу послала 50 р., декабря шестого. Да скажи повѣренному, не можно ли теперъ какъ виискать апеляцѣй затеранихъ, посланихъ отъ батюшки по дѣлу съ Оболонскимъ и Заводовскимъ“...

Изъ этого письма можно заключить, что М—чъ служилъ рядовымъ въ гвардіи, причемъ „неудача“ этой службы, видимо, заключалась въ измѣненіи порядковъ гвардейской службы, послѣдовавшихъ съ воцареніемъ императора Павла I.—Оставивъ военную службу, М—чъ началъ искать въ Петербургѣ службы гражданской; для этого онъ старался, какъ и прочіе малороссы, найти достучь къ Бозбородку, въ чемъ и успѣлъ при благопріятствѣ Трощинскаго, съ охотою помогавшаго землякамъ, пріѣзжавшимъ въ Петербургъ искать счастья.—Въ концѣ февраля 1797 г., М—чъ писалъ матери: „м. г-ня матушка, съ восхищеніемъ спѣшу я увѣдомить васъ, о положеніи своемъ, которое слава Богу исправляется, дабы чрезъ то удалить отъ васъ всякое сомнѣніе. Г. Трощинскій оказываетъ мнѣ великое

Человѣкъ тяжелый, вялый, отъ котораго трудно было добыть что нибудь для свѣдѣній. Онъ дожилъ свой вѣкъ въ деревнѣ, въ Полтавской губерніи, и былъ не единюжды призванъ малороссійскимъ генераль-губернаторомъ въ прасители канцеляріи, но безъ успѣха“. (Изъ бумагъ М. О. Судіенка).

снисхожденіе, онъ принялъ отъ меня прозьбу и вручилъ ее графу Безбородкѣ, коего просилъ онъ обо мнѣ для помѣщенія въ иностранную коллегію, въ коей графъ первый членъ.—И такъ, судьба моя не знаю какъ рѣшится; я сердечно желалъ бы быть принятымъ, но не знаю какъ будетъ... Я за честь почелъ знакомиться здѣсь съ многими людьми, а особливо изъ бывшихъ моихъ соучениковъ, которые теперь при весьма важныхъ мѣстахъ. Я познакомился также съ дѣтьми Бакуринскаго, нашего губернатора, съ шуринами и сыномъ графа Ильи Андреевича Безбородка, и многими другими, которые меня такъ полюбили, что даже оставляютъ у себя ночевать и помогаютъ мнѣ“.

Благодаря помощи земляковъ, М—чъ пристроился въ Петербургѣ и, какъ видно, хорошо: онъ былъ назначенъ переводчикомъ въ иностранную коллегію, въ которой Безбородко былъ первымъ членомъ. Объ этой службѣ М—чъ писалъ, въ іюлѣ 1797 г., къ матери: „служба моя хотя и становится труднѣе, но я доволенъ ею. Съ помощію Бога можно при семъ выиграть больше, нежели въ другомъ“. Тутъ же М—чъ добавляетъ: „въ свободное время, занимаюсь я составленіемъ одной книги, которую посвятить хочу Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому“. Черезъ мѣсяцъ, въ августѣ, М—чъ снова упоминаетъ въ письмѣ къ матери, о „составленіи своей книги“: „я писалъ вамъ, что хочу посвятить книгу г. Трощинскому; я денно и ночью тружусь надъ нею и скоро будетъ готова, но нужны деньги, чтобъ ее напечатать. Теперь время весьма благопріятно, такъ сдѣлайте милость, не замедлите и пришлите, какъ можно скорѣе, денегъ, чтобъ я могъ скорѣе сдѣлать желаемое. Вы не пожалѣйте, матушка, и пришлите 500 р.—Я отъ намѣренія своего ожидаю хорошаго успѣха, и теперешнее время весьма дорого. Вся надежда моя теперь на васъ“. На это письмо мать отвѣчала: „я получила твое письмо, въ которомъ пишешь о книги, которую сочиняешь; я весьма рада, когда сіе будетъ къ благополучію, а только то для меня непріятно, что ты симъ дѣломъ много здоровья своего теряешь. Да смотри, въ книгою будь весьма остороженъ, чтобъ не подалъ на себя какой критики. Денегъ тебѣ посылаю 300 р.,

а болше вседушно бѣ рада, но крайне неть, и сама теперь остаюсь безъ онихъ“.

Въ письмахъ этихъ идетъ рѣчь объ изданной М—чемъ книжкѣ—*Записки о Малороссіи*. Хотя въ приведенномъ письмѣ авторъ ея и говоритъ, что книжку свою онъ писалъ съ цѣлю получить „хорошій успѣхъ“, разумѣется, въ достиженіи житейскихъ благъ, но изъ его приготовленій къ работѣ для этой книжки вовсе не видится указываемаго М—чемъ практическаго стимула. По всѣмъ вѣроятіямъ, авторъ въ письмѣ къ матери на себя клевететь, желая выпросить побольше денегъ, въ которыхъ постоянно нуждался.—Послѣ М—ча остались черновыя тетради приготовительныхъ работъ по написанію имъ своей книжки, при чемъ изъ этихъ тетрадей ясно видно—какъ онъ добросовѣстно подготовлялъ свою работу и какъ онъ былъ далекъ здѣсь отъ житейскаго „хорошаго успѣха“... Одна изъ этихъ тетрадей („Выписки для древней исторіи Россіи. Начаты въ 1797 г.“) заключаетъ въ себѣ рядъ выписокъ, источниками для которыхъ служили ему слѣдующія книги: а) Отвѣтъ Болтина на письмо кн. Щербатова, б) Скифская исторія, Лызлова, в) Записки касательно Россійской исторіи, (соч. императрицы Екатерины II), г) Ядро Россійской исторіи, Хилкова, д) Опытъ о библиотекѣ Академіи Наукъ, Бакмейстера, е) Das Russische Reich, Зонтага, ж) Voyage de milady Craven à Constantinople par la Crimée, (Лондонъ, 1789), з) Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, Гердера, и) Опытъ повѣствованія о Россіи, Елагина¹⁾, i) Religie der muscoviters, на голландскомъ яз., изд. 1698 г., к) Церковный словарь, прот. Алексѣева, л) Россійская исторія, Эмина, м) Россійская исторія, Левека, (напечатана I-я часть въ 1787 г.), н) Академическія извѣстія, 3-й томъ, 1779 г., о) Тредьяковскаго, Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ, п) Словарь Россійской Академіи и р) Зеркало свѣта, журналъ изд. Ф. Тумансвагд.

¹⁾ Указавъ „Опытъ“ Елагина, М—чь отмѣчаетъ, что пользовался имъ по рукописи. (Книга Елагина напечатана только въ 1803 г.); изъ этого сочиненія М—чь взялъ въ свою книжку (стр. 23, прим. 33)—„переводъ иѣсни храбраго Гаральда, за кнѣзь была княжна Елисавета Ярославшна.“

Уже одинъ этотъ списокъ показываетъ, что М—чь, готовая къ изданію своихъ „Записокъ“, прочиталъ не мало такихъ сочиненій, которыя были далеко не въ постоянномъ оборотѣ даже и тогдашнихъ цеховыхъ ученыхъ; для этого достаточно указать на книгу Гердера, — *Ideen*, изъ которой М—чь сдѣлалъ три страницы извлеченій о славянахъ. Дѣлая выписки, М—чь иногда присоединяетъ къ нимъ и свои замѣчанія, указывающія, что къ источникамъ онъ могъ относиться и критически. Напр., дѣлая выписки изъ голландской книги — *Religie der Muscoviters*, М—чь замѣчаетъ: „вся эта книга наполнена пустяками, враками и вздоромъ. Изъ описанія только одни изображенія идоловъ (заслуживаютъ вниманія?), о коихъ авторъ говорить — (слѣдуетъ голландскій текстъ, въ которомъ значитъ, что свѣдѣнія эти голландскій авторъ получилъ *van un jode*). Трудно повѣрить, продолжаетъ М—чь, чтобы жидъ могъ доставить сочинителю то, чего русскіе не могли отыскать до сихъ поръ¹⁾“. Тѣмъ не менѣе, М—чь тутъ же срисовываетъ перомъ, и очень искусно, изображенія этихъ идоловъ: *pioruni*, *chorsi*, *mocosi*, и *stribi*. — Приведенный выше списокъ сочиненій, которыми М—чь пользовался для задуманной работы, пополняется еще цѣлымъ рядомъ другихъ, означенныхъ въ цитатахъ напечатанной книжки, гдѣ указываются: Плутархъ, Геродотъ, Несторъ, Синописисъ, Щербатова Россійск. исторія, Леклеркъ, Ломоносовъ Древн. Россійск. исторія, Пуффендорфъ, Географ. словарь, Полупина и Миллера, Шереръ (*Annales de la petite Russie*), Стрѣлковскій, Коховскій Веспасіанъ, Фрибе (*Ueber Ruszlands Handel*)... Отсюда мы видимъ, что тотъ ученый аппаратъ, съ которымъ двадцатилѣтній М—чь приступалъ къ своему труду, представляется во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ по полнотѣ, особенно, если къ этому аппарату присоединить еще и тѣ *личныя наблюденія* М—ча надъ „жителями и произведеніями“ Малороссіи, о которыхъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своей книжкѣ.

Какъ-же авторъ исполнилъ свой трудъ? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ подробною передачею содержанія книжки, которая, въ

¹⁾ См. „замѣчаніе“ къ стр. 16-й „Записокъ“. Рисунки сдѣланы М—имъ въ его тетради „выписокъ“.

виду ея рѣдкости, очень мало извѣстна. Книжку свою М—чъ посвятилъ Трещинскому, при чемъ въ посвященіи говоритъ:

«Еще до сихъ поръ Малороссія не описана никѣмъ подробно. Я осмѣлился изобразить ее не кистью историка или физика, но какъ юный сынъ, посвящающій первый опытъ своихъ познаній и чувствованій мать-странѣ своей».

Затѣмъ въ предисловіи авторъ подробно излагаетъ планъ своего описанія.

«Славный натуралистъ Линней удивляется, что страна, такъ щедро природою облагодѣтельствованная, какова Малороссія, не заманила къ себѣ ни физиковъ, ни историковъ. Давно похитила смерть сего друга природы; естлибъ онъ живъ былъ, то до сихъ поръ, можетъ быть, удивлялся бъ тому. Я имѣлъ удовольствіе жить въ сей пріятной странѣ и занимался разсматриваніемъ ея жителей и произведеній. Все, что мнѣ казалось примѣчательнымъ, полезнымъ, новымъ, записывалъ я въ своемъ журналѣ, разсуждалъ о томъ или сравнивалъ съ мыслями авторовъ, писавшихъ прежде о тѣхъ же матеріяхъ. Наконецъ, мнѣ хотѣлось, чтобы и другіе могли судить о успѣхѣ наблюденій моихъ,—и вотъ главнѣйшая причина, почему издаются сіи Записки. Въ каждой части помѣщены будутъ статьи изъ древней и новой малороссійской исторіи, черты, объясняющія характеръ жителей, гидрографическія и топографическія описанія, общее исчисленіе минераловъ, растений и животныхъ, находящихся въ разныхъ частяхъ Малороссіи, и частная исторія примѣчательнѣйшихъ породъ оныхъ и проч. и проч. Въ нужныхъ случаяхъ присовокуплены будутъ и изображенія писанныя съ природы и гравированныя самимъ авторомъ ¹⁾. Невозможно, вѣжеться, и требовать, чтобы сей первый опытъ трудовъ моихъ былъ безъ всякихъ погрѣшностей и недостатковъ. Однако я прошу читателей разбирать его со всею строгостью ученаго критика. Ихъ исправленія и примѣчанія приму я съ великою благодарностью, только *были-бы оныя, касательно исторіи, доказаны*, а по физической части основаны больше на собственныхъ наблюденіяхъ, нежели на словахъ—какого автора ²⁾».

Первая (и единственная) книжка „Записокъ“ заключаетъ въ себѣ шесть главъ:

¹⁾ Такихъ „изображеній“ при первой книжкѣ—пять.

²⁾ Предисловіе подписано „15 января, 1798 г.“.

1. Историческое изображение страны, называемой нынѣ Малою Россією, съ древнихъ временъ до первогодешаго вѣка.
2. Взглядъ на прежнее и нынѣшнее гражданское устройство Малороссіи.
3. Общее физическое описаніе Малороссіи.
4. Характеристика малороссіянъ.
5. Малороссійская гидрографія или описаніе историческое и физическое примѣчательнѣйшихъ рѣкъ, текущихъ въ Малороссіи.
6. Исчисленіе минераловъ, открытыхъ до сего времени въ Малороссіи.

Въ первой главѣ (стр. 1—28) изложенъ краткій историческій очеркъ народовъ, обитавшихъ на территоріи средняго Днѣпра, сарматовъ, скифовъ, славянъ... Очеркъ оканчивается разсказомъ о княженіи Ярослава I, при чемъ въ концѣ очерка значится: „*продолженіе исторіи въ слѣдующей части*“.

Первый свой очеркъ авторъ начинаетъ такъ:

«Я не хотѣлъ бы вступать въ царство мечтаній и призраковъ (Шутархъ называетъ такъ исторію древнихъ временъ), не хотѣлъ бы представлять картины мрачной древности, еслибы исторія не объясняла характера и не показывала степеней образованія и промышленности каждаго народа. Время изгладило всѣ слѣды, по коимъ можно бы дойти до мѣста рожденія и до гробовъ первыхъ обладателей Малороссіи; но можно именовать ее *колыбелью Россіи*, потому что предки оныхъ сарматы, скифы и славяне поселились тамъ прежде и построили первые города. Часть, которую занимали сарматы, была обширнѣе и называлась *суоми*; а скифы жили только при берегахъ Днѣпра, и для отличія отъ прочихъ сквскихъ племенъ именовались *геррійскими*. Въ 33 или 34 году по Р. Х. св. апостолъ Андрей повѣдывалъ имъ христіанскую вѣру».

При послѣднихъ словахъ авторъ дѣлаетъ ссылку на „древняго нашего историка Нестора“, прибавляя, что „новѣйшіе писатели сомнѣваются о семъ“.

Во второй главѣ—о гражданскомъ устройствѣ Малороссіи (стр. 29—41)—появленіе послѣдней въ исторіи объясняется такъ:

«Со временъ Олега до вел. кн. Владимира страна, называемая нынѣ Малороссією, составляла одну область; но въ началѣ перваго

на десять вѣка она раздѣлена была на три княжества, Кіевское, Черниговское и Сѣверское, коими правили удѣльные князья. По завладѣніи сихъ княжествъ Литвою, переименованы оныя Малою Россією въ отношеніи къ той большой части Россіи, которою русскіе князья владѣли. Польскій король Казимиръ Ягелловичъ учредилъ тамъ воеводство и повѣты, ввелъ магдебургское право, поставилъ воеводу, судей, старостъ и каштеляновъ; сверхъ того роздалъ всю Малороссію, по частямъ, вѣрнымъ и храбрымъ людямъ изъ тамошнихъ жителей. Стефанъ Батторій уступилъ козакамъ лежащія при берегахъ Днѣпра земли, кои названы потомъ Украиною, т. е. пограничною землею; и съ того времени до введенія Малороссіи въ подданство великороссійское, южная часть области сей принадлежала козакамъ, а сѣверная Польшѣ. При Петрѣ Первомъ Малороссія раздѣлилась на десять полковъ, которые назывались по именамъ главныхъ городовъ въ своемъ округѣ.... Сверхъ того для удобнѣйшаго разбирания частныхъ и тяжбныхъ дѣлъ, страна сія раздѣлена была вмѣстѣ и на 20 повѣтовъ, изъ коихъ въ каждомъ находился земскій и подкоморскій судъ... Всѣ сіи установленія совершенно исчезли, когда въ царствованіе Екатерины II учреждены были въ Малороссіи три наместничества...».

Говоря о населеніи страны, М—чъ пишетъ:

«Между природными малороссіянами считается четыре класса: дворянинъ, мѣщанинъ, козакъ и мужикъ. Дворяне происходятъ или отъ польскихъ дворянскихъ родовъ, или отъ бывшихъ гетмановъ и другихъ старшинъ. Въ XIV вѣку польскій король Казимиръ Великій жаловалъ достоинствомъ симъ всѣхъ вѣрныхъ и храбрыхъ малороссіянъ, а при Зборовскомъ трактатѣ, заключенномъ между козаками и польскою республикою, облечены въ оное многіе изъ козаковъ, оказавшихъ на войнѣ важныя услуги. Царь Алексѣй Михайловичъ жаловалъ въ Малороссіи дворянскими грамотами татаръ и жидовъ, принимавшихъ христіанскую вѣру¹⁾»(?)... Мѣщане и граждане живутъ въ городахъ и составляютъ купцовъ или разныхъ промышленниковъ. Они управляются магдебургскимъ правомъ, введеннымъ въ XIV вѣку. Ихъ магистратъ состоялъ прежде изъ войта, бургомистровъ и райцевъ или ратсгеровъ, и отправлялъ разныя городовыя дѣла; но въ неправомъ онаго рѣшеніи истцы относились апелляціями въ генеральный судъ....».

¹⁾ Думать нужно, что это свѣдѣніе основано авторомъ на какихънибудь единичныхъ фактахъ, намъ впрочемъ неизвѣстныхъ.

«Происхождение козаковъ есть нерѣшимая въ исторіи задача. Нѣкоторые производятъ ихъ отъ козаръ и косооговъ, обитавшихъ въ древнія времена при Днѣпрѣ... Можетъ быть всѣхъ вѣроятнѣе слѣдующее мнѣніе, что въ началѣ XVI вѣка нѣкто изъ малороссіянъ, по прозванію Дашкевичъ, вида частые отъ крымскихъ татаръ набѣги, уговорилъ многихъ единоземцовъ своихъ для отогнанія непріятеля сего отъ своихъ предѣловъ. Сіе имѣло щастливый успѣхъ и побѣдители назвались тогда козаками, что значитъ на татарскомъ языкѣ легковооруженные. Польскій король Сигизмундъ I уступилъ героямъ снѣ городъ Терехтемировъ, на правой сторонѣ Днѣпра стоящій, а Стефанъ Баторій—лежація при обоихъ сторонахъ Днѣпра земли, сверхъ того привелъ ихъ въ хорошую дисциплину и опредѣлилъ имъ жалованье. Отъ сихъ козаковъ произошли и украинцы, составлявшіе прежде малороссійское войско. Остатокъ онаго суть нынѣшніе козаки, но они уже не войны, а сельскіе жители. Они пользуются особыми правами, не состоятъ въ крестьянствѣ и могутъ торговать виномъ. Съ нѣкоторого времени начали они переселяться въ прежнее Екатеринославское намѣстничество или нынѣшнюю Новороссійскую губернію; но не смотря на то остается ихъ въ Малороссіи еще весьма много, гдѣ и живутъ отдѣльно или вмѣстѣ съ крестьянами».

«Малороссійскіе мужики назывались прежде *посполитыми* и имѣли свободу переходить отъ одного господина къ другому. Происшедшіе отъ того великіе безпорядки и нарушеніе самаго спокойствія жителей суть тѣ главнѣйшія причины, кои понудили уничтожить сію кочевую ихъ жизнь; и съ того времени они начали болѣе заниматься трудами и промыслами».

Третья глава (стр: 41—54), заключающая въ себѣ „физическое“ описаніе Малороссіи,—вмѣстѣ съ четвертою (стр. 54—68) о „характеристикѣ малороссіянъ“, составляютъ самую интересную часть книги, потому что обѣ эти главы основаны на личныхъ наблюденіяхъ автора, который при этомъ выражаетъ иногда и личные свои вкусы.

Говоря о климатѣ „малороссійской губерніи“, М—чъ авторитетно указываетъ, что хотя—

«Климатъ ее весьма умѣренъ, но не имѣетъ такой степени теплоты, какова въ другихъ, подъ равною широтою лежащихъ, земляхъ, что происходитъ какъ можно думать отъ того, что поверхность въ

сей странѣ большею частью ровна и нѣтъ въ сосѣдствѣ никакихъ высокихъ горъ, кои бы защищали ее отъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ... — «Поляки называли Малороссію *молочною* и *медовою землею*; можно именовать ее еще страню обилія и пріятностей. Здоровый климатъ, красота мѣстоположенія, великое плодородіе земли и разнообразіе произведеній суть преимущества, по коимъ она заслуживаетъ такое имя. На плодородной поверхности ея извиваются большія и малыя рѣки, кои обращены больше въ Черному морю и всѣ посредствомъ Днѣпра въ оное вливаются.... Съ сѣверной стороны губерніи сей («Малороссійской») простираются большіе лѣса, наполненные дичиною и разными звѣрми; въ южной нестрѣютъ богатыя степи, кои бывають, такъ сказать, покрыты стадами лошадей, коровъ и овецъ. По способности климата и хорошаго свойства земли плодovitыя деревья получаютъ тамъ лучшую доброту и разводятся до излишества. Хлѣбопашество—главный источникъ народного благоденствія—отъ самой природы въ такомъ состояніи, какого только требовать можно. Безъ лишняго труда и тонкаго искусства земледѣльцевъ, пашни разводятся легко и обильную приносятъ жатву. Кто имѣетъ чувствительное сердце, кто удовольствіе духа своего полагаетъ и находитъ въ разсматриваніи природы, тотъ обзрѣвъ Малороссію, конечно назоветъ ее страню, гдѣ природа является въ изящномъ великолѣпніи. По крайней мѣрѣ я такъ называлъ ее въ моемъ сердцѣ!

Всѣдъ за этимъ сантиментальнымъ восклицаніемъ слѣдуетъ интересное, по обстоятельности, обзрѣніе Малороссіи (лѣвобережной) по частямъ.

«По мѣстоположенію и свойству земли, страну сію раздѣлить можно на три полосы: *сѣверную, южную и среднюю*. Въ каждой изъ оныхъ не токмо климатъ, свойство края и произведенія, но даже состояніе и характеръ людей отличны.

1) *Сѣверная* полоса, гдѣ извиваются самыя большія рѣки изъ всѣхъ текущихъ въ Малороссіи, покрыта во многихъ мѣстахъ чернымъ и краснымъ лѣсомъ, почему и называется *лѣсною стороною* или *Польсьемъ*... Она заключаетъ то пространство, которое лежитъ между рѣками Днѣпромъ, Десною и Бѣсedyю. Поверхность тамъ большею частью низка, болотиста и съ тундрами; но по берегамъ большихъ рѣкъ простираются неправильныя возвышенія или пригорки и холмы, содержащіе разныя глины, мѣлъ, известь, дикій ва-

мень и желѣзную руду.—Вообще Малороссія въ старину была лѣсомъ гораздо обильнѣе нынѣшняго. Всякой догадается, что главнѣйшая причина того есть винокуреніе, производящееся въ ней еще съ XIII вѣка. (?) Теперь самыя большіе боры и лѣса находятся въ окрестностяхъ Старолуба, Мглина, Погара, Чернигова и Новгородъ-Сѣверскаго, гдѣ рубятъ лѣсъ для корабельнаго строенія и мачты, кои препровождаются либо въ Ригу или внизъ по Днѣпру, къ черноморскимъ портамъ.....

2) Южная часть лежитъ между рѣками Остромъ, Супоемъ, Днѣпромъ и Ворсклою. Она извѣстна подъ именами *Украины*, *Степи* и *Полей*, отъ чего и тамошнихъ жителей называютъ *украинцами*, *степовиками* и *полевицами*. Поверхность ея, въ сравненіи съ сѣвѣрною, возвышенна, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ оврагами и холмами, скудна лѣсомъ и пересѣкается тремя большими рѣками и множествомъ ручьевъ, кои вообще текутъ медленно. Поэтъ могъ бы сказать, что они струятся тихо для того, чтобы болѣе наслаждаться великолѣпіемъ орошаемыхъ ими степей. Исполнены изъ царства растений и тираны изъ животныхъ удалились отсюда. Природа не хотѣла здѣсь ни приводить въ изумленіе, не наводитъ ужаса, но только нравиться и плѣнять. Чтобы представить совершенную картину того великолѣпія, въ какомъ она здѣсь видна, надобно имѣть кисть Пуссена или перо Бюффона, кои хранятся въ пантеонѣ бессмертныхъ.—Здѣшнее хлѣбопашество, пчеловодство и скотоводство лучшіе во всей Малороссіи. Въ прочихъ мѣстахъ землю сперва унавоживаютъ, потомъ пахутъ сохою два и три раза; но степовикъ не заботится и о удобреніи, оретъ плугомъ, который не разбиваетъ землю такъ мелко, какъ соха—и должно удивляться, что на поляхъ столь легко обрабатываемыхъ растетъ почти всегда частый и крупный хлѣбъ. Бывали случаи, что на вспаханной такимъ образомъ однажды землѣ, взрастаютъ двѣ разныя пашни, напр., когда посѣянная весной гречка совершенно созрѣетъ, то не срывая ее, сѣютъ по ней рожь или озимую пшеницу, которую по снятіи гречихи, скородятъ бороною, а въ слѣдующее лѣто сжинаютъ. Есть два обычая у степныхъ малороссіянъ: 1) что они мѣру пахатныхъ полей исчисляють *уружками* (уружками) и *днями*; три *уружа*, ранній, обѣденный и вечерній, или одинъ *день* земли означаетъ такое пространство, сколько отъ восхода до захода солнца съ роздыхомъ всахать можно. 2) Не имѣя сушияковъ или овинъ, сушатъ они рожь на печкѣ, отъ чего она не столь годна къ винокуренію, какъ овинная, и чаще подвержена бы-

ваетъ *юловиль* и *рожкамъ*—болѣзнямъ, происходящимъ отъ поврежденной въ зернахъ влажности. Впрочемъ сѣютъ они много пшена, боръ и кійки или пшеничку, разводятъ всякаго рода табакъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ анисъ и турецкій перецъ; сверхъ того имѣютъ позаимствованныя отъ татаръ *бакши* (по здѣшнему *баштаны*), гдѣ растутъ дыни и арбузы, называемые здѣсь *каунами*.—Рогатый скотъ въ степной полосѣ весьма крупенъ и по добротѣ своей извѣстенъ не токмо въ столицахъ нашего отечества, но и въ другихъ европейскихъ земляхъ, особливо въ Германіи и Пруссіи, куда гоняли его прежде для продажъ...

3. *Средняя* полоса лежитъ между двумя первыми и достаточна какъ лѣсомъ, такъ и полемъ. Въ ней поверхность выше и гористѣе, воздухъ отъ меньшаго числа лѣсовъ и болотъ чище и здоровѣе, а хлѣбопашество отъ лучшаго свойства земли превосходнѣе, нежели въ сѣверной части. Однако между Переяславлемъ и Нѣжиномъ попадаются обширныя болота, гдѣ растутъ нѣкоторыя травы, свойственныя лѣсной части, а около Борзны простирается степь съ лужами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Пошва (т. е. почва) между Батуриномъ, Кролевцемъ и Глуховомъ песчана и глиниста, съ глубокими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оврагами и съ довольномъ количествомъ чернаго и крупнаго лѣса...

„Характеристику малороссіянъ“ М—чъ начинаетъ такъ:

«Говорятъ, что духъ челоиѣка есть зеркало окружающихъ его предметовъ, миниатюрный портретъ страны, гдѣ онъ основалъ свое жилище; это справедливо и потому, что жители щастливой положеніемъ Малороссіи не были никогда номадами и не могутъ быть варварами. Посмотримъ, что говорятъ объ нихъ иностранцы».

Засимъ М—чъ приводитъ слѣдующую выписку изъ книги Фрибе (Ueber Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur etc. 1796 г.).

«Въ Малороссіи видна великая степень промышленности. Дворяне занимаются разными до экономіи и торговли касающимися предметами; и ихъ примѣру слѣдуетъ даже земледѣлецъ. Садикъ его съ огородною зеленью и разнаго рода плодами служитъ доказательствомъ его прилежности и исправнаго хозяйства. Правда, что сему благосостоянію способствуетъ нѣсколько хорошее свойство кряжа, однако въ другихъ странахъ, имѣющихъ такое же преимущество, незамѣчено подобнаго расположенія къ домашнему хозяйству. Малороссіане важны, вѣрны, открыты безъ рабскаго униженія и безъ под-

лой лести, меньше употребляют горячіе напитки, нежели великороссіане и любятъ музыку».

Не ограничаваясь Фрибе, приводится изъ Шерера, что «Малороссіане мужественны, проворны, великодушны, безкорыстны, неустойчивы, смѣлы, храбры...» За симъ слѣдуетъ заключеніе самаго М—ча:

«Казалось бы, что всякій народъ, имѣющій столько въ себѣ самомъ и въ своей странѣ преимуществъ, могъ-бы уже нѣкоторымъ образомъ возвышаться предъ другими; но напротивъ того малороссіанцы отъ природы и вротокъ и добры; онъ имѣетъ только важную наружность и можетъ быть нѣсколько тщеславія. Съ какою ласкою, съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ принимаетъ онъ всякаго проѣзжаго. Онъ радъ, если въ состояніи его накормить, помочь ему—и благородный духъ его оскорбляется, когда предлагаютъ ему за то награду. Бѣдность не доводитъ малороссіанъ до преступленій. Въ городахъ и селахъ построены *штитали* или *богачельни*, гдѣ бѣдные и страждущіе имѣютъ спокойное пристанище. Всякой по достатку надѣляется ихъ пищею и одеждою...»

«Въ древнія времена жители Малороссіи говорили языкомъ словенскимъ, но потеряли или испортили его въ то время, когда находились въ плѣну у татаръ, литовцовъ и поляковъ. Не смотря на то, въ нынѣшнемъ малороссійскомъ языкѣ, или собственно нарѣчій, видны еще нѣкоторые отбѣнки и щастливаго климата и нѣжнаго свойства души образователей его. Естьли выбросить изъ него всё грубыя слова, употребляемыя простолюдиномъ, исключить заимствованныя отъ нѣмцевъ, французовъ, крымскихъ татаръ—и судить тогда о немъ, судить о духѣ его: то надобно признаться, что онъ нѣженъ, пріятенъ и наполненъ патетическими выраженіями, уменьшительными словами, кои произошли конечно не отъ другаго чего, какъ отъ тонкаго чувства его изобрѣтателей. Можно назвать его языкомъ любви, или по крайней мѣрѣ весьма способнымъ выражать живо чувства любви.

Возмемъ въ примѣръ малороссійскія пѣсни: въ нихъ помѣщены прекрасныя подобія и картины природы, простое, но пылкое изъясненіе любви—и голоса ихъ всегда соотвѣтствуютъ мыслямъ. Естьли содержаніе ихъ трогательно, естьли представляетъ оно разлуку съ милымъ или съ мать-страною, то съ разительною гармоніей тоновъ изливается вмѣстѣ самая сила чувства и выраженій. Наученная одною природою пѣвица заставляетъ и горевать съ собою природу. Она

разсказываетъ свое несчастіе всѣмъ окружающимъ ее предметамъ, просить летящихъ птичекъ донести извѣстія о ней въ милую ея родину, и музыка въ устахъ ея бываетъ живою картиною всѣхъ томныхъ движеній горящей души. По врожденной склонности малороссіянъ къ музыкѣ, страна ихъ въ Россіи то же, что въ Европѣ Италія.

Малороссіянне научились отъ поляковъ брить бороду и голову, но сей обычай теперѣ нѣсколько измѣняется. Жители стародубовскаго и мглянскаго повѣтовъ обрѣзываютъ головные волосы, какъ великороссіянне, а степовики начинаютъ (?) стричься такимъ образомъ какъ запорожцы, т. е. всю голову вокругъ, оставляя надъ лбомъ длинный клочокъ, называемый *чуприною*¹⁾. Они дѣлаютъ то отчасти для легкости и для того, чтобы избавиться сродной имъ вмѣстѣ съ поляками болѣзни, называемой *ковтуномъ*...

Одежда Малороссіянъ не имѣетъ ничего щеголеватого, но важна и покойна. Между простымъ народомъ мужчины носятъ такъ называемую *свитку*, изъ сѣраго, чернаго и бѣлаго сукна, которая нѣсколько схожа съ русскимъ платьемъ, а у женщинъ *свитки* всегда бѣла и шьется особливимъ покроемъ. *Кобенякъ* степнаго жителя есть родъ шинели и отличается отъ свитки тѣмъ, что дѣлается съ капюшономъ назади, который называется *отлоюю*. Женщины носятъ на головѣ *очепокъ*, сдѣланный на подобіе простаго чепца, и повязываютъ его длиннымъ кускомъ холста или *повязью*; а выходя изъ дому и въ праздники, надѣваютъ сверхъ того *намѣтку*, то есть длинный кусокъ сарпанки, повязываемый на подобіе покрывала у монахинь. Вѣсто юнки привязываютъ онѣ два куска шерстянныхъ матерій, кои называютъ *запаскою* и *пахтою* или *панівоюю*. Деревенскія дѣвушки заплетаютъ волосы въ *связку* и въ *косники*, переплетаютъ оныя шелковыми снурками и навязываютъ верругъ головы длинными ленты, кои называютъ *строчками* или *стрѣчками*. Придерживающіеся старины дворяне носятъ польское, козацкое или кабардинское платье и брѣютъ голову въ кружокъ; а таковыя же между женщинами одѣваются въ *кунтыши* и носятъ на головѣ *кораблики*.

Въ обычаяхъ и обрядахъ поселянъ видно нѣсколько стариннаго, суевѣрнаго и много замысловатаго. При началѣ годовыхъ вре-

¹⁾ Это свидѣніе возбуждаетъ сомнѣніе въ его дѣйствительности. Стрижка волосъ на головѣ и оставленіе одной чуприны—обычай въ Малороссіи очень старинный, какъ это видно напр. по стариннымъ портретамъ. См. Киевск. Стар., 1891 г., № 1, стр. 186 и слѣд.

мень или главныхъ земледѣльческихъ упражненій, бываютъ у нихъ разныя увеселенія и какъ бы празднества. Такъ, напримѣръ, весною деревенскія дѣвушки садятся при захожденіи солнца на зеленой травѣ и поютъ *веснянку* или пѣснь весны; а скучные вечера зимы проводятъ онѣ въ своихъ собраніяхъ и балахъ, называемыхъ *вечерницами* и *ширицами*, гдѣ играютъ на скринкѣ, поютъ пѣсни и пляшутъ. Любопытнѣйшіе изъ обрядовъ свадебные, но объ нихъ сказано будетъ подробно въ другомъ мѣстѣ.....»

«Теперь рассмотримъ характеръ малороссіянъ. Взгляните на жителей сѣверной части, особливо, когда разсмотрѣли степныхъ. Въ самой наружности первыхъ не увидите вы той нѣги, какова у послѣднихъ; въ ихъ духѣ найдется нѣкоторый родъ апатіи и холодъ, который, такъ сказать, переселяется туда изъ ихъ мрачныхъ лѣсовъ; и вы почувствуете всю справедливость мыслей Бюффона, что воздухъ и земля имѣютъ вліаніе на видъ человѣка и въ странѣ, гдѣ воздухъ влаженъ, люди по большей части не столь пригожи и не замысловаты. Сѣверный малороссіянине имѣетъ однако и свои преимущества. Онъ болѣе привязанъ къ трудамъ и смѣлѣе южнаго, который, родясь, такъ сказать, средь нѣги и роскоши, почти не имѣетъ случаевъ, кои бы принуждали его къ тому. Но свойственныя послѣднему живныя и нѣжныя чувства столь чужды для жителей лѣсной части, что она не имѣетъ почти никакихъ чувствительныхъ и пріятныхъ пѣсень.—Они не такъ рослы и видны, какъ степные, что происходитъ частью отъ влажности и стужи, частью и отъ образа ихъ жизни, ибо они не столь опрятны и употребляютъ грубѣйшую пищу. Ихъ называютъ обыкновенно *литвинами*, и въ самой Малороссіи говорятъ о нихъ столько же, какъ во Франціи о гасконцахъ, въ Германіи о швабахъ. Такова участь и нарѣчія ихъ, которое щекочетъ ухо малороссіяннина степной и средней полосы. Избы у нихъ, не смотря на излишество лѣса, построены непрочно и безъ трубъ, отъ чего живущіе тамъ, по причинѣ всегдашняго дыма, часто подвержены глазнымъ болѣзнямъ. Литвины склонны къ охотѣ, ловятъ на лыжахъ и нартахъ двѣмъ козъ, сражаются съ медвѣдями и выучиваютъ ихъ плясать. Прочія упражненія ихъ состоятъ въ сидкѣ смолы или дегтя, горшечномъ ремеслѣ и строеніи рѣчныхъ судовъ, то есть байдаковъ, дубовъ, лодокъ и човновъ.—Украинна съ своими богатыми степями, великимъ скотоводствомъ и добродушными жителями, есть другая Швейцарія. Поляки называли ее *молочною землею* потому, что жители кормятся больше молочнымъ и даже мужчины не стыдятся донть овецъ. Украинцы рослы

и статны; въ чертахъ лица ихъ видна какая то важность, но въ поступкахъ кажутся изнѣженными и роскошными, за что можно бы винить самую природу, естлибъ я могъ провзнести на нее хулу. Они надѣлены нужнымъ для жизни и для самаго удовольствія въ жизни такъ обильно, что не знаютъ многихъ заботъ и спокойны. Недостатокъ лѣса замѣняютъ они употребленіемъ соломы, нефорощи, тростника и кизяковъ, то есть сушенаго навоза. Жилища свои строятъ изъ хвороста и обмазываютъ глиною такъ искусно, что издали кажутся каменными. Печи въ сихъ мазанкахъ съ трубами, однако не смотря на то зимою онѣ теплѣ литовскихъ избъ. И такъ степной малороссіанинъ лучшій архитекторъ, нежели лѣсной, потому что нужда лучшій учитель, нежели изобиліе. Жители средней части составляютъ какъ бы средину между литвинами и степовиками; однако они замысловатѣе первыхъ и проворнѣе послѣднихъ. Они занимаются торговлею, охотою, рыбною ловлею, разными ремеслами; и обыкновенныя упражненія ихъ не такъ однообразны, какъ у жителей лѣсной части. Нарѣчіе ихъ лучшее и пріятнѣйшее во всей Малороссіи.

Пятая глава—малороссійская гидрографія,—поясняется другимъ, болѣе подробнымъ ея заголовкомъ—„описаніе историческое и физическое примѣчательнѣйшихъ рѣкъ, текущихъ въ Малороссіи, съ означеніемъ стоящихъ при оныхъ городовъ и важнѣйшихъ селеній“ (стр. 68—89).

Въ этой главѣ заключается почти одна номенклатура рѣкъ и рѣчекъ съ указаніемъ находящихся при нихъ болѣе замѣтныхъ поселеній. Поясненія автора относительно рѣкъ—коротенькія и не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго, за весьма малыми исключеніями, напр., о рѣчкѣ Хоролѣ замѣчено, что „славится тѣмъ, что въ раковинахъ ея находятъ иногда мелкій жемчугъ“.

Послѣдняя глава—„исчисленіе минераловъ, открытыхъ до сего времени въ Малороссіи“ (стр. 90—98),—не смотря на краткость свѣдѣній, заключаетъ однако въ себѣ иногда любопытныя показанія автора, какъ видно добытыя имъ на мѣстѣ, при непосредственныхъ изысканіяхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ таковыхъ свѣдѣній:

«Селенитъ находится или въ смѣси съ *албастромъ* или *мермалемъ*, какъ напр. въ округѣ Лохвицы, при рѣкѣ Сулицѣ; или въ

видѣ кристалловъ, въ берегахъ Ворсклы. Простый народъ называетъ послѣдніе *землянымъ сердцемъ* и употребляетъ въ порошокъ отъ сердечныхъ болѣзней». — «Въ степной части, при рѣкахъ Хоролѣ и Пслѣ и около села Бахмача, въ бывшемъ Коропскомъ уѣздѣ, находятся *озерца* или *лужи*, въ которыхъ вода столько *солона*, что сваренное съ оною кушанье не требуетъ соли. Однако сіи *солончаки* не такъ богаты, чтобы можно было вываривать изъ нихъ соль». — «*Желѣзная болотная руда*, называемая минералогиками *Sumpfer, mine de fer limoneuse*, находится во многихъ мѣстахъ лѣсной и средней части, какъ въ болотахъ, такъ и въ самыхъ рѣчкахъ». — «Что касается до рѣкъ содержащихъ желѣзную окру, то есть таковыя въ степной части, напр. рѣки *Журавка, Годуновки* и *Ржавецъ*.» «При рѣчкѣ *Лыбеди*, текущей у Кіева, есть настоящіе *марціалльные ключи*, но вода въ оныхъ не вкусна; а въ окрестностяхъ Батурина есть источники желѣзнаго свойства, имѣющіе довольно пріятную воду. Рѣчка *Рудня*, находящаяся въ окрестности Городни, содержитъ также желѣзную окру, но вода въ ней не чиста и не здорова».

Вотъ содержаніе книжки М—ча. — Прежде всего, мы видимъ здѣсь, что тотъ ученый аппаратъ, который былъ приготовленъ авторомъ, употребленъ имъ для первой книжки лишь въ незначительной части, такъ какъ „историческое обозрѣніе страны, называемой нынѣ Малою Россіей“ осталось въ первой книжкѣ далеко не конченнымъ. Слѣдующія главы не требовали книжныхъ изысканій. Въ этихъ главахъ лучшія—вторая, третья и четвертая; въ нихъ авторъ представилъ очень обстоятельное по времени обозрѣніе особенностей Малороссіи, обрисовавъ какъ внѣшнюю природу, такъ и характеристику народа. Говоря о сословіяхъ, М—чъ повторяетъ теорію о началѣ малорусскаго дворянства съ того времени, когда *польскій король Казимиръ В. жаловалъ де симъ достоинствомъ всѣхъ вѣрныхъ и храбрыхъ малороссіянъ*... Теорія эта, принадлежащая Г. А. Полетикѣ, повторяется изыскателями малорусской старины почти до половины настоящаго вѣка.... Въмѣстѣ съ тѣмъ М—чъ является тѣмъ же сыномъ своего времени, повторяя принадлежавшее его же времени убѣжденіе, что—

«Запрещеніе посполитымъ перехода отъ одного господина къ другому прекратило великіе безпорядки и повело къ тому, что они

начали болѣе заниматься трудами и промыслами...» Характеристика Малороссіи по полосамъ, обрисовка особенностей *Польска* и *Украины* (*степи, полей*) указываютъ, что М—чъ хорошо зналъ Малороссію непосредственно и обладалъ наблюдательностью. Нѣкоторыя мѣста этой части книжки прикрашены сентиментализмомъ, но отъ послѣдняго трудно было уберечься автору, справедливо назвавшему себя «юнымъ сыномъ, посвящающимъ первый опытъ своихъ позваній и чувствованій мать-странѣ своей...»

Авторъ не думалъ ограничиваться напечатанною книжкою, имѣя въ виду выполнить тотъ планъ ея продолженія, о которомъ онъ говоритъ въ предисловіи. Въ приложенныхъ къ книжкѣ двухъ листикахъ съ указаніемъ на „погрѣшности“, помѣщены и нѣкоторыя „замѣчанія“; здѣсь М—чъ, объясняя слово *тверица*, между прочимъ, говоритъ, что о семъ онъ будетъ говорить подробнѣе въ „исторіи малороссійской торговли“; далѣе онъ замѣчаетъ, что въ какой нибудь *изъ слѣдующихъ частей* „Записокъ“ помѣщены будутъ „метеорологическія наблюденія, дѣланная въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи“. Но кромѣ этихъ указаній о желаніи М—ча продолжать свои „Записки о Малороссіи“, мы имѣемъ еще три его рукописныя тетради, въ которыя М—чъ, вносилъ, послѣ напечатанія первой книжки, матеріалы для слѣдующихъ. Находящіяся въ этихъ тетрадяхъ замѣтки тѣмъ болѣе интересны, что часть ихъ записана М—чемъ во время его „поѣздки по Малороссіи въ 1798 г.“, т. е. послѣ напечатанія первой книжки, цензурное разрѣшеніе которой подписано 23 января 1798 г.—Одна изъ этихъ тетрадей, озаглавленная—„Выписки касающіяся до Малой Россіи“, начинается перечнемъ книгъ, изъ которыхъ М—чъ предполагалъ сдѣлать выписки; здѣсь, кромѣ русскихъ печатныхъ сочиненій, которыми М—чъ пользовался уже раньше, до напечатанія своей книжки, названы еще слѣд. иностранныя сочиненія: *Namrards, Reise, Voyage des deux francais en Russie, Geschichte der merkwürdigsten Reisen, v. Erhmann, 1791, Fabri, Geographisches Magazin, 1784, Anecdotes zur Lebensgeschichte des Ritters und Reichsfürsten P., 1792.*—Послѣ этого перечня слѣдуютъ выписки. Девять полныхъ страницъ (въ 4—ку) составляютъ выписки изъ книги Гаммарда—*Reise durch Oberschle-*

sien nach der Ukraine, — при чемъ выписки эти сдѣланы по-французски, въ то время какъ путешествіе Гаммарда написано по-нѣмецки¹⁾. Повидимому, М—чь, дѣлая выписки изъ нѣмецкой книги, тутъ же эти выписки и переводилъ на французскій, записывать на которомъ ему, значить, было легче чѣмъ по нѣмецки?—Послѣ Гаммарда почти столько же выписокъ дѣлаеть М—чь „изъ новаго изданія описанія о всѣхъ русскихъ народахъ, г. Антоновскаго“. Здѣсь интересно указаніе М—ча на автора Антоновскаго. Извѣстной книги Георги—Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійск. государствѣ народовъ—въ русскомъ переводѣ имѣется два изданія: одно—1777—1779 г., въ 3-хъ частяхъ, и другое—1799 г., въ 4-хъ частяхъ. На это послѣднее изданіе и указываетъ М—чь, именно на его четвертую часть, заключающую въ себѣ свѣдѣнія „о народахъ монгольскихъ, объ армянахъ, грузинахъ, индійцахъ, нѣмцахъ, полякахъ и о владычествующихъ россиянахъ, съ описаніемъ всѣхъ наименованій козаковъ, также исторія о Малой Россіи и купно о Курляндіи и Литвѣ“. Никакого упоминанія объ авторствѣ этой части Антоновскаго въ книгѣ нѣтъ, но свѣдѣніе о томъ, что четвертая часть книги *Описаніе всѣхъ народовъ* написана Антоновскимъ—вѣрно²⁾. Извѣстность М—чу автора анонимной книги указываетъ на его близкое знакомство съ тогдашней литературой.—Кромѣ слѣдующихъ послѣ Антоновскаго обширныхъ выписокъ изъ „Новаго и полн. геогр. словаря Россійск. госуд.“, Максимовича, (1788—1789 г., 6 ч.), тутъ же находятся и отрывочныя замѣтки М—ча, безъ обозначенія источника.

¹⁾ Подробное изложеніе книги Гаммарда см. въ Кіевск. Стар., 1891 г., № 7, стр. 160—169, статья Е. Смицкаго.

²⁾ Объ этомъ говоритъ самъ авторъ *исторіи о Малой Россіи*, М. И. Антоновскій (род. 1759 г., въ Боранѣ), въ своихъ „Запискахъ“, — „Описаніе народовъ, обитающихъ въ Россіи, три части, съ нѣмецкаго исправилъ и почти вновь сочинилъ, а четвертую всю отъ себя сочинилъ“.—Русск. Арх. 1885 г., I, 161. Объ Антоновскимъ см. также—Черн. Губ. Вѣд. 1891 г., №№ 44 и 45, гдѣ въ „родословіи“ Антоновскихъ находится автобіографическое показаніе Мих Ив—ча Антоновскаго. Принадлежность четвертой части книги Георги—Антоновскому извѣстна была и Сошникову, см. ч IV, № 5736.

— «Гетманъ назывался Богданъ Михайловичъ, а не Яковлевичъ, какъ сказалъ Голиковъ въ Дополнен. къ дѣяніямъ Петра В., III, 33».

— «Въ 1780 г., въ 29 февраля, сгорѣло драгоцѣнное собраніе книгъ Кіевской академіи, между которыми и послѣдніе манускрипты сгорѣли».

— «По повелѣнію Петра I переведены на славянскій языкъ историческія латинскія и полскія книги Кромера, Бѣльскаго, Стривовскаго, Ивана Коховскаго».

— «Сожъ рѣка простонародно—Сужъ».

— «Съ будущаго 799 года отдаются впредь на 4 года въ откупъ состоящія въ Малороссійской губерніи оброчныя статьи, а именно, въ повѣтахъ Черниговскомъ: питейныхъ домовъ—17, продажъ—26, мельницъ волянныхъ—40, рыболовныхъ озеръ—39, дегтяныхъ майдановъ—5, заводовъ стеклянныхъ—2, желѣзоплавильный—1. Глуховскомъ: питейн. домовъ—57, продажъ—5, мельн. вод.—68»...

И далѣе—полная страница такого перечня.

«Разныя слышанныя извѣстія касательно Малороссіи.—Въ пещерахъ Троицкаго м.—ря есть великое множество костей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежатъ они такими кучами, что трудно пробираться а перелазить должно. По простонародному извѣстію произошли оныя во время татарскаго нападѣнія, когда народъ въ оныхъ пещерахъ скрывался и татары узнавъ то, задушили оныхъ зажженнымъ огнемъ».

— «Въ Черниговѣ, когда у церкви Спаса ломали излишніе притворы, то нашли при основаніи стѣны гробницу, въ коей лежала женщина въ богатомъ уборѣ и при ней дитя. Архіерей Теофилъ велѣлъ опустить гробъ ниже».

Послѣ этого слѣдуютъ выписки изъ Гильденштета и Бюшинга („Описаніе Малороссіи“, при чемъ эти выписки приведены на французскомъ языкѣ) и особенно пространныя выписки—изъ „Записокъ касательно Россійской Исторіи“. А засимъ слѣдуютъ: „Замѣчанія по случаю поѣздокъ моихъ по Малороссіи, въ 1798 году.“ Что можно здѣсь прочесть (по неразборчивости почерка) выписываемъ.

— «Отъ Переяслава до Ташани, по дорогѣ, попадаются весьма большіе курганы, стоящіе уединенно, кои суть конечно не что иное какъ памятники сраженій еще во времена великихъ князей бывшихъ. Одинъ изъ нихъ, около самой Ташани, назвали нѣ Игоровою могилою».

— «За Лохвицею, надъ Сулою, идегъ высокое возвышеніе или гора».

— «Всѣ окрѣжности Сухопоовки¹⁾ составляютъ весьма неровную площадку; вездѣ на ней лощины, возвышенія, рытвины, провалыя, кои когда бывають покрыты хлѣбомъ, то представляютъ восхитительную картину. Тутъ въ окрѣжности растеть турецкій перецъ, который я въ Червиговѣ видѣлъ».

— «Отъ Розлетскаго перевозу²⁾ до села Иванькова находятся для меня самыя лучшія мѣстоположенія, особливо ѣдучи отъ Иванькова; вдали голубые лѣса по той сторонѣ Десны находящіяся, по сторонамъ дороги глубокія лощины, покрытыя по косогорамъ орѣшникомъ..... Въ окрѣжности Крисокъ, Понурницы есть глубокія лощины и многіе холмы надъ протокомъ Головесною и на поляхъ..... множество зайцовъ, а въ орѣшникахъ. . . и . . . много бѣлокъ и соней, попадаются дикія козы.—Къ Глухову, по дорогѣ къ с. Березѣ, есть хорошій источникъ, которой назывался въ старину гетманскимъ.— Въ Изруичахъ³⁾ въ сторонѣ Стародуба, есть также источникъ, который, какъ говорятъ, бьетъ весьма сильно.. чистую воду. Простой народъ говоритъ, что тамъ выпираеть.. чудовище, но это басня».

— «Въ селѣ Кувошевцѣ, при самомъ городѣ Борзнѣ стоящемъ, есть весьма хорошій и обширный садъ, Кочубею принадлежащій, который, какъ говорятъ, почестъ можно рѣдкостью».

— «Въ окрѣжности Борзны, въ селяхъ, разводятъ табакъ разныхъ сортовъ, особенно американскій, виргинскій, оморфортскій, который закупають у нихъ русскіе купцы для отвозу въ Сибирь. Табакъ былъ прежде въ Малороссіи очень дешево и даже по 1 и 1¹/₂ копѣйки пануша, но теперь доходило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 12 коп., а въ другихъ, гдѣ щитали за дешевизну, по 7 коп. каждая пануша стоила. Говорять, что причина сей дороговизны произошла отъ польскихъ закушниковъ, кои для обращенія сего торга къ Польшѣ, сами большую цѣну посулили».

— «Около Сорочинецъ былъ одинъ такой выхрь, что овецъ и быковъ заносилъ въ рѣку и искорнерковалъ совершенно».

— «Во время большихъ засухъ, какова напр. была лѣтъ семъ году въ Малороссіи, случается, что цѣна муки бываетъ втрое и въ пятеро дороже самыхъ зеренъ. Теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жито стоитъ 80 коп. четверть, а пудъ муки ржаной 40 коп.».

¹⁾ село Лохвицкаго уѣзда.

²⁾ село Розлеты, надъ Десною, Кролевецк. уѣзда.

³⁾ Узруй хуторъ—около Н. Сѣверска.

— «Въ Роменскую ярмарку приѣзжаютъ изъ Крыма множество арнаутовъ съ сырыми и чинеными гожами, особливо мерлушками».

— «Между Сварковомъ ¹⁾ и Дергуновымъ хуторомъ есть старое городище надъ самою рѣкою Клевенью,..... валу четверугольникомъ расположеннаго. Простой народъ говоритъ, что въ старину былъ городъ, но оный завалился. Говорятъ также, что въ томъ городищѣ и окрестностяхъ онаго сыскивали. . . . старинныя деньги и теперь по увѣренію.. сыскать можно».

— «Въ самой Малороссіи была столь сильная зима, что птицы замерзали.. Я самъ видѣлъ замерзшаго на сѣдалѣ пѣтуха».

— «За Горскомъ ²⁾ надъ рѣкою Сновью, есть Каменскій монастырь, бывшій прежде мужскимъ, а теперь женскій, куда изъ Пятицкаго Черниговскаго м—ря перевели монахинь, названъ такъ потому что лежитъ на каменномъ грунтѣ сѣраго дикаго камня, изъ коихъ есть весьма огромные. Говорятъ объ нихъ, что они и теперь растутъ и выворачиваютъ дубы, такъ построена тамъ деревянная церковь, у коей подъ основаніемъ былъ съ одной стороны большой камень, и чрезъ нѣсколько лѣтъ церковь эта наклонилась на другую сторону и стала совсѣмъ наклонъ, чѣмъ также доказывается растеніе тамошнихъ камней. Тамъ производится также каменная ломка».

— «Около Горска дѣлаютъ на медвѣдей клѣтки. . . . коими ловятъ медвѣдай, а внизу колками убиваютъ довольное пространство . . . . Также литвины стрѣляютъ медвѣдей, сидя на соснѣ...»

— «О вронскожденіи Райгородка ³⁾ разсказывали мнѣ слѣдующее: былъ нѣкогда въ Новгородѣ-Сѣверскомъ князь, который имѣлъ нехорошую нравомъ сестру, которую какъ-то хотѣлъ прогнать, то она обокравъ его, сама ушла и поселилась надъ Десною, на мѣстѣ имѣющемъ красивое по горамъ и долинамъ мѣстоположеніе. Князь узнавъ сіе, приѣхалъ туда и поелику мѣсто то ему весьма понравилось, то онъ простилъ сестру и назвалъ новое селеніе Райгородкомъ т. е. приятнымъ какъ рай мѣстомъ. Означенная княжна умерла тамъ же и говорятъ, что могила ее и теперь при ономъ селеніи подъ именемъ князь-могила существуетъ».

— «Въ Лушникахъ ⁴⁾ есть также боръ, называемый князь-боръ».

¹⁾ С. Сварковъ — мѣсто родины М-ча.

²⁾ М. Горскъ — въ Городицкомъ уѣздѣ.

³⁾ Село Кролевецкаго уѣзда.

⁴⁾ Село того же уѣзда.

— «Я видѣлъ богословскую книгу на польскомъ языкѣ, печатанную въ Черниговскомъ Троицкомъ Ильинскомъ м—рѣ, въ 1680 г.»¹⁾.

— «Въ Серединой Будѣ²⁾ дѣлають мыло».

— «Въ 1798 г. зима въ Малороссіи была весьма жестока, сильныя морозы до 30 градусовъ и снѣгъ въ нѣсколько аршинъ глубины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгъ былъ еще въ концѣ апрѣля, хотя тогда же въ другихъ цвѣли. . . . ».

Другая тетрадка озаглавлена такъ: „Физическое описаніе Малороссіи. Изъ Гильденштета въ 1774 году. 1798. Въ Спбурѣ.—Выписки изъ путешествія Зуева отъ Спб. до Херсона въ 1781 и 1782 годахъ. 1799. Слыш. извѣстія. 1800“. Вся эта тетрадка, въ 16 стр., занята выписками впрочемъ изъ одного только Гильденштета, которыя М—чъ дѣлалъ порусски.—Послѣдняя тетрадка—„Flora ukrainica, 1798“—вся наполнена азбучнымъ спискомъ растений, по-латыни, причемъ переводъ названій приводится лишь изрѣдка, напр., *cognus sanguinea*—свидина, *coyulus*—лѣщина, *clematis recta*—при Днѣпрѣ, въ степи,—ломоношь, *leontodon taraxacum*—кульбаба, *quercus robur*—въ Кременчугѣ и при Днѣпрѣ, *stipa pennata*—ковыль, койло, *viburnum lantana*—гордь дерево... По этимъ поясненіямъ можно думать, что М—чъ имѣлъ въ виду собрать мѣстныхъ названій растений.

Приведенныя свѣдѣнія о черновыхъ работахъ М—ча несомнѣнно говорятъ, что онъ первые два года послѣ изданія начала „Записокъ“ усердно занимался собираніемъ матеріала для продолженія ихъ. Но кромѣ того, у М—ча въ послѣдніе годы его жизни имѣлась уже и довольно значительная бібліотека, заключавшая въ себѣ почти всѣ тѣ книги, какъ на русскомъ такъ и на иностранныхъ языкахъ, которыя могли служить ему матеріаломъ для продолженія „Записокъ о Малороссіи“³⁾. Но

¹⁾ Noty pięc ran Chrystusowych pięc, przez Lazarza Baranowicza. Wtypographiey monastera S. Troicy Ilinskiego Czernihowskiego. Roku 1680.

²⁾ Новгородсѣверскаго уѣзда.

³⁾ Послѣ смерти М—ча составленъ былъ реестръ его книгъ—366 названій,— между которыми видимъ слѣдъ сочиненія: 1) Описаніе Россійскаго государства, на нѣмецк. яз., 2) Исторія Ю. Винкельмана о древностяхъ, 3) Словарь Россійской академіи, 4) Путешествіе чрезъ Россію на Кавказскія горы, Ю. А. Гильденштета,

не осуществились благія намѣренія молодаго изыскателя родной старины. Помѣха произошла отъ той же молодости М—ча, при видимомъ отсутствіи при томъ всякой воли. Воспользовавшись послѣднимъ обстоятельствомъ, петербургскіе пріатели М—ча втянули его въ кутежи, потребовавшіе постоянныхъ тратъ, послѣдствіемъ которыхъ явились долги... Издерживая получаемыя изъ дому денежныя присылки „скоро и безрассудно“, М—чь требовалъ отъ матери новыхъ присылокъ и при томъ въ такомъ количествѣ, что мать, повидимому, не могла и удовлетворять этихъ требованій безъ обиды другихъ своихъ дѣтей. Не получая изъ дому денегъ, М—чь принужденъ былъ ихъ занимать, платить огромные проценты и этимъ мало по малу—затягивалъ петлю на своей шеѣ... Ставъ въ положеніе неоплатнаго должника и испытывая мученія отъ назойливыхъ требованій кредиторовъ, М—чу было не до „Записокъ“...

Какъ прожилъ онъ послѣдніе годы своей недолгой жизни видно изъ той же его съ матерью переписки, которая сохранилась впрочемъ далеко не вполне.

на нѣмец. яз., 5) Описание всѣхъ въ Россіи обитающихъ народовъ, 6) Гмелина, Путешествіе по Россіи, 7) Палласа, Путешествіе по Россіи, на франц. яз., 8) Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, 9) Флора сибирика, на латинск. яз., 10) Дневныя записки Ив. Лепехина, 11) Описание Камчатки, 12) Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, 13) Описание Курскаго намѣстничества, 14) Грамматика чувашскаго языка, 15) Фивич. опис. Таврической области, 16) Польская исторія на нѣмецк. яз., 17) Исторія натуральная о птицахъ и звѣряхъ, на нѣмецк. яз., 18) Ла републик де Платонъ, на французск. яз., 19) Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющихъ Россійскую исторію, 20) Записки В. Зуева, 21) Дѣтонецъ Архангелогородскій, 22) Древн. Россійск. гидрографія, 23) Описание Казани, Астрахани и Оренбурга, на нѣмецк. яз., 24) Жизнь кн. Владиміра, рукописная, въ кож. перепл. 25) Описание Азова, 26) Опис. Харьковск. намѣстн., 27) Описание Очаковск. земли, 28) Летья персамъ, 29) Описан. Ворон. губ., 30) Изображеніе одежды обитающихъ въ Россійск. госуд. семь тетрадей, 31) Россійскій магазинъ Ф. Туманскаго и т. д. Кромѣ книгъ историческаго содержанія, въ 6—къ М—ча имѣлось болѣе 20-ти сочиненій по естественной исторіи, на франц. и нѣмецк. языкахъ. Любовь М—ча къ послѣдней указываетъ и то небольшое собраніе предметовъ по естеств. исторіи, которое значится по описи оставшагося послѣ М—ча имущества, напр. „шкалъ за стекломъ, въ коемъ собраніе минеральныхъ вещей; стеклянная банка большая съ желтобрюхомъ въ спиртѣ, летучая мышь въ другой банкѣ, въ третьей банкѣ двѣ птички калибри, да въ четвертой червякъ.....“. По этой же описи значится и коллекція монетъ, заключающая въ себѣ до 700 однихъ серебр. монетъ.

Мы видѣли, что на просьбу М—ча прислать 500 р. для напечатанія первой книжки „Записокъ“, мать прислала ему только 300 рублей. М—чу мало было этой присылки и онъ потребовалъ новой. Но мать рѣшила разъ навсегда ограничить безконечныя требованія сына. Въ письмѣ 23 ноября 1797 г., она пишетъ послѣднему: „Денегъ посылаю тебѣ 500 рубл. и увѣрю тебя, что я больше тебѣ въ годъ не пришлю, какъ тысячу рублей, то ты сіи денги получа и располагай такъ оными, чтобы на годъ стало, ибо ты ни на що не рассуждаешь, ни на наше обширное семейство, ни на то, что у тебя сестры уже болшии, надобно и для нихъ что собрать, но я ничево еще не имѣю по причинѣ разныхъ расходовъ“.—Въ сохранившихся запискѣ нѣсколькихъ письмахъ М—ча къ матери, за 1798—1802 годы, заключаются только свѣдѣнія о ходѣ сенатскихъ процесовъ, которые отецъ М—ча велъ съ своими сосѣдами за разные земельныя захваты и—все тѣ же просьбы о присылкѣ денегъ... Но мать упорно продолжала отказывать, указывая сыну на другія семейныя потребности. А сынъ не внималъ и продолжалъ требовать новыхъ присылокъ. Вотъ одно изъ такихъ его писемъ къ матери, писанное 5 февраля 1803 г.—„Я имѣлъ честь получить нѣсколько писемъ отъ васъ, и не отвѣчалъ потому, что ожидалъ выполненія моихъ потребностей, но къ величайшему прискорбію моему, не получая до сихъ поръ милостивого вниманія вашего, рѣшился еще со слезами молить васъ умилосердиться надъ душевною скорбью моею и слабымъ здоровьемъ моимъ. Есть ли сколько нибудь для васъ стоютъ здоровье и спокойствіе мое, то я прошу васъ всенижайше и прошу рѣшительно—прислать со всевозможною скоростію просимые двѣ тысячи рублей къ половинѣ слѣдующаго мѣсяца. Я въ такихъ грустяхъ, что клянусь Богомъ, что радъ бы проститься съ жизнію, есть ли бы надежда на ваше чувствительное сердце меня нѣсколько не успокоивала. Поберегите меня, м. г—ня матушка, и выполните мою низжайшую прозьбу. Я уже съ мѣсяцъ не выхожу изъ горницы, ослабѣлъ совершенно и молю Бога, чтобы онъ укрѣпилъ меня терпѣніемъ Іова пе-

ренестъ ежедневно увеличивающіяся печали и невинныя страданія мои. Не имѣю силъ заниматься ни чѣмъ стороннимъ....“.

Изъ этого письма видно, что у М—ча явились такіе расходы, что той тысячи рублей, которую назначала ему мать въ годъ на жизнь, было далеко не достаточно, при чемъ хотя въ одномъ письмѣ М—чъ и говоритъ, что деньги ему нужны для веденія отцовскихъ процессовъ, но затѣмъ не скрываетъ уже отъ матери, что деньги нужны также и для уплаты долговъ, которые онъ надѣлалъ, пользуясь удовольствіями столицы.

26-го марта 1803 г. М—чъ пишетъ матери: „Я имѣлъ честь получить по предувѣдомительному письму присылку денегъ, но видно судьбамъ Вышняго угодно испытывать терпѣніе мое непрерывною цѣпью несчастій. По отпускѣ послѣдняго моего къ вамъ письма, начали въ сенатѣ поговаривать о дѣлѣ нашемъ съ козаками Калкаевскими ¹⁾, яко близкомъ къ слушанію; я, не смотря на слабость свою и болѣзнь, бѣгалъ вездѣ, просилъ, молилъ и послѣ сухихъ отвѣтовъ, наконецъ, надобно было дать порядочную сумму, потому что въ сенатѣ по пріязни секретаря Давидовича съ Требинскимъ, всѣ не на моей сторонѣ... Я всѣ силы употреблялъ достать гдѣ нибудь хоть тысячу рублей на первой разъ... Среди такого огорченія получилъ я отъ васъ деньги, и такъ какъ еще не были посланы по оному дѣлу указы, то я всѣ силы употребилъ приостановить ихъ, и вообразите безсовѣстность людей, что за такую малую милость долженъ былъ я дать тысячу рублей. Я не пожалѣлъ такой важной суммы, чувствуя, что дѣло сіе составляетъ едва ли не все состояніе семейства нашего... Изъ остальной тысячи заплатилъ я Рачинскому 960 р., забратыхъ у него для дороги и экипировки и расплатъ предъ отъѣздомъ. И теперь у меня, накажи меня Богъ, есть ли остается болѣе двадцати рублей, и то потому, что я предъ присылкою вашею занялъ у пріятели 50 р.—Теперь, м. г-ня, матушка, вы извольте сами разсуждать и рачитать! Остается въ вашей волѣ поступать, какъ угодно: мнѣ нивакъ нельзя до совершеннаго окончанія сего вашего дѣла

¹⁾ С. Калкаевъ находится въ хорольск уѣздѣ.

отлучиться отсюда, и въ критическомъ положеніи моемъ, есть ли уже деньгами поправиться нельзя, то уже ничѣмъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что противъ денегъ, а особливо здѣсь, многое не устояваетъ, но я безъ вашей помощи ихъ достать не могу, даже и на крайнѣйшія нужды свои.—Я купилъ за тысячу милость, что опредѣленіе или рѣшеніе сената продержится нѣсколько недѣль безъ посланія указовъ; отъ васъ теперь зависить дальнѣйшій успѣхъ: я буду разсчитывать время, буду ожидать пособствующаго средства для поправленія угнѣтающаго насъ нещастія, и есть ли вамъ угодно будетъ какънибудь иначе заключить, то я сложу руки и буду терпѣливо ожидать ударовъ рока.—Прошу покорнѣйше простить мнѣ сіи выраженія: они суть плодъ моего отчаянія и тяжелой грусти"... Можно догадываться, что не исходъ судебныхъ процессовъ причинялъ М-чу „отчаяніе и жестокую грусть;“ повидимому, процессами онъ только пользовался для того, чтобы легче было выпросить у матери денегъ. Въ это время положеніе М—ча ухудшилось еще и тѣмъ, что онъ сталъ болѣть и врачи посылали его на Кавказъ, на воды. Нужно было ѣхать лѣчиться, а кредиторы требовали уплаты долговъ. Выпросившись однако кое какъ у кредиторовъ, М—чъ уѣхалъ на воды. Повидимому, онъ разсчитывалъ этою поѣздкою разжалобить мать и надѣялся получить столько денегъ, чтобы стало и на расплату съ долгами, но надежды М—ча не сбылись. Мать такъ твердо отказывала сыну въ деньгахъ, что онъ не нашелъ нужнымъ даже заѣзжать домой, хотя путь на Кавказъ лежалъ мимо Малороссіи... Только писалъ М—чъ матери, чтобы она непременно прислала къ началу октября денегъ... Вернувшись въ Петербургъ и ничего не получивъ въ назначенное время, М—чъ опять повторяетъ (16 октября) свою просьбу и просить прислать ему три тысячи, на этотъ разъ не скрывая, что „молодость вѣтрена“ и что онъ „не хочетъ выставлять себя философомъ“.—„Я имѣлъ честь писать къ вамъ предъ отъѣздомъ въ Кавказъ и во второй разъ изъ Константиногорска; въ обоихъ письмахъ повторилъ вамъ моя крайнѣйшія нужды и просилъ прислать денегъ такъ, чтобы я ихъ получилъ въ первыхъ дняхъ октября. Теперь уже 16-е

число сего мѣсяца и я ничего отъ васъ не получаю.—Любезнѣйшая матушка! скажите ради Бога, что вы со мною дѣлаете, неужели пріятно вашему сердцу удручать сына, который первымъ долгомъ поставляетъ любить и почитать васъ всею душою. Я не думаю, чтобы вы могли ставить выше деньги нежели дѣтей своихъ; а я, чтобы доказать, что не имѣю въ виду сдѣлать чрезъ издержки свои неудовольствія братьямъ и сестрамъ, писалъ къ вамъ изъ Кавказа и теперь пишу, что я не потаю предъ братьями, что лишнее на меня сходило и болѣе нежели на нихъ и потому изъ части своего имѣнія уступлю имъ сколько положимъ. Есть ли можно, то и теперь готовъ, чтобы на счетъ доводящейся мнѣ части вы изволили гдѣ занять и прислали бы. Божусь вамъ, что я всякой день плачу и только тѣмъ еще живъ, что добрые пріатели меня не оставляютъ и даютъ въ займы. Всѣхъ денегъ же у меня теперь, ей Богу, пять рублей и я потерялъ уже и надежду просить у когонибудь. Одно средство остается продавать за безцѣнокъ вещи и мебели свои.—Любезнѣйшая матушка! вы конечно знаете, что молодость вѣтрена и сколько поводовъ столица дать можетъ къ заблужденіямъ, слѣдственно я и не хочу выставять себя предъ вами за философа, а скажу откровенно, что неудовольствіямъ своимъ самъ большею частію виною, но неужели вы за зло будете платить зломъ. Я до сихъ поръ сражался самъ съ собою, но теперь помирился и для спокойствія моего надобно мнѣ пожить съ вами. Меня не льстить ни слава, ни честолюбіе, а единственно то имѣю въ виду, чтобы всѣ силы употребить—доказать вамъ, сколько я умѣю цѣнить ваши ласки и добродѣтели. Слѣдственно я рѣшился оставить на всегда службу, только ради Бога, сдѣлайте милость, помогите мнѣ оставить ее съ честною репутаціею, какою я до сихъ поръ славлюсь. Я долженъ здѣсь три тысячи, которымъ срокъ въ концѣ ноября. Есть ли вы хотя малое ко мнѣ имѣете соболѣзнованіе, то пришлите какъ можно скорѣе для заплаты долгу, ибо я готовъ всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать, нежели потерять имя честнаго человѣка“.

Матери, конечно, страшно было и подумать объ удовлетвореніи такого громаднаго по тогдашнему времени требованія

и при томъ для покрытія издержекъ, явившихся слѣдствіемъ молодости и вѣтренности. Мать послала сыну, какъ видно, совсѣмъ маленькую сумму и получила въ отвѣтъ новую отчаянную просьбу сына, въ письмѣ 25 ноября.—„Къ крайнему удивленію и болѣзненному прискорбію моему, не получилъ я отъ васъ тѣхъ знаковъ соболѣзнованія вашего, которыми льстили себя до сихъ поръ.—Вы называете то пустяками, отъ чего зависитъ теперь не тожко состояніе плохаго здоровья моего, но и самая жизнь. Я ожидалъ какъ съ неба облегченія, но вмѣсто его получилъ напрасные выговоры, кои умножили мое горе до такой степени, что я совершенно отчаяваюсь пережить его. Скажите рѣшительно, матушка, если вы хотите, чтобы я погибъ, то я уже съ терпѣніемъ и безъ роптанія буду ожидать скорого конца моего, потому что не смотря на облегченіе, полученное мною отъ минеральныхъ водъ, я теперь отъ горести гораздо въ худшемъ положеніи здоровья, нежели тогда былъ.— Вотъ все, что я могу еще и въ послѣдній разъ сказать вамъ. Изъ полученныхъ отъ васъ денегъ оставилъ у себя только сто, а прочими насилу ублажилъ кредиторовъ дожидаться еще мѣсяца. И такъ прошу васъ въ послѣдній разъ, какъ Бога, жалиться надо мною и прислать немедленно три тысячи. Божусь вамъ, что есть ли вы не умилосердитесь и не доставите мнѣ милости, то я принужденъ буду посягнуть на жизнь свою. Ради всеблагаго Бога, жальтель, я буду ожидать съ нетерпѣніемъ и до тѣхъ поръ не могу заняться дѣлами“.—Мать, видимо, не придавала особаго значенія угрозамъ сына лишить себя жизни, надѣясь, что вѣтренность пройдетъ съ молодостью; а сынъ между тѣмъ, страшась „потерять имя честнаго человѣка,“ приходилъ въ совершенное уже отчаяніе и перваго января 1804 г. написалъ матери, какъ кажется *послѣднее* письмо.—„М. г-ня матушка! Что вы дѣлаете со мною? Скажите ради Бога? Такъ не шутятъ и съ пятилѣтнимъ ребенкомъ, такъ не поступаютъ и съ врагами своими! А вы мать, а я сынъ, который изъ почтенія къ матери страдаетъ и мучитъ себя добровольно.—На мое письмо, вмѣсто должной присылки, отвѣчаете вы еще выговорами и угрозами. Матушка! я вѣдь не дитя и одно уваже-

ніе къ вамъ заставляеть только носить на себѣ тяжелое иго, которое давно бы сбросить пора. Я теперь вижу, что у васъ нѣтъ ни малѣйшаго ко мнѣ соболѣзнованія. И такъ я вамъ скажу рѣшительно, что я не прошу отъ милости, но по своему праву на то прислать по первой почтѣ три тысячи для заплаты моихъ долговъ и на дѣла, есть ли вы хотите, чтобы я ими занялся. Мнѣ теперь эти три тысячи нужнѣе для чести и самой жизни моей, нежели послѣ триста тысячъ, и есть ли вы уже и за симъ не пришлете въ семь мѣсяцѣ, то я вѣкъ буду сожалѣть на васъ“... Но мать, повидимому, не вѣрила въ такое отчаянное положеніе сына. Требованіе осталось по прежнему неудовлетвореннымъ, и несчастный М-чъ, не имѣя возможности избавиться отъ назойливыхъ кредиторовъ, лишилъ себя жизни. Одинъ изъ родственниковъ Марковичей (Тимоеей Кудиновичъ-Пироцкій) извѣстилъ мать объ этой смерти: „сынъ вашъ противъ тридцатаго генваря (1804 г.) ночью застрелился изъ пистолета; мнѣ о семъ несчастіи на другой день то есть 30, у вечеру, дано знать и я его засталъ на софѣ держащаго пистолеть въ рукахъ. Послѣ смерти его денегъ не осталось. Благодаренія и дружба покойнаго батюшки вашего, знакомство покойнаго сына вашего и убѣдительная прозба Ивана Андреевича Рачинскаго, который меня довель до сего нещастія, которое я теперь претерпѣваю, побудили меня занять у купца 200 р. съ платежемъ въ мѣсяцъ по 5 р. проценту, принялся я за погребеніе и тутъ повстрѣчались великія затрудненія, ибо духовенство не хотѣло погребать, а доходило дѣло—гдѣ ни на есть зарыть; но я умѣлъ все передѣлать и погребъ протопопъ Вознесенскій съ двумя священниками и діакономъ христіанскимъ порядкомъ“.

Нѣкоторыя подробности тѣхъ обстоятельствъ, которыя привели М-ча къ трагическому концу, сообщаетъ другой его родственникъ Ив. А. Рачинскій ¹⁾ въ письмѣ къ Пироцкому: „покойникъ, какъ сами знаете, хотя и весьма былъ честенъ на

---

¹⁾ Сынъ бывшаго новгородсѣверскаго сотника и капельмейстера гетмана Ракумовскаго.

расплату, но вѣчно нуждался деньгами, и получая оныя, издерживалъ и скоро, и безвратно; сему была причиною молодость и неопытность въ жизни, а всѣмъ его нещастіямъ, какъ вамъ довольно извѣстно, причиною—шайка его окружающихъ дурныхъ пріятелей, изъ коихъ одинъ только былъ Соколовъ, а прочіе всѣ были малороссіяне¹⁾.

Такъ безвременно погибъ молодой изыскатель малорусской старины, которая могла ожидать отъ него полезной разработки, судя по любви, способностямъ и подготовленности М-ча къ историко-литературнымъ занятіямъ.

Заканчиваемъ нашъ очеркъ письмомъ, которое написалъ А. И. Чена въ мартѣ (24-го) 1804 г. къ матери М-ча.—„М. г-ня, Настасья Петровна! Я и семейство мое, всѣ столько вамъ и дому вашему усердные, услышавши отъ Данила Семеновича, что любезный вашъ сынъ, а мой добродѣтельный другъ Яковъ Михайловичъ скончался, сердечно о томъ сокрушаемся. Въ сей найпаче для матери ненаградимой потерѣ да утѣшить васъ Всемогущій по великой благодати его, и между тѣмъ, да подастъ вамъ крѣпость на перенесеніе толь великаго удара.—Я далъ покойному Якову Михайловичу тринадцать книгъ, большую частію рукописныхъ, кои нужны были ему къ сочиненной имъ малороссійской исторіи и о коихъ покойный собственною рукою замѣтилъ въ моемъ реестрѣ. Оныя книги суть съ ярлыками и съ именемъ моимъ, подъ номерами: 83, 103, 615, 328, 614, 244, 243, 183, 95, 384, 395, 189 и 434-мъ. Онъ недавно писалъ мнѣ, что они у него въ цѣлости. Покорно прошу васъ, м. г-ня, оныя книги велѣть зберечь, буди они найдутся, и при оказіи переслать ко мнѣ.—Покойный сочинилъ уже малороссійскую исторію. Осталось дѣло за нѣкоторыми справками, кои я взялъ на себя, и уже былъ готовъ переслать оныя ему. Тогда бы она и напечатана была. Покорно прошу зберечь сіе его сочиненіе и пожаловать мнѣ для прочету. Буди позволите, то я,

¹⁾ Нѣкоторое указаніе, какъ „безвратно“ уходили у М-ча деньги, даетъ замѣтка въ описи его имущества: „при семъ еще найдены два заемныя письма, данныя покойному Марковичу регистраторомъ Николаемъ Дергуномъ, одно въ 625, а другое въ 360 (рублей), оба просроченныя и не объявленны ко взысканію“.

дополнивши нужнымъ, отдамъ напечатать, для памяти покойнаго друга моего. Матушка, я, жена моя и дочь влянаемся вамъ и всему почтенному семейству вашему. Всеусердно желаемъ, чтобы сіе нашло васъ въ совершенномъ здравіи и благополучіи. Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію, вашъ, м. г-ня, покорнѣйшимъ слугою Андрѣянъ Чепѣ“.

Находящееся въ этомъ письмѣ свѣдѣніе о томъ, что будто бы М-чъ „уже сочинилъ малороссійскую исторію“, мы считаемъ ошибочнымъ. Прежде всего, М-чъ, какъ видно, вовсе и не располагалъ писать систематическую исторію Малороссіи, составивъ себѣ планъ разработывать изученіе родины по частямъ. Затѣмъ, въ оставшихся послѣ М-ча бумагахъ, которыми мы пользовались при составленіи настоящаго очерка ¹⁾, тоже нѣтъ никакихъ слѣдовъ той работы, о которой говоритъ здѣсь Чепѣ, а напротивъ—и здѣсь мы видимъ матеріалы для продолженія тѣхъ же „Записокъ о Малороссіи“. Поэтому, нужно думать, что съ одной стороны Чепѣ ошибался относительно плана продолженія работъ М-ча ²⁾, желая видѣть въ результатѣ этихъ работъ именно „малороссійскую исторію“, а съ другой стороны, М-чъ, общая Чепѣ свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ, могъ нѣсколько преувеличивать результаты послѣднихъ—изъ желанія не печалить радужнаго ревнителя родной старины, неустанно мечтавшаго о „сочиненіи малороссійской исторіи“....

Ал. Лазаревскій.

¹⁾ За доставленіе возможности пользоваться бумагами Я. М. М-ча принесли глубокую нашу благодарность П. Я. Дорошенку.

²⁾ Предполагается, что первая книжка Записокъ о Малороссіи была извѣстна Чепѣ...

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла¹⁾.

(ИЗЪ ДѢТСКАГО МІРА ДЕРЕВЕНСКАГО МАЛЬЧИКА).

— „Диду, кажить вазку“, просить братъ, обращаясь къ дѣду Кириллу.

— „Кажить небылицу“, говорю я,

— „Ялыну прекрасну“, настаиваетъ Ваня.

— „Ни, розкажить лучше про того пана, що незнавъ биды, та издывъ по свиту ии шукаты“.

И начнетъ дѣдъ разсказывать и „Ялыну прекрасну“, „Ивана Царевича“, „Бабу Ягу“, и „Москаля и смерть“, и „дивку семилитку“, и „хоть верть вуть, хоть круть верть, а пидь черепочкомъ смерть“, и „ту гришну, сварлыву матирь, котрій праведный сынъ ии подавъ изъ раю въ пекло стыпирьячко зъ цыбульки, щобъ тымъ стыпирьячкомъ вытягнуты ии изъ пекла въ рай, а маты залаяла сына пидь самымъ раемъ, щобъ скорійше тягнувъ, бо души начеплялысь ии за ноги, а стыпирьячко черезъ лайку перервалось и маты зновъ шубовснула въ пекло“, и про „песыголовця зъ иднымъ окомъ“, и „про злыдни, которыхъ годують бидни людѣ“, и „про чоловика на курячихъ ножкахъ“, и про „правду и кривду“, и „съ паномъ не братайся, жинци правды не кажи и чужои дытны за свою не беры“, и небылицю про своего дядька, который мавъ дванадцять качоель дойныхъ и якъ у него же свынья высидила съ гарбуза дванадцать воливъ, язь соколивъ“, и „правду про того гуменнаго, который

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 11.

дуже нажывся съ своего пана и наказанный кричалъ: ой паночку, не зганяйте зъ мене цихъ мухъ, бо якъ нови голодни налетять, то выссуть зъ мене остатню кровь, а панъ догадався, зляввся новихъ гуменныхъ, тай того самого старого вернувъ до себе“, и „про Бардычевскихъ жидивъ, якъ вони хапають хрещенныхъ людей, засажаютъ ихъ въ бочку, утыкану гвоздями, качаютъ її и такъ хрыстьянску кровь добувають соби на мацу“, и „про брата и сестру, котра съ змїемъ жыла, а брата хотила съ свита стребыты и послала брата пташинаго молока шукаты, щобъ її очуняты“, и „якъ чоловікъ на Ивана Купайла въ ночи зирвавъ цвїть напоротъ и узнавъ, що скотына и птыця и трава говорять“.

И слушали мы, дѣти, по цѣлымъ вечерамъ въ теченіе осени и зимы такія сказки, и знакомились такимъ путемъ съ Божьимъ міромъ, и узнали мы изъ сказокъ, что конецъ свѣта не за нашими полями и не „за лѣсомъ - перелѣсомъ“, за которымъ прятались солнце и мѣсяцъ, а далеко, безконечно далеко, „якъ за самымъ Києвомъ, гдѣ въ Днѣпрѣ бабы платье перуть, а провишуютъ и сушать на хмарахъ“. Узнали мы, что есть на свѣтѣ горы высокія, долины глубокія, рѣки длинныя, моря широкія и лѣса непроходимые.

Село родное, въ которомъ мы жили, лежитъ на ровной низменности и не давало намъ никакого понятія о горахъ и долинахъ, и потому нашему воображенію самыя высокія горы казались не выше нашей старой хаты; а море такимъ большимъ и широкимъ, какъ все наше село съ полями до самаго лѣса. И знали мы, что есть всякія царства на свѣтѣ, и люди во всѣхъ царствахъ говорятъ по нашему. Вѣдали мы, что есть еще царства подъ водою, и тамъ въ хрустальныхъ „палацахъ“ царица морская живетъ; есть еще царства подъ землею (т. е. подъ почвою), гдѣ змѣи живутъ; есть еще и за лѣсомъ перелѣсомъ въ „ветрахъ“, въ пущахъ, куда и воронъ не залетаетъ, „палацы“ въ которыхъ живутъ змѣи крылатые съ украденными царевнами, въ большихъ лѣсахъ есть еще хатки на курьихъ ножкахъ, въ которыхъ въ одиночку живутъ сестры родныя—вѣдьмы добрыя и злыя, а въ темныхъ лѣсахъ подъ землею есть за двѣна-

дцатью дверьми желѣзными къ двѣнадцати столбамъ прикованные по одному—змѣи съ двѣнадцатью головами. На самихъ себѣ своими лихорадочными болѣзнями увѣрились мы, что въ очеретахъ и болотахъ живетъ семьдесятъ семь сестеръ трясухъ, которымъ я даже ѣсть носилъ—яйцо; а въ хатахъ на чердакѣ и подъ поломъ толчется нечыста сыла—домовыкъ. Знали мы, что темной ночью нельзя выходить на дворъ, потому что по ночамъ ходятъ „мерца“ и вся въ бѣломъ „мара“, а подъ мельницами живутъ кровопійцы воввулаки. Знали, что и волки говорятъ, и птицы человѣчью рѣчь понимаютъ, и листья перешептываются.

И какъ настанетъ чарующая лунная ночь, то моему живому дѣтскому воображенію такъ и рисуется, что по полямъ и по лѣснымъ дорогамъ на прекрасныхъ, умныхъ и говорящихъ по-человѣчьи коняхъ ѣздятъ Иваны простые и Иваны Царевичи съ хортами, а то и съ сѣрыми волками; а поверхъ лѣсовъ летаютъ вѣдьмы злыя на ступахъ; высоко же по небу перелетаютъ змѣи огненной полосой; между хатами бродятъ мары, по улицамъ бѣгаютъ кровожадные воввулаки.

И какъ ни страшны сказки съ такими страшилищами, но онѣ доставляли намъ величайшее удовольствіе, потому что мы не отдѣляли своихъ личностей отъ личности Ивана дурачка и Ивана Царевича, жили ихъ страхами, переживали съ ними ихъ неудачи и торжествовали ихъ побѣды надъ всѣми этими страшилищами, какъ свои собственныя; жили вмѣстѣ съ ними въ хрустальныхъ палацахъ, ѣли и медъ и вино пили, хотя они въ ротъ къ намъ ни разу не подали. Тѣмъ не менѣе эти сказки Кирилловы поднимали наше человѣческое самосознаніе и говорили намъ, что не только Иванъ Царевичъ, но и я, Иванъ дурачекъ, есть побѣдитель-властитель земли и ея темныхъ, злыхъ силъ и ея животнаго царства.

Какъ ни кажутся на первый взглядъ эти фантастическія сказки бессмысленнымъ, безцѣльнымъ и вреднымъ привнесомъ лжи и извращенія дѣйствительной жизни на нашей планетѣ въ міросозерцаніе дитяти, тѣмъ не менѣе уже одно существованіе такихъ сказокъ и спросъ на нихъ въ крестьянскомъ мірѣ ука-

зываютъ на право ихъ существованія. А если принять во вниманіе то, что мысль нашего народа до „освобожденія крестьянъ“ не имѣла соприкосновенія съ обоснованною на научной почвѣ культурною прогрессирующею мыслию Европы, а шла своею, замкнутою отъ вліанія научнаго, дорогою, указанною ей еще съ доисторическаго времени языческимъ міровоззрѣніемъ, то эти народныя сказки—не есть что-то безпочвенное, совсѣмъ ужъ фантастическое глупое сплетеніе ни на чемъ не основанныхъ представленій, а указываетъ на живущее и до нашихъ временъ довольно стройное міровоззрѣніе нашихъ предковъ, полное пантеизма, которое и служитъ народу стихійному объясненіемъ многихъ непонятныхъ явленій и приближаетъ ихъ къ истинѣ путемъ мышленія, совсѣмъ непонятнаго для насъ. Къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ мы приходимъ путемъ научнаго изслѣдованія, стихійный народъ приходитъ своею дорогою, непонятною для насъ въ той-же мѣрѣ, какъ нашъ путь изслѣдованія не понятенъ для народа. Заговоривъ о разницѣ пріемовъ мышленія при познаніи однихъ и тѣхъ-же явленій у народа стихійнаго и у народа культурнаго, я отклонился въ сторону отъ сказочнаго міра, о которомъ началъ говорить.

Сказочный міръ, какъ мнѣ кажется, не есть чисто фантастическій міръ. Это міръ дѣйствительный, только отъ давности мхомъ поросшій, міръ жизни доисторическаго человѣка, совсѣмъ не похожій на современный міръ, наслѣдственно по преданію переходившій къ нашему времени. Сказка тотъ же памятникъ жизни доисторическаго человѣка, какъ и пѣсня, и колыба, и пещеры, и наконечники стрѣлъ, и курганы, и кости мамонта. Сказка—это народная исторія доисторической жизни человѣка.

Всѣ эти пещеры съ найденными при входѣ въ нихъ очагами; зола, уголь, разбитые черепки кувшиновъ, каменные наконечники стрѣлъ; какой-нибудь черепъ громаднаго животнаго, пограничные валы, именуемые у насъ „змѣнными валами“, быть можетъ указывающіе на границы княжествъ удѣльнаго періода политической жизни южной Россіи; историческіе памятники феодальнаго періода мѣстной жизни—развалины зам-

ковъ съ подземными лехами-сварбницами феодаловъ и съ подземными ходами, каковыхъ два въ моемъ селѣ, длиною, сколько обнаружилось, около версты; богатство мѣстной почвы лѣсами, рѣчками и звѣремъ,—все это та реальная канва, на которой стихійный не культурный народъ южно-русскій ткалъ фантастическіе узоры своихъ сказокъ¹⁾. Всѣ эти Иваны дурачки и Иваны-Царевичи, сказочные герои, непремѣнно на лошадахъ; иные изъ нихъ явно степнаго происхожденія, кочевники. Всѣ эти Иваны, вооруженные лучками съ стрѣлами, а князья Иваны еще и мечами, не ведутъ войны противъ несмѣтныхъ полчищъ врага, какъ ведетъ Бова Королевичъ и Ерусланъ Лазаревичъ и Гвидонъ Король, принесенные къ намъ съ запада средневѣковые рыцари, а вступаютъ въ единоборство съ вѣдьмой-ли, съ колдуномъ-волшебникомъ, или со змѣемъ; если-же попадется въ плѣнъ, то спасается заимствованной хитростію, то прячется въ лѣса, то пользуясь рѣкой:

— На тоби оцего гребиньца, якъ стане тебе догонаты видьма, винь гребиньца, то стане такій густый лись, що повы вона перегрызе его, то ты далеко утичешь, а якъ изновъ дожене, то махны хусткою и стане ричка, то поки вона прижене своихъ воливъ щобъ выплы ричку, то далеко утичешь“. Часто же героевъ спасаютъ ихъ кони.

— Охъ коню, мій коню! Пропала моя голова, тутъ мени смерть, жалуется всадникъ коню.

— „Не журысь, Иванъ Царевичъ. Лягай спаты. Це ще не беда, а отъ буде беда якъ... Лягай спаты, а якъ перши пивни заспивають, сидай на мене, та добре держысь; я тебе вызволю изъ биды“. Только кочевникъ-наѣздникъ могъ говорить съ лошадыю, дѣлиться съ нею своими радостями и своимъ горемъ, и только лошадыя кочеваго наѣздника могла понимать своего сѣдока и быть ему другомъ, совѣтникомъ и спасителемъ.

Выводимые на той же канвѣ зміи—это не пресмыкающіеся змѣи, а страшныя, большія животныя; часто же змѣемъ назы-

¹⁾ См. „къ изученію народнаго міровоззрѣнія“. Ст. О. Р. „Киевская Старина“ 1889 г. Февраль.

ваетъ сказка злого и хитраго волшебника, перекидывающагося красавцемъ, крадущаго царевень и держащаго ихъ въ своихъ „сяющихъ палацахъ“. Что змѣями назывались большія животныя, видно уже изъ сказки позднѣйшаго происхожденія—періода христіанскаго, гдѣ змѣй, запряженный св. Кузьмою и Дамьяномъ въ плугъ, выоралъ тотъ громаднѣйшій валъ, который идетъ изъ Бѣлгородки подъ Кіевомъ, на Воынь и далѣе, и называется черезъ то зміннымъ валомъ. Жилища этихъ змѣевъ сказка указываетъ въ „палацахъ“ подземныхъ пещеръ, дремучихъ лѣсовъ и морскихъ безднъ. Борьба этихъ богатырей Ивановъ съ змѣями не есть ли отголосокъ изъ временъ борьбы первобытнаго человѣка въ нашемъ краю съ животными, выродившимися, исчезнувшими, какъ вырождается зубръ.

Я склоненъ думать, что въ сказкахъ героическихъ, прославляющихъ физическую силу и незамысловатую хитрость Ивановъ, всѣ эти Иваны и змѣи—дѣйствительныя лица, а борьба ихъ—дѣйствительный фактъ; на долю же народной фантазіи остались только шапки невидимки, да ковры самолеты, да скатерти самобранки, да прилача двѣнадцати головъ змѣямъ—звѣрямъ. Не трудно отдѣлать правду изображаемой жизни отъ фантазіи. Не все въ сказкѣ ложь, хоть есть пословица: пѣсня быль, а сказка ложь. По тѣмъ сказкамъ, какія я слышалъ въ дѣтствѣ отъ дѣда Кирилла, бабы Марци и своей матери, теперь я вижу устныя указанія народа на періодъ жизни номадовъ нашей земли—борьбу физическую, борьбу человѣка съ окружающими его звѣрями, вижу устныя указанія народа изъ періода исторической жизни, борьбу вѣровапій христіанскихъ съ языческими, вижу указанія народа на евреевъ, на складъ жизни панщинный, на характеръ поповъ (якъ попы все пшеничнаго хлѣба требовали, а Богъ зробывъ ихъ волами, та отдавъ бидному мужикови, щобъ винъ ными робывъ и годувавъ тилько ячною половою).

Но кругъ этихъ героическихъ сказокъ съ участіемъ мифическихъ существъ, укрѣпившихъ самосознаніе и жизнеохотность народа въ трудной и не всегда удачной борьбѣ его съ

стихіями, животными и чужими людьми, этотъ кругъ сказокъ указываетъ на плодъ духовнаго творчества народа, отдаленнаго отъ насъ многими вѣками; творчество же духа Южно-Русскаго народа историческаго, ближайшаго къ намъ по времени, избрало инныя стороны жизни народной своею темою.

Сложная, великая историческая жизнь, выпавшая на долю малороссовъ—многовѣковая борьба сначала междуособная, затѣмъ съ чуждыми народностями за свободу совѣсти, за свободу личности и за свободу общественную—приучила мысль южно-русса витать по преимуществу въ сферѣ человѣческихъ отношеній религиозныхъ, семейныхъ, общественныхъ и международныхъ. Въ этомъ періодѣ жизни человѣкъ производилъ на малоросса наибольшее впечатлѣніе, и потому все мышленіе его направилось на пониманіе людей, не отвлекаясь въ сторону природы, которая, не какъ мачиха, а какъ родная щедрая мать, сама, безъ особыхъ усилій человѣка, кормила его неисчерпаемымъ богатствомъ своего растительнаго и животнаго царства и одѣвала его; потому все мышленіе малоросса направлялось на пониманіе людей и на пониманіе самого себя и сдѣлало его сосредоточеннымъ, вдумчивымъ поэтомъ-меланхоликомъ и мыслителемъ, пессимистомъ по преимуществу. И какъ въ исторической жизни своей онъ долго, терпѣливо, съ тупой покорностію несъ на своей шеѣ ярмо чужой воли надъ собою, порою не выдерживалъ, когда уже посягали на его душу, подымался духомъ до волоссальнаго, классическаго героизма въ битвахъ и до выработки высокаго государственнаго строя козацкой рады съ гетманомъ во главѣ; такъ и въ области своего духа меланхолической поэзіи и пессимистической мысли онъ иногда проявляетъ лучи такой жизнеохотности, жизнерадостности, что „ажъ лыхо смієца“, подмываетъ на такіе танцы, що ажъ земля гнеца. „Веселой утны, старче, щобъ земля ломылась“.

Но я хочу говорить не о поэзіи малорусскаго народа, великой качественно и количественно, богатой содержаніемъ историческимъ, бытовымъ и любовнымъ, не о пѣсняхъ, носящихъ характеръ субъективный, глубоко сердечный, за сердце хватаю-

щій, хотя бы то была пѣсня и не сердечныхъ ощущеній любви, а пѣсня историческихъ событій,—моя рѣчь о сказкахъ малорусскихъ, поколику мнѣ извѣстны онѣ изъ разсказовъ дѣда Кирилла, бабы Марци и моей матери. Я говорю о свазкахъ, свазаніяхъ бытовыхъ и семейныхъ; онѣ выказываютъ и большую психологическую наблюдательность, и глубокой умъ, и историческимъ путемъ выработанную хитрость, и упорное, но основательное недовѣріе не только къ иноземцамъ и къ своимъ русскимъ не муживамъ, но и къ своему брату сѣряку-мужику и даже къ родной своей семьѣ. Для примѣра приведу, хотя не дословно, первый пришедшій на память разсказъ дѣда Кирилла подъ названіемъ: „Съ паномъ не братайся, жинци правду не кажи и чужой дытны за свою не беры“.

„Въ иднимъ сели живъ панъ, гуменнымъ въ него бувъ Иванъ. И Иванъ той, якъ собака, вирно панови служивъ и панъ его якъ брата дуже за те полюбивъ. Що вечера Иванъ до пана похожае, що вечера той панъ Ивана запытае: а цо мнѣ повешъ Йване?“

— Все есть добре пане!

— А ходъ же тутай Йване!

— Заразъ мій пане!

И чарка доброй горилки Иванови даеця, а иншій разъ и мирка пшеницы достаеця. Йде панъ той въ теплы краи за границу

— Патшай Йванку ци палацы и цю птыцю; птыцю сокола бильше всего доглядай и, якъ око въ лоби, его сберегай. Якъ доглядышь въ акурать,—будешъ мени ридній братъ, якъ же не доглядышь птыцю, то видамъ тебе на шибеныцю.

— Ходъ же тутай, Йване, муй коханный ты брацншекъ; пій на здрувье пана доброй вудки хотъ вилишекъ“.

Дуже добрый панъ! Щаслывійшій ще Иваць! Волю на обори, кони на припони, жинка господыня, грошей повна скрыня, панъ за брата его мае и громада велычае. Идна лыха беда: дитей Иванъ не мавъ, за ридною дытну привявъ винъ сыротыну. Сыротына, якъ дытына, не своя жъ таки родына. Тяжко Йванъ и зъ жинкою сумуе, що не знать для кого винъ працуюе.

Але чувъ винъ одъ людей, що хто хоче мать детей, то повиненъ винъ для жинки роздобуть тіей печинки, що не зъ свыни й не зъ вола, а зъ ясного сокола. Зайшла думка у Івана, що и сокиль есть у пана; тильки страшна шибеныця, якъ спытае панъ: де птыця. Чи вже выгравъ, чи програвъ; а досъ того птыцю вкравъ. Отъ и каже винъ жони, що базалы на сели: щобъ родыть дытынку, зъисты тра печинку, печень не курину, але й не качыну, не зъ свыни и не зъ вола, а зъ ясного сокола.

Жинка стышылась, зрадила, до Івана приступыла:—хоть и зъ паньского двора, а достань ты сокола. Чоловиченьку жъ мій, Иваночку ты жъ мій! Ой, якъ я зъимъ ту печинку, то рожу тобі дытынку!

— „Богъ зъ тобою! каже Іванъ, добре жъ знаешь ты, що панъ та за ту погану птыцю скаже йты на шибеныцю“.

— „Ой! ой! Боже жъ мій! Ой ой! Іване мій! Що жъ мени робыты? Що жъ мени чиныты! Чи тебе вже поховаты? Чи дождаты? Ой, до свита жъ я умру, якъ печинки не дожду“.

Жинка бигае та плаче, руки ломыть, ажъ трищать. Покрутывъ Іванъ головою, поговорывъ самъ съ собою, выйшовъ съ хаты до двора, та й прыносить сокола.

— „Передъ Богомъ поклянысь и Хрестомъ заприсягнысь, що не скажешь ты сосидци, не признаешься и титци, що для тебе сокола вкравъ я зъ паньского двора“. Забожилась, присягала, хрестъ и землю цилувала, що не скаже никому, хоть бы й батьку ридному.

Іванъ заризавъ сокола, пирья й мясо пеховавъ, а идну тилько печинку показавъ и вкинувъ въ рынку. Жинка тишытьця—радїе, що печинка въ рынцї прїе; а ще лучше израдила, якъ печинку тую зъила; веселылась, реготила; взяла видра и побягла; ще не дойшла до воды, опынылася въ кумы.

— Кумо жъ моя, кумо мыла!

Яка жъ я теперъ счаслива!

— То розкажуй же скорій!

— Ни, не можно, ни, ни, ни! Землю пла й прысягала. Це я такъ собі сбыхала. На дытynu задывылась, та й оце

проговорилась. Я теперъ прійша по дилу: взяты въ тебе глыну билу; хату треба побилыты.

— На що то хвостомъ крутыты? Та признайся. Побожусь, що никому не скажу.

— Ты жъ не будь цикава. То я такъ сказала, абы трохи пошутыть та тебе вже пиддурить.

— Отъ не вирышь ты мени! Приглянусь же я тоби...

— Виру, виру. Я зрадила, що печинку чудну зъила. Зъила печень соколыну, то рожу собі дытыну. Сокола жъ Иванъ въ свого пана вкравъ. Охъ! на що жъ це я сказала?! Голова жъ моя пропала! Охъ, боюся, щобъ нашъ панъ головы не стявъ Ивану. Кумо жъ сердце, ты жъ мовчы, та никому не кажи“.

А сама вже засмутылась, та й за видра ухватылась.

Ще й пивъ ночи не настало, якъ село все уже знало, що Йванъ сокола укравъ и печинку жинци давъ. Скоро й панъ той приызжае и Ивана вже пытае:

— А цо Йване, муй коханий?

— Не все добре, ясный пане!

— Цо жъ такого, муй брацишку?

— Не встеригъ я паньску птычку!

— Цо ты мувишь Йване? Цо ты, быдло! цо ты, хаме? Таку птыцю! Таку птыцю! Шибеницу! Шибеницу! Бежьце его, быдло таке! Нехъ же виси якъ собака!“

Йванъ до паньскихъ ногъ припавъ, ноги слизьми обильявъ.

— Тильво на идну хвылыну пустить, пане, у хатыну по-прощатысь, помолытысь, добромъ семью подилыты. Прибигае Йванъ до хаты. Сынъ нахмурывсь; жинка плаче. Одчынывъ Йванъ скрынью, та доставъ торбынку, а съ торбынки грошы на три купки ложыть.

— „Перша купка тоби, жинко, друга купка тоби, сынку, третью купку той визьме, хто повисыть вже мене“. Якъ подилывъ мидни, взявъ золоти й срибни; на три купки роскладае и такъ само промовляе:

— „Одя купка тоби жинко; одя купка тоби сынку, а цю купку той визьме, хто повисыть вже мене“.

— Тату, якъ мае якийсь чортъ чужій ци гроши забрать та васъ повисыть, то лучче я ци гроши заберу, та васъ повишу.

Затряслося въ грудяхъ, занимивъ языкъ, опустылысь руки, головою Иванъ поныгъ. Дали Иванъ повивъ очами, згрибъ винъ гроши ти руками, позгортавъ въ торбынку, та й замечувъ у скрынку. Шалкой голову накрывъ, въ руки взявъ винъ палыцю, щось пидъ полу ще вхопывъ, та й пишовъ до палацу.

— „Геть пся вярю, хаме; кричыть панъ: На шибеныцю“!

— „Почивайте, пане. Ось принисъ я паньску птыцю“.

Роскрывае Иванъ полы, выпускае сокола, падае винъ пану въ ноги и такъ ему промовля:

— Выбачайте, пане, що я такъ удавъ; бо панъ мене— Ивана своимъ братомъ звавъ. Я жъ не вирывъ въ паньску ласку, тилько пана вывирывъ. За чортъ знай яку пташку вишати мене панъ сказавъ! Правду каже казка щыру, а я виры першъ не ннявъ; а теперь я крикю виру, бо на шкури свойй це дознавъ.

— А казка тая отъ що каже:

„Съ паномъ не братайся,
Жинци правды не кажи,
И чужон дитины
За свою не бери“.

Подобно этой сказкѣ, рассказывалъ дѣдъ Кирилло и много другихъ сказокъ, изображающихъ различныя проявленія народной жизни и характеризующихъ взглядъ и отношеніе народа къ ненормальнымъ явленіямъ своей жизни. Припоминаю сказки дѣда въ томъ-же духѣ о панѣ, и о злодіяхъ. Панъ велѣлъ гуменнаго, обкрадывавшаго его, — пана, и разбогатѣвшаго, обнажить и нагого привязать къ дереву въ лѣсу на сѣденіе мухамъ: нехай съ тебе такъ пьютъ кровь, якъ ты мене ссавъ— мое добро кравъ. На другой день полюбопытствовалъ панъ по-смотреть на муки гуменнаго и, когда увидѣлъ, что мухи, комары и оводы совсѣмъ покрыли его и сосутъ кровь, которая струйками сочится, по естественному чувству состраданія къ страждущему и мести въ кровопійцамъ мухамъ бросился прогонять мухъ, но Иванъ съ чувствомъ ужаса закричалъ:

— „Ой паночку! не зганяйте зъ мене цихъ мухъ, вони уже напылись крови и не кусаютъ, бо якъ цихъ проженете, а нови голодни налетятъ, то остатню кровь зъ мене выссутъ“.

Въ словахъ Ивана панъ нашель для себя практическое наставленіе, что новый гуменный, поставленный на мѣсто Ивана, бѣдный, еще не нажившійся, подобно голоднымъ мухамъ, набросится красть остальное его имущество и можетъ разорить его, а Иванъ уже нажился съ его добра, насытился и, будучи неголоднымъ, перестанетъ красть. И велѣлъ онъ развязать Ивана и опять поставилъ его гуменнымъ.

Въ сказкѣ о злодѣяхъ—ворахъ разсказывается, какъ три вора Кононъ, Опанасъ и Явдокимъ потерпѣли полную неудачу въ своемъ воровскомъ предпріятіи и поставлены были въ траги-комическое положеніе хитрымъ хозяиномъ, у котораго они въ теченіе одной ночи три раза крали одно и тоже сало въ мѣшкѣ съ чердака, изъ коморы и изъ хаты, и каждый разъ, вмѣсто того, чтобы передать одинъ другому, передавали хитрому хозяину, который прикидывался то Конономъ, то Опанасомъ, то Явдокимомъ и перепрыгивалъ сало. Въ концѣ концовъ послѣ взаимной драки воровъ другъ съ другомъ, хозяинъ зазвалъ ихъ въ хату, „выдурнявъ ихъ добре“ и угостилъ саломъ и водкою.

Сказки до того охотно и внимательно слушаются, что переходятъ изъ устъ въ уста дословно, буквально,—и это потому, что только въ сказкѣ, а не въ дѣйствительной жизни простой человѣкъ удовлетворяется, видя, что зло всегда побѣждается добромъ, или же само себя наказуетъ, какъ видно въ сказкѣ: „Злодѣйскій учитель и учень“.

„Мале, хиле и дурне хлопья-учень“, при первомъ же урокѣ въ воровствѣ—кражѣ бычка у сосѣда, обманываетъ своего учителя вора, выкрадываетъ у него бычка, заманиваетъ учителя въ рѣчку по самую шею и крадетъ у него одежду и все бѣлье до рубашки, оставляетъ своего учителя въ водѣ и такъ благодаритъ за науку.

Въ подобныя же отношенія учителя къ ученику другая сказка ставитъ учителя лѣни въ принятому имъ въ науку лѣ-

ниться хлопцу. Лежать учитель и ученикъ на печкѣ среди дня, но учителю и спать не хочется, и встать лѣнь, хотя и нужно пойти на село.

— „А пида но, хлопче, на двирь, та подывсы, чи йде дощъ, чи нейде“?

— Ученикъ, не сходя съ печки, зоветъ собаку въ хату со двора и, подозвавъ къ себѣ поближе, погладилъ ея шерсть, которая оказалась мокра.

— „Йде невеличвій дощъ, бо собака трохи мокра“—отвѣтилъ ученикъ учителю.

— „Э! Якъ ты вже такіи ливвий, та хитрий, то вже не треба тобі учитися у мене. Ты ще ливвійшій видъ мене. Иды соби геть! А то ще ты мене зъ учительского хліба ссадышь“.

Кромѣ сказокъ-былей, которымъ дѣдъ Кирилло Середа и счета не зналъ, рассказывалъ онъ намъ и небылицы, въ которыхъ самъ рассказчикъ и есть главное дѣйствующее лицо. Я помню ихъ только три: одна о томъ, какъ рассказчикъ, будучи еще малымъ хлопьямъ, служилъ у дядька небожчика, у котораго свинья съ гарбузивъ высидила дванадцать воливъ якъ соколивъ; другая о томъ „якъ дядько съ дядиною посадили въ хати горохъ, выросшій до потолка; пробрали потолокъ и крышу, а горохъ вырися ажъ на небо, куда рассказчикъ по стеблю гороха и вылѣзъ; третья—„полюванье“ на восковой лошади за зайцами. Слушая эти небылицы, мы дѣти заливались неудержимымъ смѣхомъ, хохотали до слезъ. И было отчего. Небылицы полны самаго смѣшнаго и часто нелѣпаго соединенія возможнаго съ невозможнымъ, полны совмѣщенія въ одно самыхъ рѣзкихъ контрастовъ, гдѣ серьезное соединено съ глупымъ, святое съ пустячнымъ, плачевное съ смѣшнымъ, возможное съ невозможнымъ, но юморъ главнымъ образомъ заключается въ высокомъ слогѣ и солидномъ тонѣ, которымъ рассказываются самыя глупыя и уморительныя сопоставленія, при чемъ рассказчикъ ни однимъ мускуломъ не улыбнется, какъ будто истину вѣщаетъ, не смотря на то, что всѣ слушающіе бова надрываютъ отъ смѣха. Я не берусь передать содержаніе этихъ не-

былицъ уже потому, что давно, лѣтъ 30, какъ слыхалъ ихъ, а главнымъ образомъ—потому, что въ моемъ разсказѣ утратится вся соль народнаго юмора, и наконецъ—я думаю, что они уже помѣщены въ печати вмѣстѣ съ народными сказками.

Сказки, которыя я слышалъ отъ дѣда Кирилла въ моемъ дѣтствѣ, живутъ и по днесъ въ народѣ, потому что, кромѣ заполнения досужаго времени въ длинные зимніе вечера, сказки имѣютъ то значеніе для народа, что онъ, въ дѣйствительной жизни видѣвшій только одно пограние правды, безсиліе добра и ликованіе зла, хоть въ сказкѣ отдыхалъ душею, ободрялся, слушая, какъ взявшіе себѣ монополію разумности одурачиваются тѣмъ, кого даже не признавали человѣкомъ, а считали рабочимъ быдломъ, одурачиваются тѣмъ, чей умъ не признавался, а признавались только руки и ноги, ободрялся душею, видя, хотя въ сказкѣ, что правда торжествуетъ надъ неправдою, что зло побѣждается добромъ или же само себя зло наказуетъ.

М. Щ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ исторіи малорусской исторіографіи и малорусскаго общественнаго строя¹⁾.

(Замѣтки по поводу статей В. А. Мякотина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи“ въ „Русск. Богатство“ 1894 г. № 2, 3 и 4).

II.

Характеръ извѣстнаго общества и исторія развитія его зависятъ, въ значительной степени, отъ тѣхъ условій, среди которыхъ возникло данное общество и среди которыхъ проходили первые годы его существованія.

Исторія знаетъ нѣсколько способовъ возникновенія чело-вѣческихъ обществъ. Одни изъ нихъ возникаютъ путемъ естественнаго роста, когда изъ ячейки—будь-то семья или родъ—заложенной въ отдаленное время, развивается постепенно общество съ его этическими и правовыми нормами, съ его извѣстнымъ экономическимъ и политическимъ строемъ, выработавшимся сообразно съ тѣми условіями, при которыхъ жило и развивалось данное общество. Въ этомъ случаѣ общественный строй развивается и вырабатывается по мѣрѣ дифференціаціи общественныхъ отношеній. Сначала регулируются самыя простыя отношенія и для нихъ вырабатываются самыя простыя правовыя нормы; затѣмъ, по мѣрѣ усложненія общественнаго строя и отношеній, нормы эти, въ свою очередь, дифференцируются и вырабатываются новыя, сообразно съ требованіями времени.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г., № 11.

Такое развитіе общественныхъ отношеній, представляя изъ себя одну непрерывную цѣпь, является, обыкновенно, слѣдствіемъ долгаго историческаго процесса. Для этого, вѣдь, требуется, чтобы люди сознали необходимость обуздать свой индивидуализмъ, такой сильный на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія, сложились въ общество, выработали и признали извѣстныя правовыя нормы, регулировали свои отношенія и т. д.

Гораздо легче образуется общество и получаетъ извѣстный характеръ подъ вліяніемъ завоеванія одного народа другимъ, у котораго сложился уже свой правовой порядокъ. Въ подобномъ случаѣ завоеваннымъ, какъ болѣе слабой части, приходится, обыкновенно, применить къ завоевателямъ, принаровиться къ ихъ общественному строю, который потомъ, съ теченіемъ времени, входитъ въ плоть и кровь всей завоеванной націи и служитъ основой для развитія ея общественныхъ отношеній наряду съ завоевателями.

Есть еще способъ образованія отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ, особенно распространенный въ настоящее время. Это способъ обособленія частей отъ цѣлаго или даже отдѣленія ихъ. Обособились и обособляются, напр., части Австро-Венгерской имперіи и получаютъ извѣстныя, болѣе или менѣе благопріятныя условія для развитія ихъ самобытности; отдѣлились американскія колоніи отъ своихъ европейскихъ метрополій. Характерную особенность этихъ обособленій и отдѣленій составляетъ то, что общественный строй стараго общества становится исходнымъ пунктомъ для новаго, реформируясь только сообразно съ его запросами и сообразно съ той идеей, во имя которой это отдѣленіе или обособленіе послѣдовало. Вслѣдствіе этого и самый процессъ образованія новыхъ обществъ не сопровождается какимъ-нибудь кореннымъ переворотомъ, носитъ характеръ постепенности, не нарушая рѣзко существовавшихъ общественныхъ отношеній. Въ этомъ, въ значительной степени, лежитъ и залогъ дальнѣйшаго существованія новаго общества и сохраненіе его отъ гибели на первыхъ же порахъ его отдѣльнаго существованія, когда особенно трудно бываетъ регулировать общественныя отношенія.

Если мы обратимся теперь въ условіямъ образованія малорусскаго общества во второй половинѣ XVII вѣка, то увидимъ, что они во многомъ отличаются отъ указанныхъ выше. По внѣшнему виду, они, правда, какъ будто напоминаютъ собой условія образованія новѣйшихъ обществъ. Малороссія отдѣлилась отъ Польши и соединилась съ Россіей, обусловивъ себѣ, какъ мы ужъ говорили выше, право свободнаго существованія и полную независимость своего общественнаго строя отъ притязаній и вліяній Москвы. Но этого было мало. Существенную разницу въ условіяхъ образованія малорусскаго и современныхъ обществъ составляло то, что старый польскій строй, при которомъ жила Малороссія и который регулировалъ прежде ея отношенія, не легъ, да и не могъ лечь, хотя бы въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, въ основу вновь нарождающагося малорусскаго общества.

Причины этого вполне понятны.

Характерную особенность государственнаго строя Рѣчи Посполитой составляла сословность, которая лежала въ его основѣ. Все польское общество распадалось на цѣлый рядъ группъ, права которыхъ были не только не одинаковы по отношенію къ государству и другъ другу, но часто права одной группы, одного сословія исключали права другаго. Въ то время какъ шляхетство и католическое духовенство пользовались полными правами гражданства, личность ихъ была обезпечена, имущество тоже, они принимали участіе въ государственныхъ дѣлахъ, судѣ, управленіи,—личность крестьянина была окончательно уничтожена; онъ былъ всецѣло отданъ въ руки владѣльцевъ, лишенъ гражданскихъ правъ, владѣнія имуществомъ, права пользоваться государственнымъ судомъ и пр. Объ участіи крестьянства въ администраціи и судѣ въ серьезномъ смыслѣ и говорить нечего. Въ лучшемъ положеніи были города, которые пользовались магдебургскимъ правомъ, имѣли свое самоуправленіе, судъ и жили отдѣльною, болѣе или менѣе независимою жизнью.

Кромѣ сословности, въ государственномъ строѣ Рѣчи Посполитой не маловажную роль играла и религіозная нетерпи-

мость. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми печальными явленіями, которыми всегда сопровождалось соревнованіе и борьба двухъ христіанскихъ исповѣданій—католичества и православія. Послѣ того какъ Литва соединилась съ Польшей и стала вполне естественнымъ путемъ подчиняться высшей культурѣ польской, начало одерживать верхъ и католичество, какъ религія націи съ высшей культурой, надъ православіемъ, бывшимъ религіей литовцевъ, народности, стоявшей, несомнѣнно, на низшей степени развитія сравнительно съ поляками. Сначала вытѣсненіе православія католичествомъ совершалось вполне мирнымъ путемъ, путемъ культурнаго, такъ сказать, воздѣйствія, пока въ политику польскаго государства не вошла печальная струя произвести нравственное насиліе надъ народностями, входившими въ составъ Польши, полонизировать ихъ. Полонизація эта понималась, между прочимъ и въ смыслѣ обращенія въ католичество ¹⁾. Добровольно это не могло совершиться. У человѣка есть двѣ вещи, безразличныя для общества, но слишкомъ дорогія для отдѣльной личности, съ которыми онъ нелегко разстается, а если и разстается, то это происходитъ съ кореннымъ нравственнымъ переворотомъ, если не съ нравственнымъ паденіемъ личности.—Это родной языкъ и затѣмъ вѣра отцовъ. И то, и другое всасываетъ человѣкъ, такъ сказать, съ молокомъ матери; на почвѣ того и другого рождаются у человѣка нравственныя и общественныя понятія и инстинкты. Родной языкъ связываетъ человѣка съ другими людьми; заставляетъ чувствовать себя солидарнымъ съ ними, вырабатываетъ патріотизмъ, какъ любовь къ родинѣ, а отсюда, конечно, вырабатывается и особое понятіе о родинѣ, членомъ которой человѣкъ себя чувствуетъ и служить которой онъ признаетъ себя обязаннымъ. Такое же значеніе

---

¹⁾ Факты, относящіеся къ этимъ событіямъ см. у Колломица „Литовская унія или послѣднее соединеніе литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 г.; *то же* Литовская церковная унія; *то же* Чтенія по исторіи Западной Россіи. 1884 г. Костомаровъ Историческія монографіи т. III. Макушевъ Общественныя и государственныя вопросы въ польской литературѣ въ XVI вѣкѣ. А. Архангельскій Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе южной Руси къ концѣ XVI вѣка въ „Кіевск. Стар.“ 1886 г. май.

имѣть и религія отцовъ. Она также связываетъ людей между собою, предыдущее поколѣніе съ послѣдующимъ, она создаетъ общій нравственный кодексъ. Какъ философская система, религія даетъ удовлетвореніе умственнымъ запросамъ отдѣльныхъ вѣрующихъ поколѣній, по своему обобщая и объясняя тѣ міровыя и жизненныя явленія, которыя хочетъ знать и свести вмѣстѣ, обобщить и объяснить пытливый, но все еще младенческій умъ человѣка. Вотъ почему такъ дорогъ бываетъ родной языкъ и вѣра отцовъ; вотъ почему такъ крѣпко отстаиваютъ ихъ люди. Не простое упорство играетъ здѣсь роль. Напротивъ, вопросъ здѣсь идетъ о нравственной личности отдѣльнаго человѣка, затѣмъ людей, націи. Станетъ понятнымъ теперь, почему на этой почвѣ такъ долго и такъ упорно велась борьба малорусскаго народа съ поляками, борьба, окончившаяся присоединеніемъ Малороссіи къ еднновѣрной Россіи.

Брестская религіозная унія 1596 года рѣшительнымъ образомъ измѣнила положеніе православія и православныхъ въ Польшѣ, такъ какъ она являлась актомъ не только религіознымъ, но *de facto* и политическимъ. Если до сихъ поръ православіе официально терпѣлось, то причина этого лежала въ томъ, что права православныхъ были ограждены постановленіями люблинской политической унії, по которой Польша навѣки соединилась съ Литвой, подтвердивъ послѣдней всѣ права и привилегіи, дарованныя ей когда-нибудь отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, между прочимъ, и права языка, вѣры и проч. ¹⁾ Постановленія люблинскаго сейма впоследствии не разъ подтверждались и служили, такимъ образомъ, своего рода конституціей, на которую всегда могли опираться представители русской народности, вошедшей вмѣстѣ съ Литвой въ составъ Польши. Русскій народъ исповѣдывалъ православную вѣру, и, такимъ образомъ, вѣра эта пользовалась всѣми правами въ Польшѣ наряду съ католической. Брестская унія юридически не отмѣнила люблинскихъ постановленій. По виду,

---

¹⁾ *Volumina legum* т. II, стр. 84—87 и 92 § 2. О люблинской унії см. выше названныя сочиненія *Колловича* и *Н. И. Костомарова*.

она являлась только актомъ религіознымъ: православные съ католиками соединились путемъ компромисса, уступки въ отдѣльныхъ, преимущественно, обрядовыхъ, частностяхъ ихъ вѣроученій. Но изъ этого вытекали важныя политическія послѣдствія. Брестская унія была, вѣдь, заключена отъ лица всѣхъ русскихъ, православныхъ, подписана высшими и вполне законными представителями западно-русской православной церкви, митрополитомъ, архіепископами, епископами и др.; акту былъ приданъ характеръ заключеннаго по желанію всѣхъ или большинства лицъ православнаго вѣроисповѣданія, слѣдовательно, характеръ вполне добровольнаго акта. Вмѣстѣ съ объявленіемъ унии раздалась, правда, протесты, доказывали подложность ея; но юридически брестскій актъ опровергнуть никогда не былъ (по какимъ причинамъ—для насъ безразлично), продолжалъ существовать столѣтія и далеко пережилъ самую Рѣчь Посполитую. При такомъ характерѣ унии, православіе, какъ официально признанная религія, должно было исчезнуть. Съ точки зрѣнія государства, основанной на актѣ 1596 года, православные являлись исключеніями, еретиками, упорствовавшими въ своихъ предразсудкахъ и старыхъ вѣрованіяхъ, протестовавшими противъ вѣрованія, признаннаго официально, словомъ, являлись тѣмъ, чѣмъ являются, на примѣръ, русскіе старовѣры и сектанты по отношенію къ православію и русскому государству. Въ ту пору когда государство считало своимъ правомъ или даже обязанно, стію брать на себя опеку надъ человѣческою совѣстью, нечего было и думать о какой-нибудь религіозной терпимости или о гражданской равноправности лицъ, исповѣдывающихъ разныя религіи. Для того, чтобы пользоваться гражданскими правами даннаго государства, необходимо было вѣровать такъ, какъ хочетъ это государство. Немудрено, поэтому, что православіе со времени брестскаго собора является, въ сущности, религіей безправной и къ тому же гонимой¹⁾.

¹⁾ О Брестской религіозной унии существуетъ въ настоящее время большая литература. См. *Н. И. Костомаровъ* Монографія т. Ш. *Колловичъ* Литовская церковная унія *Преосв. Макарій* Исторія русской церкви т. IX. *Иваницевъ* Свѣдѣнія о началѣ унии, извлеченныя изъ актовъ кievск. централ. архива въ Рус. Бесѣдѣ 1858 г. № 4. *Соловьевъ* Исторія Россіи т. X и др.

Мы ужъ выше говорили, что права православныхъ въ Польшѣ и ихъ гражданское равенство съ католиками было основано на постановленіяхъ люблинскаго сейма, актъ котораго, утверждая Литвѣ и Руси всѣ права и привилегіи, обѣщала никогда ихъ не нарушать. Фактическое положеніе дѣлъ послѣ брестской уніи являлось, повидимому, нарушеніемъ люблинскихъ постановленій и обѣщаній; но юридическаго нарушенія, въ сущности, здѣсь не было. Если въ актѣ 1569 года говорится о людяхъ Римскаго и Греческаго закона, при чемъ подъ послѣдними разумѣются, конечно, православные, то въ 1596 году эти православные, по оффиціальному акту, имѣвшему законную силу, добровольно перешли въ унію и, такимъ образомъ, для польскаго государства православіе, какъ оффиціальная религія перестала существовать, хотя люблинскія постановленія и сохраняли свою силу, только въ нихъ подъ именемъ людей греческаго закона разумѣлись уже не православные, а уніаты.

Съ этого-то времени начинается новый моментъ въ жизни малорусскаго народа—его трагическая борьба съ польскимъ государствомъ. Въ основѣ этой борьбы лежало три мотива, національно-политическій, религіозный и экономическій. Мотивы эти дѣйствовали вмѣстѣ и были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Мы ужъ выше упоминали, что православіе, какъ религія націи съ низшей культурой, стало вполне естественнымъ путемъ уступать мѣсто католичеству, а такъ какъ культурное вліяніе Польши, вслѣдствіе цѣлаго ряда экономическихъ и политическихъ причинъ, должно было отразиться на высшихъ, болѣе матеріально обеспеченныхъ, а потому и болѣе культурныхъ классахъ, то, понятно, почему католичество пустило свои корни среди русскаго вельможества и шляхетства. Однихъ здѣсь привлекали, можетъ быть, и выгоды, но такъ какъ послѣднія до введенія брестской уніи не могли быть значительны, то мы имѣемъ полное право предполагать, что у большинства русскихъ шляхтичей не было нравственнаго компромисса, а вполне естественное подчиненіе религіи народа съ большей культурой. Какъ бы тамъ ни было, а много шляхтичей перешло въ католичество еще до заключенія уніи, много перешло затѣмъ при этомъ за-

ключеніи. Правда, не мало оставалось ихъ и послѣ 1596 года, и между ними такія личности, какъ Константинъ Острожскій, которые изъ-за разныхъ причинъ боролись за православныхъ и православную вѣру¹⁾; но, въ сущности, это были остатки православнаго русскаго шляхетства, могущаго представлять какую-нибудь политическую силу. Уже на Константинѣ Острожскомъ видно вліяніе католичества, а потомство его прямо оставляетъ вѣру предковъ.

При такомъ ходѣ дѣлъ, между русскимъ шляхетствомъ и народомъ не только терялась всякая связь, но вырабатывались прямо таки враждебныя отношенія. Въ то время, какъ народъ оставался вѣрнымъ старой отцовской вѣрѣ,—шляхетство забывало ее, забывало и родной языкъ, связывавшій его съ народомъ; проникалось затѣмъ тѣми взглядами религіозной нетерпимости, которые господствовали въ Польшѣ подъ вліяніемъ нахлынувшихъ іезуитовъ и которые отражались, естественно, на внутренней политикѣ польскаго государства. Православная вѣра подвергалась гоненію, и роль этихъ гонителей выпала, между прочимъ, и на долю ополеченныхъ русскихъ шляхтичей, сдѣлавшихся вѣрнымъ орудіемъ іезуитовъ. Гонимыми были лица, исповѣдывавшія православную вѣру, а такъ какъ послѣдними были почти исключительно русскіе, и при томъ лица, преимущественно, крестьянскаго или мѣщанскаго сословія, то православная вѣра получаетъ обидную кличку вѣры хлопской, т. е. исповѣдуемой хлопами, крестьянами. Съ этой поры понятія православный и русскій совпадаютъ, и, такимъ образомъ, на почвѣ религіозной возникаетъ вопросъ національный. Стремясь улучшить положеніе православныхъ въ Польшѣ, стремятся въ тоже время улучшить и положеніе русской національности.

Какъ всегда, такъ и здѣсь, культурныя, національно-религіозныя теченія выросли на почвѣ экономической. Большинство

¹⁾ Объ этомъ у *Н. И. Костомарова* Историч. монографіи т. III, у *Колломыча* Литовская унія и Литовская церковная унія; *Преосв. Макаріи* Исторія русской церкви т. X. *Иваннишевъ* Постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ Арх. юго-зап. Росс. т. I, ч. III; О происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи Арх. юго-зап. Росс. т. I, ч. IV (Предисловіе М. Юзефовича, статья проф. В. В. Автономича).

русскаго народа, жившаго въ деревняхъ, было въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Безумная роскошь польскаго вельможества и шляхетства, такъ характерная для польскаго общества тогдашняго и послѣдующаго времени, требовала громадныхъ средствъ, а средства эти добывались изъ имѣній, воздѣлываемыхъ руками крѣпостнаго населенія. Немудрено, что подати и повинности крестьянства росли непомѣрно, при чемъ при взысканіи ихъ не обращалось ни на что вниманія: ни на бѣдность жителей, ни на особыя условія того или другаго года и пр. Такъ всегда бываетъ въ обществѣ, гдѣ сильны эгоистическія и индивидуалистическія стремленія, гдѣ слаба общественность, гдѣ личность, въ видѣ ли отдѣльнаго человѣка или цѣлаго сословія, не привыкла подчинять свои интересы интересамъ общественнымъ. Экономическая зависимость малорусскаго крестьянства отъ ополченныхъ шляхтичей получала тѣмъ болѣе острый характеръ, что личность крестьянина ничѣмъ не была гарантирована отъ произвола помѣщика. Послѣдній могъ по своему желанію увеличивать размѣръ податей, онъ судилъ крестьянъ, наказывалъ ихъ, имѣлъ надъ ними даже фактически право жизни и смерти, такъ какъ крестьянину, при томъ могуществѣ и свободѣ, которою пользовалось шляхетство въ Польшѣ, негдѣ было искать управы ¹⁾). Отъ помѣщика же зависѣлъ крестьянинъ и въ дѣлѣ религіи. Унія, правда, не скоро, да и не сильно распространилась среди малорусскаго крестьянства. Большинство его такъ и осталось при православіи. Но это только увеличивало тяжесть положенія малорусскаго народа. Помѣщики съ ревностью неофитовъ, подстрекаемые нерѣдко іезуитами, относились презрительно къ хлопской вѣрѣ и хлопскому православному духовенству, позволяя надъ нимъ всевозможныя насилія и издѣвательства и дѣлая изъ права исповѣдывать православную вѣру источникъ для своихъ матеріальныхъ выгодъ, отдавая цер-

---

¹⁾ *И. Новицкій*. Очеркъ исторіи крестьянства въ юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ. Кіевъ. 1876 г., предисловіе къ 6 части I тома Архива юго-западной Россіи, заключающаго въ себѣ акты объ экономич. и юридическыхъ отношеніяхъ крестьянъ въ юго-зап. Россіи.

кви въ аренду, взымая подати за право служенія въ нихъ и проч. ¹⁾).

Все это, понятное дѣло, должно было ожесточать народъ, вело къ дѣлому ряду возстаній противъ польскаго государства, возстаній, которыми характеризуется конецъ XVI и первая половина XVII вѣка ²⁾). Предводителями этихъ возстаній были козаки, жившіе въ польскихъ пограничныхъ областяхъ. Кадры козаковъ составлялись и постоянно пополнялись бѣглыми малороссійскими крестьянами, которые, бросая своихъ помѣщиковъ, старались избавиться отъ крѣпостнаго права. Каждое новое, возстаніе козаковъ вызывало новое массовое бѣгство за крѣпощеннаго малорусскаго люда. Въ этихъ возстаніяхъ всегда соединялось два элемента, которые придавали имъ опредѣленный характеръ. Это было желаніе защитить свою вѣру и улучшить свое положеніе; а такъ какъ съ понятіемъ *православный* тѣмъ самымъ соединялось понятіе *русскій*, то всѣ козацкія возстанія окрашены ярко національнымъ характеромъ. Религіозно-экономическое движеніе обращалось въ національное, малорусская національность защищала себя отъ національности польской, требовала уравниенія съ нею, требовала права засѣдать православнымъ на ряду съ католиками въ сеймѣ Рѣчи-Посполитой. Здѣсь козацкія движенія получали политическій характеръ.

¹⁾ См. названна выше труды Н. И. Костомарова, Колловича, преемв. Макаріа. С. М. Соловьева, И. Н. Новицкаго, а также Архивъ юго-западной Россіи ч. I. т. VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648 г.). Статьи О. И. Левницкаго въ Кіевск. Стар. 1882, 1883, 1884, 1889 и 1891 годовъ.

²⁾ Арх. Юго-Зап. Россіи: ч III т. I: Акты о козакахъ (1500—1648). Статья къ нимъ написана проф. В. Б. Антоновичемъ. С. М. Соловьевъ. „Очерки исторіи Малороссіи до присоединенія ея къ Россіи“ въ „Отеч. Зап. 1848 г. № 11 и 12 и 1849 г. № 2; *его-же* „Исторія Россіи“ т. X. Н. И. Костомаровъ „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“ т. I и II: біографіи князя К. Б. Острожскаго, Петра Могилы и Богдана Хмельницкаго. *Его-же* „Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшою“ въ первой половинѣ XVII в. до Богдана Хмельницкаго въ „Отеч. Зап.“ 1856 г. № 9; *его-же* „Южная Русь и козачество до возстанія Богдана Хмельницкаго“ Отеч. Зап.“ 1870 г. № 1 и 2, *его-же* „Богданъ Хмельницкій“ т. I. „Историч. монограф.“ т. IX, X, XI. А. Я. Ефименко. „Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками“ „Слово“ 1879 г. № 9 и 11.

Мы не будемъ, конечно, останавливаться на частностяхъ козацкихъ движеній. Для нашей цѣли важно отмѣтить только національный характеръ ихъ, а затѣмъ то обстоятельство, что движеніе строилось въ концѣ концовъ на экономической подкладкѣ и исходило изъ тѣхъ слоевъ народа, которымъ не было мѣста въ аристократическомъ государственномъ строѣ Рѣчи-Посполитой. Послѣдняя, какъ извѣстно, отвергла всякіе компромиссы, и малорусскій народъ соединился съ Россіей. Вотъ тутъ-то, при организаціи малорусскаго общественнаго строя, на первыхъ порахъ, при новыхъ условіяхъ, и оказали могущественное вліяніе характеръ, направленіе и результаты борьбы малорусскаго народа съ поляками. Съ этой то цѣлью мы и позволили себѣ воснуться ихъ, хотя бы только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Изъ всего вышесказаннаго, думается намъ, будетъ понятно, почему польскій общественный строй не могъ лечь въ основу вновь нарождавшагося малорусскаго общества. Послѣднее составляли, главнымъ образомъ, представители того класса, которому не было мѣста въ государственномъ строѣ Рѣчи-Посполитой—крѣпостные, или же козаки, права которыхъ юридически никогда не были строго опредѣлены, а если и опредѣлялись, то это происходило въ исключительныхъ условіяхъ и имѣло силу до тѣхъ поръ, пока, въ сущности, существовали эти исключительныя условія, представлявшія опасность Рѣчи-Посполитой, въ видѣ ли нашествія татаръ, возстанія козаковъ или побѣдъ послѣднихъ надъ войсками польскаго королевства ¹⁾). Малорусскій народъ всегда привыкъ чувствовать въ польскомъ строѣ своего врага, сдавливавшаго его личность съ цѣлью ополченія, лишавшаго его не только политическихъ, но простыхъ гражданскихъ правъ, дѣлавшаго насилія надъ его совѣстью, принуждая принять то религіозное исповѣданіе, которое являлось измѣною отцовской вѣрѣ. Малорусскій народъ, отстаивая свою самобытность и стремясь къ улучшенію своего положенія,

¹⁾ В. Б. Антоновичъ. Предисловіе къ III ч. I т. Арх. Юго-Зап. Россіи Н. И. Костомаровъ „Южная Русь и козачество до возстанія Богдана Хмельницкаго“ „Отеч. Зап.“ 1870 г. № 1 и 2.

боролся противъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя создавалъ польскій строй, а потому, естественно, къ нему онъ относился враждебно и не могъ взять его за фундаментъ для основанія новыхъ своихъ общественныхъ отношеній. Послѣднія должны были строиться на демократическомъ принципѣ,—въ теоріи, по крайней мѣрѣ, такъ какъ на практикѣ, какъ увидимъ ниже, было много отступленій отъ этого принципа. Демократическій же принципъ вытекалъ изъ того фактическаго положенія дѣлъ, что переворотъ въ малорусской жизни былъ произведенъ силою народныхъ массъ, применившихъ къ демократическо-военной организаціи козачества,—и разъ онъ влялся въ основу новаго строя, онъ, естественно, исключалъ возможность какого-нибудь компромисса съ аристократическимъ строемъ Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушалъ всѣ тѣ отношенія и всѣ тѣ учрежденія, которыя такъ или иначе были связаны съ послѣднимъ. Вотъ почему жило въ малорусскомъ обществѣ представленіе о томъ, что и гражданскія сдѣлки, вѣрности, заключенныя при польскомъ правительствѣ „козацкою саблею скасованы 1)“. На практикѣ, повторяемъ, много было отступленій отъ этого, много сохранилось въ жизни остатковъ и вліяній стараго строя, такъ какъ нельзя же сразу уничтожить всего, что выработано исторіей—но это нисколько не мѣшаетъ намъ признать, что въ основу малорусскаго строя теоретически былъ положенъ принципъ, совершенно исключавшій аристократическое начало, лежавшее въ основѣ Рѣчи-Посполитой.

Принципъ этотъ, впрочемъ, не былъ новъ для малорусскаго народа. Онъ осуществлялся въ тѣхъ вольныхъ козацкихъ общинахъ, носившихъ военный характеръ, которыя мы встрѣчаемъ въ польскихъ пограничныхъ областяхъ и на порогахъ Днѣпра 2). Общины эти, несомнѣнно, вліяли и на первоначаль-

1) *А. М. Лазаревскій* „Малороссійскіе псполитне крестьяне. Черн. 1866 г. стр. 5.

2) *В. Б. Антоновичъ*. Исслѣдованіе о козацествѣ по актамъ 1500—1648 г. (предисловіе къ III ч. I т. Арх. Юго-Зап. Россіи) *И. М. Каманинъ*. Къ вопросу о козацествѣ до Богдана Хмельницкаго. Кіевъ. 1894 г. (Изъ 8-й книги „Чтеній“ въ Общ. дѣлѣ. Нестора).

ную организацію малорусскаго строя, послѣ того какъ Богданъ Хмельницкій соединился съ Россіей. Такое вліяніе становится вполне понятнымъ, если принять во вниманіе, что козачество составляло тотъ центръ, вокругъ котораго группировались недовольные элементы Рѣчи Посполитой, во время своей борьбы съ послѣднею. Козачество затѣмъ было единственной организованной силой въ этой борьбѣ. Понятно, поэтому, что какъ скоро борьба была кончена и приходилось перейти къ мирной гражданской жизни, польскій строй былъ отвергнутъ, какъ негодный,—единственной организаціей, за которую могъ ухватиться, на которую могъ опереться малорусскій народъ, было козачество. И козацкая организація, дѣйствительно, легла въ основу малорусскаго строя. Мы видимъ, во первыхъ, особую группу общества, предназначенную нести военную службу—козаковъ. Они являютъ изъ себя типъ воина-пахаря, какими козаки являлись и въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Управление, начиная съ гетмана и кончая атаманомъ, носитъ характеръ военный, функціи военныя и гражданскія смѣшаны, какъ въ администраціи, такъ и въ судѣ и т. д. Конечно, что легко примѣнялось въ небольшомъ размѣрѣ, при однородномъ составѣ и характерѣ населенія и, такимъ образомъ, удовлетворяло потребности, то становилось недостаточнымъ, какъ скоро дѣло переносилось въ болѣе широкую сферу и затрагивалось множество самыхъ разнообразнѣйшихъ отношеній. Количество козаковъ, напримѣръ, было опредѣлено „пунктами“, заключенными между Богданомъ Хмельницкимъ и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; но населеніе Малороссіи превышало это количество и постоянно увеличивалось бѣглецами и переселенцами изъ Польши—являлся вопросъ, конечно, въ какое отношеніе становились они къ малорусскому обществу и затѣмъ къ козацкому строю? Отвѣта на это нельзя было найти въ той организаціи, которая сдѣлалась прототиномъ для Малороссіи. Создавалась, такимъ образомъ, особая группа, не предусмотрѣнная этой организаціей—посольство. Сначала она выдѣляется въ малорусскомъ общественномъ строѣ довольно неопредѣленно, а затѣмъ получаетъ къ концу ХVІІ в. уже большую

опредѣленность¹⁾). Козацкая организація не совмѣщала въ себѣ и городского самоуправленія, которое она нашла въ нѣкоторыхъ городахъ Малороссіи, пожелавшихъ сохранить ее и при новыхъ порядкахъ. Опять являлся вопросъ, какое положеніе должны занять города въ новомъ малороссійскомъ общественномъ строѣ? Жизнь выдвигала новыя формы въ области государственнаго, гражданскаго и др. права,—требовалось и для нихъ найти и опредѣлить извѣстныя нормы. Словомъ, тотъ строй, который легъ въ основу малорусскаго общества былъ слишкомъ узокъ; требовалось расширеніе его въ разныя стороны. Здѣсь, между прочимъ, и былъ одинъ изъ камней преткновенія въ развитіи малорусскаго общественнаго строя.

Дѣло-то въ томъ, что для того, чтобы регулировать извѣстныя общественныя отношенія и создать для нихъ ту или другую юридическую норму, требуется извѣстное критическое отношеніе къ тѣмъ явленіямъ, которыя выдвигаетъ жизнь, требуется опредѣлить ихъ значеніе, ихъ сходство или различіе съ другими подобнаго рода явленіями. Трудность нормировать отношенія увеличивается, понятное дѣло, по мѣрѣ ихъ дифференціаціи, по мѣрѣ развитія, усложненія общества. То, что легко подчинялось извѣстной нормѣ, вытекающей изъ нравственныхъ принциповъ или изъ требованій общественной пользы, когда общество было невелико, когда отношенія не такъ переплетались,—дѣлается трудно нормируемымъ, когда, по мѣрѣ увеличенія общества, расширяются и усложняются общественныя отношенія. Семья, родъ знали общность имуществъ; но когда родъ сталъ распадаться и переходить мало-по-малу въ государство, когда общіе интересы родичей встрѣтились съ частными интересами личностей, входившихъ или соприкасавшихся съ родомъ, нормы, регулировавшія прежнія имущественныя отношенія рода, должны были измѣниться кореннымъ образомъ. Количество этихъ отношеній увеличилось, должно было увеличиться и количество нормъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась и трудность разграничить

¹⁾ *Ал. Лазаревскій* Малороссійскіе посполитые крестьяне стр. 6 и слѣд. *В. А. Мякотинъ* Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи въ Рус. Богат. 1894 г. № 2 стр. 36.

ихъ одну отъ другой, каждой дать свое опредѣленное мѣсто, выработать болѣе или менѣе стройный порядокъ, въ которомъ бы соединялись, которому бы подчинялись всѣ отношенія въ данномъ обществѣ.

Малорусское общество возникло, говорили мы, не на первыхъ порахъ человѣческаго развитія, а тогда, когда каждый членъ его имѣлъ уже свою многовѣковую исторію. Малорусскій народъ долгое время жилъ среди организованнаго польскаго общества, заимствовалъ отъ него или выработалъ самостоятельно цѣлый рядъ общественныхъ отношеній. Въ области гражданскаго права мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у него вполне развитое понятіе полной личной собственности, съ правомъ пользоваться и распорядиться по своему усмотрѣнію; на ряду съ этимъ существуетъ право общиннаго и общаго владѣнія землей¹⁾ Малорусское наследственное право носить также слѣды долгаго историческаго процесса и разныхъ вліяній и является довольно сложнымъ и запутаннымъ, благодаря тому, что нормы писаннаго права, проникавшія въ малорусскую жизнь, нерѣдко входили въ компромиссъ съ нормами права обычнаго, какъ, напримѣръ, при наследованіи дочерей въ имущество родителей, когда зять садился на ихъ усадьбу и пр. Мы уже говорили о сложныхъ отношеніяхъ въ малорусскомъ обществѣ, выдвигавшихъ многіе трудные и запутанные вопросы въ области государственнаго права, для которыхъ не находилось готовыхъ нормъ во вновь возникшемъ обществѣ, но которые такъ или иначе нужно было рѣшить, чтобы общество могло существовать и дальше развивать свой правовой порядокъ. А рѣшить ихъ возможно было только путемъ сознательной, критической работы надъ общественными отношеніями: малорусскій народъ отвергъ, вѣдь, теоретически всѣ главныя основанія польскаго строя и въ основу новаго, вновь

¹⁾ Названные труды *А. М. Лазаревскаго* и *В. А. Микотина*. Также труды проф. *И. В. Лучинскаго* „Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ“ въ „Огеч. Зап.“ 1882 г. № 11; Слѣды и слѣбныя землевладѣнія въ Малороссіи „Сѣвера. Вѣст.“ 1839 № 1—2; Займанщина и формы залочнаго землевладѣнія въ Малороссіи „Юрид. Вѣст.“ 1890 г. № 3. Проф. *Д. И. Бачалый* Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ въ XVII и XVIII вв. въ „Кіев. Стар.“ 1883 г. № 12.

возникающаго общества положилъ безсловность, общее равенство. Требовалось, поэтому, всѣ прежнія отношенія, возникшія при иныхъ условіяхъ (польскомъ строѣ), передѣлать и согласовать съ новымъ основаніемъ; ему же подчинить и всѣ новыя отношенія.

Посмотримъ же теперь, какія ресурсы были у вновь возникающаго малорусскаго общества, съ помощью которыхъ оно могло бы рѣшить свою трудную задачу?

Нечего и говорить о томъ, что все малороссійское общество неспособно было къ критической, сознательной работѣ, направленной къ урегулированію его отношеній. Здѣсь мы можемъ говорить о той только группѣ, которая, силою разныхъ обстоятельствъ, была выдвинута впереди малорусскаго общества и должна была сдѣлаться, по теоріи, его руководителемъ. Мы разумѣемъ, главнымъ образомъ, лицъ, державшихъ въ рукахъ просвѣщеніе народа и являвшихся дѣятелями малорусской литературы, посредствомъ которой они могли оказывать вліяніе на малорусское общество и содѣйствовать выработкѣ его правового порядка. Характеръ малорусскаго просвѣщенія и литературы въ XVII вѣкѣ проливаетъ намъ свѣтъ и на то обстоятельство, почему среди малорусскихъ политическихъ дѣятелей такъ мало самостоятельности, оригинальности и сознательности въ области политики; почему никто изъ нихъ не выступаетъ съ какими нибудь проектами, почему въ дѣятельности ихъ нѣтъ определенной системы, а всѣ ихъ дѣйствія носятъ случайный, вполне зависящій отъ внѣшнихъ обстоятельствъ характеръ. Малорусскіе общественные дѣятели середины XVII вѣка были людьми безъ всякой политической подготовки, не умѣли ориентироваться въ жизненныхъ явленіяхъ, не смотря на то, что среди нихъ были люди широко образованные по тому времени, окончившіе кievскую академію и пр. Много, конечно, можно указать причинъ всему этому, но, думается намъ, главнѣйшая изъ нихъ, на которую мы и обращаемъ свое исключительное вниманіе, заключалась въ характерѣ малорусскаго просвѣщенія и малорусской литературы, которая особымъ, специальнымъ образомъ воспитывала малорусскій умъ, односторонне направляя

его критическую мысль, приучая къ формализму и удерживая отъ пути широкихъ обобщеній¹⁾). Намъ думается, что здѣсь нужно искать объясненія того факта, что на всемъ протяженіи второй половины XVII вѣка мы встрѣчаемъ единственнаго, кажется, въ своемъ родѣ, политическаго дѣятеля, задумавшагося надъ организаціей малорусскаго строя. Это былъ Юрій Немиричъ, воспитанникъ протестантской Европы.

Малороссія долгое время входила въ составъ Польши и, естественно, что послѣдняя, какъ страна съ высшей культурой, оказывала на нее сильное вліяніе въ области жизни духовной. Польское вліяніе отразилось на языкѣ малороссовъ, куда оно внесло не мало полонизмовъ, на занятіяхъ жителей и ихъ бытѣ, такъ какъ изъ Польши проникали, судя по терминамъ, разныя ремесла, принадлежности костюма, вооруженія, способы обработки полей и пр. Неизбѣжно было вліяніе Польши и въ области умственной дѣятельности малорусскаго народа, заимствовавшаго отъ Польши какъ форму, въ которой выражалась эта дѣятельность, такъ характеръ ея и, въ значительной степени, самое содержаніе. Послѣднее, впрочемъ, опредѣлялось и тѣми внѣшними условіями, при которыхъ развивалась умственная и литературная дѣятельность малорусскаго народа.

То была борьба католичества съ православіемъ, на почвѣ чисто-религіозной, которая возникла послѣ брестской уніи 1596 года.

¹⁾ О малорусской литературѣ XVI и XVII в. см. *И. Порфирьева*. Исторія русской словесности т. I; *Лекарская*. Представители Кіевской учености въ XVII в.: „Отч. Зав. 1862 г. кн. слѣд. *С. Голубевъ* Кіевскій митрополитъ Петръ Могала и его сподвижники Кіевъ 1883 г. т. I. *И. И. Житецкій*. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. „Кіев. Стар.“ 1888 г. *Ф. А. Терновскій* Южно-русское проповѣдничество XVI и XVII в. „Руков. для сельск. паст.“ 1869 г. *Ф. Т—аю*. Характеристика южно-русской схоластической проповѣди въ связи съ проповѣдью западно-европейскою и польскою „Руков. для сельск. паст.“ 1875 г. № 7, 8 и 10. *И. И. Петровъ*. О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г. Труды Кіев. Дух. Акад. 1866 г. ч. 2. Статьи проф. *Н. Ф. Сумиова* о малорусскихъ литературныхъ дѣятеляхъ XVI и XVII в. въ „Кіевской Старинѣ“ 1884 и 1885 г.; *это-же* Лазарь Барановичъ Хар. 1885 г. *Миронъ* Іоаннъ Вишенскій въ „Кіевск. Стар.“ 1889 г. № 4. *И. И. Житецкій*. Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго „Кіев. Ст.“ 1890 № 6. *И. А. Шапкинъ*. Св. Дмитрій Ростовскій и его время Сиб. 1891 г. и др.

Въ рукахъ католичества было сильное оружіе въ видѣ схоластической науки, имѣвшей, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, одно громадное преимущество. Она, въ извѣстномъ, хотя и одностороннемъ смыслѣ, дисциплинировала умъ, приучала, правда, къ формальному, но все же болѣе систематическому мышленію, вносила въ него извѣстный порядокъ. Въ этомъ смыслѣ, католичество всегда могло имѣть перевѣсъ надъ своимъ противникомъ—православіемъ, какъ скоро онъ являлся не съ равнымъ оружіемъ. Такимъ образомъ необходимость данной минуты заставляла малороссовъ обращаться къ схоластической наукѣ. Это было неизбѣжно и по другимъ причинамъ, которыя существовали уже раньше причинъ религіозныхъ и обусловили то явленіе, что, при самомъ возникновеніи религіозной борьбы, мы встрѣчаемъ среди малороссовъ людей, воспитанныхъ на схоластикѣ. Уже самый фактъ пробужденія среди малороссовъ стремленія къ знанію не могъ бы имѣть мѣста безъ польскаго вліянія. Это подтверждается какъ содержаніемъ болѣе раннихъ произведеній малорусской литературы, такъ и тѣмъ соображеніемъ, что духовную жизнь Малороссіи никакъ нельзя обособить отъ духовной жизни Польши съ той поры, какъ она соединилась съ послѣднею, вошла съ нею въ близкія отношенія на почвѣ политической. При такихъ условіяхъ, Малороссія не могла создать вродѣ самобытной культуры. Она, естественно, какъ ужъ было замѣчено, подчинилась культурѣ болѣе высокой, польской; отъ нея она воспринимала и тѣ формы, въ которыя эта культура выливалась. Немудрено, поэтому, что на малорусскомъ мышленіи отразилось схоластическое вліяніе, господствовавшее въ Польшѣ. Здѣсь, конечно, играло роль, между прочимъ, и то психологическое явленіе, имѣющее мѣсто какъ у отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ націй, по которому умъ, дисциплинированный хотя бы только формально, подчиняетъ себѣ умъ менѣе дисциплинированный и не привыкшій систематически мыслить. Малороссы, такимъ образомъ, были какъ-бы органически связаны со схоластической наукой, и послѣдняя, при такихъ обстоятельствахъ, налагала опредѣленный отпечатокъ на малорусское мышленіе, предохраняя его отъ разносторонности, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и лишая его, въ значительной мѣрѣ, творческаго элемента.

Схоластика, какъ извѣстно, возникла на католическо-религіозной почвѣ. Характерною особенностью ея являлось то обстоятельство, что она ставила извѣстныя границы человѣческой критикѣ, выставляя цѣлый рядъ положеній, которыя считались за аксіомы и которыхъ критика не должна была касаться. Въ области религіозной это, пожалуй, было и необходимою, но въ области свѣтской науки такая характерная особенность схоластики ставила серьезныя преграды правильному развитію человѣческаго мышленія. Она, поневолѣ, дѣлала это мышленіе поверхностнымъ, критику неглубокой. Принимая цѣлый рядъ положеній за основныя, не подлежащія критикѣ, схоластическая система сводилась, въ сущности, къ тому, чтобы факты притянуть къ этимъ положеніямъ, какъ къ выводамъ, а отсюда вырабатывался извѣстный формализмъ мышленія и затѣмъ его конкретность. Формализмъ этотъ заключался въ томъ, чтобы путемъ извѣстныхъ приѣмовъ установить логическую связь между явленіями, въ дѣйствительности, можетъ быть, этой связи и неимѣющими. Такъ какъ основной критики примѣнить нельзя было, то все сводилось, конечно, къ приѣмамъ, къ формѣ, и, такимъ образомъ, наука теряла свой научный характеръ, заключающійся въ критической провѣркѣ фактовъ и ихъ обобщеніяхъ, и обращалась въ какую-то въ сущности методологію. Это же вело и къ конкретности мышленія, которая характеризуется постояннымъ тяготѣніемъ къ отдѣльнымъ фактамъ, явленіямъ, къ частностямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полною неспособностью подняться до высоты какихъ-нибудь принциповъ или отвлеченныхъ понятій, выработанныхъ критической работой ума...

Для религіи, повторяемъ, все это, можетъ быть, было и удобно, но зато все это имѣло неблагопріятныя послѣдствія, какъ скоро переносилось въ обыкновенную свѣтскую жизнь, гдѣ требовалось и требуется самое широкое примѣненіе критики. Послѣдствія эти лучше всего сказались на судьбѣ Малороссіи и на роли, которую играла здѣсь малорусская интеллигенція.

Борьба съ унией вызвала въ Малороссіи усиленное стремленіе къ основанію школъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Была основана и кievская духовная академія, въ которой воспитывались не одни только лица духовныя, но и свѣтскія, такъ что академія, поистинѣ, служила разсадникомъ просвѣщенія на югѣ Россіи, подготавливая дѣятелей на разныхъ поприщахъ общественной жизни. Этимъ и объясняется ея значеніе въ исторіи умственной жизни малорусскаго народа. Малорусскія школы основывались подъ вліяніемъ Польши и съ опредѣленною цѣлью. Немудрено, что схоластическая наука стала въ нихъ исключительно преобладающей, а вмѣстѣ съ этимъ оказала она сильное вліяніе и на характеръ умственной жизни Малороссіи. Пока шло дѣло на почвѣ религіи, схоластическая наука и литература вполнѣ удовлетворяли своей цѣли служить малорусскому народу. Посредствомъ нихъ боролись съ Польшей, съ иезуитами. Съ религіозной борьбой, говорили мы, связана была борьба національно-политическая, а затѣмъ и экономическая. Это были факты, которыхъ не могла совсѣмъ обойти малорусская литература, и она мимоходомъ, говоря о вопросахъ религіозныхъ, затрогиваетъ вопросы національные, экономическое положеніе крестьянъ и пр., но затрогиваетъ ихъ безъ критики, а исключительно потому, что они, въ сущности, сливались съ вопросами религіозными. Впрочемъ, немногіе только писатели, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, касались этихъ вопросовъ. Въ общемъ, малорусская наука и литература XVII в. лишены общественныхъ мотивовъ. Они или ведутся на почвѣ исключительно религіозной, или затрогиваютъ темы для жизни, въ сущности, безразличныя, причемъ обращаютъ главное вниманіе на форму выраженія мыслей. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ проф. Н. Ф. Сумцова, который говоритъ, что „характеристическая особенность науки и литературы конца XVI и начала XVII ст. состоитъ въ ихъ тѣсной связи съ народной жизнью, въ томъ что они исходятъ изъ народной жизни, питаются ею, почерпаютъ въ ней свои главныя силы, выражаютъ преимущественно интересы народа, во всей его вѣроисповѣдной цѣльно-

сти и въ совокупности всѣхъ его сословіи¹⁾». Эти мысли кажутся намъ лишенными реального содержанія. Конечно, каждый писатель находится въ зависимости отъ той среды и того народа, среди котораго онъ живетъ. Малорусскіе писатели, дѣйствительно, защищали интересы народа, когда отстаивали независимость православной вѣры, но это врядъ-ли даетъ намъ право говорить о тѣсной связи малорусской литературы съ народной жизнью. Говоря о такой связи, историки литературы погрѣшаютъ часто, забывая, напримѣръ, что если проповѣдникъ говоритъ о какомъ-нибудь явленіи народной жизни и осуждаетъ его, то здѣсь связь литературы съ жизнью только внѣшняя—совпаденіе темъ. Нужно указать, на сколько малорусская литература понимала народную жизнь, критически относилась къ ней, къ чему стремилась литература въ области народной жизни и оказывала ли она какое-нибудь вліяніе на послѣднюю?..

Думаю, если поставить эти вопросы, придется отвѣтить на нихъ отрицательно. Характерную особенность малорусскаго мышленія XVII вѣка, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ отсутствіе критическаго элемента или слишкомъ поверхностная критика, обусловленная схоластической школой. Критика эта ограничивается только областью фактовъ. Творческой мысли съ цѣлью свести эти факты, объединить ихъ, мы не замѣчаемъ. Малорусская литература обнаруживаетъ неспособность дѣлать общіе выводы и затѣмъ склонность возводить отдѣльные факты на степень общихъ выводовъ. Отсюда вытекаетъ полнѣйшее подчиненіе факту, дѣйствительности и неспособность жить какою-нибудь отдаленною цѣлью, ставить себѣ общественный идеалъ и стремиться къ его осуществленію. Это, конечно, имѣло роковое вліяніе и на малорусскую жизнь. Когда съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, потребовалась дѣятельность интеллигенціи, чтобы регулировать общественныя отношенія, создать какія-нибудь нормы политической и гражданской жизни, т. е. другими словами поставить себѣ извѣстный общественный идеалъ, малорусская интеллигенція, оказалась, въ полномъ смы-

¹⁾ См. „Кіевск. Старина“ 1883 г., январь, стр. 7.

слѣ слова, неспособной. Она не могла ориентироваться въ общественныхъ отношеніяхъ, не могла критически отнестись къ фактамъ дѣйствительности, поставить себѣ цѣль, стремиться къ ней и направлять туда же теченіе народной жизни. Интеллигенція, напротивъ, сама подчинилась фактамъ дѣйствительности, не могла взять въ свои руки народной жизни, придти на помощь ей своими знаніями, развитіемъ, критикой и пр.

Интересны въ этомъ отношеніи типы малорусскихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей въ родѣ, на примѣръ, Лазаря Барановича, который принималъ, повидимому, такое живое, горячее участіе въ политической жизни народа. Чѣмъ отличается его дѣятельность отъ дѣятельности другихъ болѣе мелкихъ лицъ малорусскаго общества, отъ дѣятельности, наконецъ, толпы? Въ общемъ—ничѣмъ. Въ Лазарѣ Барановичѣ мы замѣчаемъ тоже слѣдованіе за обстоятельствами, какъ и у другихъ, ту же неспособность овладѣть этими обстоятельствами или даже хотя-бы стремиться къ этому. Въ области общественной жизни у него нѣтъ, не говоря уже о программѣ его дѣйствій, нѣтъ даже опредѣленной общественной цѣли. Какъ и у другихъ его современниковъ, у Лазаря Барановича общественные мотивы совсѣмъ затемняются мотивами личными, эгоистическими, которые налагаютъ опредѣленную печать на всю его дѣятельность. Отсутствіе общественнаго сознанія отражается и на литературной дѣятельности Л. Барановича. Она стоитъ также далеко отъ жизни общественной. Авторъ даже, повидимому, далекъ отъ мысли, что литература должна служить интересамъ народа, а потому и не пользуется ею, какъ орудіемъ для проведенія въ общество своихъ взглядовъ¹⁾. Это есть, конечно, результатъ того умственного и научнаго движенія, рассадникомъ котораго былъ „кіево-могилянскій коллегіумъ, построенный по образцу высшихъ іезуитскихъ училищъ, на преобладаніи внѣшней показной стороны обученія, на подавленіи духовной пытливости и скептицизма началами строгой школьной дисциплины и тяже-

¹⁾ Проф. Н. Ф. Сумцовъ „Лазарь Барановичъ“. Хар. 18-5.

стью церковныхъ авторитетовъ, на развитіи формальной стороны науки ¹⁾“.

При такихъ обстоятельствахъ, малорусская интеллигенція была совсѣмъ неспособной взяться за то дѣло, которое фактически выпадало на ея долю. Она была не подготовлена къ нему. Благодаря этому, организація малорусскаго общественнаго строя, въ значительной степени, была лишена сознательности. Среди малорусскихъ общественныхъ дѣателей находились люди начитанные, по своему времени, очень образованные, но совсѣмъ не способные критически взглянуть на общественныя условія, сознательно отнестись къ нимъ, ихъ регулировать. Немудрено, поэтому, что малорусскій общественный строй на первыхъ же порахъ своего возникновенія принялъ чисто стихійное направленіе, т. е. вполне подчинился вліянію разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій. Изъ этихъ первенствующую роль играли могущественные экономическіе факторы, стоявшіе въ тѣсной связи съ политическими. Ихъ характеръ и развитіе въ XVII вѣкѣ опредѣлили характеръ малорусскаго общественнаго строя. На экономической почвѣ борьбы интересовъ отдѣльныхъ группъ малорусскаго общества создавался малорусскій общественный строй, на ней онъ развивался, на ней онъ и погибъ, какъ увидимъ ниже. Политическія условія, въ свою очередь, только благоприятствовали этому процессу.

Николай Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Проф. Н. Ф. Сумцовъ „Характеристика южно-русской литературы XVII в.“ „Кіев. (стар.)“ 1885 г. Январь стр. 12.

Къ исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній.

Полная и систематическая исторія южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній, ихъ происхожденія и ихъ вліянія на южно-русскую словесность, устную и книжную, невозможна до тѣхъ поръ, пока не будетъ по возможности исчерпанъ и опубликованъ весь апокрифическій матеріалъ, вращающійся въ средѣ южно-русскаго населенія, какъ въ формѣ писанныхъ сказаній, такъ и въ видѣ устныхъ пересказовъ, и пока не будетъ въ этомъ направленіи разработана вся южно-русская литература, особенно древняя, до Котляревскаго, подвергавшаяся очень сильному вліянію апокрифической литературы византийскаго-болгарской и западно-европейской. Почтенный трудъ Н. О. Сумцова «Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ» представляетъ первую попытку систематическаго изложенія преимущественно одной части нашего сюжета—отраженій книжной апокрифической литературы въ устной словесности южно-русскаго народа. Что касается самыхъ книжныхъ текстовъ апокрифическихъ сказаній, то авторъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается указаніемъ ихъ въ извѣстныхъ сборникахъ Тихонравова, Порфирьева, Шпына, въ которыхъ, какъ извѣстно, помѣщены (особенно у Тихонравова) также памятники болгарскіе и сербскіе и въ которыхъ хотя и обозначено, изъ какой рукописи взята статья, но совсѣмъ нѣтъ детальнаго описанія этихъ рукописей и ихъ происхожденія, такъ что о составѣ извѣстныхъ книжныхъ апокрифическихъ сказаній южно-русскихъ работа Г. Сумцова не даетъ никакого опредѣленнаго понятія. Г. Сумцовъ указываетъ также на апокрифическую подробность у Вишенскаго, но во первыхъ у этого самаго писателя можно такихъ подробностей отыскать еще нѣсколько, а во вторыхъ, ихъ еще болѣе въ сочиненіяхъ Галатовскаго (который въ своемъ «Ключѣ разумѣнія» ссылается даже на какое-то неизвѣстное апокрифическое. «Елисаветино откровеніе»),

Транквилиона Ставровцеваго (его «Перло многоцѣнное» представляеть въ этомъ отношеніи богатый и до сихъ не эксплуатированный кладъ) и другихъ писателей XVII—XVIII столѣтій, кончая такимъ характернымъ и въ культурномъ отношеніи очень важнымъ явленіемъ, какъ почаевскій «Богогласникъ» (изданія 1790, 1795, 1800, 1805, 1806, 1825), котораго апокрифическія подробности указаны, но далеко не исчерпаны г. Мироничемъ въ его «Историческомъ и литературно-библіографическомъ изслѣдованіи о Богогласникѣ» (Кіевъ, 1874 г.).

Я не буду останавливаться на томъ, какое важное значеніе имѣеть изданіе возможно полного состава книжныхъ апокрифическихъ сказаній, вращающихся въ Южной Руси. Только тогда возможно будетъ точно опредѣлить степень ихъ вліянія на прочую словесность книжную и устную. Не имѣя подъ рукой текстовъ этихъ сказаній, изслѣдователь всегда долженъ будетъ только приблизительно и гадательно опредѣлять, имѣеть ли онъ въ данномъ случаѣ дѣло съ прямымъ заимствованіемъ, или съ какой-нибудь передачей изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, или, наконецъ, съ созданіемъ свободной фантазіи автора.

Также лишнимъ кажется мнѣ доказывать необходимость точнаго и подробнаго описанія рукописей, изъ которыхъ издатель заимствуетъ данный апокрифическій текстъ, съ присовокупленіемъ встрѣчающихся на поляхъ записокъ объ имени переписчика, обладателя, мѣстности, о времени писанія, о подлинникѣ, съ котораго снятъ списокъ и т. п. Все это можетъ насъ ввести въ кругъ литературныхъ вкусовъ, религіозныхъ вѣрованій, социальныхъ и политическихъ сннатій и антипатій той среды, въ которой вращалось данное сказаніе, можетъ указать намъ слѣды извѣстной струи, шедшей къ намъ изъ за границы, можетъ послужить къ уловленію одной изъ тѣхъ тонкихъ, но безмѣрно важныхъ въ культурномъ отношеніи нитей умственного и религіознаго взаимодействія народовъ, которое составляетъ одинъ изъ самыхъ выдающихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ предметовъ исторической науки.

Желая по возможности содѣйствовать разрѣшенію намѣченной мною задачи, я попытаюсь теперь составить списокъ извѣстныхъ до сихъ поръ въ печати или въ рукописяхъ *южно-русскихъ* апокрифическихъ статей, оставляя въ сторонѣ ихъ книжныя отраженія или устные, народныя переработки. Основаніемъ къ этому послужить мнѣ перечень апокрифическихъ книгъ и сказаній, обрѣтающихся въ ру-

воинскомъ сборникѣ свящ. Яремецкаго, составляющемъ теперь мою собственность и написанномъ въ 1743—1752 годахъ частью въ буковинскомъ монастырѣ въ Путиѣ, частью въ окрестныхъ деревняхъ, гдѣ Яремецкій временно исправлялъ должность «душпаствыря». Этотъ перечень я сравниваю съ тѣмъ, который составилъ г. Тихонравовъ, перечисляя всѣ извѣстныя на Руси апокрифическія сочиненія (Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 1—10), и привожу при каждомъ № указанія на то, гдѣ напечатанъ или гдѣ есть въ рукописи южно-русскій текстъ даннаго сказанія. Миѣ кажется, что такой перечень, хотя бы онъ и былъ не полный, значительно облегчить трудъ дальнѣйшихъ собирателей матеріала и тѣхъ ученыхъ, которые, занимаясь его научной обработкой, принуждены разыскивать, и очень часто напрасно, матеріалъ, разбросанный по разнымъ не легко доступнымъ изданіямъ или содержащійся въ рукописяхъ, тоже разсыянныхъ по лицу широкой русской земли. Въ своемъ рукописномъ сборникѣ свящ. Яремецкій пересчитываетъ сперва «книги преподобныхъ и богоносныхъ Отець нашихъ Пастирей, и учителей Вселенскихъ, Иже Суть Сія Книги». Далѣе упоминаетъ вскозь «О книгахъ Битейскихъ, Пророческихъ, Старога Завѣта иже приняла Святая Соборная церковь Апостольская иже подобаетъ намъ Христіанамъ чести. Иже всѣхъ есть ѿд. Отъ нихъ Параменъ чтутъ ся». Книги эти не поименованы. Далѣе упомянуто «О книгахъ Новаго Завѣта», послѣ чего слѣдуетъ статья: «Книги Инѣіе иже христіаномъ Православнымъ (далѣе нѣсколько словъ, кажется румынскихъ, выскобленныхъ) суть же сія:

1. *Составленіи мистіи Псалми еже есть сія: Грядите вси върніи. И друіе Грядѣте. И Кресту твоему водрузишуся на земли.* У Тихонр. № 27, гдѣ прибавлено начало еще одного псалма «ангельски вопіемъ». Тексты этихъ псалмовъ, кажется, нигдѣ не напечатаны. Тихонравовъ указываетъ на рукописный Инд. Новг. б. № 1444 и № 1264, Тр. Серг. Лав. № 704, значить—рукописи сѣверно-русскія, въ которыхъ о нихъ упомянуто. Были ли они и въ Южной Руси, или же Яремецкій нашелъ упоминаніе объ нихъ въ какомъ-нибудь болѣе древнемъ индексѣ апокрифовъ, съ котораго снялъ себѣ копію—рѣшить не берусь.

2. *Патріарси.* У Тихонр. № 11. Завѣты патріарховъ. Наше заглавіе—болѣе обыкновенное и отвѣчаетъ греческому подлиннику. Статья напечатана у Тихонравова (Памятники, т. I, стр. 96—146) въ двухъ редакціяхъ по рукописямъ XIV—XV в. Въ «Памятникахъ

старинной русской литературы, изд. Гр. Кушелевымъ Безбородко, т. III есть только отрывокъ этого апокрифа (завѣтъ Рувимовъ и завѣтъ Симеоновъ, стр. 33—38) по рукописи XV в.

3. *Адамъ*. У Тихонр. № 1. Въ его Пам. отреч. р. лит. т. I напечатаны три сказанія объ Адамѣ, изъ коихъ первое и второе представляютъ варианты одного сказанія. Имъ отвѣчаетъ въ Пам. стар. р. лит. т. III, стр. 4—7 «другой вариантъ» изъ шести сказаній, помѣщенныхъ въ томъ сборникѣ. У Порфирьева («Апокрифическія сказанія о ветхо-завѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописамъ Соловецкой бібліотеки») помѣщено тоже шесть сказаній объ Адамѣ и Евѣ. «Житіе о Адамѣ и Евѣ», соответствующее помѣщенному у Тихонравова «Слову о Адамѣ, начало и до конца», есть въ Дрогобицкомъ сборникѣ въ моемъ владѣніи.

4. *Енохъ*. Какое собственно сочиненіе имѣлъ въ виду авторъ этого каталога, неизвѣстно. У Тихонравова оно есть подъ № 6; напечатаны же два отрывка (т. I. стр. 19—24), изъ коихъ одинъ озаглавленъ «отъ книгъ Еноха праведнаго, преже потопа и нынѣ живъ есть». Тотъ же отрывокъ напечатанъ и въ «Памяти. стар. рус. лит.» т. III стр. 15—16, по рукописи XVII в., кажется, южно-русской. Нынѣ извѣстно, что въ Южной-Руси существовала еще въ XVII вѣкѣ большая апокрифическая «Книга Еноха», исчезнувшая въ Азіи и Европѣ и только въ нашемъ стол. вновь открытая въ Контскомъ переводѣ, изъ котораго и была переведена на латинскій, послѣ же на другіе европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій. Южно-русскій текстъ этого замѣчательнаго апокрифа по полтавскому рукописному сборнику 17 в. изданъ А. Н. Поповымъ въ «Чтеніяхъ Имп. общ. ист. и др.» и отдѣльно въ «Библіограф. матеріалахъ» II—VII, 81—139.

5. *Сифова молитва*. Вѣроятно тоже, что у Тихонравова № 13 «Молитва Іосифова». Текста этого апокрифа нѣтъ напечатаннаго въ доступныхъ мнѣ сборникахъ. Я не нашелъ его и въ извѣстныхъ мнѣ рукописяхъ.

6. *Адамовъ завѣтъ*. У Тихонр. № 2. Текста этого апокрифа тоже, кажется, нѣтъ напечатаннаго, и былъ ли онъ въ Южной Руси неизвѣстно.

7. *Моисеевъ завѣтъ*. У Тихонр. № 15. Кажется—не то, что напечатано у Тихонр. подъ заглавіемъ «Исходъ Моисеевъ» (т. I, стр. 233—253); другая редакція «Житія Моисея» напечатана въ «Пам. стар. р. лит. т. III. стр. 39—48; тамъ же присоединены еще небольшіе от-

рывки о переходѣ черезъ Чермное море и о смерти Моисея. Небольшая статья «О Моисеи како переведе жиды» есть и въ рукописи Яремецкаго.

8. *Псалми Соломонови*. У Тихонр. № 18. Ни южно-русскій, ни вообще церковно-славянскій переводы этихъ псалмовъ, кажется, не сохранились, такъ какъ ихъ нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ сборникахъ.

9. *Плімю обавленіе*. У Тихонр. № 20. Текста нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ сборникахъ.

10. *Исаино виденіе*. У Тихонр. № 23. Сербскій изводъ этого апокрифа напечатанъ у Порфирьева ор. cit. стр. 73—81, русскій у Попова «Библиографическіе матеріалы т. I, стр. 13—20.

11. *Ияковля повесть*. У Тихонр. № 28. Статьи подъ этимъ заглавіемъ нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ сборникахъ апокрифовъ.

12. *Петрово обавленіе*. У Тихонр. № 33. Текста нѣтъ въ печатныхъ сборникахъ.

13. *Обходи Апостолстїи*. Тихонр. № 38. Текстъ по рукописи XVII в. напечатанъ у Тихонр. Памятники II, стр. 5—10.

14. *Варнивито посланіе*. Тихонр. № 32. Нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ сборникахъ, ни печатныхъ, ни рукописныхъ.

15. *Павла Апостола дьяніе ложное*. Тихонр. № 35. Нѣтъ въ сборникахъ.

16. *Павлово обавленіе*. Тихонр. № 34. Текстъ въ двухъ редакціяхъ напечатанъ въ Пам. стар. р. лит. т. III, стр. 129—133.

17. *Евangelіе отъ Варнави*. Тихонр. № 29. Текста нѣтъ въ сборникахъ.

18. *Евangelіе отъ Ѳоми*. Тихонр. № 30. Текста нѣтъ.

19. *Паралитомена, что (?) слали Вавиланъ ко Іеремлю*. Тихонр. № 24. Текстъ напечатанъ у Тихонр. Пам. I, 273—297 въ двухъ редакціяхъ. Сочиненіе совсѣмъ различное отъ напечатаннаго въ Пам. стар. р. лит. III, стр. 72—73 слова о пророкѣ Іереміи «Плачь Іереміи пророва», составленный по извѣстной библейской книгѣ безъ апокрифическихъ подробностей, есть въ сборникѣ Яремецкаго.

«Сутьже—ишется далѣе въ статьи Яремецкаго—і ина многа сложенна, Еже есть сія:

20. *Вопроси Іоанна Божьслова, еже рече: Слїши праведнїи Іоане* Тихонр. № 59. У Тихонр. Памятн. т. II, 174—193 напечатаны два варьянта этого апокрифа по рукописямъ Моск. Синодальной бібліотеки XV и XVIII в. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ, полученномъ мною отъ крестьянина Гудейчука изъ с. Испаса на Буковинѣ и со-

ставленномъ ок. 1720 года, есть полный списокъ этого апокрифа, озаглавленный «Слово святаго Іоанна Богослова о вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа», сходный съ второй редакціей, напечатанной у Тихонравова. Позволю себѣ здѣсь по этому списку пополнить недостающія въ спискѣ Тихонравова и обозначенныя точками слова (т. II, стр. 190) въ самомъ характерномъ мѣстѣ апокрифа: «И пакы рѣхъ ⁴⁾: Господи, всѣ (ли) христіане во едину муку пойдуть—патріархи, Царіе и Князи, убогіе и богатіе? И слышахъ Гласъ глаголющій: Слыши Праведніи Іоанне, Пророкъ Давидъ рече: терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца. А патріархи грѣшніи и епископи, царіе и князи погнанни будутъ во тму кромѣшнюю якъ скотъ и вси восплачутся яко младенци: и раздѣлятся грѣшніи ови во огненную рѣку, ови оу червь неусыпающіи, ови во муку розну, и тако раздѣлятся грѣшніи».

21. *Того же вопросы ко Аврааму о праведныхъ душахъ.* Тихонр. № 60. Текстъ напечатанъ у Тихонравова II, 194—196, Пам. стар. рус. лит. III, 113—116.

22. *Варфоломьевіи вопросы ко Богородици како Христа родила.* Тихонр. № 46, текстъ Тихонр. II, 18—22.

23. *Епистолиа о недѣляхъ.* Тихонр. № 64. Текстъ Тихонр. II, 311—322; Пам. стар. рус. лит. III, 150—153 (три варьянта); Дрогобицкій сборникъ (фрагментъ); сборникъ Яремцакаго «Слово о св. Недели, сіе есть Епистолиа, приказаніе Господне слова положеніе». Это одинъ изъ самыхъ распространенныхъ въ Южной Руси апокрифовъ; списки его можно найти почти въ каждомъ селѣ. Въ новѣйшее время коломыйскій типографчикъ М. Билоусъ выпустилъ нѣсколько лубочныхъ изданій этого апокрифа п. з. «Листъ небесный» и продавалъ его въ три дорога преимущественно неграмотнымъ крестьянамъ, которые носятъ его на груди, какъ амулетъ.

24. *И о древь крестномъ.* У Тихонр. № 4 и 5. Текстъ у Тихонр. два варьянта, т. I, стр. 305—308; Порфирьевъ три варьянта; Пам. рус. лит. т. III, стр. 81—85 три варьянта; въ рукоп. сборникѣ Яремцакаго имѣются слѣдующіе варьянты: а) Слово святаго Григорія Богослова о крестѣ честномъ, о Адамѣ и за два разбойники и прочая; б) Оуказъ о другомъ древь крестномъ на немже распяся праведный разбойникъ; в) Оуказъ о третьемъ древь крестномъ, на немже распяся невѣрный разбойникъ; г) Оуказъ како собравшимся честнымъ дре-

⁴⁾ Знаки препианія ставлю согласно современнымъ требованіямъ.

вамъ въ Іерусалимъ; д) Слово о честномъ Крестѣ Господа нашего Іисуса Христа; фрагменты сказанія о крестномъ древѣ есть и въ Дробницкомъ сборникѣ.

22. *Хожденіе Петрово по вознесеніи Господнемъ*. Въ индексѣ Тихонравова нѣтъ апокрифической статьи подъ такимъ названіемъ, такъ какъ имѣющееся подъ № 33 «Петрово обавленіе», повидимому, совсѣмъ отдѣльная статья. Быть можетъ, это были апокрифическія дѣянія св. Петра, содержаніе которыхъ вошло въ извѣстныя жизнеописанія св. Петра, печатающіяся въ Четкихъ-Минеяхъ и прологахъ и получившія нѣкоторымъ образомъ каноническое значеніе.

26. *Что отрочатемъ Христа продавали, и что рыбы по сузу ходили*. И этого сказанія, которое составляло, вѣроятно, эпизодъ какого-нибудь утеряннаго евангелія дѣтства Христова, нѣтъ въ индексѣ Тихонравова.

27. *Дѣтство Христово*. У Тихонр. № 37. Текста этого апокрифа нѣтъ въ печатныхъ сборникахъ, вотъ почему я и прилагаю при концѣ этой статьи имѣющееся у меня въ рукописномъ сборникѣ Испасскомъ «Слово человеческое о младенствѣ Іисусъ Христовъ царскомъ» съ присовокупленіемъ варьянтовъ по списку Яремецкаго статьи въ «Слово о Господѣ нашемъ Іисусъ Христѣ како шраляся съ дѣтми жидовскими сотворивъ 12 птицъ».

28. *Богородицино Хожденіе по мукашъ*. У Тихонр. № 47. Текстъ въ двухъ варьянтахъ у Тихонр. II, 23—39; Пам. стар. русс. лит. III, 118—124; замѣчательный фрагментъ (безъ начала) на 20 страницахъ въ рукоп. сборникѣ Яремецкаго.

29. *Любь Адамовъ, что дванадесять служебъ внемъ, и седмъ царей поднимъ сидьло*. У Тихонр. № 3. Текстъ этого сказанія неизвѣстенъ; то, что напечатано въ Пам. стар. р. лит. III, 14, есть только отрывокъ въ статьѣ совсѣмъ другого содержанія. Прилагаю здѣсь краткое «Слово о главѣ Адамовъ, како въ корени лежала», имѣющееся въ сборникѣ Яремецкаго.

30. *Имена Ангеломъ*. Тихонр. № 66. Текстъ въ двухъ редакціяхъ у Тихонр. II, 345—346.

31. *Прѣніе Дяволе со Христомъ*. Тихонр. № 58. Текстъ въ двухъ редакціяхъ у Тихонр. II, 282—288; въ рукописномъ сборникѣ Яремецкаго имѣется интересное «Слово о побѣдѣ дявола, како бесѣдоваху Іисусъ Христовъ съ дяволомъ на горѣ».

32. *О служебъ таинъ Христовыхъ, что поздытъ обьдню и врата небесная затворяются и ангели попа кленуть*. У Тихонр. № 69. Текста нѣтъ въ сборникахъ.

33. *О пустелницѣ Макаріи мнись римстѣмъ, что три черницы нашли ея за двадцать поприщъ отъ рая.* У Тихонр. № 49. Текстъ въ двухъ редакціяхъ у Тихонр. II, 59—77; Пам. стар. р. лит. III, 135—142 (двѣ редакціи).

34. *О китоврасѣ.* У Тихонр. № 26. Текстъ Тихонр. I, 254—258; Пам. стар. р. лит. III, 51.

35. *І о Соломоновѣхъ ложниихъ судѣхъ.* У Тихонр. № 25. Текстъ Тихонр. I, 259—272; Пам. стар. р. лит. III, 55—57.

36. *О двунадесятихъ Іяковлиихъ глаголемая лѣствица.* У Тихонр. это повидимому одно заглавіе разбито на №№ 9 и 10. Текстъ подъ загл. «Лѣствица» у Тихонр. I, 91—95; Пам. стар. р. лит. III, 27—32; Порфирьевъ «Лѣствица Іакова» 138—139.

37. *Давидови пѣсни.* У Тихонр. № 19. У Порфирьева стр. 237 есть статейка подъ загл. Псалмы Давидовы». Можетъ быть, авторъ видѣлся имѣлъ въ виду апокрифическое сказаніе о томъ, какъ Давидъ написалъ свой Псалтирь. Сказаніе это опубликовано мною въ журналѣ «Зоря» 1886 г. по Дрогобицкому списку; оно имѣется и въ сборникѣ Яремцакаго подъ загл. «Слово о царю Давиду, како списалъ Псалтирь всѣхъ псалмѣвъ (sic!) гдѣ (365).

38. *Софоніе обавленіе.* У Тихонр. № 21. Текста нѣтъ въ печатныхъ сборникахъ.

39. *О древь крестнѣмъ, что Христи в попи ставили.* У Тихонр. № 40. Текстъ сказанія «О іерействѣ Ісуса Христа» въ двухъ редакціяхъ у Тихонр. II, 164—172.

40. *И какъ Христось плуюмъ ораль, то Іеремпй попь болмарскій сомалъ.* У Тихонр. № 41. Текстъ этого апокрифа неизвѣстенъ.

«Суть же—говорится далѣе въ рукоп. Яремцакаго—і о мученицѣхъ лжею складено, а не тако, якоже въ мѣнеяхъ и въ пролозѣхъ писано.

41. *Георгіево мученіе, еже рече отъ Дадіяна царя оумучень.* Тихонр. № 52. Текстъ этого апокрифическаго мученія Тихонравовъ II, 100—111.

42. *Нихитино мученіе, налицающе ея царева сына.* У Тихонр. № 53. Текстъ тамъ же II, 112—120; Пам. стар. р. лит. III, 146—149.

43. *Евстратіево мученіе.* Нѣтъ въ индексѣ Тихонравова.

44. *Ипатіево мученіе, что седмію оужиралъ и седмію ижилъ.* У Тихонр. № 54, текстъ тамъ же II, 121—145.

45. *Влиментѣ анхирскаго мученіе.* У Тихонр. № 54. Текста нѣтъ.

«И нѣхъ многихъ лжею складено. Соутже и ина между божественными писани ложная оученія написана отъ инихъ на пакость невѣжамъ, вниже.

46. Молитвы о трисавицахъ. (Тихонр. № 73; тексты тамъ же III, 351—352.

47. *И о нежитльхъ.* (Тихонр. № 74).

48. *И о недузльхъ.* (Тихонр. № 75).

«Имже еретци исказили церковная преданія и апостолская правила, пишуще ложная словеса».

Хотя Яремецкій или тотъ источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ свой списокъ апокрифовъ, повидимому и не имѣлъ намѣренія составить полную библиографію извѣстныхъ ему такъ или иначе сказаній того рода, то все таки мы находимъ адѣсь нѣкоторыя новости, не встрѣчающіяся въ богатомъ, сводномъ спискѣ Тихонравова. Что этимъ каталогомъ не исчерпывался составъ апокрифическихъ сказаній, бывшихъ въ обращеніи среди южно-русскихъ грамотныхъ людей и извѣстныхъ даже самому Яремецкому, въ этомъ мы убѣждаемся изъ содержанія его сборника, въ которомъ, кромѣ приведенныхъ выше, мы встрѣчаемъ еще слѣдующія апокрифическія сказанія.

49. О Симеонѣ Богопріемци слово.

50. Сказаніе о Іосифѣ обручнику Пресвятыя Дѣвы.

51. Родословіе Пресвятыя Богородицы отъ котора колѣна.

52. Яко повелѣ Богъ Моисею сотворити змію мѣдяну.

53. О разбіеніи ямъ мѣдяной, егда разбивъ Іезекія.

54. О царехъ перскихъ како пріидоша со дары.

55. О еллинскихъ мудрецахъ иже отъ части пророчествоваху о превишемъ божествѣ и о рождествѣ Христовѣ отъ Пречистія Богородици.

56. Пророчество о Христвѣ и о Пречистой Богородици въ кумирници еллинскаго кумира Аполлона.

57. Слово о Сивидлѣ пророцици и о Давидѣ царю.

58. Слово о Мелхиседецѣ царь Салимскомъ св. Афанасія Александрійскаго (текстъ напечатанъ въ Пам. стар. русс. лит. т. III, 22—23).

59. Слово о ѿ пятницахъ и о градѣ Шпалѣ року Божія 4X, же естъ на ползу христіяномъ (срав. Тихонр. инд. № 68, текстъ въ четырехъ редакціяхъ тамъ же II, 323—338).

60. Слово о сотвореніи Ангелъ и Архангелъ и о прочихъ безплотныхъ силахъ. (Сравн. Порфирьевъ, апокр. связанія 83—88).

61. Слово дуже дивно и душеполезно о Флавіанѣ разбойницѣ иже разбои творяше въ странахъ египетскихъ.

62. Слово о двухъ разбойникахъ о Гестѣ и Дизмѣ какося зачали и како зросли и како распято ихъ на обѣ странѣ Господа нашего Иисуса Христа,—которое я воспроизвожу здѣсь, какъ предполагаемый эпизодъ какого-то утеряннаго апокр. евангелія о дѣтствѣ Христовомъ.

63. Сказаніе учителя церковнаго Іеронима святаго о Іудѣ предателѣ Господа нашего Иисуса Христа—текстъ напечатанъ въ приложеніи къ статьѣ М. Драгоманова «Славянскіѣ прѣправки на Едиповата исторія» (Сборникъ за нар. умотвореніе, т. V).

64. Слово о скончаніи вѣка сего, о войнахъ измаилскихъ и царю Муханлу и о антихрестѣ и о страшномъ судѣ.

65. Громникъ Моисея Громовидца, опубликованный мною въ «Кіевской Старинѣ».

66. Рождественникъ сложенъ и приведеніемъ Ангеловымъ избранъ.

Въ рукописномъ сборникѣ, полученномъ мною изъ Испаса, имѣются, кромѣ приведенныхъ уже, слѣдующія апокрифическія сказанія.

67. Житіе святаго Преподобнаго Іосифа Прекраснаго (отрывокъ безъ начала).

68. Сказаніе о царю Соломонѣ како закона бѣси во единой дельвѣ тмаи темъ, тысящами тысящъ», сказаніе, кажется, до сихъ поръ неизвѣстное въ печати, почему я также воспроизвожу его въ приложеніи къ этой замѣткѣ.

Миротъ.

Приложенія.

I. Слово о главѣ Адамовѣ како в корени лежала.

Глава Адамова во корени древа лежаше коло Іерусалима. Не вѣдаше нѣкто. Во еденъ день Соломонъ царь пошелъ на лови. Еденъ рабъ его ношаше царскій плащъ и астроба и хорта. И отдѣлился отъ Соломона. Внезапу (sic!) же бистъ бура велія. Оній рабъ оувидѣвъ пещеру исковался въ тую пещеру. И видѣвъ тако яво кость камень велми дивашеся. Буря же дождевная преста, рабъ же ис пещеры изиде,

ко царю Соломону. Соломонъ же со 'гнѣвомъ рече ему: что тамъ творишь, плащъ мой еси взялъ, а мене буря потопила, а ты чему невозмлъ еси. Рабъ же рече: Господине мой, азъ я оувидѣлъ пещеру и вошелъ, а таа пещера костяная. Царъ рекъ: азъ я пойду и вижду ея. На утрѣи же день поихалъ Соломонъ къ пещерѣ и увидѣлъ ону пещеру. И повелѣ очистити отъ персти и отъ корѣня, и видѣ Соломонъ и позна, же то не пещера, але глава Адамова. И уразумѣвъ якъ тамъ она принесенна бистъ. И собра Соломонъ всю державу свою и рече: како я сотворю, творите вси тако. Соломонъ же вземъ Рукомію и рече: поклоняю ти ся яко первой твари Господней. Народъ же весь тако сотвори. И сотворивше молитву надъ главою возложиша ѳ на горѣ Голгофѣ. И того ради нарече Литурги (?) страхъ, и тоу бистъ горяще всему Іерусалиму.

II. Сказаніе о царю Соломонѣ, како закопа бѣси во единой дельвѣ ¹⁾
тмами темъ, тысящами тысящъ.

Царъ Соломонъ Іерусалимскій сотвори вечерю велію и поїде на мѣсто безводное глаголющя: Сатано, прійди ко мнѣ на вечерю. И абіе явиси ему сатана и поїде съ нимъ. Рече же Соломонъ: азъ есмъ царъ надъ царѣ а панъ надъ пани, и нѣсть инаго подѣ слонцемъ кромѣ мене. Рече же діаволь: щожъ на томъ ижъ ти великымъ царемъ, гди предивного знаменія не учинишь, и ноа царъ надъ царѣ и панъ надъ паны, и нѣсть инаго кромѣ мене. Вѣмъ такое древо ижъ ты должайшого не маешъ въ своемъ панствѣ, и тое дерево есть вельми далеко, а гди би сіа два сягнулъ а за третимъ рекъ бихъ абіе было ту, а било бы. Рече же Соломонъ: я естемъ моцнѣйшій, кроль надъ крольми и панъ надъ пани. Азъ маю царство отъ востокъ солнца до западъ; а гди быхъ скотѣлъ заразъ, то зъ оусего панства моего стали бы предо мною. И рече діаволь: еще я можвѣйшій и моцнѣйшій и надъ тебе и надъ всѣ кролѣ, и нѣсть ниѣшого другого якъ я. Азъ маю множество слугъ мовхъ. А гди быхъ скотѣлъ, то стали бы взнеть предо мною вси, и такую инамъ моцъ, абыхъ всѣхъ претворилъ во макъ, абы ся виѣстили во одну дельву. И посмѣялъ ся Соломонъ и рече: не вѣрую я тому, абысь иѣлъ слуги свои во макъ претворити и въ одну дельву вомѣстити. А гди повелѣ сатана всѣмъ преисподнимъ сзониъ, а сташа предъ нимъ, онъ же претворилъ ихъ

¹⁾ Дельва—слово болгарское, значить бочка

во маѣ и оусипавъ всѣхъ во дельву. Тогда нача Соломонъ чуду дивити ся. Потомъ вземъ шпуйтъ и заби ихъ добрѣ во дельвѣ той и запечаталъ знаменіемъ нареченнымъ пророчествующи: во ния отпа и сына и святаго духа, аминь, и глаголаше: не взійдѣте отсюду (токмо) силою и повеленіемъ царя. И попровадилъ ихъ на поле Дебре, где сотвори царь Навходоносоръ тѣло златое и закопа ихъ тамо. Пойдеже старшій сатана рыдая и плачася во мѣсто свое. Потомъ по оумертви Соломоновѣ нача Иродъ царствовать. Діаволь же зѣло тщашеса, како бы могль слуги свои воздвигнути. И оузрѣ Ирода млада разумомъ, и пойде во царство его, сидяще же въ былію и нача себѣ творити пищали, потомъ вземъ козлища проклята отъ стада Иродова и сотвори игру. Единъ день сѣде на вербѣ и нача пискати. Слышаша людіе и повѣдаша Иродови цареви таковій гласъ пречудній. Тогда посла царь слуги свои видѣти что есть. Они же шедше молаху его, дабы пришолъ сними ко цареви. И видѣ его царь пречудна война и рече: что ти еси и отъ коеи страны. И рече діаволь: азъ есмь хитрецъ надъ всѣми майстри и игрецъ надъ игрцами. Молю тя, рече ему царь, живы во дому моемъ и весели домъ мой по вся дни. Азъ же воздамъ ти мзду твою и сотворю тя велика во царствіи моемъ. И сотвори ему обіцу келію зѣло красну ко стѣнѣ близъ окою своего. Потомъ сотвори Иродъ пирь велиій рождеству своему и созва вся велможи отъ царства своего, и повелѣ въ бубны бити и вграть гудницамъ предъудницамъ, въ сурми и во вся розніе музыки, и жадній не могль оугодити Иродіадѣ, дщери Филина брата Иродова. Егда же нача діаволь играти во вся (вѣроотно своя) игри нарицаемія пищали, еже просто рещи въ дуди, и абіе возвеселися Иродіада и нача скакати и плясати и оугоди зѣло Иродови. Рече же ей: чадо, что хочещи, проси оу мене, дамъ ти, и полъ царства, моего. Онаже скоро тече ко матери своей и рече: что прощу у царя, понеже нмиѣ обѣщаль ми полъ царства, или ино что, еже хошу. (И рече) ей мати: Проси на блюдѣ главу Іоанна Крестителя, то все будетъ наше. Шедши же дѣвица и рече царю предъ всѣми вельможами: дай ми царю главу Іоанна на блюдѣ. Слыша царь и смутися зѣло, имѣяй бо его оучителя велика, и нехотяше преступити слова ради предсѣдających ему со нымъ, послаша въ темницу мучителя, и оусѣкну главу Крестителя, и даша на блюдѣ дѣвици, она же принесе матери своей, и возложи на главу свою, наки нача плясати предъ всѣми. Оле дивное чудо! Брашно и питіе многоцѣнное предъ всѣми поставленное во кровь претворися. Потомъ рече діаволь

царю: не печалуй ничтоже сію скорбь. Сотвори еще память отцу твоему, пойдѣмъ на поле Девре, возвеселѣмъ ся тамо еще. Идущимъ же имъ нача діаволъ скакати и пласати предъ всѣми идущими. И егда прїйдоша на поле Девре, гдѣ тѣло злато сотвори Навуходоносоръ царь, прїйде же діаволъ на мѣсто идеже закопа Соломонъ бѣсцъ и рече цареви: что сія могила. Рече же царь: слышахъ отъ отца азъ, яко отецъ мой закопа ту бѣси. И рече діаволъ: нѣсть царю еже ти глаголеши, но отецъ твой закопа ту злато и серебро и каменіе многоцѣнное и рече сїце: аще будетъ отъ сыновъ моихъ мудръ, то выйметъ тое сокровище. И радъ бысть царь и повелѣ конати, и найдоша дельву зѣло великую. Рече же діаволъ: запрѣти царю всѣмъ отити отъ насъ. И егда отбѣша шпунтъ, я абіе пойдоша бѣси яко мгла. Тогда діаволъ посмѣяся зѣло безумію Иродову. И раступися земля и поиде Иродъ во пропасть со всѣмъ домоу своимъ

III. Дѣтство Христово.

А) Слово человеческое о младенствѣ Ис. Христовѣ царскомъ.

И еще Господу нашему Іисусу Христу Царю двома лѣтома бывшу и граша въ рѣчищахъ со жидовскими дѣтьми и сотвори исъ калу дванадесать птиць, и сплеснувъ руками, а оны возлетѣша. И бысть же въ субботу и граша и суть мнози дѣти бяху съ нимъ играюще. Видѣвъ же то единъ жидовинъ шедъ скоро возвѣсти отцу Іосифу, отцу его сїце глаголя: отрокъ твой во рѣчищахъ играетъ и вземъ калъ и сотвори исъ калу дванадесать птиць и сплеснувъ руками, а оны возлетѣша, осквернивъ есть намъ субботу. И шедъ Іосифъ и призва его, Іисусъ же играя воскочи къ нему на ramo. Іосифъ веде его на мѣсто и научи. Іисусъ же рече тому жидовину: се нынѣ обидѣхъ мя еси. И не донде жидовинъ до дому, абіе виадъ и умре. Видѣвъ же тое другій жидовинъ и возопиша глаголюще: откуда отроча? и пришедши родители и наподоша и рѣче ко Іисусу Христу: что сякоя (вѣроятно вм. такое) отроча маешъ, и то не имашъ съ нами во градѣ быти¹⁾; аще то хитро, учи его на доброе, да нехай не клянеть чужихъ дѣтей и не искушаетъ. Призвавъ же Іосифъ Іисуса и въ томъ поучаше Его: почто клинеши чужихъ дѣтей и мрять, прето насъ хотуть изгнати изъ сего града. Іисусъ же рече ко Іосифу: сія ты глаголю отче мой у послушавшаго мя, примолчи, а тѣи да мрутъ по

¹⁾ Здѣсь текстъ очевидно испорченъ, смотри слѣдующій вариантъ.

дѣломъ своимъ, тебѣ не надобѣ. А ти глаголюща навъ вся окромоша и ослѣпоша, и ти видѣвше оубояшася, потомъ же не разумѣють никто же гнѣватися навъ. Іосифъ же емъ его за оухо и возвлече и. Іисусъ же рече ему: Не гордуа не владѣеть мене искати обратша мя во разбойнически. Во истину, не вѣдаешъ, что я творю въз моря яко (по ошибкѣ написано еще разъ яко) единъ день, и ти неоскудѣють мене. Твой есмъ азъ, къ тебѣ волею пріндохъ. Учитель же именовъ Закхей стоя и слыша глаголюща Іисуса отцу дивися, и рече Іосифу: И се глаголеши отроча мудрое, и да его да вивчимъ грамотѣ. Поемъ отроча Іосифъ веде его и рече: учителю брате, пойми его ко себѣ. Слышавъ же Іисусъ отца своего глаголюща разсмѣяся и рече майстру дидаскалевѣ: Во истину вѣмъ ти елико рече отецъ мой. Истинну глаголю, пжъ всему тому я Господь есмъ, вы же чужди есте и не вѣсте, яко мнѣ единому власть есть дана, азъ есмъ прежде всѣхъ вѣкъ, нынѣ родихся и не вѣсте азъ откуда есмъ или кто азъ, вѣдаю колко лѣтъ живота нашего. Воистинну глаголю ти учителю, егда ты раждаешися и азъ ту стояхъ прежде рождества твоего и видѣхъ азъ. Воистинну, аще хочели совершенъ быти учителю, то послушай ты мене, азъ ти научу премудрости, ея же никтоже не вѣсть развѣ мене, яко вамъ истинну реки и егда узрите крестъ тогда речеши: Отецъ мой еси ты. Сущіи же то жидове слышавши словеса глаголюще: Пять лѣтъ, что отроча сіе глаголетъ, иже не слышахомъ ни отъ архіерен ни отъ фарисен ни отъ учителей. Рече же имъ Іисусъ: не дивитесь тому, вѣдаю, егда миръ созданъ бысть. Слышавши словеса сіи жидове и оубояшася и ничтоже можаху рещи. Іисусъ же рече: Вѣдаю, учителю, яко есте слѣпи—горе вамъ!—и хроміе—горе вамъ! яко мене оучите а себе хвалите. Закхей же емъ его за руку и веде его ко отцу и рече учитель: горе мнѣ! Поими отроча сіе Іосифе, яко не могу его учити, аще онъ меня учитъ. Іисусъ же играя по обычаю со жидовскими дѣтьми вошедши въ жидовскій храмъ тече предъ ними по солнцу и ста високо, и повелѣ всѣмъ ити по солнцу и стати високо, и повелѣ стремглавъ раскипаться солнцу и побышася вси, и нача Іисусъ смѣяться, избѣгшу Іисусу по солнцу. Пріндедургій маистеръ ко Іосифу и рече ему: приведи отроча свое, да научу его грамотѣ. Іосифъ емъ его за руку и веде его ко маистру и умоли его да научитъ его алфавита. Вопросы же маистеръ Іисуса дальнѣго слова алфавита, Іисусъ же не рече ничтоже и молчаше, маистеръ же удари Іисуса въ ланиту. Іисусъ же рече ему: почто мя біеши, злодѣиху! Азъ ти повѣдаю, да что мя учиши, а самъ не вѣдаешъ. Аще

еси правнїи учитель протолеуї мнѣ (что) зовется алфавита? И рече по сихъ: азъ есмь единъ и книги во мнѣ суть яко мѣдъ звѣняющая. Слышавши учитель и смятеся и неумѣ слова отвѣщати ко Іисусу, и рече: Охъ мнѣ окаянному, азъ измѣнихся, самъ на себе срамоту наведохъ, отроча сіе¹⁾... наставляючи его на всю ревность: пойми брате Іосифе его къ себѣ, не стерплю страсти его, и сіе отроча нѣсть отъ земного роду, но прежде сотвореннаго. Потомъ уноша младо и посѣкоша дрова во сосудѣ (должно быть сосѣдѣ) Іосифовѣ и удариса секирою и растерза плѣснѣ и носѣ надъ и вираше и въ мовѣ велицен бываше. Іисусъ же емъ его за правую ногу и простягъ и бысть нога цѣла болящая и глаголя Іисусъ: уноша востани. И прехвативши уноша соннїи и обლობиза и, народъ же много дивися и рѣша Іисусу: Востинну Богъ живеть въ немъ. Бывшу же Іисусу шѣсть лѣтъ и посла мати его по воду, а онъ тече скоро и разби корчажець и нѣвчомъ ему воды привести. Онъ же бояся матери своей и знаяъ сорочку и начерпа воды полную и принесе матери. Видѣвши то жидове и дивишеся, и прихватившися ко матцѣ обლობиза и. И пакы во время сѣянїя иде Іисусъ со отцемъ сѣяти пшеницѣ на ниву. Егда же отецъ его обѣдаше, и посѣявъ пшеницѣ одну срудъ, въ единъ же день пожне и сотре и принесе десять срудовъ пшеницѣ отцу своему, и взялъ Іосифъ и цѣлова его, призвавъ же убогихъ и розда пять мѣръ, а себѣ пять мѣръ оставилъ. Вгосежъ время созда Іосифъ полату мужу богату зѣло во градѣ. И не имѣяше мѣры и коротко бысть едно бервено и печаленъ бысть Іосифъ велии. Прииде же ко отцу Іисусъ и рече ему: Печаленъ еси отче мой? И рече Іосифъ: але ми ся стало. И рече Іисусъ: положи правило на земли? И положи Іосифъ правило на земли, и приступи Іисусъ, емъ его за конецъ краткое бервено и протягъ равно съ другимъ. И рече Іисусъ: Не тужи отче мой, что ти покажу (тъ), призови мене, а тебѣ сотвору дѣло свое. И рече Іосифъ: Болозѣ мнѣ Богъ такое отроча далъ! И емъ его за руку Іосифъ и веде его ко майстру, пже полотенца робить. А майстеръ далъ Іисусовѣ тридцать хамовъ бѣлихъ и рече: Уклади оуровнїе цвѣти, ово въ червленное, ово въ зеленое, ово въ багровое, ово въ витганое, азъ же на орудїе иду. Іисусъ же возьмъ хами усѣ у чермну кадъ (вложи). И приидѣ майстеръ и рече: чи уложилъ еси хами? Іисусъ же рече: уложилъ всѣ въ чермну кадъ. Онъ же возопи великимъ гласомъ и разорва ризы свои: чему еси

¹⁾ Здѣсь не достаетъ, кажется, двухъ страницъ рукописи.

укладъ у єдину кадъ? Азъ тебѣ рекохъ у различніе кади оужжи! И восхити нанъ копіе, Іисусъ же убояся и побѣже, и ста за Іисусомъ дерево велико яко дубъ, и видѣ сіе чудо майстеръ и оубояся. Потомъ призва его и пришедъ Іисусъ Христосъ Господь Богъ царь и ста надъ кадию червленною и рече: не тужи майстру, якихъ тебѣ хановъ надобѣ? Онъ же рече всякіе, и выпмалъ Іисусъ Христосъ Господь Богъ Царь Вседержитель хами отъ различныхъ цвѣтовъ ис червонной кади. И пришовъ ко Іисусовѣ Христовѣ Господу Богу Царевѣ Вседержителю майстеръ и удари чоломъ: Воистину сынъ чловѣческій, Сынъ Божій Царскій ты! И приведе его ко отцу его. Поими, Іосифе, се дивная чудеса видѣхъ. Поемъ его Іосифъ и веде его ко майстру книжному, да научить его алфавита. Глаголи жидовинъ ста многожды Іисусъ же глаголи ему: Ащо ты правый оучитель и научоній добре писма, то рци мнѣ алфавита, азъ же ты отвѣщаю. Разгнѣвався (учитель) и удари Іисуса Христа Царя Господа Бога по ланитѣ. Іисусъ же рече: Провлѣтый оучителю! (И) падъ оній оучитель и воумре. Іисусъ же приде ко отцу, и соскорбѣ Іосифъ о чадѣ. Приде ко Іосифу другій майстеръ и рече: Приведи сына своего въ наказаніе, ввзли могу легко научити его еллинскимъ книгамъ. И рече Іосифъ: поими, брате, его съ собою. И уземъ учитель со оуасеніемъ и веде его: Іисусъ же иде съ нимъ, ввійде въ домъ его ко другимъ учителямъ (и) обрѣте книги лежація на лавицѣ (и) разгнувъ книгу лежащую великую нача чтати духомъ свитымъ. Учитель же приде и послуша его глаголи, да боліе глаголетъ. Народъ же много приде и послуша его. И рече учитель: Іосифе азъ пояхъ (его) яко ученика себѣ, а онъ исполненъ благодати Божіей и премудрости. И рече: брате Іосифе, поими его ко себѣ. Утру же бывшу посла Іосифъ сына своего по хвастіе. И се змія лютая усѣкнула его за руку, падъ Іаковъ и здше. Іисусъ же дунувъ на лице, и угризновеніе аспиду нспиаде. Іаковъ же прозрѣ, а змія раснадеся на три части. И паки женѣ его (вѣроятно д. б. одной) отроча умре, и плакася жена. Слышавъ Іисусъ и пришедъ тамо, видѣвъ отроча мертво и рече: Отроча не умирай но живо буди! И абіе разсмѣяся отроча и воста, и рече Іисусъ: Жено, пріями отроча свое и дай ему ясти. Видѣвши же народи многи и рѣша: Воистину Богъ живеть въ немъ. И паки, бывши высотѣ созданной, и спаде чловѣкъ свисоти и разбѣся, и умираше, пстеченну бывшу много людей. Слыша Іисусъ Христосъ тече тамо и видѣ чловѣка мертва лежаща, и емъ его за руку и рече ему: Чловѣче востани и твори дѣло свое. И абіе воста и по-

клонися ногамъ Иисусовымъ. И видѣвши народи многи и чудишася. Утру же бывшу Іосифъ и мати его искаста его тужаща и ищуща и по трехъ днехъ обрѣтоша его во церкви стоящи посреде учителей и послушаша его да разумѣють отъ него, двляхуся же и мысляху въ себѣ: како отроча придетъ страшная книжники. Іосифъ и мати рекоста къ нему: что сотворилъ еси намъ чадо: тако мы скорбице и боляще о тебѣ! Рече же Іисусъ: что ищете мене, се суть обители Отца моего и повелѣ мнѣ быть въ оныхъ. Или не вѣмъ, яко Отецъ мой на небесе живеть. Фарисеи же рѣша ко матери: Ты ли еси мати отроча сего? Она же рече: Азъ есмь. И рѣша ей фарисее: Блаженна ты во женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего! Таковыя силы не видѣхомъ ни отъ когоже. И воста Іисусъ Христосъ Господь Богъ Царь Вседержитель и иде во слѣдъ Матери своея. Отроча же растаще и крѣпчалася духомъ и силою. Нынѣ и присто и во вѣки въ-комъ Аминь.

Б) Слово о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ како игрался со дѣтьми жидовскими и сотвори ѿ птицъ.

Во едино лѣто играющася Господу нашему Іисусу Христу со дѣтьми жидовскими на одномъ мѣстѣ, и вземъ Іисусъ Христосъ калу, и сотворивъ ѿ птицъ, и плеснувъ надъ ними руками, овіе птицы ожили и полетѣли. Оучоувши же тое жидове, и зійшлися до ради, и пошли до Іосифа и мовлять: Іосифе, отрочъ твой играетъ въ рѣчи дивніе: взялъ калу, взлѣпиль ѿ птицъ и сплѣснувъ руками надъ птицами, а птицы ожили и полетѣли, и осквернилъ намъ субботу. Пойдеже Іосифъ ко Іисусу, Іисусъ же игрался и скочилъ ему на рамена. Іосифъ же принесе Іисуса на мѣсто свое и научи его. Іисусъ же рече жидовинамъ: се по нынѣ обидисте мя еси! И жидовинъ недоидоша до дому, и абіе падоша и умреша. Друзіи же жидове возопиша и глаголюще: откуда сіе отроча? И наподоша Іосифа глаголюще: что такое отроча имаешь хитрое! Учи его на доброе, нехай не клеветъ и не искушаетъ нашихъ дѣтей, бо ти Іосифе не будеши жити съ нами во градѣ, але ты виженемъ. Призвавше Іосифъ Іисуса и глаголетъ: Почто ти кленешъ чужихъ дѣтей, що мрутъ? Прето хотять насъ вигнати изъ града. Іисусъ же рекъ отцу своему Іосифу: отче мой, ти иже на насъ глаголють противу дѣломъ своимъ, нехай оглухнутъ и ослѣпнутъ. И тое увѣдавше жидове вси оубоидоша и не

смѣяши ничтоже на Ісуса рещи и гнѣватись. Учитель же еденъ именовъ Затхей слышавъ Ісуса глаголюща ко Іосифу и рече: Іосифе брате, се отроча пмаешъ, дай его мнѣ, нехай учить грамоту. Поемъ Іосифъ отроча и воведе его ко учителю и рече: Оучи брате отроча сіе. Слыша же Іисусъ Іосифа глаголющаго и засмѣяся рече: Даскале, воистинну вѣмъ елико ти рече отецъ мой Іосифъ. Азъ есмь Господь, ви же не вѣсте, якая мнѣ одному власть, яко азъ есмь прежде всѣхъ вѣкъ, а нынѣ родихся съ вами. И азъ вѣмъ, колко лѣтъ жпвота вашего. Учителю, послухай мене, азъ та научу премудрости, ея же никто не вѣсть развѣ мене и пославшаго мя ко вамъ. Сущіи жидове услышавши словеса сіа, глаголюща (вм. глаголаша): Ѽ лѣтъ отрочати сему и глаголетъ еже не слышахомъ ни отъ архиерей ни отъ учитель ни отъ фарисей. Рече Іисусъ: что сему дивитесь? вѣдаю, егда былъ миръ созданъ. Въ той часъ оуслышавши жидове и убо яшася и не смѣяху ничтоже рещи на Ісуса. Христось же играяся и скаща глаголюще: Вѣдаю, учителю, яко ви есте слѣпіе. Горе вамъ, яко мене учите, а сами не знаете, хвалитесь. Затхей же вземъ его Ісуса за руку, и приведе его ко Іосифу и рече: Понми, брате Іосифе, отроча сіе, я не могу его учить, о горе мнѣ! Отроча тое меня учить. Іисусъ же ввійде по обычаю во жидовскій храмъ, играяся со дѣтьми многими жидовскими. Ісусъ же побѣгне по слонцу по променахъ предъ дѣтьми и ста высоко, а дѣти жидовскіе пошли за Іисусомъ и полетѣли стремглавъ и побилися вси, и нача Іисусъ смѣятися и збѣже по слонцу. И рече другій майстеръ ко Іосифу: приведи ми отроча и научу его грамоти. Іосифъ же емъ Ісуса за руку и веде его ко майстру. Майстеръ же вземъ его учить грамоти, Іисусъ же молчаше, не рече ему ничтоже, майстеръ же ударил его въ главу. Іисусъ же рече ему: Почто мя еси оударилъ въ главу, разбойнику, злодѣятелю? Горе тебѣ! Да чого мя учяши, а самъ ничтоже не вѣдаеши. Аще правый учителю, протолкуй ми что мовить алфита (д. б. алфавита). Азъ же и по сихъ книги во мнѣ суть. Майстеръ же въ той часъ ужасеся и не смѣя ничтоже изрещи противно отрочати. И рече: охъ мнѣ, азъ окаянній самъ на себя срамоту наведохъ. И рече: Понми брате Іосифе отроча сіе! Сіе отроча нѣсть отъ земнаго рода, но прежде сотворенія. Единъ юноша младій рубавъ дрова въ сусѣда Іосифоваго, и ударился секирою, и ста секира плесень ноги его и надъ умираше, и у мольвѣ велицей бывши, и стеченію тамо народа много. Іисусъ же помде тамо, ледви пришедъ сквозь народъ и пріиде идеже лежа отрокъ и емъ его Іисусъ за правую руку зарубан-

ную и протягъ и бысть нога болящая здравна. И рече Іисусъ: юноша тебѣ глаголю востани! Юноша же абіе воста, народъ же вельми чудышася и рече: Востыню въ семь отрочати Богъ живеть. Потомъ же Іисусъ хождаше по водѣ и созда себѣ храмину каменную, народи же іудейскіе зѣло чудышася таковому виденію. Потомъ же Іосифъ послалъ сына своего Іакова по хвастъ и змія лютая укусила его за руку, и надъ Іаковъ и умраше. Іисусъ приде тамо и дунуль на лице его и угрызновеніе змінно испадеть, Іаковъ прозрѣвъ а змія распадеса на три части. Потомъ женѣ одной отроча умереть и плакася жена злѣ за отрочемъ. Сливаше Іисусъ и тече тамо, и видѣ отроча мертво и дунуль Іисусъ на уста его и рече: Востани отроча и живо будь! И абіе воста отроча и разсмѣяся. И рече Іисусъ: Жено приими отроча и дай ему асти. Видѣвши тое народи многи и рѣша: Востыню въ семь отрочати Богъ живеть. И наки бывше созданію високому и впадѣ человекъ з будинку вельми високаго и разбився и умраше, И зійшлося людей много надъ онаго человекъа. И приде Іисусъ тамо и видѣ человекъа лежаща, и емъ его за руку и рече: Тебѣ человекъче глаголю, востани и сотвори дѣло свое! И абіе человекъкъ воставъ и поклонился Іисусови. И видѣвши тое народи и чудышася велми. Іосифъ же и мати его ищуща во Іерусалимѣ и обрѣтоста его зо трехъ днехъ во церкви посредѣ учителей. И послушавша его да разумѣють, и дивляхуса, како отроча преидеть старшіа книжници и фѣлѣозофи. Іосифъ же и мати рекоста Іисусови: Почто чадо сотворилъ намъ, како намъ вельми была скорбь. Іисусъ же рече: Почто ищете мене? Многіи суть обители у Отца моего, повелѣ ми въ нихъ бити. Не вестѣ ли, яко Отецъ мой есть на небесехъ? Фарисее же слишавше и рѣша: Ты ли еси мати сему отрочати? Марія же рече: Азъ есмъ. Фарисей же рѣша: Благословена ти во женахъ и благословенъ плодъ твоего чрева. Таковія слави, таковія сили не видѣхомъ николиже. Воставше Іисусъ и иде во слѣдъ матере своея и бысть слушаай и повинуюся. Іисусъ же сиѣяше мудростію и тѣломъ и благодать и испѣленіе творяше. Ми же прославимъ Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ Аминь.

В) Слово о двоихъ разбойникахъ о Гестѣ и Димъ како ся зачали и како зросли и како распято ихъ на обѣ странѣ Господа нашего Іисуса Христа.

Егда избѣ Иродъ младенци ищущи Господа нашего Іисуса Христа, тогда Іосифъ поемъ Пресвятую Богородицу со Іисусомъ Христомъ

и приде во Египеть, якъ ему казалъ ангель Господень. Баху бо во горѣ два разбойники со женами и со чадами своими. И маху бо ихъ жени два младенца. Една же жена разбойническая больная бѣ ѿ дни, отроча же ея малодушно бѣ гладомъ, а другаго же разбойника жена не взвраще на тоє болніа чадо. Тогда увидѣли Іосифа со Богородицею носящаго Іисуса Христа. Увидѣлъ же разбойникъ болніа жени Марію со отрочатемъ и возрадовася вельми, жеби святая Богородица накормила сосцами своимы отроча его. И рече другому разбойнику: Не сотворимъ брате, мужеву сему зла иѣ женѣ его. Поемше же разбойници Іосифа со Марією во свою хранину, вземъ разбойникъ отроча свое и дасть его Богородици Маріи и рече: накорми жено сосцами своимы отроча мое сіе, не сотворимъ тебѣ никоєа печали ни мужеву твоему. Святая Богородица вземши отроча разбойническое и прекормить е ѿ дній сосцами своимы святымъ, жена же разбойническая возрадовася. Разбойникъ же къ ней глаголюще. Аще бы не прійшла жена сія къ намъ, то ужеби отроча наше оумерло. И тако отпусти Іосифа и Марію со велькими дарамы. Младенца же разбойническіа возрасташа, и биша разбойници якоже и родителіе ихъ. Егда же распяша Господа нашего Іисуса Христа на горѣ Голгоѣѣ, въ тоє же время поймано тихъ двоухъ разбойниковъ на разбою и приведше ихъ до Пилата. Пилать же повелѣ ихъ осудити и распяти на той же горѣ Голгоѣѣ. И сотворили ѿ креста: съ певга, кипариса и кедра. На кедрѣ же распяша Іисуса Христа, на кипарисѣ Дазму праведна разбойника, на певгѣ Гесту невѣрнаго разбойника, Дазму на правой странѣ Господа, Гесту на лѣвой странѣ Господа. Господень же крестъ бѣ закопанъ на главѣ Адамовѣи, и въ той часть окрестился кровію Христовою. Оній разбойникъ, яже бѣ на правици, возопивъ гласомъ: Помяни мя Господи егда приидеши во царствіи своемъ, и язикомъ рай отверзе. А той иже бѣ ошуюю похулилъ Господа и за тоє во адъ вселилъ ся.

Посольство Якова Смирковского къ Богдану Хмельницкому во время осады Замостья въ 1648 году¹⁾.

(по рукописнымъ источникамъ).

I.

Среди кровавой исторической трагедіи, разыгравшейся во второй половинѣ XVII вѣка и носящей названіе козацкаго возстанія, среди сценъ политическихъ и племенныхъ страстей, стремившихся пожрать въ своемъ пламени цѣлость общественнаго склада древней Рѣчи-Посполитой, среди физическихъ и нравственныхъ поражений, понесенныхъ вооруженной силой Польши, разбитой и разбѣянной козаками и татарами въ длинномъ рядѣ битвъ, начиная отъ кровопролитной расправы подъ Желтыми Водами до взятія Львова, когда казалось, что осиротѣлая послѣ смерти Владислава IV Рѣчь-Посполитая, какъ корабль, лишенный кормчаго, должна безнадежно затонуть,—есть одна сцена, безспорно высокаго драматизма, когда побѣдоносный вождь козаковъ Богданъ Хмельницкій, ободренный цѣлымъ рядомъ побѣдъ, одержанныхъ надъ войсками Рѣчи-Посполитой, и

¹⁾ Статья эта принадлежитъ современному польскому историку Александру Краусгару, автору „*Исторіи евреевъ въ Польшѣ*“, „*Подвиги Кристофа Арцишевскаго*“, „*Альбрехта Ласкиго, воеводы Скрадзскаго*“, „*Новыхъ эпизодовъ изъ жизни Паска*“ и множества мелкихъ статей. Она помѣщена въ сборникъ „*Kartki historyczne i literackie*“, Кракѡвъ 1894, въ ряду статей, не имѣющихъ никакого отношенія къ исторіи Малороссіи. Помѣщаемъ ее въ переводѣ, чтобы она не была забыта въ изданіи, гдѣ интересующіися исторіей Малороссіи врядъ-ли вздумаютъ ее искать.

взятіемъ въ плѣнъ польскихъ военачальниковъ, вдругъ останавливаетъ свое побѣдоносное шествіе въ столицѣ страны и въ отвѣтъ на первое слово вразумленія, обращенное къ нему Яномъ-Казимиромъ, отдаетъ своимъ недовольнымъ полчищамъ приказъ къ отступленію и мирно возвращается на Украину.

До настоящаго времени главный мотивъ этой загадочной переменѣ фронта со стороны Богдана Хмельницкаго—оставался невыясненнымъ. Даже если принять, согласно съ утвердившимся въ этомъ вопросѣ взглядомъ, что ожидаемые результаты Варшавскаго совѣщанія, которые, казалось, должны были соотвѣтствовать духу стремленій Хмельницкаго, могли служить для него достаточнымъ поводомъ для временной пріостановки военныхъ дѣйствій, тѣмъ не менѣе остаются важными для исторіи всякія подробности первоначальныхъ переговоровъ съ Хмельницкимъ, особенно въ ту минуту, когда онъ, упоенный предыдущими побѣдами, усиливается преодолѣть послѣднее препятствіе—крѣпость Замостье, чтобы въ столицѣ Королевства предложить побѣжденнымъ унижительныя условія мира.

Почти всѣ изслѣдователи тогдашней эпохи принимаютъ за неоспоримый фактъ, что первое слово примиренія обращено было Яномъ-Казимиромъ къ Богдану Хмельницкому уже послѣ совершившагося избранія, въ качествѣ короля польскаго ¹⁾, и что исполненіе этой миссіи поручено было, по мнѣнію однихъ, двумъ королевскимъ посланцамъ: Якову Смяровскому и Станиславу Олдавовскому; по мнѣнію другихъ, миссію эту долженъ былъ выполнить одинъ только королевскій секретарь Яковъ Смяровскій, имя котораго различно передается въ разныхъ источникахъ.

¹⁾ Коховскій: *Ann. Pol. ab obitu Vlad. IV. Climates primus 1683*, стр. 92; Анонимъ: *Hist. Jana Kazim.* (Коховскаго) 1859, т. I, стр. 31 изд. Рачискаго; Войницкій: *Pamiętniki do ranow. Zug. III, Wład. IV, Jana Kazim*, т. II, стр. 40; Рудавскій: *Hist. Polak.* переводъ Спасовича, т. I, стр. 41; Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго въ Чтеніяхъ Имп. Моск. Общ. Исторія и древн. 1846, т. I; изъ новѣйшихъ историковъ: Костомаровъ, *Богданъ Хмельницкій*, Спб. 1889, т. II, стр. 49; Шуйскій, *Dzieje*, т. III, стр. 323; Морачевскій, *Dzieje Rzeczypospolitej*, т. VIII, стр. 48; *Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego* (съ рукописи), Бреславль 1842, стр. 27.

На основаніи выписокъ Августа Бѣлевскаго, которыми воспользовался Шайноха въ „*Двухъ годахъ нашей исторіи* 1)“, этотъ посланецъ именуется Свяховскимъ 2) или Смяровскимъ. Ксендзъ Садокъ Барончъ въ „*Памятникъ польской исторіи* 3)“ даетъ ему имя Сѣвескаго, а Морачевскій въ своей „*Исторіи* 4)“ называетъ этого посланца Рафаломъ Смяровскимъ. Однако у большей части историковъ преобладаетъ имя „Яковъ Смяровскій“ и это имя—несомнѣнно подлинное.

Какъ по отношенію къ имени посланца, такъ и по отношенію ко времени исполненія имъ посольской миссіи—господствуетъ въ историческихъ источникахъ неразрѣшимая запутанность.

Въ анонимномъ изданіи „Климактеровъ“ Коховскаго 5) сказано, что Смяровскій выѣхалъ изъ Варшавы 27 сентября 1648 г. и прибылъ къ Замостью съ увѣдомленіемъ объ избраніи Яна-Казимира 1 октября 1648 г. Латинскій „Климактеръ“ Коховскаго даетъ иную дату, а именно: выѣздъ изъ Варшавы олъ назначаетъ на 27 ноября (слѣдовательно послѣ избранія, состоявшагося 20 ноября 1648 г.), а приѣздъ въ Замостье на начало декабря 1648 г. 6); въ „Памятникахъ“ Войцицкаго, представляющихъ подъ 1648 годомъ копію съ I-го Климактера, днемъ выѣзда Смяровскаго изъ Варшавы указано 27 ноября 1648 г., а днемъ приѣзда его въ Замостью—1 декабря 1648 г. 7) Шуйскій въ своей „Исторіи“ относитъ исполненіе Смяровскимъ его миссіи ко времени, послѣдующему за полученіемъ Яномъ-Казимиромъ отъ Хмельницкаго письма, привезеннаго ксендзомъ Мокрскимъ въ Варшаву 23 ноября 1648 г. 8).

Одинъ только Шайноха въ „Двухъ годахъ“ (сочиненія, томъ X, страница 170), подерѣпляя себя указаніями „Памятниковъ“ князя Альбрехта Радзивилла 9) и „Памятной

1) Сочиненія, т. X, стр. 230.

2) Тамъ-же, т. X, стр. 231.

3) Львовъ 1855, стр. 49.

4) Т. VIII, стр. 48.

5) Познань, 1859, стр. 31 тома 1-го.

6) *Varsavia dimissus, die 27 Novbris, ad Zamoscium sub initium Decembris venit*, стр. 92.

7) Т. II, стр. 40.

8) Т. III, стр. 323.

9) Т. II, стр. 350.

книги Михаловскаго ¹⁾“, близко подходит въ дѣйствительному факту, когда утверждаетъ, что еще до совершенія избранія Янъ-Казимиръ, будучи уже королемъ шведскимъ, но еще только въ качествѣ королевича польскаго, писалъ письмо въ Хмельницкому, осаждавшему Замостье, со словами вразумленія ²⁾. Не будучи однакоже убѣжденнымъ въ дѣйствительности этого факта, Шайноха выражается въ примѣчаніи въ гипотетичной формѣ, что „важется“, какъ будто письмо Хмельницкаго было отвѣтомъ на письмо королевича Казимира, и что Радзивиллъ „вѣроятно“ упоминаетъ объ этомъ послѣднемъ письмѣ въ „Дневникѣ“ элекційнаго сейма подъ 23 ноября. Однако въ текстѣ своего разсказа Шайноха уже безъ всякихъ оговорокъ заставляетъ обоихъ пословъ, Станислава Олдаковскаго и Смяровскаго, ѣхать къ Замостью съ увѣдомленіемъ короля о вступленіи его на тронъ Рѣчи-Посполитой польской,

Изъ приведенныхъ выше разногласій видно, что сомнительность какъ по отношенію ко времени завязки первоначальныхъ переговоровъ съ Хмельницкимъ въ послѣдніе дни избирательнаго сейма 1648 г., такъ и по отношенію къ личности пословъ, которымъ была поручена эта важная миссія, до сихъ поръ еще не устранена.

Вслѣдствіе этого не безъ дѣйствительнаго значенія для исторіи будетъ замѣтка, стремящаяся на основаніи не бывшихъ въ пользованіи ученыхъ рукописныхъ источниковъ выяснить тотъ именно эпизодъ изъ козацкаго возстанія, который въ ряду несчастій, какъ-бы сговорившихся погубить Рѣчь-Посполитую, явился какъ-будто поворотнымъ пунктомъ и послужилъ къ первоначальной завязкѣ сношеній съ главнымъ двигателемъ этихъ кровавыхъ несчастій—съ Богданомъ Хмельницкимъ.

II.

Въ Варшавскихъ бібліотекахъ: Университетской и графовъ-ординатовъ Краснянскихъ—въ отдѣлахъ рукописей находятся два

¹⁾ Стр. 241 и 369.

²⁾ Сочиненія, т. X, стр. 170.

документа, взаимно другъ друга дополняющіе и выясняющіе затронутый выше вопросъ. Въ Университетской библіотекѣ подь знакомъ 3. 7. 10. сохраняется бумажный кодексъ, идущій несомнѣнно изъ XVII вѣка, составленный изъ нѣсколькихъ десятковъ листовъ въ четверку, писанный различными почерками и, вѣроятно, нѣсколькими переписчиками, и озаглавленный общимъ заглавіемъ: *Kilka dokumentów publicznych z epoki 1629—1649 r.* (Нѣсколько публичныхъ документовъ изъ эпохи 1629—1649 п.), а въ немъ на стр. 81 и слѣдующихъ находится документъ, озаглавленный: *Relacya P. Śmiarowskiego, Posła K. I. M. do Chmielnickiego.* (Донесеніе г. Смяровскаго, посла Е. К. В. къ Хмельницкому).

Въ библіотекѣ-же графовъ-ординовъ Красинскихъ между рукописями, оставшимися послѣ Константина Свидзинскаго, находится книга *in folio*, переплетенная, означенная № 452, известная подь именемъ „рукописи, приобрѣтенной отъ І. І. Крашевскаго“, а въ ней на стр. 252 помѣщенъ документъ съ заглавіемъ: *Przyjęcie gońca Króla I. M-ci u Chmielnickiego, pod Zamościem* (Принятіе посланца Его Величества Короля Хмельницкимъ подь Замостьемъ), напечатанный правда отчасти нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ (*Oređownik naukowy* за 1841 г. стр. 161), но до сихъ поръ не оцѣненный въ польской исторической литературѣ.

Этотъ послѣдній документъ находится въ связи съ современнымъ донесеніемъ о посольствѣ Смяровскаго, списаннымъ на стр. 452 той-же рукописи и повторяющимъ подробности доклада самого Смяровскаго, изложенныя въ рукописи Университетской библіотеки.

Во всѣхъ этихъ документахъ Смяровскій титулуется какъ посолъ Его Величества Короля, хотя изъ содержанія ихъ вытекаетъ, что козаки по прочтеніи письма Яна-Казимира, видя печать королевства шведскаго и подпись не польскаго короля, говорили: „посолъ этотъ пришелъ къ намъ съ измѣной“; это наводитъ на мысль, что, дѣйствительно, Смяровскій не былъ посломъ Яна-Казимира, какъ короля польскаго, но только посломъ королевича польскаго, а короля шведскаго, въ то время, когда

не было уже сомнѣній, что результатъ выборовъ склонится въ пользу одного изъ братьевъ умершаго короля Владислава IV и несомнѣнно въ пользу Яна-Казимира (королевичъ Карль-Фердинандъ отрекся уже отъ притязаній на тронъ Рѣчи-Посполитой въ фарномъ костелѣ 11 ноября 1648 г.)¹⁾. Во всякомъ случаѣ въ ту минуту, когда Смяровскій отправлялся подъ Замостье къ Хмельницкому, результатъ выборовъ не былъ еще извѣстенъ и не былъ еще обнародованъ. Несомнѣнный и близкій уже въ то время результатъ выборовъ былъ причиною, почему Смяровскій предсталъ предъ козаками какъ посолъ вновь избраннаго короля Яна-Казимира, но „когда онъ показалъ имъ письмо“ (слова рукописи библиотеки ордин. Красинскихъ стр. 243), „то они бросились къ печати и сейчасъ-же сказали, что письмо это не отъ короля, такъ какъ запечатано печатью съ кардинальской шапкой, да и короля еще нѣтъ“. На это Смяровскій, объясняясь предъ козаками, отважно отвѣчалъ: „не можетъ этого быть, чтобы, какъ только выбрали короля, сейчасъ сдѣлали-бы и печать“.

Въ свѣтъ современныхъ источниковъ этотъ характерный фактъ представляется слѣдующимъ образомъ:

Почти за мѣсяцъ до отреченія со стороны Карла-Фердинанда отъ притязаній на тронъ Рѣчи-Посполитой на засѣданіи сената, происходившемъ въ Варшавѣ 13 октября 1648 г., великопольскій генераль Богуславъ Лещинскій предложилъ, какъ способъ примиренія съ козачествомъ, чтобы оба королевича написали отъ своего имени къ Хмельницкому.

Нѣскольню дней спустя²⁾, но еще до обнародованія результата выборовъ, королевичъ Янъ-Казимиръ, котораго, какъ извѣстно, Хмельницкій желалъ видѣть на тронѣ, послалъ отъ себя Смяровскаго съ порученіями къ вождю козаковъ, о чемъ „Памятная книга Михаловскаго³⁾“ выражается слѣдующимъ

¹⁾ Альбр. Радзивилль, Pamiętniki, т. II, стр. 340.

²⁾ I. Михаловскій, в.з. pamiętn. стр. 291.

³⁾ (Стр. 354 подъ 22 числомъ ноября 1648 г., изъ чего слѣдуетъ, что замѣтка Михаловскаго сдѣлана два дня спустя послѣ выборовъ т. е. относится къ 15 ноября 1648 г.

образомъ: „панъ Смяровскій уже восьмой день, какъ посланъ отъ Его Величества Короля къ Хмельницкому“.

Тѣмъ временемъ и въ лагерѣ козаковъ подъ Замостьемъ думали надъ переговорами. Осада крѣпости, защищаемой полками храбраго Вейхера, не общала въ ближайшемъ будущемъ благоприятнаго окончанія. Холодъ и голодъ томили осаждающихъ. Пули, выпускаемыя съ валовъ Замостья, причиняли козакамъ тяжкія утраты. Уже 15 ноября, т. е. почти одновременно съ выѣздомъ Смяровскаго изъ Варшавы, выѣхалъ изъ Лабунекъ, главной квартиры Хмельницкаго подъ Замостьемъ, всендзъ-іезуитъ Гунцель Мокрскій, давній учитель и любимецъ Хмельницкаго, съ порученіемъ къ королю шведскому и съ заявленіемъ готовности служить ему оружіемъ при выборахъ¹⁾; къ сенату-же съ просьбою о мирѣ²⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ изображенію результатовъ обоихъ перекрестныхъ посольствъ, мы сообщимъ въ нѣсколькихъ словахъ предшествующія обстоятельства, относящіяся къ особѣ посла Смяровскаго, о которыхъ мы теперь только въ первый разъ получаемъ свѣдѣнія, благодаря рукописной „реляціи“ университетской бібліотеки.

Яковъ Смяровскій извѣстенъ былъ изъ источниковъ какъ „русскій шляхтичъ“ (*nobilis Roxolanus*). Ближайшихъ подробностей, относящихся къ его особѣ, мы не имѣли. Теперь мы знаемъ, что онъ жилъ въ мѣстечкѣ Полонномъ на Волини и что во время нападенія козацкой черни въ 1648 г. на тамошній замокъ, когда послѣ истребленія всего гарнизона полковникъ Кривонось устроилъ страшную рѣзню жителей, жертвою ея слѣдалась и семья Смяровскаго: жена и дѣти были замучены, восьмилѣтній сынокъ былъ проданъ въ Орду, а имущество, цѣною около 40.000 злотыхъ, было разграблено. Яковъ Смяровскій предъ козацкимъ возстаніемъ поддерживалъ, какъ сосѣдъ, прія-

¹⁾ Ошибочной является версія Шуйскаго (Ист. т. III, стр. 323), будто-бы Мокрскій получалъ порученіе передать письмо уже избранному королю польскому. См. Кз. рачіетп. стр. 359: „Отдалъ (Мокрскій) письмо отъ Хмельницкаго Его Величеству Королю съ надписаніемъ: Королю Шведскому“.

²⁾ Кз. рачіетп. стр. 213.

тельскія отношенія съ Хмельницкимъ и это было причиною, почему королевичъ Янъ-Казимиръ именно его выбралъ посломъ къ Хмельницкому. Очутился онъ въ Варшавѣ, потому-что убѣгалъ вмѣстѣ съ остальной мѣстной шляхтой отъ наступленія козаковъ и спѣшилъ на конвокацію съ жалобами по поводу испытанныхъ бѣдствій.

Содержанія письма королевича мы не знаемъ. Ни одинъ источникъ не сообщаетъ его. Извѣстно только изъ „Памятниковъ“ Радзивилла (II, 350), что въ этомъ письмѣ выражена была вождю козаковъ просьба—добровольно отступить отъ Замостья.

„Съ милостью и миромъ я пріѣхалъ сюда“—выражается повѣствователь въ рукописи Свидзинскаго, говоря какъ-будто словами Смировскаго. „Его Величество Король, какъ добрый Государь, не только хочетъ простить Вамъ Ваши чамѣренныя преступленія, но и сдѣлать для Васъ то, о чемъ Вы будете основательно просить“.

Послѣ такого объясненія мы перейдемъ къ существу донесенія Смировскаго по копіи его, разысканной въ Университетской библіотекѣ.

III.

„Ноября 15 дня я выѣхалъ изъ Варшавы. Былъ это день воскресный. Я достигъ козацкаго лагеря подъ Замостьемъ въ четвергъ, а видѣлся съ Хмельницкимъ въ пятницу, *in solenni forma*. Онъ выслалъ навстрѣчу мнѣ 6 тысячъ всадниковъ и они провели меня мимо стѣнъ Замостья до Лабунекъ¹⁾ въ милѣ отъ Замостья, гдѣ стоялъ самъ гетманъ съ артиллеріей. Прежде чѣмъ этотъ отрядъ окружилъ меня и мой конвой, который достигалъ вмѣстѣ съ людьми князя Корецкаго²⁾ до 100 коней,

¹⁾ Лабунки, деревня и фольваркъ въ Замостскомъ уѣздѣ надъ рѣчкою Лабункою при шоссе изъ Замостья къ австрійской границѣ. *Slownik geogr.* т. V, стр. 564. Описаніе Лабунекъ въ *Tug. illustr.* за 1881 г.

²⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о князѣ Самуилѣ Корецкомъ, который, когда его собственннне подданные осадили его въ Корецкомъ замкѣ, спасся только благодаря коругви, которую онъ содержалъ на свой счетъ. Коховскій. *Hist. Jan. Kazim.* т. I. стр. 45. Былъ и другой Корецкій, Карлъ,—также собственникъ военной дивизіи (ib стр. 49).

вся старшина выѣхала впередъ и расположилась особой группой. Слѣзши съ лошадей, они пѣшо привѣтствовали меня, оставшагося на конѣ, а затѣмъ окружили меня вышеупомянутымъ большимъ отрядомъ и, давши мнѣ мѣсто въ первомъ ряду, подъ звуки трубъ, бубновъ и сурьмъ повели меня къ названнымъ Лабункамъ.

Передъ Лабунками выѣхалъ на встрѣчу обозный Чернота съ нѣсколькими десятками козаковъ на прекрасныхъ и богато убранныхъ коняхъ съ извиненіемъ отъ гетмана, что ради слабости здоровья онъ не могъ выѣхать самъ; „вмѣсто себя онъ меня выслалъ“, говорилъ Чернота, „привѣтствовать Васъ, Милостивый Государь, а самъ ожидаетъ Васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ“.

Когда я въѣхалъ на Лабунскій дворъ, то самъ гетманъ вышелъ мнѣ на встрѣчу до половины двора. Я также, слѣзши съ коня, привѣтствовалъ его. Онъ провелъ меня въ свою избу и приказалъ выстрѣлить изъ пушекъ въ знакъ радости, что услышалъ о новомъ Государѣ. Въ тотъ день наступилъ уже вечеръ; я отложилъ исполненіе моихъ обязанностей до слѣдующаго дня, а между тѣмъ изучалъ какъ самого гетмана, такъ и другихъ знакомыхъ мнѣ козаковъ, *faciem status eorum*, а также соображалъ, что мнѣ можетъ помочь, а что—повредить; я понималъ, что Кривоносъ съ Гловацкимъ стояли на томъ, чтобы не отступать изъ этихъ мѣстъ и, воспользовавшись достигнутыми успѣхами, кончить эту войну выгоднымъ миромъ. Это очень меня обезпечило и, желая предупредить подобный исходъ дѣлъ, я сталъ поступать такимъ образомъ:

Разговаривая секретно съ Хмельницкимъ, я говорилъ ему:

„Ты имѣешь въ своемъ войскѣ заклятаго врага, который стремится лишитъ тебя твоей славы, подорвать твою власть и повредить твоему здоровью. Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ изъ нѣсколькихъ признаній плѣнниковъ изъ запорожскаго войска (*res ficta*), которые на пыткахъ достаточно объ этомъ рассказали. Я хочу тебя объ этомъ предупредить, чтобы ты принялъ мѣры, если самъ хочешь сберечь здоровье и сохранить славу. Второе я прошу тебя, какъ давняго пріятеля и дружески расположен-

наго сосѣда, чтобы Кривоносъ не присутствовалъ на моей аудіенціи; скорбь моя неутѣшима, такъ какъ этотъ измѣнникъ ограбилъ въ Полонномъ все мое имѣніе и забралъ на 40.000 злотыхъ моего достоянія; но еще болѣе того: онъ убилъ мою жену и дѣтей, а восьмилѣтняго сына моего продалъ въ Орду; не допускай меня смотрѣть на него, а иначе я разрублю его на куски, я утоплю въ немъ мою саблю!“

Хмельницкій принялъ мою рѣчь милостиво и подѣ присягой обѣщаль не ласкать Кривоноса, также не позоваль его на раду.

Въ день субботній я имѣлъ аудіенцію согласно съ данной мнѣ инструкціей, во время которой Хмельницкій отвѣчалъ мнѣ:

„Какъ предки мои самоотверженно и съ пролитіемъ крови служили королямъ Польскимъ, такъ и я, не измѣняя имъ, съ подчиненнымъ мнѣ рыцарствомъ, хочу вѣрно служить Его Величеству Королю, моему милостивому Государю, и Рѣчи-Посполитой, и по приказу Его Королевскаго Величества сейчасъ-же отступлю съ войскомъ на Украину“.

При этомъ онъ обѣщаль скоро меня отпустить.

Нѣсколько часовъ спустя, иная трудность представилась для исполненія моей задачи. Нѣкоторые изъ полковниковъ и старшинъ, которые не присутствовали при аудіенціи, при чемъ къ нимъ присоединилось и множество черни,—начали бунтовать и просили гетмана передать имъ порученія посла и показать королевское письмо; прочитавши послѣднее, они разбирали каждое слово, и когда увидѣли печать королевства шведскаго и подпись не польскаго короля, то *invalescebat fremitus eorum* (услился ихъ шумъ) и они говорили, что посоль этотъ пришелъ къ намъ для измѣны; вѣроятно, войска на насъ наступаютъ, а потому—задержать его до дальнѣйшихъ извѣстій, или отправить въ Трахтемировъ.

Я имѣлъ на этой радѣ своего подслушивателя. Когда онъ мнѣ обо всемъ этомъ сообщилъ, то я очень смутился, но раздумавши самъ съ собою, я пошелъ храбро на раду и стремился преодолѣть ихъ сомнѣнія своими доводами; подѣ присягой я утверждалъ, что все то, что я передалъ имъ, передано по волѣ Его Королевскаго Величества, моего милостиваго Государя.

Поддержалъ меня и самъ гетманъ, которому я отдалъ королевское письмо, взявши его изъ рукъ козаковъ, съ такими словами: „Всѣ короли и монархи на свѣтѣ имѣютъ обычай руководствоваться не письмомъ, которое является только удостовѣреніемъ личности посла (*credens*), но устнымъ сообщеніемъ каждаго посла; рѣчь посла составляетъ сущность дѣла.

Такимъ образомъ по милости Божіей и эта трудность была устранена и сдѣлалось возможнымъ разрѣшеніе мнѣ возвратиться восвояси.

Затѣмъ по козацкому обычаю подали обѣдъ изъ шести блюдь и хорошее вино. Какъ только гетманъ пилъ за здоровье Его королевскаго Величества, такъ сейчасъ стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ, а затѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ (*ipso affectu*) исполнилъ то, что обѣщаль.

Прежде всего тронулась артиллерія съ своимъ конвоемъ, въ которомъ могло быть до 20.000 человѣкъ.

На третій и на четвертый день трогались различныя полки отъ стѣнъ Замостья, которыя кругомъ опоясаны были лагеремъ, а ставъ былъ спущенъ черезъ разрытую плотину; всѣ предмѣстья и отдѣльныя дворы вокругъ Замостья были сожжены.

Между тѣмъ вмѣстѣ съ козацкимъ лагеремъ снялся и я. Вскорѣ, описавши успѣшное выполненіе возложеннаго на меня порученія, я отправилъ впередъ въ королевскому двору слугу Его Милости Архіепископа Гвѣзненскаго, но этого посланца, хотя онъ имѣлъ и паспортъ отъ Хмельницкаго, убили въ пяти миляхъ отъ козацкаго лагеря.

Поэтому извѣстіе это пришло не скоро.

Откланявшись передъ Хмельницкимъ, я поѣхалъ въ Замостье и тамъ переночеваль. Величайшая бѣда тамъ была: люди болѣли и умирали, чувствовался недостатокъ пива, хлѣба и другихъ припасовъ, лошади и скоть отъ недостатка кормовъ поиздыхали, улицы были ими наполнены, ощущался страшный смрадъ; хотя гарнизонъ предъ моимъ отъѣздомъ выстроился въ военный порядокъ, но врядъ-ли могъ-бы онъ выдержать дальнѣйшую осаду.

Я выѣхаль изъ Замостья 24 ноября. Дорога была уже болѣе безопасной, но всетаки требовалась осторожность.

Проѣзжая далѣе, я попадалъ въ большія затрудненія при встрѣчѣ съ разными „загонами“, какъ козацкими, такъ и татарскими. Много мѣшали мнѣ также наши подѣзды, которые подступали къ непріятельскому войску, въ то время, когда я къ нимъ ѣхалъ, и не могли понять, что я ѣду отъ Хмельницкаго. Хмельницкій говорилъ: я пойду къ Каменцу-Подольскому, чтобы переправить тамъ орду черезъ р. Днѣстръ. Онъ не долженъ былъ миновать Бродовъ, замокъ которыхъ сдался вслѣдствіе болѣзней, распространившихся среди гарнизона.

Кодакъ также сдался.

Такъ я наскоро пишу“.

Въ дополненіе къ вышеприведенному личному донесенію Смяровскаго мы приведемъ отрывокъ изъ рукописи Свидзинскаго (стр. 251)¹⁾, очевидно редактированный на основаніи разсказа посла неизвѣстнымъ яваторомъ и заключающій въ себѣ картинныя подробности о первой встрѣчѣ посла съ Хмельницкимъ.

„Когда посоль Его Королевскаго Величества панъ Смяровскій подѣзжалъ къ Замостью, то Хмельницкій выслалъ на встрѣчу послу шестсотъ козаковъ на добрыхъ коняхъ въ полномъ вооруженіи. Встрѣтивши посла, они его проводили. Когда подѣзжали къ тому двору, гдѣ остановился Хмельницкій, полки, которыхъ было необозримое множество, выстрѣлили изъ ружей, такъ—что какъ-будто громъ раздался. Передъ самымъ дворомъ обозный Хмельницкаго, по имени Остапъ, встрѣтилъ во главѣ восьмисотъ особъ и онъ-же ввелъ посла въ избу, гдѣ ждалъ его Хмельницкій.

Хмельницкій былъ одѣтъ въ пурпурный жупанъ съ серебряными петлями для пуговиць, сверху наброшена была суконная фerezія фіалковаго цвѣта, подшитая великолѣпными соболями; булава лежала передъ нимъ на столѣ.

Когда посоль вошелъ, то самъ Хмельницкій бросилъ булаву со стола на землю. При передачѣ письма Его Королев-

¹⁾ См. также Ogródownik naukowy 1841, стр. 161.

скаго Величества, когда посоль, надѣвши шапку, началъ излагать цѣль своего прїѣзда, то старшины, которые могли только помѣститься въ избѣ Хмельницкаго, слушали съ обнаженными головами; какъ только упоминалось имя Его Королевскаго Величества, всѣ они били челомъ. Когда же Хмельницкій началъ отвѣчать и пожелалъ здоровья Его Величеству Королю, то сейчасъ же стали стрѣлять и это продолжалось полчаса.

Когда перестали стрѣлять, то Хмельницкій, продолжая свою рѣчь, объяснилъ, что еслибы королемъ сдѣлался не король Казимиръ, которому онъ хочетъ служить и за честь котораго онъ готовъ пролить свою кровь, то онъ пошелъ бы прямо на Краковъ и, взявши корону, отдалъ бы ее тому, кому нашель бы лучшимъ. Теперь онъ принимаетъ подданство, прекращаетъ войну, возвратится на Запорожье, гдѣ будетъ спокойно ждать комиссаровъ, и при походѣ на Запорожье не будетъ производить никакихъ опустошеній.

Тотчасъ же начали трогаться въ путь, а именно посольство было принято въ среду 18-го ноября, а въ субботу 21-го ноября Хмельницкій выслалъ уже артиллерію изъ-подъ Замостья на Запорожье съ отрядомъ въ 20.000. На другой день, въ воскресенье, онъ отправилъ обратно въ Орду татаръ, которыми предводительствовалъ Тугай-бей и которыхъ было не болѣе 5.000. Въ воскресенье же онъ отправилъ свои подводы со всѣми своими вещами. Во вторникъ т. е. 24 ноября, отпустивши посла, онъ самъ тронулся изъ-подъ Замостья, имѣя при себѣ болѣе 200.000 войска. При этомъ онъ нѣсколько разъ напоминалъ, что хотя теперь отступаетъ, но не прекращаетъ войны, пока Конецпольскій и князь Вишневецкій не дадутъ ему удовлетворенія“.

IV.

Разберемъ теперь въ иныхъ историческихъ источникахъ для той эпохи, чтобы подтвердить несомнѣнный уже на этотъ разъ фактъ, что первымъ посломъ къ Хмельницкому, до обнаруженія еще результата выборовъ, поѣхалъ Яковъ Смяровскій.

Въ засѣданіи сената, происходившемъ 23 ноября 1648 года, братъ брацлавскаго воеводы Адама Киселя новгородскій хорунжій Григорій Кисель просить слова, чтобы объяснить засѣдающимъ опасность, какая можетъ грозить странѣ, если черезъ-чуръ положиться на уступчивость гетмана, выказанную имъ при приѣмѣ посольства Смяровскаго.

„Вѣроятно Вы, Милостивые Государи“,—говорилъ хорунжій, „полагаетесь на посольство пана Смяровскаго къ Хмельницкому; поэтому такъ плохо берется за защиту страны и не думаете о томъ, гдѣ мы изгнанники можемъ опереть ногу (*figere pedem*) ¹⁾“.

Одновременно съ выѣздомъ Смяровскаго изъ Лабунекъ, т. е. 24 ноября 1648 г., посланецъ гетмана всендѣзъ Гунцель Мокрскій вручилъ королю Яну-Казимиру письмо отъ него съ надписаніемъ *Королю Шведскому* и съ выраженіемъ въ немъ готовности служить королю оружіемъ противъ всѣхъ, кто хотѣлъ-бы устранить его отъ принятія короны ²⁾.

Три дня поздиѣ, а именно 27 ноября 1648 г., Янъ-Казимиръ, на этотъ разъ уже въ качествѣ избраннаго короля польскаго, посылаетъ гетману Хмельницкому письмо, въ которомъ между прочимъ ясно выражается:

„Какъ ранѣе письмомъ нашимъ, посланнымъ предъ счастливымъ выборомъ нашимъ, мы выразили свое расположеніе къ войску запорожскому и къ вождю того войска за то, что они, помня благодаренія всемилостивыхъ королей, отца и брата нашихъ, просили Господа Бога и желали, чтобы никто иной, а только мы были избраны на тронъ; такъ теперь, сдѣлавшись уже королемъ и государемъ Вашимъ, къ вящему удовольствію Вашему, мы объявляемъ Вамъ объ этомъ устроеніи Промысла Господня и выражаемъ нашу королевскую милость вождю и всему войску запорожскому ³⁾“.

Въ концѣ этого письма король прибавляетъ:

¹⁾ Кв. паміятн. стр. 358.

²⁾ Тамъ же, стр. 359.

³⁾ Изъ рукописей библиот. Осольскихъ № 225, стр. 193. Шайвоха, Сочин., т. X. стр. 227, 228. Сл. Радзивиллъ Рат. т. II, 351.

„Для объявленія нашей королевской милости мы посылаемъ благороднаго Станислава Холдаковскаго и ожидаемъ въ возможно скоромъ времени прибытія къ намъ вмѣстѣ съ нимъ пословъ Вашихъ“.

Прежде чѣмъ Холдаковскій съ вышеприведеннымъ письмомъ прибылъ къ Хмельницкому, пріѣхалъ съ отвѣтомъ гетмана на первое письмо Яковъ Смяровскій и 1 декабря 1648 г. король вручилъ ему новое письмо къ Хмельницкому, въ которомъ, упоминая объ отправкѣ посла Холдаковскаго, обѣщаетъ, что вскорѣ вышлетъ булаву и знамя вождю козаковъ ¹⁾.

4 декабря 1648 г. Смяровскій прибываетъ съ вторичнымъ посольствомъ къ Хмельницкому, о чемъ упоминаютъ выписки Бѣлевскаго на стр. 43 ²⁾. Въ этотъ разъ посольство Смяровскаго продолжалось болѣе продолжительное время, такъ какъ только послѣ вторичнаго его возвращенія въ Варшаву король Янъ-Казимиръ 21 декабря 1648 г. посылаетъ Хмельницкому подробный отвѣтъ на пункты соглашенія съ козаками и пишетъ: „Послѣ того, какъ мы приказали отправить ксендза Мокрскаго съ отвѣтомъ нашего Величества на Ваше письмо, возвратился нашъ посолъ, благородный Яковъ Смяровскій, который передалъ намъ второе письмо отъ Васъ и сдѣлалъ устное сообщеніе ³⁾“.

Изъ дневника второй памятной книги Михаловскаго, находящейся еще въ рукописи, Гельцель помѣстилъ въ своемъ изданіи отрывокъ, составляющій какъ бы вариантъ извѣстной реляціи львовскаго подкоморія Мясковскаго, напечатанной въ „Собраніи матеріаловъ“ Нѣмцевича (Т. IV, стр. 252) и въ „Источникахъ“ Малиновскаго и Пржездѣцкаго (Т. I, стр. 19). Изъ этого отрывка мы узнаемъ, что 12 января 1649 г. новгородскій хорунжій Кисель вмѣстѣ съ паномъ Смяровскимъ были отправлены изъ Гвоздовы къ Хмельницкому съ порученіемъ уговорить его пріѣхать въ Кіевъ на засѣданія комиссіи.

¹⁾ Шайноха, Сочин., т. X, стр. 329. Изъ рукописей Осолнскихъ № 225, стр. 192.

²⁾ Шайноха, Сочин., т. X, стр. 231.

³⁾ Кз. рamięтн. стр. 217, 218.

Ходъ этихъ переговоровъ, невыразимо удручающій, извѣстенъ уже въ подробностяхъ.

Секретаремъ комиссіи былъ назначенъ Смяровскій и его, въ виду его давняго знакомства съ Хмельницкимъ, избирали для переговоровъ съ вѣроломнымъ гетманомъ, не имѣвшихъ однако удовлетворительнаго результата ¹⁾.

Во время этихъ переговоровъ воевода кievскій Кисель назначилъ Смяровскаго постояннымъ своимъ уполномоченнымъ при Хмельницкомъ и на этомъ основаніи Смяровскій постоянно жилъ въ Чигиринѣ. Однако козаки, подозрѣвая, что Смяровскій сносится тайными письмами съ воеводой, арестовали его ²⁾, а потомъ зарубили топорами какъ его, такъ и всю его свиту ³⁾. По другимъ источникамъ, Смяровскій былъ утопленъ козаками ⁴⁾.

Таковъ былъ печальный конецъ человѣка, который, потерявъ во время рѣзни въ Полонномъ семейство и имущество, остатокъ дней своихъ посвятилъ Рѣчи Посполитой и палъ жертвой служебнаго долга.

¹⁾ *Multis persuasionibus et rationibus przez pana Podczaszego Bracławskiego i pana Smiarowskiego, sekretarza komisyj, laboravimus: ale duram petram et obstinatum cervicem oporu ruszyć żadnym sposobem nie mogiemy. Ks. pamiętn. str. 381.*

²⁾ *Ks. pamiętn. str. 394, 396.*

³⁾ *Latopisiec Jerlicza T. I, str. 98. Quem regis legatum contra ius gentium non gladio ut militem, non securi ut victimam, sed runcina ut arborem percutiunt. Гудавскій, исторія, стр. 44.*

⁴⁾ *Памятникъ кievской комиссіи, стр. 413—429. Костомаровъ. Богд. Хмельн., т. II, стр. 89.*

Юбилейное чествованіе памяти Григорія Саввича Сковороды въ Харьковѣ¹⁾.

29 октября 1894 г. исполнилось 100 лѣтъ со дня смерти знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды. Состоящее при университетѣ Харьковское историко-филологическое общество издало ко дню юбилея его сочиненія²⁾, съ приложеніемъ біографіи, составленной М. И. Ковалинскимъ, вновь открытой переписки (преимущественно на латинскомъ языкѣ) и обширной вступительной статьи проф. Д. И. Багалѣя; этому послѣднему принадлежитъ и трудъ разысканія рукописей, и трудъ редактированія ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ историко-филологическое общество на свои средства поставило на могилѣ Сковороды (въ с. Пань-Ивановкѣ, Харьковскаго уѣзда и губерніи) новую желѣзную ограду взамѣнъ прежней деревянной, пришедшей въ полную ветхость.

29 октября въ с. Пань-Ивановкѣ была отслужена заупокойная литургія. Литургію совершали соборнѣ—свящ. с. Рогозянки о. Вас. Ковалевъ и мѣстный свящ о. Іоаннъ Найдовскій съ двумя діаконами. Послѣ литургіи о. Вас. Ковалевымъ было сказано нѣсколько словъ о жизни и дѣятельности въ Бозѣ по-

---

¹⁾ Въ началѣ будущаго года редакція помѣститъ въ своемъ журналѣ статью, посвященную Г. С. Сковородѣ и обѣщанную ей проф. Д. И. Багалѣемъ; при статьѣ будетъ приложенъ и портретъ.

²⁾ Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 г.). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. 7-й томъ Сборника харьк. ист.-фил. общ. СХХIV, 132, 352. Цѣна 4 р.

чившаго Григорія Саввича, а потомъ совершенно крестный ходъ изъ церкви на могилу, въ садъ священнива, гдѣ совершена была панихида, также соборнѣ. Народъ собрался у могилы и затѣмъ молился объ упокоеніи усопшаго. На литургіи и панихидѣ пѣлъ хоръ пѣвчихъ—школьниковъ подъ управленіемъ школьнаго учителя въ с. Кадницѣ П. О. Лазарева. Послѣ панихиды пропѣта была хоромъ школьниковъ одна изъ пѣсень Г. С. Сковороды, разученная ими по указанію мѣстнаго землевладѣльца Е. С. Гордѣенка. Изъ харьковской интеллигенціи въ Панъ-Ивановкѣ не было никого.

Въ этотъ день предполагалось въ Харьковѣ устройство публичнаго засѣданія историко-филологическаго общества для чествованія памяти Г. С. Сковороды; но его рѣшено было перенести на другое время въ виду смерти и похоронъ Государя Императора Александра III-го.

Засѣданіе состоялось 13-го ноября въ воскресенье въ часъ дня въ торжественномъ залѣ университета. Хотя особыхъ приглашеній и не было, но публики собралось довольно много. Торжество почтили своимъ присутствіемъ г. попечитель учебнаго округа Н. П. Вельяминовъ-Воронцовъ, г. ректоръ университета М. М. Алексѣенко, профессора университета, преподаватели семинаріи и гимназій, представители духовенства и т. п. Въ залѣ было выставлено нѣсколько портретовъ Г. С. Сковороды и его автографы.

Открылъ засѣданіе краткою рѣчью предсѣдатель общества проф. М. С. Дриновъ, въ которой указалъ на мотивы, побудившіе общество почтить память Г. С. Сковороды. Секретарь, проф. Н. О. Сумцовъ, прочелъ привѣтственные телеграммы, полученные обществомъ къ этому дню.

Рѣчи были произнесены 3 членами историко-филологическаго общества—проф. О. А. Зеленогорскимъ, проф. А. С. Лебедевымъ и проф. Д. И. Багалѣемъ.

Помѣщаемъ ихъ въ краткомъ извлеченіи, какъ онѣ напечатаны въ Харьк. Губ. Вѣдом.

Рѣчь проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго. „Г. С. Сковорода, какъ философъ“.

Настоящій юбилей представляетъ отрадное, но вмѣстѣ съ тѣмъ исключительное явленіе для Россіи; мы чествуемъ въ лицѣ Сковороды русскаго философа XVIII вѣка. Это былъ истинный философъ, говорившій, что философія составляетъ главную цѣль человѣческой жизни; это жизнь его духа. Творецъ, давши человѣку разумъ, не сообщилъ ему истины, а предоставилъ самому отыскивать ее—и эта дѣятельность мысли служить для человѣка источникомъ величайшихъ удовольствій. Самъ Сковорода съ давнихъ поръ чувствовалъ влеченіе къ нравственно-философскимъ книгамъ, затѣмъ онъ уединялся въ пустынные мѣста и тамъ предавался размышленіямъ: ловилъ птицу—истину; въ душѣ его нерѣдко происходила при этомъ внутренняя борьба, но она всегда оканчивалась побѣдой его надъ самимъ собою.

Сковорода любилъ природу, любилъ наблюдать ее и поучаться отъ нея. Его философскій взглядъ на природу проникнуть *оптимизмомъ*, „Вся экономія Божія, говорилъ онъ, во всей вселенной исправна, добра и всѣмъ намъ всеполезна есть“. Есть мѣста въ сочиненіяхъ Сковороды, гдѣ міръ и Богъ отождествляются, что подало поводъ считать его пантеистомъ. На самомъ дѣлѣ отношенія Бога къ міру, по его ученію, таковы. Причина появленія міра есть воля Божія, а виновникомъ непосредственнаго происхожденія его было Слово Божіе. Нашъ міръ представляетъ отобразы, тѣни идей Божественнаго Разума. Изъ ученія о вѣчности Божественнаго Разума Сковорода выводилъ и ученіе о *вѣчности* міра и о господствующемъ въ немъ дуализмѣ (послѣднему вопросу онъ посвятилъ даже особое сочиненіе). Но этимъ отношеніе Бога къ міру не оканчивается. Еще ближе къ намъ и природѣ находится Божественный Духъ. Онъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе во многихъ дѣлахъ природы, которыя сами по себѣ ничтожны. Въ мірѣ животныхъ Сковорода особенно подчеркиваетъ ихъ природныя склонности, выражающіяся въ инстинктѣ. Тѣже дары Божественнаго Духа въ изобиліи сообщаются и людямъ въ видѣ тѣхъ же природныхъ склон-

ностей, но при этомъ челоѣву дана еще и *свободная воля*; вотъ почему челоѣкъ не всегда слѣдуетъ своей природѣ, отъ чего происходитъ вредъ, какъ для общества, такъ и для самаго индивидуума. Здѣсь источникъ нравственнаго и общественнаго зла. Но сама природа мститъ за нарушение ея законовъ и требованій, ибо нарушители лишаются того душевнаго мира, который составляетъ высшее благо челоѣка; отсюда и *пессимизмъ* среди людей. Только жизнь по природнымъ наклонностямъ доставляетъ истинное удовольствіе. Благодареніе Богу за то, что онъ нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ. Самъ Г. С. Сковорода не сразу выбралъ свой образъ жизни: первоначально онъ останавливался, повидимому, на священническомъ санѣ; но онъ видѣлъ, что и тутъ, какъ въ монашествѣ, дѣйствительность далеко отстоитъ отъ его идеала, а потому удалился въ уединеніе. Та же философія привлекла его къ общественному труду и дѣятельности. И вотъ мы видимъ его учителемъ—сначала домашнимъ и школьнымъ, а потомъ народнымъ въ болѣе широкомъ значеніи этого слова (на подобіе Сократа или апостола Павла); онъ служитъ своей родинѣ просвѣтительною дѣятельностью. Въ самомъ уединеніи онъ не отдавался исключительно созерцанію, а писалъ сочиненія, которыя пускалъ въ обращеніе между друзьями. Главными предметами ихъ были—*религія и нравственность*. Тутъ онъ боролся, съ одной стороны, противъ суевѣрія, а съ другой—противъ атеизма. Въ области нравственной Сковорода также возставалъ, съ одной стороны, противъ утилитарнаго направленія XVIII в., заглушавшаго всѣ высшіе запросы духа, а съ другой—противъ узкаго пониманія христіанской морали, ограничивающейся нерѣдко выполненіемъ лишь церковной обрядности. Особенному осужденію онъ подвергаетъ лицеѣровъ. Въ противоположность этому онъ указывалъ на истинную святость древнихъ христіанскихъ подвижниковъ. Въ нравственной проповѣди Сковорода видѣлъ свой долгъ и даже свое призваніе свыше.

Сковорода былъ философъ въ классическомъ смыслѣ этого слова, воплотившій въ себѣ единство мысли и жизни. Онъ понималъ, что безъ стремленій и дѣятельности нѣтъ жизни, безъ

труда нѣтъ истинныхъ удовольствій, будетъ-ли то трудъ умственный, нравственный или физическій. Жизнь его самого представляла непрерывный трудъ и подвигъ—примѣръ для насъ всѣхъ достойный подражанія.

Рѣчь проф. А. С. Лебедева: „Г. С. Сковорода, какъ богословъ“.

Въ раскрытіи христіанскаго вѣроученія церковными учителями въ христіанской древности съ самаго же начала ясно обозначились два направленія богословской мысли. Одно, которому слѣдовали преимущественно западные—латинскіе писатели и крайнимъ представителемъ котораго былъ Тертуліанъ, полагало раскрывать христіанское вѣроученіе только на основаніи Писанія, понимаемаго при томъ въ его только непосредственномъ, буквальномъ смыслѣ, и преданія, не придавая въ дѣлѣ вѣры, по крайней мѣрѣ—принципіально, никакого значенія дѣйствию разума, какъ склоннаго только къ заблужденію. Съ принятіемъ христіанства, по мнѣнію Тертуліана, разрѣшаются всѣ вопросы ума, удовлетворяются всѣ потребности духа, такъ что всякое дальнѣйшее изслѣдованіе и вообще всякое внѣшнее, не изъ христіанства же заимствуемое, знаніе становится дѣломъ совершенно ненужнымъ, бесполезнымъ: „что общаго имѣютъ между собою Аѳины и Іерусалимъ, академія и церковь, ересь и христіанство?“ Языческая философія, въ глазахъ Тертуліана, есть порожденіе духовной лжи и представляетъ собраніе ложныхъ мнѣній, взаимно противорѣчивыхъ и уничтожающихся въ этомъ противорѣчьи. Вѣра есть критерій нашего знанія и „незнать ничего противъ правила вѣры значитъ все знать“ (*Adversus regulam nil scire est omnia scire*).

Другое направленіе, которому слѣдовали преимущественно „восточные“ отцы и учителя церкви, въ особенности—писатели Александрійской школы (Климентъ, Оригенъ), старалось, напротивъ, привести въ связь, примирить вѣру съ знаніемъ; она допускала, что человѣкъ и естественными силами, безъ внѣшняго—положительнаго откровенія, при одномъ внутреннемъ воздѣйствіи на эти силы Божества, всегда близкаго къ человѣку, мо-

жетъ, если не вполне овладѣвать истиной, то по крайней мѣрѣ, значительно приближаться къ ней, какъ доказала это въ особенности эллинская философія, а тѣмъ болѣе можетъ активно своимъ умомъ воспринимать, разяснять и утверждать для своего сознанія уже открытую истину. Такъ, св. Іустинъ, философъ и мученикъ, утверждалъ, что „сѣмя Божественнаго Слова“ насаждено Безконечнымъ Умомъ въ душѣ каждаго человѣка, благодаря чему язычники и могли познавать Бога; поэтому Іустинъ не затрудняется называть читателями Божественнаго Слова и даже прямо христіанами тѣхъ изъ язычниковъ, въ которыхъ полнѣе раскрывалось это Божественное Сѣмя (Сократа, Гераклита...), такъ какъ и они, въ сущности, были учениками того же Бога Слова, которое просвѣщаетъ людей и въ христіанствѣ. Подобно Іустину, и Климентъ Александрійскій училъ, что и въ мѣрѣ до-христіанскомъ „Слово Божественное ни отъ кого не было сокрыто; это—общій свѣтъ, свѣтящій всѣмъ людямъ; въ отношеніи къ слову нѣтъ Киммерійца“. Философія, по мнѣнію Климента, дана была Божественнымъ Провидѣніемъ для эллиновъ съ такою же цѣлію, съ какою законъ былъ данъ для іудеевъ, то есть—для путеводительства ко Христу. Какъ для спасенія іудеевъ Богъ благоволилъ посылать пророковъ, такъ и среди эллиновъ Онъ воздвигалъ отличнѣйшихъ мужей, которые имѣли такое же значеніе въ язычествѣ, какъ пророки въ іудействѣ. Изъ этихъ пророковъ въ язычествѣ Климентъ съ особымъ уваженіемъ относится къ Платону, называя его другомъ истины, боговдохновеннымъ, учителемъ благочестія—и въ своихъ сочиненіяхъ нестѣсненно пользуется его идеями (также, какъ идеями и другихъ философовъ, даже Епикура, только не называя его), особенно въ области этики. Подобнымъ же образомъ смотрѣлъ на эллинскую философію и знаменитый ученикъ Климента—Оригенъ, а также и такіе высокіе авторитеты, такіе столпы церкви на востокѣ, какъ Василій Великій, Григорій Богословъ, Максимъ Исповѣдникъ. Цѣня высоко философію, какъ путеводительницу ко Христу, восточные учителя церкви полагали, что ея просвѣтительное значеніе, ея служеніе интересамъ христіанства не кончаются и въ христіанствѣ: здѣсь она служитъ къ

сознательному усвоенію и утвержденію вѣры, къ возведенію вѣры на степень высшаго знанія. По мнѣнію Климента, весьма важна услуга философіи (и вообще научнаго образованія), между прочимъ, и для изясненія Писанія: какъ при обработкѣ и воздѣлываніи виноградника примѣняются разнообразныя работы при помощи разнообразныхъ орудій—съ цѣлью полученія отъ виноградника наилучшаго и обильнѣйшаго плода, такъ и при изясненіи Писанія, съ цѣлію постиженія въ немъ истиннаго смысла—этого драгоцѣннаго въ духовномъ виноградникѣ (Писанія) плода, нужно пользоваться, какъ бы орудіями для обработки этого виноградника, разнообразными знаніями, съ философіей во главѣ. Въ Библии церковные учителя рассматриваемаго направленія, само собою понятно, видѣли, согласно со всѣмъ христіанскимъ міромъ, высшее откровеніе божественной истины, заключенной въ этой священной книгѣ; для этого, по понятіямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ особенности—опять тѣхъ же александрійцевъ, никакъ нельзя довольствоваться буквальнымъ смысломъ Писанія, а нужно посредствомъ аллегорическихъ объясненій открывать въ немъ внутренней смыслъ, скрытый подъ покровомъ образнаго представленія. Этотъ аллегоризмъ въ изясненіи Писанія особенно широкое примѣненіе имѣлъ у Оригена, который находилъ, что буквальное пониманіе Писанія ведетъ къ заблужденіямъ, и въ буквѣ Писанія видѣлъ только скорлупу, скрывающую зерно,—тѣло, заключающее духъ.

Въ писаніяхъ богослововъ восточной церкви съ такимъ направленіемъ богословской мысли, въ особенности въ писаніяхъ Александрійцевъ, несомнѣнно и заключается источникъ богословствованія Сковороды; здѣсь—полное объясненіе его богословскаго метода, а вмѣстѣ съ нимъ, въ значительной степени, и самыхъ воззрѣній. Глубокое убѣжденіе Сковороды, что „дышетъ вездѣ оживляющій всѣхъ Духъ Господень“, что „истина открывалась Богомъ не однимъ іудеямъ и христіанамъ, но и язычникамъ, равно какъ добрая нравственность не есть принадлежность однихъ христіанъ, такъ какъ и въ древнемъ языческомъ мірѣ нерѣдко процвѣтала высокая нравственность“, признаніе за языческими филозофами высокаго просвѣтительнаго

значенія и вслѣдствіе того широкое пользованіе ихъ идеями (идеями Сократа, Платона, Стоиковъ и самаго даже Епикура), въ убѣжденіи, что „не очень погано изъ языческаго навоза собирать золото“, и наконецъ, вообще признаніе Сквородою за разумомъ права широкаго участія въ дѣлахъ вѣры, участія въ разъясненіи религіозныхъ вопросовъ, между прочимъ—въ изъясненіи писанія, которое можетъ спасать и губить, просвѣщать и омрачать, смотря потому, какъ относиться къ нему, какъ объяснить и понимать его,—все это, очевидно, имѣетъ прямую аналогію съ приемами богословской мысли и богословскими воззрѣніями означенныхъ учителей христіанской древности.

Согласіе Сквороды, по его богословствованію, съ древними церковными учителями, повидимому понимали и его современники, конечно болѣе просвѣщенные. Этимъ-то, можетъ быть, и нужно объяснить то обстоятельство, что Скворода могъ свободно развивать свое богословствованіе, не подвергаясь за то, со стороны власть имущихъ, какимъ либо неприяностямъ. Только крайнее и пошлое невѣжество ополчалось на Сквороду, да и оно, повидимому, мало касалось самой сути его богословскаго міросозерцанія, а больше нападало на Сквороду съ другихъ сторонъ, выдвигая нелѣпыя обвиненія: будто онъ осуждаетъ употребленіе мяса и вина, чуждается общества, не имѣетъ любви къ ближнему, живетъ мизантропомъ. Все же болѣе просвѣщенное—и не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ духовенствѣ—положительно было на его сторонѣ. Просвѣщенный епископъ Бѣлгородскій Іоасафъ Миткевичъ весьма благосклонно относился къ Сквородѣ, предложилъ ему должность учителя въ Харьковскомъ коллегіумѣ и усердно склонялъ его къ принятію монашества, обѣщая довести его скоро до высокаго іерархическаго сана, чего, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могло-бы быть, если-бы архипастырь сомнѣвался на счетъ образа его мыслей. Съ нѣкоторыми лицами бѣлаго духовенства, какъ видно—лучшими и достойнѣйшими членами клира, Скворода находился въ дружеской перепискѣ. Наконецъ, сами монахи, убѣждая его принять монашество, говорили: „намъ извѣстны твои таланты, ты

будешь столпомъ церкви и украшеніемъ обители“.—Значить, то-же не имѣли ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ доброкачественности его убѣжденій.

Рѣчь проф. Д. И. Багалѣя. „Ученіе, жизнь и значеніе Г. С. Сковороды“.

Для того, чтобы рѣшить вопросъ о значеніи Г. С. Сковороды, необходимо обратить вниманіе на его ученіе и жизнь. Прежніе изслѣдователи называли Сковороду то украинскимъ Сократомъ, то украинскимъ Діогеномъ, Пивагоромъ, Лейбницемъ, Оригеномъ, Ломоносовымъ, Новиковымъ. Но онъ уже самъ запротестовалъ противъ этихъ сравненій (Ломоносовъ, говорилъ онъ, не есть казенная сажень, которою можно мѣрить всѣхъ). Не дали ключа въ разъясненію его ученія и клички „мистикъ“ и „раціоналистъ риге sang“. Поэтому мы постараемся охарактеризовать его міросозерцаніе на основаніи всей совокупности его учено-литературныхъ трудовъ, какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ.

Сковорода въ одно и то же время былъ и философомъ и религіознымъ мыслителемъ: философія была его религіей и религія философіей. Всѣ его сочиненія проникнуты религіознымъ направленіемъ и въ общей совокупности своей отличаются необыкновенною цѣльностью, стройностью и послѣдовательностью; вотъ почему нельзя ихъ расчленять на философскія и богословскія; оба эти элемента у него сливаются органически и образуютъ нѣчто единое и цѣльное. Да и самъ Сковорода называлъ свою философію *христіанской философіей* и давалъ одинаковыя опредѣленія ей и Библии. Но будучи религіознымъ мыслителемъ, онъ въ то же время оставался истиннымъ философомъ, ибо ставилъ цѣлю жизни разысканіе истины. Сущность его христіанской философіи заключалась въ проповѣди *господства единой субстанціи—Духа, царящаго надъ матеріей, которая является его вѣчнымъ атрибутомъ*. Во всемъ мірѣ мы видимъ два начала—Духъ и матерію: въ природѣ, въ микрокосмѣ (маленькомъ мірѣ или человѣкѣ) и символическомъ мірѣ

(или Библии); оба эти начала совмѣщаются другъ съ другомъ, какъ тѣнь съ деревомъ; но изъ нихъ имѣетъ значеніе только одно (Вѣчность), хотя люди очень часто отдають предпочтеніе видимому надъ невидимымъ. И вотъ Скворода старается опровергнуть это заблужденіе; къ этому направлены всѣ его сочиненія; въ этомъ его *новый* взглядъ на вещи, діаметрально противоположный тому, который господствовалъ съ современнымъ ему обществѣ. Особенно важное значеніе придавалъ онъ духовному началу въ человѣкѣ, которое отождествлялъ съ человѣческой мыслью, давая движенію этой послѣдней полный просторъ, и съ этой же высшей точки зрѣнія (аллегорически) онъ объяснялъ и Священное писаніе, въ которомъ особенно замѣтны слѣды Божии, слѣды Духа, слѣды Вѣчности. Такимъ образомъ, его міросозерцаніе, не смотря на проповѣдь *деушъ* началъ, должно быть названо *монизмомъ*. Происхожденіе міра тлѣннаго онъ объясняетъ, какъ актъ воли Вѣчнаго, пожелавшей облечь совершенство свои въ явленіе видимости. Но между другими тварями и человѣкомъ огромная разница: ихъ отдѣляетъ свободная воля этого послѣдняго. Цѣль человѣческой жизни состоитъ въ Богопознаніи и самопознаніи, которыя въ конечныхъ цѣляхъ своихъ сходятся; они же необходимы и для міропознанія. Средствомъ познанія является разумъ, но на ряду съ нимъ нужна и вѣра: она начинается тамъ, гдѣ кончаются предѣлы разума; вѣра же необходима и для любви, составляющей основу христіанской этики.

Изъ такого міросозерцанія Скворода логически выводилъ и свою *теорію счастья*. Доказавъ, что верховное начало во всемъ мірѣ есть Вѣчность, Скворода заключаетъ, что и свое счастье мы должны основывать на немъ, какъ на единственно прочномъ, ибо все остальное, на чемъ обыкновенно стараются утверждать свое благополучіе (богатство, здоровье и т. п.), неустойчивое и не всеобщее. Только въ такомъ случаѣ счастье окажется достижимымъ для всѣхъ и даже нетруднымъ. Счастіе внутри насъ: оно есть нашъ душевный миръ; познавъ себя, мы найдемъ этотъ душевный миръ; а познать себя—значитъ подмѣтять свои природныя наклонности, которыя даетъ намъ Богъ,

подобный „богатому фонтану, наполняющему различные сосуды, по ихъ вмѣстимости. Надъ фонтаномъ надпись: *неравное вѣзмъ равенство*. Лютя изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, вокругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ менѣе имѣеть, но въ томъ равенъ естъ большему, что равно естъ полный“. Исходя изъ такого пониманія счастья, Сковорода, естественно, восхвалялъ простоту жизни (но не аскетизмъ) и удовольствія, вытекавшія изъ непосредственнаго общенія съ природой. Изъ своей мысли о самопознаніи и врожденности способностей онъ выводилъ и *систему воспитанія*. И здѣсь онъ выступаетъ на защиту внутренняго духовнаго начала и потому на первый планъ выдвигаетъ нравственное развитіе, но рядомъ съ нимъ ставитъ умственное, физическое и эстетическое образованіе. Главное дѣло въ воспитаніи подмѣтитъ природныя склонности ребенка; природа—это единая истинная наставница; нужно только не мѣшать ей, а очищать дорогу. Эту же идею *господства Духа надъ вѣншностью* Сковорода проводитъ и въ своихъ воззрѣніяхъ на христіанство. Источникомъ христіанской религіи онъ признаетъ Библію, хотя и вооружается противъ буквальнаго ея пониманія; но между нимъ и французскими скептиками XVIII в. огромная разница. Для него Библія это болѣе чѣмъ священная книга, это единственная книга познанія, это—Самъ Богъ, говорящій къ людямъ образнымъ языкомъ. Однако, ставя такъ высоко Библію, Сковорода относится съ полнымъ уваженіемъ и къ свѣтской наукѣ. Ратуя за духовную сторону христіанства, онъ сильно вооружается противъ всѣхъ тѣхъ, которые сводили его къ одной обрядности, ибо одинъ обрядъ, „безъ высшаго смысла, въ него вложеннаго, безъ глубокой вѣры и любви, недостаточенъ. Особенно рѣзко онъ возставалъ противъ ханжей и лицемѣровъ.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе Сковороды. Въ немъ стройно сочетались взгляды на міръ, человѣка и Бога, гармонически слились умозрѣніе и мораль. Сковорода создалъ высокій нравственный *идеалъ* и самъ для себя выбралъ, съ житейской точки зрѣнія, наиболѣе трудный путь. Въ немъ мы, такимъ образомъ, видимъ довольно рѣдкій примѣръ полнѣйшей

гармоніи между ученіемъ и жизнью: онъ жилъ такъ, какъ училъ, и училъ такъ, какъ жилъ. Начертанный имъ идеаль онъ осуществилъ въ своей собственной жизни во всей его цѣлостности, полнотѣ и неприкосновенности. Онъ *сознательно* избралъ себѣ жизненный путь и шелъ по немъ прямо до самой смерти, не свернувъ ни разу ни направо, ни налево. Ему нѣсколько разъ дѣлали самыя заманчивыя предложенія, но онъ постоянно отказывался отъ нихъ и оставался бездомнымъ, безсемеиннымъ стражникомъ, чтобы быть мудрецомъ и учителемъ народа въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Его „недѣланіе“ состояло на самомъ дѣлѣ въ непрерывной работѣ ума и сердца,—въ составленіи философскихъ трудовъ, въ нравственномъ совершенствованіи. Его жизнь требовала сильнаго подъема духа и съ этой точки зрѣнія можетъ быть названа постояннымъ *подвигомъ*; иногда въ такомъ состояніи онъ доходилъ до религіознаго экстаза и тогда изображалъ и себя самого (напримѣръ, въ „Борьбѣ архистр. Михаила съ сатаною“). Но какъ въ ученіи, такъ и въ жизни, онъ не былъ мрачнымъ *пессимистомъ*; его міросозерцаніе и жизнь, гармонически примиренныя, давали ему внутреннее счастье и оптимизмъ. Конечно, такой полной гармоніи онъ достигъ не сразу. Критическимъ, переходнымъ моментомъ въ его жизни было то время, когда онъ оставилъ педагогическую дѣятельность и предался въ „пустынь“ философскимъ трудамъ. Создавъ своимъ разумомъ себѣ міросозерцаніе, онъ окончательно укрѣпилъ его въ себѣ чувствомъ и сдѣлалъ изъ него религію. Жизнь его отличалась простотою, благодушіемъ, удаленіемъ отъ всякихъ излишествъ, близостью къ природѣ, дѣятельною любовью къ ближнему, полнымъ безсребренничествомъ. Сосредоточившись исключительно на духовномъ Богопочитаніи, онъ *лично* для себя считалъ ненужными нѣкоторые обряды, но не былъ фанатикомъ и здѣсь и умеръ, выполнивъ ихъ, по прѣсѣбѣ своего друга и по любви христіанской. Умеръ онъ такъ, какъ подобало философу, съ его взглядами на смерть, какъ на средство сбросить съ себя ветхую временную ризу и слиться съ Вѣчностью, съ Богомъ.

Въ вопросѣ о значеніи Сковороды нужно различать 2 стороны—вліяніе его идей на общество и степень ихъ оригинальности. Сковорода былъ не только *мыслитель*, но и *проповѣдникъ*, стремившійся къ распространенію своего ученія въ современномъ ему обществѣ и достигавшій этого, какъ посредствомъ сочиненій, такъ и посредствомъ живой устной проповѣди; огромное значеніе имѣлъ также примѣръ его собственной жизни. Сочиненія его (въ рукописяхъ) находили себѣ широкое распространеніе не только въ Украинѣ, но и далеко за ея предѣлами. Въ теченіе 30 лѣтъ своей *страннической* жизни Сковорода сталкивался съ массою лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества; у многихъ изъ нихъ онъ проживалъ подолгу. Онъ жилъ въ монастыряхъ и у священниковъ, съ которыми велъ потомъ дружескую переписку и проводилъ въ ней свои взгляды. Лучшіе представители дворянскаго сословія считали его своимъ другомъ (его ученикъ тайный совѣтникъ и прокуроръ Ковалинскій, А. Ковалевскій, Шидловскій, Тевяшовъ, Розальонъ-Сошальскій и др.). Самъ Сковорода прямо призывалъ дворянство къ дѣлу умственного и нравственнаго просвѣщенія всего народа; онъ же подготовилъ его и къ воспріятію мысли объ основаніи въ Харьковѣ университета. Не меньшимъ уваженіемъ и вліяніемъ Сковорода пользовался и среди горожанъ, о чемъ свидѣтельствуетъ дружба его съ ревнителемъ просвѣщенія городскимъ головою Е. Е. Урюпинымъ. Но особенно любилъ онъ простой народъ, который платилъ ему тѣмъ же и доселѣ удержалъ въ памяти его нравственныя наставленія, слѣлавъ ихъ своимъ духовнымъ достояніемъ. Сковорода родился и въ свое время и на своемъ мѣстѣ: онъ является естественною реакціей противъ исключительнаго господства матеріальныхъ интересовъ въ Слободско-Украинскомъ обществѣ XVIII в.; самая проповѣдь и жизнь его вылились въ ту форму, которую давно уже выработала старая Малороссія съ ея „мадрованными“, т. е. странствующими учителями. Его ученіе не умерло вмѣстѣ съ нимъ; и онъ могъ сказать о себѣ: *не всуе текохъ, се умираю не безчаденъ*.

Сковорода—самородокъ; и ученіе его не было *эклектиче-скимъ*; наибольшее духовное родство у него было не съ мисти-

ками, не съ массонами, а съ отцами церкви. Узнавъ теперь Сквороду, какъ писателя, мы должны будемъ отвести ему извѣстное мѣсто и въ исторіи русской литературы XVIII в., и въ исторіи русскаго языка, и въ исторіи украинской словесности XVIII и XIX вѣка. Но онъ имѣетъ не одно только *антикварное* значеніе. Если привести богатое содержаніемъ идейное наслѣдіе Сквороды къ общимъ формуламъ, то окажется, что онъ проводилъ *общечеловѣческіе идеалы, которыми живетъ и наше время*: стремленіе къ нравственному возрожденію личности, неуклонное исканіе истины, принципъ широкой религіозной терпимости, борьбу съ суевѣріями, демократизмъ, выразившійся въ желаніи дать просвѣщеніе и низшимъ классамъ общества, полное соотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ. И не повторяется ли теперь то просвѣтительное движеніе, которое одиноко велъ у насъ въ степной глуши Скворода, а среди цвѣта московской интеллигенціи Новиковъ? Помянемъ же добрымъ словомъ „старичка“ Сквороду, работавшаго для своего края, но внесшаго свою лепту и въ культурное богатство всей Россіи и чело-вѣчества.

Омельянъ Огоновскій.

(Некрологъ).

---

16 октября текущаго года скончался во Львовѣ одинъ изъ наиболѣе сильныхъ представителей науки и общественной жизни въ Галиціи, докторъ философіи, профессоръ русскаго языка и литературы во Львовскомъ университетѣ, членъ разныхъ обществъ и академій *Омельянъ Огоновскій*.

Безспорно, для науки и галицкой жизни смерть эта, и притомъ неожиданная (отъ удара), чувствуется очень и очень сильно. Личность покойнаго и его ученые труды вполне заслуживаютъ обстоятельнаго знакомства съ собой, для чего въ данный моментъ редакція наша не имѣетъ еще всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, почему и откладываетъ болѣе обширную статью съ оцѣнкой дѣятельности О. Огоновскаго до ближайшихъ номеровъ будущаго года; теперь-же она считаетъ себя обязанной и передъ читателями, и еще болѣе передъ памятью покойнаго сказать хоть нѣсколько словъ о немъ, передавъ краткія біографическія свѣдѣнія, а также указавъ на главнѣйшіе труды его въ области науки, литературы и общественности.

Омельянъ Огоновскій родился въ 1833 г. въ с. Григоровѣ (стрийскаго округа), гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Дѣтство провелъ онъ въ домѣ родительскомъ, среди 11 душъ братьевъ и сестеръ, гдѣ, конечно, получилъ и первые уроки грамоты. Школьную науку, сначала въ нормальной школѣ, а затѣмъ въ шести классахъ гимназическихъ, прошелъ онъ въ Бережанахъ,

седьмой и восьмой классы закончилъ въ академической гимназіи во Львовѣ въ 1853 году. Пропедши затѣмъ курсъ Богословія, въ 1857 году онъ получилъ первое преподавательское мѣсто „мовы русской“ въ академической гимназіи во Львовѣ, а затѣмъ послѣдовательно, выдерживая новые экзамены, занималъ онъ мѣсто гимназическаго преподавателя и по другимъ предметамъ. Въ 1865 году выдержалъ онъ испытаніе на доктора-философіи и свободныхъ искусствъ, вслѣдствіе чего „школьна рада краева“ утвердила его въ званіи *дѣйствительнаго учителя гимназіи* и дала ему титулъ *профессора*. Почти одновременно съ этимъ, когда извѣстный Яковъ Головацкій покинулъ кафедру во Львовскомъ университетѣ, переселившись въ Россію, О. Огоновскій появляется на кафедрѣ „русской мовы“ въ качествѣ „суплента“ въ университетѣ; затѣмъ, прослушавъ курсъ у такой знаменитости филологіи, какъ Миклошичъ, онъ получилъ кафедру *дѣйствительнаго профессора* университета, а написавъ научное изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Ueber die Praepositionen in der Altslovenischen Sprache“, съ 3 ноября 1870 года сталъ именоваться „звычайнымъ публичнымъ профессоромъ“ и занималъ это положеніе до самой смерти, т. е. 24 года.

Этотъ труженикъ науки въ теченіе своей жизни выступалъ въ разныхъ родахъ писательства, почему оцѣнку его литературной работы произвести не легко. Начались его первые опыты еще тогда, когда онъ былъ ученикомъ 5-го класса гимназіи, но писательство это, почти еще дѣтское, было на нѣмецкомъ языкѣ и не носило на себѣ и по основной мысли никакихъ національныхъ примѣтъ. Выступаетъ-же онъ впервые, какъ сознательный патріотъ, въ 50-хъ годахъ, помѣщая въ альманахахъ стихи и повѣсти на „русскомъ“ языкѣ. Между прочимъ, когда въ 1860 году изданъ былъ знаменитый въ своемъ родѣ альманахъ „Зоря Галицка на 1860 годъ“, О. Огоновскій выступилъ въ немъ съ своей стихотворной повѣстью „Крестъ; оповѣданье изъ временъ наѣздовъ татарскихъ“ (стр. 86—99), гдѣ рѣчь является слишкомъ еще колеблющеюся и мало имѣющею отпечатка народности, какъ напр.:

„Чѣмъ разъ ближе мчатся тучи,
Окружили дѣсь дремучій
Повитались съ деревьями,
Обнимая ихъ крылами.

Начавъ, такимъ образомъ, дѣятельность свою, какъ сознательный патріотъ, О. Огоновскій съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе энергично выступаетъ на литературномъ и научномъ полѣ, давъ большое разнообразіе не только темъ своихъ работъ, но и самого характера ихъ. Не имѣя возможности теперь останавливаться на подробномъ перечнѣ всѣхъ ихъ, мы отсылаемъ пока интересующихся этимъ вопросомъ къ статьѣ Василя Лукича (Зоря 1892 г. число 1), гдѣ указаны пять главныхъ отдѣловъ его учено-литературныхъ работъ: 1) произведенія научныя и литературныя на родномъ языкѣ 2) статьи критическія; 3) книжки для народнаго чтенія; 4) книжки школьныя; 5) научныя произведенія на иностранныхъ языкахъ.

Изъ всѣхъ этихъ произведеній для насъ оказываются наиболѣе интересными тѣ его работы, которыя больше всего доставили ему славу и извѣстность въ украинскомъ мірѣ и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ больше всего порождали всякихъ толковъ и пересудовъ. Мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ два его труда: одинъ—на нѣмецкомъ языкѣ „*Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache*“; другой—„Исторія литературы русской“, громадный трудъ, который начался печатаніемъ въ 1886 г. въ газетѣ „Зоря“ и выходилъ затѣмъ отдѣльными томами, но которому такъ и не суждено быть оконченнымъ.

Что касается перваго труда, то онъ представляетъ обстоятельно прослѣженный рядъ явленій фонетическихъ и словообразовательныхъ на всемъ пространствѣ малорусской рѣчи, какъ въ Россіи, такъ и въ Галиціи, служа основой для изученія современнаго народнаго языка и созданія на этихъ основахъ формъ литературныхъ, хотя на это послѣднее обращено очень мало вниманія самимъ авторомъ, который, предоставляя другимъ воспользоваться этой своей работой для цѣлей практическихъ, самъ впоследствии составилъ, въ видѣ практическаго результата своихъ прежнихъ работъ, „Граматику рускаго языка для школъ среднихъ“ (изд. 1889 г.).

Объ „Исторіи литературы русской“ говорить теперь много не буду, такъ какъ работа эта заслуживаетъ обстоятельной и серьезной оцѣнки, тѣмъ болѣе, что о части ея высказано было не такъ давно мнѣніе А. Н. Пыпина, произведшее въ разныхъ кругахъ нашего и галицкаго культурнаго общества самыя разнородныя впечатлѣнія. Разбираться въ этомъ сложномъ и запутанномъ вопросѣ теперь не такъ-то просто и легко; скажемъ только, что хотя на сравнительно очень рѣзкій отзывъ А. Н. Пыпина отвѣчалъ самъ авторъ (въ газ. „Дѣло“ 1890 г. и отд. оттиски подъ заглавіемъ „Моему критику“), но къ его отвѣту можно-бы прибавить еще много, за то и въ статьѣ А. Н. Пыпина не все можно отвергать. Однимъ словомъ, мы считаемъ теперь умѣстнымъ оставить совершенно въ сторонѣ этотъ спорный пунктъ и обратить вниманіе только на то, что какого-бы мнѣнія кто ни былъ объ исторіи литературы О. Огоновскаго, но всякій безпристрастный критикъ долженъ признать, что трудъ этотъ, по кропотливости работы, по многосложности собранія разрозненныхъ свѣдѣній, безспорно составляетъ громадную заслугу автора, открывая будущимъ изслѣдователямъ болѣе расчищенный путь и предоставляя въ ихъ распоряженіе богатые библиографическія справки.

Нельзя не указать и еще на одну, послѣднюю изъ крупныхъ его работъ—изданіе въ прошломъ году полнаго „Кобзаря“ Т. Шевченка съ опытомъ научнаго толкованія и разъясненія разныхъ мѣстъ его поэзіи, а также съ большою біографическою и критическою статьею о немъ.

Но помимо научныхъ и литературныхъ трудовъ, какъ мы сказали, Омелянъ Огоновскій былъ извѣстенъ во всей Галиціи, какъ искренній, горячій патріотъ, честный борецъ за свою народность, для котораго, среди научныхъ занятій, живымъ огнемъ всегда свѣтилъ лучъ надежды на лучшее будущее для своего народа. Живучи вдали отъ галицкаго міра, мы не станемъ высказывать нашихъ мнѣній о роли О. Огоновскаго, какъ политическаго дѣятеля, а повторимъ только слова одного изъ некрологовъ его, помѣщенныхъ въ галицкихъ газетахъ, вѣря, что въ словахъ этихъ звучитъ искренняя нота сознательнаго галиц-

каго патриота. „Неожиданная смерть этого многозаслуженнаго челоуѣка глубоко опечалила Львовскихъ русиновъ; вѣроятно, чувство печали такъ-же глубоко сознаеть и вся Русь, когда услышитъ, что не стало д-ра Омеляяна Огоновскаго, одного изъ наилучшихъ сыновъ Руси-Украины, котораго издавна мы привыкли видѣть въ ряду первыхъ подвижниковъ нашихъ не только на полѣ науки, но и на полѣ практической работы для нашего народнаго дѣла; что не стало челоуѣка непоколебимыхъ національныхъ убѣждений, челоуѣка съ характеромъ, способнаго всегда неустрашимо постоять за каждое народное дѣло; что не стало челоуѣка рѣдкихъ общественныхъ и личныхъ добродѣтелей“.

В. П—ко.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Риторина двадцатыхъ годовъ въ Волынской семинаріи.
Въ 1816 г. императоръ Александръ I посѣтилъ Волынскую семинарію. Въ день посѣщенія (3 декабря) ему была поднесена волынскими семинаристами ода, начало которой мы здѣсь приводимъ.

Великъ, кто Россами владѣя,
Чудесной славой гремитъ;
Полсвѣта областей имѣя,
Народомъ править, правду зрѣть,
Отъ льдистыхъ береговъ полныхъ,
До тихихъ струй морей восточныхъ,
Свой простирая скиптръ и тронъ;
Кого чтутъ Иверски народы,
Чей слышать гласъ Хвалынски воды,
Сарматамъ пишеть кто законъ;
Великъ,—но болѣе сіяеть величіемъ,
Величіемъ своихъ добротъ,
Любовью кротостью блистаетъ,
Источникъ многихъ лезетъ щедротъ
Великій звукъ Екатерины.
Въ Россіи насаждая крини
Безсмертія—вновь древній Титъ
Воскресъ въ душѣ Маріи сына.
Въ вечъ видна кротость Антонина,
Народъ Славянъ отца въ немъ зрѣть...

Это «юныхъ музъ стихотворенье», полное «жара Менандра» и испещренное классическими кринами,—вполнѣ отвѣчало характеру энциклопедическаго, классико-риторическаго образованія того времени.

«Scientia rerum divinarum humanarumque» въ семинаріи было такъ обширно, обнимало такое множество разныхъ наукъ, что со-

временный педагогъ, принимающій въ соображеніе умственныя силы ученика, затруднился бы разсчитать для своего воспитанника сложный и тяжелый курсъ семинарскаго обученія 20-хъ годовъ. Въ составъ прежняго семинарскаго курса входили всѣ известныя въ то время богословскія науки. Словесность, языки и философія преподавались въ широкомъ объемѣ. Математикѣ и естествовѣдѣнію отводилось почетное мѣсто. Медицина и сельское хозяйство тоже не были забыты старымъ семинарскимъ курсомъ.

Другой вопросъ, насколько основательно все это усвоилось учениками. Можно думать, что эта именно многопредметность и была причиною недостаточности семинарскаго образованія. Дидактика, построенная на энциклопедической системѣ знаній, самая слабая. А такая именно система и господствовала въ семинарской дидактикѣ прошлыхъ временъ. Знать *все* въ неопредѣленномъ, силуэтическомъ видѣ и *ничего* основательно — было удѣломъ семинариста. Только въ самое послѣднее время система многознанія значительно ослаблена въ семинаріяхъ предпочтеніемъ спеціальныхъ богословскихъ наукъ предъ другими науками не богословскаго характера.

До какой степени широка была въ семинаріяхъ 20-хъ годовъ программа обученія, объ этомъ можно судить между прочимъ по сохранившимся старымъ семинарскимъ запискамъ (печатныхъ учебниковъ тогда было немного). Познакомимъ читателей съ небезынтересными записками одного изъ учениковъ волынской духовной семинаріи 20—30-хъ годовъ по словесности.

Толстая книжка in 4°, въ 528 страницъ толстой синей бумаги, исписана очень мелкимъ почеркомъ и озаглавлена «Курсъ словесныхъ наукъ». Курсъ дѣлится на слѣдующіе отдѣлы и главы.

Отдѣлъ первый заключаетъ предварительныя о словесности свѣдѣнія и слѣдующія три части. Часть первая — «словесныхъ наукъ теоретическая» — показываетъ «метафизическое свойство» произведеній и дѣлится на три главъ: первая трактуетъ объ изящномъ вкусѣ съ субъективной стороны; вторая объ изящномъ съ объективной стороны (о прекрасномъ и высокомъ); третья — о гени. Каждый изъ отдѣловъ имѣетъ подотдѣлы съ многочисленными рубриками (въ родѣ — опредѣленія сего качества вообще и въ частностяхъ, возможность, необходимость сего качества, согласіе его съ умомъ, волею и сердцемъ и т. п.). Часть вторая — «словесныхъ наукъ практическая» — изъясняетъ «физическое или внѣшнее свойство словесныхъ произведеній». Эта часть имѣетъ введеніе къ

своему отдѣлу и двѣ главы. Первая глава— «аналитика человѣческаго слова» или «всеобщая грамматика (съ отдѣлами о словѣ устномъ, о словѣ письменномъ)». Вторая глава— два главные вида слова внѣшняго съ отдѣлами— о поэзіи, вообще, и, въ частности, о поэзіи божественной и поэзіи человѣческой. Въ отдѣлѣ послѣдней излагается исторія поэзіи человѣчества съ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго времени. Часть третья— о родахъ поэзіи:— лирической (къ ней относятся: гимны, пеаны, дифирамбы, оды торжественныя, схолиа, рапсодіи, элегіи и героиды), дидактической (воспѣваніе «дѣяній отличныхъ людей», поэзія историческая и философская), эпической (эпосы), драматической (комедіи, трагедіи, драма въ собственномъ смыслѣ и опера) и о поэзіи смѣшанной (ораторія, романсъ, простая пѣснь, идиллія, эклога, баснь, баллада, ироикомическая поэма, поэзія эпиграмматическая, каламбуры, эпитафіи, эпиграммы, саркофасы, портретграммы, урнограммы, мадригалы, сонеты, рондо, тріолеты, загадочная поэзія, логографы, шарады, омонимы и анаграммы).

Второй отдѣлъ «курса словесныхъ наукъ» заключаетъ ученіе о краснорѣчии. Послѣ многихъ опредѣленій краснорѣчія (Аристотеля, Θεодора Гадарійскаго, Корнелія-Цельса, Аевеня, Квинтиліана и друг.) и предварительныхъ разсужденій о краснорѣчии, слѣдуетъ изложеніе «исторіи краснорѣчія» (у древнихъ грековъ, римлянъ, первенствующихъ христіанъ, у англичанъ, у французовъ, германцевъ и россиянъ).

Затѣмъ, подробныя изслѣдованія въ трехъ членахъ: первый— о рѣчи ораторской (о расположеніи и изложеніи рѣчи, о видахъ и качествахъ слова), второй— о краснорѣчии древнемъ (роды древняго краснорѣчія: изобразительный— *demonstrativum*, совѣщательный— *deliberativum* и судебный), третій— о краснорѣчии новѣйшемъ— гражданскомъ, церковномъ и общеупотребительномъ. Къ гражданскому краснорѣчію относятся рѣчи воинскія, судебныя и др. Обыкновенное или внѣшнее краснорѣчіе составляютъ: письма, разговоры, исторіи и похвальные рѣчи.

Третій отдѣлъ «о критикѣ»— послѣдній, самый краткій изъ всѣхъ отдѣловъ. Критика опредѣляется, какъ судъ произведеній истинныхъ для отличія ихъ отъ ложныхъ, и раздѣляется на критику божественныхъ писаній и человѣческихъ. Въ заключеніи изложены правила критики.

Особенною обстоятельностью изложенія отличается второй отдѣлъ—ученіе о краснорѣчїи. Слѣды разныхъ замѣтокъ на поляхъ, поправокъ и замѣтокъ свидѣтельствуютъ, что онъ проходилса обстоятельнѣе прочихъ. «Исторія краснорѣчїа» изложена полно и представляетъ собою длинную номенклатуру поэтовъ и ихъ произведеній. Вотъ между прочимъ, перечень греческихъ поэтовъ, характеристикъ которыхъ посвящены въ курсѣ *особые параграфы*: Ореей («уроженецъ еракійскій», спутникъ аргонавтовъ, жилъ около 2748 лѣтъ отъ сотворенія міра), Музей, Гомеръ, Гезіодъ, Тиртей, Солонъ, Θεогнисъ, Фонимедъ, Пивагоръ, Анакреонъ, Сафо («славная стихотворщица»), Пиндаръ, Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, Мекафронъ, Аристофанъ, Филемонъ, Менандръ, Θεокритъ, Каллимахъ, Аратъ, Клеанъ, Аполлоній родосскій (который въ 3880-хъ годахъ отъ сотворенія міра преподавалъ въ Родосѣ «правила реторики»), Москъ, Бїонъ, Никандръ, Оплїенъ, Ноннъ, Мелеагръ, Филиппъ Θεссалійскій, Стратонъ, Агаѳіасъ, Константинъ Кефеласъ. Этотъ длинный перечень греческихъ поэтовъ, начатый Орееемъ, оканчивается Максимомъ Плакудіемъ (константинопольскимъ мовахомъ XIV в.). Затѣмъ слѣдуютъ римскіе поэты, солійскіе жрецы, Ливій Андроникъ, Кней Нэвій, Квинтъ Энвій, Акцій Плавтъ, Пакувій, Акцій-Аттѳей, Терренцій-Африканъ, Луциллій, Лукрецій-Коръ, Валерій-Катуллъ, Альбій Тибулъ, Вестъ Аврелій Проперцій, Корнелій Галлъ, Публий Виргилій Маронъ, Горацій Флаккъ, Овидій Назонъ, Корнелій Севлеръ, Педо Альбинованъ (отъ котораго до насъ дошла только одна «удивительная поэма»), Грацій Феликсъ, Публий Сирусъ, Маркъ Манилій, Кесарь Германикъ, Федръ Фракійскій, Авлъ Персіей Флаккъ, Люцій Анней Сенека, Анней Луканъ, Валерій Флаккъ, Силій Италикъ, Петиній Сацій, Валерій Марціалъ, Децимъ-Юлій-Ювеваль, Авій-Флавій, Дїонисій Катонъ, Аврелій-Олимпій Немезіанъ, Титъ-Юлій-Канкурній, Магнусъ-Авзоній, Клавдій-Клавдіанъ, Аврелій-Пруденцій, Целій Седулій и Клавдій-Рутилій-Нумевіанъ. За греко-римскою литературою слѣдуетъ литература «у Персовъ и Аравлянъ» у «древнихъ галловъ, британцевъ и скандинавцовъ» и, наконецъ, у новѣйшихъ народовъ: у италіанцевъ (у которыхъ встрѣчаются первые трубадуры—«сіи искры поэзіи»), французовъ, нѣмцевъ, англїчанъ, поляковъ и, наконецъ, «россіянъ».

«Россійская» поэзія изложена сжато и неполно. Авторъ курса словесности обогатилъ свой курсъ богатымъ историко-литературнымъ матеріаломъ, касавшимся классическихъ и западно-европейскихъ

литературъ, но оказался совершенно слабымъ при изложеніи русской литературы, которая въ то время, впрочемъ, имѣла очень немного изслѣдованій и пособій.

«Слово о полку Игоревѣ», «нѣсколько богатырскихъ повѣстей» и «народныя пѣсни» составляютъ, по словамъ автора, «все наше наслѣдіе до XVIII в.» Авторъ полагаетъ, что «Слово о полку Игоревѣ», описывающее «необыкновенное происшествіе», есть «отрывокъ несравненно большаго произведенія, вѣроятно заключавшаго въ себѣ повѣствованіе происшествій отъ Владиміра до Игоря».

«Богатырскія повѣсти», подъ которыми авторъ разумѣетъ былины, «суть позднѣйшія памятники поэзіи нашихъ предковъ». Излагается кратко содержаніе сихъ повѣстей. О повѣстяхъ «въ честь князя Владиміра» замѣчено, что въ нихъ Владиміръ князь представляется «роскошнымъ и, можно сказать, романическимъ». Но, вообще, о повѣстяхъ авторъ не высокаго мнѣнія. Любопытна характеристика богатырскаго эпоса. «Вообще богатырскія русскія повѣсти, замѣчаетъ авторъ, представляютъ странную смѣсь истиннаго и ложнаго, благороднаго и низкаго, смѣшнаго и вздорнаго. Сочинены онѣ людьми необразованными. Планъ почти всѣхъ весьма дуренъ». Учителя словесности 30-хъ годовъ весьма удивляло, что въ древнихъ повѣстяхъ нѣтъ «ни связи происшествій, ни страстей, ни характеровъ», что «изображенія витязей похожи болѣе на уродливыя карикатуры, нежели на портреты. Слогъ сухъ, рассказы растянуты и наполнены частыми повтореніями одного и того же. Словомъ, грубый вкусъ и невѣжество,—характеристика сихъ повѣстей». Впрочемъ, авторъ не отказываетъ былинамъ въ «нѣкоторыхъ хорошихъ сравненіяхъ, удачныхъ вымыслахъ и счастливыхъ выраженіяхъ», что даетъ автору право согласиться «съ однимъ почетнымъ любителемъ отечественнаго слова, что сіи искры свидѣтельствуютъ о горѣвшемъ нѣкогда пламени»... Происхожденіе повѣстей авторъ относитъ къ XVI вѣку.

Въ параграфѣ «о народныхъ пѣсняхъ», «составляющихъ третій и послѣдній памятники поэзіи предковъ», замѣчено, что «несмотря на пренебреженіе, оказываемое отъ нѣкоторыхъ народнымъ пѣснямъ, онѣ заслуживаютъ уваженія со стороны литератора». Пѣсни дѣлятся на обрядовыя, повѣствовательныя, лирическія и забавныя.

Обзоръ русской поэзіи оканчивается общими поверхностными разсужденіями о духовныхъ стихотвореніяхъ XVII и XVIII вѣка Симеона Полоцкаго, Іоанна Максимовича, Стефана Яворскаго, Тео-

фана Прокоповича, Дмитрія Ростовскаго, князя Кавтемира. Относительно духовно-драматическаго сценическаго искусства замѣчено, что эти зрѣлища стали появляться въ семинаріяхъ въ праздничные дни, а особливо на масланицѣ. Въ кievской бурсѣ и въ училищѣ законоспасскомъ представляли акты ораторическія изъ библейскихъ исторій такіе, какіе нѣкогда были и на французскомъ театрѣ, въ которыхъ ничего не было видно, кромѣ грубыхъ фарсовъ, безъ всякихъ декораций, каррикатурныхъ актеровъ и неприличныхъ костюмовъ». Обзоръ русской поэзіи оканчивается краткой характеристикой поэзіи Тредьяковскаго и Ломоносова— «рѣдкаго генія», «который стоитъ выше всякой похвалы». «Въ продолженіи 70 лѣтъ, протекшихъ отъ Ломоносова до настоящаго времени, отечество наше видѣло и видитъ множество стихотворцевъ во всѣхъ родахъ поэзіи, обогатившихъ и продолжающихъ обогащать російскую словесность своими произведеніями. Но исчисленіе всѣхъ ихъ оставляется потому, что не всѣ они извѣстны, а оцѣнка извѣстныхъ— потому, что не о каждомъ можно дать вѣрное сужденіе и предлежитъ опасность, чтобы не умалить или не увеличить достоинства особливо новѣйшихъ и современныхъ». Вообще, о русской поэзіи авторъ говоритъ небрежно, кратко и какъ бы вынуждено.

Но за то поэзія нѣмцевъ, у которыхъ авторъ заимствовала значительную часть матеріала своего курса, излагается подробно и обстоятельно, начиная съ эпохи бардовъ—минезингеровъ и кончая современными автору нѣмецкими писателями Клингеромъ, Грифомъ (который можетъ сравниться по нѣкоторымъ мѣстамъ своихъ произведеній съ Шекспиромъ), Кронгомомъ («любезный авторъ, который имѣлъ даръ истиннаго трагика»), Титче и Коцебу («любезный авторъ всю Европою»)

Пособіемъ автору при составленіи его словесности служили свыше 50 источниковъ, какъ напр.

- 1) Четыре разговора Платона объ изящномъ.
- 2) Три книги Аристотелевой риторики.
- 3) Его же піитика.
- 4) Трактатъ о сочиненіи словъ Діонисія Галикарнаскаго.
- 5) Риторическія сочиненія Гермогена.
- 6) Книга о низложеніи Дмитрія Фалерейскаго.
- 7) Риторическія сочиненія Цицерона.
- 8) Ораторскія сочиненія Квинтиллиана.

9) Разсужденіе о высокомъ Лонгина, перев. на російск. Машышкина, и т. п.

Количество источниковъ и характеръ изложенія, доходящаго по своей формальной выдержанности во многихъ мѣстахъ до педантизма и пустословія, показываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ образцомъ лучшаго изъ семинарскихъ курсовъ «Риторики» 30-хъ годовъ.

Читатель видитъ, что это не наука, а цѣлая система наукъ, энциклопедія разныхъ свѣдѣній, сводъ которыхъ въ одно мѣсто тѣмъ страннѣе, что эти свѣдѣнія имѣютъ иногда между собою очень мало общаго. Ихъ объединяетъ не столько сродство мысли, сколько обманчивая система трансцендентальнаго единства человѣческихъ знаній, которая носилась тогда въ головахъ нашихъ педагоговъ подъ влияніемъ философской системы Гегеля, одного изъ величайшихъ систематиковъ, какихъ только знала исторія человѣческой мысли. Въ риторикѣ скопленъ значительный матеріалъ по разнымъ отдѣламъ знанія. Современный преподаватель библейской археологіи найдетъ здѣсь библейско-археологическія свѣдѣнія; современный филологъ-языковѣдъ, быть можетъ, нѣсколько удивится, когда узнаетъ, что въ волынской семинаріи 30-хъ годовъ преподавалось въ отдѣлѣ «Риторики» о письменномъ словѣ — начертаніе кадмовой азбуки, ведущей свое начало отъ Кадма-финикійца и состоявшей только изъ 16 буквъ. Послѣ кадмовой азбуки слѣдовало начертаніе древнѣйшей еврейской, греческой и латинской азбукъ (при чемъ приведены образцы латинскаго письма и орфографіи V вѣка отъ Рождества Христова по Квинтиліану, отрывки изъ присяги, данной 846 года Людовикомъ германскимъ Карлу. Послѣднее приводится, какъ образецъ измѣненія языка латинскаго въ романскій). Въ этомъ же отдѣлѣ находимъ свѣдѣнія о веществѣ, на которомъ писали, веществѣ, которымъ писали, орудіяхъ письма, форматѣ древнихъ книгъ и пр. Этнографъ-оріенталистъ можетъ найти въ «Риторикѣ» таблицу о расселеніи народовъ Азіи и Африки съ возвышенностей Кавказа по всему свѣту (по изслѣдованіямъ германскаго ученаго Фесслера)..

И чего-чего только нѣтъ въ толстой книгѣ на полутысячѣ съ лишнимъ страницъ, тщательно исписанныхъ мелкимъ почеркомъ. Поля книги по мѣстамъ наполнены обильными выдержками изъ Иліады, Одиссеи, Энеиды, сочиненій Цицерона, Квинтиліана и другими латинскими, греческими и даже еврейскими цитатами разныхъ

авторовъ и сочиненій. Въ примѣчаніяхъ приводятся мнѣнія Якоба, Було Сильвена, Лонгина, Паскаля, Локка, выдержки изъ «Ковлеева Давиденда», датской исторіи Маллета, и ведется полемика съ Руссо и Свифтомъ, которые «по своему человѣконенавистничеству описали человѣка неспособнымъ къ общежитію и ненавиствѣйшимъ чудовищемъ».

Теоретическія разсужденія риторики проникнуты отвлеченностью и той очень туманной, напыщенной фразеологіей, которою отличалась философская мысль 30-хъ годовъ. Историческія свѣдѣнія, наоборотъ, страдаютъ педантизмомъ и мелочностью фактовъ. Въ абстрактныхъ разсужденіяхъ автора много системы, но мало фактовъ; въ фактической части изложенія слишкомъ много фактовъ и отсутствіе опредѣленной системы изложенія.

Отношеніе къ классикамъ проникнуто уваженіемъ, доходившимъ до благоговѣнія и исключавшимъ возможность критическаго къ нимъ отношенія. «Αὐτός ἔφη» — было принципомъ семинарской мысли 30-хъ годовъ. Научное положеніе казалось слабымъ, если оно не снабжалось ссылкой на какого-нибудь классика (Аристотеля, Платона, Горація). Но за то облеченное въ громоздкую классическую цытацію, оно получало авторитетъ и полную убѣдительность.

Обиліе источниковъ русскихъ и иностранныхъ замѣняло автору необходимость самостоятельной мыслительной дѣятельности при составленіи курса. Русскій педагогъ старой риторики съ рѣдкимъ трудолюбіемъ пережевывалъ всѣхъ нѣмцевъ-риторовъ, какіе только были извѣстны ему въ то время; онъ обратилъ самое добросовѣстное вниманіе на многія стороны предмета, даже такія, которыя въ строгомъ смыслѣ не имѣли никакого прямаго отношенія къ дѣлу, но, къ сожалѣнію, опустилъ изъ вниманія только одно — ученика, волинскаго бурсака, на несчастную долю котораго приходился весь этотъ педагогическій сумбуръ литературнаго, разрозненнаго матеріала и который, не смотря на все свое равнодушіе ко всякимъ родамъ scienti'i, порою не выдерживалъ и съ озлобленіемъ писалъ: «чортъ бы весь побралъ», или «такого то года и числа къ сему талмуду руку приложилъ NN».

Курсъ риторики составлялся безъ справокъ съ умственными силами тѣхъ, кому онъ предназначался. Педагогу-ритору смутно представлялась дидактическая цѣль его сложнаго курса, но за то для него было несомнѣннымъ убѣжденіе, что образованіе ученика

пострадаетъ, если онъ не сообщитъ ему необходимыхъ свѣдѣній о «эракійскомъ уроженцѣ» Орееѣ, или о какомъ-нибудь нѣмцѣ Кюцебу. Учитель риторики безъ затрудненія отвѣтилъ бы на вопросъ «что преподавать», но онъ былъ бы поставленъ въ большое недоумѣніе, если бы его спросили: «зачѣмъ все это»? Этотъ балластъ всестороннихъ свѣдѣній о древнемъ и новомъ краснорѣчіи, авторитетно сообщавшійся довѣрчивымъ ученикамъ въ формѣ каталогическаго перечня знаній, обременявшихъ память, и былъ тою «риторикою», одно названіе которой нѣкогда звучало такъ почтительно. Масса латинскихъ, греческихъ цитатъ этой науки уносила учениковъ въ отдаленное прошлое, а отвлеченныя схоластическія разсужденія держали науку высоко надъ почвою, по которой ходилъ бурсакъ метафизикъ. И не удивительно, что онъ часто попадалъ въ яму. Семинаристъ стараго времени имѣлъ полное право сѣтовать:

„Или бурсакъ на то родится,
Чтобъ вздоръ старинный разбирать,
Или онъ въ дѣло не годится,
Когда не знаетъ „до“ спрагать?
Не лучше-ль спать, умъ и время
На трудъ полезный посвятить
И жизни тягостное бремя
Наукой свѣтлой облегчить?“...

Методика вырабатываетъ свои лучшіе принципы послѣ того, какъ практически признана непригодность старыхъ. Своимъ долготѣнимъ пребываніемъ, въ качествѣ учебнаго семинарскаго предмета, риторика изобличала самое себя и практически показала, насколько, вообще, непригодна для цѣлей правильнаго развитія система многознанія безъ соображенія цѣли и смысла знанія. Смыслъ риторики въ томъ, что она *была*...

Ф. Кудринскій.

Деревенская оргія. (*Картинка сельской свадьбы*). Было тем но и холодно. На тихое село только что надвинулся ноябрьскій вечеръ. Изрѣдка прорѣзывался сквозь тучи мѣсяцъ и, освѣтивъ узкую полоску воды, скрывался. Блѣдными, желтыми четырехугольниками выдѣлялись окна хатъ изъ мрака. На дворѣ угольнаго дома стояла кучка молодежи. Здѣсь, подъ звуки скрипки и бубна, скромно толклись дѣвчата, танцуя кружкомъ. Иногда вылеталъ на свѣтъ кто-нибудь изъ смѣнившихъ ихъ парней въ темной свиткѣ, или кожанѣ новята

исчезалъ въ темнотѣ. Между тѣмъ въ хатѣ сидѣли гости за длинными столами, предъ ними лежалъ мягкій хлѣбъ и дымилась въ мискахъ капуста. Разговоръ шелъ степенный: о молотѣхъ хлѣба и объ извозѣ. Въ сторонѣ, на такъ называемомъ полу--доскахъ у печи, служащихъ постелью—женщины сочувственно слушали молодицу, жаловавшуюся, что власти выбросили ея конопли изъ рѣки.

Хозяева безпрестанно потчивали гостей водкой, и бутылки пустѣли. Самъ женихъ, высокій парень, показывался только минутами въ избу и тотчасъ же уходилъ къ товарищамъ. Вскорѣ музыкантовъ также позвали со двора ужинать, и молодежь разошлась по вечерницамъ. Послѣ ужина остался только большой столъ подъ образами, а меньшій убрали. Лысый старичекъ скрипачъ сѣлъ на лавѣ противъ печи и началъ методически наигрывать «лудочку». Ему вторилъ на бубнѣ молодой человѣкъ, русый съ толстыми щеками. Между печью, столомъ, лавами и раскрытой въ сѣни дверью, всего на пространствѣ нѣсколькихъ аршинъ, тихо, едва перебирая ногами, начали танцовать молодицы. Груды чуть вздрагивали и бедра лѣниво шевелились. Поминутно подходила къ нимъ хозяйка съ водкой, но оживленія еще не было, мужчины не участвовали въ танцахъ, и только дѣдъ съ лицомъ цвѣта нечищенной красной мѣди къ общему удовольствію галономъ прошелся среди танцующихъ.

Въ воскресенье поздно вечеромъ уже издали слышенъ былъ поѣздъ молодаго. Лошади мчались въ карьеръ, свашки и свѣтилки выкрикивали свадебныя пѣсни, парни гикали и бубенъ гудѣлъ немолкая. Родители приняли молодыхъ и усадили за столъ подъ образами. Здѣсь женщины, еще не выдавшія молодую, съ любопытствомъ осматривали ее, нѣкоторые стали на доски такъ, что головы почти касались потолка. Трижды въ жизни человѣкъ бываетъ предметомъ особаго вниманія: когда родится, вѣнчается и умираетъ.

Молодая была уже вполне сложившаяся, высокая дѣвушка съ черной, какъ смоль, косой и темными глазами, опущенными внизъ. Щеки заливалъ яркій румянецъ, она жеманно зажимала губы нѣсколько на сторону. Ея пышный вѣнокъ и ленты замѣтно выдѣлялись яркими тонами среди черныхъ платковъ и темныхъ свитѣ гостей. Вскорѣ красивый дружокъ, весь замотанный въ красныя и бѣлыя широкіе ружники, пригласилъ молодыхъ установленной формулой и повелъ ихъ за платокъ изъ избы въ комору. Но здѣсь произошло замѣшательство, молодые не пошли въ комору, а стали шептаться съ дружкоймъ.

— Что то будетъ? спрашивала безококойно молодая.

— Нужно просить люлей, совѣтывали ей какъ мужъ, виновникъ настоящаго недоумѣнія, такъ и дружокъ. Отецъ также подошелъ къ молодымъ. Между тѣмъ гости съ любопытствомъ наблюдали сцену, особенно женщины вытягивали свои бѣлыя шеи. Тонкія губы одной молодой искривила улыбка, глаза ея сосѣдки отливали зеленымъ блескомъ. Выяснилось, что калина уже тронута морозомъ. Наконецъ, молодая скрылась въ боковую комнатку и почти тотчасъ же вошла въ избу, уже безъ вѣнка, а въ черномъ платкѣ и смущенная, на колѣняхъ, просила прощенія у родственниковъ мужа, а потомъ и у всего общества, говоря: «простите и вы люди!» Этимъ покаяніемъ кончилась роль молодыхъ въ воскресный вечеръ, и они удалились въ комнату.

Послѣ ужина, за которымъ водка лилась еще обильнѣе, чѣмъ наканунѣ, скрипачъ и его товарищъ заняли прежнее мѣсто на лавкѣ и заиграли козачка; въ растворенныя двери вбѣжали молодицы и начали танцовать кружкомъ, потомъ раздѣлились на двѣ стороны и понесли одна на другую, иногда обнимая другъ друга за талии. Кто то изъ гостей, въ насмѣшку молодой, вылилъ воды на полъ, но это какъ будто прибавило жару танцующимъ: бабы приподняли слегка сподницы и отворотили край плахтъ такъ, что сверкнули бѣлыя колѣни, и продолжали танецъ, выкрикивая:

Ой грай, колы граешъ,
Колы чорны брови маешъ.
Колы таки якъ у мене
Той садъ біля мене!

Среди танцующихъ особымъ оживленіемъ выдѣлялась стройная, молодая вдова Солоха. На лбу у ней показались капли пота, ноздри дрожали, даже жилы на шеѣ расширились. Наконецъ, одинъ изъ мужчинъ не выдержалъ и, выѣшавшись въ танецъ, сталъ приближаться къ ней, но вдова быстрымъ оборотомъ, какъ стрѣла, отлетѣла въ сторону, подскочила къ музыкантамъ, сложила руки на груди и выгибая талию, охваченную короткимъ коричневымъ корсетомъ, начала пѣть, или лучше кричать.

Музыканты мои,
Вы заграйте мени
Ковали, ковали.
Що я въ свого батенька
Одыница була.
Трай, рай, ра...

И сейчас же стала прыгать на одной ногѣ. Одушевленіе увеличивалось; уже и мужчины заболтались между танцующими, и женщины хлопали въ ладоши и вскрикивали:

Пытается куличокъ:
 Чѣмъ вже, чайко, свитокъ?
 — Ище, ище, ище ще
 Присуваемся ближче ще!

Онѣ тѣснились другъ къ дружкѣ, обнимались, цѣловались, или вдругъ отталкивали одна другую. Груды высоко поднимались, глаза блистали, плахты разносились въ стороны. Вдова, заломивъ руки надъ головой, высоко взбрасывала ногами. И музыка вторила общему настроенію, скрипка заливалась съ удалью, а бубенъ уже не гудѣлъ, музыкантъ потрясалъ имъ надъ головой такъ, что мѣдныя блишки звякали, а колокольчики звенѣли, покрывая на минуту женскій визгъ.

— Ну, лютыя эти бабы! Смотрите—Солоха какъ ногами перебираетъ! Какъ конь!—замѣтилъ одинъ изъ гостей.

Но пожилой, спокойный человекъ, равнодушно наблюдавшій все время и даже мало пившій, ничего не отвѣтилъ на обращенное къ нему замѣчаніе, а только плюнулъ въ сторону.

В. М.

Къ воспоминаніямъ Іосифа Самчевскаго. Воспоминанія почтеннаго и уважаемаго І. А. Самчевскаго, при которомъ я поступилъ въ Новгородсѣверскую гимназію и окончилъ, въ изданіи «Кіевской Старины» дополнены біографическими замѣтками о тогдашнемъ педагогическомъ персоналѣ. Если кое-гдѣ брошены пятна, то отдано и должное благородной памяти другихъ дѣятелей гимназій. Только учитель чистописанія и рисованія Н. Ф. Воробинскій изображенъ авторомъ примѣчавій неполно и односторонне. Воробинскій жилъ въ бѣдности, былъ плохой педагогъ; пожалуй, въ гимназій казался «вполнѣ лежачимъ человекъ», настолько, что даже шалуны сами собой усмрялись (Кіевская Старина, 1894, августъ, 148)... Но, ко всему этому надо прибавить, что онъ былъ честнѣйшій человекъ, талантливый и любившій дѣло художникъ.

Лѣтъ пять тому назадъ мнѣ пришлось заѣхать въ одинъ хуторъ на самомъ краю ...скаго уѣзда. Пока въ гостинную вошла хозяйка, я началъ разсматривать цвѣты и картины. Все, какъ обыкновенно. Но, на стереотипномъ мѣстѣ надъ диваномъ,—два портрета: старецъ въ бѣломъ халатѣ и старая женщина, повязанная платкомъ. Такъ повязывается

теперь вдова стараго священника, старая кунчиха, ключница и, взрѣдка, солидная мѣщанка; но когда-то эта повязка встрѣчалась въ простомъ помѣщичьемъ семействѣ. Не трудно было догадаться, что это портреты отца и матери владѣлицъ хутора. Сходство чувствовалось, а жизнь выступала въ каждомъ штрихѣ. «Старосвѣтскіе помѣщики» Гоголи, подумалъ я, писанные Денеромъ; онъ (не Денерь, а старикъ въ бѣломъ халатѣ) тоже когда-то увезъ свое Пульхерію Ивановну... Въ это время вошли хозяйки. Послѣ перваго знакомства, я свелъ рѣчь на портреты: «кто рисовалъ?»

— «Учитель Воробинскій».

Одно время хотѣли, чтобы я бралъ уроки у Воробинскаго; но разнымъ причинамъ это не состоялось; но мнѣ случалось бывать у него. Онъ жилъ въ своемъ домѣ на великолѣпномъ мѣстѣ, съ небольшимъ, но старымъ садомъ когда то скрипача Рачинскаго. 10—12-лѣтнимъ мальчикомъ, я, бывало, пересматриваю папки съ рисунками, въ то время, когда Воробинскій, а болѣе его жена, передавалъ моей матери о своихъ злоключеніяхъ. На стѣнахъ помню копіи съ Лампи и Бруни (портретъ Екатерины II и Моленіе о чашѣ); должно быть, онѣ были недурны, если вѣзались въ дѣтское воображеніе.

У Воробинскаго была большая, но очень дружная семья. Изнывая подъ гнетомъ общественнаго равнодушія, онъ душою отдыхалъ въ семьѣ.

Феодоръ Уманецъ.

Какъ баба замирала. Въ с. Гладоссахъ елисаветградскаго у. Евфросинья Бежанова рассказывала, что она видѣла въ то время, когда «замирала», лѣтъ 50 тому назадъ. Прежде всего, говорила она, увидѣла я огонь въ той сторонѣ, гдѣ м. Ревуцкое и Одесса; я пошла къ нему и начала водить по нему рукою, но потомъ испугалась, отступила отъ него и увидала свою сестру Настю; спрашиваю ее: «чего це мене огонь не пече?» — а она отвѣчаетъ: «якъ бы ты була мертва, то твоя бѣ сорочка згорела,— а тоби уже на цимъ свити сердце сиекла маркурія и ценоирія» (а меня этими лѣкарствами лѣчили). Потомъ я увидѣла двухъ коровъ, которые паслись на лугу и изъ которыхъ молоко лилось, какъ вода изъ чона; оно текло по землѣ рѣкой. Вдругъ сестра моя толкнула меня и говоритъ: «дывысь, шо то лытыть!» Я посмотрѣла на западъ и говорю: «саранча!» А она говоритъ: «ось побачышь, якъ прылытять!» Какъ прилетѣли они, а я даже испуга-

лась: то были маленькія дѣти! Подлетятъ къ молоку, скажутъ: «крепче!» и тотчасъ принимаютъ пить молоко; напьются и улетаютъ прочь, а за ними летятъ другія, и все съ запада. Дальше я видѣла дивчатъ, сидящихъ въ травѣ; онѣ срывали траву, дѣлали изъ нея мячики и перебрасывались ими; маленькимъ трава была по шею, а гдѣ сидѣли пожилыя, тамъ трава была сухая. Дальше видѣла я ручеекъ; изъ ручейка люди пили воду тѣ, родственники которыхъ по смерти ихъ подавали пить изъ посуды, а безъ посуды пили тѣ, родственники которыхъ не давали пить по ихъ смерти. Тутъ видѣла я и отца своего, и мать: они пили тоже воду—и безъ посуды. Потомъ вижу я: обѣдаютъ люди,—одни за столами, а другіе просто за скатертями: за столами—тѣ, родственники которыхъ по ихъ смерти устраивали номинальный столъ, а за скатертями—тѣ, родственники которыхъ не дѣлали стола, а кормили на скатертяхъ. Между обѣдающими замѣтила я покойнаго Брагу; передъ нимъ, на столѣ стояла пища похожая на холодецъ; у всѣхъ шель паръ отъ пищи, а у него нѣтъ. Я спрашиваю у сестры: «чего оце у его ны йде пара?» а она говоритъ: «ты-жъ оживешь,—то скажи доцци, шобъ вона рано, до сходъ сонця набрала повныъ глечикъ молока и однесла—у кого нема!...» Въ самомъ концѣ видѣла я, что я лежу по срединѣ двухъ жидовъ, а близъ меня стоитъ старикъ съ большой бородою; старикъ и говоритъ мнѣ: «сотвори молитву!»—а я отвѣчаю: «якъ я сотворю Богу молитву, якъ ось лыжать два жйда!»—а старикъ говоритъ: «скажи: дай, Господы, мени на память!»—какъ только сказала я эти слова, такъ тотчасъ и ожила.

Разсказъ этотъ записанъ крестьяниномъ Харитонемъ Самойломъ на общемъ литературномъ языкѣ, за исключеніемъ разговоровъ, которые переданы по малороссійски. Въ самомъ разсказѣ мы нашли себя вынужденными исправить нѣкоторыя стилистическія шероховатости.

В. Ястребовъ.

Нѣсколько заговоровъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ настоящаго мѣстожителства моего (м. Шпола) въ бѣдномъ и закустномъ селѣ проживаютъ двѣ знахарки. Мнѣ много разъ приходилось слышать отъ людей, близко знающихъ ихъ, довольно комичный способъ лѣченія ими больныхъ. Сколько разъ ни старался я узнать болѣе подробныя свѣдѣнія, какъ у близко знающихъ ихъ, такъ и у дѣчи-

впихся, но положительно всё отказывали мнѣ въ этомъ — первые, по причинѣ недостаточно вѣрныхъ слуховъ, вторые же, — давъ слово лѣчившимъ ихъ сохранять все въ тайнѣ. Однажды ко мнѣ прибѣгаетъ одинъ крестьянинъ, знающій мое желаніе узнать способъ лѣченія вышесказанными знахарками, и сообщаетъ, что у знакомаго мнѣ крестьянина болятъ зубы и для лѣченія ихъ имъ приглашена знахарка, пользующая способомъ заговора. Не медля ни минуты, я отправляюсь къ указанному мѣсту. Захожу въ избушку и застаю бѣгающаго изъ угла въ уголь крестьянина и только что пришедшую женщину. Обращаясь къ крестьянину съ вопросомъ: что съ вами? и получаю въ отвѣтъ: «дуже и дуже болятъ зубы». Женщина, недружелюбно посмотрѣвъ на меня, проситъ уходить, такъ какъ я мѣшаю ей дѣлать нужныя приготовленія. На высказанное мною желаніе присутствовать, она отчаянно замахала руками и начала кричать, что я прошу невозможнаго. Кое-какъ, съ помощью крестьянина, мнѣ удалось убѣдить ее, объяснивъ, что услышанное мною не можетъ принести ей вреда, такъ какъ я не думаю заниматься одною съ ней профессіей. Тогда, подошедши къ крестьянину, она просила показать ей больной зубъ. Вынувъ изъ кармана какую-то старую трипочку, она обмотала ею зубъ и начала заговоръ, который, опять таки, стоило мнѣ не мало трудовъ переписать. Вотъ содержаніе его:

«Ты, мисяцю, Адаме, молодыкъ! пытай ты мертвыхъ и живыхъ: у мертваго зубы не болятъ? У мертваго зубы николи не болятъ; кости задубили, зубы занимилы; николи не будутъ болить. Даруй, Господы, шобъ у мене раба Божого нарожоного, молитвенного, крещоного Ивана, *зубы занимилы, николи не болилы*». Подчеркнутое она повторила три раза. Не знаю, случайно ли, или вѣра въ возможность испѣлить заговоромъ, но только крестьянинъ мой, по истеченіи четверти часа, былъ совершенно здоровъ, щедро награждая знахарку. Поговоривъ еще немного и оставшись довольна исходомъ своего лѣченія, она вышла изъ избы; я послѣдовалъ за нею. И вотъ на ходу, незамѣтно, я началъ записывать и другіе заговоры, которые она довольно любезно сообщала мнѣ.

— «Якъ бы не помогло съ першого разу, оце що я заговорила, то я ще знаю другу таку, що якъ бы тамъ дуже не болилы зубы, заразы помога». Слушайте: «Мисяць у неби, мертвецъ у гроби, камень у мори; якъ три браты до купы зберуться и будутъ бенкетъ робыты, тоди у мене зубы будутъ болиты». —

«Якъ проговорыть оце, писли перваго заговору, то заразы пройде».

На вопросъ мой, не знаетъ ли она противъ другихъ болѣзней заговора, она отвѣтила, что знаетъ отъ укушенія змѣй и отъ сглазу. Отъ укушенія змѣй слѣдующій: «Заклинаю васъ, гадюки, именемъ Господа нашего Иисуса Христа, и святого великомученика и побидоносца Георгія и всама небесными силами. Заклинаю три царицы: Куфію, Невію и Полю, щобъ не вредылы (по имени) волосомъ (цвѣтъ волосъ)». Потомъ треба читаты молитву: Отче нашъ сямъ разъ, а Пресвятую Тройцю пять разъ. Якъ гадюка дуже ядовыта, то треба чытаты заговоръ тры разы».

Отъ сглазу заговоръ слѣдующій:

«У моря калына, пидъ калыною двичына; вона не знала ни шыты, ни прысты, ни золотомъ гаптоваты; тыльки умла и знала отъ раба Божого (имя) уроки и презоры выкыкаты й вызываты, на сухыи лиса посылаты. Уроки, урочища чоловичи й жиночи, парубочи й дивочи, хлопчачи, дивчачи и дытячи вамъ уроки, урочища у раба Божого (имя) не стояты, жовтои кости не ломаты, червонои кровы не пыты, сердца его не нудыты, блага тила не сушыты; вамъ вты на мха, на темны луга, на густы очерета, на сухы лиса».

Сообщ. Сав. Линденбергъ.

Разсказъ о вовулакахъ. Къ ряду разсказовъ о вовулакахъ, помѣщенныхъ въ «Кіевской Старинѣ» за прежніе и текущій годы, сообщаю еще одинъ, найденный мною въ старыхъ замѣткахъ. Разсказъ этотъ записанъ мною еще въ 1891 г. въ с. Нагорянахъ, Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи отъ кр. Карпа Чорнаго.

— Не вси вовулаки однакови, разсказывалъ мнѣ Чорный; вони бувають ружни. Есть вовулаки вични, що винъ до смерти звиромъ вовулакою, и николи до смерти чоловичого образа не беруть на себе и такъ вовулакою и вмирають, а есть и таки, що тылько передъ смертю робляца зновъ людмы.

А зновъ есть таки вовулаки, що вони тылько на де який часъ робляца вовулаками; на сколько литъ, а бо що, зробыца звирукою, пробигае въ лиси свій часъ,—на який его залявъ злій чоловикъ, або видьма,—потимъ зновъ робыца чоловикомъ, вертаеца до села, до дому и жые, якъ ничего й не було. То я чувъ, що колысь дуже давно була така жинка, що не любила свого чоловика, а другого; вона взяла злякала своего чоловика и зробыла его на завше вовулакою, и той якъ пишовъ въ лисъ, то бильше й не прыходывъ.

Тылько потымъ, по якимъ часи, вовкы зимою въ сели роздерлы кошма тей жинкы.

А зновъ, на решти, бувають такі вовкулаки, що винъ вирукою робыца або тылько килько разъ на рикъ,—якъ прыйде ему вже та поря, що треба пты до лиса, а то все людыною; або въ день людю, а кожну ничъ робыца звирукою и бижыть въ лисъ.

Вовкулаки з вовкамы жыють въ прыязни; и вовкамы и вовкулакамы, якъ и всимы звирамы и птахама—опикуеця св. Юрый.

— То бувъ колысь дуже давно у идного старого чоловика сынъ, и той сынъ, лято и зиму, абы вечеръ, то завше кудысь на цилу ничъ ходыть, а рано спыть, що не можна его добудыца: нобы цилу ничъ працевавъ.—Перше батько думавъ, що сынъ ходыть до дивчатъ, на вечерныци,—алежъ литомъ яки вечерныци, а сынъ про те ходыть, тай ходыть: абы вечеръ, змерклось—то его вже й нема, и зо свичкою не найдешъ. На решти пытаеця батько сына: «куды ты сынку, кожномъ нocy ходышь?»,—а сынъ не хоче сказаты.

— «Чыкай, думаетъ соби старый, я тебе дослижу». Отъ разъ вечеромъ, якъ уже ловечералы, погасылы свитло и ляглы спаты,—сынъ тыхенько вставъ, тай на двиръ; старый швыдко одився, та й тыхенько соби за нымъ. Сынъ выйшовъ на городъ, упавъ на землю, покачався, «зробывся звирукою», схопывся, стременився, тай побигъ до лиса, за село; а старый скылько мигъ, здаля, на доглядци соби за нымъ.—Прыбиглы до лиса: сынъ-вовкулака впереди, а батько за нымъ; а въ лиси превелыка галява; а на ти галяви звыривъ, нибъ то вовкывъ, выдымо-невыдымо, вовкулака прыйшовъ до нихъ, тай ставъ; колы дывыца батько, а по середени межъ вовкамы идъ деревомъ, сыдыть дидъ; догадався чоловикъ, що то св. Юрый, тай шанку здыйнивъ. А той дидъ и каже до звыривъ:—Идите вы тутъ въ лиси на дорогу; тамъ буде ихаты чоловикъ зо млына;—вы его пропустите, и его не чыпайте; а за нымъ мужыкъ буде весты корову з ярмарку; винъ ту корову кушывъ обманомъ; вы ту корову можете зпысты; а мужыка не чыпайте».

Звыри побиглы на дорогу, побигъ зъ ными и вовкулака; а чоловикъ помежъ деревъ тыхенько и соби за ными. Тылько выбиглы на дорогу—справди иде, чоловикъ з мышкамы зомлына; звыри его пропустилы; дали веде мужыкъ на мутузку корову; звыри кынулысь, въ моментъ часу розырвалы ту корову и зылы такъ, що тылько кыстыкы zostалысь, и то тылько котры велькы. Дывыца чоловикъ, а его сынъ

вовкулака, рве корову и ѣмсть ей цылымы шматкымы не гирше за правдывого вовка.

Зѣялы ту корову та ѣ побѣгли назадъ въ лисъ на ту саму галаву; чоловікъ з отдала соби за нымы; прыбѣгли, а св. Юрій сыдытъ на тому самому мѣсти, пидъ деревомъ— «ну вже вгамовали голодъ. Теперъ розсходьтися» сказавъ винъ, и звіри розыйшлись. Вовкулака прыбѣгъ въ село, на городъ, покачався по земли, та ѣ зновъ зробився парубкомъ, прыйшовъ тыхенько до хаты, та ѣ лигъ снагы; а батько раньше него вѣйшовъ и лигъ.

На другый день батько и сынъ пишли въ поле ораты, отъ батько и каже сынови, що винъ цей ночи бачывъ все.

А сынъ и каже: якъ вы все бачылы,—то вы мене тылько и бачылы.

Кынувся до земли, зробився вовкулакою, та якъ пѣшовъ до лису, то на сей день: бильше и не прыходывъ, и никто его бильше не бачывъ.

Сообщилъ Ив Вѣньковскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Разборъ этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова, составленный проф. Харьковскаго университета Н. О. Сумцовымъ. Спб. 1894 г.

Разборъ сдѣланъ по порученію Академіи Наукъ и напечатанъ въ отчетѣ о присужденіи въ 1893 году премій Макарія, митрополита Московскаго; передъ нами — отдѣльный оттискъ изъ «Отчета».

Проф. Сумцовъ разсматриваетъ и оцѣниваетъ слѣдующіе труды г. Романова: 1) Бѣлорусскій сборникъ, 2) Опытъ Бѣлорусскаго народнаго свотолкователя, 3) Катрушницкій Лемезень и 4) Очеркъ быта нищихъ Могилевской губ. и ихъ условный языкъ.

Коснувшись отрицательныхъ сторонъ «Бѣлорусскаго сборника» г. Романова, а именно недостатковъ въ выборѣ и расположеніи пѣсенъ и сказокъ и лексической неточности записей, рецензентъ обращается прежде всего къ частному разсмотрѣнію пѣсенъ, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ». Онъ указываетъ въ послѣднемъ 90 пѣсенъ, представляющихъ собою весьма близкіе варианты малорусскимъ, и 22, являющихся передѣлками и повтореніями великорусскихъ пѣсенъ; при этомъ оказывается, что многія изъ пѣсенъ, напечатанныхъ г. Романовымъ, есть грубое искаженіе художественныхъ пѣсенъ, записанныхъ во многихъ вариантахъ въ Великороссіи и Малороссіи, и потому не заслуживали и изданія. Къ формѣ стиха г. Романовъ, по замѣчанію рецензента, относится съ пренебреженіемъ, чему приведены въ «Разборѣ» примѣры. «Бѣлорусская пѣсня, говоритъ проф. Сумцовъ, насколько можно судить о ней по сборнику г. Романова, слаба, безцвѣтна и часто груба. Нѣтъ въ ней великорусской широты, малорусской мягкости и задушевности. Бѣлорусская литературная почва воспринимчива; на ней легко прививаются великорусскіе, малорусскіе и польскіе мотивы; но всякая прививка здѣсь вырождается и даетъ хи-

лныя растенныца. Оригинальныя п'сенныя произрастенія отличаютца б'дностью фактыческаго содержания и грубостью выражений». Заявленіе г. Романова, что онъ исключаетъ изъ своего «Сборника» произведенія искусственныя, псевдонародныя, вызываетъ рецензента на разъясненіе, что, въ виду доказаннаго фактически значенія книжныхъ вліяній на народную словесность, народная оригинальность въ этой посл'дней является понятіемъ относительнымъ и что, по'тому, опред'леніе псевдонароднаго искусственнаго въ ней—д'ло очень трудное. Зат'мъ рецензентъ останавливается съ большей подробностью на балладахъ «Б'лорускаго Сборника» и предлагаетъ рядъ сравнительныхъ экскурсовъ о сюжетахъ ихъ, при чемъ и зд'сь всегда почти оказывается, что б'лорусскія н'сни есть слабое и искаженное отраженіе малорусскихъ, великорусскихъ и польскихъ. Проф. Сумцовъ разсматриваетъ сл'дующія темы балладъ: 1) о муж' разбойник'ъ, 2) мужъ топить жену, 3) о злой свекрови, 4) объ отравленіи брата сестрой, 5) о кровосм'шеніи, 6) объ увод' и соженіи д'вицы, 7) о смерти солдата (козака).

О сказкахъ «Б'лорускаго Сборника» проф. Сумцовъ отзыватся значительно благосклонн'е, хотя и зд'сь д'лаетъ н'сколько справедливыхъ зам'чаній объ искусственности распред'ленія ихъ по рубрикамъ, а въ частности—объ искусственности и устар'лости миеологическаго отд'ла. Посл' н'сколькихъ общихъ зам'чаній по вопросу о народности сказокъ г. Романова и о вліяніи христіанской легенды на сказочные сюжеты рецензентъ приступаетъ къ сравнительному изученію и оц'нк' сказочныхъ и легендарныхъ мотивовъ «Сборника», подобно тому, какъ сд'лано это имъ выше съ сюжетами балладъ, при чемъ привлекаются къ сравненію апокрифы, талмудическія сказанія и сказки малорусскія, великорусскія и многія иноплеменные. Для сбереженія м'ста, мы укажемъ только на т' легендарные и сказочные мотивы, которые привлекли особенное вниманіе рецензента и въ то же время находятъ себ' аналогію въ сказкахъ малороссійскихъ.

Останавливаясь на т'хъ сказкахъ, содержаніе которыхъ состоитъ въ томъ, что въ древности стариковъ «на санычки посодзюць да завязуць у большой ровъ да й пусьцюць съ санычками туды: ень покуль доляциць дыкъ и заб'етца», проф. Сумцовъ оспариваетъ мн'ніе гг. Кулишера и Калаша, что въ преданіяхъ этого рода можно вид'ть воспоминаніе объ убійств' стариковъ въ древности; полагая, что обычай убіенія стариковъ относится къ такой глубокой древно-

сти, остатковъ которой невозможно ожидать въ народной словесности, онъ усматриваетъ въ разсматриваемыхъ сказаніяхъ воспоминаніе о практикованшемся въ древности способѣ похоронъ въ ладѣ, но ничѣмъ не аргументируетъ своего мнѣнія; намъ же объясненіе гг. Кулишера и Каллаша кажется естественнѣе; впрочемъ, оба эти объясненія возможно согласить между собою, допустивши, что въ древности обрядъ убіенія стариковъ приведеннымъ способомъ сливался съ похороннымъ обрядомъ, т. е. не требовалъ особаго похороннаго обряда.

Подробно разсматриваетъ проф. Сумцовъ сказки о шутѣ, варианты которыхъ находятся и въ малорусскихъ сборникахъ. Содержаніе ихъ въ существенныхъ чертахъ состоитъ въ томъ, какъ три брата или обмануты своимъ сосѣдомъ шутомъ. Кромѣ малороссійскихъ, тесъ варианты у великоруссовъ, поляковъ, литовцевъ, французовъ, итальянцевъ, шотландцевъ, басковъ, ирландцевъ и норвежцевъ; сказка проникла въ одну поэмѣ на латинскомъ языкѣ (XI в.) и въ сборникъ рассказовъ Страпаролы.

Со сказками о шутѣ переплетаются иногда мотивы о скатерти-самобранкѣ, о чудесномъ ослѣ и палкѣ-самобѣ, замѣчаемые и въ сказкахъ малорусскихъ. Весьма близкіе варианты записаны во Франціи, Сиріи, Индіи и Монголіи.

Сказки «о лучшемъ свѣѣ» бытуютъ, кромѣ Бѣлоруссин, у малоруссовъ. Любопытно, что этотъ мотивъ находится въ одной южно-русской интермедіи XVII в.; источникомъ его считаютъ одну повѣсть въ *Gesta Romanorum* (XIII в.); существуютъ, кромѣ того, варианты арабскій и еврейскій.

Въ сборникѣ г. Романова помѣщено 824 номера заговоровъ—собраніе, равнаго которому въ русской наукѣ не было. Проф. Сумцовъ, разсматривая собраніе г. Романова, даетъ краткія бібліографическія справки о заговорахъ и заклинаніяхъ у великоруссовъ и малоруссовъ. Нѣкоторые заговоры у Романова сопровождаются наразными поясненіями, какъ говорить заговоръ, съ какой обрядностью, имѣющими самостоятельное значеніе.

Въ V томѣ «Бѣлорусскаго Сборника» напечатаны «Загадки царя Давида», интересная гадательная книга. Языкъ книги, по мнѣнію рецензента,—старинный книжный малорусскій (XVII в.).

Въ журналахъ «Живая Старина» и «Этнографическое Обзорѣніе» г. Романовъ помѣстилъ небольшой словарь условнаго языка шерстобитовъ м. Дробица могилевской губ., называемаго тамъ «катурушниц-

жымъ лемезнемъ», и витересный «Очеркъ быта нищихъ погилевской, губерніи и ихъ условный языкъ—любецкій лементъ». Проф. Сумцовъ сравниваетъ словари г. Романова съ словарями условнаго языка харьковскихъ нищихъ-слѣпцовъ, языка лирниковъ въ Подоліи,—шановаловъ чернягонской губ. и польскихъ воровъ изъ окрестностей Дубровы Горничей и приходитъ къ заключенію о родствѣ ихъ между собою, при чемъ предполагаетъ заимствование бѣлоруссами у малороссовъ. Условный языкъ нищихъ проф. Сумцовъ ставитъ въ связь съ корпоративнымъ устройствомъ нищихъ еще въ древней Руси и находитъ возможнымъ, что онъ возникъ въ XVII в., или даже ранѣе. Онъ характеризуетъ приемы народнаго сочинительства въ этомъ языкѣ, указываетъ слова, заимствованныя съ греческаго языка, и отмѣчаетъ значеніе знакомства съ условными языками при изученіи личныхъ и фамильныхъ прозвищъ.

Разматривая «Опытъ бѣлорускаго народнаго снотолкователя», помѣщенный г. Романовымъ въ «Этнографическомъ Обзорѣніи», проф. Сумцовъ находитъ въ однихъ случаяхъ большое сходство между бѣлорусскими и малорусскими снотолкователями, въ другихъ—большое различіе.

Въ послѣднихъ трудахъ г. Романова, напечатанныхъ въ «Этнографическомъ Обзорѣніи», рецензентъ замѣчаетъ новыя, сравнительно съ «Бѣлорусскимъ Сборникомъ», и крупныя достоинства.

В. Я.

Извѣстія Импер. Общ. Любит. естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Томъ LXXXIII. Труды Географическаго Отдѣленія. Выпускъ I. А. Н. Красновъ. Главныя степи сѣвернаго полушарія. Москва. 1894.

Относительно происхожденія степей до сихъ поръ господствовала климатическая теорія, а именно главною причиною безлѣсія степей считалась сухость климата; послѣдователи этой теоріи видѣли въ увеличеніи сухости воздуха условіе для распространенія степей внутрь лѣсной области, побѣды степи надъ лѣсомъ; многіе изъ нихъ въ уничтоженіи лѣса видѣли также причину увеличенія сухости воздуха. Попадающіеся повсюду въ степной области лѣсные острова подали поводъ къ полемикѣ о томъ, не были ли нѣкогда степи Россіи сплошь покрыты лѣсомъ, не сталъ ли югъ Россіи степнымъ лишь въ позднѣйшія времена, когда кочевники выжгли лѣса. Вопросъ этотъ

и доселѣ еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Положительнымъ результатомъ этой полемики былъ только тотъ фактъ, что въ историческое время степи были степями, хотя мѣстами лѣсные оазы среди нихъ многочисленнѣе и обширнѣе, чѣмъ теперь. Неудовлетворительное положеніе вопроса о происхожденіи степей, по мнѣнію автора новаго, названнаго нами въ заголовкѣ, изслѣдованія, происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что представители различныхъ мнѣній не принимаютъ во вниманіе особенностей и свойствъ всѣхъ травяныхъ степей въ совокупности, но стараются лишь обобщить собственные наблюденія въ одной или другой мѣстности. А. Н. Красновъ, руководствуясь сравнительно-географическимъ методомъ, совершаетъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ своего рода кругосвѣтное путешествіе по степямъ, при чемъ пользуется не только существующею литературой вопроса, но и своими личными наблюденіями въ европейской и азиатской Россіи, въ Венгріи и въ Америкѣ.

Собственно югу Россіи посвящены въ диссертациі г. Краснова двѣ главы (стр. 69—113): глава 4-я (Степи центральной части Россіи или Днѣпровско-Донского междурѣчнаго пространства) и 5-я (Степи юго-западной Россіи и Галиціи); сверхъ того, въ 6-й главѣ изложены общіе выводы о характерѣ степей европейской Россіи, т. е., тоже, главнымъ образомъ, южно-русскихъ степей.

Въ историческомъ журналѣ нѣтъ надобности слѣдить за ходомъ аргументаціи спеціальной естественно-исторической диссертациі. Но южно-русскія степи служили и служатъ понынѣ ареною для исторической жизни и въ послѣднее время сдѣлались житницей Россіи; поэтому, оставляя спеціалистамъ рѣшающее слово о методологической сторонѣ изслѣдованія г. Краснова, изложимъ здѣсь лишь общіе выводы, къ которымъ онъ приходитъ; считаемъ это тѣмъ умѣстнѣе, что они отличаются самостоятельностью и идутъ въ разрѣзъ съ господствующими теоріями.

Главною характерною чертою русскихъ степей, точно также, какъ и всѣхъ травяныхъ степей вообще, г. Красновъ признаетъ ихъ полную равнинность; въ этой послѣдней и въ отсутствіи легкаго и быстраго стока водъ онъ видитъ и причину происхожденія степей и ихъ безлѣсія; развѣ только рельефъ мѣстности дѣлается изрѣзаннымъ, холмистымъ, изрытымъ оврагами,—является лѣсъ, и лѣсовъ бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ неровнѣе, изрытѣе мѣстность. Ровный, не изрѣзанный, лишенный дренажа рельефъ безлѣсной степи онъ почитаетъ первичнымъ, неизмѣненнымъ остаткомъ тѣхъ условій, въ которыхъ

должна была находиться большая часть наших степей, дающих картину далекаго прошлаго русской равнины; съ появленіемъ балокъ появляются лѣса; эти, измѣненныя балками и рошами, степи авторъ называетъ вторичными; обликъ ихъ носятъ большая часть территоріи русской равнины. Сухость воздуха, по его мнѣнію, не оказываетъ существеннаго вліянія на безлѣсіе степи: тамъ, гдѣ отъ засухи не растетъ дерево, не можетъ расти и трава.

В. Я.

Baron de Bay. Rapport sur le Congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893.

Baron de Bay. Souvenir du congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893.

Baron de Bay. La bijouterie des goths en Russie. P. 1892.

Baron de Bay. Rapport sur les découvertes faites par M. Savenkov dans la Sibirie orientale. P. 1894.

Баронъ де Бай принадлежитъ къ числу западноевропейскихъ ученыхъ, наиболѣе интересующихся Россіей, и его имя, благодаря частымъ его путешествіямъ и участію въ русскихъ археологическихъ сѣздахъ, приобрѣло у насъ въ послѣднее время уже очень почетную извѣстность. Будучи официальнымъ представителемъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія на послѣднемъ антрополого-археологическомъ сѣздѣ въ Москвѣ, онъ опубликовалъ свой отчетъ объ немъ, а также и читавныя пизъ рефераты. Въ отчетѣ этомъ, излагая болѣе или менѣе подробно наиболѣе важныя сообщенія, относившіяся къ допсторическому періоду, онъ особенно останавливается на рефератѣ графа Бобринскаго о его раскопкахъ такъ называемыхъ кургановъ скифскаго типа, доказывающихъ несомнѣнно восточный характеръ скифскаго искусства въ Южной Россіи. Кромѣ того, онъ обращаетъ особое вниманіе на коллекцію проф. Самоквасова и выражаетъ сожалѣніе, что этотъ ученый не сдѣлалъ на сѣздѣ никакого сообщенія о своихъ раскопкахъ. Въ своихъ собственныхъ рефератахъ Баронъ де Бай занимается главнымъ образомъ значеніемъ нѣкоторыхъ южно-русскихъ находокъ въ вопросѣ о передвиженіи готскаго искусства съ востока на западъ и о восточномъ происхожденіи *orfèvrerie cloisonnée*. Этому вопросу посвящена также и отдѣльная работа *La bijouterie des goths en Russie*, напечатанная въ Мемуарахъ Общества французскихъ Антикваріевъ. Въ ней авторъ обращаетъ вни-

маніе на прозведенія варварскаго, какъ называютъ въ Западной Европѣ, или меровингскаго, какъ называли въ Россіи, искусства главнымъ образомъ, на фибулѣ, найденнымъ въ Крыму, къ которымъ въ послѣдствіи присоединялись подобныя же находки на сѣверномъ Кавказѣ и въ Украинѣ, а именно въ Харьковской губ. (упоминаемыя въ известномъ сочиненіи Chantre'a о раскопкахъ на Кавказѣ), возлѣ Таганрога (въ 1868 г. при проведеніи Курско-Харьк. Азов. жел. дор.), затѣмъ возлѣ Нѣжина Черниговской губ. и, наконецъ, въ окрестностяхъ Кіева (двѣ послѣднія фибулы хранятся въ Эрмитажѣ и описаны въ *Русскихъ Древностяхъ* гг. Толстого и Кондакова). Этотъ рядъ находокъ и ихъ географическое распредѣленіе указываетъ, по мнѣнію автора, на постепенное передвиженіе *orfèvrerie cloisonnée* съ Востока на Западъ и на его чисто готскій характеръ.

Брошюра барона де Бая объ открытіяхъ г. Савенкова въ Восточной Сибири представляетъ собою докладъ, сдѣланный объ этихъ дѣйствительно чрезвычайно важныхъ находкахъ французской Академіи Наукъ. Въ ней онъ сжато и съ большою ясностью сообщаетъ сущность и значеніе этихъ открытій, указывающихъ на существованіе въ Сибири челоуѣка въ диллювіальный періодъ, что до сихъ поръ подвергалось очень большимъ сомнѣніямъ. Нахожденіе характерныхъ каменныхъ орудій очень древняго типа вмѣстѣ съ расколотыми костями мамонта и другихъ животныхъ послѣ-третичной эпохи доказываетъ несомнѣнно это существованіе. Сообщая затѣмъ объ открытіи очень интересныхъ скульптурныхъ изображеній лоса возлѣ дер. Назанки, авторъ путемъ очень удачнаго сопоставленія съ персидскими бронзовыми фигурками объясняетъ значеніе найденной вмѣстѣ съ изображеніями лоса тоже костяной статуэтки съ птичьей головой. Но мы не знаемъ, не слишкомъ ли далеко заходитъ авторъ въ этомъ сравненіи, не только предполагая, что эта статуэтка служила идоломъ, но находя возможнымъ видѣть въ этомъ произведеніи каменнаго вѣка «выраженіе той религіозной концепціи, которую обыкновенно считаютъ относящейся только къ эпохѣ появленія металловъ»? Во всякомъ случаѣ брошюра даетъ очень полное понятіе объ упомянутыхъ сибирскихъ находкахъ и ихъ значеніи, чему много помогаютъ кромѣ ясности изложенія и четыре превосходно исполненныя фототипическія таблицы, изображающія найденныя г. Савенковымъ каменные орудія и костяныя статуэтки.

Ф. В.

Paul Sébillot. Les travaux publics et les mines dans les traditions et les superstitions de tous les pays. Paris, 1894 (623 стр. — 434 рис.)

Извѣстные обряды при началѣ построекъ и легенды объ участіи сверхъестественныхъ силъ въ созданіи разныхъ сооружений, поражающихъ воображеніе примитивныхъ народовъ, не составляютъ, какъ извѣстно, особенности какой-нибудь націи, а распространены повсюду. Очень объемистая и чрезвычайно роскошно изданная книга извѣстнаго французскаго фольклориста Поля Себилло пмѣтеть поэтому общій интересъ, представляя собою, сколько намъ извѣстно, первую попытку по возможности полного и систематическаго сборника легендъ, повѣрій и предрасудковъ, относящихся къ дорогамъ, мостамъ, желѣзнымъ путямъ, каналамъ, шахтамъ и горнымъ работамъ. Пользуясь цѣлой массой свѣдѣній, до сихъ поръ неизданныхъ или помѣщавшихся въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ въ *Revue des Traditions populaires*, а также и обширнымъ литературнымъ матеріаломъ, ученый авторъ достигъ не только замѣчательной полноты своего труда, но и далъ ему извѣстный культурно-историческій характеръ. Относительно дорогъ и мостовъ онъ приводитъ цѣлый рядъ обрядовъ при постройкѣ, предавій и легендъ объ сооруженіи, существовавшихъ и теперь существующія къ нимъ загадки пословицы и поговорки. Въ главахъ, относящихся къ водянымъ путямъ сообщенія, онъ сообщаетъ также большое количество легендъ объ участіи при постройкѣ ихъ добрыхъ и злыхъ духовъ и т. п. Во второй части книги, посвященной рудникамъ и горному дѣлу, очень тщательно разработаны главы объ открытіи минеральныхъ залежей при помощи извѣстной палочки, о происхожденіи металловъ по народнымъ представленіямъ и т. п. Въ каждой главѣ этого обстоятельнаго сочиненія читатель найдетъ кромѣ фактовъ и попытки объясненія приводимыхъ авторомъ легендъ и предрасудковъ, изслѣдованія о началѣ и развитіи извѣстныхъ вѣрованій, ихъ миграціяхъ и переживаніяхъ.

Занимая высокое положеніе Начальника Канцеляріи и персонала Министерства публичныхъ работъ, почти соотвѣтствующаго нашему Министерству Путей Сообщенія, г. Себилло воспользовался этимъ, чтобъ собрать въ бібліотекахъ и архивахъ разныхъ учреждений большое количество чрезвычайно рѣдкихъ и очень интересныхъ гравюръ, рисунковъ, моделей и т. п., которые, дополняя текстъ, дѣлаютъ его книгу очень важнымъ пособіемъ для всѣхъ, занимающихся этнологіей и исторіей культуры вообще. Для насъ въ частности эта

книга имѣеть еще и тотъ интересъ, что авторъ ея довольно широко и добросовѣстно воспользовался между прочимъ и малорусскими источниками. Въ каждой главѣ можно встрѣтить ссылки на этнографическіе сборники Чубинскаго, Номиса, Драгоманова, Манжуры (въ Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологич. Общества), Харьковскій Сборникъ издав. Статист. Комитетомъ и пр. Къ сожалѣнію, большое количество рисунковъ и роскошь изданія сдѣлали цѣну этой книги (40 фр.) не вполне доступной.

Ф. В.

Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществaxъ Черниговской губерніи. Составлена Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства А. М. Марковичемъ въ 1838 г. Издана Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства Графомъ Гр. А. Милорадовичемъ. Черниговъ. 1894. 16 д. л. 56 страницъ.

Настоящая «Записка» напечатана въ первый разъ въ 1841 г. въ «Матеріалахъ для статистики Россійской Имперіи, изд. при статистическомъ отдѣленіи Министерства Внутреннихъ дѣлъ» (т. II, отд. IV, 25 стр.) и по чрезвычайной рѣдкости этой книги (сгорѣвшей при пожарѣ 1862 г., вмѣстѣ съ многими другими изданіями министерства внутреннихъ дѣлъ) перепечатана гр. Гр. А. Милорадовичемъ въ Черниговск. Губ. Вѣд. за настоящій годъ и въ отдѣльныхъ оттискахъ¹⁾. Переизданная «Записка» представляетъ собою замѣчательную работу для своего времени. Авторъ ея А. М. Марковичъ (1790—1865), занимая два трехлѣтія (1832—1838) должность Черниговскаго губернскаго предводителя, добросовѣстно изучалъ за это время архивъ Черниговскаго дворянскаго собранія и находящіеся въ немъ матеріалы для исторіи малорусскаго дворянства, при чемъ плодомъ этого изученія и явилась настоящая «Записка». Исторію малорусскаго дворянства авторъ хотя и ведетъ съ отдаленнаго времени, но старается основываться только на достовѣрныхъ фактахъ.—«Почти всѣ дворянскіе роды Черниговской губерніи ведутъ свое начало или со времени присоединенія Малороссіи въ Польшѣ или со времени возвра-

¹⁾ Кроме того „Записка“ перепечатана и въ Черниговскомъ Календарѣ на настоящій годъ, озаглавленномъ — „Черниговская памятка. Справочная книжка на 1894—95 годъ“, стр. 59—114.

щенія первой къ Россіи, а это еще не доказываетъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не были древнѣе.... Доказательствомъ, что нѣкоторые дворянскіе нынѣ существующіе роды ведутъ свое начало отъ временъ, предшествовавшихъ завоеванію, (польскому?), служатъ находящіеся въ дѣлахъ (хотя и немногихъ) подтвердительные на шгѣнія польскіе акты, въ которыхъ говорится, что при отдачѣ или размежеваніи тѣхъ имѣній владѣльцы представляли польскимъ комиссарамъ грамоты отъ великихъ князей русскихъ предкамъ на ихъ добра наданныя. При разборѣ правъ на дворянство были представляемы и другія свидѣтельства о древности происхожденія, *но строгая историческая критика не можетъ признать ихъ основательными*..... Далѣе авторъ, между прочимъ, обстоятельно рассказываетъ о дѣятельности тѣхъ «комиссій дворянскихъ» которымъ послѣ открытія намѣстничества порученъ былъ «разборъ дворянства». Всѣ свѣдѣнія о любопытной дѣятельности этихъ комиссій авторъ извлекъ изъ архивныхъ дѣлъ, и мы, видѣвъ всю массу подготовительныхъ работъ А. М. Марковича для «Записки о дворянскомъ сословіи» въ черновыхъ его бумагахъ, можемъ только лишній разъ свидѣтельствовать о той замѣчательной добросовѣстности, съ которою этотъ человѣкъ относился ко всякому интересовавшему его дѣлу. Пользуясь оставшимися послѣ А. М. Марковича бумагами, мы намѣрены въ другомъ мѣстѣ подробнѣе поговорить какъ о «запискѣ», такъ и о другихъ его учено-литературныхъ работахъ, дающихъ Марковичу довольно видное мѣсто среди прежнихъ изыскателей малорусской старины.

А. Л.

Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи. Изслѣдованіе И. А. Зарѣцкаго. Изданіе Полтавскаго Губернскаго Земства. Полтава. 1894. 8 д. л. 126 стр. съ таблицами и рисунками.

Изслѣдованіе г. Зарѣцкаго, произведенное и написанное по порученію Полтавскаго губернскаго земства, представляетъ собою почтенную работу, указывающую на жизненность поставленныхъ полтавскимъ земствомъ задачъ по изслѣдованію трудового народнаго быта. «Моя собственная цѣль и интересъ изслѣдованія», говоритъ г. Зарѣцкій, заключалась въ томъ, чтобы «прослѣдить, главнымъ образомъ, возможную генетическую связь нынѣшняго гончарства съ гончарствомъ доисторическихъ временъ путемъ изученія современной техники, инструментовъ и орудій, употребляемыхъ гончарами, формъ и орнамен-

тики гончарныхъ произведеній и сохранившихся обычаевъ и преданій, относящихся къ гончарству...» Если эта задача изслѣдователемъ и не совсѣмъ выполнена, то во всякомъ случаѣ имъ собрано много матеріала для продолжателей хорошо начатой работы. Книжка г. Зарѣцкаго состоитъ изъ трехъ главъ: 1) Матеріаль, приспособленія, орудія и инструменты гончарнаго производства; 2) Техника по изготовленію и орнаментациі издѣлій, матеріалы и готовныя издѣлія и 3) Экономическія и прочія условія гончарства.

Село Зуевцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Историко-этнографическій очеркъ Т. М. Устименки. (Приложеніе къ отчету Миргородской Уѣздной Земской Управы за 1893 г.) Полтава. 1894.

8 д. л. 131 стр.

Книжка г. Устименки вызвана на свѣтъ Божій, какъ видно, то же дѣятельностью одного изъ полтавскихъ земствъ... Посвящена она главнымъ образомъ изслѣдованію экономической жизни народа, при чемъ авторъ, будучи близко знакомъ съ этою жизнью, сообщаетъ массу цѣнныхъ свѣдѣній изъ видовзмѣненій народнаго труда; особенно интересны въ книжкѣ г. Устименки свѣдѣнія о «щетивникахъ», представляющихъ собою малороссійскихъ коробейниковъ или офеней. Отдавая полную справедливость труду г. Устименки, намъ кажется, что такіе очерки, какой представленъ въ настоящей книжкѣ, полезнѣе было бы составлять не по отдѣльнымъ селамъ, а по отдѣльнымъ мѣстностямъ уѣзда, представляющихъ общность условій экономической жизни. Такіе очерки были бы и полезнѣе и интереснѣе, касаясь не одного села, а цѣлой ихъ группы.

Новый отечественный курортъ. (По р. Днѣстру.—Историческое «Побережье» Подоліи.—Мѣстечко Каменки). Одесса, 1894. 16 д. л. 16 стр.

Настоящая брошюра г. Модеста Боровиковскаго первоначально была напечатана въ «Одесскихъ Новостяхъ», а затѣмъ отпечатана отдѣльно съ дополненіями. Въ брошюркѣ этой заключается довольно любопытный очеркъ по-Днѣстровья, начиная отъ Дубоссаръ до Могилева-Подольскаго, и затѣмъ—м. Каменки, принадлежащей кн. Витгенштейну.

Родословная Князей Святополкъ на Четвертнх Четвертинскихъ. Житомиръ. 1892. 8 д. л. 36 стр. и генеалогическая таблица.

Этой книжки мы не видали и ни въ какихъ бібліографическихъ указателяхъ пзвѣстія о ней не встрѣчали; заглавіе ея сообщено намъ однимъ бібліофиломъ и мы заносимъ голое свѣдѣніе объ этой брошюрѣ на страницы нашего журнала до полученія о ней болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній.

Старинные документы на владѣніе землями г. Кіева, доставленные кіевскимъ городскимъ землемроу И. Д. Таировымъ и напечатанные по резолюціи, положенной 20 іюля 1894 г. кіевскимъ городскимъ головою д. с. с. С. М. Сольскимъ. К. 1894 (стр. 88).

Названная брошюра издана по распоряженію кіевского городского головы, если не ошибаемся, для доказательства правъ города на нѣкоторыя спорныя земли; но, помимо этого практическаго значенія, она представляетъ интересъ, какъ собраніе историческихъ матеріаловъ. Въ ней помѣщено всего три документа: 1) ограниченіе земель кіевского магистрата съ землями кырилловскаго монастыря 1767 г. (стр. 3—30); 2) описаніе выгоннаго плана г. Кіева 1788 г. (стр. 31—75) и 3) переписка, вызванная указомъ Пр. Сената о надѣленіи Кіева выгонною землею 1834 г. (стр. 77—88).

Наибольшій интересъ представляетъ первый документъ. Въ немъ изложена по современнымъ актамъ исторія земельныхъ споровъ между кіевскимъ магистратомъ и кырилловскимъ монастыремъ, споровъ, тянувшихся около 80 лѣтъ—съ 1689 по 1767 г. Два документа, относящіеся къ этому дѣлу, напечатаны въ «Сборникѣ матеріаловъ для историческ. топографіи г. Кіева»; въ настоящаго изданія мы узнаемъ весь ходъ дѣла. Предметомъ спора служили сѣнокосы и другія угодья въ окрестностяхъ Кіева (на Сырцѣ, Оболонн, Щекавицѣ, Юрковцѣ). Дѣло началось въ 7197 (1689) г. по взаимнымъ жалобамъ кіевского войта Ивана Быковского и игумена кырилловскаго монастыря Иннокентіи (Монастырскаго). Въ слѣдующемъ году кіевскій воевода кн. Ромодановскій, исполняя высочайшій указъ, поручилъ дьяку Алферьеву произвести размежеваніе спорныхъ земель. Но магистратъ остался недоволенъ «дуктомъ» Алферьева, и вслѣдствіе его протеста въ 1700 г. кіевскому губернатору Фамендину и гетману Мазепѣ, предписано было произвести новое размежеваніе. Въ

1701 назначена была комиссія изъ генеральной старшины подъ предсѣдательствомъ ген. судьи В. Л. Кочубея съ участіемъ командированнаго Фамендинымъ подп. Балабанова; комиссія эта уничтожила алферьевскій дукъ и произвела новое размежеваніе¹⁾. Не смотря на новыя жалобы кирилловскаго монастыря, рѣшеніе комиссії было подтверждено въ 1715 гетм. Скоропадскимъ²⁾. Но монастырь продолжалъ добиваться обладанія спорными землями. Назначено было еще двѣ комиссіи (время въ документѣ не указано); одна изъ нихъ (киевскій эсаулъ Матвѣй Шумъ съ товарищи) рѣшила дѣло въ пользу монастыря; другая (перяславскій полковой писарь Якимъ Коневскій и сотникъ Концевичъ) даже не явилась въ Кіевъ. Наконецъ, въ 1767 г. по распоряженію малороссійской коллегіи и киевскаго генерал-губернатора Воейкова дѣло передано было въ козелецкій подкоморскій судъ. Подкоморій Солонина въ присутствіи командированнаго Воейковымъ подп. Панина и представителей тяжущихся сторонъ, кирилловскаго эконома іером. Наанаила и киевскаго райды Герасима Кувичинскаго, рассмотрѣвъ представленные сторонами документы, пришелъ къ тому заключенію, что «хотя по тѣмъ вѣрностямъ... тѣмъ спорнымъ землямъ граничныя земли и урочща значатся, но какъ объ нихъ за многопрошедшимъ временемъ и давностію совершенно признать, паче-жъ всего ведлугъ права... ведающихъ совершенно проныя старожилыхъ людей представить невозможно», то удобнѣе произвести новое размежеваніе по взаимному соглашенію, что и было исполнено. Такую уступчивость кирилловскаго монастыря можно объяснить тогдашними обстоятельствами — готовившимся отобраніемъ монастырскихъ имуществъ. Впрочемъ Закревскій, пользовавшійся архивомъ киев. дух. консисторіи, говоритъ, что тяжба продолжалась до самаго уничтоженія монастыря (1787)³⁾.

Кромѣ самаго процесса, представляютъ интересъ самыя акты, приводимыя въ документѣ въ сокращенномъ изложеніи или *in extenso* Таковы: «описаніе границъ и грунта монастыря св. Кирила киевскаго», учиненное 2 декабря 1539 Собестіаномъ Яблонскимъ, маршалкомъ воеводства киевскаго, Иваномъ Волковичемъ, намесникомъ киевскимъ, и Василюмъ Панковичемъ земениномъ господарскимъ по-

¹⁾ Рѣшеніе этой комиссії напечатано въ „Об. матер. для ист. топогр. Кіева“ III, 125—133.

²⁾ Листъ Скоропадскаго къ генер. хорунжему Сулимѣ см. тамъ же III, 151—153.

³⁾ Описаніе Кіева I, 356.

вѣту кievскаго (стр. 6—7); «привилей Жигимонта Ш» 1619 февр. 15, которыми онъ надаеъ мѣщанамъ кievскимъ «грунткѣ его королевскій, то есть гору Щековицу» (15); два листа свѣдочныхъ, данныхъ въ королевскій монастырь отъ войта кievскаго Якова Балыки съ 42 чел. и отъ 30 чел. обывателей 1617 г. октябрю 9 (7); дуетъ Алферьева 21 сент. 1691 съ подробнымъ описаніемъ границъ (10—15); универсалъ гетм. Мазены 1700 іюля 19 мѣщанамъ кievскимъ на с. Преварку, острова Осотщину, Трухановъ, Муромецъ, Шковицу и земля къ ней належныя (18); наконецъ, послѣднее разграниченіе¹⁾ 1767 г. (21—30).

Въ приводимыхъ актахъ встрѣчаются названія многихъ урочищъ, могущія нѣсколько пополнить свѣдѣніи о топографіи стариннаго Кіева: такъ упоминается два взвоза съ Подола на гору—Чвирдинъ по горамъ Шковицѣ и Лисой къ Бѣлгородкѣ и Никольскій Старинный, повидимому у кирил. монастыря (23), Чортова долина у Кудрявца (11), тамъ же долина Хвощева, Поганья лозы, Святожицкій боръ (11), Рогатинская земля на Сырцѣ, урочища Пуппиче—«болото багнистое» у устья Сырца, «смуговина Турецъ» у Іорданскаго озера (12, 13, 22) и др.

Два другіе документа представляютъ меньшій интересъ. Описание выгоннаго плана²⁾ заключаетъ точное исчисленіе городской земли удобной и неудобной при надѣленіи города выгонною землею на основаніи межевой инструкціи. Здѣсь же приведены интересныя цифры населенія города съ распределеніемъ жителей по сословіямъ (32—33 и вторично 71—72) и населенія нѣкоторыхъ подгородныхъ селеній (65—68). Третій документъ заключаетъ исторію надѣленія Кіева въ 20 и 30 годахъ выгонною землею, взятою отъ окрестныхъ селеній. При этомъ пришлось жителей д. Шулявщины переселить въ Бѣлгородку, а жителей другихъ семи селеній вознаграждать за отходящую землю изъ другихъ казенныхъ земель; жители Звѣринца и Деміевки не получили никакого вознагражденія какъ по недостатку свободныхъ земель, такъ и потому, что они занимаются городскими промыслами, почему имъ и разрѣшено приписываться въ мѣщане. Рѣшеніе это долго не могло быть приведено въ исполненіе за не-

¹⁾ При послѣднемъ разграниченіи было насипано въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько кургановъ, въ которые положено уложить, а въ нѣкоторые скла и жуземца—обстоятельство, которое можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ при раскопкѣ.

²⁾ Это тотъ самый документъ, о которомъ упомянуто въ замѣткѣ О. А. въ предыдущей книгѣ „К. Ст.“

имѣніемъ Высочайше утвержденнаго плана Кіева, который былъ утвержденъ только въ 1833 г.

Таково содержаніе сборника. Не смотря на небольшой объемъ, онъ заключаетъ много интереснаго матеріала для мѣстной исторіи. Можно пожелать, чтобы городское управленіе не ограничилось однимъ выпускомъ и издало и другіе имѣющіеся у него старинныя документы и, въ особенности, старыя планы города, если они сохранились.

В. Щербина.

Обозрѣніе журналовъ за 1894 годъ.

Восходъ. 1894 г., №№ 1—11.

№ 3. *Статья А. Гаркави «Историческая справка о синагогахъ и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ въ Россіи до царствованія императора Александра II», стр. 54—76.* Здѣсь помѣщены свѣдѣнія: о луцкихъ синагогахъ въ 1505 году и о разрушеніи синагогъ въ разныхъ мѣстностяхъ Литвы во время возстанія Хмельницкаго, при чемъ число разрушенныхъ и сожженныхъ синагогъ, по памятникамъ того времени, простиралось до 1800.

№ 4. *Статья С. Дубнова «Областные кагалъные сеймы въ воеводствахъ Волынскомъ и въ Бѣлоруссіи (1666—1764)», стр. 25—44.* Свѣдѣнія «о Волынскомъ Кагалномъ Сеймѣ иля Волынской Синагогѣ» заимствованы большею частью изъ статьи Бершадскаго «Матеріалы для исторіи евреевъ въ юго-западной Россіи и Литвѣ», помѣщенной въ «Еврейской Библіотекѣ», томъ VIII.

— *Статья И. Блюменфельда «Письма изъ еврейскихъ Колоній Херсонской губерніи», стр. 1—12,* заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о хозяйствѣ въ еврейскихъ колоніяхъ Херсонскаго и Елисаветградскаго уѣздовъ, за 1892 г.

— Библиографическая статья Критикуса о книгѣ С. Л. Сулимы—*Historia Franca i frankistow*, изданной въ 1893 г. въ Краковѣ.

№ 8. *Статья М. П. «Въ вопросу объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Западныхъ губерніяхъ», стр. 1—20.* «Цѣль настоящаго очерка заключается въ томъ, чтобы провѣрить на основаніи новыхъ данныхъ, что измѣнилось за истекшія 25 лѣтъ въ экономическомъ положеніи русскихъ евреевъ».

№ 10. *Статья С. Дубнова «Еврейская старина въ г. Острогѣ (Волынской губерніи), 1532—1792 г.», стр. 1—21.* Возникновеніе еврейской общины въ г. Острогѣ авторъ относитъ къ концу XIV в., «когда центромъ еврейскихъ поселеній на Волыни сталъ г. Луцкъ, къ повѣту котораго

Острогъ въ послѣдствіи причислялся. Въ опубликованныхъ актахъ свѣдѣнія объ острожскихъ евреяхъ встрѣчаются впервые, на сколько намъ извѣстно, подъ 1539 годомъ; главнымъ промысломъ ихъ, а равно и сосѣднихъ Лубенскихъ и винницкихъ евреевъ, была тогда торговля рогатымъ скотомъ, который доставлялся ими въ большыя количества изъ Валахіи... Интересны свѣдѣнія о разореніи Острога во время козацкаго возстанія, 1648—50 г., когда изъ многихъ сотенъ еврейскихъ домовъ въ Острогѣ осталось только пять.

Русскій Архивъ 1894 г., № 1—11.

№ 1. *Статья М. Ф. Шугурова «Исторія евреевъ въ Россіи»*, причемъ въ предисловіи приложена краткая біографія автора, «сызъ дворянъ Черниговской губерніи», умершаго въ апрѣлѣ 1891 года. Въ статьѣ заключаются свѣдѣнія о евреяхъ, жившихъ въ Малороссіи въ XVII и XVIII в.

№ 6. *Письмо архимандрита (позднѣ архіепископа Херсонскаго) Иннокентія Борисова къ М. А. Максимовичу*, стр. 297—298..... «Жалкая участь крестьянъ въ Малой Россіи неудивительно, что возбуждаетъ въ васъ слезы и желчь; я очень хорошо знаю и быть крестьянъ, которые помѣщиками считаются за простую вещь, насколько онъ тяжелъ, и пылкость и чувствительность вашего великодушнаго и филантропическаго характера. Зло это тяжелое и совершенно несогласное съ нашимъ временемъ... И потому всѣ добрые и великодушные люди должны скорбѣть а немъ, тѣмъ болѣе, что не существуетъ надежды въ скорости уврачевать это зло»...

№ 8. Изъ бумагъ В. М. Лазаревскаго: I. «Мое знакомство съ Далемъ. II. Переписка съ Далемъ. Стр. 537—580. Изъ краткаго біографическаго очерка В. М. Л—аго (1817+1890) и перечисленія его литературныхъ трудовъ видно, что Л—ій занимался также и составленіемъ Малороссійско-русскаго Словаря и собранные имъ матеріалы для этого труда находятся въ порядкѣ, въ оставшихся послѣ него бумагахъ».

№ 10. *Статья М. Плохинскаго «Поселеніе Грузинъ въ Малороссіи. (Историческій очеркъ)»*, стр. 225—237. Статья написана по архивнымъ источникамъ (Харьковскаго историческаго архива, бывш. архива Малорос. Генер. Канцеляріи) и составляетъ собою перепечатку статьи, напечатанной въ 1893 г., въ Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, (т. V, стр. 1—22), съ приложеніями, которыхъ въ русскомъ Архивѣ нѣтъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи 1894 г. №№ 1—11.

№№ 1—2. *Статья Ф. П. Титова, Θεоктистъ Мочульскій, архіепископъ Курскій стр. 53—93 и 217—241.* Θεоктистъ М—ій (1732+1818 г.) былъ послѣдовательно настоятелемъ монастырей: Глуховскаго, Петронавловскаго, Гамалѣвскаго Харлампіева, Кіевскаго Михайловскаго, Ростовскаго Яковлевскаго, Полтавскаго Крестовоздвиженскаго и Тверскаго Колязина, а затѣмъ, епископомъ

Сѣвскимъ и Брянскимъ (1784—1787) и Бѣлгородско-Обоянскимъ и Бѣлгородско-Курскимъ (1787—1818). Статья г. Титова представляетъ собою компиляцію, въ которой заключаются извлеченныя изъ печатныхъ источниковъ свѣдѣнія о Харьковскомъ Коллегіумѣ, о Бѣлгородской Семинаріи и о дуборческой сектѣ, возникшей въ пол. XVIII в., въ с. Олочемъ Харьковской губ.

№ 1. *Статья Л. Мацневича «Неизданныя стихотворенія архієпископа Георгія Конисскаго», стр. 127—143.* Стихотворенія состоятъ изъ надписей къ иконамъ, находящимся въ церкви загородной дачи Могилевскаго архієрейскаго дома, называемой *Печерскъ*. Авторъ статьи между прочимъ упоминаетъ, что въ февралѣ 1895 г. наступитъ столѣтіе со дня кончины Георгія Конисскаго и находитъ, что полное изданіе его сочиненій «въ нихъ подлинномъ, а не подновленномъ текстѣ, было бы особенно кстати теперь».

№№ 2, 3 и 4, *статья Н. И. Петрова «Западно-русскія полемическія сочиненія», стр. 154—186, 343—383 и 510—535.* Подробное перечисленіе Западно-русскихъ полемическихъ сочиненій XVI в., найденныхъ въ одномъ изъ сборниковъ Кіевского Михайловскаго монастыря, списаннаго съ сборника Супрасльскаго монастыря XVI в. Здѣсь же заключеніе о значеніи «скромныхъ заслугъ для православія со стороны Супрасльскаго монастыря, который имѣлъ посредствующее значеніе между древне-русской полемикой съ латинянами и между южно-русской ученой полемикой, начавшейся съ конца XVI вѣка. Пользуясь верѣдко въ своихъ сочиненіяхъ древне-русскою полемикою противъ латинянъ, полемисты Супрасльскаго монастыря въ тоже время впервые обратили свое вниманіе на изученіе католичества по католическимъ же источникамъ и тѣмъ проложили пути слѣдовавшей за нею южно-русской ученой полемической литературѣ съ латинянами».

№№ 6 и 7, *статья Ѳ. И. Титова «Митрополитъ Макарій Булаковъ», стр. 217—256 и 384—425.* Статья Ѳ. И. Титова заключаетъ въ себѣ полную біографію ученаго митрополита, причемъ въ указанныхъ двухъ номерахъ помѣщены двѣ главы, относящіяся къ пребыванію М. Макарія въ Кіевской Духовной Академіи, сначала — «въ годы академическаго образованія», а затѣмъ — «въ должности бакалавра Кіевской духовной академіи и ректора Кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ.» Г. Титовъ для своего труда пользовался, кромѣ печатныхъ источниковъ, и архивомъ Кіевской духовной академіи.

№№ 6, 7 и 10, *статья прот. П. Орловскаго «Матеріалы для біографіи Кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго» стр. 280—323, 479—485 и 301—322.* М. Арсеній Могилянскій (р. 1704—1770) «двѣнадцатилѣтнее управленіе Кіевской Епархіей (1758—1770) ознаменовалъ (1 заботливостью о защитѣ отъ расхищенія земельныхъ угодій, которыя принадлежали православнымъ монастырямъ и церквамъ, находившимся въ бывшемъ

Служкомъ княжествъ; 2) содѣйствіемъ Бѣлорусскому епископу Георгію Конискому въ зашитѣ православія, преслѣдуемаго въ Польшѣ; 3) учрежденіемъ въ Кіевской Епархіи особливаго кошельковаго сбора для вспомошествованія заграничнымъ благочестивымъ монастырямъ и церквамъ; 4) распоряженіемъ о составленіи описанія этихъ монастырей, ихъ фундушей и средствъ къ содержанію, а также вѣдомостей о монашествующемъ и бѣломъ духовенствѣ; 5) распределеніемъ между Кіевскими и Заднѣпровскими монастырями налога для содержанія чиновниковъ Кіевской консисторіи и митрополичьей канцеляріи; 6) заботливостью о благосостояніи Кіевской академіи; 7) изысканіемъ средствъ къ благоустройству Кіево-Софійскаго кафедральнаго монастыря; 8) учрежденіемъ особыхъ проповѣдниковъ въ г. Кіевѣ и 9) составленіемъ проэкта о правахъ и преимуществахъ малороссійскихъ монастырей и малороссійскаго духовенства. По всѣмъ этимъ девяти отдѣламъ въ трудѣ прот. Орловскаго представлены болѣе или менѣе интересныя свѣдѣнія, извлеченныя изъ архива Кіевской консисторіи. Особенно интересенъ 7-й отдѣлъ, «о приведеніи храма Кіево-Софійскаго кафедральнаго монастыря въ благолѣпный видъ»; здѣсь приведены свѣдѣнія объ участіи Запорожья въ пожертвованіяхъ на обновленіе Кіевской Св. Софіи. — «Весьма многіе изъ Запорожскихъ козаковъ въ мирное время, а особенно среди зимы, предъ наступленіемъ великаго поста, отправлялись въ украинскіе монастыри, а по преимуществу въ Кіево-Печерскую лавру и монастыри Кіево-Софійскій, Кіево-Братскій, Кіево-Михайловскій и Межигорскій, чтобы «замолить свои грѣхи». Зимой 1759 г. съ февраля до конца марта съ почетнѣйшими изъ своихъ товарищей Запорожцевъ правилъ въ Кіевѣ и кошвою атаманъ Петръ Ивановичъ Кальнишевскій. Въ это время онъ довольно часто посѣщалъ преосв. Арсенія, какъ архипастыря Запорожской сѣчи, и вошелъ съ нимъ въ дружественныя сношенія. Пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ митрополитъ Арсеній испросилъ у Кальнишевскаго дозволеніе производить въ Сѣчи постоянный ежегодный сборъ на приведеніе своей кафедральной церкви къ окончательному благолѣпію... «Въ 9-мъ отдѣлѣ любопытны свѣдѣнія о содержаніи того «проэкта о правахъ и выгодахъ малороссійскаго духовенства», который былъ составленъ по указу св. Синода въ 1767 г. для отсылки въ Московскую комиссію, о составленіи новаго уложенія. Копія сего проэкта хранится въ архивѣ Кіевской консисторіи, говоритъ авторъ. Нельзя не пожелать обнародованія этого любопытнаго труда, заключающаго въ себѣ, судя по его содержанію, драгоцѣнный матеріалъ для исторіи малорусскаго духовенства.

№ 7 и 8, статья Н. Стеллецкаго «*Странствующій украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода*», стр. 449—478 и 608—629. Довольно обстоятельная компиляція, написанная по поводу столѣтняго юбіяля,

съ цѣлю познакомить читателей съ загадочною, но несомнѣнно высокодаровитую и чрезвычайно своеобразною личностью».

№№ 10 и 11, статья Г. О. Булашева «Изъ исторіи церковно-приходскихъ школъ въ Кіевской Епархіи», стр. 205—247 и 365—444. Статья г. Булашева заключаетъ въ себѣ обстоятельный очеркъ развитія вопроса о народномъ образованіи вообще и въ частности свѣдѣнія по этому вопросу въ предѣлахъ Кіевской губерніи, съ начала настоящаго столѣтія до настоящаго времени, ... причеъ въ свѣдѣнія о церковно-приходскихъ и мивстерскихъ школахъ, сообщается большею частью еще неизвѣстный матеріалъ для исторіи вообще нашего народнаго образованія во второй половинѣ настоящаго столѣтія.

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ПОДСКАРВІЯ

ЯКОВА МАРКОВИЧА.

(1717—1767 г.г.).

Издание „Кіевской Старины“,
ПОДЪ РЕДАЦІЕЙ АЛ. ЛАЗАРЬВСЕАГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1726—1729 г.г.).

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1895.

Предисловіе.

Вторая часть „Дневника“ заключаетъ въ себѣ четыре (1726—1729) года.—Весь 1726-й годъ занятъ свѣдѣніями о томъ Сулацкомъ походѣ, въ который Марковичъ отправился въ маѣ 1725 г. и изъ котораго вернулся въ мартѣ 1727 г.—Поживъ дома до декабря этого года, Марковичъ отправился въ Москву, помогать отцу—защищаться противъ жалобъ лубенскихъ полчанъ и нападоу новопоставленнаго гетмана Апостола. Въ Москвѣ Марковичъ прожилъ почти полтора года, до іюня 1729 г., записавъ за это время въ свой дневникъ немало любопытныхъ чертъ—какъ малороссіяне умѣли подходить къ сильнымъ міра въ столицѣ, добиваясь тѣхъ или другихъ своихъ цѣлей. Заключается эта часть „Дневника“ свѣдѣніями о смерти гетманши Скоропадской и ея похоронахъ.

Вторая часть „Дневника“ напечатана, какъ и первая, безъ какихъ либо сокращеній въ текстѣ самаго памятника; но мы исключили здѣсь всѣ тѣ переводные отрывки изъ разныхъ авторовъ, которыми Марковичъ началъ наполнять свой дневникъ съ осени 1728 г., скучая однообразіемъ своей жизни въ Москвѣ¹⁾.

---

¹⁾ См. въ текстѣ, стр. 251—257.

II

Издаваемые здѣсь четыре года „Дневника“ напечатаны въ изданіи 1859 г.—на 12-ти листахъ, разгонистой печати, (стр. 142—339 первой части), тогда какъ въ нашемъ изданіи они занимаютъ около 22-хъ листовъ; отсюда видно, какія большія сдѣланы были сокращенія и за эти годы въ первомъ изданіи.

9 сентября, 1894 г.

Ал. Лазаревскій.

хоромахъ тихъ, що надъ воду, въ правой сторонѣ, свѣтлица обернена на церковъ и посвящена, и служба Божая отправлялася протопо(но)ю отцемъ Никифоромъ и отцемъ Якимомъ. Ездилемъ у вечеру до паней и отгуду позно повернулемся.

Пятокъ. 5. Сей день былъ дождчатый и ночь, а передъ свѣтомъ примерало мало. Войтъ сварковскій, приехавши, доносилъ, что гайдукъ Иванъ взялъ зъ села 10 подводъ сварковскихъ и козака сварковского жъ въ пристаиви по дрова до двору ясеневед. Зъ Крисіокъ, отъ господара, получилиемъ вѣдомость збору годового денежного зъ селянъ 95 р. 60 сор., да что на село Криски вложено порцѣй 8, рацѣй полъ 8.

Субота. 6. Сей день былъ сухій зъ малимъ морозцемъ, а ночь холоднѣйшая, суха. Обѣдалисмо у князя, затимъ что синъ его Николай именинникъ, и упіяхомся. Полковника Миргородского п. Павла жена поехала къ нему отсюду въ Москву, черезъ которого тіотка и я писали до сестри Уляни Ивановни Іа, Іа. (?) Позичилемъ швакгрови своему п. Якову Полуботку 30 р.

Неделя. 7. Сей день былъ зъ ранку тихъ и сухъ, и холоденъ, а съ полудня и до полночи дождъ велий. Швакгеръ п. Яковъ Полуботокъ, бувши у мене сегодня рано, обѣщаль скупить намъ Ерофѣя дворъ, который имѣеть въ селѣ Крискахъ, а самъ отехалъ въ Чернѣговъ. Обѣдалемъ у себе зъ родителемъ; по обѣдѣ былъ у насъ Ларскій. Подаровалисмо швакгру п. Якову Полуботку перстень шафѣровий, блакитний, чистий, болший 150 р. (?)

Понеделокъ. 8. Сей день зъ ранку мокрый и снѣжный, и дождчатый, и до вечера, а въ ночь до полночи билъ вѣтеръ великий, а зъ полночи до свѣта морозъ силний. Обѣдалисмо у себе. У князя былемъ рано. Подписалемся на картѣ Свѣдерского, стар. Оболонского, данной князю во свѣдѣтельство позиченихъ швакгромъ для Ларского грошамъ 255 р.—Моцанскій зъ Сумъ приехалъ и объявилъ, что полковница бившая дѣтей покойного брата п. Андрія не дала, и всѣ ихъ позитки зъ Будокъ къ себѣ въ Суми забрала.

Вовтор. 9. Сей день холодний и сухой. и ночь такъ же. Обѣдалисмо у тіотки. Моцанскій отправленъ въ Ромень зъ листами.

Среда 10. Сей день былъ холодный и сухой до вечера, а у вечеру и въ ночь снѣгъ ишолъ хороший, якого передъ тѣмъ такъ много не ишло еще. Мѣрочникъ зъ Туляголовъ приѣкалъ затишь, что греблю верхнюю порвало. Вылемъ у судѣ енер., где Лаврѣнъ Кодионецъ оправданіе говорилъ, и по обѣдѣ, при братови моемъ п. Марку, окончилъ. Получилемъ писмо отъ консистористовъ кіевскихъ о деньгахъ Горки, легованныхъ. Окна, чили стекла, въ окна уклеіовалъ салдаты, а мастю такою: взялъ крейди часть да пилу отъ муки въ млинѣ часть, а до того купилъ за гривню нашатиру да скопнтару, чили шпѣкнару, за 4 копѣйки, да олѣю тое розвелъ и смѣсилъ, якъ тѣсто, чимъ обмазалъ шкло. Писалимо писма отъ тіотки и отъ себе до сестри и до Александра, черезъ посланного куріера отъ князя, капрада Шликова, и волочокъ къ сестрѣ оловиний подки далемъ рожевой. Иначеи мазъ дѣлають: минѣи да блейвасу по фунту, олѣи кварту да крейди у двое или у трое болнѣ, змішавши умазати стекла.

Четвер. 11. Сей донь былъ до полудня сухъ, а снѣгъ черезъ ночь доволний найшолъ, а по обѣдѣ теплѣйшій сталъ съ туманомъ. Вылемъ у судѣ енер., где Мартинъ Кодионецъ оправданіе началъ говорить черезъ писара своего. Ездилемъ до тіотки ясноведомоной захоровавшей, послаи зубъ, на кожку и фебру. Жена взяла на покуку овса 100 р.

Пятокъ. 12. Сей день былъ холодный зъ метелицею снѣжною и ночь вѣтряная. Передъ свѣтомъ асауди бывшего енерального Василія Жуковского жена умерла. Подводъ для здешней работи зъ Крисіюкъ тамошнихъ прійшло 10. Окридловскій повернулся зъ Москви и привезлъ мѣ отъ Александра чаю фунтъ за 3 р, да писма попривозилъ отъ сестри и Петра Васил. Курбатова. Окончилъ писарь Мартина Кодица оправданіе.

Субота. 13. Сей донь былъ холоднѣи барзо, а ночь еще холоднѣйшая и свѣтлая. Преставлшуюся асаудину Марію погребено при церквѣ ст. Михайла. Алексѣй, слуга, посланъ въ Сухоносовку на мѣсто Деяна, черезъ которого послалемъ до родителей, такъ же и до Несторовича о покупке воловъ, на якіе послалемъ теперъ же

къ нему жъ 50 р., и до Демяна о прибытіи его сюда и прочемъ, противъ приказовъ данныхъ ему Демяну и Петру Кухару, передомъ посланнимъ. Ему жъ, Алексѣю, далемъ сукно карунъ и 3 р. Былемъ у тіотки и у Новоторжцова. Важили мѣдъ невипаліованую и ломъ, привезенную зъ Демяномъ и зъ Михайломъ, которой показалось пудовъ 3 безъ фунта, а въ куманахъ цѣлихъ 2-хъ, подносъ и лопатцѣ мѣднихъ, фунт. 19.

Неделя. 14. Сей день былъ холодній и ночь мало отлигла, а были свѣтліе. У тіотки немощствующой былемъ, а у вечеру къ себѣ пріехали пообѣдать, а потимъ знову у вечеру поехали, и до позна пробавилемъ.

Понеделокъ. 15. Сей день трохи отъ прежнихъ теплѣйшій, а въ ночь свѣжоѣ июль. П. Петро Апостоль пріехалъ въ Глуховъ. Купили 6 куѣ гор., по 6 и 7 р.

Вовтор. 16. День сей былъ холодній зъ свѣгомъ и ночь болше студена. Панѣ болше болна становится, отъ которой въ домъ передъ полночю повернулемся.

Среда. 17. Сей день холодній былъ, а ночь теплѣйшая, толко вѣтеръ жестокій. Тіотка немощствующая приняла маслосвятіе, исповѣдъ и причастіе ст. тайнъ. Духовній былъ отецъ Никифоръ свято-михайловскій попъ и намѣстникъ.

Четвер. 18. Сей день былъ мало теплѣйшій прежняго и ночь. Тіотка що разъ горше стала боѣтъ, а въ ночь на збитъ взнемогла и отъ полиочѣ мокрота стала ушкожатись въ горлѣ, а она забиватись временемъ. Кузничъ (?) въ Москву поехалъ.

Пятокъ. 19. Сей день былъ прежнихъ теплѣйшій трохи и ночь такъже. Тіотка моя Анастасія Скоропадская, гетшанова, сего ранку, годъ съ полночи 7 мѣнуетъ 40, временное сіе окончила житіе; боѣзнь была горячка, толко при христіанской доброй рефлексїи, ибо предъ кончиною Господа Бога отъ сердца своего призывала и наконецъ еказала: о проклятая временная жизнь, о вѣчная моя радості. Мы съ п. Михайломъ імбаръ замечатали, скринѣ зъ денгами и матеріями.

Субота. 20. Сей день такъ же былъ мало теплѣйшій отъ прежнихъ холодныхъ и ночь. Передъ службою Вожю панахиду представшей тіотцѣ отправили, и обѣдали духавенство все и зъ женъ-панѣ гетманова и наши жени. У вечеру быдемъ у князя, который показывалъ объявленіе о бывшомъ публѣчномъ обрученіи его импер. в—ва зъ свѣтлѣйшею принцессою Екатериною Алексѣевною, дочерю князь Алексѣя Григоріевича Долгорукова, 30-го ноеврія.

Неделя. 21. Сей день и ночь противъ прежнихъ были средніе. Сегодня рано, по службѣ, покойной тіотки ясновелможной тѣло въ труну вложили, чернымъ аксамитомъ зъ золотымъ пузаментомъ оббитую, и подъ балдахиномъ зъ черного сукна здѣланномъ, цугомъ лошадей, въ капахъ черныхъ, попровалили публѣчно черезъ городъ, при якой церемоніи присутствовали: гетманъ зъ гетмановою, князь Шаховскій зъ княгинею и множайшіе зъ великороссійскихъ и малороссійскихъ знатныхъ лицъ и народъ, а выпроводивши за городъ, къ Четвертенского млину недохода, вернулись. А мы поехали за тѣломъ, и приехали въ ночномъ времени къ монастыру Гамалѣевскому, где всѣ старицы зъ свѣчами вийшли противъ тѣла зъ плачемъ и воплемъ нешѣрнимъ, а тамъ такъ совокупившись, увезли тѣло въ монастырь и поставили въ трапезу, где усмотрѣли, что на правой сторонѣ, на бородѣ, красно велми, такожь и уха правого нижний кончикъ очень красенъ и уши мягки, а лице не отиѣнно нѣ въ чемъ, якуюсь вячность и ослабѣніе яко бы показуючое. Тутъ панихиду великую у вечеру отправили.

Поведолокъ. 22. Сей день противъ прежнихъ былъ, въ ночь мало снѣжокъ ишолъ. Продновалисмо тутъ въ монастырь, службу Вожю служили: протопопъ глуховской зъ попами его жъ протопопим, и обѣдали; при обѣдѣ приехали законники мутинскіе. Родителка зъ Ромна приехала сюда въ Гамалѣевку.

Вовтор. 23. Сей день противъ другихъ былъ, а ночь зъ жестокимъ морозомъ и виногодилася. Сегодня по службѣ и по панахидѣ перекусивши, отехали и приехали въ Глух. Попечатали що надлежить и намѣстницу утвердили.

Среда. 24. Сей день былъ холодный очинъ и ночь такъ же. Вокъ, докторъ, живучій въ Стародубѣ, сюда зисканный оттоль для болѣзни покойной тіотки, сказивалъ, что она умерла отъ горячки, которую називалъ *febris retesialis*. Писалисмо писмо до сестри Ульяни Ивановни въ Москву, черезъ почту, именемъ покойной тіотки, о слабости ея и для тогобъ приѣзду оной сестри сюда. Демянь приѣхалъ зъ Петромъ, вухаремъ, и дали вѣдомость привозу сюда: гусей 390, утатъ 214, курей 296, индиковъ 47, масла фасокъ 9, сира дѣжка 1, соли бочка 1, овощи сушеной мѣхъ, плахоть 6, запасокъ 9.

Четвер. Рождество Х-во. 25. Сей день былъ холодный до половины, а съ полдня отлигло до вочора, ночь была велии холодна. Вылисмо зъ поздравленіемъ у князя и у гетмана, обѣдали у себе, и съ нами п. судинная сестра, Кондзеровскій зъ женою, Гапко Глинскій, Бутураимъ и отецъ Василій. По обѣдѣ былъ Вокъ и Лука.

Пятокъ. 26. Сей день былъ мало отлигъ и свѣжокъ невеликвій ишоль, а послѣ полудня и ночь вся была жестоко холодна. Былешъ рано у князя, обѣдалемъ у себе, а род. у князя, у вечеру ездилемъ зъ п. Михайломъ на пастовникъ. По общому совѣту, прислалъ п. Кондзеровскій 4 сундучка, а пятый лицикъ, зъ межи якихъ 3 своихъ, а 2 сестринихъ зъ писмами, а прислалъ черезъ своихъ Василця да Леска.

Субота. 27. Сей день былъ жестоко холоденъ и свѣтель и ночь такъ же. Ілѣю Ржевского, приѣхавшого зъ своихъ деревень сюда, видѣлъ я. Десятини по покойницѣ тіотцѣ моеѣ отправлялись и попи обѣдали.

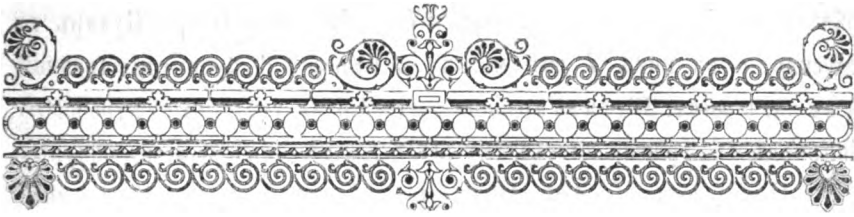
Неделя. 28. Сей день жестоко холоденъ былъ и ночь. Сегодня, по общому совѣту и приговору, п. Михайло братъ, сотникъ Глуховскій Омеляновичъ, Кондзеровскій и я, ходилисмо въ склець и взяли грошей 2000 р., а 10000 р. и 3 мѣшки чеховъ болшихъ осталось. Родитель обѣдалъ у Мякинина, а я дома; у вечеру ездилисмо до брегадира. Зъ п. Кондзеровскимъ писали—що на якій монастырь, за душу покойной ясневелможной тіотки, опредѣити и вѣйшло 1410 р.

Понедѣлокъ. 29. Сей день былъ мало отъ вчорайшого и дру-
гихъ толѣвѣшій, и ночь такъ же. Братъ п. Семенъ пріѣхалъ, а обѣ-
далисмо зъ Миклзшевскимъ, и панею его также, и прочими. По
обѣдѣ зискани щеткии, которіе перелѣчили тысячу руб. на поми-
ловеніе за душу покойной тіотки и листи писали.

Вовтор. 30. Сей день подобний вчорайшому весьма и ночь.
Обѣдалисмо у брегадира, гетманъ, князь и протчіе, а я у вечеру
на пастовникъ ездилемъ. Окончилисмо писма до духовенства и денги
щеткии перелѣчили, писемъ было 52, а мѣшковъ 54, зъ кото-
рыхъ нѣкоторіе писма зъ мѣшками, до монастырей около Березной
найдующихся, взялъ братъ п. Михайло и Семенови своему отдавъ,
до отдачи на молитви за упокоеніе покойной тіотушци моеи ясне-
вельможной. Юско посланъ въ Москву до сестри и далемъ ему на
дорогу 5 р.

Среда. 31. Сей день былъ подобний вчорайшому, а ночь
была велми вѣтрена. Сегодня принимаемъ лѣкарство проносное,
кашлѣ отъ тинетури 100, а ниѣлемъ столцовъ зъ 16, и разъ
вомѣтовалъ.

Конецъ второй части.

1730 годъ. Януарій м-ць.

Четвер. 1. Сей день бувъ похмурный, однакъ холодній, зъ інеемъ, ночь оттеплѣла. Обѣдали всѣ господа у гетмана, п. Михайло зъ Юріемъ Еропкиномъ поссорились, такъ что на дуель ездили, только жъ такъ и вернулись.

Пятокъ. 2. Сей день былъ согласный вчорайшой ночи, нехолодний, похмурный зъ інеемъ, и ночь такова жъ была. Обѣдалисмо у себе, по обѣдѣ проежджалемся зъ глинскимъ сотникомъ за тѣмъ, что въ головѣ тяжесть и обморокъ уже дней скілька, какъ имѣю. Камѣнскій и Романъ зъ Москви повернулись, привезли денегъ 133 р. и 70 сор. и нѣкоторые вещи. Указъ до князя и до гетмана присланъ о родителю, какъ вершено дѣло его въ прошломъ году въ иностранной колегіи, а присланъ черезъ атютанта вняжого.

Субота. 3. Сей день былъ теплій, такъ же и ночь, и похмурніе. Былемъ рано у князя, отгуду заездилемъ до п. Михайла, оттоль на пастовникъ, и вечералемъ у п. Петра Апостола. Въ ночь, противъ неделѣ, князь поехалъ въ Москву. Чайникъ, дарованній мпѣ отъ п. судійной Чирнишовой, фарфуровий, взялемъ.

Неделя. 4. Сей день сперва былъ тепловатъ, а потомъ холоднѣйшій и вяснился, такъ же и ночь. Панъ гетманъ поехалъ въ Москву, которому 50 подводъ по станамъ разставлено. Якову Дубровѣ до прежде данныхъ грошей 30 талар. битихъ, да 8 р., да

облѣва въ 5 р., далѣмъ теперъ 17 р. Посланъ Петро Бухаръ въ Москву, а съ нимъ 7 воз. моихъ, а именно: 3 куеи гор. двойной, а въ нихъ носат. 29, да зъ дробини — гусей 390, утятъ 214, курей 206, индиковъ 46, грошей далѣмъ ему 30 р., и на дорогу, и на поукупку.

Понеделокъ. 5. Сей день былъ вѣтряный велии и зъ метелицею снѣговую, а ночь такъже вѣтряна. Ездилемъ съ п. Михайломъ, братомъ, на пастовникъ, где запечатали налубъ и денги зложили въ оный, а шкатулку московскую зъ червонними, переписавши при Ганцѣ, взяли сюда, а реестръ ей отдали. Генваровскій, сотникъ кролевецкій, приехалъ зъ Москвы съ указомъ, чтобъ ему битъ сотникомъ по прежнему¹⁾. П. Федоръ, дядя, приехалъ зъ Прилуки, которий у насъ и вечераль.

Крещеніе. Вовтор. 6. Сей день былъ жестоко холодный и свѣтлый, и ночь такъже. Обѣдалисмо у себе, а службы Божой слушалемъ у Николая, где придику говорилъ Амвросій Дубневичъ, префектъ коллегіума кievского. Евлампій Брухановъ, бывшій прикащикъ ямпольскій, а по челобиттю Ямпольцевъ осаженный за карауломъ зде, ушолъ невѣдомо куда.

Среда. 7. Сей день былъ теплѣйшій маленько, и ночь такъже похмурна. Ездилемъ на пастовникъ зъ отцемъ Мойсеемъ, обѣдалемъ зъ род., а по обѣдѣ у вечеру былемъ у п. обозного енер. П. Михайло, братъ, далъ карту Кондзеровскому отъ паней писанную, по якой онъ визичилъ 120 р. Яснополскому на потребу покойной тіотки. Аннуе. 3 зол. $\frac{1}{2}$ 208 (3).

Четвер. 8. Сей день былъ ясный, толко не противъ прежнего холодный, а ночь похмурна и тепла. Полусорочини покойной тіотки отправляли и тамъ попи и мы, и префектъ обѣдали. По обѣдѣ матцѣ моеи видать кунтушъ покойной тіотки казалемъ Ганцѣ. Кумичъ приехалъ отъ сестри, а обежалъ онъ въ Болховѣ.

Пятокъ. 9. Сей день былъ ясный и не холодный велии, и ночь ясная, мало холоднѣйшая. Получилемъ зъ Москвы отъ Курбатова письмо и календаръ.

¹⁾ См. о Генваровскомъ — Опис. Стар. Малор., II, 375.

Субота. 10. Сей день былъ тепловатъ, вѣтрянъ и зъ малою метелицею, и ночь такъ же, только не было метелицы. Сегодня поехали передъ обѣдомъ въ Ясмань, где сестру свою Ульяну Ивановну стрѣтили, которая о преставленіи покойной тіотки моей, а своей матки, увѣдомившись, плакала зѣло. Туда жъ потомъ приехали жена моя и Кондзеровскій зъ женою; отобѣдавши тамъ, поехалимо въ Глухову и смеркомъ уже приехали въ Глуховъ.

Неделя. 11. Сей день былъ тепловатъ противъ вчерашного, такъ же и ночь, только вѣтряча. Сегодня рано посѣщали сестру Ульяну Ивановну панѣ гетманова, Мѣкининша и прочіе, по которыхъ отездѣ, службы Божой выслушавши, откушалимо, и поехали обѣ сестри ¹⁾, а послѣ ихъ и я, въ монастырь Гамалѣвскій, чи тежъ Харлампіевскій, и приехали сюда, где покойную тіотку мою видѣлъ я лицомъ мало толко отиѣвившуюся, за тѣмъ что мало почернѣло, а на бородѣ и на концахъ ушей велми красно, да концѣ жъ ушей мягки. Получилемъ сегодня писмо отъ швагера п. Андрѣя, требующое извѣстія обѣ отездѣ гетманскомъ въ Москву. и отписалемъ къ нему жъ тогда.

Понедѣлокъ. 12. Сей день былъ тепловатъ зъ мокрою сверху метелицею, а ночь такъова жъ, только безъ метелицы. Здѣ въ монастырѣ Харлампіевскомъ передновалисмо; послѣ обѣда приехала панѣ гетманова, такъ же родитель, родителка, дядя п. Федоръ, жена моя и дѣти.

Вовтор. 13. Сей день маленько студѣнѣйшій былъ отъ вчерашного, и ночь, однако жъ не холодни. Въ сей день погребеніе преставшойся тіотки моей ясновелможной zde, въ монастыру, совершилося: по службѣ Божой въ 11-мъ часу, были зъ духовенства архимандритъ повгородскій Ниль, который службу Божую служилъ и въ погребеніи началствовалъ, префектъ коллегіумъ кievского Амбросій Дубневичъ, передъ погребеніемъ, по службѣ Божой, предіку пространную говорилъ. Послѣ предіки началась церемонія и совершилась при общей вѣсхъ жалости. Зъ духовенства жъ, кромѣ

¹⁾ Другая сестра Евдокія Константиновна, жена Ч. римша, дочь гетманши Скоропадской отъ перваго ея мужа К. Голуба.

помянутыхся, были зъ монастыра Петропавловскаго законники, такъ же зъ пустыни Мутинской начальникъ зъ братію, зъ священниковъ же: протопопъ глуховскій съ многими попами и зъ другихъ городовъ, а именно: Новгородка, Воронѣжа и Кролевца священники, зъ мирскихъ лицъ знатнѣйшихъ: ясновол. панѣ гетманова, княгиня Шаховская и Мякининша, сегодня рано приѣхавшіе. Такъ же п. Петрова и п. Михайлова, тіотка п. Павлова и п. Мислашевская, зъ мужей: бригадиръ Арсеніевъ, родитель, дядя п. Федоръ, п. Федоръ Савичъ и Афанасій, сотникъ глиньскій, которіи всѣ по погребеніи и кушали зде, и множайшіи ночовали, а нѣкоторые, а именно толко княгиня, Мякининша и попи разехались. Положено жъ тѣло покойной тіотки въ церквѣ трапезной, по правомъ боку, помѣжъ зъ тѣломъ покойного дядѣ, гетмана Скоропадскаго.

Среда. 14. Сей день былъ холодный, вѣтряный, ночь потепле. Тутъ мы продновалисмо, а панѣ гетманова и княгиня, и бригадиръ и прочіе, по обѣдѣ, разехались. Стефанъ Тернавскій, бунчуковскій товаришъ, умре.

Четвер. 15. Сей день былъ такъ же холодный, вѣтряный зъ метелицею, а ночь тиха. Сегодня по обѣдѣ родитель зъ маткою и прочіе розехались, а я остался, и панъ былъ.

Пятокъ. 16. Сей день былъ холодный и ночь, толко безъ вѣтру, и пробавилемъ въ монастырѣ. У вечеру сестра Уляна Ивановна была очинь болна.

Субота. 17. Сей день былъ и ночь противъ прежнего дня. У ланѣ милемся и рубашку новую сестра дала. Федорець, служитель покойной тіотки, отправленный въ Нѣжинъ, удержанъ въ Глуховѣ затѣмъ, что Бокъ докторъ приѣхалъ и черезъ него посладемъ билъ ресстръ нѣкоторыхъ покупокъ. Увѣдомилися, зъ листа съ Москви писанного, что панъ гетманъ сталъ квартерою въ дворѣ сестриношъ, въ Москвѣ, и что еще сватба не была.

Неделя. 18. Сей день былъ холодный, такъ же и ночь, толко похмурна. Сегодня, по службѣ Вожой и по обѣдѣ, поехалисмо и приѣхали въ Глуховъ. Императорское величество Петръ Второй представился, о чомъ зри февр. 20-го.

Понеделокъ. 19. Сей день былъ вѣтряный, а вечеръ и ночь зъ метелицею снѣжною. Писалемъ до Курбатова въ Москву, благодаря за его утѣшительное письмо. Федорець поехалъ въ Нѣжинъ, которому на покупке далемъ 8 р.

Вовтор. 10. Сей день былъ вѣтряный зъ снѣгомъ, а ночь безъ снѣгу. Сегодня рано денги зъ склепу вывезли покойной тіотки къ сестрѣ, п. Михайло, братъ, я и Кондзеровскій, а именно 1000 р. и 3 мѣшки чеховъ, да скриню зъ серебромъ.

Среда. 21. Сей день былъ противъ прежнихъ дней и ночь вѣтрани зѣло. Обѣдалемъ у сестри, и до позна просидѣлемъ зъ моимъ нещастіемъ. Позно пріехалемъ домой и кунтушь парчевий покойной тіотки отъ сестри матцѣ привезлемъ. Жена моя заболѣла.

Четвер. 22. Сей день былъ противъ прежнихъ же, и ночь, только велми вѣтряни. Матка отехала въ Ромень, которую жена опровадить до Камени поехала, а я зъ род. у сестри билисмо, и тамъ вечерали.

Пятокъ. 23. Сей день былъ противъ прежнихъ же, и ночь тиха. Обѣдалемъ у сестри и до вечера позабавилемъ, а у вечеру пріехалемъ домой зъ п. Михайломъ.

Субота. 24. Сей день былъ противъ прежнихъ и ночь. П. Кондзеровскій привезлъ отъ сестри зъ имѣнія покойной—род. (?) 1500 а., намъ зъ п. Михайломъ по 1000 р.

Неделя. 25. Сей день былъ холодный и ясный, такъже и ночь. Зъ Громѣвою роздѣлку учинилемъ сестрѣ п. судинной и заплатилъ 208 червоннихъ въ 500 р., а росписку отъ его взялемъ и облѣвъ ея. Обѣдалемъ у сестри и вечералемъ.

Понеделокъ. 26. Сей день былъ вѣтряный зъ метелицею, такъже и ночь. Обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до доктора и до сестри, где и вечералемъ. Даровала мнѣ табакеръ золотую. Купилемъ куоъ 4 гор. за 26 р. и 20 а.

Вовтор. 27. Сей день былъ вѣтряный же и холодный, и ночь такъ же. Сестра велми болна была и отехала по обѣдѣ зъ другою сестрою въ Гамалѣвку, а мы зъ женою ночовали на пастовнику. Между тимъ билемъ у Колічова. Принялемъ отъ Федорца, тіотча-

пого слуги, привезенныхъ окъ 2 вагве, тютюну тур. окъ 2, 3 бруски мила, 4 фунти камбали, а въ даннихъ на то 14 р., не даль отчету.

Среда. 28. Сей день былъ ясный, а холодный, такъ же и ночь. Ездилемъ рано зъ п. Михайломъ въ Дунаецъ и повернувшись отгуду, обѣдаемъ у паней гетмановой, зъ женою. Господарь, приехавши зъ Сваркова, объявилъ, что тютюну принялъ отъ тютюнника калюжновского и зложили тамъ пудовъ 54.

Четвер. 29. Сей день былъ ясный и велми холодный, такъ же власне и ночь. Сорочинное поминаніе умерший тіотцѣ мойей, гетмановой, отправлялismo въ Глуховъ, обѣдали пони, а съ ними род. и я. Потомъ, у вечеру, ездилемъ до обозного енер., а повернувшись, вечералемъ зъ род., а по вечерѣ зъ Алексашею Толстигъ у лазнѣ тутъ мившимся, поехали на пастовникъ и тамъ самъ ночовалемъ.

Пятокъ. 30. Сей день такъ же билъ ясный и холодный, и ночь. Купилемъ 9 куоъ гор. за 52 р., 7 гривенъ и 5 копѣекъ.

Субота. 31. Сей день холодный, такъ же и ночь, да къ тому и ясна. Сестра Уляна Ивановна повернулась зъ монастыра Гамалѣвского. Въ Тулиголови заплтитъ виннику за карбъ (?) далемъ 4 р., такъ же и кобернику дала панѣ барму зимнюю, кожухъ сѣрый и рубль, а Забарѣ на поупку лѣса на дрова.

М-ць февруар. Неделя. 1. Сей день былъ весьма холодный и ночь, и свѣтліе. Зъ Сухоносовки привезено соли бочокъ 6, вовни рунъ 500 и протчіе дробніе рѣчи. Зъ Москви приехалъ Юско сестринъ и объявилъ, что его импер. в-во всемилостивѣйшій государь нашъ Петръ Вгорий ко вѣчному отиде блаженству, генваря числа 18-го, въ ночь противъ числа 19-го, а въ наслѣціе имперіи престола избранна дочь старшая блаженной и вѣчностойной памяти государя царя Іоанна Алексѣевича, царевна Анна Ивановна Курлявдская, по которую отправлени отъ тайного верховного совѣта князь Василій Лукичъ Долгорукой, отъ сената князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ меншій, а отъ генералѣтота генераль порутчикъ Леонтіевъ.

Понедѣлокъ. 2. Сей день былъ такий же, якъ и вчера, и ночь. Родитель захоровалъ, а видъ фебри; которого докторъ Бока сталъ куровать. Обѣдалисмо у сестри, а потомъ она была у насъ. Атю-тантъ князя Шаховского Леонтьевъ пріехалъ сюда въ Глуховъ съ Москви.

Вовтор. 3. Сей день былъ противъ прежнихъ теплѣйшій, и ночь свѣтла и холодна. Обѣдаемъ у дому, а жена у сестри. Род. легче стало. Сестра сегодня стала декоктъ пить, а по обѣдѣ была у насъ. Сухоносовскіе подводи отпущени, черезъ которіе послалемъ 2 куен гор. да попу сухоносовскому на сорокоустъ за покойную тіотку 4 р., да писалемъ въ Тулиголовы, чтобъ 3 кадѣ виннич-ныхъ туда жъ вислали; а до Алексѣя объ управленіи и о покупкѣ стѣнокъ у Перервинцахъ.

Среда. 4. Сей день былъ свѣтлій и холодній, и ночь, а зъ вечера на небѣ свѣтлость была. Братъ Марко отправленъ въ Роменъ, черезъ которого послалемъ до Несторовича сто руб., половину на покупку воловъ, а половину на роздачу косарамъ на сѣно. Да черезъ егожъ писалемъ до родителки и брата и. Семена поздравленіе. Да ему жъ данъ реестрикъ покупокъ въ ярмарку тамошнемъ, на якіе взять ему у родителки позиченіе 20 р., 5 р. ему, а 15 р. въ расходъ. Жена моя стала декоктъ пить. Обѣдаемъ у сестри, а по обѣдѣ быдемъ у брегадира и у Потіомкина. Сестра п. Чарнишева поехала въ Подоловъ.

Четвер. 5. Сей день холодний и свѣтлій Такъ же и ночь. Вѣжевскому въ расходъ далемъ грошей 6 р. и записалемъ. Пріехали съ Москви люде мои и привезли 6 стуловъ за 3 р. съ полтиною, да баулъ болшій за 6 р. безъ четверти, да жалѣза 7 пудъ по 20 а. пудъ. Бушилемъ лѣсу у тулиголовскихъ козаковъ Голубенковъ за 5 р.

Пятокъ. 6. Сей день былъ свѣтлій и холодний, и ночь. Писалемъ въ Москву, черезъ куріера, до Каратаева о томъ, чтобъ онъ въ наставленіи своемъ содержалъ Петра, а прислалъ би риби: бѣлужку, 2 осятра и лосося, оливковъ зъ ведро и мѣноговъ бочонокъ. Тутъ же приложили письмо доктора Бока до Гумберта и 2 рецета,

одинъ на мою, другій на его потребу, чтобъ заплатить Петру оніе, такъ же и къ Петру писалемъ, чтобъ слушался его. Обѣдаемъ въ дому съ Якубовичемъ. Приехали съ Москви сотникъ сороч. и противъ прежнего сказивали.

Субота. 7. Сей день и ночь были свѣтліе, холодніе и отчасти вѣтряніе. Обѣдаемъ въ дому съ Якубовичемъ сегодня, а не вчера, у вечеру ездилемъ до Сухарева, который и подарилъ мнѣ картузь табаку, а оттоль билъ у обозного енер. Повернулся Кайнара зъ Кіева съ писмами отъ духовенства, о приѣмѣ денегъ на сорокоусти, за покойную тіотку.

Неделя. 8. Сей день и ночь были противъ прежнихъ. Рано билемъ у брегадира и въ церквѣ ст. Николая, обѣдаемъ у сестри и вечералемъ. Ярема привѣзъ зъ Тулиголовъ горѣлки двойной 3 куеи болшихъ и четвертая малая, въ явнихъ всѣхъ носатокъ 35.

Понеделокъ. 9. Сей день былъ свѣтлий, холодний и вѣтряний и ночь. Александръ отъ сестри привюзъ мнѣ всѣ листы отъ архиреевъ и протчихъ принесеніе отвѣтніе, о приѣмѣ послѣднихъ денегъ на поминаніе за покойную тіотку.

Вовтор. 10. Сей день былъ зъ ранку холодний, а свѣтлий, а потомъ мале теплѣйшій, а ночь была зъ невеликою метелицею. Александръ привюзъ отъ сестри ко мнѣ чотки маліе, бруштиновіе, а женѣ чипчѣкъ бѣлий, таеовий.

Середа. 11. Сей день былъ отъ прежнихъ теплѣйшій, такъ же и ночь. Видѣлемся зъ брегадиромъ и Потемкиномъ у церквѣ княжой, потомъ ездилемъ до п. Михайла, зъ нимъ билемъ у склепу и повернулемся. Уговорилемъ ямщиковъ въ Москву за 2 р. съ полтиною отъ лошадей. Погребеніе въ Москвѣ імператорского величества было.

Четвер. 12. Сей день былъ противъ прежнего и ночь. Билъ у мене рано економъ печерекій, зъ протопопомъ Галяховскимъ, и показалъ мнѣ вѣрчое писмо отъ консистористовъ о приѣмѣ отъ мене денегъ 800 р., потому у мене такіе денги въ присутствіи протопопи и принялъ, а писмо тое мнѣ отдалъ. Сварковскій человекъ

посланъ до п. Григор., въ Новгородокъ, зъ 22 р., да прежнихъ 8 р., на покупку 3-хъ плитовъ (плотовъ) и 6000 драгъ да до Овдоколая,—на уговоръ зробиць куоъ великихъ 60, и на тое дано 8 р. Гапцѣ для роздачи милостыни нищимъ 20 р. У склепу билисмо зъ п. Михайломъ, братомъ. До шваггра п. Андрѣя. Полуботка отписалемъ и бутилокъ 2 венгер. послалемъ.

Пятокъ. 13. Сей день былъ похмурный и не великии холодный, однакожъ зъ вѣтромъ, а ночь свѣтла и холоднѣйшая. Поехалемъ рано зъ Глухова, и за полчаса приѣхалемъ въ пустинку Мутинскую, куда потомъ приѣхалъ и родитель зъ Ромна. Родитель рассказывалъ, что малороссійскихъ купцовъ, ходившихъ въ Крымъ а повернувшихся оттуду къ граници и непропущенныхъ, стоить 4500 воз.

Субота. 14. Сей день былъ погодный и отчасти холодный, а по большой части въ веснѣ склонный, ночь такъже свѣтла и мразна. Сегодня зде въ монастырѣ Св. Тайнамъ приобщалемъ и родитель, и сей увесь день зде, въ монастырѣ, пробавилисмо. Полковница сумская Анна Михайловна Миклашевскова, жена Івана Кондратиѣва, умре отъ водяной болѣзни и чехотной.

Неделя. 15. Сей день былъ похмурный и ночь, однако жъ холодновата и зъ сухимъ воздухомъ. По службѣ Божой и по обѣдѣ, родитель поехалъ въ Камень, а я зде въ монастырѣ остался, и зъ строителемъ Паисіемъ прибавилъ день, сидя и разговаривая. Писалемъ до брата Марка, въ Роменъ, о запроваженно сюда въ Глуховъ рѣчній, за которими посланъ Юско, а до жени о взяттю росписки отъ економа софѣйского въ приѣмъ отъ мене денегъ 800 р. Новоизбранная на престоль россійскій императрица, великая государыня Анна Ивановна входъ свой имѣла въ Москву.

Понеделокъ. 16. Сей день былъ похмурный и сперва мокровать, а потомъ до вечера и въ ночь, холоденъ. Поехалемъ зъ монастыря Мутинского, по часахъ, и приѣхалемъ до сестри п. судійной, въ Подоловъ, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ позабавилемъ до вечера, и отехавши, приѣхалемъ ночью въ Тулиголови. Сестра п. судиная отдала мнѣ доводчиха 8 червонихъ отъ ея.

Вовтр. 17. Сей день былъ свѣтлѣй и холоднѣй, также и ночь. Сей день тутъ въ Тулиголовахъ пробавилемъ, где гор. куеъ 2 пеполнихъ, тутъ въ Тулиг. въ комнатѣ, осмотреніе были.

Среда. 18. Сей день былъ похмурнѣй, але холоднѣй, ночь теплѣйшая. Раво поехали въ Глуховъ, где застали въ добромъ здоровю родителя, жену, дѣтей и сестру Уляну Ивановну. Обѣдали у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до сестри и тамъ позабавивши, повернулись назадъ.

Четвер. 19. Сей день былъ противъ вчорайшого и ночь вѣтрная и зъ метелицею. Обѣдали у сестри, а по обѣдѣ повернулись въ скорѣ. Черезъ Вѣжевского послали остальные 8 р. до економа софѣйского, понеже въ недочоту стоило стало въ 8 мѣшковъ до 790 р., але онъ росписки не далъ для того, что якобы тамъ много лихихъ копѣекъ есть.

Пятокъ. 20. Сей день былъ вѣтрнѣй и зъ великою метелицею, ночь тихша. Ездилемъ рано до Потюкина, который о моемъ обозѣ, чтобъ былъ пропущенъ, писалъ до свѣскаго воеводи Івана Якимовича Синявѣна. Купилъ дровъ за 5 р. 50 воз. Камѣнскій посланъ въ Москву, а съ нимъ 10 куеъ, а въ томъ числѣ двойной куеъ 4, а простой 6, а носатокъ двойной 35, а вѣдеръ „ а простой носатокъ 61 и кварть 30, а вѣдеръ „ — „ Дано Камѣнскому на дорогу 30 р. на заплатку ящикамъ, а сварковцамъ двоимъ тутъ далъ 10 р., по 5 р пара, зъ поворотомъ, да ему жъ дана информація на писмѣ въ 10 пунктахъ, о покупкахъ и слушаннѣ дворцоваго. Императорское величество Петръ Второй, самодержецъ всероссійскій, умре генвар. 18-го числа, въ 1-мъ часу по полночи, въ Москвѣ. О чомъ сицевый манифестъ или объявленіе отъ верховнаго тайнаго совѣта. (*Слѣдуетъ манифестъ*). Алексѣй приехалъ съ Сухоносовки съ тимъ, что сѣна не стаеъ.

Субота. 21. Сей день былъ у Сухарева, который сказивалъ про сестру п. судинну, которой выдалъ готовихъ денегъ послѣ аресту 7000 р., а въ томъ числѣ 2000 р., даннихъ ей зъ дому ясневелможной тѣтки, а въ томъ росписался въ приѣмъ Дяковскій. Повернулся мужикъ съ отвѣтомъ отъ п. Григоріевой зъ Новгорода,

что куплены будутъ плиты и дрань, а отъ стар. овдоколекого, что онъ взялъ 8 р. на куои (бочки) великіе.

Неделя. 22. Сей день былъ не велми холодній, але зъ великою снѣжною метелицею, а ночь тихшая была мало, и метелица утихла. Обѣдаемъ въ дому, а со мною Чуйкевичъ и Руновскій. По обѣдѣ поехали до сестри, и тамъ до 10-го часа позабавилемъ.

Понедѣлокъ. 23. Сей день былъ теплій и мокроватій, снѣгъ знатне сталъ раставать въ днѣ и въ ночѣ. Было въ церквѣ с-таго Іліи обавленіе о вступленіи на престолъ ея імпер. в—ва Анни Ивановни и молебствіе, при пушечномъ стреляннѣ. По молебнѣ, у гетманскомъ дому обѣдалисмо всѣ. Получилемъ черезъ Гаврила, слугу п. Михайловаго, писмо зъ Москви отъ дворецкого, что товару Петро нѣчого непродавъ, а за 2 рецепти 60 р. Далисмо Алексѣви, слузѣ, на покупке сѣна для товару и на раздачу косарамъ 50 р., а на строеніе футера Гамалѣвскаго, до Несторовича, 10 р. и листъ.

Вовтор. 24. Сей день такийже, якъ и вчера, а ночь свѣтла и съ морозомъ сухого воздуха. Дали старостѣ тулил. 20 р. на раздачу, до новини, на жито. Алексѣй, слуга, отправленъ въ Сухоносовку. Братъ Марко приехалъ зъ Ромна въ Глуховъ.

Середа. 25. Сей день былъ свѣтлій, сухой, однакожь теплій, а ночь свѣтла и мразна. Сегодня обѣдалисмо у себе, по обѣдѣ посѣщаль насъ Степанъ Миклашевскій, Люка, Дмитрашко и Кондзеровскій. Мѣди москалеви дали на казанъ 53 фунт. и полфунта, а осталось въ денежкахъ персидскихъ 20 фунт. и въ лому 7 фунт.

Четвер. 26. Сей день былъ свѣтлій и теплій, а ночь холоднѣйша съ малимъ снѣжкомъ. Обѣдаемъ вчера у сестри, а у вечеру будемъ у п. Михайла приѣхавшого. Отправилемъ челоуѣка сестри п. судинной зъ отвѣтомъ о виданнѣ сѣна Огвидачу 219 воз., по силѣ указу.

Пятокъ. 27. Сей день былъ похмурній, але тепловатъ и ночь. До прежде купленной малой куои гор., еще сегодня болшихъ купили 4, а пятую малую за 40 р. съ полтиною, итого купленыхъ всѣхъ, по сіе число зде въ імбарѣ, великихъ куоѣ 4 и малихъ 2.

Меду купили 24 пуда, по 40 а. пуд. Ивану Канарчѣ, служите-
леви сестриному, далемъ, едугому въ Борзну, на покупке 30 р.
Григорій Огѣенко взялъ теперь грошей за горѣлку 24 р. съ пол-
тиною, и во всѣхъ денгахъ за гор. взятыхъ квѣтоваль, а именно
въ 90 р. картою. Сестра прислала зъ женою постѣль.... (?) и 10
плахтъ простихъ.

Субота. 28. Сей день былъ зъ ранку холоденъ, въ день от-
лигло, похмурний къ ночѣ, и черезъ ночь морозъ. Тищенкоу, еду-
чому до ярмарку борзенского, далемъ черезъ Ярему 23 р. Обѣда-
лемъ у сестри зъ братомъ п. Михайломъ и панею его, и навчилися
играть въ кадрилѣю и ломбаръ. Сестра дала на монастырь Му-
тинскій 100 р. да облѣкъ въ 100 р.

М цъ мартъ. Неделя. 1. Сей день былъ холоднѣй зъ ранку,
до полудня метелица невеликая, а къ вечеру и черезъ всю ночь
жестокая метелица зъ вѣтромъ. Семенъ Лизогубъ зъ женою приехалъ
въ Глуховъ, для роздѣлки зъ сестрою. Жена моя зъ дѣтми поехала
по обѣдѣ 3-го часа, зъ полдня, въ Тулиг. Обѣдалисмо въ дому, а
по обѣдѣ ездилемъ до сестри и тамъ игралисмо зъ братомъ п. Ми-
хайломъ въ кадрилѣю. Старци Печерского кievского монастыра по-
дали письмо отъ Копи, чтобъ по легацѣи Горки, епископа, на мо-
настирь ихъ дать 140 р. и отдалемъ.

Понеделокъ 2. Сей день былъ холоднѣй вѣтряний зъ преве-
льною метелицею снѣжною и ночь. Рано былисмо у сестри, а п.
Михайло у мене, я у дому обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилемъ до п.
Михайла и тамъ у кадрилѣю игралемъ. Купили куеу гор. за 6 р.,
итого куеъ купленныхъ болшихъ 6, а менш. 1.

Вовтор. 1. Сей день былъ холоднѣй и вѣтрянѣй волми, ночь
холодная жъ, да не такъ вѣтряна. Рано съ п. Михайломъ ездил-
лисмо до сестри, где и обѣдалисмо. Писалъ письмо до п. Якова
Полуботка, упоминаючиъ объ обѣтницю.

Середа. 4. 4 р. далемъ на бочки до Ямполя, а 8 р. Архипу
на шкло до Почепя, а за Федора, зятя Плетюничного, челоувѣку
дунайскому козаку 3 р. за долгъ его, что онъ коня взялъ у его,
за 10 копъ ценою. Сей день былъ холоднѣй же велия, толко не

такъ вѣтрянь и ночь. Именинница была сестра Уляна Ивановна, у которой обѣдалисмо и дневалисмо. Отправили Архиа по шлю, 60 шибъ за 8 р., а другого мужика въ Стародубъ зъ писмами, до Деяна и п. Миклашевского.

Четвер. 5. Сей день былъ холоднѣй же велии, да тихій и ночь. Лизогубъ Семенъ зъ женою были у сестри Уляни, оба, зъ п. Михайломъ, где упоминался у сестри половинную долю движимаго и недвижимаго имѣнїа. Я обѣдалемъ у сестри, а по обѣдѣ ездилемъ до брегадира и до п. Михайла.

Пятокъ. 6. Сей день былъ также холоднїй и ночь, и свѣтліе, якъ и вчора. Далемъ денегъ до Ямполя на бочки и на варенне 5 р. а до Воронѣжа на пиво жъ и на бочки 4 р. П. Михайло былъ у мене и Кондровскїй и объявлялъ претенсїю Семена Лизогуба отъ сестри недвижимаго имѣнїа всего.

Субота. 7. Сей день противъ прежнихъ холоднїй же. Черезъ Кучарского, отездившого въ Роменъ, послалемъ до Несторовича 50 р. на покупку воловъ, до прежнихъ 150 р., да ему жъ Кучарскому тожъ на воли далемъ 30 р.; черезъ его жъ писма до Алексѣя и Олихвѣренка. Забаръ далемъ 14 р. въ расходъ. Желязо, служитель род., отправленъ въ Москву зъ писмами и челобитными объ опредѣленїи маестностей на рангъ, объ обилахъ и о Засул., а я писалъ до Курбатова и спалню послалъ, до Баратаева о присилки съ Петрошъ риби и проч. и Карпу за гор...(?).

Неделя. 8. Сей день былъ холоднѣй же и ночь противъ прежнихъ, толко похмурнїй. П. Павлова, миргородская полковница, приѣхала зъ Москви и привезли мнѣ 2 лосося и пудъ икри. Обѣдалисмо у сестри и играли у кадрилью зъ п. Михайломъ и панею его.

Пенеделокъ. 9. Сей день былъ теплѣйшїй противъ прежнихъ да вѣтрянїй велии, и ночь. Обѣдалисмо у сестри, зъ братомъ п. Михайломъ. Корецкїй Петро приѣхалъ, съ Москви, зъ присягами печатными.

Вовтор. 10. Сей день ещо теплѣйшїй противъ прежнихъ и ночь зъ мокримъ воздухомъ. Обѣдалисмо у сестри, для именин-

ниці дочери ея. Братъ п. Михайло поехалъ въ Нѣжинъ почтой, зъ Люкою, а мене опредѣлили были, чи приговорили, ехать въ полкъ Нѣжинскій приводить къ присяги старшину, но, за моиѣ отездомъ, оставили.

Среда. 11. Сей день былъ теплый и ясный сперва, къ вечеру холоднѣйшій, ночь зъ морозомъ. Сегодня рано поехали зъ Глухова на пастовникъ до сестри, а оттуду у фоторъ Калюжновскій, и съ фотора въ село Сварковъ, где обѣдаемъ и ночуемъ. Тутъ, въ Сварковѣ, видѣлемъ все жито зсипанное въ комнатѣ, 111 четвертей въ готовости.

Четвер. 12. Сей день холодный зъ метелицею, а къ вечеру мокрый, ночь зъ приморозомъ, ясна. Сей день тутъ въ Сварковѣ пробавилисмо, куда приѣхала жена и братъ. Василко Кучеравченко, забавникъ, зъ горячки умре. Повернулся зъ Нѣжина братъ п. Михайло. Иванъ Ломиковскій, зять гетманскій, умре.

Пятокъ. 13. Сей день былъ зъ ранку холодный, о полднѣ теплѣйшій вечеръ и ночь холоднѣйшіе. Приехали въ Глуховъ и ездилемъ зъ п. Михайломъ до Семена Лизогуба, отъ сестри Уляни, который домогался себѣ всѣхъ Чернѣговскихъ маетностей и 2000 р. П. Павелъ (Апостоль) зъ Москви приѣхалъ.

Субота. 14. Сей день былъ холодный зъ ранку, а послѣ отъ слонца оттеплѣлъ, да рано жъ была метелица снѣжная, въ ночь было холодно, зъ метелицею. Обѣдаемъ въ дому; по обѣдѣ ездилемъ до сестри, куда приѣхалъ Семень Лизогубъ зъ женою и простившись, отехала жена его зъ Глухова въ домъ свой. Староста тулиг. Мануйловичевъ видалъ въ мою винницу жита 30 четвертой, а тутъ ему откупить. Параскѣвія Марковна, Демянова Якубовичева, сестра родителя моего, умре.

Неделя. 15. Сей день былъ холодный, по обѣдѣ теплѣйшій, къ вечеру и черезъ ночь морозъ. Сегодня обѣдалисмо у брегандира, оттуду заехали въ дворъ гетманскій, где писалемъ черезъ почту до Москви, къ Каратаеву, о лекарствахъ. У вечеру приехали до сестри, где и вечералемъ. Семень Лизогубъ подалъ своей претенси вѣдомость отъ сестри, а именно: 5000 червонихъ, маетности чер-

нѣговскіе всё, пудъ серебра, кунтушь зеленый аксамитный зъ футромъ и другихъ 2, да 1000 овецъ, кобыль и коровъ по 100.

Понеделокъ. 16. Сей день былъ холодный, такъ же и ночь зъ вѣтромъ. Купилисмо сегодня 6 куеъ, и того всёхъ купленныхъ гор. куеъ 18. Зторговалися зъ комарицкими людьми села Фашовки на 100 бруеовъ дубовихъ тресаженоихъ, по 6 р., которимъ и задатку далемъ 18 р., а въ порукахъ за нихъ бѣлополовскій житель Она-насъ Кострица. До Крисіокъ послалемъ полъ 5 четверика глуховской мѣри жита, до винницѣ.

Вовтор. 17. Сей день билъ холодный велми и вѣтранный збитъ зъ снѣжною метелицею, ажъ до полночи, а за полночь утихло, толкожь морозъ сталъ и випогодилося. Демянъ приехалъ зъ Стародуба и привезлъ доправленныхъ денегъ отъ должниковъ того полку 170 р., а еще не доправиль 120 р. въ томъ же полку. Людямъ моимъ роздана барма, каруну 2 штуки и тузѣну штука. Купилемъ ножички, пуделко зъ ложечками....(?) чулки гарусовіе и кистъ шолоковую до трости, за 3 р. зъ гривнею. П. есаулиной Мануйловичевой видалемъ 5 р. зъ Сваркова жита, куда и карту далемъ.

Среда. 18. Сей день былъ свѣтлый, асній, и холодній, такъ же и ночь. Рано чолобитную подадемъ брегадирови, а потомъ Новоторщову отъ сестри, о пожиткахъ въ Кучеровцѣ удержанныхъ, такъ же въ Сасиновцѣ и Линовицѣ. Зъ Семеновъ Лизогубомъ раздѣлку учинилисмо отъ сестри Уляни Ивановни на томъ, что—Лизогубовой женѣ владѣть всёми маестностями и протчимъ недвижимымъ имѣніемъ въ полку Чернѣговскомъ имѣючимся, да зъ заводу скотиного и лоша-дѣного по 100 штукъ, да зъ суконь: кунтушь аксамитный, зеленый, горностаями подшитый, да другій покойной тіотки кунтушь парчевый, подъ соболями, сѣдель двѣ, рондовъ два, шабель двѣ, сагайдакъ и оружье; а сестрѣ Улянѣ—остатя при всёхъ движимыхъ пожиткахъ и недвижимомъ имѣніи, которое есть, опрочъ полку Чернѣговского. Янъ Старжинскій, слуга сестри п. судиной, позичиль у мене на імя сестри 50 р. на заплаченне Мокрѣвичу за его претенсью, которому и заплатиль. Писалемъ до п. Якова швакгра, о покупке вина лагонского сюда. Кравцю Леску далисмо грошей 3 р.

Четвер. 19. Сей день былъ холоднѣй и вѣтрнѣй, ночь теплѣйша и мокровата. Обѣдалисмо у себе сами, а по обѣдѣ ездилисмо зъ п. Михайломъ до Семена Лизогуба, зъ росписными картами, где исправили и повернувшись, были у брегадира, который и подписалъ, а потомъ приѣхалъ до насъ Семенъ, зъ котормъ тилко жъ картами и розмѣнялисмося. Сестра подарила мнѣ рондъ безъ подогоння, турецкѣй, подъ шмалцемъ.

Пятокъ. 20. Сей день былъ холоднѣй зъ ранку, однакожъ къ вечеру сталъ теплѣ, такъ же и ночь. Поехалемъ зъ Глухова, послѣ полдня, и приѣхалемъ на ночь въ Тулиголовъ. Въ Тулиголовъ засталемъ куѳу гор. оковитой, а 2 простой. Сестра подарила дочерамъ моимъ по кунтушу, аксамитный и злотоглави, такъ же и мнѣ подарила кунтушъ покойного пана.

Субота. 21. Сей день былъ теплѣй и ночь, и много снѣгу ростало. Поехалемъ зъ Тулит. и приѣхалемъ въ Глуховъ на обѣдъ. По обѣдѣ ездилемъ въ городъ до Мякинина, который вина анталъ уступилъ мнѣ за свою цѣну. Зъ Крисюкъ прислани 4 куѳи гор. да 6 куѳи порожнѣхъ.

Неделя. 22. Сей день былъ теплѣй и свѣтлѣй. Въ Криски отправлени крисковци и черезъ нихъ господаревн сукно и 3 р., да зъ особна на нѣкаторіе покупки, а именно: дрань, уля и проч. 10 р. Купилемъ коня у Михайла цигана за 9 р., а въ придатку конь буланый. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ февр. подавали шляхетство російское въ Москвѣ, въ тайный верховный совѣтъ, доношение въ 9 пунктахъ о исправленіи нѣкаторихъ нуждъ государственныхъ, въ слѣдующемъ. (*Слѣдуетъ положеніе верховн. совѣта о гусуд. правленіи. См. въ изд. 1859 г., 1, 346*).

Понедѣлокъ. 23. Сей день былъ теплѣй, такъ же и ночь, отчего въ Ясманѣ рѣцѣ наводненіе великое учинилось, такъ что въ пекарнѣ нашей води до колѣнъ было. Отослалемъ до сестри рондъ сутнѣй да тесакъ къ Кондзеровскому, черезъ Гаврила.

Вовтор. 24. Сей день былъ теплѣй, толко зъ превеликимъ вѣтромъ полуденнимъ, такъ же и ночь. Ложко паный зроблено за 2 р. Александрови подарилемъ 5 р.

Среда. 25. Сей день былъ теплый, только въ вѣтеръ былъ зъ дождемъ малимъ, а въ ночь морозъ. Мякинину заплатилемъ 22 р. зъ полтиною за аяталъ вина венгерского. Лиштваи зъ пузаменту золотого за 5 р. до кунтуша вишневого. Гроту за Платона 2 р. дадемъ, что его вилѣчилъ.

Четвер. 26. Сей день былъ зъ ранку холоденъ зъ морозомъ, въ день отлигло, въ ночь ясно и морозъ. Жѣна моя ездилъ на пастовникъ до сестри и оттуду привезли род. кортикъ и притупей. 8 р. доктору Боку за панью заплатилъ, а еще 12 р. домогается.

Пятокъ. 27. Сей день былъ холодный и велии вѣтряный, и ночь.

Субота. 28. Сей день былъ холодный же, однакожъ вѣтеръ утихъ и ночь такова жъ. Коммунѣковался святимъ Тайнамъ.

Воскресеніе X-во. Неделя. 29. Сей день былъ холодный и къ вечеру свѣгъ проривался, и ночь холодна и пахмурна. Ездилемсо до п. гетмановой, а по обѣдѣ до сестри, на пастовникъ.

Понеделокъ. 30. Сей день былъ свѣтлый и холодный, и ночь. Обѣдалиемо у гетмановой и подпіяхомъ. Маніфестъ объявлялъ Новоторжцовъ, что коронація ея величества будотъ въ апрѣль м-цѣ. Въ Бѣлагородъ Вибииковъ губернаторомъ, а князь Юрій Трубецкой въ сенатъ, на мѣсто князя Ромодановского, сего 17-го марта. Указъ присланъ полку Писарева въ Дербентъ ити.

Вовтор. 31. Сей день былъ холодный и похмурный мало, а потомъ ясный, ночь свѣтла и холодна. Обѣдалиемо партикулярно зъ сестрою у п. гетмановой. Били у Мякиннива и Количева, и оттуду позно въ домъ пріехали.

Апрѣль. Среда. 1. Сей день былъ свѣтлый и теплый, ночь ясна и холодна. Обѣдалемъ у сестри, билемъ у обозного енер. и у Сухарева рано, а по обѣдѣ у п. Михайла, где и долго игралемъ въ карты.

Четвер. 2. Сей день былъ свѣтлый и теплый, а ночь и ранокъ холодни. Принималемъ t-га emeticum gran jii и имѣлемъ во мѣторіумъ 4. По обѣдѣ пріехали ко мнѣ п. Михайло и Лука, зъ которыми ездилъ до сестри.

Пятокъ. 3. Сей день былъ свѣтлый и отъ другихъ еще теплѣйшій, ночь свѣтла и постуденнае. Обѣдали въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ въ городъ и игралемъ въ карты у п. Михайла. Потомъ ездилемъ до сестри, гдѣ и вечералемъ.

Субота. 4. Сей день еще былъ погоднѣйшій отъ другихъ, такъже и ночь тепла и пахмурна. Обѣдалисмо у брегадира, а по обѣдѣ приѣхала къ намъ сестра и протчіе, п. Михайло такожъ. и передъ вечеромъ отехала. Приѣхали подводчики Сварьковскіе зъ Москвы, а привезли 10 тысячъ гвоздей желѣзныхъ, да два пуда муки крупчатой. Молодикъ п. Кондзеровского застрелилъ хлопца его Данилца на смерть.

Неделя. 5. Сей день былъ похмурный и къ вечеру дожчикъ наврапаллялъ, такова жъ и ночь. Обѣдалисмо у сестри на поставнику и п. гетманова, братъ п. Михайло и проч. Атаманъ Глуховскій приѣхалъ съ Москвы и объявилъ о Мануйловичеви, паралъжемъ зараженнонъ.

Попеделокъ. 6. Сей день былъ пахмурный, однакъ мало студений, и ночь такъже. Обѣдалемъ въ дому, по обѣдѣ ездилемъ до сестри, которая подарила... (?)

Вовтор. 7. Сей день такъже былъ похмурный и ночь, и холодновати. Обѣдалисмо у п. Стефана Миклашевского и по обѣдѣ заездилемъ до Потемкина и съ нимъ въ карты игралемъ. У Миклашевского инспекторъ зъ дѣтми виправляли комедію.

Среда. 8. Сей день былъ свѣтлый и къ вечера похмурный, такъже и ночь зъ вѣтромъ. Обѣдалемъ у сестри и приѣхалемъ оттуду у вечеру. У Вѣжевского шинковихъ грошей всехъ 100 р. зъ лишнимъ, принятихъ отъ начала его вѣдвнїя, и записалемъ въ реестръ его.

Четвер. 9. Сей день былъ вѣтряный, холодный зъ дожчемъ, такъже и ночь. Обѣдалисмо у Стефана Миклашевского, ми зъ род., брегадиръ и проч. Заехалемъ до брата п. Михайла на Бѣлополовку и оттуду приѣхалемъ домой позно.

Пятокъ. 10. Сей день зъ ранку хмурный и дожчевать, потомъ свѣтелъ ночь сперва темна зъ дожчемъ. Явились мужики Крисковскіе на попа, которіе отправлени зъ писмомъ моимъ до его

писаннымъ и зъ писмомъ до господара м 10 р., о покупцѣ плитовъ 2-хъ, дровъ и прислалцѣ сюда гор. оковитой писанномъ.

Субота. 11. Сей день свѣтель почастн и почастн хваренъ, холодновать. Правителствующій сенать составленъ въ 21 персонахъ. (*Слѣдуетъ перечень ихъ, а за тѣмъ манифестъ объ учрежденіи сената. См. въ изд. 1859 г., I, 349.*)

Неделя. 12. Сей день былъ сперва холодный и вѣтряный и похмурный, потомъ теплъ и ночь. Обѣдалисмо у обозного енералного, а потомъ игралемъ въ карты у п. Михайла.

Понеделокъ. 13. Сей день былъ вѣтрянъ зъ ранку, послѣ полдня теплъ, такъ же и ночь тепла. П. Михайлу родился сынъ Яковъ, по полудни. Ездилемъ до сестри Ульянн Ивановнн, а потомъ повернулемся. Далемъ женѣ на расходъ 20 р. Гор. тутъ въ імарѣ 16 куеъ великихъ.

Вовтор. 14. Сей день былъ велми вѣтряный, а у вечеру стало тихо и ночь тиха. Обѣдали у насъ брегадаръ съ товарищи и подпіяхомъ.

Среда. 15. Сей день былъ нахмурный однакожь теплій, дождь переривцемъ ишолъ, ночь свѣтла. Приехалъ зъ Ромна Романъ зъ объявленіемъ о болѣзни матки моеи. По обѣдѣ приѣздила сестра, зъ которою до п. гетмановой ездилисмо. Получилемъ писмо отъ п. Павловой Кролевецкой Огіевской за гор. и медъ уломинающеся, до которой отписалемъ, что за гор. уже расплатилисмося, а за медъ иѣлъ Новѣцкій тогда якъ бралъ расплатится; однакожь послалъ теперъ черезъ ен слугу 10 р.

Четвер. 16. Сей день былъ теплій, а у вечеру билъ громъ и дождь великий до полночи. Обѣдалемъ у сестри и вечералемъ, куда приехалъ отецъ Мойсей и отецъ Ісаія. Родитель рано поехалъ въ Ромень. Декокть началемъ пить.

Пятокъ. 17. Сей день былъ хмуренъ, маловѣтрянъ, однакожь теплъ, и ночь тепла и свѣтла. Составилемъ опредѣленіе на церковь Анастасіевскую именовъ сестри Толстой, тоестъ 6 коморъ, а 7-иий при коморокъ, дворъ шинковый у радахъ, а другій близъ церкви Анастасіевской, а третій пустій плецъ Иванцевскій опредѣлени. зъ

котирихъ зъ приходу въ годъ денежнаго жалованья отцу Мойсею 30 р., вѣварію 10 р., на школу совсѣмъ 20 р., на свѣчи, ладанъ и воскъ 15 р., паламареву 6 р., стряпчому 10 р. Заездили зъ до сестри; оттуду поехали въ путь свой до Тулиг., але когда спалня у дрого зломилась, переложился у спалню и. Кондзеровского и приехали у Тулиг. на ночь. У Тулиг. застали гор. оковитой 4 кувчи великихъ, пчолы 24.

Субота. 18. Сей день былъ теплый и ясный, а передъ вечеромъ хмарно и холодно стало, такъ и въ ночь. Сегодня рано въ Тулиголовахъ откушавши, поехали въ Мутинь, где перемигнувши конѣ гнѣдіе, акіе стар. Каменскому отдали и денги ему жъ даль на овесъ, а взявши вороніе, поехали и переехавши черезъ Сеймъ, приехали въ Грузскую, где и заночовали. До сестри Чарнишевой, судинной, писали зъ поздравленіемъ праздника и что опишешь ей дому у мене ишѣется.

Неделя. 19. Сей день былъ зъ ранку холодный и похмурный, а потомъ теплый, а у вечеру и черезъ всю ночь дождь ишолъ. Поехали зъ Грузской и на дорогѣ получили листъ отъ род. о томъ, что родителька въ добромъ здоровю, а не такъ якъ донесено, обрѣтается, а приехали въ Смѣлое, где у Якова Дуброви обѣдали; по обѣдѣ спочивши, приехали въ Роменъ и застали обоихъ родителей въ добромъ здоровю. У наѣстника Роменского, отца Іоанна, актъ веселый отправляется синови его, посягающему себѣ въ невѣсту зъ Гадячого.

Понедѣлокъ. 20. Сей день былъ зъ ранку похмурный, а до полудня дождовать, потомъ маловато годилось, къ вечеру и въ ночь тепло ясно и тихо. Обѣдали все въ род. дому, а у вечеру были у отца Іоанна, на веселю, куда приехалъ сынъ его зъ невѣстою зъ Гадячого. Писали въ Глуховъ, черезъ козака глух., до жени, до сестри и до Люки; до жени въ нѣсколькихъ пунктахъ, о нуждахъ домашнихъ.

Вовтор. 21. Сей день былъ холодный, ясный, але вѣтранный, таковажъ и ночь. Родитель рано поехалъ въ Андрѣевку и Токаръ, а ты здѣ, обѣдали сами, отецъ Савѣцкій, Свѣтъ и Несторовичъ.

По обѣдѣ же пріѣхалъ братъ п. Марко и подалъ ревизію Якова Дуброва, чиненную въ футорахъ степныхъ сего весеннего времени. Слуга брата п. Семена пріѣхалъ зъ Ахтирки зъ тимъ, что братова вая болна.

Среда. 22. Сей день былъ зъ ранку вѣтрянъ и холоденъ, вечеръ теплѣйшій, ночь холодновата жъ. Ездилемъ зъ родителкою въ пасѣку на Засулле, где видѣлемъ моеи пчоли 18, а родителка подарила 10, протопопъ 2.

Четвер. 23. Сей день былъ сперва тихъ, потомъ мокръ и дожчевать зъ громомъ, ночь похмурна. Уговорилемъ козаковъ Засулскихъ Мая, Демка и Матвѣя Гивдаша съ товарищи до Царицина, на 30 куѣ гор., отъ всякой куѣи по 4 р., прикладъ тютюну довестъ по 4 пуда и задатку далемъ имъ 10 р., а они дали имъ росписку, въ свѣдителяхъ—Федоръ Яновскій. Деньги лѣчили имъ въ пятницу уже Яковъ Дуброва. Родитель повернулся зъ Андрѣевки на Засулле, куда и мы зъ родителкою ездили и отечеравши, повернулись назадъ ночью.

Пятокъ. 24. Сей день былъ холодний и весь дожчевать, ночь похмурна и холодновата жъ. П. Несторовичу на воли далемъ 100 р. а за прежніе денги воловъ 34. Братъ Марко поехалъ въ Глуховъ, черезъ котораго писалемъ до жени о домашнихъ нуждахъ и лилѣи, 7 кущъ пивонѣи да рожи новіе посладемъ, а писалемъ о нанятыхъ зде подъ гор. до Царицина фурманахъ, о приуготованню гор. 20 куѣ простой, а 10 оковитой, объ Архипу, чтобъ былъ готовъ въ дорогу низовую. Писалемъ до сестри поздравленіе и до Люки, до господара въ Криски о присилцѣ гор. оковитой въ Глуховъ куѣи вел. и улей. До Камѣнского о покупцѣ 2-хъ картузовъ и многовъ, 12 бутилокъ понтаку, чаю и проч.

Субота. 25. Сей день былъ холодновать зъ вѣтромъ и дождъ часами малъ проривался, ночь ясна и мразна. Далемъ дядкови на покупку шпона 2 р. Данило Савоско просилъ родителей и мене къ себѣ на веселле въ домъ, что дочь свою отдасть за меншого Яновского. Первый зъ жителей роменскихъ въ сихъ часѣхъ показался къ намъ. Обѣдалисмо въ себе, а по обѣдѣ поехали и пріѣ-

ехавши въ Лехвицю у вечеру, тутъ у гаю ночовалемъ, у п. Павловой, которая зъ мѣста такожь ко ннѣ пріѣхала.

Неделя. 26. Сей день былъ вѣтряный и холодный, а по полуднѣ дождь ишолъ и черезъ ночь. Поехалемъ рано зъ гаю и пріѣхалемъ въ Сухоносовку на службу, где и увесь день пробавилемъ. Шаповала стараго да Миценка, мужиковъ Сухоносовскихъ, посладемъ въ Ромень покупать воловъ и грошей далемъ ннѣ 60 р., а въ Несторовича 100 р., до которого о семъ и писалемъ черезъ ннхъ же.

Понеделокъ. 27. Сей день былъ вѣтренъ и холодноватъ, ночь ясна, однакожь зъ морозомъ. Обѣдалемъ тутъ въ Сухоносовцѣ, а по обѣдѣ по радку здешнему опредѣленіе учинивши, отехалемъ и пріѣхалемъ до Курѣнки, въ 2-хъ миляхъ отстоящей, и тамъ черезъ греблю переехавши и такъ Удаю рѣку перебувши, пріѣхалемъ, первой доброю, а потомъ худою дорогою, въ село Гонцѣ, где и заночовалемъ. Опредѣленіе о Сухоносовскомъ по радку учинено: 1) данъ приказъ дворникови Василеви въ дополненіе прежнего, въ якомъ положено исполнять прежній приказъ. Отъ винницѣ ключъ данъ пасѣчникови въ такой силѣ, чтобъ одному безъ другого неходить въ імбаръ и не отсипать гор. безъ другого и безъ винника, для чего ннѣ данъ тройній карбъ, а другій двойній карбъ въ раздачѣ гор. долженъ мати дворникъ зъ пасѣчникомъ. Емужъ дворнику, чтобъ остановка у винницѣ не была, покупать жито дано 5 р. Да на соль въ Вагмутъ послать даломъ же 12 р., 2) пасѣчникови особливый данъ приказъ о пчолѣ и о влччицѣ; 3) трерій приказъ данъ Андрущѣ, что онъ ннѣтъ запровадитъ въ Ромень. Емужъ Андрущѣ далемъ 3 р. и велѣлемъ дать полносатки гор. для того, что онъ въ дорогу низовую опредѣленъ. Приказалемъ по моему отездѣ заразъ выслать дворнику въ Ромень тютюнъ, 150 попушъ, да куеу дулевой гор. на 3-хъ подводахъ, якіе тамъ перевезти мѣють пчолу.

Вовтор. 28. Сей день зранку былъ холодный и велии вѣтряный, ночь свѣтла, тиха. Рано вставши, поехалемъ зъ Гонцовъ и пріѣхалемъ до Лазурокъ села Троицкой, яке отстоитъ отъ Гонцовъ у поль 2 ми.ѣ, где черезъ рѣчку Слѣпородъ переехавши, пріѣха-

лемъ въ Яблуневъ, куда отъ Лазурокъ миль 2, тутъ черезъ Сирую Оржицу переехавши, пріѣхалемъ до футорця сотника Пѣратинского, где Сухая Оржица течеть, тутъ переехавши, пріѣхалемъ въ Перервинцѣ, отстоящіе за 2 милѣ отъ Яблунова,

Среда. 29. Сей день былъ теплій и ясный, также и ночь до половины, а потомъ пахмурна и мокра. Проучовали зде молодыхъ коней, карого тарановатого, да карихъ же пару. Ездилемъ рано зъ Перервинецъ къ Сухой Оржицѣ, степомъ, где нашъ яръ зъ гребелкою, оттуду повернулъ въ лѣво и проехавши стѣнки Пилипенковъ и Жилину, повернулись назадъ ку дворови. Перечисляли овцы, такъ бранки яко и протчіе криворудскіе, а по ищисленію показалось на лице: бранокъ овецъ 180, барановъ 9, ягнятъ теперешнихъ 62, а простихъ Криворудскихъ овецъ дойнихъ 383, яловнику 303, барановъ 61, бѣлихъ валашковъ 71, чорнихъ валашковъ 55, баранціовъ бѣлихъ 16, баранціовъ чорнихъ 10, ягницъ бѣлихъ 95, ягницъ чорнихъ 58, сумма всѣхъ овецъ простихъ 1052, козь всѣхъ 26, козенятъ 6. Якову Дубровѣ даровалемъ коня буланого своего верхового, старого. Вилучили конѣ послать въ Ромень гнѣдихъ 5, карихъ 2, каштановий лисий вер. да п. Павловой лохвицкой пару рижострокатиыхъ, а вмѣсто тихъ Алексѣеви ездить, воронострокатиыхъ 2, а криворудскихъ 4, да молод. 2, да молодыхъ внученихъ 20, да неуковъ 17, всѣхъ 54. Стаднина: дриггантовъ 8, кобиля жеребнихъ 42, яловихъ 20, лошиць третякъ 8, лошаковъ третяковъ 5, стрижаковъ 14, стрижекъ 15, всѣхъ 112. Опрочъ сего лѣтнихъ лошасть, якіе еще ожеребляются.

Четвер. 30. Сей день былъ мокрій, а передъ вечеромъ похмурный, таковажъ и ночь была. Рано поехали зъ Перервинецъ и переехавши Вѣлоусовку, въ милю легкую отстоящую, пріѣхалемъ до Денисовки, миль у 2 отъ Вѣлоусовки разстояніемъ ишючойся, оттуду, пообѣдавши, тамъ у Костантия, зятя п. Ивановой Лубенской, поехали и пріѣхалемъ къ перевозу Горошинскому за 3 милѣ отстоящему отъ Денисовки, где перевязались, пріѣхалемъ до Горошина въ 8 верстахъ отстоящего, а оттуду у футоръ свой Криворудскій, у полтора милѣ отъ Горошина обрѣтаюнися.

М-ць май. Пятокъ. 1. Сей день зъ ранку былъ похмурный, а потомъ до вечера ясный и теплій, ночь была похмурна и мало холодновата. Коровъ въ хуторъ Бриворудскомъ донтєся 35, а недавно стала донть; воловъ рабочиѣхъ имѣется 10.

Субота. 2. Сей день былъ теплій и зъ ранку похмурный, а потомъ, грома перемѣнами, ясный и дождеватый зъ громоѣ, ночь свѣтла и тепла по мѣрѣ. Алексѣви Полуденскому оставилемъ приказъ въ 16 пунктахъ, такъже и о Сухоносовскомъ. Поехалемъ рано зъ Бривой Руди степомъ Хоролскимъ и уехавши миль 3, приѣхалемъ до шляху большого Ромадановского, где при дѣскахъ и водѣ обѣдалемъ, а по обѣдѣ поехавши, уехали миль зъ 4 и приѣхалемъ до корчи п. Павла (Апостола), миргород. полковника, где постояли болшъ часа, а оттуду поехавши, уехали миль болше двоѣхъ и стали на ночь при футорѣ хоружого пол. луб. Корсуна, недалеко отъ шляху стоячомъ.

Неделя. 3. Сей день былъ ясный и теплій сполдня, по сторонамъ дождчъ и хмары маліе, ночь свѣтла и тепла. Сегодня рано поехавши отъ ночлѣга, приѣхалемъ до рѣчки Бодакви, якъ бы миль у 2 отстоящей отъ ночлѣга, где оную перебувши, поехалемъ стороною отъ шляху Ромодановского въ правую сторону и приѣхалемъ у футоръ Якубовичевъ, якъ бы миль у 2 отстоящего отъ Бодакви, где и обѣдалемъ. А по обѣдѣ приѣхалъ ко мнѣ Несторовичъ и Тарасъ, съ которми обехавши футоръ тотъ вкругъ, приѣхали поздно у Гамалѣвскій мой новоустроенный футоръ где и ночовалемъ. 15-го апр. писанный листъ отъ Якубовича ко мнѣ, подалъ мнѣ отъ Тараса, въ якомъ пишетъ, слагаяся увесь въ волю мою, а обѣщаючи прислать для торговлѣ футорной чоловіка своего.

Понедѣлокъ. 4. Сей день былъ ясный и теплій, таковажъ и ночь. Поехалемъ рано съ футора зъ Несторовичемъ, попомъ Андрѣвскимъ, отцемъ Ивановъ, также зъ старостою и войтомъ Андрѣвскими и притомъ билъ слуга Тарасъ а обездилесмо межу по загонамъ къ футору Гамалѣвскому учиненнымъ за шляхъ Ромадановскій именуемій, чимъ Розбишовскій прикажчикъ и селяне тамошніе завладѣли, а обехавши такъ приѣхали до Андрѣвки, где и

обѣдалисмо: По обѣдѣ жо пріехали въ Ромень, предъ заходомъ слопца. Получилемъ вѣдомости зъ Глухова, а въ томъ числѣ печатный указъ зъ Москви 14-го априля, въ якомъ показано, чтобъ князь Алексію Григор. Долгорукову зъ сномъ его князь Ивановъ велено за показаніе вины жить ему зъ женою и зъ всѣми дѣтми, такожь князь Сергію брату его, въ дальнихъ ихъ деревняхъ безиздно, а другиѣмъ братьямъ, князь Ивану и князь Александру, бить въ отдаленныхъ городахъ воеводами, а князь Василию Лукич. Долгорукову жъ, посланному въ дальнюю его деревню, жить безиздно, за крѣпкимъ карауломъ.

Вовтор. 5. Сев день былъ вѣтряный и временемъ дожчевать, ночь вѣтряна жъ зъ дожчемъ. Сухоносовцѣ Шаповалъ зъ Маценкомъ купили воловъ мѣ 8 за 40 р. Да имъ же впредъ покупать воли далемъ 80 р. и отпустилемъ ихъ домой, а казано имъ запровадить воли въ футоръ Гамалѣвскій, где теперъ зъ сими волами будетъ 42 воли, а Кучарскимъ купленыхъ на Кривой Рудѣ 5, итого всѣхъ теперъ навется 47. Купилемъ коня тарана до моего за 16 р., у Вѣловодского Стеценка. Милемся у лазнѣ и кровь банками пускалемъ. Сторговалемъ мѣди пудъ по 8 р. и по 4 гривни.

Среда. 6. Сей день былъ мокрый зъ великимъ дожчемъ, ночь свѣтла а съ полночи хмурна. Мѣди купилемъ полъ 4 пуда, пудъ по 8 р., якая теперъ у Несторовича, и денги ему отдалемъ. Получили письмо отъ брата п. Семена о болной женѣ его, близъ смерти сущой. Ілля Васил. Ржевскій, капитанъ Володимерского полку, пріехалъ и ночовалъ со мною въ дому род. Жена брата моего Семена и дочь полковника Ахтирского Лесевичаго Параскевея въ Ахтирцѣ умра, 4-го часа по полудни.

Четвер. 7. Сей день былъ сперва вѣтрянъ, а потомъ погодній и теплій, ночь ясна. Ржевскій сегодня простился съ нами, а едетъ въ Москву. Черезъ Остапа Козорѣза, Перервинского, писалемъ до Алексія въ Сухоносовку о нанятію 4-хъ человекъ въ дорогу Гданскую гайдаевъ и приспособленне харчи на возъ воловий о 4-хъ волахъ, на що и денегъ 10 р. посладемъ. Черезъ Якова Дуброву визичилемъ у Воротяляка 40 р., а 20 чер. заложилемъ, и оніе за

5 пуд. мѣди, яка послѣтъ по ярмарку п. Несторовичу отложи-
лемъ, якіе п. Несторовичъ отдавши кунчимова, мѣдь тогда озметъ.
До 3-го пункта и сіе надлежитъ, что до Алексѣя писалемъ о пе-
регнаттю овецъ до футора Гамалѣевского и о присягѣ воловъ,
когда оніе куплени будутъ, на которіе далемъ Шаповалу 80 р.
Писалемъ до Костенецкого, сотника Конотопского, о приѣмѣ Якова
Дуброви зъ мониин волами въ Гданскую дорогу, и листъ ему Дуб-
ровѣ отдадемъ ¹⁾. Далемъ приказъ Романови, чтобъ онъ когда при-
детъ виправа зъ Сухоносевки со всѣмъ тямъ и зъ протчими рѣ-
чами, въ Ромнѣ оставшимися, сложившись на фурманъ Засулескихъ,
ехаль въ Глуховъ. Далемъ приказъ, въ 9 пунктахъ, Тарасу обѣ
устроениі футора Гамалѣевского и въ ономъ гребелки зъ спустомъ,
пасѣки и тютюву зъ пасѣчникомъ и тютюнникомъ, шинку, хать 7
населитъ. Мѣдь всю, тоестъ уже заплаченную полъ 9 пуда, завезти
въ Глинскъ, чтобъ зъ оной казани винничніе роблени били, о чомъ
и листъ до сотника Глинского данъ емужъ. П. Несторовичу пред-
ложилемъ, чтобъ онъ зехаль въ Смѣлоє воловъ осмотрѣтъ продаж-
нихъ, о якихъ Яковъ предлагаль. О преставленіи братовой моеї
п. Семеновой получивши вѣдомость, виехали зъ Ромна къ Ахтирцѣ
и ночовалемъ за 16 верстъ.

Пятокъ. 8. Сей день былъ теплій, свѣтлій, однакожъ вѣт-
раний, ночь свѣтла и тиха. Вставши рано отъ ночлега, переехали
село Липовое, полку Гадяцкого, отстоящее отъ Ромна въ 26 вер-
стахъ, а оттуду поехавши, уехали миль 3 и приехали въ село Хмтцѣ,
повисше Гадечого, въ лѣвой рудѣ лежачое, где черезъ рѣчку Грунку
греблюю переехавши, уехали съ полъ миль и приехали до рѣки Цсла,
черезъ которой поромами перевозылись, становиско имѣли. Оттуду
уехавши верстъ зъ 3, зближились къ мѣстечку Веприку, откуда
уехавши миль 3, уехали въ село Комиши, а оттоль поехавши зъ
милю, опочивали, а посля рушивши, уехали болгъ 2 миль и при-

¹⁾ Сотники Конотопскіе Костенецкіе вели большую заграничную торговлю быками; М — чъ проситъ тогдашняго сотника Осипа Костенецкаго — позволить гнать воловъ выѣстѣ, въ Дамцигъ. См. Опис. Стар. Малоросс., II, 198.

ехали въ село полковника ахтирскаго Злодѣеву чили Добрословле именуемое, около полночи; тутъ заночовали. Сегодня въ Ахтирскомъ монастырѣ было погребеніе братовой моеи Семеновои, на которое не заспѣлеть.

Суббота 9. Сей день былъ ясный и теплый, такова жъ и ночь. Рано вставши въ Добрословуцѣ, маестности полковничей, поехали до монастыра Ахтирскаго, у вороту отсюда либо у полтора отстоящаго, где службн Божой и панахида по умершей братовой выслушавши, приехали въ Ахтирку въ домъ полковничий, где и обѣдали купно съ гостини тамъ бывшими, и послѣ обѣда весь день тутъ пробыли.

Недѣля 10. Сей день былъ свѣтлый и теплый, однако жъ часами хмарки переходили и дождь надходилъ малій, а почъ свѣтла и тиха. Тутъ въ Ахтирцѣ обѣдали мы и Данило Ивацовичъ Перекрестовъ, и весь день пробыли.

Понедѣлокъ 11. Сей день былъ теплый, свѣтлый, такъ же и ночь. Писали мы съ Ахтирки въ Роменъ до родителки о своемъ въ Глуховѣ вездѣ, а до Несторовича о выправѣ фурманъ съ Романомъ и о Семену Бардаку, чтобъ увѣдомилъ мене похочетъ ли пойти запровадить оныхъ на низъ. Рано поехали мы съ полковникомъ и полковницею и братомъ съ Ахтирки и приехавши въ монастыръ ахтирскій, службн Божой выслушали и панахиду отправивши, гробъ братовой загребли, а мы обѣдали у Добрословуцѣ, отсюда по обѣдѣ протившись съ полковницею и братомъ, поехали съ полковникомъ и уехали верстѣ съ 7, приехали до его селца Ивановскаго, а отсюда простившись я съ ними, поехали въ путь свой и приехали въ село Тростянецъ, отстоящее отъ Ахтирки около 20 верстѣ, где въ дворѣ покойнаго духовника и заночовали. Увѣдомилися отъ полков. Ахтир., что князю Михайлу Мих. Голѣцину ея в-во подарила 3 волости въ Можайскомъ уездѣ, въ которыхъ душъ близь 6000 да съ вещей нѣкоторыхъ княгини и княжны Маріи.

Вторникъ 12. Сей день былъ теплый и свѣтлый, днемъ почастіи былъ вѣтеръ, а ночь свѣтла и тиха. Вставши рано съ Тростянца поехали и въ дорожѣ переехали село Череновку, якъ бы отъ

Тростянця версть у 5, а оттуду уехавши вурсть зъ 10, пріехалемъ въ городокъ Буромлу, Ахтирскаго полку, где и сталемъ квартирою въ дому Іосифа Гречаного. По обѣдѣ же, которій нѣлемъ отъ сотника тамошняго наказ., поехавши, уехалемъ болшь миль до селца Гребениковки, Антоновой Гамалѣиной, а оттуду такъ-же зъ милью до селца Сировотки, Сумскаго полку, а оттуду зъ добрую милью до Сумъ, где черезъ мостъ на Пелу устроенной переехавши, сталемъ квартирою на другой сторонѣ города, на холодной горѣ, въ загородномъ дворѣ Івана Кондратіева.

Среда. 13. Сей день былъ теплій и свѣтлій, а къ вечеру похмурный, въ ночь ветѣръ и дождь. Обѣдалемъ въ Сумахъ, по обѣдѣ пріехала въ Суми жена Івана Кондратіева, до которой ездилемъ въ городъ и поговора съ нею о заплатѣ служителямъ братнимъ и о пожиткахъ братнѣхъ, отехалемъ зъ Сумъ и уехали зъ полтори миль, сталемъ на ночь у хуторѣ его-жѣ Кондратіева, прозваномъ Степу.

Четвер. 14. Сей день спорва похмурный и дождчатый, потомъ свѣтлій и теплій зъ ночью хорошою. Поехавши рано зъ фutora, уехалемъ миль 2 и пріехалемъ въ село Вири, мастьность Івана Кондратіева, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ уехавши версть зъ 17, пріехалемъ къ мѣстечку Кризѣ, которое вправо оставивши, пріехалемъ версть зъ 6 и пріехалемъ въ село Ворожбу, где отпочивши поехалемъ и уехавши миль зъ 2 пріехалъ до села Клепалъ, оттуду уехавши зъ милью, недождаючи перевозу Сеймоваго, заночевалемъ.

Пятокъ. 15. Сей день свѣтлій и теплій, такова жъ и ночь. Рано перевозились черезъ порожъ, черезъ Сеймъ, уехалемъ милью до Путивля города, оттуду тако жъ уехавши милью, пріехалемъ до Вязюнки, селца монастыра Петропавловскаго Глух., гдѣ черсзъ Клевень греблю переехавши, въ дворцѣ монастырскомъ отдохнулемъ; псехавши оттуду, пріехалемъ въ Кочерги, за милью отъ Вязюнки, а оттоль въ Уздницю, такъ-же зъ милью, где—у пасѣцѣ своей былемъ. У пасѣцѣ видѣлемъ пчолы своей стоячей 264. Поехавши оттуду, ве-

чоромъ пріехали у футоръ свой Калюжновскій, где перемѣнивши коней, пріехали въ Сварковъ и тутъ жену свою застали.

Субота. 16. Петра, кухара, пріехавшаго зъ Москви, видѣлемъ и отъ онаго получилимъ письмо Камѣнского, который пишетъ, что посылаетъ полфунта чаю, цукру 25 фунт., рукавицъ и обрання лосиніе. Сей день былъ свѣтлій и теплій, однако-жъ по сторонамъ хмари, ночь свѣтла и тепла. Пріехали у вечеру въ Глуховъ, где засталимъ матку пріехавшую.

Неделя. 17. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночь такова-жъ. Сегодня обѣдалимъ у Потемкина, где были бригадиръ и проч., и подпіахомъ.

Понедѣлокъ. 18. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночь такова жъ. Сегодня обѣдалимъ у сестри Ульяи Ивановни, куда потомъ братъ п. Михайло пріехалъ; оттоль поехалисмо все трое до жени его, где въ карти играли. Отобрали у Демьяна принятыхъ грошей отъ Ульяи 64 р., еще виновать 26 р. Отобрали у Михайла Гавриленка принятыхъ грошей у должниковъ Чернѣг. полку 70 р. Писалимъ до господара о пріездѣ его сюда.

Вовтор. 19. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночь такова жъ. Сегодня обѣдалисмо зъ родителкою и женою у панен гетмановой, а потомъ зъ братомъ п. Михайломъ ездилисмо до сестри, гдѣ все обще, зъ маткою и женою, вечерали. Машталѣръ Федорець захорывалъ и въ шаленство прійшолъ.

Среда. 20. Сей день былъ вѣтряный, однако жъ свѣтлій и и теплій, ночь тиха и ясна, а передъ свѣтомъ была похиурна зъ малимъ дождикомъ. Обѣдалисмо зъ женою у сестри, которая поехала въ поліовіе свои маестности и оную опроважаючи, заехали до Тулиголовъ, где и ночовалимъ. Конь мой цуговий гвѣдый, у цигана Михайла купленный здохъ.

Четвер. 21. Сей день былъ свѣтлій и теплій и ночь такова жъ. Обѣдалисмо у насъ панѣ гетманова, дочери ея: Кулябчиха и Горленкова, Стефанъ Миклашев., для того, что жена моя и сестра именнинициѣ. По обѣдѣ билеи у обозного енер., оттоль заехалимъ до Потіомкина. Петръ Жураковскій, сынъ Василя Жу-

раковского, бывшего есаула енер., умре. Яковъ Дуброва приехалъ зъ Ворнинского ярмарку и объявилъ, что сторговалъ на мою потребу воловъ 13 у Сиблянскаго челоуѣка по 5 р. зъ 20 копѣйками, которому тутъ и отдалемъ сегодня денги, а именно 70 р. зъ малымъ чимъ.

Пятокъ. 22. Сей день былъ свѣтлый и теплый, и ночь такова жъ. Погребеніе Петру Жураковскому отправлено сегодня у церкви Михаила. Обѣдалимо у Мануйловичей, а по обѣдѣ посѣщалъ мене братъ п. Михайло, Дорошенко и Якубовичъ. Писалемъ черезъ почту до Камѣнскаго о карпузахъ (?) о шафѣ, о винѣ, о табаку, о присылкѣ челоуѣка Сварковскаго, коли не нуженъ.

Субота, 23. Сей день свѣтлый и теплый, и ночь такова жъ. Принималемъ лѣкарство проносное dom. laxativa композиціи Видлова капель 130, и имѣлемъ довольное дѣйствіе. Демянъ отправленъ на Ічанскій ярмарокъ для покупки воловъ, на что далемъ ему 150 р., да черезъ его до Тараса пошлалемъ на футорное строеніе 10 р. и приказъ далемъ Демяну, въ 10 пунктахъ, о выправѣ въ Гданскую дорогу и припровоженію такъ воловъ, яко и воза волового до Куренъ, и о Смоленѣцкаго вещахъ. Черезъ его жъ барма сукномъ послани Алексію и Тарасу. Ему жъ черезъ его жъ вручилиемъ обѣжковъ 6 для выправки грошей, а въ нихъ сумы 50 р. Петръ Воротелякъ приниуъ закладніе червонніе 20, а отобралъ у меня 40 р. Куріеръ..... (?) переехалъ и сказивалъ о скоромъ гетманскомъ приездѣ и что Андрей Кандиба умре въ Москвѣ.

Недѣля. 24, Сей день былъ свѣтлый и теплый и ночь такова жъ. Вылемъ рано у панен гетмановой и на службѣ у Бѣлогоповской церквѣ, а обѣдаломъ у себе зъ род.—ни и Якубовичемъ. По обѣдѣ ездилемъ до бригадира. Вечералимо обще всѣ, и съ нами Кондзеровская Гапка, Александръ зъ женою. Черезъ цедулку объявляетъ п. Григоріева (жена Журавки) зъ Новгородка, что купила на нашу потребу дерева 88 коловъ четверосаженныхъ, а тросаженныхъ 100, брусомъ четверосаженныхъ 100 и одинъ за 30 р. безъ галера.

Понедѣлокъ. 25. Сей день былъ сперва свѣтлѣй, а въ день похмурнѣй, а въ вечеру дождевать. и чрезъ всю ночь зъ громомъ блисканіемъ и великимъ дождя пролитіемъ. Сегодня приставлялъ я павици и геморгоиди отворять. Получилемъ писма зъ Москви отъ Курбатова и приложенныхъ медалей золотихъ 3, а серебряныхъ 6. Покроилъ себѣ шляфрокъ зъ пугвицами, зъ полъ 13 локтя атласу.

Вовтор. Сей день былъ свѣтлѣй и теплѣй, такъ же и ночь. Рано зъ п. Михайломъ ездилемо до Новоторжцова просить о дѣлѣ сестринномъ, чтобъ для изслѣдованія сюда слекать старосту и войта Кучеровского, а не туда оберъ офѣцора посылать. У вечеру посѣщали мене Ширай и п. Федоръ Савичъ. Отправлялемъ козака Глуховскаго до сестри Улани Ивановни и приложилемъ писмо Курбатова и медали золотой и серебряныхъ 2, и другіе писма. Купилемъ полъ 12 арш. бѣ (?) по 7 гривенъ.

Среда. 27. Сей день былъ теплѣй и свѣтлѣй и ночь такова жъ. Сегодня игралисмо у насъ съ пріѣхавшими п. Михайломъ и панеш его, и Люкою, у кадрилѣи, въ карти. Ездилемъ до бригадира и до Новоторжцова просить же о дѣлѣ сестри. Женѣ отдалемъ 30 р. на расходъ.

Четвер. 28. Сей день былъ свѣтлѣй и теплѣй, ночь похмурна. Обѣдалисмо у себе, по обѣдѣ п. Михайло, братъ, пріѣхалъ и Чуйкевичъ Федоръ. Зъ Ромна пріѣхали воловики фермане. У вечеру билемъ у бригадира.

Пятокъ. 29. Сей день былъ свѣтлѣй, однакожъ вѣтряній, ночь тиха. Рублювиковъ дополнилъ до 10 сотце. Родителка отехала въ Овдоволе и Стародубъ.

Субота. 30. Сей день былъ свѣтлѣй и теплѣй и ночь такова жъ. Жена поехала зъ родителкою въ тотъ же путь. Обѣдалисмо у Сухарева, именниника, и подпіяхомъ. Черезъ Александра далемъ Шлювову, канцеляриствъ, за дѣло сестри 2 р. Василь Уманецъ за доводячіея денги прислалъ гор. 109 вѣдеръ, по поштини.

Недѣля. 31. Сей день былъ погоднѣй, однако жъ мало холодноватѣй, а къ вечеру похмурнѣй и отчасти вѣтряній. Вѣжев-

Все изданіе составитъ 108—115 выпусковъ или 8 томовъ. Цѣна тому (14 вын.) на обывков. бум. 4 р. 20 к., на лучш. бум. 5 р. 60 к., тому въ перепл. 4 р. 50 к. и 6 р. За пересылку приплачивается 10% цѣны. *По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.* Допускается разсрочка на слѣд. условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб., послѣ чего высылаются первые 6 том. съ наложеннымъ платежомъ въ 5 р., остальные деньги выплачиваются трехмѣсячными взносами по 5 руб.

Подробные проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію бесплатно.

Главная контора: Москва, Доморуковскій, 8. Отдѣленія конторы: Одесса, Малый пер., д. Гессена; Саратовъ, Мило-Сергіевская ул. д. Губерн. Земской Управы; Томскъ, при Агентствѣ «Западная Сибирь»; Самара, при редакціи «Самарской Газеты»; Таганрогъ, при редакціи «Таганрогскаго Вѣстника.»

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на издаваемый въ С.-Петербургѣ ежемѣсячный историко-литературный и политическій журналъ

„ГАЛИЦКО - РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

посвященный знакомству съ событіями въ Прикарпатской Руси и съ бытомъ Русскихъ Галичанъ и другихъ славянскихъ народовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

1) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся событіямъ въ Россіи и за границей, въ особенности же, въ Прикарпатской Руси. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ, имѣющій цѣлью знакомить читателей съ важнѣйшими событіями церковной жизни Русскихъ Галичанъ и другихъ славянскихъ народовъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Монографіи, романы, повѣсти, стихотворенія, народныя пѣсни, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера, составленныя при содѣйствіи выдающихся русскихъ и галицкихъ поэтовъ, писателей и ученыхъ. 5) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 6) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій, корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 7) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальныхъ обзоровъ. 8) Библіографія и критика. 9) Мелкія извѣстія и послѣднія новости. 10) Иллюстраціи, соотвѣтствующія содержанію статей. 11) Справочный отдѣлъ. 12) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ пересылкою и доставкою во всѣ города Россіи и за границу на годъ 5 рублей, на полгода 3 рубля. Безъ пересылки и доставки (въ С.-Петербургѣ) на годъ 4 рубля, на полгода 2 рубля.

Подписка принимается: въ Редакціи „ГАЛИЦКО-РУССКАГО ВѢСТНИКА“, С.-П.-бургъ, Гороховая № 15; въ Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго

театра № 9; въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Редакторъ-издатель; В. Драгомирецкій.

1895 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

СЪ БЕСПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

„Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената“ и „Собранія узаконеній и распоряженій Правительства“.

Выходитъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежи: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—3 рубля.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи.—Законодательная хроника въ Россіи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и иностраннаго законодательства.—Статьи и замѣтки по вопросамъ, возникающимъ въ судебной и административной практикѣ.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи изъ Россіи и заграничи.—Выдающіеся процессы и рѣш. —Фельетонъ.—Движеніе по государственной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собранія узак. и распор. прав.).—Рѣшенія Правительства. Сената и циркуляры подлежащихъ министерствъ.—Списки дѣлъ назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, призванныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣрностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору редакціи „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ, какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разъясненіемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти контора редакціи принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассационныхъ департаментовъ и Общаго Собранія Правительства. Сената производится въ „Юридической Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“ и пригонъ не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе года. Лица или учрежденія, желающія получать по дѣламъ Кассационныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому

отдѣльному дѣлу, а желающіа получить ее по телеграфу, прилагаютъ кромѣ того и стоимость отдѣльной телеграммы. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 2. Всѣ другія справки и порученія по всѣмъ вообще правительственнымъ, административнымъ и судебнымъ (центральнымъ и мѣстнымъ), общественнымъ, словеснымъ и частнымъ учрежденіямъ производятся не иначе, какъ на условіяхъ предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 5. Контора редакціи „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣла.

2—3

Ученыя Записки

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1895 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совета, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обзорнѣя преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; важныя историческія и литературныя съ научными комментаріями и памятники имѣющіе научное значеніе и еще не собранованныя.

Ученны Записки выхадць періодычэски шэсць р азъ въ годъ книжкамі въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложениями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ө. Мищенко.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ

IV^о-я
годъ
изданія

МІРЪ БОЖІЙ.

IV^о-я
годъ
изданія

ВЫХОДИТЬ 1-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА.

въ размѣрѣ 18—20 печатныхъ листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журна «Міръ Божій» — давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе, въ видѣ—1) оригинальныхъ и переводныхъ беллетристическихъ произведеній, какъ новѣйшихъ, такъ и классическихъ; 2) научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) критическихъ и библиографическихъ отзывовъ о важнѣйшихъ явленіяхъ современной литературы и 4) извѣстій о выдающихся событіяхъ текущей русской и заграничной жизни, литературы и науки. Имѣя въ виду не только юношество (подъ которымъ редакція разумѣетъ, конечно, не подростковъ 13—14 лѣтъ), не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о тщательномъ подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность съ одной стороны слѣдить за движеніемъ современной мысли, а съ другой—приобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, общественнымъ и историческимъ.

Въ 1895-мъ году журналъ будетъ издаваться съ тѣми же сотрудниками и по той же программѣ, при чемъ для напечатанія препролагается, между прочимъ, слѣдующее:

«По новому пути», романъ Д. Мамина-Сибиряка; «Исторія одной жизни», повѣсть К. Станюковича; «Изъ прошлаго», повѣсть А. Лугового; «Князь и кметы», историческій романъ Крашевскаго; «Тайнственная исторія», романъ Оноре Бальзака; «Процессы оплодотворенія въ растительномъ царствѣ» (съ рисунками), проф. И. Бородинна; «Окраска животныхъ» (съ рисунками), проф. Н. Холодковскаго; «Мозгъ и мысль», проф.

Челпанова; «Неорганический міръ» (съ рисунками), очерки В. Агафонова; Основы психологіи» съ франц. подъ ред. проф. Г. Челпанова; «Исторія цивилизациі до среднихъ вѣковъ» (съ рисунками), Дюкдрэ, перев. подъ ред. Д. Боропчевскаго; «Очерки русской культуры» проф. Н. Милюкова; «Біографія Ив. Серг. Тургенева» (съ вѣск. портрет.), Ив. Иванова; «Изъ исторіи прессы» А. Слѣпцова; «Маркъ-Аврелій», очеркъ И. Красноперова; «Добрыя обычаи и нравы» (изъ воспоминаній изслѣдователя), Ф. Щербини; «Очерки народнаго труда», Н. Мурашкинцевъ.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой—7 р., безъ доставки—6 руб., за границу—10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербурѣ: въ главной конторѣ и редакціи—Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка черезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей. Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 5% съ каждаго экземпляра.

Изд. А. Давыдова.

Ред. В. Острогорскій.

Имѣются годовыя экземпляры 1894 и 1893 года, за 1892 годъ всѣ экземпляры израсходованы.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

Знамя газеты: Люди—братья; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи ко благу общему.

Основная задача газеты—изученіе нуждъ родной земли. Работы, начинанія, проекты, ошибки и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширнаго и все еще мало изслѣдованнаго отечества—вотъ тотъ матеріалъ, которымъ мы преимущественно стремимся дѣлиться съ труженниками-участниками общественной работы.

Освѣщая нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа—мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребляемъ всѣ усилія, чтобы «Русская Жизнь» по вопросамъ какъ внутренней, такъ и вѣшной политики, была органомъ, дѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Съ переводомъ печатанія «Русской Жизни» въ устраиваемую нынѣ свою типографію размѣръ газеты будетъ увеличенъ безъ увеличенія подписной платы.

Подписная цѣна съ пересылкой для ивгородинихъ: На годъ—9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяць—1 р., для городскихъ—8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; за границу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допущается со взносомъ не меньше 1 рубля ежемесячно впередъ

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается бесплатно по 1 января 1895 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ; оплатившимъ полугодовую подписку ранѣе 1 декабря газета высылается бесплатно за декабрь сего года.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Отдѣленія Конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Комп. Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Ситина и въ Конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Томскъ—при книжн. магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-Издатель А. Пороховицковъ

2—3

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

ГАЗЕТА

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1895 ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п. Особенное вниманіе будетъ обращено на сельское хозяйство, свеклосахарную промышленность, лѣсоводство и пр.

- 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя, приче́мъ будетъ обращено особое вниманіе на коммерческія извѣстія.
- 3) Корреспонденція внутреннія и заграничная.
- 4) Извѣстія изъ славянскихъ земель.
- 5) Повѣсти, рассказы и романы.
- 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (Фельетонъ).
- 7) Обзорѣніе русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ.
- 8) Критика литературная, художественная и театральная.
- 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.
- 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и вѣдѣи. Товарный рынокъ. Железныя дороги, парьходы, гѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на «Кіевское Слово» съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50 к.; безъ доставки и пересылки—на годъ—8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсацевъ вторые 5 р., безъ доставки въ тѣ-же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяць. За перемѣну иногороднаго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ редакціи, на Большой Владимірской, д. № 35, А. Я. Антоновича, 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: Л. Идзиковскаго. Б. В. Корейво и Н. Оглоблина.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ Главную Контору «Кіевского Слова», Большая Владимірская домъ № 35.

Редакторъ-издатель *В. М. Бодиновъ*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяда, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прѣзніе годы.

Постоянные отдѣлы журнала слѣдующіе: 1) Изыщная словесность (Оригинальные и переводные романы, повѣсти рассказы, очерки, стихотворенія и т. д.) 2) Наука (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) Искусство (обозрѣнія театральныя, музыкальныя, художественныя и др.) 4) Воспоминанія 5) Путешествія. 6) Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. 7) Критика и библиографія (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ литературы, новости иностранной журналистики и обозрѣнія духовныхъ журналовъ.) 8) Вопросы церковной жизни. 9) Современные вопросы. 10) Мѣтопись печати. 11) Внутреннее обозрѣніе. 12) Иностранное обозрѣніе. 13) Иностранныя корреспонденціи. 14) Экономическія замѣтки. 15) Областной отдѣлъ (письма и сообщенія изъ провинціи.) 16) Объявленія.

Содержаніе книгъ 1895 г. будетъ отличаться богатствомъ, разнообразіемъ и полнотой. Приобрѣтено, между прочимъ, для напечатанія неизданное произведеніе И. А. Гончарова и богатый запасъ писемъ Аксакowych, Ю. О. Самарина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевскаго, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, К. Н. Леонтьева, А. Ф. Писемскаго, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. Е. Салтыкова, (Щедрина). В. М. Гаршина и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—3 руб., 75 коп., на 1 мѣс.—1 р. 25 коп. Съ пересылкой за границу—18 руб.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія вслѣдствіе, полковыя бібліотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала и во всѣхъ лучшихъ книжн. магазиннахъ.

Магазинамъ уступки—50 коп. съ экз.; доставившимъ подписки на 10 экз. и болѣе—уст. 10% съ экз. Подписку съ разсрочкой платежа просить адресовать исключительно въ контору редакціи. Книжки журнала 1890—1891 г. г. продаются въ конт. ред. по 7 руб. за годъ, 1892—1894 и. г. по 5 руб. за годъ. Пересылка доплачивается на мѣстѣ по расчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: Москва, редакція «Русскаго Обозрѣнія» (уг. Тверской и М. Гнѣздииковскаго пер. д. Спиридонова).

Редакторъ-Издатель *Анатолій Александровъ*.

2—3

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами около 15 листовъ. Первая книга выйдетъ въ Ноябрь мѣсяцъ сего 1894 года.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно Въ Главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Студенты Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго лица, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи, С.-Петербургъ, Екатерининская улица, зданіе Министерства Юстиціи. Рукописи должны быт направлены въ редакцію. Причитающійся гонораль можетъ быт высланъ иногороднимъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ, Членъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи учрежденной,

Профессоръ *Н. Сертневскій*.

2—3

13

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА
ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

„СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ“.

Въ 1894 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было напечатано: «Зарницы», пов. В. Микуличъ (автора «Мимочки»). «Неизлечимые», пов. П. Боборыкина. «На разныхъ дорогахъ». ром. Вас. Немировича-Данченко. «Совершенство и Татьянинъ день», разск. гр. Л. Л. Толстого. «Лужка», разск. Е. Лытковой. «Въ странѣ пирамидъ», рассказы Д. Мордовцева. «Женская жизнь» пов. М. Крестовской. «Утрата», разс. А. Стернь. «Тайна рѣки» пов. Ф. Нефедова. «Чиновничьи клавиорды», быль Н. Трахимовскаго. «Гомочка», пов. В. Дмитріевой. Статьи: «Рознь между художниками» В. Стасова. «Новые союзы въ Европѣ» гр. Л. Камаровскаго. «Типы преступниковъ» проф. Ю. Цетри. «Воспоминанія о П. И. Чайковскомъ» Г. Лароша. «Двѣ славянскія повѣсти» П. Боборыкина. «Первый Публицистъ въ Европѣ» проф. А. Шенелевича. «Встрѣчи» Ник. Ге. «Земское страхованіе» И. Вернера. «Сельскія бібліотеки» В. Вахтерова. «Тургеневъ и Толстой» проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго. «О себязлюбіи, какъ двигателя общественной жизни» проф. А. Исаева. «Принципъ свободы въ царствѣ животныхъ» проф. Н. Вагнера; «Связка писемъ Герцена», Е. Некрасовъ. «Жоржъ Завдъ» П. Вейберга. «Въ Палестинѣ» очерки Б. Борженевскаго. «Записки А. О. Смирновой» (125—45 гг.). Бесѣды государя Николая I, Пушкина, Жуковскаго, Гоголя и др. Переводы: «Изъ дневника Аміеля», пер. гр. М. Толстой, подъ ред. и съ предисловіемъ гр. Льва Толстого. «Семейство Поланецкихъ», ром. Г. Сенкевича. «Современная Ніобея», ром. Юнаса Ли. «Торжество смерти», Г. д'Аннунціо и много друг.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлъ. 2) Провинціальная печать Л. Прозорова. 3) Критика и бібліографія. 4) Письма: изъ Америки, изъ Франціи, изъ Итали, изъ Англии. 5) Внутреннее обозрѣніе. 6) Политическая лѣтопись Л. Полонскаго. 7) Театръ. 8) Изъ жизни и литературы. 9) Литературныя замѣтки. А. Волынскаго.

Условія подписки на 1894 г.

По полугодіямъ

По четвертямъ года

Безъ доставки въ Спб.	На годъ.	Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Огт.
въ конторы журнала.	12 р.—к. 6 р.—к.	6 р.—к.	3 р.—к.	3 р.—к.	3 р.—к.	3 р.—к.	3 р.
Съ доставкой въ Спб.	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ перес. въ Имперіи.	13 „ 60 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
Заграницей	16 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Подписка на всѣ означенные сроки. Разсрочка платежей. Служаще могутъ вносить помѣсячно за ручательствомъ казначеевъ.

Подписка принимается. Въ Гл. Конт.—Спб., Троицкая ул., 9, и въ моск. отдѣл.—Тверская, близъ памятника Пушкина; д. Сазикова. Кромѣ того, въ Спб.—въ книжн. магаз. Фену, въ Москвѣ—въ кон. Н. Печковской, во всѣхъ книжн. магазин. Карбасникова, «Новаго Времени» и др.

Издательница *Л. Я. Гуревичъ.*

Редакторъ *М. Н. Альбрехъ.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

(ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ)

Въ 1895 г. (годъ 25-й.)

Журналъ будетъ издаваться въ 1895 г. по той-же расширенной программѣ, обнимающей всѣ отрасли юридическихъ и государственныхъ наукъ, при тѣхъ-же постоянныхъ сотрудникахъ, какъ и въ текущемъ году.

Отдѣлы журнала: 1) Оригинальныя статьи, 2) Хроника законодательства и суда, 3) Критика и библиографія, 4) Указатель юридической литературы, 5) Замятки и извѣстія.

Журналъ даетъ 10 ежемѣсячныхъ книгъ (кромѣ Іюля и Августа); въ каждой книгѣ не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Безъ доставки въ Спб.	8 р.
Съ доставкой въ Спб.	8 р. 50 к.
Съ пересылкой.	9 р.
Съ кассационными рѣшеніями сената (съ доставкой и пересылкой).	13 р.

Члены Юридическаго Общества, Студенты и вообще учащіеся, а также кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности платятъ половину, т. е. 4 р. 50 к., а съ кассац. рѣш. 8 р. 50 к.,

Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р, съ кассац. рѣш. 8 р. остальныя деньги въ Іюнѣ.

Подписка принимается въ Конторѣ журнала (Спб., Новосакиевская, 4, кв. 7.) и въ книжныхъ магазинахъ: Мартынова (Невскій, 46) Новаго времени, Риккера (Невскій, 14.) Анисимова (Садовая, 18), Цинзерлинга (Невскій 20).

Контора открыта по вторникамъ и пятницамъ, отъ 7 до 9 ч. воч.
 Редакція (Спасская, 16) открыта по вторникамъ отъ 2 до 4 час.

Редакторъ проф. В. Латкинъ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1895 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступаая въ 1895 году въ двадцать шестой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣрнѣ своей первоначальной программѣ — разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личные записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личные воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1895 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ А. Ф. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьева, Н. Ф. Дубровина, Жмакина, А. И. Ильинскаго, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Я. Ольшескаго, М. Л. Песцовскаго, В. В. Стасова, Тучкову-Огареву, Н. К. Шильдера, Н. Л. Шираева, В. И. Шенрока, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и рвзказы оцѣлыхъ эпохахъ; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей

государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусства; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе рассказы и преданія; 9) Челобитныя и разныя документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Отзывы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словесность; 13) Архивныя документы; 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, но бывшія подписчиками въ 1894 году, если пожелаютъ получить первую часть Записокъ В. А. Инсарскаго, которая была напечатана въ 1894 году, приплачиваютъ 50 коп.

Войсковныя части могутъ выписывать „РУССКУЮ СТАРИНУ“ чрезъ редакцію „Досугъ и Дѣло“.

Редакція печатаетъ и выпуститъ въ свѣтъ въ январѣ 1895 года

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Эти записки въ видѣ извлеченій и отрывковъ появлялись уже въ печати, но никогда не были изданы въ полномъ ихъ объемѣ. Нынѣ редакція „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ приобрѣла отъ его брата полный экземпляръ подлинной рукописи и приступила къ отдѣльному изданію безъ всякихъ пропусковъ и какихъ либо сокращеній. Такимъ образомъ въ первый разъ появится въ печати полный трудъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля и патріота, дѣйствовавшаго въ трудную для Россіи эпоху Отечественной войны.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ на 1895 г., подписавшихся до 1 февраля, уступается за 1 р. 50 к.

— Ивогородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылать деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фон-

танка, 145. Крімъ того подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одесѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. —

За своевременную и аккуратную доставку журнала редація принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вишней политики и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго Телеграфнаго Агенства“. V. Последнія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ) и извѣстія другихъ газетъ. VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Вишнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библиографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія; дѣла назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редація имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи..

Крімъ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11—	10 50	10—	9 20	8 50	7 80	7—	6—	5—	4—	3—	1 50

съ доставкою въ Харьковъ:

10—	9 50	9—	8 25	7 50	6 75	6—	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20
-----	------	----	------	------	------	----	------	------	------	------	------

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Краѣ“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

2—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1895 годъ.

Съ октябрьской книжки 1894 г. право изданія журнала «Русскій Вѣстникъ» перешло въ Товарищество «Обществ. Польза». Въ журналѣ примутъ участіе всѣ бывшіе сотрудники и редакторъ Ф. Н. Бергъ, и кромѣ того возобновлены приглашенія выдающихся сотрудниковъ, которые изъявили готовность принять дѣятельное участіе; изъ нихъ талантливый С. С. Татищевъ возобновляетъ имѣвшія такой успѣхъ ежемѣсячныя «Политическія Обзоренія» и дастъ рядъ историческихъ этюдовъ. На 1895 годъ намъ обѣщаны: Д. В. Григоровичемъ его новое произведеніе. П. П. Гвѣдичемъ,—повѣсть и новый романъ Ѳ. Головина (Орловскаго), который начатъ печатаніемъ съ Ноябрьской книжки 1894 г. и новыя подисчислены на 1895 г. могутъ получить начало романа бесплатно, при заявленіи своемъ. Академикомъ, непр. секр. Ак. Наукъ Н. Ѳ. Дубровинымъ—новый историческій этюдъ «Наполеонъ I въ современномъ ему обществѣ и въ русской Литературѣ». Проф. Н. Любимовъ дастъ рядъ статей. Вице-президентъ. Ак. Наукъ, Л. Н. Майковъ—продолженіе его литературныхъ этюдовъ. Будутъ помѣщены: повѣсть «Перемелется мука будетъ» Д. М. Позняка, новый романъ. Вс. С. Соловьева, повѣсть «Покнутый» Пронскаго и много другихъ произведеній.

Редакція и Контора. журн. «Русскій Вѣстникъ» помѣщаются въ Товариществѣ «Общественная Польза» ОПБ., (Больш. Подъяч., 39), куда и просать обращаться гг. авторовъ имѣющихъ надобность до до редактора, который принимаетъ по вторникамъ и четвергамъ отъ 12 до 2 час. пополудни

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстанка», состоящее изъ ежемѣсяч. книжекъ, выходящихъ каждаго, 1 числа, въ 1895 г. стоитъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и перес. 15 р. 50 к., съ доставк. 16 р., съ перес. во все города Россіи 17 р. Допускается разсрочка взносовъ только чрезъ Главную Контору журн. «Русскій Вѣстникъ», Больш. Подъяч. д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятся девять руб., а остальная сумма къ 1-му юня. 2) Для служащ. за поручительст. казнач. со взнос. по 1 р. 50 к. въ мѣсяць, впредь до уплаты всей подписной суммы. 3) Для учащихъ допускается уступка и разсрочка платежа: при подпискѣ вносятся 2 р., а затѣмъ при полученіи каждой книги уплачив. по 1 р., т. е. всего 14 р. безъ доставки и перес. За границу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго союза— 18 р. Въ прочія мѣста загранич. подписка приним. съ пересыл. по существ. тарифу.

Подписка на «Русскій Вѣстникъ» приним. въ Петербургѣ: для городск.—въ Конторѣ Журнала «Русскій Вѣстникъ» въ Товариществѣ «Общественная Польза» (Больш. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. «Новаго Времени» (Невск. 38); въ Москвѣ: въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей»—на Отраст. бульв., въ книжн. магазинѣ «Новаго времени» (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петревск. линіи). И. городскихъ и иногородныхъ просать покорнѣе адресоваться прямо въ контору «Русскаго Вѣстанка», Спб. Товарищество «Общественная Поля» Бвльш. Подъяч., д. 39 Статьи, присланныя въ редакцію, безъ условій, предоставляются въ полное распоряженіе ея относительно сокращеній, срока помѣщенія и оплаты. Стихотворенія и мелкія статьи, къ печати неудобныя, не возвращаются.

1—3

О В Ъ И З Д А Н І И

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1895 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою пѣлю, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколъ засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, сомсканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и сама диссертациі
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—официальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научнаго содержания), съ отдѣлами — критико-библиографическимъ, посвященнымъ критическому обзорѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроникѣ заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1895 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій, безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ коплекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платять за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер, а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. многогородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленію Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

1—3

Годъ 37-й „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ Годъ 37-й

журналъ литературно-художественный и сатирической съ каррикатурами.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ.

Вступая ВЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ годъ своего существованія, «РАЗВЛЕЧЕНІЕ» надѣется, что будетъ почтено тѣмъ же сочувствіемъ, которымъ пользовалось въ теченіе ТРИДЦАТИ ШЕСТИ лѣтъ. Съ своей стороны редакція, не возвышая цѣны, сдѣлаетъ все возможное для улучшенія журнала, какъ въ литературномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи и употребитъ всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы «РАЗВЛЕЧЕНІЕ» осталось неизмѣнно однимъ изъ популярнѣйшихъ журналовъ.

«РАЗВЛЕЧЕНІЕ» дастъ въ годъ пятьдесятъ №№, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 каррикатуръ. Литературный отдѣлъ вышцаетъ въ себѣ массу художественныхъ разсказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода юмористическихъ мелочей, трактующихъ злобу дня. Въ то-же время редакція, проникнутая горячимъ стремленіемъ стоять на стражѣ общественныхъ интересовъ и рисовать полную картину нравовъ современнаго общества, дастъ въ журналѣ мѣсто различнымъ статьямъ и фельетонамъ, обсуждающимъ въ юмористическомъ тонѣ всѣ общественныя дѣла столицъ и провинціи.

«РАЗВЛЕЧЕНІЕ» остается по прежнему самымъ доступнымъ по цѣнѣ изъ всѣхъ русскихъ юмористическихъ журналовъ.

Условія подписки: на годъ ШЕСТЬ (6) рублей; на полгода (3) ТРИ рубля.

Пробный номеръ высылается за ТРИ семикопѣчныя марки.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Главной Конторѣ журнала «Развлеченіе»: на Страстной площади, въ домѣ Чижова; а также въ конторѣ Н. П. Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

За исправную доставку журнала Контора отвѣчаетъ только предъ лицами, выславшими деньги непосредственно на имя редакціи журнала.

Адресовать: Москва, журналу «РАЗВЛЕЧЕНІЕ».

Въ самомъ непродолжительномъ времени, съ разрѣшенія ВЫСШАГО НАЧАЛЬСТВА при редакціи журнала «РАЗВЛЕЧЕНІЕ» будетъ открытъ общедоступный

КАБИНЕТЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ

всѣхъ русскихъ и наиболѣе распространенныхъ иностранныхъ газетъ и журналовъ

1—3

1895 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 56-й г. изд.

НА

„НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

Съ 1-го Января 1895 году «НУВЕЛЛИСТЪ» вступаетъ въ 56-й годъ своего существованія. Сколько музыкальныхъ журчаловъ въ теченіи этого времени рождалось на Руси! Но всѣ они, просуществовавъ нѣсколько лѣтъ—умирали, не оставяя послѣ себя никакой памяти. Такъ ушли въ вѣчность «Музыкальный Свѣтъ», «Музыкальный Вѣстникъ», «Музыка и Театръ», «Музык. Эхо», «Музык. Миръ», «Музык. Сезонъ», «Музык. Мірокъ», «Гудокъ», «Звѣзда», «Баянъ» и много друг. Въ прошломъ году окончилъ свое существованіе послѣдній музык. журналъ «Муза». Это доказываетъ, что никто изъ издателей не понималъ потребности общества, потребности самы. Между тѣмъ какъ характеръ «НУВЕЛЛИСТА» и его программа настолько отвѣчаютъ требованіямъ большинства публики, что существованіе его съ каждымъ годомъ упрочивается. Матеріаль «НУВЕЛЛИСТА» настолько богатъ и разнообразенъ, что удовлетворяетъ и хорошаго музыканта, и скромнаго любителя.

ПРОГРАММА «НУВЕЛЛИСТА».

Въ 1895 г. «НУВЕЛЛИСТЪ» будетъ выходить, какъ и прежде, аккуратно каждое первое число тетрадами, заключающими въ себѣ: Салонныя пьесы извѣстныхъ композиторовъ, въ двѣ и четыре руки. Новыя танцы (польки, вальсы, мазурки, кадрили). Русскіе романсы для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепиано. Легкія пьески для дѣтей для фортепиано и для скрипки съ фортепиано и Дѣтскія пѣсенки.

Редакція «НУВЕЛЛИСТА» обратитъ также особое вниманіе на Дѣтскій отдѣлъ, пьесы котораго подъ руководствомъ опытнаго педагога Н. А.

Тивольскаго, будутъ распределены по степени трудности съ обозначеніемъ правильной аппликатуры.

Годовой экземпляръ «НУВЕЛЛИСТА» составитъ обширный томъ по крайней мѣрѣ въ 400 стр. большого нотнаго формата, заключающій въ себѣ до 100 строго выбранныхъ музыкальныхъ номеровъ музыки.

Кромѣ огромнаго количества Музыкальныхъ пьесъ «НУВЕЛЛИСТЪ» дастъ:

ПРЕМІЮ

Полную оперу въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти номеровъ указанныхъ редакціею.

Подписная цѣна на годъ . . . . . 5 руб.

Съ пересылкой или доставкой . . . . . 6 руб.

Для гг. служащихъ допускется разсрочка черезъ ихъ казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» при Музыкальномъ Магазиנѣ М. Бернарда, Б. Морская, 26. Въ Москвѣ въ музыкальномъ магазинѣ П. И. Юргенсона, Неглинный проѣздъ 10. Въ Кіевѣ у Идзиковскаго. Въ Казани въ муз. магаз. «Восточная Лира».

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

II годъ.

на 1895 годъ

II годъ.

на кіевскую ежедневную, литературную, политическую и художественную газету

„ЖИЗНЬ и ИСКУССТВО“

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ.

УСЛОВІЕ ПОДПИСКИ.

	На 1 годъ.	на 6 м.		на 3 м.		на 1 м.	
	руб.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Съ пересылкой и доставкой	8	5	—	3	—	1	—
Безъ доставки.	6	3	75	2	75	—	75

Для годовыхъ подписчиковъ допускется разсрочка: при подпискѣ 4 руб., къ 1 мая—2 руб. къ 1 іюлю—2 руб., а для служащихъ въ администр., судеб. обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная ул. № 8 А.

Издатели: *И. П. Мануковъ* и *М. Е. Краинскій*.

Редакторъ: *М. Е. Краинскій*.

1—3

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1895 году.

(33-й годъ изданія).

Вступая въ тридцать третій годъ изданія, «Саратовскій Листокъ» остается при тойже программѣ и при прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ. Редакція старается улучшать свое изданіе, сообразно съ запросами времени и интересами общества.

Редакторъ-издатель *И. О. Лебедевъ.*Издатель *И. П. Горизонтовъ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой въ Саратовѣ:		Съ пересыл. въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
— 11 мѣсяцевъ.	6 — 50 —	— 11 мѣсяцевъ	7 — — —
— 10 —	6 — — —	— 10 —	6 — 50 —
— 9 —	5 — 50 —	— 9 —	6 — — —
— 8 —	5 — — —	— 8 —	5 — 50 —
— 7 —	4 — 50 —	— 7 —	5 — — —
— 6 —	4 — — —	— 6 —	4 — 50 —
— 5 —	3 — 50 —	— 5 —	4 — — —
— 4 —	3 — — —	— 4 —	3 — 50 —
— 3 —	2 — 50 —	— 3 —	3 — — —
— 2 —	2 — — —	— 2 —	2 — 40 —
— 1 —	1 — — —	— 1 —	1 — 20 —

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ редакція находитъ возможнымъ допустить разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ: первые вносятъ: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 руб.; иногородные: при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е число каждого мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Немецкая, домъ Онезоре.

Объявленія принимаются: на 1-й стриницѣ первые три раза 20 к. за строку, въ послѣдующіе разы по 15 к.; на 3-й и 4-й—первые три раза по 7 к., въ послѣдующіе разы—по 5 коп. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой.—Объявленія изъ-за-границы и всѣхъ мѣстъ Россійской

имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приложск. губ., принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 к. и послѣ текста 10 к. за строку петица.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи

ЕЖЕДНЕВНУЮ

(не менѣе 330 № въ годъ.)

политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщая на столбцахъ «Одесскихъ Новостей» обильный матеріалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной—мы не ограничивались однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактовъ, а старались, по возможности, давать имъ надлежащую оцѣнку и освѣщеніе.

Въ газетѣ «Одесскія Новости» помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики, литературы, искусства, науки и техники. Кромѣ специально посвященныхъ данному вопросу статей и сообщеній, помѣщаются фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки и рассказы, журнальное обзорѣніе, театральное обзорѣніе и научно-технической фельетонъ. Кромѣ того, на праздникъ Рождества Христова, выдается подписчикамъ иллюстрированный «Дѣтскій номеръ» содержащій рассказы, стихотворенія, анекдоты и популярный научный очеркъ, предназначенные для дѣтскаго чтенія. Особенно развитымъ является въ «Одесскихъ Новостяхъ» областной отдѣлъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 66 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и кромѣ того корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ заведены болѣе прочныя сношенія съ заграницей, и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты. Не довольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ (кроковъ), переносимъ, такъ сказать, читателей какъ и самые отдаленные уголки общечеловѣческой жизни, давая возможность видѣть наглядно происшествія, событія, выдающихся людей, замѣ-

чательныя зданія и т. д., такъ и въ ближайшія къ намъ провинціи и города, — ставя впереди Одессу, — помѣщая не только рисунки всего выдающагося въ нихъ, но и портреты мѣстныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городского управленія, педагогич., науки и т. п.

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ, «Одесскихъ Новостей» значительно пополненъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевд), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Герцо-Виноградскій, Дюнео, профессоръ И. А. Ивановскій, профессоръ С. И. Иловайскій, А. Е. Кауфманъ, профессоръ А. И. Кирпичниковъ, Т. Л. Куперникъ-Шенкина, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), профессоръ А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, М. Г. Моргулисъ, К. Н. Повосельскій, В. И. Ребиковъ, профессоръ Ф. И. Успенскій, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), И. М. Хмѣльницкій, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. А. Яковлевъ, М. Г. Яровъ и др.

Кромѣ поименованныхъ лицъ, намъ обѣщали свое сотрудничество нѣкоторые столичные писатели, имена коихъ будутъ своевременно опубликованы.

Какъ до сихъ поръ, мы впередь будемъ неуклонно идти по пути улучшеній и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывчивой на всѣ назрѣвающія потребности жизни, безукоризненной по своему направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты во внѣшнемъ техническомъ отношеніи.

Съ 15 августа редакція, контора и типографія, «Одесскихъ Новостей», перешли въ новое роскошное помѣщеніе, въ недавно отстроенномъ домѣ Бродскаго на углу Рижельской и Греческой улицъ.—

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «ОДЕССКІЯ НОВОСТИ»

Безъ доставки и пересылки:	Съ доставкой и пересылкой въ другіе города:
На 1 мѣсяць . . . . . — р. 90 к.	На 1 мѣсяць . . . . . 1 р. — к.
» 3 » . . . . . 2 » 50 »	» 3 » . . . . . 2 » 75 »
» 6 » . . . . . 4 » 50 »	» 6 » . . . . . 5 » — »
На годъ . . . . . 8 » — »	На годъ . . . . . 9 » — »

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяць. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала 2-го полугодія 4 руб.

Въ розничной продажѣ 5 коп. нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ ОДЕССѢ въ Главной Конторѣ: Греческая ул., д. № 24.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерманъ, Александровскъ, Алешкахъ, Балтъ, Батумъ, Бендерахъ, Бердичевъ, Бердянскъ, Березовкѣ, Бершадѣ, Богополѣ, Бериславѣ, Болградѣ, Бобруйскѣ, Вин-

ницѣ, Вознесенскѣ, Верхедѣлѣпровскѣ, Гомелѣ, Генчискѣ, Гайсинѣ, Дунаевцахъ, Евпаторіи, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Елисаветградѣ, Житомирѣ, Измаилѣ, Килии, Крив.-Рогѣ, Крив.-Озерѣ, Кіевѣ, Каховкѣ, Каменець-Подольскѣ, Казатинѣ, Керчи, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Липовцѣ, Лудкѣ, Мариуполѣ, Мелитополѣ, Москвѣ, Могилевъ Подольскѣ, Новомиргородѣ, Новогеоргиевскѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Оргѣвѣ, Полтавѣ, Проскуровѣ, Рени, Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смѣлѣ, Симферополѣ, Сорокахъ, Тирасполѣ, Талькомѣ, Тульчинѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Хотињѣ, Херсонѣ, Ялтѣ, Феодосіи.

Редакторъ-Издатель *А. Старковъ.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ» имѣетъ цѣлю удовлетворить потребности всѣхъ образованныхъ людей, не чуждыхъ церковно-религіознаго смысла, въ томъ числѣ конечно прежде всего потребность нашего отечественнаго духовенства—знать современную жизнь церкви Христовой вообще, православной восточной въ частности и нашей отечественной въ особенности, и слѣдить за теченіемъ этой жизни во всей ея широтѣ и разнообразіи, притомъ въ соприквеновніи ея съ жизнью свѣтскаго общества. Въ программу его входятъ:

- 1) Передовыя статьи, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ разсужденія, представляющія научный богословскій матеріалъ въ общедоступной формѣ.
- 2) Статьи церковно-общественнаго характера, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явленій, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣлѣ редакція даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ читателей, которые соблаговолятъ высказаться по назрѣвающимъ вопросамъ мысли и жизни.
- 3) Мнѣнія и отзывы—отдѣлъ, въ которомъ излагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніемъ факты и явленія церковно-религіозной мысли и жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати.

- 4) Въ области церковно-приходской практики—отдѣлъ, въ которомъ редація даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики.
- 5) Обзорѣніе журналовъ духовныхъ и свѣтскихъ и всей вообще текущей литературы
- 6) Лѣтопись событій въ Россіи и за границей и пр. и пр.

Программа «ХРИСТИАНСКАГО ЧТЕНІЯ», вступающаго въ LXXV-ю годовщину своего существованія, столь же обширна, и рассчитана на удовлетвореніе потребностей тружениковъ науки, служителей церкви и простыхъ вѣрующихъ. Въ немъ помѣщаются оригинальныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ «Христіанскомъ Читеніи» будутъ попрежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завета.

Кромѣ того съ 1895 года редація приступаетъ къ изданію «Полнаго собранія твореній Св. Іоанна Златоуста» въ русскомъ переводѣ на льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній (болѣе 600 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ— за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Читенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ приобрести полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую бібліотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

- а) За оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—8 (восемь) руб. съ пересылкою.
- б) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.; за «Христіанское Читеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—10 р. 50 к.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—9 рублей.

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г.

СЪВЕРЪ

ЕЖЕДЕВѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

(VIII-й годъ изданія.)

Подписчики СЪВЕРА въ 1895 году получить:

- 52 №№ прекрасно иллюстрированнаго журвала въ 56—64 столбцовъ каждый, сброшюрованныхъ въ цвѣтную обложку, въ которыхъ, между прочимъ, будутъ помѣщены иллюстраціи русскихъ художниковъ къ произведеніямъ: А. Н. Майкова. «Двѣ сульбы», Д. В. Григоровича. «Петербургскіе шарманщики» и Лесерейный билетъ», такъ какъ этимъ произведеніемъ исполняется въ будущемъ году 50 лѣтъ со дня ихъ перваго появленія въ печати.
- 12 №№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ «Парижскихъ модъ» и рукодѣлій, составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.
- 12 отдѣльныхъ выкроекъ; изъ нихъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.
- 6 рисунковъ-чертежей для любителей выпилоски изъ дерева, кости и металла.
- 6 цвѣтныхъ узоровъ для вышиванія.
- 12 альбомныхъ страницъ автографовъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей, со времени княженія Іоанна Калиты по настоящій 1894 годъ: царей, царицъ, полководцевъ, патріарховъ, писателей, художниковъ и поэтовъ. Ежемѣсячныя приложенія.

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

- 1 гравюра-иллюстраціи къ русскимъ народнымъ сказкамъ. (Книжка въ форматѣ «Съвера»).
- 12 т. Ежемѣсячныхъ бесплатныхъ приложеній къ журналу:

„БИБЛИОТЕКА СЪВЕРА“:

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

Въ продажѣ сочиненія Державина имѣются только изданія Академіи Наукъ (Цѣна 27 р.)

гг. подписчики «Сѣвера» благоволят на пересылку таковых прилагать 60 к. почтовыми марками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ редакціи «Сѣверъ»: Екатерининская, № 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(6-й годъ изданія.)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1894 года въ «Русской Школѣ» помѣщены, между прочимъ слѣд. статьи: 1) Казнь Фортунки (очеркъ). Д. Мамина-Сибиряка; 2) Школьные типы 50-хъ годовъ. В. Михневича; 3) Какъ возникъ первый въ Россіи музей прикладныхъ знаній въ Петербургѣ. (Изъ моего дневника) Н. Весселя; 4) Педагогъ-идеалистъ 40-хъ годовъ. Д. Семенова; 5) Изъ дневника учительницы воскресной школы. К—ой; 6) Къ вопросу о продолжительности классныхъ уроковъ и паузъ между ними. Д-ра В. Гориневскаго; 7) О воскресномъ отдыхѣ въ средне учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Просв. Н. Зайкевича; 8) О физическомъ образованіи въ школѣ. Проф. П. Десгафта; 9) О назначеніи и обязанностяхъ школьнаго врача. Д-ра А. Вирениуса; 10) Развитие и разновидности дѣтскаго ума. П. Каутерева; 11) Объ уходѣ за психическимъ развитіемъ дѣтей Д-ра В. Якубовича; 12) Воспитаніе умственныхъ способностей (по Ножье). А. Вирениуса; 13) О необходимости поднять уровень эстетическаго образованія въ современной школѣ. Вл. Бѣлевича; 14) Воспитательное вліяніе семьи и школы. Д-ра М. Покровскаго; 15) Воспитаніе молодого поколѣнія въ духѣ трезвости и воздержанія. Е. Ковалевскаго; 16) О самообразованіи учителя. М. Демкова; 17) Богатѣйшія бібліотеки на земномъ шарѣ. А. Острогорскаго; 18) Медицинское образованіе и классицизмъ во Франціи. Его-же. 19) Профессиональное образованіе въ Швейцаріи. Д-ра В. Святловскаго; 20) Школьное дѣло и женскій трудъ на выставкѣ въ Чикаго. Его-же; 21) Высшее сельско-хозяйственное образованіе. В. Бирюковича; 22) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ. Его-же; 23) Обязательный, минимумъ образованія. М. Песковскаго; 24) Воскресныя школы и повторительные курсы. В. Вахтерова; 25) По поводу педагогическихъ курсовъ. Н. Ларионова; 26) О необходимости однообразной отчетности по воскреснымъ школамъ. Я. Абрамова; 27) Сѣзды народныхъ учителей, какъ общественно-педагогическая мѣра. А. Тютрюмова; 28) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній за 1893 г. И. Бѣлокон-

скаго; 29) Предметные уроки въ начальной школѣ. П. Р.; 30) Чему и какъ учить на урокахъ ариметики. С. Шохоръ-Троцкого; 31) О наглядности при начальномъ обученіи. С. Бобровскаго; 32) Черченіе и рисованіе въ народныхъ училищахъ. В. Ч.; 33) Къ вопросу о прямомъ почеркѣ М. Евсѣева.

Кромѣ вышеозначенныхъ и многихъ другихъ статей, въ вышедшихъ книжкахъ журнала «Русская Школа» за 1894 г. помѣщено около ста рецензій, а также печатались ежемѣсячная хроника народнаго образованія Я. Абрамова, отчеты о засѣданіяхъ Московскаго и Петербургскаго Комитетовъ грамотности и т. и.

Подписка на «Русскую Школу» принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, д. 1—43) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени» и Карбасникова. Подписная цѣна за годъ—въ Петербургѣ безъ доставки шесть руб.; для иногородныхъ съ пересылкою—семь руб.; за границу—девять рублей. Учителя-же сельскихъ начальныхъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль.

Въ главной конторѣ редакціи выѣтся еще небольшое число экземпляровъ за 1891, 1892 и 1893 годъ по вышеозначенной цѣнѣ. За всѣ эти годы журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народн. Просв. для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

АРТИСТЪ

(годъ 7-й).

ЖУРНАЛЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году «Артистъ» будетъ по прежнему выходить
ежемѣсячно по той-же программѣ

Въ 1895 году въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ искусствамъ (живопись, архитектура, скульптура, музыка и театр), романы, повѣсти и рассказы, преимущественно оригинальные, монографіи о русскихъ писателяхъ, композиторахъ и художникахъ (со снимками съ ихъ произведеній), критическія статьи, статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и письма писателей художниковъ и артистовъ, періодическіе обзоры литературной и художественной жизни всей Европы, драматическія произведенія, преимущественно современнаго репертуара, музыкальныя произведенія, корреспонденціи, хрони-

ка, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные офортомъ, гелио-гравюромъ, фототипіей, фототипіей въ краскахъ, фототипіей на мѣди, автотипіей, и хромографіей.

Въ 1895 году въ беллетристическомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны романы и повѣсти гг. А. П. Чехова. Г. А. Мачтета. П. П. Глѣбича. И. Н. Потапенко, Вас. И. и Влад. И. Немровичъ-Данченко, М. Н. Альбова, А. Лугового, Е. П. Гославского, И. Л. Щеглова-Леонтьева, В. М. Михеева, А. А. Вербицкой, Н. А. д'Ессаръ, А. М. Васнецова и друг.

Въ журналѣ попрежнему будутъ принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Вл. А. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Арендсъ, К. Д. Вальмонтъ, Н. В. Баснинъ, Ю. Безродная, В. А. Беклемишевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, К. М. Выковский, В. М. и А. М. Васнецовы, П. П. Веймаръ, В. Л. Величко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Виліе, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ф. Гельцеръ, А. К. Глазуновъ, П. П. Глѣбичъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гунстъ, М. А. Давыдовъ, В. П. Далматовъ, М. М. Далькевичъ, Н. В. Досѣкинъ, Л. М. Жемчужниковъ, В. В. Жуковский, проф. Д. Н. Зерновъ, И. И. Ивановъ, М. М. Ипполитовъ Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Киселевъ, Г. Колюсъ, В. Г. Короленко, Н. А. Касаткинъ, К. А. Коровинъ, М. П. Клодтъ, Н. Р. Бочетовъ, С. Н. Кругликовъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Ц. А. Кюн, Л. Ф. Лагоріо, К. В. Лемохъ, К. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, проф. П. А. Линиченко, А. А. Луговой, В. Е. и К. Е. Маковский, В. М. Максимовъ, Д. Н. Маминъ, (Сибирякъ), Э. Э. Матернъ, В. В. Матэ, Г. А. Мачтеть, Д. С. Мережковский, В. М. Михеевъ, проф. Милуковъ, Г. Г. Мясоедовъ, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, П. А. Нилусъ, Е. С. Некрасовъ, Вл. И. Немровичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплетчиковъ, В. В. Подкольскій, В. Д. Полѣновъ, И. К. Потапенко, В. И. Ребиковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. А. Рипцови, И. Е. Рѣпинъ, Г. С. Рыбаковъ, К. А. Саницкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ, В. В. Стасовъ, А. И. Сомовъ, С. С. Соломко, А. С. Степановъ, В. Я. Суреньянецъ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Сѣрова, Н. И. Тимковский, С. Н. Филипповъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, М. И. Чайковский, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Чехихинъ, В. А. Чечотъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И. Шишкинъ, И. В. Шважисскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Фодотовы и др.

Подписная цѣна остается прежняя: безъ доставки въ Москвѣ 10 р., на полгода 6 р., съ пересылкой и доставкой 12 р., на полгода, 7 р.; съ пересылкой за границу на годъ 14 р., на полгода 8 р.

Допускается разсрочка: При под- **1** р. до уплаты полной подписной цѣны 2 р. и ежемѣсячно не менѣе **1** сумми.

Редакція и главная контора: Москва у Арбатскихъ воротъ, д. Шмитъ.

Отдѣл. конторы: Петровскія линіи № 15—16, магазинъ бывш. П. Б. Пранишниковъ.

Телефонъ редакціи № 890, Главной конторы № 1490.

1—3

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1895.

НА БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ЖИВОПИСНОЕ

Годъ изданія 60-й. **ОБОЗРѢНІЕ** Годъ изданія 60-й.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1895 ГОДА ВЫДАСТЪ:

52 иллюстрированныхъ номера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ писателей. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 3—4-хъ листовъ большаго формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ 7—10 рисунками и копіями съ картинъ выдающихся художниковъ.

Кромѣ того годовые подписчики получаютъ безплатно

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ ПРИЛОЖЕНІЙ.

12 книгъ избранныхъ произведеній всемірной литературы. Романы, повѣсти, и рассказы: Додэ, Дяккенса, Брейдъ-Гарда, Золя, Кеплинга, Мопассана, Свифта, Сервантеса, Сенкевича и др. Каждая книжка выходитъ отъ 15 до 20 листовъ и заключаетъ цѣлое произведеніе одного изъ упомянутыхъ авторовъ съ биографіей и портретомъ.

40 номеровъ — «Новые романы и повѣсти современныхъ писателей» съ иллюстраціями извѣстныхъ художниковъ, по образцу дорогихъ заграничныхъ изданій.

24 номера «Новѣйшихъ Модъ» извѣстнѣйшихъ парижскихъ модныхъ мастерскихъ. Выходятъ два раза въ мѣсяць.

40 номеровъ игръ, задачъ и ребусовъ. Физическіе и химическіе опыты, образцы работъ (съ чертежами и рисунками).

15 номеровъ «Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій» (вышивки для бѣлья, платьевъ и костюмовъ), изъ коихъ нѣкоторыя отпечатаны въ нѣсколько красокъ.

12 выкроекъ въ натуральную величину съ костюмовъ, обращающихъ вниманіе своею практичностью и изяществомъ).

12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ извѣстныхъ композиторовъ для фортепіано и пѣнія (салонныя пьесы, романсы и танцы).

4 нумера «образцовъ для вышиванія» разныхъ изящныхъ предметовъ полезныхъ въ хозяйствѣ.

1 стѣнной календарь (съ картой Россіи), отпечатанный въ нѣсколько красокъ и золотомъ. Разсылается при первомъ номерѣ.

ПЯТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ:

I) „Необходимая настольная книга для всѣхъ“.

Эта новая оригинальная и весьма цѣнная премія состоитъ изъ большого фоліанта въ 40 листовъ (640 страницъ), въ изящномъ переплетѣ, содержащаго всегда, вездѣ и всѣмъ нужныя свѣдѣнія въ особенности провинціальныхъ жителей.

ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЫ:

- 1) «Возвращеніе изъ гостей» (Оригиналы ресованы извѣстнымъ художникомъ Н. Каразинымъ.
- 2) «Сокольничій на охотѣ» (дожинкомъ Н. Каразинымъ.
- 3) «Намъ началась живопись», Н. С. Матвѣева.
- 4) «Нападеніе волковъ», Н. Оболенского.

Кромѣ пяти бесплатныхъ премій, годовые подписчики могутъ получить одновременно, при подпискѣ чрезъ главную контору, новую большую акварельную картину (длина: 22½ вершка, вышина 16 вершковъ), воспроизведенную въ 23 краски, съ оригинала извѣстнаго художника С. Верещагина.

„ЖЕРТВА ВОЛГИ“

(Картина изображаетъ извѣстный эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина).

Годовые подписчики, желающіе получить эту картину или другіе за прежніе годы, уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкой на скалкѣ) —

ОДИНЪ РУБЛЬ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Е. И. В. Гос. Им. Александръ III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Теодоровна, 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадскій). Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ, 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой. 11) Композиторы: Глинка и Чайковскій. Цѣна бюста, на выборъ, для подписчиковъ Четыре рубля, а для неподписчиковъ Пять руб. (безъ доставки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

На годъ (съ доставкою въ Слб. и по Имперіи) — 8 р. на полгода — 4 р. 50 к.

Безъ доставки на годъ: въ Слб. 7 руб. — Въ Москвѣ: — 7 р. 50 к.

Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ (въ столицахъ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ г. казначеевъ или управляющихъ.

Съ подпиской просить обращаться исключительно въ Главную Контору журнала: С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію —
б^ез^платно. 1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

НА 1895 ГОДЪ

(тридцать шестой).

Журналъ „Труды Киевской дух. Академіи“ выходитъ по прежде утвержденной программѣ — ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу — 8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезнаменательнымъ и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Иеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ 2/20 февр. 1884 г., подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

ТРУДЫ АКАДЕМІИ за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 гг. по 9 р.; за 1885—1894 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги:

«Воскресное Чтеніе» за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за 18^{77/78} г. (т. I), 18^{81/82} (V), 18^{87/88} (XI), 18^{88/89} (XII), 18^{89/90} (XV), 18^{92/93} (XVII), 18^{94/95} (XVIII), 18^{95/96} (XIX), 18^{96/97} (XX), 18^{97/98} (XXI), 18^{99/01} (XXIV), 18^{01/02} (XXV), 18^{02/03} (XXVII), 18^{04/05} (XXVIII), 18^{05/06} (XXIX), 18^{06/07} (XXX), 18^{07/08} (XXXI), 18^{08/09} (XXXII), 18^{09/10} (XXXIII), 18^{10/11} (XXXIV); за 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 гг. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

Книга для народных школ. Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія». (Одобрена Ученымъ Комитетомъ). Цѣна 30 к. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи». (Сказанія о постыженіи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. И. И. Малышевскаго. Владимиръ св., какъ политическій дѣятель. В. З. Завитневича. Древнія изображенія св. Владимира. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владимира на югѣ Россіи и въ частности въ Києвѣ. Его-же. Слово, сказанное 1888 г. В. Θ. Пѣвницкаго.) Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Києвѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія м. кiev. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его-же. (634, 8-0). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей Церкви западныхъ: а) св. Кипріяна карфагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Иеронима стридонскаго, ч. 1—12 и в) бл. Августина гипонійскаго, ч. 1—7.—Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Иеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 гг.). Изданіе 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—въ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для выѣкласснаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ). Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.; т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й, изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и значеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Θ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е исправленное и дополненное. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В. Θ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—къ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Києвѣ.

Редакторъ проф. В. Пѣвницкій.

4 ^{за годъ} БОЛЬШАЯ ^{три руб.} ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА. 1 Р.

Второе изданіе «Биржевыхъ Вѣдомостей» — безусловно независимый и самостоятельный органъ печати со строгой выдержанностью направленія, стойкостью и послѣдовательностью взглядовъ. Свободная отъ мѣстныхъ вліяній эта газета является наиболѣе полнымъ,

ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦІИ.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, телеграммъ, корреспонденціи, и пр., — по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отъзываютъ подобнымъ-же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Съ цѣлью еще большаго расширенія всѣхъ ежедневныхъ отдѣловъ, съ ноября форматъ

ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ УВЕЛИЧЕНЪ до теперешняго его большого объема, причѣмъ цѣлый рядъ

Извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей, произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ, вошли въ составъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Сгруппировавъ около нашего изданія лучшія силы отечественной литературы, редакція увеличиваетъ съ декабря с. г.

ВОСКРЕСНЫЙ НОМЕРЪ

газеты до разиѣра десяти страницъ, изъ коихъ восемь (печатаемая на бѣлой глазированной бумагѣ) будутъ всецѣло посвящены

беллетристичѣскимъ, художественной научной и литературной критикѣ, бесѣдамъ, касающимся дома и семьи.

Въ концѣ года будетъ данъ особый заглавный листъ съ перечнемъ помѣщеннаго въ воскресныхъ номерахъ газеты литературнаго матеріала.

КАЖДЫЙ ПОДПИСЧИКЪ

второго изданія «Биржевыхъ Вѣдомостей» получаетъ, такимъ образомъ, за нѣсколько лѣтъ, безъ всякой добавочной платы

цѣнную бібліотеку новѣйшей русской беллетристики.

Въ теченіе наступающаго года появятся на столбахъ нашей газеты

СПЕЦИАЛЬНО НАПИСАННЫЯ для «Биржевыхъ Вѣдомостей» **новѣйшія русскія**

беллетристическія произведенія

свѣдующихъ, хорошо извѣстныхъ русской читающей публикѣ, художниковъ слова:

Н. П. Аксаковъ, М. Н. Альбовъ, Сергѣй Атава (С. Н. Терпигоревъ), Б. С. Баранцевичъ, проф. Н. П. Вагнеръ (Коть Мурлыка), П. П. Гявдичъ, Н. Н. Каравинъ, А. В. Кругловъ, Д. А. Линевъ, Н. С. Лѣсковъ, А. А. Луговой, К. В. Лукашевичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, Н. А. Соловьевъ, Г. Г. Ясинскій, (Максимъ Бѣлинскій).

ЕЖЕМѢСЯЧНО

при газетѣ выпускается, какъ **БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ**, поочередно одинъ изъ

ТРЕХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

- 1) «Земледѣльческій Листокъ»,
- 2) «Фабрично-Промышленный Вѣстникъ»,
- 3) «Страховой Сборникъ»,

Желющимъ ознакомиться съ содержаниемъ 2-го изданія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» высылаемъ за 14 коп. (почтовой марки) номера за одну недѣлю включительно съ пробнымъ воскреснымъ номеромъ.

— Новые годовые подписчики (безъ расрочки) внесшія до 15 декабря деньги непосредственно въ главную контору «Биржевыхъ Вѣдомостей» въ С.-Петербургѣ, получать газету бесплатно въ декабрѣ 1894 г. —

**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
«БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ»**

СО ВСѢМИ

приложеніями и съ пересылкой въ Россіи:

На годъ 4 руб. на 3 мѣсяца 1 р.
» полгода 2 » » 1 » 35 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

С.Петербургъ, Невскій, пр, 28.

1—3

1812. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1895.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Годъ изданія 83-й. — (безъ предварительной цензуры) — Годъ изданія 83 й.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШАГО ФОРМАТА

съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями,

Рядъ реформъ и постепенныхъ улучшеній въ газетѣ «Сынъ Отечества», произведенныхъ съ переходомъ ея къ вышнему издателю и при новомъ составѣ редакціи, съ сохраненіемъ прежней ея скромной подписной цѣны, способствовали тому, что газета, въ настоящее время, даетъ своимъ читателямъ въ ежедневныхъ номерахъ всегда своевременно руководящія политическія, научныя, экономическія и др. статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ общественною жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, а также телеграммы, корреспонденція со всѣхъ мѣстъ Россіи, биржевыя свѣдѣнія, судебныя отчеты, литературныя, театральныя и музыкальныя новости, рецензіи, спортъ и проч. одновременно съ другими дорожными столичными изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества», въ обновленномъ видѣ, вполне замѣняетъ собою

● ДОРОГОЕ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ. ●

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, подписчики получаютъ:

1) Портретъ Ея Императорскаго Величества Государя Императора **НИКОЛАЯ II.**

Воспроизведенный въ 27 красокъ съ портрета, писаннаго известнымъ художникомъ В. И. Думитрашко.

- 2) 52 номера воскресныхъ приложенийъ, печатаемыхъ на велевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала: гдѣ помѣщаются: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.
- 3) сорокъ номеровъ: «романы и повѣсти» (русскихъ и иностранныхъ писателей), что составитъ въ теченіе года нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.
- 4) двѣнадцать номеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняютъ «модный журналъ».
- 5) стѣнной календарь (съ картою Россіи). Разсылаются при первомъ номерѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ доставкою по Имперіи):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р. 50 к.—На три мѣсяца 2 р. 50 к.

Новость для читателей: Съ 1 января 1893 г. при газетѣ «Сынъ Отечества», будетъ выходить новое ежемѣсячное изданіе, въ видѣ большого литературнаго журнала:

„ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“ (12 БОЛЬШИХЪ КНИГЪ)

гдѣ будутъ печататься новыя романы и повѣсти (русскихъ и иностранныхъ писателей). Книжки будутъ выходить ежемѣсячно, въ форматѣ «Вѣстника Европы», отъ 20 до 25 листовъ, что составитъ въ годъ до 4,000 страницъ интереснаго чтенія.

4 Р. Подписная цѣна на «ДОМАШНЮЮ БИБЛИОТЕКУ» (съ доставкою): **4 Р.**
(На годъ (за 12 большихъ книгъ)—4 р. На полгода (за 6 книгъ)—2 р. 50 к.)

Гг. годовые подписчики могутъ получить при подпискѣ новыя художественныя изданія: 1) «ЖЕРТВА ВОЛГИ» (историческій эпизодъ изъ жизни Стевкы Разина) Воспроизведена въ 23 краски съ картины извѣстнаго художника С. Верещагина. Размѣръ картины: длина 23¹/₂ вершка, вышина 16 вершковъ). 2) «Бурлаки на Волгѣ», профес. И. Рѣпина, а также другія картины за прежніе годы, уплачивая за каждый экземпляръ картины (съ пересылкою на скалкѣ)—одинъ рубль.

Съ подпискою просятъ обращаться исключительно въ главную контору:
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

1—3

МОСКОВСКІЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

Открыта подписка на 1895 годъ.

Съ Января мѣсяца 1894 года выходятъ въ Москвѣ ежемѣсячный библиографическій журналъ, органъ Московскаго Библиографическаго Кружка, подъ названіемъ:

„КНИГОВѢДѢНІЕ“.

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, ноты, рисунки, фотографіи и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложениями.

Программа журнала, утвержденная Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 3 іюля, слѣдующая:

1. **Лѣтопись.** 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библиографіи вообще.

2. **Хроника** 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библиографіи; 3) библиотековѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библиографическаго Кружка.

3. **Объявленія на всѣхъ языкахъ.**

4. **Приложенія.**

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8° (19×26°), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовую взносъ, — бесплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленовой бумагѣ: для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За 1 страницу для членовъ Кружка	4 р.
„ „ „ „ подисчиковъ на журналъ	6 р.
„ „ „ „ всѣхъ остальныхъ	10 р.
„ „ „ въ годъ для членовъ и подисчиковъ	35 р.
„ „ „ „ „ всѣхъ остальныхъ	50 р.

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ страницы, стоятъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библиографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., домъ Ланиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ *А. Д. Тороповъ.*

1—3

Вышла одиннадцатая (Ноябрьская) Книга
ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ИЗДАНІЯ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ: Высочайшіе манифесты. Кончина Императора Александра Ш.
1. Французъ и помѣщикъ Баклажановъ. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній сосѣда).
И. А. Салова. — 2. Стихотвореніе Л. И. Трефолева. — 3. Смертный бой. (По-

вѣсть). Окончаніе. И. Н. Потапенка. 4. Люди братья. (Рассказъ). З. Н. Гиппюсъ.—5. Семья Полавецкихъ. Романъ Гевриха Сенкевича. Пер. съ польскаго В. М. Л. Продолженіе. 6. Маленькій приходъ. Романъ Альфонса Додэ. Пер. съ французскаго М. Н. Р.—7. Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій. П. Н. Миллюкова.—8. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ шестидесятыхъ годахъ. Продолженіе. В. И. Семевского.—9. Бъ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти. Профес. А. С. Алексѣева.—10. Школьно-фабричныя нужды Россіи. Окончаніе. А. В. Погожева.—11. Что такое новый романъ г. Боборыкина. (Критическій этюдъ) Л. О.—12. Забѣтки о современномъ Египтѣ. (Августъ 1894 г.). М. И. Венюкова.—13. Лечение кровяною сывороткой. (Саротерапія).—14. О расѣ въ антропологіи. Статья Топинара.—15. Витализмъ и наука. К. А. Тимирязева.—16. Очерки провинціальной жизни И. И. Иванюкова.—17. Иностранное обозрѣніе.—18. Внутреннее обозрѣніе.—19. Библиографическій отдѣлъ. Объявленія.

Принимается подписка на 1895 годъ. (16-й годъ изданія).

Цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи. На годъ 12 р. на 9 мѣсяцевъ 9 р., на 6 мѣсяцевъ 6 р., на 3 мѣсяца 3 р., на 1 мѣсяць 1 р., За границу на годъ 14 р., на 9 мѣсяцевъ 10 р. 50 к., на 6 мѣсяцевъ 7 р., на 3 мѣсяца 3 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 юля и 1 окт. по 3 руб. Книжпродавцамъ дѣлается уступка 50 коп. съ годовою экземпляр. Кредита и разсрочекъ не допускается.

Принимается подписка: въ Москвѣ—въ конторѣ журнала, уголъ Леонтьевского пер. и Б.-Никитинской ул., №№ 2—24. Въ С.-Петербургѣ—въ отдѣленіи конторы—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Ко, Невскій проспектъ, домъ Армянской церкви. Въ Кіевѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Л. Издиковскаго.

При редакціи открытъ магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ съ пріемомъ подписки на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги.

Редакторъ издатель *В. М. Леонюсъ.*

1—1

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія

„С.-Петербургскаго Комитета Грамотности“.

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны только что вышедшія изданія.

№ 3. Приключенія Робинзона Крузе. Составлено А. Н. Яхонтовымъ. 4-е изд. . . . . 15 к

№ 5. Крутиновъ. Разсказъ А. Г. Коваленской. 5-е изд.	7 >
№ 6. Батрачна. Повѣсть Т. Г. Шевченко. 2-е изд.	3 >
№ 8 Злодѣй и Петька. Повѣсть А. Ѳ. Погосского. 4-е изд.	8 >
№ 11. Вылины и стихотворенія. Графа А. К. Толстого. 2-е изд.	10 >
№ 16. Разсказы о Севастопольск. оборонѣ. Гр. Л. Н. Толстого 2-е изд.	18 >
№ 25. Судъ людской и Божій. Два разск. А. Ѳ. Погосского и Г. Полисадова	10 >
№ 26. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Разсказъ Графа Л. Н. Толстого.	5 >
№ 27. Два старика. Разсказъ Графа Л. Н. Толстого	6 >
№ 28. Полтава. Поэма А. С. Пушкина	10 >
№ 29. Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ. Подъ ред. проф. Ор. Ѳ. Миллера и И. А. Шляпкина 2-е изд.	6 <
№ 31. Соловки. Очерки В. И. Немировичъ-Данченко. 2-е изд.	6 >
№ 32. Невольный убійца. Разсказъ В. Г. Короленко. 2-е изд.	10 >
№ 33. Царь Алексѣй съ соколомъ. Разсказъ Г. П. Данилевскаго	5 >
№ 34. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича. Его-же	
№ 35. Басни Хемпцера, Дмитриева, Измайлова и Крылова	9 >
№ 36. Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова	25 >
№ 37. Голодовка и зимовка на новой землѣ. Разсказъ С. В. Максимова	10 >
№ 39. Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Н. А. Рубакина.	30 >
№ 40. Зимовье на Студеной. Разсказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка.	3 >
№ 41. Въ ночь подъ Свѣтлѣй' праздникъ и старшій звонарь. Разсказы В. Г. Короленко.	3 >
№ 42. Между матросами. Разсказъ К. М. Станюковича.	5 >
№ 43. Двѣ елки. Разсказъ К. М. Станюковича	3 >
№ 44. Безоброчный. Повѣсть Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ)	8 >
№ 45. Шестеро. Разсказъ И. Н. Потапенко (безъ картинокъ).	5 >
№ 46. Трусъ. Разсказъ В. М. Гаршина.	3 >
№ 47. Аяснарское дѣло. Разсказъ В. М. Гаршина.	3 >
№ 48.	
№ 49. То, чего не бывало, и Лягушка путешественница. Сказки В. М. Гаршина	3 >
№ 50. Гордая пальма и Сказаніе о гордомъ Аггеѣ. Его-же.	3 >
№ 51. Басни И. А. Крылова. (съ біографіей)	I вып. 10 >
№ 52. Басни И. А. Крылова.	II вып. 8 >
№ 53. Басни И. А. Крылова.	III вып. 8 >
№ 54. Басни И. А. Крылова.	IV вып. 8 >

Басни И. А. Крылова изданы по случаю 50 лѣтїа со дня его смерти. Иллюстрированы множествомъ рисунковъ извѣстныхъ художниковъ.

Сверхъ того, находятся въ продажѣ слѣдующія изданія комитета:

- 1) Сборникъ конкурсныхъ программъ и докладовъ о трудахъ на пользу народнаго образованія, увѣчаныхъ преміями Комитета Грамотности . . . . . 50 »
- 2) Узаконенія о бесплатныхъ народныхъ бібліотекахъ (читальняхъ) 2-е изданіе . . . . . 10 »
- Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. 1—1

НАСТОЛЬНЫЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Изд. съ 44-ю выт. Т-ва А. Гранатъ и К^о, бывш. Т-ва А. Гарбель и К^о.

Изданіе имѣетъ цѣлю въ общедоступномъ и сжатомъ изложеніи дать точныя и достаточно полныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и болѣе важнымъ явленіямъ жизни и тѣмъ содѣйствовать разностороннему гармоническому развитію.

Въ изданіи принимаютъ участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. Ю. С. Гамбаровъ, М. Я. Герценштейнъ, прив.-доц. Г. М. Герценштейнъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, пр.-доц. А. Г. Гусаковъ, Діонео, маг. А. И. Каминка, Я. Н. Колубовскій, проф. В. Ф. Левитскій, прив.-доц. И. Л. Лось, проф. И. В. Лучицкій, проф. И. Н. Миклашевскій, пр.-доц. П. Н. Милуковъ, С. А. Муромцевъ, проф. В. А. Мякотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, В. П. Острогорскій, М. Л. Песковскій, проф. Э. Ю. Петри, проф. Э. Л. Радловъ, М. Н. Ремезовъ, прив.-доц. А. Р. Свищевскій, А. П. Суботинъ, проф. А. С. Тауберъ, проф. Н. А. Умовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. А. И. Чупровъ и др.

Все изданіе составитъ всего 8 томовъ (108—115 выпусковъ). Вышло 94 выпуска (составляющихъ 6 томовъ и 7 вып. 7-го тома) до слова Саліась; въ нихъ помѣщены 64,618 статей въ замѣтокъ, 1,311 портретовъ и рисунковъ, 18 географическихъ картъ, хромо- и олеографіи, таблицы рисунковъ, 2 серіи «Снимковъ картинъ классическихъ художниковъ».

Цѣна тому (14 вып.) на обыкновенной бумагѣ 4 р. 20 к., на лучш. бум. 5 р. 50 к., тому въ перепл. 4 р. 50 к. и 6 р. За пересылку приплачивается 10% цѣны. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена. Допускается Разсрочка на слѣд. условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб.; послѣ чего высылаются первые 6 том. съ наложеннымъ платежомъ въ 5 р.; остальные деньги выплачиваются трехмѣсячными взосами по 5 руб.

Подробные проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію бесплатно.

Главная контора: Москва, Долгоруковскій, 8.

Годъ тридцать третій (XXXIII).

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 годъ.**

*Русскій Архивъ въ 1895 году будетъ издаваться по прежнему
ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ.*

Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1894 годъ были напечатаны, между прочимъ: Клушинская битва Д. И. Иловайскаго, памятные записи XV вѣка Арх. Леонида, новооткрытыя челобитныя Патріарху Пикову, бумаги относящіяся къ Булавинскому бунту, мученическая кончина иеромонаха Константина, взятіе Берлина русскими войсками (1760), семейныя бумаги А. Н. Корсакова, указы Павла Перваго, переписка гр. П. С. Потемкина съ гр. Самойловымъ, бумаги А. Г. Тройницкаго, записки Н. Н. Муравьева-Барскаго (1828—1835), письма братьевъ Кирѣевскихъ изъ за границы, исторіи Евреевъ въ Россіи М. Ѳ. Шугурова, памятные тетради С. М. Сухотина, письма и бумаги Пальмера, письма м. Иннокентія, м. Филарета, Иннокентія Борисова, зр. Антонія, арх. Гурія, митр. Леонтія, Платона, Исидора, біографія И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, статьи К. П. Побѣдоносцева, гр. М. В. Толстого, Д. М. Иловайскаго, академика Л. Н. Майкова, И. У. Цолишесстова, А. А. Чумикова, Л. М. Савелова, Д. Ѳ. Змѣева, проф. И. В. Помяловскаго, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго и др., стихотворенія С. А. Соболевскаго, графа В. А. Соллогуба, С. П. Шеныврева, Ѳ. М. Дмитріева. Приложены портреты И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, М. Н. Аксаковой, Рейтерна. Предметная Роспись содержанію «Русскаго Архива» за первыя тридцать лѣтъ (1863—1892).

* * *

Въ 1895 году будутъ напечатаны новыя показанія объ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и ея царствованіи изъ Французскаго государственнаго архива, письма и бумаги Екатерины Великой, письма и рескрипты Александра Благословеннаго, Записки сенатора К. Н. Лебедева, новыя выдержки изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Барскаго, Записки академика Ступина, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго, бумаги Ф. Ф. Вигеля, судебные процессы изъ бумагъ сенатора К. Н. Лебедева, переписка Петербургскаго митрополита Гавріила, письма Пальмера, бумаги В. А. Жуковскаго и пр.

Подписка на «Русскій Архивъ» принимается.

1) въ *Москвѣ*, въ конторѣ «Русскаго Архива» близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175.

2) въ *Петербурѣ*, въ нижнемъ магазинѣ «Новаго Времени».

3) въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Саратовѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкою—*десять* рублей. Для чужихъ краевъ—*дванадцать* рублей.

Подписчикамъ на 1895 годъ предоставляется приобрѣтать по уменьшенной цѣнѣ первые 26 томовъ „Архива Князя Воронцова“, содержаніе которыхъ помѣщено на обложкѣ XI выпуска „Русскаго Архива“ 1894 г

Петръ Бартеневъ.

Юрій Бартеневъ.

Новый отечественный курортъ. (По р. Днѣстру. — Историческое «Побережье» Подолія. — Мѣстечко Каменко). в) Родословная Князей Святополкъ на Четвертѣ Четвертинскихъ і) Старинные. документы на владѣніе землями г. Кіева, доставленные кіевскимъ городскимъ землебрѣмъ И. Д. Таировымъ и напечатанные по резолюціи, положенной 20 іюля 1894 г. кіевскимъ городскимъ головою д. с. с. С. М. Сольскимъ. В. Щербинны. к) Обзорѣніе журналовъ за 1894 г. . . . . 498—115

XI. ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (17—32).

ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . . 1—42

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемая критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1894 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1895 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 н. Разрочка допускается, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно, по полученіи слѣдующей книжки, присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892 и 1893 по 8 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—92 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. П. Наушенко.

RETURN TO **CIRCULATION DEPARTMENT**
202 Main Library

LOAN PERIOD 1 HOME USE	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
 1-month loans may be renewed by calling 642-3405
 6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
 Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

NO 22 1982 <i>Renewed by Thnd 11/19/82 TCC Dec 22, 82 JPM #03</i>		
rec'd circ. FEB 19 1983		
APR 12 1985 REC CIR MAR 12 1985		
LIBRARY USE DEC 6 '88		

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 FORM NO. DD6, 60m, 3/80 BERKELEY, CA 94720

LD21-A-40m-5,'74
 (R8191L)

General Library
 University of California
 Berkeley

YD 07267

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

8000759917

778483

DK1

155

v. 49

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

